

В.А. May

С О Ч И Н Е Н И Я

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

В.А. Мау

С О Ч И Н Е Н И Я
в ш е с т и т о м а х

Том 5

Экономическая история
и экономическая политика
Статьи

Москва
Издательский дом «Дело»
2013

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

В.А. Мау

С О Ч И Н Е Н И Я

Том 5

Книга 1

Москва
Издательский дом «Дело»
2013

УДК 338 (470) (08)
ББК 65.9 (2Рос) я44
М12

Научный редактор

канд. филос. наук Антонова Е. В.

Май В. А.

М12 Сочинения в 6 т. / В. А. Май. — М.: Издательский дом «Дело»
РАНХиГС, 2013.

ISBN 978-5-7749-0585-0

Т. 5 : Экономическая история и экономическая политика. Статьи.
Книга 1. — 840 с.

ISBN 978-5-7749-0819-6 (Т. 5. Кн. 1)

ISBN 978-5-7749-0590-4 (Т. 5)

В первой книге пятого тома представлены статьи по различным аспектам экономической истории и экономической политики, ставшие результатом тридцати лет исследований, выполнявшихся автором в Институте экономики АН СССР, Институте экономической политики, Рабочем центре экономических реформ при Правительстве РФ и в Академии народного хозяйства при Правительстве РФ. Статьи сгруппированы по тематическим разделам: история советской экономики, ее становление, попытки реформирования и кризисы; теория революционной трансформации; анализ отдельных аспектов социально-экономического развития России в условиях радикальных посткоммунистических преобразований.

УДК 338 (470) (08)
ББК 65.9 (2Рос) я44

ISBN 978-5-7749-0819-6 (Т. 5. Кн. 1)
ISBN 978-5-7749-0590-4 (Т. 5)
ISBN 978-5-7749-0585-0

© Май В. А., 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	8
--------------------------	----------

Раздел I. Советская экономика:

становление и развитие	11
-------------------------------------	-----------

Экономика. Исторический очерк	13
-------------------------------------	----

Противоречия социалистической доктрины (исторический очерк)	35
--	----

Марксово учение о плановости и вопросы непрерывности планирования в работах Г.М. Кржижановского и В.В. Куйбышева	67
--	----

На полпути к «военному коммунизму»	80
--	----

Нэп в контексте российской революции	98
--	----

Нэп и планирование	116
--------------------------	-----

Первые залпы на плановом фронте: Госплан и Наркомфин в 1922–1925 годах	133
---	-----

У истоков товарного дефицита	149
------------------------------------	-----

Бюрократизм и плановое хозяйство: исследования первого послереволюционного десятилетия	165
---	-----

В.А. Базаров	186
--------------------	-----

Концепции народнохозяйственного планирования	194
--	-----

Вопросы плановости социалистической экономики в экономической литературе (1936–1954 годы)	211
--	-----

Трактовка содержания закона планомерного развития народного хозяйства в советской экономической литературе (1950-е — начало 1960-х годов)	225
---	-----

Вопросы улучшения хозяйственного механизма	237
Новые методы хозяйствования и совершенствования планирования	254
Механизм планового хозяйствования: тенденции развития и совершенствования	266
Отчуждение и хозяйственный механизм	277
Плановый фетишизм: необходима политико-экономическая оценка	289
Реализация социалистической собственности в новом типе экономического централизма	300
Механизм торможения в политической экономике социализма	325
Экономика застоя: путь в никуда	340
История советской экономической науки: подведение итогов	346
Раздел II. Экономические проблемы революций	369
Перестройка как революция: опыт прошлого и попытка прогноза	371
Революция и экономическая политика	389
Перестройка: теоретические и политические проблемы экономических реформ	425
Экономические закономерности революционного процесса	467
Экономика и революция: уроки истории	495
Посткоммунистическая Россия: специфика революционных преобразований	500
Современная российская трансформация сквозь призму экономической истории революций	533
Раздел III. Посткоммунистическая трансформация ..	553
Современная политическая ситуация и перспективы российских реформ	555
Накануне: политико-экономическая ситуация в России в преддверии парламентских выборов	576
Альтернативы экономической политики и проблемы инфляции	587
Экономика и выборы: опыт количественного анализа	611

Пятилетие посткоммунистического развития России: логика экономико-политических трансформаций	637
Российские реформы сквозь призму латиноамериканского опыта	666
Политическая природа и уроки финансового кризиса	693
Российские экономические реформы глазами западных критиков	717
Российские экономические реформы: историко- экономический контекст и современные вызовы	765
Помощь постсоциалистическим странам: факторы эффективности	795
Именной указатель	818
Contents	831
Summary	834

Предисловие

Настоящий том предлагает вниманию читателя статьи по различным аспектам экономической истории и экономической политики. Это результат тридцати лет исследований, выполнявшихся преимущественно в Институте экономики АН СССР (1981–1990 годы) и в Институте экономической политики, который носит ныне имя Е.Т. Гайдара (в 1993–2009 годах назывался Институт экономики переходного периода), а также в Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации.

Разумеется, на ход и результаты исследований большое влияние оказала работа автора в Правительстве Российской Федерации — как в Аппарате Правительства, так и в Рабочем центре экономических реформ. Вовлеченность в практику экономических реформ и революций, при всей сложности этой работы, является несомненным подарком для экономиста. Особенно ценен этот опыт для исследователя экономической истории. При всей неоднозначности политической оценки периода краха СССР и формирования рыночной экономики России ни у кого не может вызывать сомнений, что страна проходила тогда через поистине исторические преобразования.

Статьи в настоящем томе сгруппированы по тематическим разделам, отражающим основные сферы интересов автора.

Первый раздел посвящен истории советской экономики, ее становлению, попыткам реформирования и кризису. Особый интерес представляет опыт экономических реформ периода нэпа (1920-е годы) и хозяйственной

реформы 1965 года. В ряде статей рассматриваются вопросы развития советской экономической мысли — весьма специфического направления мировой экономической науки XX века.

Второй раздел предлагает анализ теории революционной трансформации — как общие принципы этого типа трансформации, так и применимость их к российским реалиям 1980–1990-х годов. (Более подробно эти вопросы рассматриваются в книге «Великие революции. От Кромвеля до Путина», составляющей том 3 настоящего издания.)

Третий раздел содержит статьи по проблемам посткоммунистической трансформации. В отличие от годовых обзоров, помещенных в томе 4, здесь анализируются отдельные аспекты социально-экономического развития России в условиях радикальной посткоммунистической трансформации 1990-х годов.

Четвертый раздел включает работы по различным аспектам социально-экономического развития современной России — от ее национально-государственных интересов до вопросов стратегического планирования в новом, посткоммунистическом, варианте.

Пятый раздел посвящен работам в области региональной экономики. Региональный аспект является одним из важнейших для федеративного государства вообще и для столь обширного государства, каким является Россия, в особенности.

Шестой раздел содержит статьи по проблеме, которая остается актуальной в России на протяжении последних трехсот лет. Речь здесь идет о модернизации, и особенно о догоняющей модернизации в условиях постиндустриальных вызовов.

Седьмой раздел посвящен урокам глобального кризиса, с которым мир столкнулся в 2008 году и который будет оставаться еще на протяжении ряда лет одним из определяющих факторов мирового экономического развития. Автор анализирует современный кризис в исторической ретроспективе, прежде всего сопоставляя его с глобальными кризисами 1930-х и 1970-х годов.

Восьмой раздел предлагает статьи по проблемам профессионального образования. Эта тема не могла пройти мимо внимания автора, в 2002 году возглавившего высшее учебное заведение. С учетом специфики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации особое внимание уделяется проблемам высшего образования и бизнес-образования в современном мире.

Девятый раздел включает статьи памяти Е.Т. Гайдара — выдающегося экономиста и государственного деятеля. А главное — мужественного человека, взявшего на себя ответственность за страну в момент наивысшей точки кризиса и заложившего основы того благосостояния, к которому Россия пришла к настоящему времени.

РАЗДЕЛ I

СОВЕТСКАЯ ЭКОНОМИКА: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

ЭКОНОМИКА. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Модернизация

Реформы Петра I. На рубеже XVII–XVIII веков перед правительством России встала задача модернизации экономики, которая оставалась натуральной со слабо развитой промышленностью. В то время как в большинстве стран Европы уже преобладал денежный оброк, что способствовало повышению личной заинтересованности крестьян и росту производительности труда, в России продолжался процесс закрепощения крестьян, а производительность труда оставалась в 1,5–2 раза ниже. При отсутствии регулярных выходов к морю экономика страны носила черты автаркии. Проблемы усугубляла громоздкая система государственного управления. Это порождало трудности как политического, так и военного характера: отсталая экономика и неэффективная армия в перспективе ставили под угрозу существование

России как независимого государства. Политика, провозглашенная Петром I, должна была сопровождаться формированием конкурентоспособной по отношению к европейским странам социально-экономической системы. В конце XVII — первой четверти XVIII века реформирование затронуло почти все стороны государственной и общественной жизни: налоговая реформа (введение подушной подати), денежная реформа, реформы местного, центрального и высшего государственного управления, строительство мануфактур, поворот к меркантилизму во внешней торговле, военная реформа (переход к регулярной армии и флоту). Усилия Петра I привели к развитию промышленности, торговли, капиталистических элементов хозяйства при господстве крепостного строя. Уже тогда проявилась одна из важнейших особенностей модернизации российской экономики: в условиях низкой нормы национальных сбережений государство играло особую роль — оно инициировало реформы, определяя приоритетные направления развития и способы аккумуляции ресурсов. Так, из 205 мануфактур, существовавших в середине 1720-х годов, 115 были частными, 90 — казенными.

После смерти Петра I реформы пошли на спад. Не появилось социальных групп, заинтересованных в продолжении преобразований, не было создано механизма самовоспроизведения реформ. Экономическая политика преемников Петра I на российском престоле была направлена на консервацию крепостничества и сохранение дворянства как опоры трона, несмотря на потери в конкурентоспособности на мировой арене.

Политические и экономические реформы 1861–1911 годов. Реформы Александра II, начавшиеся в 1861 году с отмены крепостного права, охватили ключевые сектора политической и хозяйственной жизни: местное самоуправление (формирование земств), судебную систему (обеспечение независимости судов), военную организацию (переход от рекрутского набора к воинской обязанности).

Реформы продолжались и при Александре III и при Николае II с акцентом на оздоровление и укрепление финансовой

системы. В оздоровлении государственного бюджета, превращении рубля в одну из самых надежных валют, а также в жестком протекционизме во внешней торговле реформаторы того времени (С.Ю. Витте, В.Н. Коковцов) видели необходимые условия подъема национальной промышленности. Инициированная П.А. Столыпиным аграрная реформа (1906 год) была направлена на разрушение общинной системы землевладения и землепользования и стимулирование развития частных крестьянских хозяйств. Эти реформы привели к заметному ускорению социально-экономического развития в 1890-х годах, а также в 1909–1913 годах.

Индустриализация конца XIX — начала XX века.

Россия оставалась аграрной страной — сельским хозяйством было занято 80% населения; в этой сфере производилось две трети ВВП. Преодоление разрыва с развитыми странами требовало превращения российской промышленности в доминирующий сектор экономики. Российская индустриализация имела ряд важных особенностей. Во-первых, государство должно было обеспечить концентрацию ресурсов в передовых отраслях — посредством налоговой системы, государственного спроса (прежде всего на продукцию военной промышленности и железные дороги), а также путем создания государственных институтов, гарантирующих сохранность частного капитала (например, госбанков для аккумуляирования капитала традиционных сословий — дворянства и крестьянства). Во-вторых, необходимо было активное привлечение иностранного капитала в форме государственных займов и прямых инвестиций. В-третьих, важным источником капитала для индустриализации были доходы от экспорта сельскохозяйственной продукции. В-четвертых, основой промышленного роста России стало формирование крупных монополистических объединений.

Существенную роль в индустриализации играло железнодорожное строительство, стимулировавшее развитие многих сопряженных отраслей. За 1861–1891 годы протяженность железных дорог возросла с 1,5 до 28 тыс. верст, а в 1899 году составила уже 58 тыс. верст. В 1890-е годы

Россия смогла отказаться от импорта паровозов. Появились и начали быстро развиваться такие отрасли, как нефтедобыча и нефтепереработка, машиностроение, химическое производство и др. В годы нового подъема (1909–1913) по темпам среднегодового прироста стоимости фабрично-заводской продукции, составлявшим 10,1%, Россия опередила не только Великобританию и Францию, но и Германию и США. Продукция промышленности покрывала 80% внутреннего спроса. В 1887–1900 годы промышленное производство увеличилось в 2,5 раза, тогда как численность промышленных рабочих — только в 1,8 раза, что свидетельствовало о росте производительности труда. Индустриальный бум позволил России заметно сократить отставание от ведущих западноевропейских стран и США по общему уровню промышленного развития.

Однако это было только начало модернизации. Хотя Россия и занимала пятое место в мире и четвертое — в Европе по объему промышленного производства, две трети продукции экономики создавались в сельском хозяйстве, не было собственного станкостроения, тракторостроения и т. д., слабо была развита химическая промышленность.

Советская хозяйственная система и ее реформирование

Россия после военно-революционного периода. Тяжелейшим периодом для России были 1914–1921 годы. Во время Первой мировой и Гражданской войн ее экономика оказалась разрушенной. Последствия войн, интервенции, прежде всего людские и материальные потери, физический и моральный износ оборудования еще более осложнили ситуацию. ВВП сократился почти на 80%.

С началом мирного времени перед страной встала двукратная задача: восстановить разрушенное хозяйство и возобновить движение по пути ускоренной индустриализации. Первая задача была решена к 1926–1927 годам, и основное внимание политиков и экономистов вновь сосредоточилось на проблеме коренной модернизации народного хозяйства.

Во главу угла встал вопрос о социально-экономическом механизме, способном обеспечить индустриальный рывок.

За первое десятилетие существования коммунистической системы были применены два диаметрально противоположных экономических механизма: «военный коммунизм», предусматривавший полный отказ от каких-либо элементов рынка и кредитно-денежных отношений, и новая экономическая политика (нэп), сочетавшая государственный контроль над ключевыми секторами экономики с развитием частнопредпринимательской инициативы и рыночных отношений. Политика «военного коммунизма» оказалась чреватой не только полным параличом экономической системы, но и нарастанием политического кризиса в стране. Нэп обеспечил быстрое послевоенное восстановление экономики, а также открыл определенные возможности для проявления частной инициативы. В то же время крупная промышленность оставалась под жестким контролем государства, а иностранный капитал предпочитал отращивать добывающую промышленность.

Ускоренная индустриализация. В конце 1920-х годов правительство пошло на беспрецедентные силовые решения, направленные на резкое повышение темпов индустриализации, что мотивировалось внешними и внутренними угрозами. Основные элементы индустриализации 1930-х годов: концентрация в руках государства всех материальных и финансовых ресурсов и их централизованное перераспределение; сверхэксплуатация сельского хозяйства, из которого на цели индустриализации изымался не только основной, но и необходимый продукт (это привело к широкомасштабному голоду 1932–1933 годов на Северном Кавказе, Нижней и Средней Волге, Украине и в Казахстане и к гибели нескольких миллионов человек); инфляционное финансирование бюджетных расходов; широкое использование принудительного труда крестьянства и заключенных. Рост инфляции привел к отказу от финансового планирования уже в годы второй пятилетки (1933–1937 годы). В потребительской сфере в условиях государственного контроля над ценами инфляция выразилась в карточной системе распределения

продуктов (до 1935 года) и перманентном жесточайшем товарном дефиците. В преддверии индустриализации окончательно сформировалась система государственного планирования как инструмент централизованного руководства народным хозяйством, основанная на сочетании и взаимодополнении годового и пятилетнего планов. Первый пятилетний план был рассчитан на 1928/1929–1932 годы.

Жесткий политический контроль, исключавший любые формы несанкционированной общественной активности, выразился, например, в том, что одним из первых актов индустриализации стал арест представителей экономической и инженерной элиты, выразивших сомнения в эффективности и целесообразности курса на ускоренную индустриализацию.

Закрытая экономика. Экономическая политика 1930-х годов исторически была первым примером последовательной импортозамещающей индустриализации, предполагающей налаживание производства всех необходимых продуктов внутри страны, несмотря на очевидные потери в эффективности. Выбор, сделанный большевиками, означал форсированное создание тяжелой индустрии, которая послужила основой советского ВПК. Ради индустриализации была проведена и коллективизация, обескровившая сельское хозяйство. В результате стала быстро развиваться промышленность, особенно тяжелая. Фактические среднегодовые темпы роста промышленного производства в 1928–1932 годы составили 15%, в 1933–1937 — 17,1%; по группе А в обоих случаях этот показатель превысил 30%. К концу 1930-х годов СССР вошел в число немногих стран, способных производить полную номенклатуру промышленной продукции. Гипертрофированное развитие получила промышленность группы А (производство средств производства), особенно промышленность, ориентированная на военные нужды; там же сосредоточивались и основные научные исследования. Потребительский сектор (промышленность группы Б, сельское хозяйство, услуги для населения) существенно отставал в развитии, получая от государства финансирование «по остаточному принципу». Тяжелый кризис переживало

сельское хозяйство — уровень 1928 года был достигнут им только в середине 1950-х годов.

Советская хозяйственная система — новая экономическая реальность, сложившаяся в основном к середине 1930-х годов и основанная на монополии в политической сфере коммунистической партии. Она характеризовалась следующими особенностями: абсолютным доминированием государственной собственности на средства производства и ликвидацией отделенной от власти легитимной частной собственности; отрицанием рынка и конкуренции; закрытостью экономики, проявлявшейся в монополии внешней торговли и государственном ценообразовании; товарным дефицитом; эгалитаризмом; низкой эффективностью производства, развивающегося вне конкуренции; вторичностью денежно-финансовых инструментов, предназначенных лишь для обслуживания материальных потоков; масштабным использованием дешевых ресурсов (бесплатный труд крестьян и заключенных в 1930–1940-е годы, энергетические ресурсы в 1970-е годы).

Полное огосударствление экономики и тотальный политический контроль обусловили формирование предельно высокой и долгосрочно устойчивой нормы национальных сбережений и как результат — резкий количественный и качественный скачок в экономике. Среднегодовые темпы прироста промышленного производства в 1929–1966 годы составили в СССР 11,2%, тогда как в США — 4,3%, а в Великобритании и Франции — 2,5%.

Пороки системы проявились, прежде всего, в расхождении траекторий развития промышленности и сельского хозяйства, тяжелой и легкой промышленности. Советская хозяйственная система основывалась на тенденциях развития индустриального общества (в том виде, в каком они обнаружили себя в конце XIX века), характеризовавшегося концентрацией производства и капитала, ростом крупных монополистических форм хозяйствования.

Эффективность советской модели. Советская хозяйственная система обладала огромным мобилизационным потенциалом, но оказалась неэффективной в условиях

мирного времени. Главной проблемой было отсутствие внутренних экономических стимулов к росту производства и эффективности. Не стимулировались инновационная деятельность, обновление производства и повышение качества продукции. Основной задачей было не повышение производительности труда, а выполнение и перевыполнение централизованных плановых заданий. Так, если по валовым капиталовложениям СССР превзошел США в начале 1970-х годов, то уровень производительности труда в промышленности СССР составлял в 1970 году 53%, а в 1975 году — 55% соответствующего показателя США. При этом официальные расходы на оборону не превышали 7% государственного бюджета. Однако с учетом косвенных расходов эта цифра в 1980-е годы достигала, по некоторым оценкам, 50%.

Экономические агенты (предприятия) не были внутренне заинтересованы в сбережении и инвестировании ресурсов. Рост обеспечивался за счет внеэкономических методов принуждения, включая насилие. Товарный дефицит и вторичная роль денег существенно ограничивали заинтересованность граждан в более эффективном труде и получении более высоких доходов. В результате темпы роста промышленного производства постепенно снижались — с 16,5% в год в 1930–1940-е годы до менее 1% в начале 1980-х годов.

«Реформа Косыгина». К концу 1950-х годов стало очевидным исчерпание дешевых ресурсов — руководство страны отказалось от практики массовых репрессий, а сельское хозяйство было низкоэффективным. Россия стала нетто-импортером зерна. Самой масштабной из попыток придания динамизма советской экономике была реформа 1965 года — «реформа Косыгина» (по имени одного из ее инициаторов, председателя Совета министров СССР в 1964–1980 годах). В разработке основных идей реформы участвовали ведущие советские экономисты (В.С. Немчинов, В.В. Новожилов, Е.Г. Либерман, А.М. Бирман и др.).

Реформа предполагала расширение самостоятельности предприятий, сокращение числа устанавливаемых им сверху плановых показателей, переориентацию системы стимули-

рования с показателями выполнения плана, подталкивающих к занижению заданий и завышению потребностей в ресурсах, на конечные показатели деятельности — прибыль и объем реализации. Наиболее радикальные проекты предполагали стимулирование конкуренции и возможность банкротств социалистических предприятий, однако при абсолютном доминировании государственной собственности на средства производства и централизованном ценообразовании.

Результаты хозяйственной реформы были двойственны: экономический рост в 1965–1970 годы составлял около 8% в год против менее 5% в предыдущее пятилетие. Однако он во многом имел инфляционную природу: большую свободу предприятия использовали прежде всего для формальной смены ассортимента и повышения цен на новую продукцию, а в конечном счете — для расширения потребления, что было естественно при отсутствии реального собственника, заинтересованного в принятии стратегических инвестиционных решений. Политический кризис в Чехословакии (1968 год) продемонстрировал, что последовательное осуществление рыночных реформ может привести к размыванию монополии коммунистической партии на власть. К концу 1960-х годов экономические реформы были свернуты. Советская система явно демонстрировала признаки истощения своего потенциала. Необходимо было найти механизм ее постепенной, эволюционной трансформации применительно к новому времени. Движение по пути экономических реформ давало шанс начать этот процесс трансформации. Остановка реформы 1965 год означала постепенное стягивание страны в системный кризис.

Экспорт нефти и развитие экономики. С 1970-х годов открылись новые возможности для поддержки экономического роста при помощи дешевых ресурсов. В эксплуатацию были введены огромные запасы нефти и газа. Одновременно цены этого сырья на мировом рынке возросли в 3–5 раз. В 1982 году цены на нефть, экспортируемую из СССР, превысили уровень 1973 года в 9 раз, а рост экспорта нефти увеличился более чем на 60%. На страну обрушился поток нефтедолларов, что оказало двойственное влияние на экономику

страны. С одной стороны, был получен дополнительный источник роста еще на десятилетие, когда удавалось поддерживать военно-стратегический паритет с США и оставаться одной из двух мировых сверхдержав. С другой стороны, нефтедоллары стали фактором дестабилизации советской системы. В стране проявились признаки «голландской болезни» — одностороннего развития экспортного сектора при ослаблении внимания к внутреннему производству, за исключением ВПК. Получаемые от экспорта энергоресурсов финансовые средства использовались на дальнейшее наращивание военного потенциала и энергетического сектора, а также на импорт товаров традиционных секторов (сельское хозяйство, легкая промышленность). Показатели среднедушевого ВВП и уровня жизни населения достигли такого значения, какого советская система не могла бы обеспечить, опираясь только на внутренние ресурсы. Тем самым нефтедоллары привели к углублению зависимости советской системы от мирового рынка, а следовательно, к ее нестабильности. Это проявилось, в частности, в быстром росте советского внешнего долга по мере снижения доходов от экспорта энергоносителей: сальдо расходов по обслуживанию внешнего долга составило 4,4 млрд долл. в 1981 году, 5,9 млрд долл. в 1984 году, 15,1 млрд долл. в 1986 году.

Советская система в 1985–1991 годах

Социально-экономический кризис. Новый этап развития экономики начался в 1985 году с приходом к руководству страной М.С. Горбачева. Внешним толчком явилось начало падения мировых цен на нефть. Поддерживать сложившуюся систему экономических и политических отношений оказалось невозможным. К середине 1980-х годов среднедушевой ВВП в СССР составлял лишь 37% уровня США, при этом энерго- и материалоемкость продукции советской промышленности в 1,5–2 раза превышала соответствующие показатели развитых стран; значительно отставала страна и по производительности труда. Уровень военных и социальных расходов, расходов на поддержку дружественных режимов

соответствовал статусу одной из двух мировых сверхдержав, но значительно превосходил реальные возможности советской экономики. Первоначально предполагалось обеспечить ускорение экономического роста за счет структурного маневра — увеличения доли ресурсов, направляемых на инвестиции, прежде всего в машиностроение. Темпы роста машиностроения должны были возрасти в 1,5–2 раза. Однако подобные шаги необходимо было дополнить преобразованиями экономического механизма. В 1986–1987 годах объем производства несколько возрос — в промышленности до 4–5% против 1–2% в предыдущие годы, но добиться перелома в эффективности не удалось. Дальнейшее наращивание инвестиций без внедрения новых стимулов заводило страну в тупик. Начатая в 1985 году антиалкогольная кампания привела, как и падение цен на нефть, к снижению доходов госбюджета.

Перестройка. Совершенствование экономического механизма предполагалось осуществить с учетом опыта НЭПа и хозяйственной реформы 1965 года. Ключевой вклад в разработку реформы второй половины 1980-х годов внесли, в частности, Л.И. Абалкин, А.Г. Аганбегян, А.И. Анчишкин, Н.Я. Петраков, С.Д. Шаталов, Е.Г. Ясин. В соответствии с их идеями основными элементами экономической политики перестройки стало значительное расширение самостоятельности предприятий, а также допущение частно-предпринимательской деятельности в форме кооперативов и индивидуальной трудовой деятельности. В 1987–1988 годы были приняты соответствующие нормативные акты. Позднее к этим мерам добавились: развитие арендных отношений вплоть до возможности передачи арендованного имущества в частные руки, разгосударствление (приватизация) предприятий, создание частных банков.

Меры по экономическому реформированию страны подкреплялись политической реформой, включавшей распространение гласности, демократизацию политической системы, свободные выборы в законодательные органы власти всех уровней и отказ от однопартийной политической системы.

Реформа предприятий предполагала значительное расширение их независимости от центральных органов управления. Ее гарантией считалась выборность директорского корпуса трудовым коллективом, лишавшая вышестоящие инстанции главного инструмента давления на предприятия.

Расширение самостоятельности предприятий касалось и формирования системы оплаты труда, что создавало порочный круг расширения потребления за счет накопления: трудовой коллектив избирал директора, которому предоставлялась полная свобода действий при готовности направлять больше ресурсов на оплату труда. Фактически руководители предприятий получили все права собственника без ответственности за эффективность принимаемых решений. В отсутствие частной собственности не оставалось механизма, побуждающего фирмы к инвестированию в противовес потреблению.

Новые рыночные институты. Кооперативы, по сути, превратились в частные предприятия. В дефицитной экономике их деятельность ориентировалась не столько на производство товаров и услуг, сколько на перераспределение товарных и денежных потоков из государственного сектора в рыночный, тем более что власть поначалу рекомендовала создавать кооперативы при государственных предприятиях. В то же время кооперативы наполняли отечественный рынок импортными товарами по «договорным ценам». Новыми институтами рыночной экономики стали товарные биржи и негосударственные банки.

Новые рыночные институты формировались при сохранении государственного ценообразования на основную номенклатуру товаров и услуг и доминировании государственной собственности на средства производства. Результатом такой политики стало быстрое углубление социально-экономического кризиса. Демократизация вытащила «стержень принуждения», а новых механизмов создано не было.

С 1988 года начался спад производства в сельском хозяйстве, с 1990 года — в промышленности. Продолжала разрушаться финансовая система. Дефицит бюджета в 1989 году

составил 11% ВВП, в 1991 — уже 16%. Внешний долг превысил 80 млрд долл. Резко выросли темпы инфляции: если в 1990 году инфляция составила 10%, то в конце 1991 года она достигла 25% в неделю. Нарастал товарный дефицит. Оборот теневого сектора, по минимальным оценкам, составил 90 млрд руб. (в ценах 1988 года). Золотой запас в 1985–1991 годах сократился в 10 раз и составил в конце 1991 года всего 240 тонн.

Масштабы экономического спада были обусловлены наложением нескольких кризисов, таких как экономико-политический кризис позднего социализма, макроэкономический кризис, структурный кризис индустриальной системы. Ошибки правительства (в первую очередь политика популизма) только усугубили ситуацию. Высокообразованное советское общество требовало быстрого перехода к демократическим принципам организации государственной власти. Однако соответствующие этим политическим принципам институты рыночной экономики не могли формироваться быстро, требовалось значительное время для создания новой системы институтов.

Ситуация на рубеже 1980–1990-х годов. Кризис приобрел системный характер, охватив не только экономическую, но и социально-политическую сферу. Быстро оформлялись разнообразные группы интересов; возникло несколько конкурирующих друг с другом центров власти. Ужесточалась конкуренция между институтами власти (прежде всего союзными и республиканскими) за контроль над социально-политическими процессами.

Экономика оказалась заложницей политического противостояния. Началась «война за бюджет»: союзные республики отказывались перечислять налоги в федеральное казначейство, настаивая на переходе к одноканальной системе сбора налогов при усилении собственного контроля над расходами руководства СССР. Острой оказалась борьба за налоговую базу, т.е. за подконтрольность предприятий союзному или республиканскому руководству. Дефицит бюджета составлял 11% ВВП; поступления в бюджет в реальном выражении неуклонно снижались.

Программы реформирования экономики. В конце 1980-х годов началась также «война программ» экономических реформ и выхода из кризиса. Существовало три основных варианта антикризисных мероприятий: (1) Консервативный вариант («административная стабилизация») предполагал остановку и поворот вспять процессов политической демократизации, повышение уровня управляемости народным хозяйством и на этой основе — медленное реформирование и модернизацию советской экономики. (2) Рыночно-либеральный вариант предусматривал приватизацию собственности и либерализацию цен. В русле этого подхода разрабатывалась программа «500 дней» С.С. Шаталина и Г.А. Явлинского (осень 1990 года), а также программа Е.Т. Гайдара (осень 1991 года). (3) Умеренный вариант правительства СССР («программа Н.И. Рыжкова — Л.И. Абалкина»), содержавший набор компромиссных мероприятий, не нашел политической поддержки. Консервативную стабилизацию намеревались реализовать инициаторы провалившегося государственного переворота (август 1991 года). Таким образом, осенью 1991 года сложились условия для практической реализации либерально-рыночного варианта реформ. Кроме того, после августа 1991 года государственные институты СССР оказались разрушенными и у правительства не осталось административных ресурсов для осуществления иной модели экономической политики, кроме либеральной.

Посткоммунистическая трансформация

Политико-экономический кризис. Ситуация в стране с конца 1991 года была катастрофической: за 1991 год национальный доход снизился более чем на 11%, ВВП — на 13%. Внешний долг увеличился до 83,4 млрд долл., внутренний валютный долг — до 5,6 млрд долл. Золотовалютные резервы резко сократились: на 1 января 1992 года золотой запас составил менее 300 тонн. Дефицит госбюджета достиг, по оценкам Мирового банка, 30,9% ВВП. Государство утратило контроль над финансовыми процессами и денежным

обращением. Началось бегство от рубля, вытеснение товарно-денежных отношений бартером; росли административные ограничения межрегионального товарообмена. Сельскохозяйственные предприятия значительно уменьшили поставки продукции государству: при сокращении валового сбора зерна на 24% его государственные закупки уменьшились на 34%, причем в стране не было альтернативной (частной) системы снабжения населения продовольствием. К концу 1991 года запасов продовольствия в крупнейших индустриальных центрах страны оставалось на 6–7 дней.

СССР как единое государство разрушался: экономические и политические ориентиры республик все более расходились, а попытки воссоздать союзные структуры путем создания Межреспубликанского экономического комитета оказались безрезультатными. В союзных республиках были созданы собственные эмиссионные центры (нацбанки), готовые приступить к бесконтрольному выпуску рублей.

6 ноября 1991 года было сформировано новое правительство России. Функции премьера взял на себя президент Б.Н. Ельцин, а его заместителями стали Г.Э. Бурбулис, Е.Т. Гайдар и А.Н. Шохин. Гайдар был идеологом и руководителем рыночной трансформации российской экономики.

Программа посткоммунистических преобразований включала: либерализацию экономики (прежде всего цен и внешнеэкономической деятельности), макроэкономическую стабилизацию (бюджетную и денежную), приватизацию как важнейшую институциональную задачу. Предстояло заново создать систему рыночной экономики, начиная с налоговой системы и заканчивая системой социальной поддержки наименее обеспеченных слоев населения.

Первичным звеном стабилизационных и реформаторских усилий стала финансово-денежная сфера. Либерализация цен (январь 1992 года) позволила: уменьшить финансовую несбалансированность экономики; быстро ликвидировать «денежный навес», обусловленный инфляционной денежно-кредитной политикой предыдущих лет; создать предпосылки для более эффективного распределения производственных ресурсов; ввести конкурентные начала

в поведение и взаимодействие предприятий. Наполнился потребительский рынок, товарный дефицит исчез, домашние хозяйства вследствие резкого и значительного падения доходов уменьшили ажиотажный спрос. Вместе с тем либерализация валютной политики, сопровождаемая введением внутренней конвертируемости рубля (лето 1992 года), привела к уменьшению импортных субсидий предприятиям.

Макроэкономическая нестабильность. Попытки проводить стабилизационную политику в 1992 году оказались безуспешными. Макроэкономическая нестабильность была обусловлена многими факторами: отсутствием конституционных основ взаимодействия исполнительной, законодательной и судебной ветвей власти, а также подчиненностью Центрального банка РФ (ЦБ РФ) парламенту; коалиционным характером исполнительной власти, в состав которой входили представители различных групп; неразвитостью рыночных институтов; неурегулированностью отношений с республиками бывшего СССР, отсутствием четких таможенных границ и сохранением в 1992–1993 годах единого рублевого пространства, что не позволяло правительству в полной мере контролировать денежное предложение.

С мая по август 1992 года было принято примерно двадцать законов РФ, указов президента и постановлений правительства о направлении на социальные цели дополнительного финансирования, составившего около 2,5% годового ВВП. Вопросы поддержки отечественной промышленности, сельского хозяйства и других отраслей, а также преодоления кризиса неплатежей решались путем расширения объемов кредитов ЦБ РФ. Всего за июль–сентябрь 1992 года таких кредитов было выдано в объеме 9% годового ВВП. Кредиты предоставлялись по ставке ниже уровня инфляции, т.е. фактически с выплатой заемщику премии. В результате индекс инфляции в 1992 году равнялся 2500%. Дефицит бюджета за первую половину 1992 года составил 6,6% ВВП и продолжал нарастать. Подобная ситуация была в значительной мере результатом слабости политических позиций правительства, что делало его уязвимым перед лоббистами.

Курс на стабилизацию. Принятие новой Конституции России (1993 года) способствовало налаживанию экономической жизни, в том числе экономической стабилизации. Были упорядочены процедуры принятия экономических (прежде всего бюджетных) решений. ЦБ РФ стал независимым институтом. Постепенно изменялось поведение экономических агентов, формировалась финансовая инфраструктура, позволившая обеспечивать неэмиссионное финансирование дефицита госбюджета за счет заимствований на финансовых рынках. В 1995 году была осуществлена денежная стабилизация, уровень инфляции снизился до 131% годовых.

Бюджетный кризис. В 1990-х годах расходы государства устойчиво превышали его доходы. Эта проблема могла быть решена либо стабилизацией доходов бюджета путем проведения налоговой реформы, либо сокращением бюджетных расходов и их реструктуризацией, для чего требовалась структурная реформа отраслей бюджетного сектора (включающая военную реформу, а также реформы госуправления, жилищно-коммунальной сферы и др.). Однако политические ограничения не позволяли правительству ни сократить бюджетные обязательства, ни получать доходы, соответствующие уровню принимаемых им обязательств. Особенно острой была проблема накопления задолженности по поступлению налогов в федеральный бюджет. При этом всплески налоговых неплатежей наблюдались в периоды ослабления власти федерального центра, прежде всего накануне выборов.

На пути к финансовому кризису 1998 года. Стабилизация экономики была проведена непоследовательно, поскольку денежная стабилизация не дополнялась бюджетной. Сохранение дефицита госбюджета привело к наращиванию государственного долга (краткосрочного внутреннего в виде государственных ценных бумаг ГКО и долгосрочного валютного) и накоплению бюджетной задолженности перед получателями средств. Результатом стали: рост налоговой задолженности перед бюджетом, задержки в выплате зарплат и пенсий, бартеризация экономики.

Продолжающийся спад производства, неспособность государства решить проблемы бюджета, возрастающая зависимость экономики страны от ситуации на финансовых рынках — все эти факторы способствовали поддержанию нестабильности. В условиях азиатского финансового кризиса и ухудшения мировой конъюнктуры на рынке энергоносителей нестабильность реализовалась в августе 1998 года полномасштабным кризисом финансовой системы.

Государственный долг. Массовое бегство капиталов с российского рынка и не поддающийся обузданию рост стоимости доступных России заимствований вынудили правительство пойти одновременно на дефолт выплат по внутреннему долгу и резкую девальвацию рубля. Дефолт означал отказ от продолжения выплат по внутреннему долгу. Номинированные в рублях ценные бумаги (ГКО—ОФЗ) со сроками погашения до 31 декабря 1999 года переоформлялись в новые ценные бумаги, причем курсовой риск должны были нести сами инвесторы. Был объявлен 90-дневный мораторий на возврат банками кредитов нерезидентам, на выплату страховых платежей по кредитам, обеспеченным залогом ценных бумаг. Наконец, денежные власти перешли к плавающему курсу рубля. За 1998 год ВВП упал на 6%, инфляция составила 84%, реальные располагаемые доходы населения сократились на треть. Банковская система и финансовые рынки вступили в полосу кризиса.

Однако удалось избежать сползания в гиперинфляцию и сохранить достижения стабилизации. Дефолт и обесценение внутреннего долга, обесценение в реальном выражении социальных обязательств государства (зарплат и пенсий) облегчили тяжесть бюджетной проблемы. Скачок цен обернулся повышением номинальных доходов бюджета (прежде всего через НДС). В этих условиях правительство Е.М. Примакова проводило жесткую бюджетную политику.

Девальвация рубля повысила конкурентоспособность российских товаров на внутреннем рынке и дала толчок импортозамещающему росту на базе имеющихся мощностей. Увеличение экспорта в условиях улучшившейся в конце

1999 года конъюнктуры рынка энергоресурсов и расширения возможностей экспортных отраслей стимулировало вторую волну роста (осень 1999 — лето 2000 года). В 1999 году ВВП увеличился на 5,2%, а в 2000-м — на 8,3%; инвестиции возросли соответственно на 5 и 17,5%; к концу 2000 года показатели уровня жизни почти достигли докризисного уровня.

Приватизация прошла ряд этапов: 1991–1992 годы — подготовка концепции и нормативно-правовой базы; 1993–1995 годы — массовая приватизация в чековой (ваучерной) форме; 1995–1996 годы — передача в частные руки крупных и потенциально привлекательных объектов через «залоговые аукционы»; с 1997 года — переход к преимущественно денежной приватизации, ориентированной на пополнение государственного бюджета и стимулирование инвестиционной активности.

Выбор чековой формы массовой приватизации был обусловлен отсутствием достаточного платежеспособного спроса населения, низким интересом иностранных инвесторов к приватизации в условиях нараставшей политической и экономической нестабильности, отсутствием достаточного административного ресурса у государства для проведения приватизации по индивидуальным схемам — вместо них применялись типовые процедуры. Кроме того, выбор этой формы приватизации был связан с необходимостью решительного ограничения и отмены субсидирования предприятий со стороны госбюджета, решения задачи по формированию социальной базы стабилизационной политики, а также обеспечения политических предпосылок укрепления рыночной демократии.

В 1992–1994 годах чековая приватизация проводилась как передача фактического контроля: (1) менеджменту, (2) трудовому коллективу, (3) группе потенциальных инвесторов. Часть пакетов акций предприятий закреплялась в государственной собственности с последующей продажей на чековых аукционах или позднее на торгах за реальные деньги.

В 1995–1996 годах правительство пошло на передачу в частные руки ряда крупных предприятий нефтедобычи и металлургии. После 1997 года государство начало

продавать пакеты акций и целые предприятия на торгах (см. табл. 1 и 2). Процедура приватизации стала регламентироваться Федеральным законом о приватизации государственного и муниципального имущества (2001).

Таблица 1

**Структура приватизированного государственного
и муниципального имущества по формам собственности
и формам приватизации, 1993–1997 годы**

	1993	1994	1995	1996	1997
Число приватизированных государственных и муниципальных унитарных предприятий, организаций, всего	42924	21905	10152	4997	2743
В том числе по формам собственности*:					
федеральной	7063	5685	1875	928	374
субъектов Российской Федерации	9521	5112	1317	715	548
муниципальной	26340	11108	6960	3354	1821
Структура приватизированного государственного и муниципального имущества по способам приватизации (% к итогу):	100	100	100	100	100
акционирование	31,1	44,8	27,7	22,5	18,1
продажа на аукционах	6,3	4,4	4,2	3,9	5,5
коммерческий конкурс	30,4	24,0	15,9	8,9	9,6
инвестиционный конкурс	1,3	1,2	1,1	0,7	0,5
выкуп арендованного имущества	29,5	20,8	29,8	32,1	14,6
продажа имущества ликвидируемых, ликвидированных предприятий и не завершенных строительством объемов	0,4	1,5	4,2	5,7	9,1
продажа недвижимости	—	—	15,4	22,9	38,5
продажа земли	—		0,6	1,5	2,6
прочие	1,0	3,3	1,1	1,8	1,5

* По состоянию на дату приватизации.

Таблица 2

**Структура приватизированного государственного
и муниципального имущества по формам собственности
и формам приватизации, 1998–2001 годы**

	1998	1999	2000	2001
Число приватизированных государственных и муниципальных унитарных предприятий, организаций, всего	2129	1536	2274	2287
В том числе по формам собственности*:				
федеральной	264	104	170	125
субъектов Российской Федерации	321	298	274	231
муниципальной	1544	1134	1830	1931
Структура приватизированного государственного и муниципального имущества по способам приватизации (%)	100	100	100	100
продажа государственного и муниципального имущества на аукционе и коммерческом конкурсе	76,1	74,6	73,0	73,9
из нее продажа: имущества ликвидируемых и ликвидированных предприятий	6,0	5,2	5,0	3,6
недвижимости	47,6	47,7	56,7	59,1
земельных участков в составе имущественного комплекса приватизированных предприятий	4,0	2,3	3,4	4,9
выкуп государственного и муниципального имущества, сданного в аренду: арендаторам в соответствии с договором об аренде	6,8	8,3	18,0	20,0
посредством преобразования в открытое акционерное общество с правом первоочередного приобретения акций арендатором	0,3	–	–	–
продажа акций открытых акционерных обществ, созданных в процессе приватизации: работникам общества	9,6	12,0	3,7	3,2
на специализированном аукционе	1,6	1,9	2,0	0,4
на аукционе и коммерческом конкурсе	4,6	2,2	2,8	1,3
преобразование государственных и муниципальных унитарных предприятий в открытые акционерные общества с закреплением 100% акций в государственной или муниципальной собственности	0,9	0,7	0,3	0,5
внесение государственного или муниципального имущества в качестве вклада в уставные капиталы хозяйственных обществ	0,1	0,3	0,1	0,7
отчуждение находящихся в государственной или муниципальной собственности акций открытых акционерных обществ, созданных в процессе приватизации, владельцам государственных или муниципальных ценных бумаг, удостоверяющих право приобретения таких акций	0,0	–	0,1	–

* Всего в 1998–2001 годах изменили форму собственности 137,8 тыс. государственных и муниципальных унитарных предприятий и организаций. По состоянию на дату приватизации.

Библиография

Гайдар Е.Т. Аномалии экономического роста. М., 1997.

Дроздов В.В. Экономические реформы в СССР (1953–1985 гг.). М., 1998.

Корнаи Я. Дефицит. М., 1990.

Мау В. Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М., 1999.

Рынок и реформы в России: исторические и теоретические предпосылки. М., 1995.

Стародубовская И., Мау В. Великие революции от Кромвеля до Путина. М., 2001.

Экономика переходного периода: Очерки экономической политики посткоммунистической России. 1991–1997. М., 1998.

Ясин Е.Г. Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2003.

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДОКТРИНЫ (Исторический очерк)

Социализм — это учение о будущем справедливом общественном устройстве. Принципиальной особенностью любой социалистической концепции является ее прогностический характер. Если концепция претендует на нечто большее, чем оставаться фантазией породившего ее автора, она должна содержать в себе более или менее четкое обоснование прогноза.

Вопрос о критерии, позволяющем оценивать направленность социально-экономических преобразований, продвижение к новому строю весьма актуален в социалистической доктрине. И тут важно отделять главное от второстепенного, существо социально-экономического прогресса от тех или иных форм общественной жизни. Иначе доктрина сводится к более или менее подробному перечислению некоторых

признаков, которые якобы и являются свидетельствами социальной справедливости. Без решения проблемы критерия прогрессивности преобразований бессмысленны рассуждения о социализме, что подтверждается и историческим опытом развития как социалистической теории, так и «реального социализма».

Я не ставлю перед собой цель дать в настоящей работе какие-то точные определения, сформулировать конкретные критерии «социалистичности». Такие попытки время от времени предпринимаются обществоведами, а с началом перестройки они по вполне понятным причинам участились. Мне они видятся бесперспективными практически и не обоснованными теоретически уже по одной той причине, что сами представления о социализме находятся в тесной зависимости, по крайней мере, от двух факторов — характера эпохи и социальных сил. Понятно, что взгляды на šťastливое и справедливое общественное устройство сегодня отличаются от представлений не только столетней, но и тридцатилетней давности. Понятно также, что идеал справедливости по-разному видится различным социальным силам, даже если они все считают себя борцами за коммунизм. Советское общество первых лет перестройки продемонстрировало это с потрясающей наглядностью: мы все за социализм, мы все за перестройку, мы все по одну сторону баррикад и готовы стрелять друг в друга, чтобы отстоять «свой» социализм (благо, находясь по одну сторону баррикад, это делать удобнее).

* * *

История социалистических учений предстает как развитие и противоборство двух начал, вытекающих из противоречия между основными принципами социальной справедливости — свободой и равенством.

Представления, возникшие еще на ранних стадиях цивилизации, основывались на уравнилельно-тоталитарной интерпретации существа справедливого строя. В этой доктрине социальная справедливость полностью отождествлялась

с равенством, по отношению к которому все остальные проблемы функционирования общества выступают как производные. В работах Г. Бабефа такой взгляд получил, пожалуй, наиболее полное воплощение и завершение. Он писал: «Счастье... может быть лишь следствием уравниения: уравниение способствует совершенству и уничтожает лишь то, что разрушительно»¹.

Довольно низкое развитие производительных сил, чрезвычайно медленное их совершенствование легли в основу данной модели и обусловили представления об относительной простоте хозяйственных взаимосвязей, очевидности и безальтернативности желательного пути дальнейшего движения общества, усложняемого и запутываемого неразумностью сложившихся форм хозяйствования, раздираемого классовыми противоречиями. Идея упрощения социально-экономической системы проявлялась по-разному.

Во-первых, в представлении системы потребностей как довольно ограниченной по составу и устойчивой во времени совокупности в основном вещных потребностей, которые даны самой природой и в равной мере (как по структуре, так и по интенсивности) присущи всем людям. Во-вторых, в представлении об очевидности целей функционирования общества — поддержании равного благополучия всех граждан в условиях сложившейся системы производительных сил. Иными словами, технический прогресс выводился как бы за рамки социального бытия, а движение должно было осуществляться в установленных формах, воспроизводя данную техническую базу, растущую лишь количественно. В-третьих, в представлении о слиянии интересов различных субъектов в единый интерес ассоциации (общины, государства). Этот вывод объяснялся обычно тем, что в условиях равного удовлетворения потребностей появляется заинтересованность во всеобщем труде друг для друга.

Догмы о простоте потребностей, очевидности целей и единстве интересов составляли основу представлений

¹ Бабеф Г. Письмо Дюбуа де Фоссе. Июнь 1786 г. // Утопический социализм. Хрестоматия / Отв. ред. А.И. Володин. М.: Политиздат, 1982. С. 178.

о социально-экономическом механизме функционирования будущего общества. Названные исходные постулаты снимали вопрос о трудовой мотивации, ограничивая его, с одной стороны, уверенностью во всеобщей заинтересованности в труде в условиях равного пользования его плодами, а с другой стороны, обязанностью всех трудиться и суровым наказанием за попытки уклониться от этой священной обязанности.

Тезис о единстве интересов так или иначе обуславливал их персонификацию — в вожде (или центральном органе), который является выразителем этого единства и потому занимает особое положение в системе «абсолютного равенства». Тем самым предполагалось сохранение общественной иерархии, жесткого разделения на управляющих (самых умных и справедливых, знающих, что нужно для всеобщего счастья) и управляемых, обязанных точно выполнять ту работу, которая им предписана законом и должностными лицами. Ради высших целей подавлялись и нивелировались интересы людей¹.

Иных, внутренних факторов сохранения и воспроизводства системы «всеобщего равенства» просто не существовало в социальном анализе утопистов вплоть до XIX века. Историческая практика свидетельствовала об одном: любые изменения в организации производства и обмена способны лишь усилить или модифицировать неравенство, порождать новые несправедливости. И только следование установленному порядку могло обеспечить равное счастье для всех.

Истории известно немало уравнилельно-тоталитарных моделей социализма. Если неразвитые производительные силы составляли материальную основу подобных

¹ Видя основную задачу будущего справедливого общественного устройства в том, чтобы обеспечить каждому человеку «достаток и ничего, кроме достатка», Бабёф так описывал соответствующую этой цели хозяйственную систему: «Установить *общее управление*; уничтожить частную собственность, прикрепить каждого человека, соответственно его дарованию, к мастерству, которое он знает; *обязать* его сдавать в натуре плоды своего труда на общий склад и *создать простую администрацию* распределения, администрацию продовольствия, которая, ведя учет всех сограждан и всех изделий, распределит последние на основе строжайшего равенства и распорядится доставить их по месту жительства каждого гражданина» (курсив мой. — В.М.). См.: Бабёф Г. Манифест плебеев // Утопический социализм. Хрестоматия. С. 205.

концепций, то их социальную базу формировал предпролетариат — разорявшиеся мелкие собственники (крестьяне, ремесленники), уже утратившие собственность, но сохранявшие тягу к уравнительной справедливости под мудрым руководством сеньора, превращающегося в Единое Государство. Коренной порок всех этих систем состоял в том, что в них сохранялось и воспроизводилось отчуждение работников от средств производства и в конечном счете от активного участия в социальном процессе.

Капитализм с его бурным прогрессом науки и техники, с идеей потенциальной безграничности человеческих возможностей создал принципиально новую ситуацию. Личная свобода и инициатива индивида становятся одной из фундаментальных основ прогрессивного развития общества. Свобода личности теперь не просто возможна, но является необходимым фактором функционирования социальной системы. Этот акцент очень важен для характеристики новых условий существования общества вообще и развития социалистической идеологии в частности; он не может быть понижен ссылками на ограниченность демократических свобод на ранних стадиях развития капитализма.

Вместе с тем свобода явно вела к новой дифференциации общества, углублению социального неравенства, усилению противостояния богатых и бедных. Противоречие между социальным и экономическим прогрессом, по сути, явилось модификацией общей проблемы — соотношения равенства и свободы. Именно в этот исторический период активно формируется принципиально новая парадигма учения о социализме. В ее основе — проблема создания необходимых условий для свободного и всестороннего развития личности как предпосылки свободного развития всей ассоциации. В центре внимания находится творческая деятельность как неотъемлемая черта человека, его первая жизненная потребность. Общество должно не подавлять личность, не подчинять ее себе, а создавать адекватные формы преодоления противоречий между интересами всей ассоциации и отдельных ее членов. Равенство является не предпосылкой, а результатом свободы и понимается как доступность

для каждого высших благ цивилизации. Последнее вполне понятно: новая, более высокая ступень в развитии производительных сил позволяет уже отказаться от представления о равенстве как об уравнительности в распределении.

Принципиально меняется роль самих производительных сил в обосновании возможности, а затем и необходимости социалистических преобразований. При всей важности тех или иных конкретных форм организации жизни общества (внимание к подробностям у социалистов XIX века отнюдь не ослабевает) именно на характер, тенденции и стимулы развития производства все чаще обращают внимание мыслители, которых принято называть «патриархами социализма». Разумеется, нельзя утверждать, что их предшественники были противниками прогресса производительных сил. Более того, бабувисты, которые ближе всего стояли к идеям XIX века, даже специально замечали, что в «обществе равных» будут широко применяться и совершенствоваться машины, облегчающие труд человека. Но в логике всех более ранних утопий проблема эта была вторичной: прогресс производительных сил не рассматривался как фактор, определяющий само существование социализма.

Поворот намечается у А. де Сен-Симона и Ш. Фурье. С их точки зрения, прогресс производительных сил — необходимое условие утверждения нового строя. На этом строится и их социально-экономический анализ.

Коллективная организация производства, свободный и привлекательный труд, отрицание наемного труда — таковы, по мысли Ш. Фурье, важнейшие черты справедливого общественного устройства. Но требуется и соответствующий механизм, стимулы прогресса. Свою модель автор как раз и стремится построить на фундаменте реальных экономических отношений, связать их с развитием, а не с подавлением разнообразных интересов субъектов хозяйственной жизни. Идея сочетания интересов вообще является важнейшим принципом экономической системы социализма Ш. Фурье и, безусловно, его выдающимся теоретическим достижением. Им была поставлена задача создания такой социальной системы, в которой бы «каждый отдельный

человек, следуя только своему личному интересу, служил постоянным интересам массы». Именно с поиском более конкретного механизма реализации этого принципа связаны и некоторые выводы Ш. Фурье, которые обычно недооцениваются или трактуются как не вполне социалистические. Ш. Фурье настойчиво искал такую модель экономики, которая обеспечивала бы действенную внутреннюю хозяйственную мотивацию членов ассоциации и не воспроизводила наемный труд в какой бы то ни было форме. Отсюда и стремление не «обобществлять имущества», но сделать всех собственниками, для чего надо сохранить частную собственность в форме, аналогичной акционерной, а распределение дохода осуществлять по труду, таланту и капиталу. Отсюда и идеи производственной демократии, предполагающей право каждого работника участвовать в управлении производством, включая выборность руководителей, коллективную разработку и принятие планов. Отсюда и беспрецедентный для социалистических теоретиков вывод о возможности сохранения конкурентных начал в будущем обществе, и это притом, что Ш. Фурье был одним из самых ярких и резких критиков конкуренции при капитализме.

* * *

Вопрос о согласовании социального и экономического прогресса имеет принципиальное значение для понимания социалистической доктрины К. Маркса и его последователей.

Проводя социально-экономическое исследование современного им буржуазного общества, К. Маркс и Ф. Энгельс опирались на вполне отчетливо наблюдавшуюся в середине XIX века разнонаправленность экономического (выражавшегося в бурном росте производительных сил) и социального (усиление социальной дифференциации, абсолютное и относительное обнищание пролетариата и т. д.) процессов. Однако стихийный характер капиталистической экономики ведет к потерям не только социальным, но и собственно экономическим, наглядно проявляющимся во время периодических кризисов. Объективная тенденция к централизации

производительных сил и усиление эксплуатации трудящихся обуславливают необходимость коренного переустройства общества на коммунистических (социалистических) началах.

В учении К. Маркса прослеживается двойственность при объяснении неизбежности нового общественного строя и потребности его достижения. Во-первых, это создание благоприятных условий для дальнейшего поступательного развития производительных сил. Во-вторых, преодоление эксплуатации человека человеком. Фактически это означало предложение двух критериев общественного прогресса; и признание их совпадения с точки зрения исторической перспективы (даже если считать такое совпадение аксиомой) вовсе не означает отсутствия конфликтов и противоречий между ними в текущей политической практике.

Если развитие производительных сил позволяло судить о степени общественного прогресса, то преодоление эксплуатации не имело и не могло иметь четкого выражения. Поскольку она (эксплуатация) наиболее наглядно раскрывается именно как совокупность определенных форм организации хозяйственного процесса, то и ее отрицание сопровождается выдвиганием форм, противоположных тем, которые существуют при капитализме. Абсолютное, «зряшное» отрицание одних форм и замена их другими, прямо противоположными, станет в будущем причиной удивительной схожести целого ряда признаков, провозглашаемых «подлинно коммунистическими», с чертами, характерными для докапиталистических формаций, с их более дикими формами эксплуатации, прямым принуждением к труду, отношениями личной зависимости индивидов. И это неудивительно, поскольку в представлении основоположников марксизма прямой антитезой капитализму (отношениям вещной зависимости) являются общества, основанные на зависимости личной. Об отрицании же системы как ее диалектическом «снятии» не могло быть и речи, раз отрицание ограничивалось совокупностью форм. Впрочем, такие повороты отчетливо проявятся позднее, в деятельности последователей К. Маркса и Ф. Энгельса.

Однако противоречие между содержательной и формальной характеристиками общественного прогресса не

сводится лишь к противоречию между развитием производительных сил и преодолением существующих форм эксплуатации, социальной несправедливости. Марксова концепция является гораздо более сложной идеологической и научной системой и, естественно, содержит в себе тонкую сеть противоречий, отражающих сложность объекта исследования — реальной социальной практики. Дело в том, что в самой трактовке обоих критериев движения к социализму есть определенная двойственность.

Так, в интерпретации социалистического идеала К. Маркс и Ф. Энгельс всячески стремились избегать указаний и предсказаний относительно каких бы то ни было конкретных форм, которые означали бы преодоление эксплуатации¹. Не достижение конкретных форм организации производства и распределения является, по Марксу, критерием антиэксплуататорской направленности тех или иных преобразований, но реальная (хотя и трудноидентифицируемая) тенденция к преодолению отчуждения, к «реальному гуманизму» — обществу, в котором «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»². Даже к такому, столь очевидному для всех коммунистов акту, как ликвидация частной собственности, К. Маркс подходил весьма осторожно, делая акцент не на формальной, а на содержательной стороне. Он предостерегал против сведения проблемы преодоления эксплуатации к юридическому факту отмены частной собственности, точнее, к отмене господствующих в данных условиях форм частной собственности. К. Маркс резко критиковал такие представления о коммунизме, в которых собственность полностью сосредоточивается в руках государства и «категория рабочего не отменяется, а распространяется на всех людей». Он видел в такой системе не отмену частной собственности, а ее «обобщение

¹ Ф. Энгельс в этой связи писал: «утопия возникает лишь тогда, когда пытаются, „исходя из существующих отношений“, предугадать форму, в которой должна быть разрешена та или иная противоположность, присущая существующему обществу» (Энгельс Ф. К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 18. М.: Госполитиздат, 1961. С. 277).

² Маркс К. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 447.

и завершение». Этому он противопоставлял задачу «положительного упразднения» частной собственности, «подлинного освоения ее», являющегося следствием преодоления отчуждения и означающего гармонизацию интересов индивидов, превращение всех трудящихся в активных субъектов осуществления социального процесса¹.

Вместе с тем в ряде случаев в работах основоположников научного социализма делается бесспорный акцент именно на преодолении формальных признаков эксплуатации (или социальной несправедливости), естественным следствием чего являются и некоторые уравниательные идеи. Чаще всего это проступает в документах, написанных в пропагандистских целях, в отличие от собственно научных исследований.

Двойственность прослеживается и в анализе проблемы прогресса производительных сил. Абсолютизация характерной для XIX века тенденции к обобществлению в форме централизации производства и управления предопределила сохранение в концепции К. Маркса и Ф. Энгельса некоторых черт «идеологии упрощения». Преодолев догмы об упрощении потребностей и целей членов коммунистического общества, они сохранили ее в рассуждениях о механизме функционирования нового строя, что нашло концентрированное выражение и в известном тезисе о «прозрачности» будущих производственных отношений, и в отсутствии сколько-нибудь отчетливых представлений о трудовой мотивации в коммунистической системе. В понимании этих вопросов существенного шага вперед по сравнению с «патриархами социализма» сделано не было. Именно это, по-видимому, явилось важным основанием для вывода о ликвидации с победой пролетарской революции товарно-денежных отношений и сохранении на первой фазе коммунизма «рабочих квитанций», регулирующих соотношение между мерой труда и мерой потребления. Иными словами, налицо было явное противоречие

¹ См.: *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 года // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 114–117.

между усложнением личностных характеристик новой формации и упрощением экономических принципов ее функционирования. Использованное как-то К. Марксом сравнение социалистического производства с единой фабрикой¹ вряд ли поэтому можно отнести исключительно к разряду фигуральных.

Дальнейшее развитие учения К. Маркса и Ф. Энгельса осуществлялось видными теоретиками европейской социал-демократии в обстановке острой идейной борьбы, характерной чертой которой было не только отстаивание «чистоты принципов» по отношению к другим доктринам, но и известное взаимопроникновение разных концепций социализма. Творческое развитие марксизма, стремление ответить в его рамках на новые вопросы, выдвигавшиеся ходом истории, сочетались с такими постановками, которые по сути своей означали упрощение первоначальной концепции, вульгаризацию ее внутренней логики и гуманистического идеала. Определенную роль играло и положение марксизма не только как теоретической доктрины, но и как революционной идеологии, нуждавшейся в пропаганде и распространении среди самых широких и разнородных слоев трудящихся. Пропагандистский аспект занял в конце XIX века центральное положение в деятельности многих ведущих теоретиков западноевропейской социал-демократии, среди которых были А. Бебель, Ж. Гед, П. Лафарг. При всей важности подобной деятельности она не могла не привести к определенному побочному результату.

Так, в работах многих социал-демократов видное место начинают занимать темы: «Государство будущего», «Общество будущего», «Конечные цели социал-демократов» и т. п.² Все чаще будущее предстает в виде совокупности конкретных форм организации общественной жизни, труда и быта граждан. Существенное влияние на это оказывают

¹ См.: *Маркс К.* Нишета философии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955. С. 153.

² См., например: *Бебель А.* Наши цели. Одесса: Изд-во М. С. Козмана, 1905; *Бебель А.* Общество будущего. Пг.: Гос. изд-во, 1919; *Гед Ж., Лафарг П.* Чего хотят социал-демократы. М., 1917.

представления об упрощении социально-экономических и технических принципов организации народного хозяйства по мере развития производительных сил. Дело доходит до крайностей. Например, Ж. Гед и П. Лафарг видят «интеллектуальную подготовку коллективной формы собственности» в превращении всех занятых на капиталистической фабрике («от рабочего до директора») в более или менее однородные винтики огромной производственной машины, которая ими всеми управляет. Развитие же производительных сил трактовалось лишь как процесс упрощения труда, снижения потребности в квалифицированной рабочей силе по мере появления новых машин.

Специфические условия России рубежа XIX–XX веков оказали своеобразное влияние на теоретические позиции ее социал-демократии. В стране были довольно распространены уравнилельные, «упрощенческие» представления о справедливости, для которых имела широкая социальная база — пролетаризировавшееся крестьянство. Подобные взгляды и настроения получали соответствующее концептуальное оформление в платформах политических организаций, выражающих интересы этих социальных сил (анархистов, части эсеров). Потенциально способными последовательно отстаивать гуманистический, демократический идеал социализма оказались в тех условиях социал-демократы. Именно на неразрывность гуманистической сущности нового строя и рациональности его хозяйственной организации делали они упор в полемике с представителями других течений социализма.

О проблемах взаимосвязи экономического и социального прогресса в современном мире вообще и в условиях только развивающегося, «полудикого» российского капитализма в частности, пишет и В.И. Ленин в одной из самых ранних своих работ — «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Еще сильнее звучит у него эта идея применительно к социализму, что проявилось, например, в дискуссии при разработке первой программы РСДРП. Соотношение экономического и социального прогресса, проблема сочетания централизованного

регулирования хозяйственной жизни с расцветом гуманизма и индивидуального творчества занимали в тот период и других социал-демократов. Специальный анализ был предпринят и В.А. Базаровым — в дальнейшем известным философом и экономистом, автором одного из лучших переводов на русский язык «Капитала». Его взгляды представляют безусловный интерес: они принадлежат большевику-интеллектуалу и в значительной мере отражают понимание названных проблем российскими марксистами.

В.А. Базаров ищет ответ на принципиальный вопрос: сможет ли общество, обеспечивающее социальную справедливость для своих граждан, и если сможет, то при каких условиях, создать механизм, более благоприятный для развития производительных сил, чем это делает современный капитализм. Иными словами, при каких условиях возможна экономическая победа социализма? В.А. Базаров не строит никаких иллюзий относительно того, сколь сложна будет победа, — ведь существующая система производственных отношений в отличие от всех предыдущих снимает практически любые ограничения (сословные, организационные, национальные, идеологические и др.) в поступательном развитии науки, техники, производства.

Что же может противопоставить этому коллективистский строй, кроме всеобщего братства? Остаются ли ему какие-нибудь надежды? Автор выделяет два принципиальных момента, без которых ответ на последний вопрос может быть только отрицательным. Во-первых, социализм может победить, лишь обеспечив преобразование всей хозяйственной системы по единому плану. Постепенное внедрение «зачатков социализма» (что предлагали, например, анархисты) — дело совершенно невозможное. Во-вторых, социализм победит только в том случае, если будет «совершенно свободен от каких бы то ни было норм, ограничивающих развитие производительных сил». Ни одна социальная форма, замечал В.А. Базаров в полемике с Н.Н. Михайловским, сама по себе не может быть априорно признана социалистической, из каких бы соображений морального порядка она не исходила. «Повышение производительности

труда должно теперь стать единственным критерием, определяющим собой размеры и формы общественного производства», — писал он¹.

Вместе с тем в исследовании В.А. Базарова воспроизводятся традиционные для марксизма подходы, сочетающие гуманистический характер будущего строя, его нацеленность на удовлетворение многообразных потребностей индивидов с упрощением механизма функционирования хозяйственной системы. Однако автор в данном случае не ограничивается простой констатацией черт социалистического общества, но предпринимает попытку раскрыть внутреннюю связь между ними, которая позволила бы разрешить возникающие противоречия. Естественно, это не удастся. С одной стороны, утверждается, что социализм должен учитывать безусловную неоднородность потребностей индивидов как с количественной, так и с качественной точки зрения. С другой стороны, согласование интересов (а разнообразие потребностей неотделимо от разнообразия интересов) автор считает возможным легко обеспечить проведением соответствующих математических расчетов, однозначно и убедительно показывающих гражданам наилучший для всех вариантов развития производства. «Полное единогласие само обеспечивается общезначимостью математических аксиом»², а потому лишается смысла проблема «издержек централизации», связанных с установлением авторитарного (или деспотического) режима руководства обществом.

Математически эта логика понятна. Поскольку имеется целевая функция, описывающая желательное состояние системы по данному критерию, постольку можно найти решение поставленной задачи для каждой данной точки траектории. Однако нетрудно заметить и коренной порок подобных рассуждений, вытекающий из идеи абсолютной детерминированности и безальтернативности социально-экономического оптимума. Но ведь развитие общества альтернативно, причем сама целевая функция (от формулировки

¹ Базаров В.А. Анархический коммунизм и марксизм. СПб.: Тип. Т-ва «Народная польза», 1906. С. 88–89.

² Там же. С. 166.

которой зависит и решение оптимизационной задачи, т. е., в нашем случае, нахождение точки согласования интересов) зависит от соотношения социальных сил, интересов и множества других факторов, далеко не всегда учитываемых в принципе.

Не останавливаясь подробнее на многочисленных теоретических изысканиях социал-демократов начала нашего столетия, подведем некоторые итоги. Противоречивость критерия социально-экономического прогресса проявилась к этому времени в различных формах и аспектах: между свободой и равенством, между социальной и экономической динамикой и т. д. В конечном же счете это было противоречие между существом, общей основой прогресса и вероятными формами организации хозяйственной жизни, которые могут складываться под влиянием разнообразных факторов, не последнее место среди которых занимают и факторы идеологические, доктринальные — стремление осуществить всеобщее равенство (в том или ином его понимании), освободить народ от эксплуатации (разумеется, в современных ее формах), сделать всех счастливыми и т. д.

Впрочем, пока социализм оставался теорией, противоречие это носило лишь теоретический характер. Но уже совершенно по-иному встал вопрос с победой Октябрьской революции в России, когда задача перехода к новому строю переместилась непосредственно в область конкретной политики.

* * *

Революция, нацеленная на построение коммунизма и победившая (если понимать под победой сам акт захвата политической власти) в стране с абсолютным преобладанием мелкобуржуазности в экономике и в массовом сознании, с довольно низкой общей культурой населения, естественно, стала развиваться преимущественно по пути замены одних хозяйственно-политических форм другими. Путь национализации, конфискации, экспроприации явился не только и даже не столько результатом определенных программных

установок, он был самым простым и понятным способом разрушения старого мира — отвоения страны у эксплуататоров, у богатых для бедных.

Руководство большевистской партии в основном отдавало себе отчет в формальном характере всех этих мероприятий. Широко известны размышления в начале 1918 года В.И. Ленина, противопоставлявшего формальное обобществление (захват рабочими заводов и фабрик) «обобществлению на деле»¹. Высшие органы республики пытались поставить национализацию в какие-то рамки, принимали на этот счет специальные постановления. Однако мне представляется, что, несмотря на более осторожную позицию правительства, по существу целевые установки верхов и низов совпадали. Низы стремились скорее сбросить «цепи эксплуатации», которые для пролетариев ассоциировались с частной собственностью хозяев. Верхи же видели в подобном изменении форм хозяйственной жизни не только освобождение народа от эксплуатации, но и создание предпосылок для будущего быстрого развития производительных сил и все более полного удовлетворения потребностей трудящихся.

В конечном итоге все это привело к утверждению хозяйственного и политического режима, получившего название «военный коммунизм». Его характерные черты и противоречия хорошо известны. Однако утверждение военного коммунизма объясняется, как правило, суровой обстановкой гражданской войны, чрезвычайной разрухой, в которую уже к тому времени было повергнуто народное хозяйство России. Между тем, каковы бы ни были непосредственные предпосылки этого, сам военный коммунизм рассматривался основной массой революционеров как торжество именно тех форм, ради которых и совершалась пролетарская революция. Зигзаги истории привели к тому, что на определенном этапе требования военной необходимости и идеологической доктрины совпали. Разве не должна была доктрина

¹ Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 171.

праздновать победу?! Действительно, в стране проведена практически полная национализация основной массы средств производства. Государственный банк, поначалу преобразованный в «Народный», был затем и вовсе закрыт. Не за горами и ликвидация системы финансов. С частной торговлей ведется решительная борьба. Разрабатывается единый хозяйственный план, который свяжет все хозяйство в целостный организм, крупный комбинат, где сотни миллионов людей будут работать так же четко, как часовой механизм. Словом, налицо все основные предпосылки нового строя: централизация управления, натурализация хозяйственных связей. Не хватает, правда, планомерности (хаос, неразбериха даже усиливаются), но это вполне может быть объяснено и оправдано военной обстановкой.

Характернейшей чертой идеологической базы военного коммунизма было убеждение в том, что к подобным формам организации общественной жизнедеятельности ведет сама объективная тенденция развития производительных сил. Из этого непосредственно выводились формы хозяйства, политики, психологии, быта. Прогресс производительных сил, повышение производительности труда в условиях современного крупного машинного производства (а ведь за ним будущее!) немыслимы без железной дисциплины, работы всех по единому, централизованно установленному плану-расписанию. «Планомерное общественное хозяйство — это единое предприятие, — рассуждал, например, Л.Н. Крицман. — И потому, что оно гигантски велико и сложно, особенно необходимо внимание к железной логике его движения. В царстве труда нет места свободе, в нем царствует необходимость»¹. В такой системе нет места свободе ни для рабочих, ни для производственных коллективов.

Эта позиция вовсе не была каким-то крайним, экстремистским выражением идеологии военного коммунизма. Представления об абсолютной тенденции производительных сил к укрупнению и централизации и ее влиянии на

¹ Крицман Л.Н. О едином хозяйственном плане. М.: Госиздат, 1921. С. 10, 11, 17.

все другие аспекты жизни человека были доведены до логического конца А.К. Гастевым. Он утверждал, что победа крупного машинного производства неизбежно ведет к стандартизации (или нормализации) других общественных отношений, не только производственных, но и интеллектуальных, семейных, бытовых, к нивелированию психики и интимной жизни¹.

Подчеркнем еще раз, что подобные выводы были в значительной мере следствием и доведением в теории до логического конца определенной тенденции движения производительных сил; тенденции, на анализ которой опирался в свое время К. Маркс и которая в начале XX века проявилась еще более ярко и многим могла казаться решающей, обеспечивающей наивысший рост производительности труда (подтверждением чему на Западе были успехи Форда и Тейлора) или даже единственно возможной. Это заблуждение, впрочем, не было в те годы «привилегией» одних только марксистов (аналогичные идеи получили широкое распространение, о чем свидетельствует появление тогда же антиутопий Е.И. Замятина, О. Хаксли и других писателей).

Однако при всей «идеологической чистоте» и «производственной детерминированности» рассмотренных представлений их практическая реализация вскоре показала, что предлагаемая модель коммунизма на самом деле была далека от его гуманистической сущности и раскрытия экономического потенциала. Все свелось к насаждению форм, якобы соответствующих коммунизму. Об этом свидетельствовало влияние военно-коммунистических принципов и на динамику производительных сил, и на характер складывающихся производственных отношений, прежде всего отношений собственности, если рассматривать проблемы с содержательной, а не с формальной точки зрения.

Производительные силы страны погружались в хаос, который не мог быть объяснен лишь обстановкой многолетней

¹ См.: *Гастев А.* О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9–10. С. 43–45.

войны. Усиливающиеся деформации производства, нарушение устоявшихся хозяйственных связей в значительной мере были порождены порочностью самой системы бюрократического административного централизованного управления, отсутствием реальных стимулов к труду, к рационализации производственного процесса.

Единый хозяйственный план, на который возлагались столь большие надежды и разработка которого поначалу казалась делом относительно несложным, оставался объектом политических мечтаний и деклараций. Даже последовательные идеологи военного коммунизма признавали отсутствие какого бы то ни было намека на реальную планомерность. «Отсутствие планомерности, следовательно, отсутствие предвидения, означало непрерывные противоречия между многочисленными хозяйственными органами; но в то время как в условиях товарного хозяйства эти противоречия принимают форму рыночной конкуренции, в условиях пролетарско-натурального хозяйства, которое является своего рода федерацией ведомств и главков, они делают необходимыми соглашения (пресловутые «согласования») между соответственными органами, — писал позднее Л.Н. Крицман. — В соответствии с тенденцией пролетарско-натурального хозяйства к рационализации, к уничтожению фетишизма, анархический хаос товарных отношений кристаллизуется в форме комиссий, становится явным, не переставая из-за этого быть хаосом»¹.

Основные сложности, однако, были связаны с тем, что победившая революция не смогла дать позитивного, содержательного решения проблемы собственности. Частная собственность отвергалась однозначно и бесповоротно. Но что приходит на смену? До Октября 1917 года этот вопрос не вызывал особых сомнений — рабочие становятся собственниками и как таковые участвуют в организации производства. На практике все оказалось значительно сложнее. Ведь задача ликвидации частной собственности, понимаемая не с формально-юридической точки зрения, а по существу,

¹ Крицман Л. Героический период Великой русской революции. М., 1925. С. 148.

предполагает формирование таких субъектов собственности, которые имели бы значительно более мощные стимулы к социально-экономическому прогрессу, росту производительности труда, чем при капитализме. Поскольку же последний не имеет и не может иметь никаких пределов для своего роста, кроме, как представлялось тогда, отсутствия действенного механизма согласования интересов хозяйствующих субъектов, постольку собственность, приходящая на смену частной, могла быть более эффективной лишь при условии формирования реального носителя стратегических интересов в национальном (или даже в мировом, поскольку коммунизм иначе не мыслился) масштабе. Предпринимавшиеся в 1917–1920 годах попытки решения этой задачи терпели полный провал.

Первоначально большие надежды связывались с рабочим контролем, органы которого, формируясь снизу вверх, должны были участвовать в организации «своего» производства, а на верхнее звено этой пирамиды предполагалось возложить функции планомерного руководства всем народным хозяйством. Утопичность подобного проекта выявилась в течение нескольких месяцев. Жизнь показала, что органы рабочего контроля выражают интересы, во-первых, локальные, во-вторых, текущие, в-третьих, по преимуществу потребительские.

Не удалось решить проблему собственности и на путях создания единого центра. Образованный с этой целью ВСНХ вскоре превратился в обычное министерство промышленности, раздираемое к тому же противоречиями между составляющими его вертикальными структурами — главками и центрами. В дальнейшем функции единого центра попытался взять на себя Совет труда и обороны, но и из этого не получилось ничего, кроме создания очередной, хотя и высшей, планово-распределительной междудомственной комиссии.

Процветавший в государственном и хозяйственном аппарате бюрократизм и неуклонно снижающаяся эффективность общественного производства не оставляли никаких иллюзий относительно наличия хозяйской мотивации

у трудящихся. Энтузиазм участников первых субботников не может опровергнуть того, что в годы военного коммунизма воспроизводилось отчуждение работника от активного участия в социально-экономическом процессе, а именно в этом состоит важнейшая содержательная характеристика наличия или отсутствия общественной собственности. Ярче всего реальность отчуждения проявлялась, пожалуй, в признании высшим политическим руководством страны допустимости использования в широких масштабах внеэкономического принуждения к труду, трудовых армий и трудовых мобилизаций в качестве нормального инструмента решения хозяйственных задач.

Между тем без позитивного решения проблемы собственности революция не может достичь своих созидательных целей. Отрицая господствующие отношения собственности, можно разрушить старый общественный строй с присущими ему формами организации экономической жизни, но нельзя построить новый. Для этого нужны хозяйствующие субъекты, имеющие мотивацию собственника. Практика же военного коммунизма свидетельствовала о потребительском характере этого строя. Он мог в определенной мере обеспечивать перераспределение уже имеющихся ресурсов, но, не формируя адекватной мотивации, являлся тормозом на пути прогрессивного развития производительных сил. Необходим был коренной поворот в идеологической доктрине социализма (или, поначалу, в понимании путей к нему), перемещающий акцент с формальных критериев социалистичности к сущностной стороне общественного прогресса, к созданию экономических, социальных, политических и иных условий, наиболее благоприятных для роста производительных сил. Известный ленинский афоризм «Производительность труда — это, в последнем счете, самое главное для победы нового общественного строя» должен был наполниться реальным социально-экономическим содержанием. Такой поворот и нес с собой нэп — не только как хозяйственная практика, но и как предпосылка (первоначально только предпосылка) нового шага в теоретической модели социализма.

* * *

Создание социально-экономического механизма, стимулов динамичного развития производительных сил — в этом состояла важнейшая задача нэпа. Ее решение требовало активизации хозяйской мотивации субъектов производственных отношений во всех секторах (укладах) советской экономики. Отказ от формальной интерпретации пути к социализму в отношении как организации производительных сил, так и самого экономического механизма — такова фундаментальная идея, на которой основываются работы Н.И. Бухарина и Г.Я. Сокольникова, В.А. Базарова и А.М. Гинзбурга, А.М. Кактыня и В.Н. Сарабьянова, а также других авторов 1920-х годов.

Для решения социально-экономических задач, стоявших перед советским обществом, необходимо было перейти, как писал, например, А.М. Кактынь, от грубых, административных методов управления к экономическим, присущим не только современному капитализму, но и социализму на его развитых стадиях. По мнению названных авторов, эффективное хозяйствование предполагает отказ от тотального централизованного регулирования всех параметров экономического процесса, расширение самостоятельности предприятий, преодоление ведомственности в планировании и управлении и даже возможность полного перехода в будущем от директивного планирования к рекомендательному. Наконец, обращает на себя внимание содержащееся в ряде выступлений предостережение от монополистических тенденций в советском хозяйстве и признание необходимости использования в нем элементов конкуренции как важного условия, позволяющего обеспечить прогресс производительных сил, не допустить их застоя. Подчеркивая противоположность военного коммунизма и нэпа прежде всего с точки зрения проблемы мотивации, В.Н. Сарабьянов писал: «Там — принуждение, здесь — добровольчество; там — навязывание продуктов, здесь — поставка их по согласованию с местными органами; там — централизм, созданный сверху, здесь — выросший из низов»¹.

¹ Сарабьянов Вл. Является ли нэп отступлением? М.; Л., 1926. С. 25.

Однако заложенные в основу новой экономической политики принципы так и не были последовательно проведены в жизнь. Стимулы, давшие в начале 1920-х годов мощный толчок росту производительных сил и обеспечившие быстрое восстановление народного хозяйства, не были доведены до объективно необходимого результата: так и не удалось превратить всех трудящихся в реальных собственников средств производства. Несмотря на многочисленные декларации, работники государственных предприятий оставались наемными, положение крестьянства также было весьма нестабильным из-за господства уравнилельных представлений о социализме как среди основной массы самих же крестьян, так и в политическом руководстве страны. Административное воздействие на хозяйственные процессы не прекращалось и не ослабевало, и это было, безусловно, одной из важных причин того, что экономика развивалась неровно, фактически двигаясь от кризиса к кризису.

Ситуация обострялась и несогласованностью концепций экономического и политического обновления. Нэп не был дополнен политической реформой. Более того, собственно политические решения X съезда партии, провозгласившего поворот в экономике, и ряд последующих документов 1921–1923 годов только ужесточали сложившийся в период военного коммунизма политический режим в стране и партии. Положение дел осложнялось весьма своеобразной ситуацией в среде видных большевистских деятелей: как показывают материалы XI съезда РКП(б), сторонники последовательного развертывания нэпа, как правило, выступали против демократизации политической системы и внутрипартийной жизни, а активные сторонники последнего зачастую весьма прохладно относились к принципам нэпа.

Словом, годы нэпа были противоречивым периодом в истории нашей страны. Вопреки широко бытующему убеждению это было время не только и даже не столько господства хозрасчета, здравого смысла, хозяйской мотивации, сколько перегруппировки и постепенного укрепления позиций тех, кого один из публицистов тех лет образно назвал «роландами неистовыми военного коммунизма».

Не выдержав открытого и содержательного сопоставления с нэпом (который, несмотря на все противоречия, создал значительные стимулы для развития производительных сил), идеологи военного коммунизма перешли в 1920-е годы к открытой апологии определенных хозяйственных форм. Если раньше (в 1918–1920 годах) речь шла по преимуществу о том, что производительные силы требуют соответствующих форм организации народного хозяйства (жесткой централизации, плана-расписания и т. д.), то теперь сам «критерий социалистичности» был перенесен непосредственно в область хозяйственных форм, достижение которых и означало бы победу нового строя, во-первых, и, во-вторых, создало бы (хотя, возможно, и не сразу) лучшие условия для роста производства.

В теории и на практике утверждение военно-коммунистической «формулы прогресса» в рамках нэпа проявлялось по-разному.

Прежде всего надо отметить представление об априорной прогрессивности государственной формы собственности по отношению ко всем другим. В принципе, так рассуждали и многие большевики — последовательные сторонники нэпа; однако, по их мнению (представленному, в частности, в докладе В.И. Ленина на XI съезде партии, в работах Н.И. Бухарина 1924–1926 годов), государственная собственность может и должна доказывать свое историческое преимущество в конкурентной борьбе с частным капиталом на внутреннем и внешнем рынках. Развивая эти идеи, председатель ВСНХ Ф.Э. Дзержинский обращал внимание на целесообразность развертывания конкуренции и между государственными трестами, требовал не допускать использования синдикатской формы для монополизации рынка, ведущей к росту цен и игнорированию запросов потребителей.

На практике, однако, все обстояло иначе. По сути дела, реализовывались идеи одного из ведущих левых теоретиков-экономистов — Е.А. Преображенского. Он резко возражал против конкуренции государства с частником, поскольку, по его мнению, более высокая эффективность

(рентабельность, выгодность) капиталистического предприятия по сравнению с социалистическим не может играть критериальной роли. Имеет значение лишь большая прогрессивность всей социалистической системы по сравнению с капиталистической, порождающей кризисы, войны и другие потрясения¹. Такой подход лежал и в основе требований ряда экономистов проявлять революционную бдительность при проведении в жизнь принципов нэпа, быть чрезвычайно осторожными при переводе предприятий на хозрасчет и даже отвечать «коммунистической реакцией» (термин Ю. Ларина) на чересчур активные действия в этом направлении. Задача вытеснения чуждого новому строю частного капитала при помощи административных мер естественно вытекала из подобной логики. Эффективное частное хозяйство оказывалось опасным для социализма и уже потому уголовно наказуемым².

Практическая реализация этой линии оказывала негативное влияние на возможности динамичного развития производительных сил. Прежде всего, это отражалось на положении дел в аграрном секторе — важнейшем тогда в экономике страны как по количеству занятых, так и по его экспортной роли. Любой вырывающийся вперед крестьянин, способный достичь более высокой производительности труда, получать повышенные доходы и, следовательно, способный увеличивать фонд накопления (покупать удобрения, технику и т. д.), а не только свое личное потребление, автоматически записывался в кулаки со всеми вытекающими отсюда последствиями (отменой государственных

¹ См.: Преображенский Е. Основной закон социалистического накопления // Вестник Коммунистической академии. 1924. Кн. VIII.

² Подобное понимание проблем отнюдь не является атрибутом далекого прошлого. Схожие аргументы выдвигаются некоторыми исследователями 1920-х годов и в наши дни. Так, объясняя объективные основы слома нэпа, В. П. Дмитренко утверждает буквально следующее: «Опасным был сам пример частного предпринимательства, который рядом с государственным аппаратом, не умеющим еще торговать, демонстрировал способность быстро проложить дорогу от производителя к покупателю» (Данилов В. П., Дмитренко В. П., Лельчук В. С. Нэп и его судьба // Историки спорят. 13 бесед / Под общ. ред. В. С. Лельчука. М.: Политиздат, 1989. С. 145.). К этому можно только добавить, что в условиях отсутствия конкуренции государственный торговый аппарат так и не научился «быстро пролагать дорогу от производителя к потребителю».

льгот, предоставлявшихся беднякам и середнякам, ухудшением условий снабжения, что было особенно болезненно в обстановке нараставшего товарного голода, поражением в политических правах). Регулярные переделы земли также не способствовали формированию психологии рачительного хозяина.

Соответствующие военноревOLUTIONИСТИЧЕСКОЙ доктрине идеи развивались и многими «аграрниками-марксистами»: велись интенсивные дискуссии о том, по каким критериям может быть правильно прослежена дифференциация деревни, кого относить к кулакам и т. п. Словом, вопрос, кого считать эксплуататором, чрезвычайно заботил этих экономистов, будучи для них гораздо важнее того, какое хозяйство и почему функционирует эффективнее. В поиске эксплуататора иной раз доходили до выводов курьезных, хотя и имевших весьма печальные последствия для развития производства: крестьянин, нанимавшийся к другому крестьянину для выполнения определенного вида работы и использующий для этого свои технические средства, объявлялся эксплуататором того, кто его нанимает.

Словом, экономические и политические условия развития деревни делали крайне невыгодным и даже опасным эффективное хозяйствование на земле, подрывая у более зажиточных слоев стимулы к накоплению, к инвестированию капитала в развитие производительных сил, а у более бедных слоев крестьянства — стимулы к труду. В деревне формировалась достаточно активная армия люмпенских элементов, весьма заинтересованная в регулярных «черных переделах», а государственные органы не столько пытались решить проблему аграрного перенаселения, сколько сознательно или бессознательно подпитывали люмпенскую психологию лозунгами о бедняках как социальной основе Советской власти в деревне. Экономическая логика оказалась как бы поставленной с ног на голову: в быстром росте индивидуального крестьянского хозяйства видели показатель социального регресса аграрного сектора, его несоответствие новым, высшим формам организации производства.

Некоторые экономисты, впрочем, пытались доказать ошибочность изложенных выше теоретических изысканий, ссылаясь на то, что крестьянское хозяйство в СССР в своей массе является трудовым, т. е. дифференциация имеет под собой в основном трудовые корни. Однако эта аргументация была не только неубедительной для их оппонентов, но вряд ли правильной по существу. Не соглашаясь с выводами о росте капиталистических элементов в деревне, эти авторы фактически опирались на ту же логику анализа, перенося центр тяжести с исследования существа социально-экономического процесса (поиск оптимальных условий для динамичного роста производительных сил) на более поверхностные вопросы.

Аналогичные проблемы стояли и перед частником в промышленности и торговле. Политическая ущербность, неуверенность в завтрашнем дне, постоянные колебания официальной позиции по отношению к частному сектору (до середины 1925 года она то либерализовывалась, то ужесточалась, а затем процесс административного вытеснения «несоциалистических форм» стал необратимым) — все это также подрывало заинтересованность в производственном накоплении, не способствовало формированию собственника — носителя долгосрочной, стратегической мотивации.

Хозяйственно-политическая система, основанная на столь неустойчивом фундаменте, не могла существовать долго. «Вакуум собственности» должен был быть заполнен, что и произошло в конце 1920-х годов. К этому времени в экономической теории и на практике уже сформировались и были открыто противопоставлены друг другу два принципиально разных понимания стратегических установок по коренной реконструкции советского народного хозяйства.

В начале 1927 года на обсуждение ученых и практиков был вынесен разработанный в Госплане под руководством С.Г. Струмилина развернутый проект пятилетнего плана. Его текст начинался с изложения критериальной установки пятилетки: «Задача перспективного плана народного хозяйства СССР в настоящий момент может быть сформулирована как задача такого перераспределения наличных производительных сил общества, включая сюда и рабочую силу

и материальные ресурсы страны, которое в оптимальной степени обеспечивало бы бескризисное расширенное воспроизводство этих производительных сил возможно быстрым темпом в целях максимального удовлетворения текущих потребностей трудящихся масс и скорейшего приближения их к полному переустройству общества на началах социализма и коммунизма»¹. Как видим, критерий был тройственным (рост производительных сил, повышение благосостояния трудящихся, скорейшее развертывание процессов обобществления), что и вызвало сомнения ряда экономистов, показывавших возможность несовпадения динамики этих элементов, а потому подчеркивавших необходимость указать их соподчиненность, иерархию, выделить главный².

По мнению, четко сформулированному В.А. Базаровым (который, кстати, тоже работал в то время в Госплане), при всей важности каждого из названных критериев решающим является именно рост производительных сил: «Не производительные силы должны быть приспособлены к заранее данным априори санкционированным формам социализации, а как раз наоборот, проводимые в жизнь формы социализации должны неустанно пересматриваться, подвергаться критике и исправлению, раз они в недостаточной мере стимулируют развитие производительных сил»³. Предостерегая против ошибочных решений стратегического характера, он доказывал, что подход к проблеме общественного прогресса с точки зрения не его содержания, а социальной формы, чреват в будущем опасностями крупных потрясений для социализма⁴.

¹ Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/1927–1930/1931 гг. М., 1927. С. 1.

² См.: *Ванштейн Альб. Л.* К проблеме пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР // *Экономическое обозрение*. 1927. № 7. С. 33–34.

³ О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: дискуссия в Коммунистической академии. М., 1928. С. 81.

⁴ «В течение короткого срока может оказаться целесообразным, по тем или другим внеэкономическим соображениям, вовлечь в сферу обобществленного хозяйства такие отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной. Ибо превратить на 5, 10, 15 лет общественную организацию из формы

В этом вопросе многие экономисты, позиции которых, как правило, были далеки друг от друга, выразили практически единое мнение. Объективный экономический анализ возможностей социалистического накопления для быстрого и эффективного осуществления индустриализации на путях, исключающих экономические кризисы и социальные потрясения, свидетельствовал в пользу активного использования потенциала, заложенного в различных формах собственности. Но для этого надо было преодолеть идеологические предубеждения и обеспечить стабильные условия, заинтересовывающие предпринимателей в городе и крестьян в деревне в накоплении и эффективном использовании капитальных ресурсов.

Задача повышения эффективности государственных капитальных вложений также находилась в поле зрения советских экономистов рассматриваемого направления. Вызывала тревогу явная тенденция к тому, что отдача от инвестиционной деятельности государственных предприятий была существенно ниже, чем, например, у предприятий, строящихся при участии иностранного капитала. Для решения этой проблемы предлагалось использовать специальные финансовые рычаги, в какой-то мере аналогичные будущей плате за производственные фонды (введенной в 1965 году)¹.

Принципиально иных взглядов придерживались С.Г. Струмилин и его единомышленники. Обвинив своих оппонентов в «струвизме», эти авторы ключевую роль в современных условиях отводили внедрению в народное хозяйство социалистических форм (точнее, форм, которые было принято считать таковыми), невзирая на то что такая политика

хозяйственного развития в его „оковы“, хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, подготавливать в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение» (*Базаров В.* Принципы построения перспективного плана // *Плановое хозяйство.* 1928. № 2. С. 42).

¹ См.: *Базаров В.* О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // *Экономическое обозрение.* 1927. № 5; *Гинзбург А.М.* Некоторые предпосылки промышленной пятилетки // *Экономическое обозрение.* 1927. № 4; *Дезен А.* Развитие промышленности и национальное поколение // *Экономическое обозрение.* 1927. № 5; *Огановский Н.* Равновесие сельского и народного хозяйства СССР в аспекте перспективного плана // *Экономическое обозрение.* 1927. № 6, 7; и др.

может привести к известным жертвам в области производительных сил¹. Сами новые хозяйственные формы, полагали они, смогут в дальнейшем обеспечить поступательное развитие всех сторон общественной жизни, поскольку социализация укрепляет позиции диктатуры пролетариата — нового источника социально-экономической динамики, решающего фактора достижения целей реконструкции советского народного хозяйства.

Исход дискуссии зависел, впрочем, не столько от научных аргументов, сколько от характера социально-политических изменений, которые обрушились на страну. Непоследовательность в реализации принципов нэпа, во многом явившаяся следствием постоянного противоборства противоположных подходов к пониманию общественного прогресса, так и не позволила реализовать главную задачу — сформировать сильного собственника, заинтересованного в устойчивости складывавшихся на базе нэпа экономических отношений и имеющего долгосрочную мотивацию хозяина. Образовавшийся «вакуум собственности» должен был быть заполнен, что и сделал, хотя и в извращенной форме, так называемый «великий перелом» — утверждение административно-тоталитарного режима во всех сферах жизнедеятельности советского общества.

В данной статье не место специально анализировать причины совершившегося поворота, социально-экономическую природу установившегося режима. Заметим только, что в свое время, размышляя о перспективах развития революции в России, В.И. Ленин не исключал и возможности термидора. «„Термидор“? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим», — писал он². Конечно, прямых аналогий с Великой французской революцией тут быть не может, хотя бы уже потому, что подлинный термидор означал приход к власти крупных собственников, тогда как «великий перелом» выразился в огосударствлении всех форм

¹ См.: О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: дискуссия в Коммунистической академии. М., 1928. С. 38.

² Ленин В.И. Материалы к X Всероссийской конференции. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т. 43. С. 403.

собственности и в превращении всех граждан в чиновников, наемных рабочих или закрепощенных крестьян, обслуживающих сложившуюся систему собственности, объективно от всех отчужденную.

Теперь уже совершенно ясно, что установившаяся на рубеже 1920–1930-х годов система означала не выбор иного (по сравнению с тем, о котором писали теоретики нэпа) пути к социализму, а победу курса на иной социализм. Его существо связывалось не с созданием благоприятных условий для всемерного развития производительных сил, не с преодолением отчуждения и гуманизацией общественных отношений, а с утверждением определенных хозяйственных, политических и иных форм, причем именно тех форм, которые были выгодны господствующему слою, укрепляли его власть (иерархичность в организации производства, жесткая централизация управления, сосредоточивающая основные рычаги власти в руках немногих, административно-директивное планирование, формирование системы ответственности исключительно «снизу вверх» и т. д.). Отведение бюрократическому огосударствлению роли «критерия социалистичности», его идеологическое освящение в качестве незыблемого принципа, выражающего существо нового строя, не могло, разумеется, обеспечить стабильный рост производительных сил. Отсутствие реальной мотивации собственника привело уже в годы первых пятилеток, действительно отмеченных взлетом трудового энтузиазма, к колоссальным потерям, а впоследствии, с началом научно-технической революции, приобрело новую остроту, открыв прямой путь к застою.

* * *

Революционная перестройка разрушает крепости, которые еще нередко казались незыблемыми. Однако, как показывает жизнь, одним из наиболее сложных бастионов являются стереотипы общественного сознания. Широкие слои народа вступают в активную политическую жизнь, зачастую не освободившись от традиционных (или точнее, консервативных)

представлений о социализме, отождествляющих его с хозяйственными формами полувековой давности, которые, как внушали нам в течение десятилетий, якобы выражают сущность справедливого общественного устройства.

Для преодоления этих представлений (а таково одно из важнейших условий успеха перестройки) нужно, во-первых, обсуждая перспективы социально-экономического обновления нашего общества, не забывать о существовании иерархии критериев и о том, что определяющим по отношению ко всем другим является динамичное, поступательное развитие производительных сил — неперменная основа всех других параметров, характеризующих прогрессивное движение общества в направлении его гуманизации. Непосредственность в этом вопросе таит в себе опасность того, что отрицание критериальной роли конкретных форм административно-тоталитарного социализма приведет лишь к замене их иными формами, пусть даже и более общего характера. Политическая жизнь последнего времени, и особенно дебаты в Верховном Совете СССР по проблемам радикальной экономической реформы вообще, и форм собственности в частности, на мой взгляд, показывают обоснованность подобных опасений.

Во-вторых, важно выявлять формы собственности, наиболее удовлетворяющие общему критерию прогресса. Вся история теории и практики социализма свидетельствует, что важнейшей задачей является формирование субъекта собственности, способного обеспечить оптимальные условия для прогресса производительных сил. Решение этой задачи не должно быть связано никакими априорными ограничениями со стороны форм функционирования народного хозяйства, в том числе и форм собственности. Без этого нет эффективной экономики, а значит, и нет будущего, нет альтернативы застою.

Общество, называющее себя социалистическим или желающее быть таковым, не должно возводить никаких искусственных преград на пути развития производительных сил как естественной основы гармоничного развития личности. Тем более — преград идеологических.

МАРКСОВО УЧЕНИЕ О ПЛАНОМЕРНОСТИ И ВОПРОСЫ НЕПРЕРЫВНОСТИ ПЛАНИРОВАНИЯ В РАБОТАХ Г.М. КРЖИЖАНОВСКОГО И В.В. КУЙБЫШЕВА

Разрабатывая политическую экономию капитализма, К. Маркс доказал историческую ограниченность этого способа производства и неизбежность победы пролетарской революции. Вместе с тем анализ тенденций экономического развития капитализма позволил выявить основополагающие черты коммунистической общественно-экономической формации, среди которых важнейшая роль отводилась планомерности. В «Капитале» и ряде других произведений К. Маркс обосновал возможность и необходимость установления планомерной формы организации производства, что является условием преодоления фетишизации производственных отношений¹ и достижения человеком подлинной свободы².

Опубликовано в: К. Маркс и развитие политической экономики. М.: ИНИОН АН СССР, 1984. (Деп. № 18600 от 31 октября 1984 г.)

¹ См.: Маркс К. Капитал. Т. I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. М.: Госполитиздат, 1960. С. 90.

² См.: Маркс К. Капитал. Т. III // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. М.: Госполитиздат, 1962. С. 386–387.

Задача планомерной организаций народного хозяйства встала со всей остротой после победы Великой Октябрьской социалистической революции. В работах В.И. Ленина получило дальнейшее развитие Марксово учение о планомерности, им были сформулированы основные принципы социалистического планирования. Марксистско-ленинские идеи в этой области развивались в 1920-е годы, прежде всего экономистами-марксистами Госплана во главе с Г.М. Кржижановским и В.В. Куйбышевым.

Следует подчеркнуть, что уже советским экономистам была ясна необходимость глубокого освоения теоретических выводов основоположников марксизма-ленинизма при разработке экономической теории социализма. «Маркс и Энгельс не могли и не пытались точно предусмотреть все богатство извилин и деталей конкретного пути, по которому придется идти победоносной пролетарской революции. Но они тем не менее сумели дать общие контуры социалистического планового хозяйства в крупных масштабах. Работа над будущей пятилеткой и генпланом должна быть теснейшим образом увязана с гениальными предвидениями и высказываниями Маркса и Энгельса», — писал М. Тулепов в статье «Основы теории планового хозяйства в работах Маркса и Энгельса»¹.

Одной из основных проблем планомерной организации общественного производства является обеспечение непрерывности планирования. И действительно, именно разработка системы плановых документов на различные периоды стала в 1920-е годы как бы ядром плановой деятельности, что предполагает исследование комплекса важных методологических вопросов. Большую роль сыграли тут работы Г.М. Кржижановского и В.В. Куйбышева, основные идеи которых в этой области и будут нами далее рассмотрены.

Идея обеспечения непрерывности планирования народного хозяйства, по сути дела, была заложена уже в плане ГОЭЛРО. С самого начала деятельности Госплана перед

¹ Тулепов М. Основы теории планового хозяйства в работах Маркса и Энгельса // Под знаменем марксизма. 1931. № 6. С. 126.

ним ставились задачи разработки системы плановых документов. Однако особое значение в этом деле имели решения съезда плановых органов, состоявшегося в начале 1926 года. Выступая на нем, Г.М. Кржижановский подчеркнул необходимость разработки системы научно обоснованных документов, включающую годовой, пятилетний и генеральный (на 10–15 лет) планы. «...Годичный план должен неизбежно являться лишь отрезком перспективного хозяйственного плана, предвидящего цикл хозяйственных работ примерно на пятилетний срок... В свою очередь перспективный план будет правильно скомпонован лишь при наличии правильно составленного генерального плана народного хозяйства. Сознание необходимости работы в этих трех направлениях, — признание, что тремя основными стержнями плановой работы должны быть план генеральный, план перспективный и планы годовые, операционные, с сопутствующей последним системой контрольных цифр, — широко распространено в кругу наших работников»¹. Стоит обратить внимание: в приведенной цитате пятилетний план рассматривается как центральный элемент системы. Итак, уже в 1920-е годы был сформулирован этот важный принцип, однако лишь на современном этапе развития теории и практики народнохозяйственного планирования он может быть в полной мере реализован.

Необходимо подчеркнуть, что уже в тот период было выдвинуто требование четкого разграничения целей, стоящих перед планированием на разные периоды, и связанной с этим дифференциации системы показателей, структуры планов². «Мы по-разному подходим методологически к задачам, стоящим в разрезе одного года, в разрезе пяти лет, в разрезе десяти и более лет. Наряду с этим мы создали свою систему конъюнктуры как хозяйственной вахты... Нельзя

¹ Кржижановский Г.М. Текущие проблемы планирования // Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. М.: ОНТИ. 1934. С. 293.

² Сказанное приобретает особую актуальность в современных условиях, когда разрабатывается целая система плановых документов вплоть до Комплексной программы научно-технического прогресса на двадцать лет. Если использование одних и тех же показателей в документах на различные периоды и облегчает составление планов, то не может не сказаться отрицательно на их качестве.

предъявлять пятилетнему плану такого рода запросов, которые мы можем предъявлять годовичному плану или генеральному плану», — писал Г.М. Кржижановский. И далее: «Годовой план — это больше всего план эксплуатации, план проведения в действие наличных установок хозяйственных ячеек, отрядов труда на том базисе, с некоторыми небольшими прибавлениями того строительства, которое в такой маленький отрезок времени можно сделать. Генеральный план, охватывающий 10–15-летний период, прежде всего, имеет строительную концепцию, а план пятилетний представляет и часть эксплуатационного плана, и часть плана строительства». Однако сказанное не следует понимать механически: в пятилетнем плане это два его органически связанных компонента, в плане годовом капитальное строительство не отсутствует полностью и не является лишь небольшим прибавлением, но остается «одним из основных стержней»¹.

С этой спецификой связано решение крайне остро обсуждавшихся тогда вопросов генетического и целевого подходов к планированию. Г.М. Кржижановский отмечал, что в «генеральном плане мы сосредоточиваем внимание... на самых широких обобщениях и конечных целях строительства»², тогда как в пятилетнем плане следует более подробно отражать достаточно близкие хозяйственные нужды, вытекающие из практического опыта, во всяком случае по сравнению с генеральным планом. О том, что это не следует понимать абсолютно, свидетельствует пример первого пятилетнего плана, который был бы менее научным, если бы был более «осторожным» и основывался бы только, или хотя бы в основном, на экстраполяции.

Естественно, что уже тогда особый интерес представляли перспективные планы, направленные на решение крупных социальных и экономических задач, на полное торжество социализма в нашей стране. Особое место они занимали и в работах Госплана СССР. Идея разработки

¹ Кржижановский Г.М. О пятилетнем плане // Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. М.: ОНТИ. 1934. С. 364–365.

² Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки // Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. М.: ОНТИ. 1934. С. 312.

пятилетнего плана была выдвинута в ходе становления теории и практики социалистического планирования. Ныне трудно себе представить народнохозяйственное планирование без этого понятия, без этого этапа, но тогда он вызывал многочисленные вопросы и споры, касающиеся срока планирования, широты охвата отраслей экономики страны. Предлагалось не связывать деятельность Госплана с документом на определенный период, ограничиваясь лишь определением тенденций хозяйственного развития. Предлагалось также, чтобы план для каждой отрасли охватывал период, зависящий от ее особенностей. Поэтому весьма важным было решение о разработке единого перспективного плана. Вот как объяснял Г.М. Кржижановский выбор именно пятилетия как периода планирования (и объяснение это в целом сохраняет актуальность и поныне): «Во-первых... пятилетний срок является достаточно охватывающим для крупных хозяйственных сооружений... Во-вторых... в нашем сельском хозяйстве наблюдается известная цикличность, позволяющая именно для периода в 5 лет положить в основу перспективного учета среднюю урожайность, ибо благополучные годы в редких случаях выходят за рамки трехлеток. И, наконец, в-третьих... разбивка генерального плана на пятилетние циклы имеет свои удобства в подразделении общих хозяйственных заданий на крупные строительные этапы, позволяющие сконцентрировать мысль проектирующих на основных, важнейших моментах хозяйственного строительства в целом»¹.

Огромная сложность этого дела заключалась не только в новизне и гигантских масштабах встававших проблем. Выше мы говорили о соотношении экстраполяции и целевых установок. Пятилетний же план, будучи центральным элементом системы плановых документов, несет в себе объективное противоречие, заключающееся в необходимости совмещения в нем обоих подходов. Эта проблема стоит и в наши дни, но особую остроту она приобретала в то время, поскольку «по самому существу своей переходной

¹ Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки. С. 309.

структуры» в экономике в значительной мере исключалась возможность экстраполяции из динамики прошлого. И в то же время этот срок недостаточен, чтобы противопоставить сразу же законосообразностям прежней хозяйственной структуры законосообразности новых хозяйственных отношений¹. Это противоречие могло быть разрешено только в ходе самой практической плановой деятельности.

Перспективные плановые разработки требовали повышения научной обоснованности планов, их сбалансированности. Г.М. Кржижановский выдвинул тезис о единстве плана и баланса², что было исключительно важно в условиях, когда планирование народного хозяйства находилось в стадии становления. Народнохозяйственное планирование неотделимо от разработки балансовых вопросов, и недаром приоритет в этой области принадлежит советским ученым. Однако многие вопросы требовали напряженных и достаточно продолжительных исследований. Прежде всего, это касается разработки единого баланса народного хозяйства. Сознывая сложности этого дела, руководители Госплана с самого начала его деятельности подчеркивали необходимость использования уже имеющихся балансовых схем, «балансовых прикидок», системы частных балансов.

Вместе с тем экономисты-марксисты подчеркивали, что сам баланс не может быть чем-то застывшим и план, построенный на его основе, должен быть не только стабильным, но и гибким. Народнохозяйственные планы рассматриваются в нашей стране высшими партийными и государственными органами и после утверждения принимают силу законов. Однако и теоретически, и практически весьма важным было положение, что «план не может быть вечным, постоянным, нерушимым... ни при каких обстоятельствах»³. Сочетание гибкости и стабильности плана — важнейшее условие его действенности, проблема, не решенная в полной

¹ См.: Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки. С. 309.

² См.: там же.

³ Куйбышев В.В. О выполнении пятилетнего плана промышленности // Куйбышев В.В. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1958. С.183.

мере и поныне. Причем под гибкостью мы понимаем даже не корректировки планов как таковые (хотя бы и в сторону повышения), но, прежде всего, возможность хозяйственного маневра. В этом смысле интересно высказывание Г.М. Кржижановского, который связывал решение этих вопросов с обеспечением сбалансированности народнохозяйственных планов, в которых «число и вес» и метод балансовых прикидок еще раз должны перестраховать нас от расплывчатости в работе и недоучета реальных ресурсов. «Если в этих направлениях мы добьемся надлежащей увязки, то в последнем счете вся система хозяйственного планирования будет иметь и достаточную гибкость для хозяйственного маневрирования и достаточную точность реагирования на действительные потребности хозяйственной практики»¹.

Со сказанным связано решение еще, по крайней мере, двух проблем в области планирования народного хозяйства.

Во-первых, следует подчеркнуть то большое значение, которое придавалось сбалансированности. Дело, однако, в том, как обеспечить эту сбалансированность, особенно в связи с проблемой «узких мест». Необходимо было найти в огромных преимуществах социалистического хозяйства пути преодоления этих «узких мест», не ограничивая плановые показатели их рамками, но и не игнорируя их. «Разве мы не преодолеваем ежегодно, ежемесячно, ежедневно эти „узкие места“? Разве не находим подчас совсем неожиданные способы преодоления затруднений и непреодолимых, казалось бы, лимитов?» — писал В.В. Куйбышев в статье «Ко дню индустриализации», опубликованной в «Правде» 6 августа 1929 года. «Слишком „трезвая“, консервативная мысль, цепляющаяся за сегодняшние технико-экономические условия, конечно, неспособна была сколько-нибудь удовлетворительно справиться с этой задачей»². Сам балансовый метод должен играть важную роль

¹ Кржижановский Г.М. Регулирование товарооборота // Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. М.: ОНТИ. 1934. С. 285.

² Куйбышев В.В. Ко дню индустриализации // Куйбышев В.В. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1958. С. 117, 118.

в предохранении плана «от опасности недоучета действительных ресурсов»¹.

Во-вторых, для обеспечения успешного выполнения плановых заданий необходимо иметь достаточные резервы (сырьевые, продовольственные, финансовые). Это подчеркивал В.В. Куйбышев: «Только наличие резерва позволяет разрешить те дополнительные задачи и успешно преодолевать те трудности, которые возникают в процессе выполнения плана»².

Использование балансового метода должно было способствовать существенному повышению качества планирования, чему Госплан и его председатели придавали очень большое значение.

Необходимость повышения действенности и обоснованности планов при одновременно возросшей сложности задач, встававших при переходе к перспективному (пятилетнему) планированию, объясняет ту большую роль, которую отводил Г.М. Кржижановский методу «постепенных вариантных приближений»³. В этом контексте, в частности, следует рассматривать и появление двух вариантов пятилетнего плана — отправного (минимального) и оптимального (максимального). Вокруг них развернулась острая дискуссия, которая была одним из проявлений классовой борьбы в условиях переходного периода. Буржуазные экономисты, с которыми фактически сомкнулись оппозиционеры в партийных рядах, не верившие в возможность успешного построения социализма в СССР, или поддерживали минимальный вариант, или даже и его считали нереальным. В этой борьбе, которая в конечном итоге велась вокруг вопроса о перспективах социализма в нашей стране,

¹ Кржижановский Г.М. Регулирование товарооборота. С. 285. Ныне масштабы советской экономики неизмеримо возросли. Но и на XXVI съезде партии было подчеркнуто, что необходима «всемерная концентрация сил на скорейшем завершении и пуске тех предприятий, которые способны обеспечить наибольший прирост продукции, расширить „узкие места“» (Материалы XVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981. С. 39).

² Куйбышев В.В. Народнохозяйственный план на 1931 г // Куйбышев В.В. Статьи и речи. Т. V. М.: Партиздат, 1937. С. 42.

³ См.: Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки. С. 310.

принимал участие и В.В. Куйбышев. Хотелось бы привести одну выдержку из его выступления на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 19 декабря 1930 года, в котором ярко проявляется сочетание черт хозяйственного и политического руководителя: «Тов. Рыков, к сожалению, до сих пор не понимает всей глубины своих разногласий с партией, не понимает того, что дело идет не о том или другом проценте роста или той или иной оценке отдельных трудностей. Дело в том, что *одна линия* была противопоставлена *другой* и были две прямо исключаящие друг друга политические линии. Со стороны партии это была *борьба за ту принципиальную политическую линию*, которая дала сейчас такие ощутительные *победы социализму*; со стороны правой оппозиции была борьба за ту линию, которая, если бы она победила, повела бы к неизбежному поражению дела социализма и победе капитализма»¹.

Но не означает ли все сказанное, что, выдвигая два варианта плана, Г.М. Кржижановский делал уступку тем, кто не верил в успех социализма? Разумеется, нет. Не говоря уже о том, что это был этап в ходе вариантных приближений, даже сами эти отправные установки отвергались буржуазными авторами и оппозиционерами. Наконец, один из важных аргументов в пользу отрицательного ответа на поставленный выше вопрос содержится в следующем положении, которое упускается из виду многими исследователями деятельности Г.М. Кржижановского: «Фактическое приближение к цифрам-показателям этого минимального ряда будет наглядным образом *сигнализировать нам о предстоящих опасностях* и предостерегать нас должным образом в нашем хозяйственном маневрировании. В этом — громадное служебное значение этого минимального хозяйственного ряда»². Такой подход к проблеме нам представляется весьма интересным.

Всякий народнохозяйственный план является классовым документом, выражает интересы господствующего

¹ Куйбышев В.В. Разгромить до конца правый уклон // Куйбышев В.В. Статьи и речи. Т. V. М.: Партиздат, 1937. С. 53.

² Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки. С. 315.

класса. Правда, в наше время интересы рабочего класса нашей страны стали интересами всего советского народа. Однако в 1920–1930-х годах шла острая классовая борьба. Поэтому необходимо особо подчеркнуть классовость первых пятилетних планов, их нацеленность на построение социализма, на вытеснение капиталистических элементов и полную их ликвидацию. Классовость плана предполагала укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства на основе совпадения их классовых интересов. Г.М. Кржижановский подчеркивал, что в конкретизации основ смычки между пролетарскими и бедняцко-середняцкими массами — сущность пятилетки¹. Соответствующие указания на классовость социалистических планов мы можем найти как в партийных документах тех лет, так и во многих статьях и выступлениях Г.М. Кржижановского и В.В. Куйбышева.

Но необходимо было смотреть дальше вперед, и уже на XV съезде партии, обсуждавшем вопросы пятилетнего плана, была поднята и проблема разработки генерального плана. «Совершенно ясно, что пятилетние перспективные планы — это вовсе не тот предел, которого мы не перейдем. Совершенно ясно, что размер нашего строительства таков, что мы на этой стадии остановиться не можем», — говорил тогда Г.М. Кржижановский².

Разработка генерального плана связывалась, прежде всего, с электрификацией страны, и именно в этом смысле шла речь о необходимости «второго издания» плана ГОЭЛРО. В этом плане предполагался «раздел, посвященный крупнейшим хозяйственным сооружениям», значение которого заключалось в обеспечении единства процессов строительства и освоения предприятий. И если пятилетие рассматривалось как нормальный срок для строительства крупных сооружений, то развертывание их эксплуатации выходило за его пределы. Наконец, за рамки пятилетия

¹ См.: Кржижановский Г.М. Пятилетний план народнохозяйственного строительства СССР. М.: Плановое хозяйство, 1929. С. 6.

² Кржижановский Г.М. Директивы по составлению пятилетнего плана развития народного хозяйства // Кржижановский Г.М. Соч. Т. II. М.: ОНТИ, 1934. С. 337.

выходят возможности существенного изменения специализации и комплексности развития экономических районов¹.

В ходе обсуждения вопросов построения генерального плана важно было, с одной стороны, доказывать его необходимость скептикам и, с другой стороны, бороться против утопических проектов некоторых сотрудников Госплана (например, «сильно преуменьшенными» назывались утверждения, что за один 1942/1943 хозяйственный год по электростроительству будет дано 48 Днепростроев и так далее²). Г.М. Кржижановский писал, что надо отрешиться от всяких установок, идущих под лозунгом «шапками закидаем», апеллирующих к утопическим построениям того или другого рода. «Генеральный план должен отметить новый этап нашей великой хозяйственной работы — борьбы. В нем действительно вырастают перед нами задачи специфического строительства второй программы партии»³. И как обобщающее положение звучат его актуальные и поныне слова: «Наш генеральный план должен вырастать из диалектики генеральных линий строительства нашего хозяйства. Он будет реальным планом как раз в меру своего соответствия этой решающей предпосылке всей его компоновки»⁴.

Ряд причин не способствовал окончательной разработке генерального плана. Прежде всего, следует отметить огромную методологическую сложность этого дела (подчеркнем, что речь шла именно о плане, не о прогнозе, хотя и разработка ориентировочного долгосрочного прогноза — дело весьма сложное). Однако многие высказанные тогда предложения представляют интерес и поныне.

Помимо рассмотренной выше трехзвенной системы плановых документов, анализ работ в области планирования народного хозяйства позволяет увидеть в экономической

¹ Кржижановский Г.М. К построению перспективной пятилетки. С. 312.

² См.: Кржижановский Г.М. Вопросы построения генерального плана // Кржижановский Г.М. Соч. Т. III. М.; Л.: ОНТИ, 1936. С. 285.

³ Там же. С. 296. По аналогии о ленинской оценке плана ГОЭЛРО генеральный план называется тут «второй программой партии».

⁴ Там же. С. 281.

литературе тех лет зарождение такого подхода, который ныне называется программно-целевым. Собственно говоря, сам план ГОЭЛРО был по существу своему долгосрочной целевой программой, что не раз отмечалось современными советскими экономистами. Мы же хотим обратить внимание на интересную постановку этой проблемы В.В. Куйбышевым (статья «К работам над пятилетним планом», опубликованная в «Торгово-промышленной газете» от 18 апреля 1929 года, № 15). Отмечая недостаточное развитие сырьевой базы, которая не обеспечивает в намеченных размерах развитие легкой индустрии, он делает вывод о необходимости тотчас же «взяться за работу над выработкой тщательно продуманного плана развития легкой индустрии и всего промышленного плана в целом». Для этого по каждому виду сырья сельскохозяйственного происхождения В.В. Куйбышев предлагает иметь специальный план (документ), включающий и финансовый план, и всю «систему агрикультурных и организационно-технических мероприятий»¹. Что тут имеется в виду, как не разработка комплексной программы развития сырьевой базы легкой промышленности? Отсюда уже очень близко до вывода о разработке программы развития группы отраслей, выпускающих конечную народнохозяйственную продукцию (например, те же отрасли, производящие сырье, плюс легкая промышленность, взятые как единое целое), тем более, что сам В.В. Куйбышев придавал важное значение переходу к планированию «не только по вертикали — по отраслям народного хозяйства, но и к планированию комплекса ряда отраслей», причем наука и техника рассматривались им как важнейшие элементы подобного комплексного планирования, без которых не может быть научного планирования, особенно перспективного². Уже сама постановка этой проблемы в таком достаточно конкретном виде является важным вкладом в теорию народнохозяйственного планирования.

¹ См.: Куйбышев В.В. К работам над пятилетним планом // Плановое хозяйство. 1936. № 3. С. 41.

² См.: Куйбышев В.В. Плановая система — мощный рычаг социалистической переделки страны // Куйбышев В.В. Статьи и речи. Т. V. М.: Партиздат, 1937. С. 78–79.

В заключение подчеркнем особое значение марксистских исследований в области народнохозяйственного планирования в рассматриваемый нами период, поскольку именно тогда решались многие важнейшие вопросы практической реализации вывода К. Маркса о плановости как фундаментальной черте нового способа производства. И в наши дни планирование народного хозяйства базируется на основополагающих марксистско-ленинских принципах, развитых и конкретизированных в трудах Г.М. Кржижановского и В.В. Куйбышева, впервые получивших практическое приложение в работе Госплана тех лет. Не только в Советском Союзе и в братских странах социализма, но и во многих других государствах широко используются многие из сформулированных тогда положений, понятий¹, которые кажутся ныне настолько естественными, будто бы они существовали всегда, и без которых ныне немыслима вообще плановая деятельность.

¹ «Пятилетка стала таким же непереводимым словом, как и слово совет», — подчеркивал Г.М. Кржижановский (Вопросы построения генерального плана. С. 279). Эта же мысль была выражена академиком С. Г. Струминым, который впоследствии писал, что слово «пятилетка» стало понятным всему культурному миру международным термином (см.: *Струминин С.Г.* Пафос творчества // Глеб Максимилианович Кржижановский. Жизнь и деятельность. М.: Наука, 1975. С. 61).

НА ПОЛПУТИ К «ВОЕННОМУ КОММУНИЗМУ»

Одним из наиболее устойчивых стереотипов нашего исторического мышления, в том числе и у экономистов, является «священный трепет» перед словами «Октябрь 17-го года». Независимо от оценки произошедших тогда событий многие исследователи, не говоря уже о читателях, приход к власти большевиков воспринимают как точку разрыва в историческом процессе, за которой начинается нечто совершенно новое — то ли движение вспять, то ли скачок в царство свободы. Между тем история, как и природа, не терпит пустоты. Общественный процесс не прерывается, чтобы начать отсчет времени с новой точки. Подобное отношение к Октябрьской революции — лишь яркое свидетельство того, что даже теперь, спустя почти три четверти века, мы еще остаемся современниками этого грандиозного события: и те, кто видит в нем момент истины, и те, для кого оно предстает как национальная трагедия. Однако пора бы начать преодолевать этот своеобразный «фетишизм дат». И в рамках данной статьи предполагается рассмотреть одну

из линий, свидетельствующих о преемственности до- и послеоктябрьского (названного чуть позже «военнокоммунистическим») курсов.

Государство всегда играло значительную роль в хозяйственной жизни России — как через административно-правовое регулирование производства и обмена, так и благодаря собственной предпринимательской деятельности. Развитие экономических процессов на рубеже XIX–XX веков и особенно в обстановке мировой войны резко усилило потребность в координирующей и направляющей деятельности власти в хозяйственной сфере. При этом государственная бюрократия пошла по самому естественному и понятному для себя пути — по пути усиления собственных позиций через централизацию функций управления народным хозяйством в специальных правительственных органах. Последние брали в свои руки снабжение предприятий производственными ресурсами и их нормирование, установление специальных правил перевозки грузов, регулирование цен и т. п. По мере ухудшения экономической ситуации роль административных рычагов неуклонно усиливалась, вмешательство государства в хозяйственную жизнь отдельных производственных единиц активизировалось. Власти уже в 1915–1916 годах в соответствии с бюрократическими стереотипами экономического мышления старались сосредоточить у себя снабженческо-распределительные функции — как наиболее простой, грубый, но и самый очевидный инструмент воздействия на непосредственных производителей.

Тогда попытки государственного регулирования особенно продвинулись в сельском хозяйстве. Стремясь обеспечить снабжение армии и промышленных центров хлебом и не допустить при этом роста дороговизны, правительство прибегло к таким мерам, как установление твердых цен на хлеб (при их региональной дифференциации), обязательные планы разверстки и угроза реквизиций за нарушение правил сдачи сельскохозяйственных продуктов. Одновременно местные органы власти, решая продовольственную проблему, запрещали вывоз аграрной продукции за пределы своих губерний. Все это в совокупности с непропорциональным

ростом цен на промышленные товары существенно подорвало стимулы деревни к производству товарной продукции, а расстройство железнодорожного транспорта довершило начатое дело — зимой 1916/1917 года в городах остро ощущалась нехватка продовольствия.

Аналогично обстояли дела и в промышленности. Государственная власть все настойчивее пыталась вмешиваться в работу предприятий, понуждая предпринимателей действовать вопреки их экономическим интересам, что лишь усиливало общий хаос. Данная ситуация была ярко охарактеризована председателем IV Государственной думы М.В. Родзянко в записке переданной императору незадолго до Февральской революции. В ней, в частности, приводится такой пример: «Вместо того чтобы принять самые решительные меры для обеспечения себя углем надлежащего качества, для чего потребовалось заключить соответствующие контракты с углепромышленниками или создать особый регулирующий орган, министерство путей сообщения начиная с 1915 года предпочитает получать уголь путем реквизиций. Это ставит железные дороги в весьма рискованное положение, мешая им как приобрести уголь хорошего качества, так и сделать надлежащие запасы на складах. Так как при реквизиции личная ответственность владельцев рудников за качество угля совершенно исчезает, было вполне естественно стремление некоторых из них сбывать железным дорогам всякий хлам»¹.

Естественно, что в такой ситуации речь все чаще заходила о введении государственной монополии на хлеб, уголь, нефть, сахар, хлопок и т. д., то есть исключительного права государства закупать те или иные продукты у производителей и реализовывать их потребителям². Особенно активно за политику подобного рода выступали деятели, находившиеся на левом фланге политической жизни страны. Однако в отличие от «государственников» из правительственного

¹ Цит. по: Экономическое положение России перед революцией // Красный архив. 1925. № 3. С. 77–78.

² Однако многие экономисты, в том числе верившие в эффективность подобных мер, подчеркивали, что они могут быть осуществлены лишь правительством, пользующимся доверием народа.

лагеря левые (и прежде всего — марксисты) связывали необходимость соответствующих изменений в системе хозяйствования не только с войной, но, в первую очередь, с характером современных тому времени производительных сил.

В начале века кризис классического капитализма был очевиден¹. Ускоренная концентрация производства и рост частномонополистического капитала сопровождались ослаблением конкурентного механизма, что лишало буржуазный строй имманентного ему источника прогресса. И левые полагали, что именно государственное регулирование должно будет прийти на смену конкуренции. Они рассчитывали на то, что демократические силы смогут встать у руля государственного управления и обеспечить замену «стихийной борьбы частных интересов и стремления капитала к извлечению прибыли» на «планомерное направление производительной деятельности — со стороны общества или государства». При этом предполагалось, так или иначе, опираться на уже созданные войной формы хозяйственного управления.

В качестве же первоочередных шагов к урегулированию хозяйственной жизни предлагалось сосредоточить усилия на выработке единых общеимперских планов, способных охватить все движение продукта от производителя к потребителю. Это, в свою очередь, связывалось с осуществлением мер типа принудительного синдицирования предприятий, введения разрешительной системы перевозки всех грузов, государственного ценообразования. Ключевым моментом здесь выступал транспорт как техническое условие планомерного распределения продукции по территории страны. А именно в контроле за распределением многие экономисты видели краеугольный камень искомой плановой системы.

Победа Февральской революции резко динамизировала социально-экономические и политические процессы в стране. И, пожалуй, главное, на чем сосредоточилось внимание новой власти, было повышение эффективности государственного вмешательства в народное хозяйство. В системе

¹ Правда, неготовность страны, да и всего мира к победе социализма тогда признавалась практически всеми.

экономико-политических ценностей на первое место выдвинулось понимание государства как субъекта, способного разрешать трудности, которые обуславливались войной и участвовавшими перебоями в функционировании капиталистического воспроизводственного механизма, опирающегося на частные интересы и конкуренцию. «...Вся задача целиком, очевидно, далеко выходит за пределы того, что может дать частный почин, интересы которого очень часто не сходятся с интересами целого. Только государство, и притом государство, обслуживающее не интересы кучки привилегированных, а действующее в интересах всего народа, может вывести страну из хаоса и развала», — писал тогда Н.М. Ясный¹, впоследствии ставший известным американским экономистом-советологом.

Для осуществления этих функций экономисты и хозяйственные деятели, включая ряд крупнейших предпринимателей, сходились в признании необходимости придания новому правительству широких полномочий. Раздавались выступления за централизацию значительной части прибыли, за разработку целостного государственного плана, который помог бы остановить распад национального хозяйства и обрисовать достаточно ясную перспективу подъема. Последнее подчеркивалось особо, причем всеми — от социалистов до монархистов (если отвлечься, разумеется, от наиболее радикальных представителей тех и других, одинаково отрицавших установившийся после революции режим). Плана требовали марксисты, поскольку это соответствовало их доктринальным установкам. За план выступали и предприниматели, надеясь благодаря ему стабилизировать хозяйственную ситуацию.

Увлеченность идеей планирования была распространена не просто широко, но подчас принимала самые неожиданные формы. Приход к власти «верных слуг народа» в лице Временного правительства (которое действительно включало в себя видных представителей имущих классов и интеллигенции России), всеобщий энтузиазм и единство самых разнородных сил, обеспечившее падение самодержавия

¹ Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг., 1917. С. 12–13.

в считанные дни, — все это создавало иллюзии быстрого хозяйственного урегулирования, легкого восхождения на экономические вершины, недоступные прежнему режиму. Дело доходило до курьезных случаев своеобразного «планового фанатизма». Например, В.Г. Громан, будучи ответственным за распределение потребительских товаров среди жителей Петрограда, заявлял, что он не распределит ни единой пары ботинок, пока все хозяйство не будет регулироваться по плану. Это, конечно, была крайность, но она весьма ярко выражала настроения в среде многих влиятельных экономистов.

Политика Временного правительства прошла несколько стадий, радикализируясь по мере развития политической ситуации и некоторого полевления его состава. Впрочем, принципиальные идеи планового регулирования так или иначе сохранялись на протяжении всех месяцев существования этой власти, отражаясь как в ее официальных актах, так и в выступлениях видных общественных деятелей.

Нетрудно догадаться, что именно с продовольственной проблемы начало Временное правительство свою деятельность по упорядочению хозяйственной жизни. Здесь переплетались основные линии и противоречия российской экономики. И, по сути дела, новая власть пошла по тому же пути, на который пытались, но так окончательно и не решились встать ее предшественники: 25 марта было принято решение о введении хлебной монополии, по которому все зерно, сверх необходимого для потребления, посевов и корма скота, должно было отчуждаться по твердым ценам в общегосударственный фонд для дальнейшего перераспределения. Имелось в виду учитывать все конкретные условия деятельности данного производителя — при помощи каких орудий он сеет (ведь при использовании более прогрессивных машин требуется меньше зерна для засева), какой скот содержит, сколько работников (ведь их надо кормить) и на какой срок нанимает.

Понятно, что практическая реализация таких намерений была неотделима от формирования мощного административного механизма, обеспечивающего тотальный учет и рациональное движение хлеба по всей стране в соответствии

с единым планом. Укреплялась сеть продовольственных органов, которые были уполномочены от имени государства и как бы в его интересах решать многочисленные конкретные вопросы отчуждения и перераспределения зерна, доходя до каждого крестьянского двора. Предполагалось, что справедливое решение неизбежно возникающих в столь деликатном деле проблем будет обеспечено формированием аппарата из людей, «которые понимают дело и о которых известно, что это люди честные и положительные» (так говорилось в одной брошюре, изданной для разъяснения и популяризации в крестьянской среде политики хлебной монополии).

Справедливые продовольственные комитеты и честные хлебозаготовители — с этим, пожалуй, в основном и связывались надежды на эффективность создаваемого механизма. Единственный стимул, который тут предусматривался (или точнее замышлялся), состоял в стремлении распространить указанный механизм на все народное хозяйство. Пропагандисты государственной монополии настойчиво убеждали крестьян в выгоде для них вводимого порядка, поскольку твердые цены на хлеб непременно будут дополнены твердыми ценами на необходимые деревне промышленные изделия. И действительно в стране предпринимались попытки централизованного учета всего наличного сахара, всей кожи, железа, керосина, бумаги и других товаров. Но воплощены в жизнь данные намерения не были. На практике дело ограничилось введением в августе еще одной государственной монополии — на уголь.

В ходе постоянного обсуждения проблем государственного руководства хозяйственной жизнью в кругах правительственных и околоправительственных экономистов выдвигались и иные предложения по усилению централизованного управления экономикой. И само правительство склонялось к принятию ряда довольно решительных мер, хотя так и не смогло реализовать большинство выдвигавшихся его членами предложений. Оно не имело прочной социальной базы, постоянно наталкивалось на резкое противодействие мощных политических группировок слева и справа и поэтому не

было способно вырабатывать последовательную экономическую политику и тем более следовать ей. Кроме того, выдвигавшиеся его членами предложения нередко несли на себе явный отпечаток политических импровизаций (что вообще очень свойственно для революционной эпохи), оказывались результатом переплетения самых различных факторов, в частности идеологических симпатий министров, необходимости «реагировать» на текущую конъюнктуру событий. Словом, сама работа по формированию системы планового регулирования была далека от плановой, что также не могло не сказаться на ее эффективности.

Типичным примером в этом отношении может служить радикальное и для многих неожиданное предложение министра труда меньшевика М.И. Скобелева о введении такой прогрессии налогообложения, которая позволяла бы государству изымать в бюджет всю предпринимательскую прибыль. Предложение было отвергнуто, но сам факт его появления знаменателен. Он наглядно характеризует, если и не господствовавшие, то имевшие широкое хождение представления о путях усиления регулирующей роли государства.

Уже к середине 1917 года решение задачи «строгого, серьезного и определенного регулирования всех сторон финансово-экономической жизни государства» Временное правительство вполне определенно увязывало «с подчинением всех частных классовых и групповых интересов, каковы бы они ни были, кем бы они ни диктовались, интересам государства» (слова министра-председателя А.Ф. Керенского). Для этого при правительстве был создан Экономический совет. На него возлагались две взаимосвязанные задачи: во-первых, выработка плана и постепенное регулирование жизни страны в общегосударственных интересах; во-вторых, осуществление экспертизы всех разрабатываемых хозяйственных мероприятий для обеспечения целостности проводимой экономической политики.

О значении, которое придавалось деятельности названного органа, свидетельствует председательствование в нем одного из ведущих деятелей Кабинета — министра торговли и промышленности С.Н. Прокоповича (формальным главой

Совета был премьер). Экономический совет был призван объединить представителей различных «демократических», как их тогда называли, политических сил, включая большевиков. В его работе участвовали многие видные экономисты и хозяйственные деятели (П.И. Пальчинский, Н.Н. Кутлер, Н.Д. Кондратьев, П.Б. Струве, С.А. Лозовский, В.А. Базаров, В.Г. Громан, П.П. Маслов, Л.Б. Кафенгауз, Д.Б. Рязанов, Г.В. Цыперович и другие).

Как же представлял себе Экономический совет укрепление плановых начал в народном хозяйстве и обеспечение приоритета общегосударственных интересов? Ответ тем более интересен, что Совет был связан с правительством и одновременно мог стать своеобразным зеркалом, отражающим понимание этих ключевых проблем многими, если не большинством экономистов. Однако данный ответ неоригинален: речь шла о целесообразности широкомасштабного вмешательства власти в хозяйственный процесс при помощи прямых, административных методов воздействия на отдельные производственные единицы и целые отрасли. Тщательному учету должны были подвергнуться как производимая продукция, так и запасы ее на складах (включая потенциал железнодорожного транспорта), чтобы максимально задействовать ресурсы, вовлечь их в орбиты государственно-го перераспределения.

Прежде всего, предлагалось, опосредуя государственными органами взаимосвязь производства и потребления, так организовать движение товарных масс, чтобы обеспечить совершенное обезличение продуктов (обезличение, как по производителям, так и по потребителям) и принятие в руки одного органа (или одного распорядителя, кем бы он ни был) всей производимой товарной массы. Это — важнейший пункт логики формирующейся системы¹. Акцент делался на необходимости принудительного распределения продукции — «не по желанию потребителей, а по тому, как

¹ Его позднее, в 1918–1920 годах, попытаются реализовать в форме Комиссии использования — межуведомственного органа по планированию и использованию всех материальных ресурсов страны. Она была образована при ВСНХ во главе с Л.Н. Крицманом и стала одним из ярких символов эпохи «военного коммунизма».

представится наиболее рациональным...» Вывод же о рациональности должны делать, разумеется, государственные органы. Сюда же естественно примыкают неизбежность принудительных заказов и, конечно же, право на секвестр отдельных предприятий (право, «которое тесно связано с регулированием экономической жизни страны»).

Использование принуждения тогда мыслилось в довольно широких масштабах, хотя и связывалось большинством экономистов с обстановкой военного времени и сложностями хозяйственного положения страны. Данный принцип в организации производства предполагалось распространить не только на промышленность, но и на сельское хозяйство. Так, высказывалась мысль о разработке специального перспективного плана сельского хозяйства, который исходил бы из принудительного перераспределения производительных сил (земли, техники, труда), чтобы дать возможность наиболее полно использовать их для роста продукции.

Принуждение должно было проявляться в государственном регулировании цен, заработной платы и нормировании потребления. Участники заседаний Экономического совета со всей определенностью ставили вопрос и о введении трудовой повинности, что сделало бы обсуждавшуюся систему государственного регулирования вполне целостной, охватывающей все производственные факторы адекватными друг другу инструментами воздействия.

Авторы подобных предложений рассчитывали не только добиться таким путем четкости и слаженности работы предприятий в рамках единого народнохозяйственного организма, но и довести до логического конца процесс, якобы начатый уже монополистическим капитализмом — *уничтожить* посредством деятельности правительственных и общественных организаций *конкуренцию и параллелизм* в работе, создающие «колоссальные трения, которые... уменьшают намного коэффициент использования полезного действия наших предприятий».

Особое место в этой системе централизованного руководства отводилось Экономическому комитету, венчающему

сеть государственных планово-снабженческо-распределительных органов. Именно на него возлагалась практическая реализация задачи урегулирования экономической жизни страны. Другие органы могли разрабатывать планы и программы, определять стратегические установки хозяйственной политики, но все они замыкались бы на деятельности названного комитета, который становился бы держателем основных материальных ресурсов России. Он, в соответствии с проектом положения о данном органе, должен был, руководствуясь общими указаниями Экономического совета, рассматривать и утверждать все планы массовых заготовлений, согласуя спрос с возможностью его удовлетворения. К его ведению относили также утверждение цен (твердых и предельных) на важнейшие виды сырья и готовой продукции, регулирование заработной платы путем установления ее норм в ведущих отраслях, распределение заказов по районам и отраслям.

При Экономическом комитете создавалось Экономическое совещание с функциями «центрального комитета снабжения», в чем многие видели самую сердцевину плановой работы. Предлагалось, чтобы в него входили председатели всех специальных органов снабжения и военных комитетов снабжения, а также представители общественных организаций. Здесь должен вырабатываться «как план потребностей, так и план их удовлетворения». Н.Н. Саввин, товарищ министра торговли и промышленности и один из основных авторов правительственной концепции регулирования экономики, говорил тогда, что разрабатываемые этими органами документы и являются «большими экономическими планами», которые «будут точны и детальны», а тем самым удастся реализовать и настойчивые требования членов самого Экономического совета — сделать «планы окончательного распределения» более конкретизированными.

Непосредственным урегулированием производства и распределения должна была заниматься целая сеть районных экономических комитетов и предметных (по отдельным группам продуктов) комиссий, возглавляемых уполномоченными или особоуполномоченными центрального

Экономического комитета. На предметные комиссии, в частности, возлагались задачи определения потребного к удовлетворению количества продукции, необходимую для этого переброску рабочих рук из одного района в другой, а также фиксирование цен. Районные же комитеты должны были информировать центр о нуждах и производственных возможностях своих регионов, а затем на основе его общих установок по объему и номенклатуре продукции детализировать задания по предприятиям и предписывать соответствующим учреждениям заключать контракты по определенным ценам исходя из «спущенных» директив.

Как видим, вне рыночное согласование интересов производителей и потребителей получало здесь свое институциональное оформление. Правда, сознавая неизбежность возникновения острых противоречий между ними и опасность в обстановке нарастающего товарного дефицита принятия окончательных решений отнюдь не в пользу потребителей, авторы правительственной концепции считали нужным заранее зафиксировать пути преодоления подобных трудностей: «При согласовании спроса с возможностями его удовлетворения в коллегиальных органах должны преобладать интересы потребителей; при определении цен, распределении заготовок по районам и распределении заказов должно быть равное представительство интересов производителей и потребителей и при определении норм поставок — преобладание производителей».

Наконец, на органы государственного регулирования возлагались функции контроля за тем, чтобы плановые задания выполнялись наиболее эффективным путем, а все технические средства использовались рационально. Иных механизмов, побуждающих к эффективному хозяйствованию, по-видимому, уже не оставалось, и вопросы эти фактически оказывались тогда вне сферы специального внимания большинства связанных с правительством экономистов.

С программой еще более глубоких преобразований по пути усиления государственного вмешательства в экономическую жизнь выступали левые социалисты. В принудительном синдицировании, государственном установлении цен

и заработной платы, в широком контроле за качеством товаров и условиями их производства и, наконец, за распределением (вплоть до отказа от свободы торговли) видели они шаги, подводящие общество непосредственно к социализму.

С аналогичных, в общем-то, позиций выступали тогда и большевики. Однако была одна принципиальная черта, решительно выделявшая большевистскую концепцию формирования системы планового хозяйствования и имевшая, как оказалось, далеко идущие последствия. *Плановое руководство и государственная власть* — так можно коротко обозначить существо проблемы, которую остро поставил В.И. Ленин в 1917 году. Еще за пятнадцать лет до того в дискуссии вокруг проекта партийной программы он обращал внимание, что планомерность хозяйственной системы важна для социалиста не сама по себе, но лишь в том случае, когда она осуществляется за счет и в интересах всего общества¹. Этот действительно важный момент оказался теперь трансформированным в тезис, согласно которому государственное планирование и регулирование будут целесообразны только после прихода к власти пролетариата, а проще говоря — самой большевистской партии.

В полемике между большевиками и другими социалистическими партиями летом — осенью 1917 года обсуждался, хотя и не всегда в явном виде, чрезвычайно важный вопрос: каковы возможности и роль государства в осуществлении социально-экономического развития на плановой основе? Основная масса социалистов исходила из того, что в демократическом обществе государство сможет обеспечить определенную взаимоувязку интересов и тем самым общественный прогресс. Хотя и оставалось неясным, почему и при каких условиях оно будет заниматься решением этих задач.

Большевики же акцентировали внимание на классовой природе государства. Для них оно было не более (но и не менее!), чем машиной насилия одного класса над другим²,

¹ См.: Ленин В.И. Замечания на второй проект программы Плеханова // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. М.: Политиздат, 1963. С. 232.

² См.: Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть? // Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 318.

машиной, выполняющей волю господствующего класса и фактически не способной ни играть особой роли в общественной жизни, ни продуцировать свои собственные интересы. Таким образом, государство уподоблялось автомобилю, направление движения которого зависит лишь от воли его хозяина-водителя. В подобной логике скрывалась серьезная опасность. Недооценивалось, что государство в социально-экономической жизни общества может играть не только пассивную роль, выражая волю правящего класса, но при определенных условиях и подминать под себя этот класс, подчинять его интересы интересам быстрорастущего бюрократического аппарата, навязывая их всему обществу.

Представления о необходимости активного вмешательства власти в хозяйственную жизнь, а точнее об административно-принудительном руководстве ею, хотя и получили широкое распространение в экономических и политических кругах революционной России, не остались без критического анализа со стороны современников. Были экономисты и общественные деятели, которые настойчиво предостерегали против чересчур примитивных аналогий между управлением отдельной монополистической фирмой (пусть даже гигантской) и народным хозяйством. Они считали недостаточно продуманными и очень опасными предпринимавшиеся, а еще более провозглашавшиеся меры тотального огосударствления хозяйства под флагом борьбы с хаосом и разрухой. Тем более что речь шла о стране с сильными традициями государственного бюрократизма, дополненными в новых условиях милитаристскими амбициями и соответствующими организационными структурами военного времени.

Тех, кто выступал тогда в России с критикой идеологии «государственно-планового хозяйствования», воспринимали нередко как реакционеров, защищающих узкоклассовые интересы буржуазии и противящихся очевидным тенденциям общественного прогресса. Их не очень-то желали слушать, хотя выдвигавшиеся ими аргументы были довольно убедительны и уж во всяком случае прозорливы. Они говорили, в общем-то, о вполне очевидных вещах, в частности о том, что

чрезмерное налогообложение подрывает не только стимулы к росту производства, но и осложняет денежное обращение в стране, и без того дестабилизированное за годы войны. Так и сегодня актуально звучат слова директора кредитной канцелярии по поводу установленного летом 1917 года высокого прогрессивно-подходного налога: «...Подобного рода мера, принятая в условиях переживаемого времени, может привести еще к более усиленному сокрытию населением денежных знаков, стремительному отливу вкладов из банков и полному расстройству денежного обращения в стране».

Они указывали и на то, что государственное перераспределение большой массы ресурсов может лишь усилить хаос как в силу ограниченности технических возможностей подобной деятельности, так и из-за значительного роста бюрократических тенденций в хозяйственной жизни. Особой же критике подвергались попытки урегулирования экономического процесса посредством учреждения госмонополий. Ключевой тезис — несовместимость государственных монополий (и в первую очередь — хлебной) с демократическим устройством политического режима, к торжеству которого, казалось бы, стремились все силы, поддержавшие Февральскую революцию. Цели планового урегулирования экономики, доказывали некоторые авторы, не могут быть достигнуты через насилие над интересами хозяйствующих субъектов, и центральной власти при проведении своего курса надо опираться на данные интересы, а не действовать вопреки им. Иной подход, по их мнению, мог привести к эскалации насилия и экономическим потерям.

Пожалуй, один из интереснейших документов 1917 года с изложением подобной позиции — доклад в Вольном экономическом обществе И. Сигова под характерным названием «Аракчеевский социализм». Автор утверждал, что, встав на путь административного давления в хозяйственной жизни, новая власть может пойти гораздо дальше в насилии над крестьянством, чем это позволял себе царизм. Такова будет неумолимая логика событий. «...При старом режиме, когда царское правительство не стеснялось мерами принуждения и насилия, обязательная разверстка хлеба ... провалилась

с треском. Дальше старому правительству оставалось только одно: производить в деревнях повальные обыски и повсюду отбирать хлеб силой, не останавливаясь ни перед чем. Но на такую прямолинейность едва ли решилось бы даже и царское правительство»¹. Иное дело — народная власть, которая, имея кредит доверия, может позволить себе в интересах этого народа пойти на меры чрезвычайные, объяснимые в категориях борьбы за власть, но экономически совершенно алогичные.

Рассуждения и выводы И. Сигова имеют более серьезное значение и не ограничиваются лишь рамками критики хлебной монополии и предостережениями относительно ее последствий. Главное, что он указывал на принципиальную опасность решения задач планового регулирования в той административной логике, к которой все активнее прибегала государственная власть. И. Сигов фактически ставил вопрос о противоестественности той системы хозяйствования, контуры которой все отчетливее проступали на протяжении 1917 года, прибегая для этого к ставшему уже в наше время весьма популярным сравнению функционирования экономического механизма и человеческого организма: «[Государственная] монополия сопряжена с переустройством всей жизни, она обрекает всю страну на длительную, трудную и опасную молекулярную работу... Происходит нечто похожее на перенесение функций спинного мозга на головной, на превращение рефлексов в сознательные, осмысленные, заранее на каждый случай спроектированные движения. Представьте же себе, что было бы, если бы мы были обречены проектировать каждое движение прежде, чем его совершать»².

Призывы к осторожности при оценке тенденций и хозяйственных форм, актуализировавшихся в обстановке мировой войны, раздавались и из лагеря социалистов. Правда, здесь подобные идеи были очень редки, если не сказать единичны. Наиболее глубокий подход к анализу складывающейся

¹ Сигов И. Аракетевский социализм. Доклад о хлебной монополии, заслушанный Вольным экономическим обществом 25 мая 1917 г. Пг., 1917.

² Там же.

ситуации с точки зрения глобальных перспектив социально-экономического прогресса дал тогда А.А. Богданов — крупнейший марксистский мыслитель и один из немногих большевиков-неленинцев в истории нашей страны.

А.А. Богданов решительно возражал против утопичного, по его словам, представления о возможности перехода в ближайшее время если не к социализму, то хотя бы к переустройству общества на плановых началах, однотипных планомерности будущего социалистического хозяйства. Для него задача планомерной организации стояла не просто как организационно-техническая или технико-экономическая (не «как устройство личной семьи, предприятия, политической партии, — только, разумеется, много крупнее по масштабу»), а прежде всего как проблема культурно-историческая, связанная с формированием в рабочей среде нового, коллективистского мировоззрения. Он настойчиво подчеркивал ошибочность выводов о том, что хозяйственные системы воюющих капиталистических государств уже несут в себе зачатки будущей социалистической планомерности, создают для нее необходимые (или даже «все») материальные предпосылки.

Государственный контроль над производством, сбытом и даже потреблением, достигаемый принудительным синдицированием и трудовой повинностью, оценивался лишь как путь к хозяйству осажденной крепости, исходным пунктом которой и является «военный потребительный коммунизм» (кстати, термин А.А. Богданова). Эта система качественно отличается от подлинной планомерности тем, что, во-первых, ориентирована на «прогрессивное разрушение общественного хозяйства» и изначально не предполагает решения созидательных задач. А во-вторых, механизм ее функционирования основан на нормировке (ограничении), осуществляемой авторитарно-принудительным путем, тогда как «все *положительное*, все инициативное и творческое содержание организующего процесса лежит вне этого понятия».

Оценивая тот тип централизованного государственного хозяйствования, признаки которого в 1917 году уже ясно проступали в российской действительности и который

многие левые трактовали как осуществление социалистической тенденции, как зарождение элементов плановой экономики будущего, А.А. Богданов не без сарказма писал: «...Эта система „непредусмотренная” и „ублюдочная”; но... родители этого ублюдка — не совсем те, которым его подкидывают. Один из родителей — капитализм, — правда, не подлежит сомнению; но другой — вовсе не социализм, а весьма мрачный его прообраз, военный потребительный коммунизм. Разница немалая. Социализм есть, *прежде всего*, новый тип *сотрудничества* — товарищеская организация производства; военный коммунизм есть *прежде всего особая форма общественного потребления* — авторитарно-регулируемая организация массового паразитизма и истребления. Смешивать не следует»¹.

С радужными надеждами и суровыми предостережениями вступала экономика России в новый этап своего существования. Начиналась следующая фаза революционного процесса. К власти пришли большевики.

¹ Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 87.

НЭП В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Отношение к новой экономической политике претерпело значительные изменения в последние десятилетия. В период так называемого застоя годы нэпа были для большинства прогрессивно мыслящих историков, экономистов и публицистов «золотым веком» советского строя и одновременно запретным плодом, к которому нельзя было не только вернуться, но и сколько-нибудь всерьез притронуться. Политические и идеологические догматы «Краткого курса истории ВКП(б)» закрывали дорогу объективному и непредвзятому анализу.

Перестройка, отбросив некоторые табу и политически реабилитировав многих видных деятелей 1920-х годов, превратила «запретный плод» в «землю обетованную». Все стали искать в нэпе, в его экономической системе заветный ключ к построению счастливой жизни на почве «социалистического выбора». Казалось, что, изучив опыт 1920-х годов и соединив Госплан с червонцем (т. е. административную директиву с твердой, конвертируемой валютой как основой устойчивой финансовой системы), можно будет вернуться к подлинному социализму, завещанному нам

тяжело больным Лениным. Отталкиваясь от теории «двух вождей», шло быстрое формирование идеологии «двух путей» строительства социализма, в связи с чем внимание значительной части населения привлек вопрос о якобы заложенной в нэпе (или в работах отдельных теоретиков нэпа) альтернативе сталинскому курсу со всеми его последующими трагическими и комическими модификациями. Реабилитация Н.И. Бухарина и выход известной книги С. Коэна явились своеобразными символами этого этапа.

Но постепенно эйфория стала спадать. Анализ показал (а серьезным специалистам это было известно, разумеется, и раньше), что развитие народного хозяйства шло в 1920-е годы сложно и противоречиво, через кризисы, обусловленные самим характером функционировавшей тогда хозяйственной системы (хотя и не только им), которая никак не может рассматриваться в качестве образца для подражания. Становилось все более очевидным, что сам «великий перелом», означавший победу сталинизма, был, кроме всего прочего, и способом разрешения ряда противоречий, накапливавшихся в рамках самой новой экономической политики. В отличие от предыдущего этому этапу присуще, так сказать, негативное осмысление опыта нэпа: обсуждался вопрос, как следует развивать смешанную экономику, избегая, однако, противоречий и кризисов, характерных для 1920-х годов.

Наконец, настал новый этап, когда значительная часть исследователей позволила себе выйти за рамки «социалистического выбора». Какая система наиболее эффективна в экономическом и социальном смысле? Априорные утверждения, лежавшие в основе историко-экономического анализа, уже мало кого устраивали. Ответ на поставленный вопрос должен был стать не предпосылкой, а результатом научных поисков, что предполагало, во-первых, выход проблемы альтернатив за рамки нэпа и, во-вторых, анализ нэпа (как и военного коммунизма) в более широком контексте истории страны и революции в первой трети XX века с отказом от традиционного представления, согласно которому Октябрь 1917 года разорвал все или почти все генетические связи с достижениями и противоречиями предыдущей эпохи.

Новая экономическая политика стала одной из фаз на сложном пути развития российской революции. Думается, что именно такой подход является ныне особенно продуктивным для выяснения роли этого периода в нашей политической и экономической истории для извлечения уроков, полезных и сегодня (если уроки истории вообще могут быть когда-нибудь полезны). Но прежде всего необходимо обрисовать те основные фазы, через которые проходит революционный процесс. Разумеется, изложение будет разворачиваться применительно к России, но аналогичные стадии, как показывает исторический опыт, являются вообще типичными для революций, которые не удастся задуть реакционными силами в начале их пути. Ведь при всей стихийности и неуправляемости таких процессов, а может быть, благодаря этой неуправляемости, революция имеет свою внутреннюю логику, которая, впрочем, вполне объяснима.

Начальный, «розовый» период революции характеризуется объединением самых разнородных социальных сил, недовольных существующим режимом, что приводит к относительно быстрому и для многих неожиданно легкому падению последнего. Этот период, эта легкость уже несут в себе многие сложности и противоречия будущих этапов, порождая труднопреодолимые иллюзии, которые со временем становятся чрезвычайно опасными. Объединение сил тех, кому не нравится царь, с теми, кто желает разрушить строй, делает неизбежным скорое размежевание, приобретающее по-настоящему трагическую окраску. Многим еще кажется, что порвав с наиболее одиозными, но отнюдь не фундаментальными чертами старой системы, можно осуществить резкий прорыв к светлому будущему. Кажется, что достичь его так же легко, как и свергнуть ненавистных правителей, перед которыми еще недавно подобострастно снимали шапки: ведь налицо единство практически всего народа.

Период между февралем и июлем 1917 года — таковы условные хронологические границы этого этапа. Образовавшееся после падения монархии Временное правительство соединило в себе видных представителей промышленных кругов, земства, либеральных политиков. Его поддерживали

и значительно более радикальные Советы, что означало объединение на какое-то время весьма разнородных сил. Однако характерной чертой того этапа явилось следующее. Провозгласив громкие лозунги, сложившийся блок не смог идти дальше — к проведению действительно радикальных и последовательных преобразований.

И вскоре стало очевидным, что эйфория по поводу близости желанных целей — благосостояния, свободы и демократии — на время скрыла от участников событий глубокие расхождения их представлений о степени радикальности и даже направлении дальнейших шагов. В истории этот переломный момент, свидетельствующий о неизбежности решительного размежевания, зачастую оказывается кровавым. Так было и в июле 1917 года в России. Начинается и быстро нарастает поляризация позиций еще недавних союзников в соответствии с позитивными программами, отражающими их объективные интересы. Намечаются контуры новых потрясений. Одновременно собираются с силами и прямые защитники прошлого, еще недавно деморализованные и рассеянные, а теперь не без успеха спекулирующие на трудностях и противоречиях революции. Происходит перегруппировка социальных сил: вчерашние союзники оказываются непримиримыми противниками, а отдельные отряды бывших противников находят почву для консолидации. Вряд ли надо более подробно, на конкретных примерах раскрывать и иллюстрировать этот этап, бывший в России весьма непродолжительным — июль-октябрь 1917 года. Центр, олицетворявшийся тогда А.Ф. Керенским, неуклонно терял поддержку, размывался и постепенно сходил с арены борьбы за власть как реальная политическая сила.

Усиливаются позиции партий и движений, представляющих крайние взгляды в политическом спектре. Примером тому является, разумеется, прежде всего, возрастающее влияние большевистской партии, численность которой с февраля по октябрь увеличилась с 25 до 350 тыс. человек. Даже явное поражение большевиков в июле и падение их популярности в связи с обвинением в шпионаже в пользу Германии не могли серьезно ослабить позиции этой партии; размежевание

нарастал, и радикальный курс В.И. Ленина становился естественным центром притяжения сторонников углубления революционного процесса. Параллельно укреплялся и правый фланг, на котором складывался союз антисоциалистических сил (либералов и консерваторов), выступивших в поддержку установления сильной власти, диктатуры, способной устранить и левеющие Советы, и слабеющее Временное правительство. Готовился корниловский мятеж.

Тем самым наступал критический момент в развитии революции. Это был последний момент, когда еще можно было повернуть революцию вспять, восстановить старые порядки и господство тех сил, против которых поднималось народное движение. Именно здесь неизбежен резкий поворот «вправо» или «влево», переход к жесткому проведению последовательной и решительной политики — прогрессивной или консервативной. Победа консерваторов в этом случае означает окончательное поражение революции, победа радикалов делает ее необратимой. Но и тот и другой варианты несут в себе немалую долю экстремизма.

Если революционный процесс продолжает развиваться, наступает третий этап. Самый острый, самый жестокий, самый драматичный. Это — этап сильной власти, этап наиболее радикальных и, как правило, не соответствующих реальным потребностям общества и его народного хозяйства преобразований. К власти в России приходят большевики. Начинается гражданская война. Хозяйство опускается в пучину тотального кризиса, чем, собственно, и был военный коммунизм.

Характерной чертой развития революционного процесса, и особенно его второго и третьего этапов, является неуклонное ухудшение экономической ситуации. В принципе, это вполне естественно в обстановке постоянной политической нестабильности, тем более что с помощью хозяйственных неурядиц различные силы пытаются подорвать политические позиции своих противников. Сказываются и неизбежные структурные изменения в народном хозяйстве, обусловленные сдвигами в традиционно сложившейся структуре потребностей, с нарушением производственных

связей и вообще с военной обстановкой и колебаниями правительственного курса. Свою, и немалую, роль играют экономические эксперименты властей, направленные, по их мнению, на обновление и стабилизацию хозяйственной жизни. Все это было весьма характерно для России революционных лет, независимо от того, какое правительство находилось у власти. Однако надо также иметь в виду, что по мере углубления политического противоборства проблемы экономики все более уходят на задний план. В рамках третьего этапа революции (в России это примерно 1918–1920 годы) все подчинено одной цели — удержанию власти — правительством не экономика, а политика и идеология. Улучшения экономического положения ждать здесь, по крайней мере, наивно. Хозяйственные связи разрушены, и до поры до времени нет тех сил, которые были бы способны взять в свои руки их восстановление. Не физическая нехватка продукции является доминирующей причиной жесточайшего голода на товарном рынке (хотя падение производства также наблюдалось в весьма существенных масштабах), но всеобщая дезорганизация, имеющая социальные корни — на авансцене хозяйственной жизни отсутствует социальный тип (слой), способный взять на себя решение созидательных задач, т. е. слой реальных собственников, способных стать надежной опорой стабилизационной экономической политики.

Приведем здесь несколько примеров, относящихся к концу 1918 — началу 1919 года:

«Губпродкомы не берут назначенный им по плану табак... Даже в центре России, в Москве, при полном отсутствии табака на рынке и царящей вследствие этого спекуляции, фабрики завалены не взятыми московским городским продовольственным комитетом готовыми изделиями, и на 9 октября оставалось на фабриках 140 миллионов курительных единиц. Технических препятствий для распределения табака и табачных изделий нет».

«Казенный распределительный аппарат составил план, по которому на одного новгородца приходится одна коробка спичек в год! В это же время на новгородском съезде СНХ представитель фабрики „Солнце” заявил, что фабрика

в недалеком будущем приостановится из-за переполнения складов ящиками со спичками. Груды спичек стоят под открытым небом и портятся от сырости и дождя».

«Чрезвычайная ревизия государственного контроля обнаружила сотни тысяч пудов залежавшихся на станциях грузов. На ст. Перово обнаружено 100 вагонов с неразгруженными, скоропортящимися продовольственными грузами. На ст. Москва Курской жел. дор. не разгружено 98 вагонов сахара. На ст. Москва II — 28 вагонов сахарного песка и 28 вагонов рафинаду; на мешках имеются следы влаги, сахар сыреет и портится» и т. д.¹

С углублением революционной ломки системы, по мере все более решительного разрыва с прошлым еще настойчивее вставала задача стабилизации, которая одновременно предполагала и социальную переориентацию режима, его опору на новые силы, способные взять на себя ответственность за хозяйственный прогресс. Стабилизация же оказывается реальной лишь тогда, когда революция становится политически необратимой. Тем самым знаменуется начало объективно неизбежного — четвертого этапа революции.

Строго говоря, формирование новой фигуры собственника, утверждение его позиций в складывающейся системе производственных отношений характеризуют суть не только завершающей стадии революционного процесса, но и всей революции. Ведь именно эта социальная предпосылка является решающей для формирования новой хозяйственной системы, создающей более благоприятные, чем ранее условия для динамичного развития производительных сил, а на этой базе — и всех других сторон общественной жизни. И революция может считаться с точки зрения исторической перспективы победившей, если в итоге укрепится и приобретет значительный вес (как экономический, так и политический) собственник, соответствующий объективным потребностям данного этапа развития производства, понимаемого в широком смысле этого слова.

¹ Известия ВСНХ. 1919. № 8; Всегда вперед. 1919. 11 февраля; Экономическая жизнь. 1918. № 23.

Здесь протекают сложные процессы дальнейшей дифференциации социальных сил — движущих сил революции. Приходится окончательно порвать с некоторыми оставшимися еще с «розовых» времен иллюзиями относительно возможностей и целей революции. Это время новых противоречий и столкновений. Необходимость перехода к решению созидательных задач резко обостряет и выводит на первый план существующий разрыв между интересами развития производительных сил и текущими социально-политическими ожиданиями широких слоев трудящихся — активных участников недавних классовых битв. Оказывается, что поднимавшие их на штурм старого мира популистские лозунги на практике нереализуемы, не способствуют они и быстрому экономическому и социальному подъему, а в стратегическом отношении весьма опасны.

Данный этап обычно характеризуется еще и снижением социально-политической активности народа, в котором накапливается усталость от предыдущих бурных лет. Это влечет за собой появление опасностей, и прежде всего возможность прихода к власти далеко не самых достойных и масштабных фигур, нередко уступающих лидерам предыдущих этапов по своим интеллектуальным и человеческим качествам, но благодаря хитрости и беспринципности способных весьма эффективно бороться за власть. И хотя все это не является для многих тайной, социальный потенциал противодействия подобным фигурам оказывается исчерпанным. Вопрос о том, кто и как долго удержится на вершине власти на завершающем этапе революции, уже мало зависит от позиции основных слоев народа, но скорее определяется особенностями борьбы в «верхах», исход которой, впрочем, находится в прямой связи с подвижками в обществе и той композицией социальных сил, которая к тому времени уже сложится в качестве общей основы политического процесса. Другое дело, что сама композиция в немалой мере зависит от деятельности и курса политического руководства.

Но так или иначе борьба в «верхах» и колебания в «низах» направлены на формирование новой, относительно устойчивой хозяйственно-политической системы. Какой она

будет конкретно? Для практического ответа на этот вопрос требуется время. Годы реализации новой экономической политики стали именно таким периодом. Остановимся более подробно на его общей характеристике и альтернативах.

С позиции революционных аналогий нэп нередко пытались и пытаются увязать с понятием «термидор». Это очень важный момент в понимании существа данного периода. Подобная ассоциация имеет вполне определенные исторические и логические обоснования. И именно поэтому вопрос нуждается в специальных пояснениях.

Да, аналогии с периодом, условно называемым термидором и восходящим к Великой французской революции, были весьма популярны в связи с событиями в России 1921 года. Причем одними из первых об этом заговорили сами же большевистские руководители, вообще склонные в своем политическом анализе обращаться к опыту революционных событий во Франции. На эту тему много размышлял В.И. Ленин, особенно весной 1921 года. «„Термидор“? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим»¹, — такие вопросы ставил он, например, в мае, обобщая первые шаги на пути к рыночной экономике нэпа. В.И. Ленин также замечал, что, провозгласив нэп, рабочая власть «сама себя термидоризовала». Подобные утверждения подчеркивали гибкость большевистской политики, позволившей отечественным «якобинцам» удержаться у руководства страной.

Различные политические и общественные деятели, рассуждавшие тогда о «термидоре в России», по-разному оценивали характер и перспективы начавшихся весной 1921 году преобразований. Идеологи военного коммунизма грозили опасностью подлинного буржуазного «термидора», имея в виду чрезмерное допущение капиталистических элементов, рыночных отношений и постепенную реставрацию буржуазных порядков в стране. Они настойчиво предостерегали против чересчур активного развертывания рынка, перевода государственных предприятий на хозрасчет и т. п.,

¹ Ленин В.И. Материалы к X Всероссийской конференции. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т. 43. С. 403.

предлагая ответить на подобный курс «перерожденцев» мерами «коммунистической реакции»¹.

Весьма активно заговорили о «термидоре» и деятели, оказавшиеся к 1921 году в эмиграции. Так, уже 3 марта, откликаясь на события в Кронштадте, Б. Мирский писал в парижской газете «Последние новости» о неизбежном приближении «термидора», который станет закономерным этапом русской революции, отражением стремления народа к стабильности, порядку и демократии. «Термидор», полагал он, естественно вырастает из революционного процесса и приведет к падению большевиков, чего невозможно было бы достичь борьбой вооруженной. «Пока в народе есть инстинктивный страх, что вернется старое и жертва крови будет бесплодна, революция разворачивается, переходя из одной крайности в другую. Когда главная цель революции достигнута и есть уверенность, что достижение прочно, — революционная температура падает. Так было в Великой французской революции. Так будет и в русской»².

Известный публицист, активный участник «Смены вех» Н. Устрялов придерживался иных позиций. Он считал, что большевики, выполнив разрушительные задачи революции, победив в борьбе за власть, сами должны были изменить и изменили свой курс, переориентировав его на экономические и политические ценности буржуазного развития, с одной стороны, и на воссоздание великого государства, какой была Российская империя, с другой стороны. В статье под характерным заглавием «Путь термидора» автор развивал идеи о закономерности термидора на стадии «понижения революционной кривой», когда происходит возврат к эволюционному развитию событий. Это не торжество контрреволюции, утверждает Устрялов, а потому термидор во все не должен непременно сопровождаться сменой стоящей у власти партии. «Путь термидора — в перерождении тканей революции, в преобразовании душ и сердец ее агентов. Результатом этого общего перерождения может быть

¹ См., например, работы Ю. Ларина за 1921–1923 годы.

² См.: статьи в газете «Последние новости»: Путь термидора (1921. 3 марта); Это — репетиция (1921. 4 марта); Четвертая годовщина (1921. 12 марта).

незначительный «дворцовый переворот», устраняющий наиболее одиозные фигуры руками их собственных сподвижников и во имя их собственных принципов (конец Робеспьера). Но отнюдь не исключена возможность и другого выхода... приспособление лидеров движения к новой его фазе. Тогда процесс завершается наиболее удачно и с меньшими потрясениями». Устрялов отдавал должное большевистским лидерам, более гибким в своей тактике, чем якобинцы. «В свое время французские якобинцы оказались неспособны почувствовать новые условия жизни — и погибли. Ни Дантон, ни Робеспьер не обладали талантом тактической гибкости. Нынешняя московская власть сумела вовремя учесть общее изменение обстановки, понижение революционной кривой в стране и во всем мире. Учесть — и сделать соответствующие выводы»¹.

Гораздо более осторожными и пессимистичными были прогнозы со стороны левой эмиграции, от деятелей некогда близких к руководителям большевиков. Особенно показательны здесь рассуждения Л. Мартова, содержащиеся в известной статье «Ленин против коммунизма», которая была посвящена анализу нового курса большевистской партии за первые месяцы его осуществления. В отличие от Устрялова, Мартов тонко чувствует опасность, заключающуюся в том, что вступление на путь «термидора» в экономической сфере происходит при сохранении политической власти в руках большевиков — недавних «якобинцев». В такой ситуации велика опасность возникновения бонапартизма, т. е., в интерпретации Мартова, антидемократического (а не демократического, как думали другие) курса, опирающегося при подавлении народа на военную и гражданскую бюрократию, пытающегося решать неотложные экономические задачи силами этой бюрократии — организованной хозяйственной власти. Альтернативу, заключающуюся в политике разрывания демократии для рабочих и крестьян, в самоуправлении народа, он считал при таких политических условиях

¹ См.: статьи Н. Устрялова в харбинской газете «Новости жизни» (1921, июнь и ноябрь). Они же опубликованы в сб.: *Устрялов Н. Под знаком революции*. Харбин: Русская жизнь. 1925. С. 23–24, 45–46.

маловероятной. «Экономический термидор, ведущий прямо к 18-му брюмера», — такой неутешительный прогноз делал Л. Мартов осенью 1921 года¹.

Несколько позднее и примерно в том же роде стал говорить и писать о термидоре (или об «опасности термидора») Л.Д. Троцкий, для которого это понятие сливалось в значительной мере с бонапартизмом. Под «термидором» он фактически понимал бюрократическое перерождение коммунистической партии и советской власти, превращение их в послушное орудие осуществления неограниченной диктатуры Сталина.

Сейчас, по прошествии времени и с накоплением немалого исторического опыта, можно сказать, что точнее всего понял и спрогнозировал развитие ситуации Л. Мартов. Однако реальное развитие событий было все-таки гораздо сложнее и не вписывалось в схему «экономический термидор — политический бонапартизм». И дело все в том, что термидор так и не был реализован в ходе развития нашей революции — ни экономический, ни политический. События в годы нэпа пошли по иному пути, дав чрезвычайно интересный пример альтернативного «термидору» варианта. Завершающего этапа революции.

Как известно, революционный процесс разворачивается и продвигается вперед благодаря взаимодействию и переплетению усилий конгломерата разнообразных сил, имеющих далеко не однозначные представления о конечных целях своей борьбы. Не проводя здесь специального анализа этих сил, отметим лишь, что в самом общем виде нужно выделять и не смешивать основные движущие силы (широкие слои населения), с одной стороны, и особый слой, который условно можно назвать направителем революции, с другой стороны. Последний и составляют те собственники (или потенциальные собственники), утверждение господства которых в результате крушения старого строя может обеспечить быстрый экономический и социальный прогресс. Интересы этого социального слоя в ходе развития революции

¹ Мартов Л. Ленин против коммунизма // Социалистический вестник. 1921. № 10. С. 5.

неизбежно приходят в противоречие с настроениями широких народных масс и с содержащими немалую долю утопизма лозунгами их вождей и кумиров. Конфликт становится неотвратимым и требует своего разрешения.

«Термидором» является разрешение противоречия между движущими силами революции и ее направителем в пользу последнего. На поверхности может казаться, что здесь революция откатывается назад или даже терпит поражение. Но по сути дела это не так. Общество, несмотря на возможные еще взрывы и столкновения, постепенно ликвидирует «экономические завалы» и переходит к решению созидательных задач.

Но возможен и иной ход событий, когда направитель революции оказывается сметенным той силой, которая должна была лишь расчистить для него почву. В результате формируются новые структуры власти, порождаемые непосредственно движущими силами. На первый взгляд кажется, что в этом случае наиболее полно могут осуществляться народные идеалы: ведь движущие силы — это сам народ. В действительности же все оказывается иначе.

Широкие народные массы обычно весьма расплывчато представляют себе облик будущей социально-политической системы, которая зачастую рисуется им «от противного» — как нечто прямо противоположное старым порядкам. Такой подход чреват лишь заменой одних хозяйственно-политических образований другими, отрицающими старое по форме, но обычно мало что меняющими по существу.

Но это еще не все. Лишь наличие реального собственника, т. е. фигуры, не только непосредственно заинтересованной в прогрессе производительных сил, но и берущей на себя за это ответственность, способно обеспечить экономическую и политическую стабильность, решение крупных, стратегических задач и заставить государственную власть обслуживать эти интересы. Если же возвышения такого собственника не происходит, его функции должна взять на себя политическая власть. Система оказывается перевернутой: не императив экономического развития детерминирует в такой ситуации политические решения, а, напротив, ради реализации

текущих политических задач могут приноситься любые экономические жертвы. В результате на место реального собственника приходит его эрзац. Сращивание экономической и политической власти формирует особый социальный слой, обладающий чрезвычайно широкими, практически неограниченными возможностями по определению путей развития как всей страны, так и отдельной ее ячейки. Его деятельность становится абсолютно неподконтрольной, в том числе и самим народным массам, из наиболее активных представителей которых он первоначально формировался.

Но при всем при том слой этот не является носителем мотивации собственника. Его интересы не связаны непосредственно с развитием объекта собственности — народного хозяйства страны. Поэтому здесь не обеспечиваются условия для эффективного и динамичного функционирования экономики, а тем самым и для подъема благосостояния народа. Столь же бесконтрольно могут приноситься в жертву и социальные интересы народных масс. В результате, победив по форме, движущие силы революции фактически оказываются закабаленными узким социальным слоем без перспективы улучшения своего экономического положения, без надежды на прогресс и свободу. Словом, происходит политическое возвышение бюрократии, интересам которой оказываются подчинены (а точнее, принесены в жертву) все другие потребности общества.

Итак, знаменуя собой завершающий этап революционного процесса в России начала XX века, нэп должен был решить сложную задачу формирования той силы, которая будет инициировать развитие страны в течение последующих десятилетий. И нетрудно понять, что как раз «термидора»-то в российской революции и не было. Можно по-разному оценивать этот факт, но нельзя не принимать его во внимание. Длительный процесс «поиска собственника», пронизывающий, строго говоря, всю революционную эпоху в нашей стране, имел итогом феномен, противоположный «термидору», а именно — «великий перелом», означавший установление оторванной от народа и ничем не ограниченной власти бюрократии и ее отдельных представителей. Мартов был

прав: весьма существенную роль сыграло здесь то, что благодаря политическому мастерству В.И. Ленина и беспрецедентной для «якобинцев» гибкости большевикам удалось остаться правящей партией при переходе от третьего этапа революции (этапа радикализации) к четвертому. И осуществление ими своих принципиальных установок, следующих из их видения общественно-экономического прогресса, в конечном счете сыграло решающую роль в альтернативе «термидор — великий перелом».

Большевики пришли к власти, имея целью коренное переустройство глубинных основ жизнедеятельности общества, стремясь сделать всех трудящимися, а трудящихся — собственниками. Устремленные к коммунистическому идеалу, они отвергали предостережения о том, что объективные условия ограничивают задачи российской революции буржуазно-демократическими преобразованиями. С экономической точки зрения «введение социализма» представлялось им как доведение до логического конца государственно-монополистической системы — построение народного хозяйства в виде единой фабрики, функционирующей на основе государственной собственности на средства производства при реализации трудящимися функций собственника. Для решения этой задачи предполагалось осуществить национализацию основных средств производства, сформировать единый центр по управлению государственным хозяйством и обеспечить поголовное участие трудящихся в управлении.

В 1917–1918 годах повышенное внимание большевиков привлекал рабочий контроль как путь к построению планового хозяйства, управляемого самими трудящимися. Однако вскоре стало очевидно, что эти органы не способны сформировать субъекта общенародной собственности, выражая интересы локальные, текущие и по преимуществу потребительские. В лучшем случае с их помощью можно было достичь «компромисса между групповыми интересами, прежде всего заявляющими о себе в фабрично-заводских комитетах»¹.

¹ Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 10–11.

Не удалось решить проблему собственности и через создание централизованного аппарата руководства всем национализированным хозяйством. Вместо этого в центральном аппарате шла постоянная борьба ведомств, которые делили между собой общий «пирог» — и без того скудные ресурсы российской экономики. Быстро расцветший советский бюрократизм и неуклонно снижающаяся эффективность общественного производства не оставляли иллюзий относительно наличия хозяйской мотивации у трудящихся.

В этом отношении нэп, конечно же, был прорывом. Точнее, он должен был бы стать прорывом, поскольку поиск субъекта — носителя мотивации собственника продолжался здесь в качественно новых условиях — в условиях выдвижения на первый план мирных задач. Предполагалось сделать упор на создание самостоятельных (а значит, и экономически ответственных) хозяйствующих субъектов как в частном, так и в государственном секторах, согласование интересов которых должно было осуществляться на рынке, хотя и под контролем властей. Социалистические и иные хозяйственные формы должны были, по мысли В.И. Ленина, Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, конкурировать друг с другом, делом доказывая свою эффективность.

Однако на практике процессы формирования нового собственника были значительно затруднены. Сохранившие власть большевики в основной своей массе оставались приверженцами догмы о «единой фабрике» как конечном и не столь уж отдаленном пункте развития хозяйственной системы. Об этом постоянно напоминали не только приверженцы военно-коммунистической идеи, для которых самоочевидным был тезис, что в царстве труда «нет места свободе», а работник, функционируя в процессе производства «в качестве винтика механизма, будет желать именно так функционировать»¹. Но и большинство экономистов, активно развивавших теорию и практику нэпа, общую тенденцию развития производительных сил и производственных отношений также видели в усилении государственной

¹ Там же.

монополии в развитии производительных сил. Эти иллюзии разделяли, например, даже такие тонкие знатоки и исследователи советского хозяйства 1920-х годов, как В.А. Базаров и А.М. Гинзбург.

Однако дело, разумеется, было не в позиции отдельных экономистов и даже всех их вместе взятых. Последовательное развитие принципов нэпа, формирование слоя самостоятельных производителей (не только частных, но и коллективных) выводило многие жизненно важные общественные процессы из-под контроля сложившейся еще в годы военного коммунизма и почти не тронутой нэпом центральной и местной бюрократии, которая активно использовала в своих интересах коммунистические лозунги. В результате с провозглашением нэпа сложилась ситуация, когда политический режим должен был опираться на чуждую ему экономическую систему. И наоборот, хозяйственные субъекты в основной своей массе не могли устойчиво функционировать и развиваться без политической гарантии своей стабильности. Официальный же курс по отношению к негосударственному сектору постоянно колебался, а самостоятельность государственных производителей, закрепленная в знаменитом Декрете о трестах (от 10 апреля 1923 года), была в значительной мере декларативной и неуклонно сокращалась. И в городе, и в деревне власти стремились административными мерами не допустить реальной конкуренции частного хозяйства с государственным. Эффективное частное хозяйство оказывалось «опасным для социализма» и уже поэтому наказуемым.

Понятно, что подобная ситуация не могла сохраняться долго. Она приводила к регулярным кризисам, знаменовавшим собой важнейшие вехи экономической истории СССР в 1920-е годы. 1923, 1925, 1927/1928 годы сопровождались серьезными потрясениями в советском хозяйстве, причем выход из кризиса каждый раз осуществляется принятием мер, направленных на усиление роли государственного аппарата в экономике страны. Это же не позволяло сформироваться и социальным силам, способным противостоять тотальному огосударствлению. Неуклонное сращивание

политической и экономической власти вело к утверждению системы, аналогичной военному коммунизму, и одновременно способствовало укреплению тех социальных сил, которые должны были поддержать готовящийся переворот — отчужденных от собственности наемных рабочих государства, оказывавшихся носителями люмпенской психологии.

Слом нэпа стал в этих условиях неизбежным и означал завершение начатого в 1917 году революционного процесса. «Великий перелом» поставил последнюю точку. В стране утвердилась новая система отношений, экономические и политические структуры которой были тесно взаимоувязаны, т. е. политическая власть в полной мере соответствовала интересам собственника (точнее, эрзаца собственника), и конфликт между ними практически исключался. Кстати, тут кроется и причина особой устойчивости данной системы, несмотря на ее историческое банкротство, — в ее структуре практически не может сформироваться экономическая сила, заинтересованная и способная подорвать ведущий в тупик механизм огосударственного хозяйства.

НЭП И ПЛАНИРОВАНИЕ

Теория и практика планирования в 1920-е годы развивались под воздействием весьма противоречивых факторов как идеологического, так и конкретно-исторического характера.

Утверждение нэпа сопровождалось отходом от традиционных коммунистических (марксистских) стереотипов о несовместимости планового хозяйствования и рынка. Уже в начале этого десятилетия среди экономистов получил широкое распространение вывод о том, что рынок не только не препятствует планированию, но, наоборот, в современных условиях является для последнего совершенно необходимым, создавая объективный механизм оценки результатов хозяйственной деятельности предприятий и отдельных работников¹. (Разумеется, работы, обосновывавшие этот вывод, появились гораздо раньше, но игнорировались политическим руководством послеоктябрьской России.)

В логике нэпа план рассматривался как механизм достижения общественных целей наиболее действенным,

Опубликовано в: История и современность. Проблемы экономических преобразований. М.: ИЭ АН СССР, 1990.

¹ Наиболее четко это положение было высказано В.А. Базаровым в его работах 1923–1924 годов. См., например: *Базаров В.А.* К методологии перспективного планирования. М., 1924. С. 1–2.

оптимальным путем. «Плановое начало составляет необходимый элемент социалистического строительства, но плановое начало ни в коем случае нельзя представлять себе как совокупность разработанных схем, которые во что бы то ни стало должны быть навязываемы жизни и которые могут найти свое осуществление в практике работы как раз в тех самых цифровых величинах, которые в них значатся, — писал один из ведущих экономистов ВСНХ А.М. Гинзбург. — Под именем плана следует понимать наметку движущих линий развития и общую увязку основных творческих заданий, которые даются руководящим работникам различных отраслей народного хозяйства»¹.

Однако старое, военноекоммунистическое, понимание плана как детального расписания того, кому и что надо производить, куда поставить продукцию, вовсе не было отброшено как дискредитированное. Многие экономисты-марксисты, не говоря уже о политических лидерах, оценивали военный коммунизм как «предвосхищение будущего», как «прорыв» этого будущего в настоящее². Они видели в концепции планарасписания модель, к которой все равно надо будет вернуться в результате построения социализма и преодоления нэпа, утвердившегося «всерьез и надолго», но не навсегда.

Общее противостояние между двумя принципиально различными интерпретациями плана и планового хозяйствования пронизывает, так или иначе, все развитие теории и практики планирования в 1920-е годы, преломляясь и конкретизируясь в различных политических решениях, хозяйственных явлениях и экономических дискуссиях.

С точки зрения институциональной это противоречие нашло яркое проявление в характерном для первой половины десятилетия противостоянии между Наркомфином и Госпланом. НКФ в том виде, как он существовал в рассматриваемый период, был прямым порождением новой экономической политики, неотделимой от решения задач

¹ Законодательство о трестах и синдикатах / С предисловием и под ред. А.М. Гинзбурга. М.: Изд-во ВСНХ, 1926. С. XII–XIII.

² Весьма типичны здесь работы Л.Н. Крицмана. См., например: О едином хозяйственном плане. М., 1921; Героический период Великой русской революции. М.; Л., 1925.

финансового оздоровления как фундаментального принципа рыночной системы. Проблемы рыночного равновесия, товарно-денежной сбалансированности, устойчивости валютного курса стояли в центре внимания НКФ. В этом видели руководители и сотрудники данного органа предпосылки устойчивости, а значит и регулируемости, народного хозяйства. И вместе с тем Наркомфин владел реальными рычагами воздействия на советскую экономику, на отдельные отрасли и предприятия. Ведь их восстановление и развитие зависело от наличия у них финансовых ресурсов, ассигнуемых в основном государством. Эта роль НКФ усилилась с выпуском в обращение твердой валюты (червонцев), поскольку эмитирование было именно в его прямом ведении.

Иное положение занимал тогда Госплан, — детище военного коммунизма. Образованный в феврале 1921 года (когда о нэпе не было и речи), он вобрал в себя традиции и представления комиссий ГОЭЛРО и соответствующего плана — грандиозного технического проекта-прогноза, но с экономической точки зрения не выходящего за рамки идеологии плана-расписания, то есть полностью игнорирующего проблемы социально-экономического механизма реализации намеченных параметров. Разработка контуров будущего — в этом виделось основное предназначение Госплана, а такие контуры обычно находят выражение отнюдь не в категориях рыночного равновесия.

Другими словами, в НКФ и Госплане организационно оформился разрыв между задачами поддержания текущего хозяйственного равновесия и определения перспектив роста экономики. Оба момента необходимы при решении задач планового регулирования, но между ними существует и реальное противоречие, институциональное оформление которого не могло, разумеется, идти на пользу делу.

Нельзя сказать, что противоречие между НКФ и Госпланом с самого начала проявлялось в каких-то явных, или тем более острых, формах. Это произошло позднее, в 1925 году. Однако и в тот, начальный, период нэпа в экономической литературе прослеживается существование полемики (пока в значительной мере скрытой), отражающей объективное

противоречие этих двух начал в планировании. Примером тому может быть статья Григорьева «Задачи плановой комиссии по финансам», автор которой обращает внимание на изначальную недооценку госплановскими работниками финансовой стороны народнохозяйственных процессов: «Во вновь образованном Госплане сидели, главным образом, техники-специалисты, которые вырабатывали и обсуждали самые широкие проекты развития производительных сил... вне всякого соображения с возможностями их осуществления для обнищавшей страны¹». По мнению автора статьи, теперь, в условиях активной и небезуспешной деятельности по стабилизации финансово-экономического положения, роль НКФ в планировании резко возрастает. Не только «государственный план хозяйства РСФСР должен строиться в самом тесном контакте с НКФ», но, более того, «самый процесс государственного планирования должен принять формы бюджетного плана». Основываясь на таких соображениях, Григорьев предлагал осуществить далеко идущие преобразования в планово-экономической деятельности: *«На место существующей финансовой комиссии Госплана, являвшейся внутренним органом, призванным осуществлять финансовую разработку его предположений, должен стать новый орган самого финансового ведомства, намечающий отдельные грани работы других секций Госплана»².*

Итак, противоречие было налицо, и оно должно было проявиться открыто. За какой тенденцией будущее? Ответ зависел, с одной стороны — от перспектив развертывания самой хозяйственной жизни, а с другой стороны, от соотношения сил в политическом руководстве страны, от приверженности его тем или иным идеологическим доктринам планового хозяйствования. Впрочем, оба аспекта тесно связаны друг с другом.

Решающую роль для перспектив становления системы планирования, да и для судеб самого нэпа, сыграли события осени 1923 — зимы 1924 годов, а именно осенний кризис

¹ Григорьев. Задачи Плановой комиссии по финансам // Вестник финансов. 1922. № 25. С. 8.

² Там же. (Курсив мой. — В. М.)

сбыта и пути выхода из него, которые тогда были выбраны. Затоваривание складов промышленных предприятий, не снижавших цены, несмотря на отсутствие сбыта своей продукции и огромную физическую потребность в ней (прежде всего со стороны крестьянства), снижение покупательной способности деревни уменьшением сельскохозяйственных цен в условиях хорошего урожая 1923 года — так можно кратко охарактеризовать сложившуюся ситуацию. Она стала результатом переплетения множества факторов, которые, в свою очередь, были порождены сложностями и противоречиями осуществления новой экономической политики. Свою роль сыграло и положение государственных хозрасчетных трестов, монополистический характер которых был предопределен и организационными принципами их формирования, и преимущественным положением как объектов государственной собственности, и физическим дефицитом подавляющего большинства товаров. Ситуация усугублялась и ошибочной кредитной политикой: усиленное кредитование трестов новой валютой под товарное обеспечение позволяло им продолжать свою производственную деятельность без реализации, стремясь максимально использовать выгодную для них конъюнктуру.

Все это свидетельствовало о недостаточной продуманности и последовательности экономической политики правительства, о наличии серьезных трудностей и противоречий самой хозяйственной жизни — трудностей, с которыми можно было бороться в логике той системы, которая их порождает, или, наоборот, ломая эту логику, логику рыночного равновесия и экономического стимулирования.

Государство встало на путь административных мер. Правда, и тут был еще выбор — административные меры с целью демополизации или административное снижение цен. Выбран был второй путь, принесший поначалу нужный результат и в общем-то приемлемый в тех условиях, если рассматривать эти действия как временные и тактические. На этой стадии также оставался выбор — расценить принимаемые меры как разовые, вместо которых должны включиться экономические (рыночные) механизмы, или увидеть

в них фундаментальные черты новой экономики. Именно к последнему выводу и пришли руководители правительства, что несколько позднее оформилось и нагляднее всего проявилось в концепции, согласно которой советская власть должна противопоставить монополизму своих (государственных) трестов политику административного снижения цен, что якобы будет побуждать их к снижению издержек, то есть приводить к тем же результатам, к которым при капитализме приводит конкуренция. Нетрудно заметить, что такое решение является прямым порождением идеологических стереотипов «единой фабрики», объединяющей «цеха» в гигантскую монополию и одновременно желающую сохранить жесткий иерархический темп внутренних связей, оградить себя от монополизма «цехов».

С этого времени происходит угасание нэпа и начинает возрастать роль Госплана как органа, генетически восходящего к логике военного коммунизма. Действительно, экономические последствия такой политики достаточно очевидны, да они и не замедлили сказаться в течение ближайших полутора лет. В стране начал обостряться товарный дефицит. Но это была уже не физическая нехватка продуктов (что, правда, тоже имело место), но, прежде всего, — экономический феномен превышения платежеспособного спроса над товарным покрытием, еще более дестабилизировавшего ситуацию. Встав на путь административного регулирования хозяйственных процессов, правительство продолжало и далее действовать в этой логике. Встала задача, во-первых, строго регулировать (распределять) материальные потоки, причем финансовая сторона регулирования в этих условиях уходит в тень, начиная играть пассивную роль обслуживания товарно-материальных операций. Во-вторых, и это следует из первого, объективно появляется потребность в едином, то есть охватывающем всю «единую фабрику», плане, не только регулирующем, но и определяющем основные производственные параметры «цехов». Возникает старый призрачный план-расписания.

Разумеется, все это не проявилось сразу. Речь идет о тенденции, но тенденции, прослеживающейся более чем

отчетливо. Хотя против идеи плана-расписания выступали многие ведущие сотрудники Госплана, именно в его деятельности она проявилась прежде всего. Мы имеем в виду первый опыт планового документа, охватывавшего хозяйство всей страны — контрольные цифры на 1925/1926 год.

Одновременно, параллельно с борьбой общеэкономических ведомств, выкристаллизовывается два понимания важнейших задач народнохозяйственного планирования и, по сути дела, формы плана.

В дискуссии столкнулись два качественно различных понимания плана. С одной стороны, Н.Д. Кондратьев фактически видел в плане по возможности наиболее точный прогноз будущего движения народного хозяйства. Он указывал на ограниченность прогностических возможностей в условиях колоссальной разрухи и настойчиво предостерегал от разработки далеко идущих планов, справедливо полагая, что на этом пути работа может вылиться в беспочвенные фантазии. С другой стороны, свое представление о роли плана выдвинул тогда В.А. Базаров. Исходя из того, что основной задачей настоящего и обозримого будущего является восстановление разрушенного народного хозяйства и коренная реконструкция страны на новом техническом и социальном фундаменте, он считал правильным вообще не связывать плановый документ с конкретными временными рамками, а дать в нем анализ целевого состояния, к которому должно прийти общество, и взаимоувязанные проблемы, которые предстоит решать на этом пути.

Названные два подхода были качественно различными, но не противоположными идеологически и потому, как представляется, вполне совместимыми, поскольку естественным и даже желательным является совмещение прогноза объективной ситуации и собственно специальной программы действий. Важным моментом согласования обоих подходов могло стать изучение объективных закономерностей восстановительного процесса как важной методологической основы планирования. Оно действительно началось примерно на рубеже 1922–1923 годов, однако в силу ряда причин не сыграло существенной положительной роли, о чем речь пойдет ниже.

Надо сказать, что экономисты, занимавшиеся разработкой общей концепции перспективного планирования, вовсе не стояли на позициях механического восстановления дореволюционного (довоенного) равновесия, в чем их будут обвинять впоследствии. Наоборот, настойчиво подчеркивалась мысль о переплетении восстановительных и реконструктивных процессов, об экономической и социальной порочности представления, согласно которому сперва должно завершиться восстановление, а затем уже следует приступить к реконструкции. Понятно, что вклад обоих процессов на разных стадиях развития должен был быть неодинаковым. Поэтому в принципиальном виде следовало ответить на общий вопрос концепции перспективного планирования — в какой момент должен быть осуществлен переход от преимущественно восстановительной политики к преимущественно реконструктивной. Понятно, что этот вопрос был одним из основных при определении стратегии хозяйственного роста. Отвечая на него, И.Г. Александров исходил из того, что восстановление и реконструкция имеют противоположную тенденцию воздействия на народное хозяйство — с течением времени экономический рост под влиянием первого замедляется (исчерпываются задействуемые ресурсы прошлого), а под влиянием второго — возрастает (происходит накопление новых ресурсов, которые не сразу дают отдачу). Отсюда следовал вывод, что переход этот наиболее удачен тогда, когда вклад обоих процессов в темп экономического развития оказывается примерно равным¹.

Наконец, следует выделить еще один вопрос, поставленный впервые на начальных стадиях нэпа, имевший сперва скорее теоретическое значение и не вызывавший тогда сколько-нибудь серьезных возражений, но породивший позднее бурные дискуссии, завершившиеся политическими обвинениями и, естественно, репрессиями. Размышляя о методологии планирования, В.А. Базаров представил в конце 1923 года на обсуждение Президиума Госплана доклад о методологии планирования, где был выдвинут тезис

¹ См.: Александров И.Г. Восстановление производства в России. М., 1924. С. 3.

о существовании двух принципиальных методологических подходов в перспективном планировании и о возможных путях их использования применительно к восстанавливающемуся советскому хозяйству. Речь шла о необходимости сочетания «генетического» и «телеологического» подходов. Вызвавшая впоследствии острую полемику и обвинения политического характера, такая постановка вопроса не встретила тогда практически никаких возражений¹.

План восстановления и реконструкции той части национального производства, которая находится в «непосредственном заведывании» государства (прежде всего промышленности), утверждал В.А. Базаров, должен строиться телеологически — путем целевого построения таких преобразований, осуществление которых будет означать здоровое и прочное развитие данного производства. Напротив, там, где государство не является хозяином (в сельском хозяйстве, в первую очередь) и может лишь косвенно стимулировать естественно намечающиеся тенденции, перспективный план может строиться лишь генетически — путем обоснованной экстраполяции в будущее фактической динамики настоящего. Признавая довольно тесное переплетение на практике обоих подходов, а потому и некоторую условность подобного разграничения, В.А.Базаров, однако, приходил к выводу об определяющей роли генетически введенного плана сельского хозяйства — как основы телеологических построений в других отраслях².

Однако реальное развитие событий пошло по иному пути. Абсолютизация одной из сторон в планировании не могла не привести к острому кризису в теории и обусловила примитивизацию практики планового хозяйствования. Корни подобного развития событий уходят, прежде всего, в сферу социально-политическую и не являются предметом рассмотрения в настоящей статье.

Наиболее острые методологические дискуссии развернулись в 1927 году и были связаны с публикацией Госпланом

¹ См.: В Президиуме Госплана // Бюллетени Госплана. 1923. № 11–12.

² Базаров В.А. К методологии перспективного планирования. С. 10.

весьма подробного проекта плана развития народного хозяйства СССР на пять лет¹. Основными моментами этого документа были следующие:

1) в качестве критериев прогрессивного роста советской экономики выдвигались рост производительных сил наиболее быстрым темпом, максимальное удовлетворение потребностей трудящихся, а также переустройство общественных отношений на социалистических началах;

2) весьма подробная количественная проработка плана с целью тщательной балансовой увязки материально-вещественных пропорций при одновременном утверждении, что директивными, подлежащими обязательному исполнению, могут быть только цифры капитальных вложений на предстоящие годы. Остальные же показатели определялись лишь как обоснование инвестиций и не должны были иметь решающего значения;

3) в основу методологии плана был положен тезис о ведущей роли «свободных творчески-реконструкционных идей социального организатора», что обуславливается наличием в советском хозяйстве принципиально нового фактора роста — «творческой воли революционного пролетариата», позволяющего перейти от «гаданий и предсказаний» при помощи анализа динамических коэффициентов, поиска закономерностей развития хозяйства) к «определенной системе хозяйственных заданий в области социалистического строительства»². На этой базе предполагалось для более конкретного анализа пользоваться методами вариантных приближений, балансовых увязок, экспертных оценок;

4) ключевое положение в проекте плана занимали вопросы развития промышленности. Индустриализация должна была осуществляться прежде всего (или даже исключительно) за счет внутренних накоплений этой отрасли. Решающая роль тут отводилась снижению себестоимости, и особенно снижению индекса строительных цен. В сельском хозяйстве

¹ См.: Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг. М., 1927.

² См.: Струмилин С.Г. К перспективной пятилетке Госплана на 1926/27–1930/31 гг. // Плановое хозяйство. 1927. № 3. С. 21–22.

не предполагалось существенных изменений в социально-экономическом отношении.

Состоявшееся обсуждение проекта представляет большой интерес. Во-первых, то была первая и единственная широкая дискуссия по проблемам перспективного (пятилетнего) планирования в СССР. Во-вторых, основные методологические принципы, подвергнутые тогда критике, оставались неизменными на протяжении всех последующих десятилетий.

Критика госплановского проекта, начатая на II съезде плановых органов (март 1927 года) и продолжавшаяся практически во всех экономических изданиях, велась различными авторами, взгляды которых существенно расходились по многим хозяйственным вопросам. Позиции экономистов ВСНХ, ученых, группировавшихся вокруг Конъюнктурного института, а также критиков госплановского документа внутри самого Госплана отнюдь не совпадали¹. Однако было и нечто общее, объединявшее эти разнообразные подходы и касавшееся принципиальных моментов в осмыслении перспективного планирования. Это общее имело свои наиболее глубокие корни в исходных принципах экономического анализа, в его культуре. Вот почему необходимо и возможно выделить и обрисовать некоторую общую линию, в русле которой велась полемика о пятилетнем плане.

Прежде всего, была показана противоречивость, а потому и неработоспособность целевой установки документа, поскольку принципиальная взаимосвязь трех названных выше критериев не означает их однонаправленность в каждом конкретном периоде. Необходимо поэтому выделить решающий, и многие экономисты справедливо подчеркивали, что таковым должно быть развитие производительных сил, по отношению к которому все остальные критерии занимают подчиненное положение (что, конечно, не означало отрицания и обратного влияния процессов социализации и повышения благосостояния на производительные силы

¹ Активное участие в обсуждении проекта пятилетнего плана принимали такие экономисты, как А.М. Гинзбург, М.И. Бирбраер, Н.Д. Кондратьев, Альб.Л. Вайнштейн, Н.П. Макаров, В.А. Базаров, В.Г. Громан и многие другие.

общества). Количественную меру прогрессивного движения видели в возрастании объема благ, приходящихся в среднем на одного члена общества, или в росте национального дохода на душу населения как следствии повышения производительности труда¹.

Более того, вовсе не все экономисты, резко критиковавшие госплановский проект, однозначно связывали будущее советской экономики с активным развертыванием процессов обобществления. В.А. Базаров, например, видел социальный прогресс в общем курсе на рост обобществления (хотя и не в ущерб росту производительных сил), тогда как Н.Д. Кондратьев с сомнением относился к тезису о более высокой эффективности коллективного социалистического производства по сравнению с частным. Однако при всех этих достаточно серьезных различиях важным объединяющим всех критиков госплановского проекта фактором было признание следующего: *возможна* ситуация, при которой, чтобы расчистить путь для дальнейшего интенсивного роста производительных сил, целесообразно замедлить количественный рост заработной платы (благосостояния) или социализации, но *невозможно* представить себе обратное, то есть необходимость временного замедления роста производительных сил в целях роста обобществления или благосостояния. Между тем в ходе проходивших дискуссий свой выбор сделали и авторы предложенного проекта. Но у них ведущее место заняла проблема социализации, ради решения которой они считали вполне допустимым пойти и на снижение собственно экономических параметров².

Особенно резкие возражения у многих экономистов вызвало преувеличение субъективного фактора при определении перспектив хозяйственного роста, причем из критического разбора вполне прорисовывалась связь субъективизма

¹ См., например: *Вайнштейн Альб. Л.* К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства // Экономическое обозрение. 1927. № 7; *Базаров В.* Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 42.

² Об этом четко заявили С. Струмилин и Л. Шанин в дискуссии о пятилетнем плане, состоявшейся в начале 1928 года в Коммунистической академии. (См.: О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР. М.; Л., 1928. С. 36–38, 84.)

в планировании с преувеличением роли балансового метода. Многие экономисты показывали, что в перспективном планировании не только простая экстраполяция имеет весьма ограниченное применение, но и сам балансовый метод, который авторами проекта как раз противопоставлялся экстраполяции. Ведь обеспечивая согласованность темпов роста отдельных отраслей, он отнюдь не гарантирует, что спроектированный таким способом план в принципе осуществим¹. Кроме того, увязывая цифры между собой, балансовый метод отнюдь не обеспечивает оптимальность предлагаемых соотношений², то есть является, по сути дела, индифферентным к критерию плана, к его целевой установке. Наконец, справедливо отмечалось, что важным условием для широкого и активного применения балансового метода планирования является знание объективных законов данной хозяйственной системы, чего пока нельзя сказать о советской экономике³.

Говоря о проекте Госплана, экономисты показывали, что формальная увязка пропорций без достаточно глубокой их предварительной проработки создает лишь иллюзию обоснованности плана, сводит эту сложную проблему к согласованию различных цифр, превращая план в пособие статистической сводки. Какова экономическая обоснованность запланированных показателей? Насколько намечаемая в проекте организация производительных сил обеспечивает наиболее эффективное их использование? Такие вопросы задавали многие исследователи, но не находили на них сколько-нибудь удовлетворительных ответов.

Широкое признание получил вывод о недостаточной проработке качественных параметров плана, о принесянии собственно экономической стороны дела в жертву

¹ См.: *Вайнштейн Альб. Л.* К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР. С. 35; *Макаров Н.П.* Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2. С. 30.

² См.: например: *Кондратьев Н.Д.* Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1927. № 3. С. 13.

³ См.: *Бирбраер М.* К вопросу о методологии построения перспективных планов // Экономическое обозрение. 1927. № 7. С. 2.

статистической форме. «В наших пятилетках статистические ряды занимают незаконно большое место, — писал, например, М. Бирбраер. — По существу, они доминируют над всей работой. Анализ почти целиком подчинен статистическим рядам. При таком господстве статистики легко впасть в своеобразный пифагореизм, проглядеть все качественные моменты и подменить отношения людей пропорциями вещей»¹.

Подобная ситуация негативно влияла и на предназначавшуюся плану активную, преобразующую роль, превращая его в обширный, но недостаточно проработанный прогноз, в котором «сами цифры в большинстве случаев основаны только... на простом факте их опубликования»². Подчеркивалось, что при разработке перспективного плана надо уделять основное внимание качественным тенденциям экономического роста, внутреннему содержанию предполагаемых цифр, социально-экономическим процессам, порождающим те или иные количественные параметры. Многие экономисты считали необходимым положить в основу методологии перспективного планирования *метод установления причинных связей* между теми или иными хозяйственными процессами и факторами, обуславливающими их осуществление, чего сами по себе не могли обеспечить ни динамические коэффициенты, ни балансовый метод. Но именно в таком случае, по мнению многих авторов, перспективный план смог бы стать инструментом эффективной экономической политики, выполнять преобразующую роль.

«Вполне возможно, — замечал, например, Н.П. Макаров, — что результаты такой проработки плана не всегда будут иметь внешнюю табличную стройность, что, увы, в таком плане текста окажется не менее, чем таблиц, что в этом плане будет меньше предсказаний и больше указаний, что и сколько надо сделать, чтобы получить желательный

¹ Бирбраер М. К вопросу о методологии построения перспективных планов. С. 88.

² Бирбраер М. К вопросу о методологии построения перспективных планов. С. 88. См. также: Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства // Плановое хозяйство. М., 1927. № 4. С. 8–9.

эффект, и при каких условиях это должно делаться»¹. Иной подход, представленный в проекте Госплана, в значительной мере обусловил отсутствие в нем глубокого анализа ряда серьезных проблем развития советской экономики (таких как аграрное перенаселение и городская безработица, рост себестоимости и цен, подготовка квалифицированных кадров, динамика накопления) — вместо выработки путей их разрешения дело ограничивалось выдвижением числовых коэффициентов-директив².

Кстати, все это сводило, естественно, на нет и утверждение авторов госплановского проекта о недирективном, вспомогательном значении обильных цифровых расчетов, содержащихся в представленном на обсуждение документе. Ведь единственная группа показателей, за которой официально была закреплена роль директив, — перспективные инвестиции — является не только предпосылкой будущего роста, но в значительной мере и результатом его. И директивный характер инвестиций в перспективном плане может порождать последствия двоякого рода — противоположные по форме, но взаимно дополняющие друг друга по существу. С одной стороны, вероятно превращение в директивы всех показателей планового документа, поскольку в силу естественных взаимосвязей это необходимо для осуществления капиталовложений в намеченных масштабах. С другой стороны, отрыв инвестиционной программы как стержня и «единственной директивы», обязательной для исполнения, от реальных накоплений со всеми вытекающими отсюда последствиями сбалансированности и устойчивости экономической системы. И если в нормальной рыночной экономике подобный разрыв быстро приведет к кризису и потребует восстановления «хозяйственного реализма», то, как показала практика, в хозяйстве, основанном на тотальной государственной монополии, возникающие кризисные явления могут в течение длительного времени накапливаться, не находя адекватного

¹ Макаров Н.И. Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству. С. 44.

² См.: Вайнштейн Альб. Л. К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР. С. 37.

решения. Наконец, все это, вместе взятое, может существенно снижать роль текущего регулирования, лишая его самостоятельного значения, превращая его в придаток инвестиционных программ и других связанных с ним позиций перспективного плана.

Несовершенство методологической базы отрицательно сказывалось на обоснованности всего проекта плана — как отдельных его показателей, так и общей концепции социально-экономического развития страны. В работах экономистов, участвовавших в обсуждении, приводились многочисленные примеры внутренней противоречивости различных положений проекта, произвольности в интерпретации важных народнохозяйственных пропорций, нестыковки многих цифр. Серьезным недостатком было и отсутствие программы выхода из хозяйственных затруднений (несбалансированные и растущие цены при обостряющемся товарном голоде, диспропорции в развитии промышленности и сельского хозяйства, низкая рентабельность экспорта и т. д.), которые крайне остро встали уже в первой половине 1927 года.

Следует выделить еще одну очень важную черту, объединяющую подходы практически всех критиковавших госплановский проект экономистов, несмотря на существенные различия их собственных научных взглядов. Этим общим было стремление анализировать перспективы экономического развития страны именно с экономических позиций, то есть с позиций согласования интересов различных хозяйствующих субъектов как глубокого внутреннего источника движения народнохозяйственной системы. Сбалансированность, пропорциональность плановых расчетов, обеспечение равновесного движения к намеченным целям являются предпосылками такого согласования интересов, которое, в свою очередь, становится основным фактором, обеспечивающим бескризисное развитие общества.

Собственно, признание этого пункта было принципиальным в идеологии и концепции нэпа, и отказ от экономического подхода означал бы и выход за рамки нэпа. Это понимали многие экономисты. Н.Д. Кондратьев напрямую связывал принятие необоснованного плана, и тем более

превращение его в директиву, с возможностью весьма драматических последствий. Подчеркивая, что предложенная Госпланом концепция не дает эффективного решения задач индустриализации и реконструкции, он считал ее не только теоретически спорной, но и практически опасной. «Опасность ее вытекает из того, что она обрекает народное хозяйство на путь явных и глубоких кризисов»¹. Возможно, в этом выводе содержалось осознание опасности выхода из надвигающегося кризиса внеэкономическими методами. И когда вскоре, уже на рубеже 1927–1928 годов, кризис отчетливо проявился, был действительно взят курс на преодоление его на путях внеэкономического принуждения к труду и существенного снижения потребления широких народных масс (вплоть до голода в деревне, мотивируемого потребностями экспорта для индустриализации, то есть для выполнения все тех же плановых директив).

Разумеется, было бы неправильно непосредственно выводить сам слом нэпа из госплановской концепции первой пятилетки. Но связь между ними несомненна. В проекте плана был сделан серьезный шаг к укреплению административной модели хозяйствования. Административно-принудительный фактор под видом «воли пролетариата» занял, по сути дела, решающее положение в обосновании перспектив хозяйственного роста. Пятилетний план и «великий перелом» идеологически связаны, хотя авторы проекта вряд ли могли думать о тех чудовищных последствиях и поворотах, которые вскоре произойдут в стране.

¹ Кондратьев Н.Д. Критические заметки о плане развития народного хозяйства. С. 27.

ПЕРВЫЕ ЗАЛПЫ НА ПЛАНОВОМ ФРОНТЕ: ГОСПЛАН И НАРКОМФИН в 1922–1925 годах

Уходит в прошлое целая историческая эпоха. Коммунистический эксперимент, кажется, завершился, а его критический анализ постепенно перемещается из сферы публицистики в область научных исследований. Здесь иная система ценностей, и на передний план выходят не задачи разоблачения тоталитаризма и отдельных его вождей, не сама по себе демонстрация преступлений и ошибок тех лет, а тщательный анализ конкретных инструментов и механизмов, объективных тенденций и человеческих поступков, переплетение которых формировало и поддерживало господствовавший более семи десятилетий режим. Требуются профессиональные изыскания, имеющие, кстати, не только историко-познавательную ценность — общество ведь склонно по прошествии некоторого времени возвращаться к старым (лишь несколько изменившим свой облик)

иллюзиям, заблуждениям и ошибкам. В значительной мере это касается и хозяйственной сферы.

Общепризнано, что важнейшей несущей конструкцией советского тоталитаризма являлась директивно-распределительная система планирования. Концентрируя основные ресурсы, Госплан замыкал на себе хозяйственные процессы и в конечном счете определял характер и эффективность (неэффективность) их осуществления. Однако экономическим монстром эта организация стала не сразу, а в напряженной борьбе за доминирование в хозяйственной жизни СССР. Уроки такой борьбы весьма показательны, а итоги в общем-то плачевны.

Важной особенностью экономической жизни начала 1920-х годов было отсутствие монополизма и жесткой иерархии в планово-экономической деятельности. Помимо основных общехозяйственных органов (Госплана, Народного комиссариата финансов) различные отраслевые и региональные органы также разрабатывали плановые гипотезы, выходившие, как правило, за рамки ведомственных границ и содержавшие предположения общеэкономического смысла. В этой деятельности не обходилось, разумеется, без противоречий и ведомственных амбиций. Но очень быстро выделилась одна проблема, занявшая ключевое положение и выражавшая глубинное, сущностное противоречие.

Дело в том, что в основе регулирования хозяйственной жизни лежат два принципиально важных элемента, трудносогласуемых на практике, но одинаково необходимых для выработки и осуществления экономической стратегии. С одной стороны, это текущее регулирование народного хозяйства, поддержание в нем постоянного рыночного равновесия — подвижного, динамичного и в то же время устойчивого. Здесь — основное условие управляемости хозяйственного целого, то есть действенности мер экономической политики и адекватной реакции на них производителей и потребителей. С другой стороны, существуют и вопросы собственно планирования, прежде всего определения целевых установок народнохозяйственного роста, механизмов и путей их достижения. Оба элемента не могут существовать друг без друга.

Однако в советской экономике решение этих двух задач не было институционально согласовано. Регулированием текущей хозяйственной жизни занимался в основном Наркомфин, а проработка общехозяйственных перспектив изначально вменялась в обязанности Госплану. Этот разрыв дорого обошелся нашей экономике, и не только экономике.

Суть проблемы, конечно, не сводится к тому, что различные составляющие процесса планового хозяйствования оказались закрепленными за различными ведомствами. Такая точка зрения являла бы собой лишь склонность к феетишизации организационных форм — черте, весьма характерной для советской экономической науки на всех этапах ее существования. Но в этом конфликте отразились более сильные противоречия социального и методологического характеров, специальный анализ которых весьма интересен и должен составить предмет самостоятельного исследования. Пока же мы сосредоточим внимание именно на институциональной стороне дела.

Характерная черта первых лет нэпа — фактическое доминирование Народного комиссариата финансов в планово-регулирующей деятельности. И это вполне объяснимо. Оздоровление финансовой системы, стабилизация денежного обращения и кредита, возвращение деньгам их нормальных функций создавали необходимые предпосылки для устойчивого, поступательного развития экономики, для полнокровного возрождения страны. Причем возможности восстановления и реконструкции в условиях рыночного хозяйства напрямую зависели от выделения соответствующим отраслям и предприятиям ассигнований. Кредитная же система и бюджет находились с начала проведения денежной реформы под жестким, если не сказать жестоким, контролем НКФ и лично его руководителя Г. Сокольникова, для которого обеспечение устойчивости новой советской валюты (червонца) являлось основой его политической позиции в партийной и государственной элите.

От деятельности Наркомфина, по существу, зависел весь ход развития народного хозяйства, его отдельных отраслей и сфер. Разрабатываемые им контрольные цифры

государственного бюджета становились наиболее важным плановым документом — на практике реализовывалось лишь то, что могло быть профинансировано. Основным же критерием для принятия решений в НКФ являлось недопущение обесценения валюты, поддержание активного государственного бюджета, исчисленного в червонцах.

Особую и чрезвычайно важную роль деятельности Наркомфина и вообще финансово-кредитной системы в становлении планирования признавали в то время руководители и СТО, и Госплана. Как отмечал Г. Кржижановский, контрольные цифры Наркомфина явились прецедентом для контрольных цифр Госплана. А Л. Каменев писал в начале 1925 года, что «централизованный в руках пролетарского государства кредит является решающим фактором регулирования хозяйства, фактором, вносящим решающие коррективы, способным и вызывать, и предотвращать кризисы»¹.

Хотя формально Наркомфин существовал на протяжении всего периода «военного коммунизма» и как бы был унаследован от него нэпом, на самом деле несомненно решительное размежевание между одноименными ведомствами этих совершенно различных периодов в нашей истории. В 1918–1920 годах руководители финансов не прочь были подчеркнуть в своих выступлениях неизбежность постепенного отмирания их органа по мере укрепления нового хозяйственно-политического режима. Еще в марте 1921 года, в дни работы X съезда РКП(б), газета «Экономическая жизнь» опубликовала статью Р. Альского, считавшего актуальным в ближайшее время переориентировать Наркомфин на разработку материальных балансов, превратить его в подобие гигантской бухгалтерии единой фабрики². Но последовательное проведение принципов нэпа потребовало крутого поворота, который и был осуществлен с приходом к руководству финансовым ведомством Г. Сокольников. На работу в НКФ были приглашены многие крупнейшие российские экономисты безотносительно к их партийной

¹ Каменев Л.Б. Наши достижения и задачи в области овладения стихией рынка // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 19.

² См.: Альский Р. Нужны новые методы работы // Экономическая жизнь. 1921. № 54.

принадлежности. И политической ориентации. Они просто знали существо рыночного хозяйствования и умели решать вопросы его стабилизации и регулирования. Именно рынок с его тенденциями и законами мог стать и стал основным полем планово-регулирующей деятельности НКФ. И понятно, что в силу естественных экономических причин ведущее положение этого органа в плановом регулировании должно было повлечь за собой углубление рыночной (можно сказать экономической) логики в процессе формирования системы народнохозяйственного планирования.

Иное положение занимал Госплан и логически, и исторически. Одной из весьма популярных в советской экономической науке догм стала увязка возникновения этой организации с переходом к нэпу. Такие представления как будто бы должны доказывать изначальную гибкость Госплана, его способность эффективно сочетать в своей деятельности административно-директивные рычаги управления с косвенными, рыночными. Однако подлинное развитие событий было другим.

Во всех отношениях Госплан явился прямым порождением «военного коммунизма», периода его наибольшего расцвета и глубокого кризиса. Достаточно вспомнить, что образование Государственной общеплановой комиссии приходится на февраль 1921 года — когда сама идея возвращения рынка для правящих кругов страны была крамольной. Госплан создавался на базе Комиссии ГОЭЛРО с целью продолжения и расширения начатого ею дела. То было время неколебимой уверенности высшего руководства (и прежде всего В.И. Ленина) в том, что именно ГОЭЛРО является наиболее важным шагом к построению единого хозяйственного плана, если не самим планом. Между тем результаты работы Комиссии по электрификации были весьма далеки от анализа собственно экономических проблем развития России, поскольку там основное внимание уделялось производственно-технической стороне дела.

Выросший из ГОЭЛРО Госплан не мог не воспринять всех иллюзий и противоречий своего предшественника, что нашло отражение в первом Положении о Государственной

общеплановой комиссии (декрет СНК от 22 февраля 1921 года). Возлагая на нее задачу разработки на базе плана электрификации «единого общегосударственного хозяйственного плана, способов и порядка его осуществления», Совнарком вменял ей в обязанность также согласование ведомственных и территориальных программ и предположений по всем отраслям народного хозяйства и установление очередности работ, выработку общегосударственных мер по развитию исследований, пропаганду сведений о плане и путях его выполнения¹. Из этого краткого перечня вполне проступает административно-пропагандистская природа данного органа, что в дальнейшем оказывало существенное влияние на его положение в системе общеэкономических учреждений правительства, на его будущую роль в организации хозяйственной жизни.

Преемственность Госплана и ГОЭЛРО проявилась отнюдь не однозначно. Сохранилась тенденция видеть в плане в первую очередь технико-экономический расчет, а уж потом дополнять его финансовой программой, комплексом мер экономической политики. В то же время, несмотря на многочисленные декларации о преемственности, о стратегическом характере разработок Госплана, призванного конкретизировать программу электрификации и намечать общие перспективы развития советской экономики, с самого начала на него настойчиво возлагалось решение текущих задач, требовавших принятия директивно-распределительных мер. Сперва Госплану поручили оперативно заняться ликвидацией острейшего топливного кризиса весны 1921 года и разработкой плана распределения топлива на год. Потом, в ноябре, председатель СТО потребовал в срочном порядке провести предварительные расчеты распределительных планов по всем «минимальным ресурсам». Так, постепенно центр тяжести в деятельности Госплана сосредоточивается на вопросах организации распределения и составлении операционных планов государственного хозяйства, на утверждении программ развития отдельных отраслей и территорий.

¹ Об едином хозяйственном плане (Работы 1920–1921 гг.). М.: Экономика, 1989. С. 20.

Даже беглое знакомство с протоколами Президиума Госплана 1920-х годов, не говоря уже о заседаниях его секций, поражает обилием частных вопросов, связанных с функционированием отдельных отраслей и подотраслей народного хозяйства. И хотя руководители Госплана постоянно жаловались на чрезмерную загруженность своего учреждения «вермишелью», ни они, ни руководители правительства не были склонны решительно изменить положение дела. В сознании, а может быть, и в подсознании у многих сохранялось представление о превращении в будущем Госплана в центральный штаб, мозг той единой фабрики, светлый образ которой оставался слитым с грядущим социализмом.

Другая сторона вопроса связана с тем положением в хозяйственной системе, которое занимал (точнее, должен был по идее занимать) Госплан. Ориентация по преимуществу на долгосрочные перспективы при отсутствии на самом деле возможности через экономические рычаги влиять на состояние рынка и, следовательно, несвязанность ответственностью за него сделали Госплан в какой-то мере заложником стратегических решений. Последние же обычно находили и находят выражение не в категориях рыночного равновесия. Физические результаты прогресса — вот ориентир перспективного плана, а ради этого можно пренебречь и текущими проблемами, рассматривать их как неизбежные тернии на пути к звездам социализма.

Правда, надо подчеркнуть, что недооценка текущих вопросов рыночного равновесия, выражавшаяся особенно ярко в подходе к финансово-кредитным проблемам воспроизводственного процесса, не всегда являлась осознанной, но представление о том, что такая позиция может дать долгосрочный стратегический выигрыш, было довольно распространенным. Еще в первые месяцы существования Госплана подобное отношение к финансово-экономической стороне плановой работы с предельной откровенностью выразил его вице-председатель, а в прошлом видный участник проекта ГОЭЛРО П. Осадчий: «К числу ... благоприятных условий для проведения начинаний в области электрификации следует отнести упразднение у нас бюджетных рамок,

препятствовавших в прежнее время осуществлению многих полезных мероприятий»¹. Словом, дезорганизация финансовой системы рассматривалась как благоприятный фактор для налаживания планового хозяйства и стратегического планирования². По мере становления нэпа подобные откровенно антиэкономические постановления станут уже невозможны, однако отношение к финансовой стороне воспроизводства как к проблеме вторичной, полностью подчиненной задачам собственно производственным, будет сохраняться и постоянно проявляться в многочисленных дискуссиях, которые вели сотрудники Госплана с представителями Наркомфина и Госбанка.

Было бы неверно, впрочем, понимать дело так, что с самого начала своего существования Госплан являлся оплотом консервативных экономических сил. Все было гораздо сложнее. После первых месяцев ставки исключительно на опыт ГОЭЛРО к работе в Госплане стали привлекать многих видных экономистов (правда, в отличие от Наркомфина, ЦСУ, Наркомзема почти исключительно социал-демократической или коммунистической ориентации). Предложения, высказывавшиеся в ходе разнообразных и весьма продолжительных дискуссий в его рамках, нередко были внутренне (идеологически) противоречивыми, что отражало реальные сложности хозяйственной политики и идеологии периода нэпа. Стремление свести всю государственную экономику в единую фабрику соседствует с предложениями о существенном расширении самостоятельности госпредприятий. Предложение об отделении от производства функций сбыта и монополизации их в руках центра уживается с призывами

¹ *Осадчий П.* Цели и средства электрификации России и ее очередные задачи // Научно-технический вестник. 1921. № 3. С. 12.

² Отвечая на эти слова П. Осадчего, видный российский экономист Н. Шапошников иронически замечал: «В нормальных условиях приход хозяйства определяет его расходы, но в условиях свободы денежной эмиссии нет никакого такого предела. Здесь хозяйственные возможности ограничены только производительностью печатного станка. В меру этой производительности, с бюджетной, по крайней мере, точки зрения, все возможно: и по университету в каждом уездном городе и немедленная электрификация всей России. Здесь никогда не сведутся концы с концами, здесь нет и не может быть нормального бюджета» (*Шапошников Н.Н.* О путях оздоровления денежной системы // Экономист. 1922. № 4–5. С. 51–52).

бороться с монополистическими тенденциями в деятельности предприятий. Подход с позиций экономической эффективности переплетается с предложениями основывать хозяйственные решения на социально-политических приоритетах — безотносительно к тому, как это может сказаться на состоянии производительных сил.

В результате к 1924 году в Госплане создавалась своеобразная ситуация, когда под крышей центрального планового ведомства сосуществовало сразу несколько пониманий существа народнохозяйственного плана, принципиально друг с другом не совместимых. Так, предлагалось разграничить строительный (перспективный) план, основывающийся на программе ГОЭЛРО, и план эксплуатационный, объединяющий оперативные планы первичных производственных единиц. Эксплуатационный план должен был «врастать» в генеральный план реконструкции народного хозяйства. Очевидно, что подобное понимание, к которому тяготел Г. Кржижановский, отличалось обтекаемостью, явно выраженным «промежуточно-компромиссным» характером.

Гораздо конкретнее формулировались другие подходы. Весьма влиятельная Топливная подсекция видела в плане единое целое жестких программ с жесткими цифрами и календарными сроками их выполнения. Идеалом здесь считали план добычи и распределения топлива, разработанный в 1921 году и выполненный почти на 100%. Иного мнения придерживалась Сельскохозяйственная секция. Особое положение отрасли приводило к пониманию плана как системы и программы мероприятий экономической политики по развитию и подъему производительных сил деревни. Важная роль тут отводилась проработке финансово-кредитных вопросов, различных стимулов роста производства. Наконец, Секция по районированию, считая односторонним понимание плана как календарной программы и как системы регулирующих мероприятий, выдвигала свою идею сложного, комбинированного планирования, для которого решающее значение имеет организационная сторона дела. Поэтому основное внимание здесь уделялось созданию сети соответствующих областных плановых органов и четкому

согласованию их деятельности с центром по разработке перспективных и операционных планов.

Все это находило проявление в весьма противоречивой роли самого Госплана в хозяйственной жизни первой половины 1920-х годов. По поручению контрольных органов в 1924 году А. Кактынь провел анализ итогов работы Госплана. Подготовленная им записка хранится в архиве и до сих пор, но, к сожалению, не опубликована. Она включает в себя почти 90 страниц машинописного текста и представляет немалый интерес для экономистов, поскольку ее автор, будучи тонким и проницательным исследователем, не только вскрывает многие сложности и противоречия в работе Госплана, но и указывает на исторические корни возникновения и причины воспроизводства этих проблем.

В частности, А. Кактынь делает принципиальной важности вывод о ситуации, характеризующей положение самого Госплана. С одной стороны, многие его работники (особенно Экономико-статистической секции, куда прежде всего были приглашены видные экономисты) уже в начале нэпа осознали и сформулировали принципы хозрасчета, которые выдвинули в качестве основных линий для новой политики зарплаты, что позволило решительно отказаться от «уравнительно-собесного» подхода времен «военного коммунизма». С другой стороны, «Госплан в той же Экономико-статистической секции в период развернутого нэпа, уже в формах денежного хозяйства и финансового капитала, даже после учреждения Госбанка и реорганизации потребительской кооперации и после фактического падения реальности приемов Комиссии использования вел сложную работу по обоснованию идеологии и организации централизованного распределения материальных ресурсов, по выработке номенклатуры централизованного снабжения, по составлению общих распределительных планов, отчетов в их исполнении и учетных единиц, выражающих ценность отдельных благ и трудовых процессов в искусственно построенных измерительных единицах»¹. (Не могу не заметить в скобках, что

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 375. Лл. 18–19.

подобная противоречивость внутри самого Госплана весьма своеобразно проявилась с началом «великого перелома» и жестоких репрессий, обрушившихся на советских экономистов на рубеже 1920–1930-х годов. В отличие от таких ведомств, как Наркомфин и Наркомзем, подавляющая часть ведущих специалистов которых оказалась за решеткой, в госплановской среде произошел очевидный раскол, и его сотрудников «сажали» избирательно.)

Дискуссии, проходившие в первой половине 1920-х годов в Госплане, наглядно иллюстрируют приведенные только что замечания А. Кактыня, показывая и сложность имевшейся там идеологической и политической атмосферы, и противоречивость позиций многих его работников, включая склонность ряда из них к откровенному конформизму — качеству, которое через некоторое время станет «вторым я» большинства экономистов и вообще обществоведов.

Пожалуй, наиболее ярким примером может быть обсуждение доклада «К методике планирования в СССР» С. Струмилина (с дополнениями В. Громана) на заседании Президиума Госплана, состоявшемся в октябре 1924 года¹. Председатель Экономико-статистической секции стремился вскрыть особенности экономического механизма нэпа, обуславливающие характер планово-регулирующего воздействия на народное хозяйство с целью построения социализма «в кратчайший срок». Суть централизованной политики С. Струмилин видел в объединении деятельности производителей как государственного, так и частного секторов, в подчинении второго первому не путем административного принуждения, а благодаря более эффективной деятельности госпредприятий, побеждающих в конкурентной борьбе на рынке. Это предполагало решительный отказ от методов революционного насилия и достижение «оптимальных производственных и финансовых эффектов» «не дубьем, а рублем». Для усиления действенности централизованного руководства экономикой С. Струмилин предложил идти по пути

¹ Материалы этой дискуссии были опубликованы Е. Тюриной (см.: Из Центрального государственного архива народного хозяйства СССР: К истории методологии планирования // Известия Академии наук СССР: Серия экономическая. 1991. № 2).

совмещения самостоятельности трестов (и даже предприятий) с созданием целой системы специальных централизованных финансовых фондов, позволяющих государственной власти активно воздействовать на ход реконструктивного процесса. (Интересно отметить, что в первой половине 1960-х годов аналогичные идеи выдвинул и подробно обосновал академик В. Немчинов. Многими экономистами они тогда были восприняты с большим подозрением — относительно их «социалистичности» и «идеологической чистоты». Они не нашли даже формального отражения в хозяйственной реформе 1965 года.)

«Разрешение всех вышеуказанных проблем в смысле достаточной организационной и методологической их подготовки является чрезвычайно важной предпосылкой не только для разработки единого в смысле целостности и внутренней согласованности перспективного плана хозяйства на ряд лет, но и для текущих планов хозяйства на каждый операционный год», — так писал С. Струмилин. Вряд ли этот осторожный человек мог ожидать, какую реакцию у коллег вызовет его доклад. Поддержанный, по сути дела, только В. Громаном и В. Базаровым, он навлек на себя резкие обвинения политического характера. Идеи отказа в плановом хозяйствовании от методов принуждения, от революционного насилия, возможность допустить частные накопления и конкуренцию на рынке частника с госпредприятиями — все это было оценено не иначе, как «оппортунизм», невыдержанность «с марксистской точки зрения», как недопустимый «разрыв между экономическими и политическими моментами». Словом, твердая вера в непрочность нэпа и скорое торжество «истинного» социализма, стремление к решению уже текущих хозяйственных проблем в категориях вытеснения рынка планом — таковы были весьма характерные черты мышления и деятельности немалой части госплановских работников.

По-видимому, именно в результате этого столкновения произошел надлом в позиции самого С. Струмилина, который с тех пор стал быстро превращаться в «несгибаемого планировщика-большевика», готового защищать любой зигзаг генеральной линии. Во всяком случае, перерабатывая

после обсуждения свой доклад, он весьма своеобразно изменил заголовок рукописи. Вместо «К методике планирования в СССР» появились на свет тезисы «К методике преодоления нэпа». «Методика планирования» и «преодоление нэпа» для С. Струмилина стали понятиями тождественными¹.

Однако вернемся к тому, что в системе планового регулирования советского народного хозяйства уже на первом этапе нэпа наметилось переплетение двух линий, принимавшее формы явного институционального противостояния. У обоих подходов имелись вполне очевидные объективные основания, связанные с реальным противоречием регулятивной и перспективной функций планового хозяйствования. Poleмика между их представителями шла постоянно, хотя и не всегда принимала открытые формы. Но по некоторым публикациям 1922–1924 годов, а еще более — по стенограммам различных дискуссий, проходивших тогда в центральных экономических ведомствах, можно проследить постоянное и напряженное противоборство.

Наркомфин активно занимался планово-регулирующей деятельностью, практическими шагами в области бюджета и кредитно-денежной (эмиссионной) политики, демонстрируя свою независимость от Госплана, не говоря уже о других хозяйственных ведомствах. Время от времени высказывались и прямые претензии НКФ на главенство в плановом руководстве народным хозяйством. Претензии, надо сказать, вполне обоснованные.

Примером такой позиции может служить статья «Задачи Плановой комиссии по финансам», опубликованная в официальном органе НКФ и подписанная фамилией Григорьев. Автор, обращая внимание на изначальную недооценку госплановскими работниками финансовой стороны хозяйственных процессов, пишет следующее: «...Во вновь образованном Госплане сидели главным образом техники-специалисты, которые вырабатывали и обсуждали самые широкие проекты развития производительных сил... вне всякого соображения

¹ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 191. Лл. 218–242; ЦГАНХ. Ф. 219. Оп. 1. Д. 48. Лл. 12–14.

с реальными возможностями их осуществления для обнищавшей страны». Теперь же, в условиях активной и небезуспешной деятельности по стабилизации финансово-экономического положения, роль Наркомфина резко возрастает и в планировании. Не только «государственный план хозяйства РСФСР должен строиться в самом тесном контакте с НКФ», но, более того, «самый процесс государственного планирования должен принять... формы бюджетного плана». Основываясь на таких соображениях, Григорьев предлагал осуществить далеко идущие преобразования в планово-экономической деятельности: «На место существующей финансовой комиссии Госплана, являвшейся внутренним органом его, призванным осуществлять финансовую разработку его предположений, должен стать новый орган самого финансового ведомства, намечающий предельные грани работы других секций Госплана»¹.

Некоторые экономисты высказывали серьезные предостережения против очевидных попыток механического распространения «планового начала» на все сферы экономической жизни. С точки зрения примитивно-социалистической чем шире централизованный план в той или иной форме охватывает народное хозяйство — тем лучше. Однако логика рыночного хозяйства не приемлет прямолинейных решений. Во всяком случае если подходить к ней с адекватным экономическим инструментарием. И тут обнаруживается парадоксальный факт: кредитная система, например, будучи эффективнейшим механизмом системы регулирования народного хозяйства, сама по себе не приемлет сколько-нибудь жесткого планирования. Это значит, что кредитную политику ни в коем случае нельзя «привязывать» к намечаемым производственным программам. Ведь программа определяет выпуск отрасли продукции исходя из возможностей производства, но зачастую вне четкой оценки перспектив сбыта. Кредитование же должно основываться на возможностях сбыта, а с этой точки зрения прекрасно оборудованное

¹ Григорьев. Задачи плановой комиссии по финансам // Вестник финансов. 1922. № 25. С. 6.

и полным ходом работающее предприятие в случае отсутствия сбыта может оказаться некредитоспособным. Поэтому регулирование народного хозяйства через кредитную систему, будучи всегда весьма действенным, может стать эффективным лишь при условии постоянного учета текущей хозяйственной конъюнктуры.

Вот как писал об этом в 1923 году А. Дезен, один из известных специалистов того времени в области финансов: «Кредитные учреждения путем расширения или сжатия кредита, дисконтной политики, преимущественного кредитования тех или иных отраслей промышленности оказывают слишком глубокое влияние на народное хозяйство... Недостатком наших кредитных учреждений является не отсутствие плана кредитования, — каковой, на наш взгляд, будет нежизнен и неосуществим, а отсутствие правильной и последовательной кредитной политики. Увязка кредита с регулирующими функциями, присущими государству в период государственного капитализма, должна произойти именно в сфере установления этой политики».

«Новая экономическая политика отвела известное место стихии рыночных отношений, и попытка сократить это место в период развивающегося денежного хозяйства в пользу планового начала обречена на неудачу... Именно через кредитный аппарат государство и может влиять на рыночные отношения».

«Руководство кредитной политикой не может быть, на наш взгляд, изъято из Наркомфина и Госбанка путем передачи хотя бы в Госплан, так как эта политика слишком тесно связана с повседневной работой кредитных учреждений. Кредитная политика есть в конечном счете разновидность финансовой политики, быть может, самая важная»¹.

Такое понимание проблемы планового регулирования основывается на признании фундаментальной черты рыночной экономики — суверенного права потребителя купить или не купить продукт. И поэтому принятие в плановом порядке

¹ Дезен А. Плановое кредитование или кредитная политика // Экономическая жизнь. 1923. 3 ноября.

решения о производстве той или иной продукции должно быть дополнено механизмом, позволяющим оценить значимость ее для потребителя и всего народного хозяйства. Иной подход предполагает либо казарму, где все потребление расписано заранее, либо тотальный дефицит, когда все произведенное будет потреблено. Однако должная оценка этих аргументов оказалась невозможной без долгого и тяжелого опыта последующих десятилетий. Плановая эйфория, стремление к четко организованному хозяйству не позволяли многим трезво оценить позицию оппонентов.

Госплан же, со своей стороны, постоянно старался «приструнить» Наркомфин и связанный с ним Госбанк, опираясь в этом на поддержку ряда мощных хозяйственных ведомств, особенно на ВСНХ в НКПС. Последние, стремясь к возможно более быстрому восстановлению «своих» отраслей, требовали крупных ассигнований, выдача которых могла подорвать устойчивость червонца. Со своими жалобами они шли в Совнарком, в СТО и непременно в Госплан, где обычно находили сочувственное понимание. Аналогично обстояли дела и с региональными (республиканскими и областными) органами планирования и управления. Предпринимались различные шаги с целью ограничить независимость НКФ, а по возможности и привязать его к Госплану. Имелось в виду обязать финансовое ведомство выделять кредиты в полном объеме в соответствии с централизованно утверждаемыми планами и программами. Для этого предлагалось, в частности, использовать некий Комитет государственных заказов, проект которого активно обсуждался в начале 1923 года. Или путем разработки и обязательного утверждения кредитных планов Госбанка в Госплане гарантировать беспрепятственный доступ отраслей госпромышленности к финансовым ресурсам¹.

¹ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Д. 127. Лл. 254–255.

У ИСТОКОВ ТОВАРНОГО ДЕФИЦИТА

Середина 1920-х годов — поворотное время для советской экономики. «Великий перелом», знаменовавший собой политическую победу сталинизма, явился своеобразной, трагической формой разрешения тех экономических и социальных противоречий, которые накапливались в обществе. И с экономической точки зрения ключевую роль в понимании многих последующих событий имели события, о которых речь пойдет ниже. В 1925 году экономическое развитие протекало достаточно интенсивно. Темпы хозяйственного роста столь значительны, что достижение довоенных объемов производства стало возможным к концу 1926 года. Восстановительный период завершился. В повестку дня вставала задача коренной реконструкции народного хозяйства. И в это время неожиданно для многих экономистов и политических лидеров параллельно с завершением

восстановительного процесса в экономике нарастает дефицит, или, как его тогда называли, товарный голод. Возникший дефицит существенно отличался от аналогичного явления прошлых лет. Недостаток товаров возник и обострился не в результате разрушения производительных сил, а на стадии их быстрого подъема. Это означало, что корни проблемы уходят в экономическую политику, специфику самой хозяйственной системы, механизма ее функционирования, по тем или иным причинам не обеспечивающего пропорционального роста. В условиях рыночной экономики смешанного типа опасность такого явления резко обострялась, так как углубление или даже сохранение товарного голода нарушало нормальные взаимоотношения между основными сферами хозяйственной жизни, в первую очередь между промышленностью и сельским хозяйством.

Как же разворачивались события? В середине 1925 года появились признаки нехватки некоторых промышленных товаров (строительных материалов, тканей, кожевенных изделий, сельскохозяйственных орудий). Все эти продукты были необходимы крестьянству и для расширения хозяйственной деятельности, и для личного потребления. Официальная линия в этот период была ориентирована на ускоренное развитие промышленности как опорного звена социалистического строительства: и в силу передового характера крупного машинного производства, и как важного условия для решения проблем безработицы и аграрного перенаселения, позволяющего все большие массы трудящихся втягивать в «социально прогрессивные» формы деятельности. С ростом промышленного производства, как представлялось, должны быть решены и проблемы товарного голода.

С этих позиций рассматривались и перспективы на 1925/1926 хозяйственный год, нашедшие отражение в контрольных цифрах Госплана. При составлении плана исходили из того, что в 1925 году будет хороший урожай. Это означало возможность получения валютных ресурсов и использования их для импорта промышленных товаров (прежде всего необходимого сырья и оборудования). Надо также учитывать, что выработка основных направлений

хозяйственной политики происходила под сильным давлением представителей промышленных кругов во главе с ВСНХ, имевших значительный политический вес. Возражения аграрников и ряда других экономистов нередко расценивались как ведомственное стремление получить больше средств для развития «своих» отраслей.

Однако уже осенью 1925 года в реализации первоначальных идей возникли серьезные трудности. Хлебозаготовительная кампания не оправдывала надежд: урожай оказался ниже, чем предполагалось, а крестьяне, и это главное, из-за отсутствия нужных им товаров не были заинтересованы продавать хлеб. Между тем в соответствии с намеченными планами осуществлялось щедрое кредитование государственных заготовителей, которые, так же как и кредитные органы, имели свои задания по закупкам и стремились их выполнять. Существенное превышение спроса над предложением и конкуренция государственных хлебозаготовителей друг с другом, принимавшая иногда дикие формы (порча мостов, перекапывание дорог друг у друга), вели к росту цен на зерно. Невозможность отоварить свои деньги вынуждала крестьян придерживать хлеб. В результате снижались объемы и рентабельность экспорта. Понятно, что объемы импорта также сократились. Общий рост цен негативно повлиял на курс червонца — важнейший фактор устойчивого динамичного развития экономики в период нэпа.

Кроме того, уже с середины весны 1925 года начало усиливаться кредитование отраслей тяжелой промышленности. Форсирование их роста сопровождалось не только увеличением спроса на средства производства, но и ростом численности рабочих и реальной заработной платы (в апреле-июне на 6,9%, в июле-сентябре на 33,2%), что обостряло ситуацию на рынке потребительских товаров. Так начиналось раскручивание спирали товарного дефицита.

В обычном рыночном хозяйстве дефицит тех или иных товаров вызвал бы рост цен на них. Иное дело в условиях советской экономики. Прежде всего была предпринята попытка побороть товарный голод мерами административного воздействия. Необходимо «жесткое планирование сбыта

недостающих промышленных товаров массового потребления»¹. Этот тезис быстро получил практическое воплощение. Регулирование распределения ряда продуктов по стране было централизовано. Регионам стал устанавливаться «план завоза» — сколько и какой продукции кому положено выделить на месяц (квартал). Преимущество отдавалось индустриальным центрам, а позднее — сельскохозяйственным районам для стимулирования продажи урожая государству.

Одновременно началась кампания по свертыванию реальных рыночных отношений. Поддержание устойчивых или даже снижающихся цен на промышленную продукцию было тогда социальным императивом власти, считавшей себя пролетарской. Частник же, игравший значительную роль в розничной торговле, в соответствии с естественными законами рынка отвечал на дефицит повышением цен, в результате чего государственная политика цен не давала того социального эффекта, на который она была рассчитана (с апреля по октябрь 1925 года розничные накладки по двадцати промышленным товарам возросли в Москве с 32,7 до 56,5%). Ответом властей стало прямое административное вытеснение частника: лишение кредитов, запрет государственным и кооперативным организациям сбывать частнику продукцию. Нарушители запретов преследовались в судебном порядке.

Ставка была сделана на укрепление и развитие государственной и кооперативной торговли. Кооперация, на которую возлагались большие надежды по улучшению снабжения крестьян нужными товарами, также была склонна к завышению цен. Однако если у частника эта прибавка к цене могла идти в накопление, то кооперация должна была поднимать цены из-за высоких накладных расходов — дороговизны содержания своего аппарата. Да и прямая спекуляция не была чужда этой форме организации торговли.

Широкое распространение получила практика навязывания товаров — верный признак перехода от торговли к рас-

¹ Крумин Г. О планировании завоза промышленной продукции // Экономическая жизнь. 1925. № 200.

пределению. Из-за структурной несогласованности планов производства и распределения, низкой маневренности товарными фондами в условиях жестких «планов завоза» нехватка одних товаров переплеталась с избытком других. Имеющиеся в избытке товары навязывались потребителям, причем подобная практика осуществлялась сверху донизу. Синдикаты, на которые государство делало главную ставку в организации торговли по твердым ценам, навязывали товары кооперации. Кооперация или ставила условие, что необходимый товар может быть приобретен, если потребитель вместе с ним купит и ненужный ему товар, или, стремясь покрыть расходы по неходовым товарам, завышала цены на ходовые (в реальности и те и другие методы переплетались). Типична была такая ситуация: «Продасиликат отказывает в отпуске дешевых сортов посуды и отпускает вагон посуды только по принудительному ассортименту. Кооперация принуждена брать дорогие столовые и чайные сервизы, дорогие чашки и прочий неходовой товар, а отвечать будет простая крестьянская чашка, на которую ляжет высокая накидка»¹.

Для противодействия подобным явлениям настойчиво предлагалось провести кампанию в печати, сделать оргвыводы относительно руководителей предприятий, реализующих продукцию частнику, созвать экстренные собрания пайщиков кооперативов и переизбирать за те же поступки членов правления, активнее привлекать хозяйственников к уголовной ответственности за «спекуляцию», усилить контроль за ценами и даже проделать работу по определению «нормальных расценок». Резко возрастает давление профсоюзов на хозяйственные органы с требованиями дальнейшего ужесточения административного регулирования торговли. Примером может быть заявление союза металлистов, выступившего за дальнейшее снижение цен, введение рабочего контроля за распределением продукции, продажу товаров только членам потребительских кооперативов.

¹ См.: О.С. Неумирающий принудительный ассортимент // Экономическая жизнь. 1925. № 262. С. 3. По некоторым оценкам, Текстильный синдикат, например, навязывал контрагентам неходовой товар в размере 18–20% стоимости покупаемой партии (там же).

Многие видные экономисты, работавшие в Госплане и в ВСНХ, видели главную причину товарного голода в недостаточном развитии промышленности по сравнению с сельским хозяйством. В их выступлениях акцент делался на выработке системы экономических мероприятий, стимулирующих всемерный рост объемов промышленного производства. В конце 1925 — первой половине 1926 года эти подходы активно развивались в выступлениях С.Г. Струмилина, С.М. Киселева, В.Г. Громана, И.Т. Смильги. В их основе лежала концепция «закономерностей восстановительного процесса», в соответствии с которой восстановление народного хозяйства происходит в направлении довоенной системы равновесия, причем более быстрыми темпами развиваются отрасли и сферы, дальше других отстоящие от целевой точки равновесия. Завершение же восстановительного периода ожидалось в 1926 году. Отсюда делались выводы принципиального характера. Во-первых, промышленность должна расти быстрее сельского хозяйства, по объему валовой продукции уже вплотную подошедшего к уровню 1913 года. Отставание же товарности аграрного сектора объяснялось отсутствием у крестьян интереса реализовывать свою продукцию при нехватке промышленных товаров. Во-вторых, анализ статистических данных свидетельствовал о значительном отставании объема денежной массы от товарооборота по сравнению с 1913 годом. Следовательно, полагали экономисты, в 1926 году возможен и даже необходимый рост денежной массы, превышающий рост товарооборота. Открываемые благодаря этому широкие перспективы кредитной экспансии могли быть направлены на усиленное финансирование промышленности: тем самым, по их мнению, был бы дан мощный толчок индустриализации, курс на которую провозгласил XIV съезд ВКП(б).

Сторонники рассматриваемого подхода стремились в дальнейшем (особенно на протяжении первой половины 1926 года) усилить свои доводы данными специального анализа финансово-экономического положения предприятий и проработкой альтернатив экономической политики. Приводились расчеты, целью которых было показать отсутствие избытка

денежных знаков в народном хозяйстве. Вовсе не инфляция порождает хозяйственные трудности, утверждал С.М. Киселев¹, а дефекты планового снабжения (несоответствие объемов и структуры «планов завоза» реальным потребностям регионов), крупный спрос на строительные материалы и различные фабрикаты, чрезмерные поступления в госбюджет прибыли предприятий при усилении потребительского характера расходной части бюджета. Отсюда следовал вывод о необходимости и возможности расширения масштабов кредитования промышленности как условия роста предложения ее продукции на рынке при одновременной глубокой реформе государственного бюджета — его сжатии, ограничении потребительского спроса госорганов и кооперации. Для этого предлагалось использовать как методы жесткого (административного) планирования, так и налоговое регулирование покупательной способности населения².

Изложенная концепция вызвала резкие возражения многих видных экономистов. Реализация подобных предложений, по их мнению, усиливала инфляцию и обостряла товарный голод. Между тем кредитная политика 1925 года уже нарушила важнейшую предпосылку нормального функционирования рынка, в соответствии с которой должен существовать только спрос, вытекающий из механизма производства и обмена. Именно нарушение указанной предпосылки «повело к нарушению необходимого соотношения в отраслях промышленности, производящих средства производства и предметы потребления. Эти два условия привели к зарождению товарного голода на городском рынке. А все это, вместо взятое, послужило толчком к расстройству сельскохозяйственного рынка»³. Расширение объемов кредитования

¹ См.: Киселев С.М. Оценка текущего состояния денежного обращения // Плановое хозяйство. 1926. № 6. С. 47–48; см. также: Струмилин С.Г. К вопросу о денежной инфляции и дефляции // Плановое хозяйство. 1926. № 6.

² «Нельзя представить себе более безотрадной картины, чем распухший бюджет и сжатый кредит», — писал И.Т. Смилга (Наши хозяйственные затруднения // Плановое хозяйство. 1926. № 2. С. 39).

³ Кондратьев Н. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. Кн. VI. С. 61.

становилось чрезвычайно опасным, даже если бы кредиты направлялись на производство предметов потребления. Ведь появлению новых товаров предшествует дополнительный спрос, способный лишь обострить дефицит как непосредственно, так и по причине ускорения обращения денег. «В результате мыслим теоретически такой исход, что выброшенные по окончании производственного цикла на рынок новые массы товаров будут не только недостаточны для удовлетворения обострившегося товарного голода, но создают положение еще худшее, чем то было до эмиссии новых денег», — писал Альб. Л. Вайнштейн¹.

В самом деле, в народном хозяйстве начались процессы «перенакопления». Хотя Госплан и возражал против чрезмерного роста нового строительства в 1926 году, отрасли индустрии действовали в прямо противоположном направлении. Стремление предприятий к экстенсивному росту проявилось уже тогда. Нередко они брали краткосрочные кредиты (за счет эмиссионных средств), высвобождая для капитальной работы те собственные средства, которые были помещены в товары. Все больше векселей предъявлялось к учету. Однако, если госплановские экономисты видели в этом признаки нехватки денежной массы в обращении, то их оппоненты (например, Л.Н. Юровский²) — опасный признак отсутствия у предприятий достаточных стимулов к осторожному и обоснованному использованию капитальных средств. Кроме того, расчеты показывали, что потенциальная товарность деревни, зависящая от ряда социально-экономических факторов, еще не достигла доведенных показателей³. Это лишало смысла тезис об отставании промышленности от сельского хозяйства. Подобные рассуждения приводили исследователей к выводу, что главной причиной кризисных явлений выступает общая

¹ Вайнштейн Альб. Л. Итоги и конъюнктура 1925/26 хоз. года // Избранные труды. Советская экономика. 20-е годы. Кн. первая. М.: Наука, 2002. С. 415.

² См.: Юровский Л.Н. К пересмотру хозяйственного плана // Экономическая жизнь. 1925. № 262.

³ См.: Кондратьев Н. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства. С. 45–51.

несбалансированность роста всех отраслей и сфер народного хозяйства. Ставился вопрос о более осторожном определении размеров инвестиционной деятельности и более равномерном распределении капиталовложений между различными отраслями. В частности, предлагалось первоначально сконцентрировать усилия на развитии легкой промышленности и сельского хозяйства (особенно той его части, которая производит экспортную продукцию), что со временем создаст условия для бескризисного и быстрого роста тяжелой индустрии. Пока же потребность в продукции последней могла бы в значительной мере удовлетворяться за счет импорта¹.

Признание факта перенакопления и необходимости обеспечения реальной сбалансированности воспроизводственного процесса было связано с задачей достижения и поддержания рыночного равновесия как важнейшего условия преодоления товарного голода. Именно на эти моменты делал упор в своей практической деятельности и в публикациях Г.Я. Сокольников. Устойчивость курса червонца — центральный пункт его политики. Он прибегал к широкомасштабной валютной интервенции, настаивал на активном использовании импорта потребительских товаров и вообще товаров крестьянского спроса для поддержания равновесия между спросом и предложением. Он решительно выступал за усиление налогообложения зажиточных слоев населения, видя в этом фактор как смягчения рыночной напряженности, так и ослабления позиций деревенской «верхушки», накапливавшей значительные ресурсы (финансовые и материальные). Не менее важным способом обеспечения сбалансированного роста Г.Я. Сокольников считал рестрикцию кредита — ограничение выпуска в обращение новых платежных средств².

¹ См.: Шанин Л. Экономическая природа нашего бестоварья // Экономическое обозрение. 1925. № 11. Позиция Л. Шанина получила тогда широкий резонанс, активно обсуждалась в печати.

² См.: Сокольников Г.Я. Пройденный путь и новые задачи // Вестник финансов. 1925. № 10; Перспективы хозяйственного развития СССР (Контрольные цифры Госплана): Дискуссия // Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII. С. 200–205.

Строго говоря, в этом же направлении мыслил и В.В. Новожилов, пришедший к принципиально важному выводу о том, что преодоление хозяйственных затруднений невозможно без отказа от администрирования в ценообразовании, без установления цен, балансирующих спрос и предложение¹.

При всем различии рассмотренных подходов предпринимались попытки их своеобразного синтеза, использования наиболее рациональных элементов каждого из них. Примером могут служить работы С.М. Киселева. Будучи безусловным сторонником и одним из ведущих теоретиков концепции изживания товарного дефицита путем усиленного кредитования промышленности, он придавал существенное значение и комплексу мер рыночного характера, стимулирующих рост крестьянского производства и, следовательно, положительно влияющих на равновесие. «Мы заготавливаем и экспортируем, а не торгуем с деревней», — писал в конце 1925 года С.М. Киселев и предлагал усилить связь масштабов сельскохозяйственного экспорта (и тем самым товарного фонда продукции деревни) и импорта нужных крестьянам товаров. Более того, он полагал, что импорт дешевых промтоваров создаст необходимые стимулы для снижения внутренних цен — не только промышленных, но и заготовительных. Тем самым удалось бы преодолеть издержки высокой монополизации советского рынка².

Таково положение было в теории. Практическое же преобразование в экономической и политической жизни 1925–1926 годов получали различные концептуальные подходы к преодолению товарного дефицита, точнее, отдельные элементы этих подходов. Реализовывалась линия Госплана, находя свое воплощение в росте промышленных инвестиций. Одновременно Г.Я. Сокольников и его сторонники осуществляли меры по регулированию рыночной ситуации: была проведена валютная интервенция, повышен налог на кулака, предпринимались меры по ограничению кредита. Эти линии сталкивались друг с другом, и сторонники каждой из них

¹ См.: Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2.

² См.: Киселев С.М. Наши экономические проблемы // Плановое хозяйство. 1925. № 12. С. 24–26.

имели возможность обвинять оппонентов в том, что именно их деятельность мешает проведению объективно необходимой экономической политики и усугубляет положение дел в народном хозяйстве¹. Разумеется, противоречивость политики никогда не идет на пользу. Однако неверно было бы утверждать, что последовательное проведение одной из названных линий дало бы положительный результат в условиях уже господствовавшей в тот период социальной доктрины и экономической идеологии развития советского хозяйства.

Рассмотренные выше пути выхода из «хозяйственных затруднений» базировались на предпосылке существования нормального, хотя и модифицированного, рынка и соответствующего поведения хозяйствующих субъектов при изменении тех или иных рыночных параметров (кредита, валютного курса, цен и т. д.). Между тем ни политические, ни собственно экономические факторы не способствовали формированию таких субъектов — производителей, заинтересованных в долгосрочном и эффективном росте. Сказанное относится, прежде всего, к государственным предприятиям, независимость которых от управленческих органов неуклонно снижалась, так же как и ответственность за результаты своей деятельности.

Это имело последствия двоякого рода. Во-первых, заинтересованные в экстенсивном развитии государственные предприятия безразлично относились к эффективности использования выделяемых им ресурсов — не только бюджетных, но и кредитных, так как обладали реальными возможностями снять с себя ответственность или путем апелляции к вышестоящим органам (которые могли «надавить» на строптивых «банкиров»), или путем повышения цен (тогда расплачиваться по долгам предприятия приходилось потребителю). По мере завершения восстановительного периода инвестиционные ресурсы использовались все с меньшей отдачей. Во-вторых, предприятия как субъекты «высшей» формы собственности, как звенья гигантской государственной монополии

¹ Правда, осенью 1926 года товарный голод несколько ослаб. Но улучшение ситуации на товарном рынке оказалось весьма кратковременным и в значительной мере связанным с конъюнктурными факторами.

могли выступать на рынке в качестве монополистов. Поэтому они не стремились ни к повышению качества своей продукции, ни к снижению издержек производства, ни к рациональному использованию капитальных вложений. Кстати, в этих условиях вряд ли могла сыграть свою стимулирующую роль и та умеренная инфляция, о которой писал В.В. Новожилов: монополист имеет весьма слабые рыночные ограничения для повышения цен на собственную продукцию.

Вполне очевидно, что сложившаяся ситуация отнюдь не благоприятствовала преодолению товарного голода путем расширенного кредитования промышленности. Однако она создавала непреодолимые барьеры и курсу на равновесный, сбалансированный рост всего народного хозяйства. Низкая эффективность функционирования промышленности, экстенсивный характер ее расширенного воспроизводства требовали значительного перераспределения накоплений из других секторов экономики. В условиях низкой рентабельности многих отраслей индустрии и государственной монополии на ее организацию практически исключались возможности рыночного перелива капитала и концентрации его в этой сфере. Становилось неизбежным принудительное изъятие ресурсов в пользу промышленности (через цены, налоги и т. д.)¹. Это, естественно, не могло не подрывать стимулы роста и сельскохозяйственного производства. Одновременно большая доля ресурсов обрекалась на нерациональное использование, что делало ситуацию перенакопления перманентной.

Социально-экономический курс, нацеленный на административное вытеснение и налоговое удушение частного сектора (под демагогическими предложениями борьбы с эксплуатацией и спекуляцией), также отнюдь не способствовал

¹ Невозможность нормального межотраслевого перелива капитала не оставалась незамеченной экономистами 1920-х годов. Но априорное рассмотрение крупных государственных предприятий как наиболее передовых приводило к выводу, что путь капитальным ресурсам из других секторов прегражден разнотипностью форм собственности — государственной и частной (См. например: О проблеме диспропорции и темпе хозяйственного развития в СССР // Вестник Коммунистической академии 1926. Кн. XVI. С. 233–234). Впрочем, тут был «схвачен» важный момент: монополия государства на подавляющую часть предприятий промышленности, особый режим их функционирования действительно разрывал целостность народнохозяйственного организма, лишая его необходимой гибкости и подвижности.

преодолению товарного дефицита. Эффективное крестьянское хозяйство зачислялось в разряд кулацких со всеми вытекающими отсюда последствиями. Еще активнее велось наступление на частника в городе. Возможности производственного накопления и применения капитала в этих секторах существенно ограничивались.

Перечисленные факторы обусловили и неэффективность политики регулирования сферы обращения, проводившейся Народным комиссариатом финансов. Провалилась валютная интервенция: поглотив значительные запасы золота и иностранной валюты, она не смогла удержать курс червонца. Причиной этого во многом явились усиление политической нестабильности, попытки решения проблемы дефицита административным путем — ограничение частного капитала, который устремился на рынок ценных бумаг и валюты. Идеологизация экономической жизни не могла не сказаться отрицательно и на попытках действия через налоговую систему. Усиление обложения деревенской «верхушки» оказало дестимулирующее воздействие на крепкие крестьянские хозяйства, которые характеризовались наибольшей товарностью. Одновременное снижение налога на беднейшие слои деревни сделало экономически бессмысленной первую акцию: покупательский спрос не был ослаблен, лишь еще более усилилось его давление на потребительские товары. Ориентация на бедняка как на опору Советской власти давала наглядные хозяйственные результаты. Противоречивость задачи экономического роста и социальных (точнее, доктринальных) ограничений выступала как непреодолимый фактор при поиске путей выхода из трудностей.

Отсутствие экономических механизмов, способных обеспечить сбалансированность и динамичное развитие народного хозяйства, делало неизбежным повышение роли административно-директивного начала в планировании в ущерб регулированию на основе поддержания постоянно равновесия хозяйственной системы.

Тупиковый характер мер по нормализации экономической жизни не мог остаться незамеченным. В 1926 году появляются отдельные публикации, авторы которых, отрицая

эффективность административных решений, не только предлагают комплекс экономических мероприятий, но и ставят вопрос об осуществлении важных социально-экономических преобразований как условия результативности намечаемых мер.

Наиболее яркий пример в этом отношении представляет собой статья Я.Х. Репше «Наши экономические проблемы»¹. Автор соглашается с тем, что необходимы централизованные меры, включающие и соответствующую кредитную политику, обеспечивающую сбалансированный рост промышленности, и рыночное регулирование, и балансирующие спрос и предложение цены. Но положительный результат они дадут лишь в том случае, если не будут идти «вразрез с реальной установкой наших хозяйственных организаций и их движущими силами». Нужны серьезные изменения в самом механизме хозяйствования, доказывал Я.Х. Репше, в направлении решительного отказа от прямого административного вмешательства в процесс производства и обмена товаров. И, прежде всего это касается государственных предприятий, статус которых не может служить основанием для игнорирования их прав и интересов вышестоящими органами управления.

Подчеркивая принципиальную несовместимость директивного руководства и хозрасчета, Я.Х. Репше ставил задачу «перехода от административного к экономическому планированию»: «Каждая хозяйственная организация должна быть поставлена в такие экономические условия, чтобы, руководствуясь исключительно своей выгодой, она выполняла волю народного хозяйства». Экономическое принуждение эффективнее административного, а там, где первое само по себе не действует, государство должно создать соответствующую систему рычагов, позволяющую согласовывать интересы целого и отдельных его частей. Преодоление же

¹ Надо отметить, что позиции Я.Х. Репше и В.В. Новожилова были близки. Недаром на них тут же обрушилась уничтожительная критика с политическими ярлыками (см.: *Ковалевский Н.А.* Назад, к капитализму // *Плановое хозяйство*. 1926. № 5). Оба последовательно придерживались рыночной логики функционирования народного хозяйства. Однако Я.Х. Репше сделал в своей работе еще один шаг — поставил вопрос об условиях реальности рынка в советской системе.

администрирования должно быть доведено до логического результата — отказа от линии на создание юридических предпочтений одних форм собственности по отношению к другим при заключении хозяйственных сделок (например, обязательности государственных трестов реализовывать продукцию потребительской кооперации на менее выгодных условиях, чем частному торговцу)¹.

Однако к преобразованиям такого рода политические руководители страны не были готовы, а резкая отповедь, последовавшая вскоре после публикации статьи Я.Х. Репше, также не способствовала углублению анализа в этом направлении. В крайнем случае ограничивались тезисом о неотработанности хозяйственного механизма советского общества, не позволяющего пока тонко регулировать спрос и предложение² (не говоря уже о том, что начали появляться и прямо апологетические высказывания о целесообразности превышения спроса над предложением).

Итак, товарный голод, выявив глубокие внутренние пороки складывавшейся хозяйственной системы, фактически уже в середине 1920-х годов поставил страну перед выбором: или углубление нэпа в направлении последовательной реализации социально-экономических принципов функционирования рыночного хозяйства, охватывающего все субъекты производственных отношений (как в сельском хозяйстве, так и в промышленности), или выход за рамки нэпа, радикальное изменение логики хозяйственной жизни — утверждение административной системы. Она не решала проблемы дефицита, но в тех условиях обеспечивала определенную стабильность, поскольку давала возможность игнорировать задачу обеспечения экономической сбалансированности. Попытки же устранения возникших противоречий, сохраняя в основном существующую систему «ортодоксального нэпа» путем совершенствования

¹ См.: *Репше Я.Х.* Наши экономические проблемы // *Плановое хозяйство*. 1926. № 2. С. 118, 113, 119.

² См.: *Базаров В.А.* Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 99.

«государственного хозяйственного механизма нэпа»¹, повышения качества экономической системы без глубоких изменений в отношениях собственности (адекватных рынку или администрированию), были обречены на провал.

Прошедшие десятилетия подтвердили, что дефицит в нашем хозяйстве не является следствием субъективных ошибок и временных трудностей. Иррациональность механизма согласования интересов субъектов экономической жизни, обусловившая несбалансированность всего воспроизводственного процесса, не может, как показала практика, не порождать товарного голода. Меняются лишь масштабы этого явления. Преодоление же его невозможно без коренных преобразований в фундаментальных принципах функционирования всего хозяйственного строя.

¹ Слова Г.Я. Сокольникова на выступлении в Комакадемии. (См.: Вестник Коммунистической академии. 1926. Кн. XVII. С. 204.)

БЮРОКРАТИЗМ И ПЛАНОВОЕ ХОЗЯЙСТВОВАНИЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРВОГО ПОСЛЕРЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

Экономическая сущность социализма, фундаментальные черты организации социалистического народного хозяйства и потенциальная эффективность их практической реализации являются на протяжении длительного исторического периода сферой острого столкновения между учеными-марксистами и их буржуазными оппонентами. Способна ли основанная на общественной собственности на средства производства система централизованного планового хозяйствования обеспечить динамичное развитие экономики в интересах всех членов общества? Этот вопрос был и остается в центре дискуссии. Способна, так как позволяет обеспечить единство действий, концентрацию усилий на решении важнейших задач социально-экономического развития страны, считают одни. Не способна, утверждают другие, в силу неизбежной бюрократизации этой системы,

в которой централизованный план, позволяя достичь определенных положительных результатов в чрезвычайных обстоятельствах, в нормальных условиях сковывает инициативу, активность, предприимчивость, нейтрализует хозяйскую мотивацию субъектов. Накал полемики практически никогда не ослабевал: эти вопросы действительно являются принципиальными. Но по той же причине представители обеих сторон нередко подменяли научный анализ постулированием апологетических догм, игнорирующих реальные общественные процессы.

Между тем проблема бюрократизма в советской системе вообще, как и непосредственно связанная с ней проблема бюрократизации планового хозяйствования, привлекла внимание партийного руководства и партийных идеологов уже в начальный период существования новой власти. В многочисленных публикациях того времени содержится богатый и интересный материал, отражающий постановку и развитие различных позиций по вопросу о корнях советского бюрократизма и путях борьбы с ним.

Это была новая проблема, порожденная практикой осуществления революционных преобразований. В трудах К. Маркса и Ф. Энгельса, в дооктябрьских работах В.И. Ленина содержатся многие общие постановки, имеющие большое значение для последующего развития научного анализа этого феномена. Как основоположники марксизма, так и их единомышленники неоднократно подчеркивали противоположность коммунизма и бюрократизма, преодоление последнего с утверждением нового способа производства со свойственной ему системой народного самоуправления. Демократизация, подконтрольность всего процесса хозяйственной и политической жизни трудящимся рассматривались как основное условие преодоления бюрократизма, без чего, в свою очередь, невозможно успешное осуществление задач диктатуры пролетариата. Еще в 1897 году В.И. Ленин писал в этой связи: «Отсталости России и ее абсолютизму соответствует *полное бесправие* народа перед чиновничеством, *полная* бесконтрольность привилегированной бюрократии. В Англии есть могучий контроль народа над

управлением, но и там этот контроль *далеко не полон*, и там бюрократия сохраняет немало привилегий, является нередко господином, а не слугой народа. И в Англии мы видим, что сильные общественные группы поддерживают привилегированное положение бюрократии, препятствуют полной демократизации этого учреждения. Отчего это? Оттого, что *полная демократизация его лежит в интересах одного лишь пролетариата...*¹.

В том же направлении вели теоретический поиск и другие исследователи-марксисты. Так, подчеркивая тесную взаимосвязь диктатуры пролетариата с демократизацией общественной жизни, несовместимость авторитарных отношений с социализмом, В.А. Базаров писал: «...Укрепление авторитарных форм, развитие *бюрократического* управления означает торжество рутины, застойность раз сложившихся форм хозяйственной деятельности. Эта последняя в свою очередь кладет препоны развитию производительных сил труда. Между тем в социалистическом строе в непрерывном повышении производительности труда *каждого* работника заинтересованы *все* без различия члены общества»².

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала политические условия для решения программных задач радикального социально-экономического переустройства России. Главной экономической задачей диктатуры пролетариата было построение централизованного планового хозяйства, отрицающего эксплуатацию человека человеком и функционирующего в интересах широких трудящихся масс. В этих целях уже в первые послереволюционные месяцы был осуществлен ряд крупных мероприятий по внедрению новых организационных принципов руководства народным хозяйством. Национализация капиталистической частной собственности сопровождалась усилиями по созданию единого центра, руководящего развитием всего обобществленного хозяйства, разрабатывающего программы развития его

¹ Ленин В.И. Задачи русских социал-демократов // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 2. М.: Политиздат, 1967. С. 455–456.

² Базаров В.А. Анархический коммунизм и марксизм. СПб., 1906. С. 182.

отдельных отраслей и всей страны. В этой же связи ставилась задача создания «везде и повсюду крепких и стройных организаций, охватывающих, по возможности, все производство и все распределение продуктов...»¹.

Отсутствие опыта социалистического строительства в условиях начавшейся гражданской войны оказало существенное влияние на характер и формы реализации поставленных задач. Осуществление преобразований, нацеленных на достижение планомерности и централизма в народном хозяйстве, на организацию его по типу «единой фабрики», привело на практике к пышному расцвету бюрократизма во всех сферах жизнедеятельности Советской республики. Рассмотрим вкратце некоторые характерные черты сложившейся тогда хозяйственной системы.

Прежде всего необходимо отметить чрезвычайную централизацию управления производством, которая (в промышленности) сосредоточивалась в главках, центрах и производственных отделах ВСНХ. Всего в 1920 году насчитывалось 52 главка, 13 производственных и 8 «смешанных» отделов, которым подчинялись отдельные отрасли промышленности. Система управления была многоступенчатой. Главки представляли собой вертикальные, организационно не объединенные и слабо согласованные друг с другом образования, которые соединялись лишь в самом верхнем звене — центральном аппарате ВСНХ. Низовые организации (предприятия), практически полностью лишенные права принимать самостоятельные решения, были вынуждены по большинству вопросов «подниматься» по всем ступеням иерархической лестницы до вершины главка, затем «опускаться» и вновь «подниматься» до вершины другого главка или центра и т. д. Естественная в подобных условиях бюрократическая волокита усиливалась тем, что главки и центры не могли сколько-нибудь квалифицированно решать все вопросы, которые местные хозяйственные органы должны были с ними согласовывать. Не имея возможности знать реальное

¹ Ленин В.И. Чрезвычайный Всероссийский съезд советов 14–16 марта 1918. Резолюция о ратификации Брестского договора // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. М.: Политиздат, 1974. С. 122.

положение дел на местах, они предпочитали отмалчиваться, чтобы лишний раз не проявлять свою некомпетентность. Множественность планово-распорядительных органов не могла компенсировать эти недостатки, но лишь закрепляла бюрократическую систему. То тут, то там возникали абсурдные ситуации, свидетельствовавшие об углублении деформаций в экономике. Весьма показателен в этом отношении пример, приводившийся на IX съезде партии: на Урале «в одной губернии люди едят овес, а в другой, соседней, лошади едят пшеницу, и губпродком не имеет права перебросить пшеницу из одной губернии в другую, обменять пшеницу на овес, хотя от этого не было бы ущерба планам Наркомпрода...»¹.

Курс на упрочение централизованного руководства деятельностью низовых звеньев на практике воплощался в стремлении всеобъемлющего жесткого регламентирования из центра распределения по потребителям основной массы (в идеале — всех) продуктов производственного и непроизводственного назначения, включая продукцию мелких местных предприятий, остающуюся в ведении губсовнархозов. Фактически планирование оказалось сведенным к централизованному распределению, причем многие видели в этом неотъемлемую черту, если не существо, планового хозяйствования, но отнюдь не крайнюю меру, вынужденную чрезвычайными обстоятельствами гражданской войны. Именно поэтому на определенном этапе становления хозяйственной системы возникла при ВСНХ Комиссия использования, которая мыслилась первоначально как единый плановый орган для всей промышленности, определяющий потребности предприятий в том или ином виде продукции, формирующий соответствующие задания производителям и распределяющий готовые изделия по потребителям с учетом народнохозяйственных приоритетов (распределение продуктов питания находилось в ведении Наркомпрода).

Практическая невозможность реализации данного замысла привела к возникновению большого числа плановых

¹ Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1960. С. 104.

(реально — распределительных) органов, каждый из которых ведал какой-либо относительно узкой группой продуктов. К концу 1920 года в стране насчитывалось 59 органов, устанавливающих в общегосударственном масштабе хозяйственные планы, обязательные для всех ведомств (включая комиссариаты), органов в основном междуведомственных и, как писал Ю. Ларин, «не объединяемых никакой системой, никаким единством программы, нагромоздавшие друг около друга просто в порядке исторической конкретной случайности»¹. Тенденция их возникновения прослеживалась совершенно отчетливо: для выработки плана по обеспечению хозяйства какой-то нужной продукцией создавался соответствующий орган, который, как правило, становился междуведомственным, поскольку данная продукция нужна различным ведомствам². В результате лишь усиливалась несогласованность в обеспечении предприятий технологически взаимосвязанными видами ресурсов, но распределяемыми разными комиссиями: необходимый продукт мог быть дефицитен на одном предприятии при его относительном избытке на другом. Бюрократизм с чисто экономической точки зрения становился фактором воспроизводства диспропорциональности в хозяйственной жизни страны.

Все это, вместе взятое, означало бюрократизацию планового хозяйствования, то есть отчуждение аппарата управления от реального хозяйственного процесса и широких масс трудящихся от возможности активно влиять на его организацию, что, в свою очередь, вело к зарождению идеологии планового фетишизма с типичным для него представлением о том, что главное для решения возникшей проблемы — раз-

¹ Ларин Ю. 59-головая гидра // Экономическая жизнь. 1920. № 252. С. 1.

² Характерным примером было создание пресловутой организации «чеквалап» (Всероссийской чрезвычайной комиссии по валенкам и лаптям), которая имела целью выработку и осуществление плана заготовки и распределения валенок и лаптей. «А так как общей системы... еще не могло быть, то, чтобы за одни валенки не хватался каждый государственный орган, которому они нужны... то и самый „чеквалап“ неизбежно приходилось строить в качестве междуведомственного. Раз народившись, он начинал затем почковаться, покрывал всю Россию „губчеквалапами“ и сам уже начинал посылать представителей в новые междуведомственные комиссии, продолжавшие нагромождаться друг на друга по разным конкретным поводам. Так и народилось постепенно наше „всероссийское чеквалапство“» (Ларин Ю. 59-головая гидра).

работать соответствующий план. Составление «наверху» разнообразных планов и программ, выполнявшихся обычно на 5–10%, при одновременном падении инициативы «низов» (непосредственных производителей), их незаинтересованность в результатах своего труда¹ были, пожалуй, наиболее опасными проявлениями бюрократизма.

Наращение волны бюрократизма сразу же получило отражение в партийной литературе. В ней содержатся первые попытки вскрыть корни этого явления, наметить какие-то способы борьбы с ним. Так, В. Милютин, рассматривая вопросы «правильного конструирования аппарата экономического управления», писал: «Наиболее важная, существенная задача состоит в том, чтобы сделать этот аппарат органически спаянным с пролетарскими массами, лишить его бюрократического характера, поставить его так, чтобы рабочая масса была хозяином его работы, участвовала бы в ней. Опыт показал, что советские организации зачастую легко превращаются в бюрократические, проникнутые чиновничьим духом учреждения, с обычной для последних оторванностью от жизни, бумажной волокитой и чисто ведомственными интересами»².

VIII съезд партии, определяя бюрократизм как «чужеродный элемент» советской системы, связанный с низкой культурой широких масс, отсутствием у них опыта управления, с необходимостью привлекать в аппарат старых чиновников, предложил ряд организационно-политических мер, среди которых: орабочивание управленческих центров, привлечение всех членов Советов к выполнению определенной управленческой работы, постепенное вовлечение в нее всего населения, регулярные встречи коммунистов со своими избирателями, посещение ими заводов, выполнение в своем районе партийной работы и т. д.

¹ «Падение всякой инициативы у работников на местах, бюрократическая „волокита“, зависимость в смысле снабжения всеми средствами производства от центра, невозможность влиять на центр, естественно, должны были вызвать реакцию на местах, сказавшуюся в падении интереса к своему делу», — писал о том периоде Н.В. Святцкий (Организация российской государственной промышленности. М., 1924. С. 6).

² Милютин Вл. Экономическая программа коммунистов // Народное хозяйство. 1919. № 4. С. 4.

На IX съезде РКП(б) отмечалась неэффективность антибюрократической деятельности, анализировались, хотя и в общих чертах, экономические проблемы бюрократизма. Его преодоление связывалось с усилением гибкости и изменением оргструктуры аппарата, отходом от сверхцентрализации главкизма. Острота постановки этой проблемы в рассматриваемый период ярко проявилась в ленинских «Замечаниях к проекту тезисов Троцкого „Очередные задачи хозяйственного строительства”»: «Борьба против спекуляции и волокиты, а равно и бюрократизма должна быть поставлена на первый план»¹. И такая постановка совершенно понятна, поскольку за годы «военного коммунизма» проблемой бюрократизма был, по сути дела, поставлен вопрос о способности новой власти обеспечить эффективное руководство обществом как в политической, так и в экономической сферах. О глубине и сложности этой проблемы свидетельствуют и данные о социальной структуре партии на начало 1920-х годов: 50 тыс. рабочих в производстве, 100 тыс. рабочих, занятых в государственных, профессиональных и партийных органах, 200 тыс. представителей крестьянства и интеллигенции². Аппарат управления составил к этому времени 1–1,5 млн человек. Рабочие, приходившие в аппарат для его дебюрократизации, лишь «перемалывались» им, интегрировались в его системы, что вело к усилению этого аппарата, к углублению разрыва между ним и непосредственными производственными ячейками.

Довольно типичный для периода «военного коммунизма» подход к пониманию причин расцвета бюрократизма в народном хозяйстве Советской России содержится в работах Л.Д. Троцкого, относящихся к 1920 году³. Для него характерны две предпосылки. Во-первых, отождествление бюрократизма с профессиональным управлением

¹ Ленин В.И. Замечания к проекту тезисов Троцкого «Очередные задачи хозяйственного строительства» // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. М.: Политиздат, 1974. С. 190.

² См.: Крицман Л. Три года новой экономической политики пролетариата СССР. М., 1924. С. 38.

³ См.: Троцкий Л. Путь к единому хозяйственному плану // Экономическая жизнь. 1920. № 251, 252, 253.

и отсюда — выдвигание задачи ликвидации его плохих сторон (волокиты, формализма) и усиление хороших (к которым относились точная иерархия взаимоотношений, выработанные долгой практикой приемы работы и др.). Во-вторых, признание недостаточности объяснения этой проблемы исключительно влиянием буржуазных специалистов, попытка выявить ее более глубокие корни.

Причину бюрократизма Л.Д. Троцкий видел, прежде всего, в отсутствии единого хозяйственного плана, который давал бы соответствующий ориентир работе ведомств: «...Единство аппарата, при отсутствии хозяйственного плана и необходимых для него условий, не могло не породить опасность удушающего бюрократического централизма». Обращалось также внимание на подавление инициативы местных органов из-за отсутствия в хозяйственной жизни необходимых организационных предпосылок и соответствующего законодательства. Несовершенство организационной структуры делало неизбежной волокиту, в результате чего местные органы постоянно стояли перед дилеммой — решать возникающие вопросы оперативно, но в обход законодательства, или по закону, но при длительных согласованиях. Вынужденное балансирование между волокитой и самоуправством рассматривалось как результат несоответствия между фактической хозяйственной работой, государственным аппаратом и декретом.

Объясняя бюрократизацию экономической жизни отсутствием единого хозяйственного плана, несовершенством сложившейся системы управления и действующего законодательства, Л.Д. Троцкий квалифицировал это явление как «острую болезнь роста», которую нельзя победить лишь усилением деятельности рабоче-крестьянской инспекции, поскольку речь должна идти «вовсе не об изобличении и пресечении, а о построении правильно и согласованно действующей хозяйственной организации на новых началах». В качестве необходимого условия решения этой проблемы рассматривалось, во-первых, усиление органов междуведомственного регулирования производства и создание единого центра (единого аппарата), вырабатывающего

единый хозяйственный план. Во-вторых, перераспределение функций хозяйственного управления путем передачи ряда функций областным и местным органам, расширение их самостоятельности в целях повышения гибкости аппарата управления. В-третьих, усовершенствование хозяйственного законодательства, отражение в нем соответствующих изменений в организации управления.

Оценивая подобные предложения, выдвигавшиеся различными авторами на рубеже 1920–1930-х годов, можно заметить, что борьба с бюрократизмом связывается в них с осуществлением ряда мер почти исключительно организационного характера. Стремление решать экономические проблемы с помощью лишь организационных изменений в системе управления было весьма типично для периода «военного коммунизма» и, пустив тогда глубокие корни, регулярно и настойчиво заявляло о себе на всех последующих этапах развития страны. Между тем проблема бюрократизации планового хозяйствования отнюдь не являлась чисто управленческой (организационной). Она была в первую очередь социально-экономической, то есть требовала анализа реальных производственных отношений, объективно обусловленных данным этапом развития общества, и осуществления глубоких преобразований в характере взаимодействия субъектов этих отношений, в механизме мотивации — словом, требовала коренной перестройки хозяйственной системы, сложившейся за годы «военного коммунизма». Борьба с бюрократизмом уже тогда не могла быть эффективной на путях изменения функций органов управления и перераспределения прав между различными «этажами» управленческой иерархии, поскольку оно (перераспределение прав) не затрагивало экономического положения непосредственных производителей (рабочих и их коллективов, крестьянских дворов и других) как реальных субъектов производственных отношений, не вносило изменений в механизм реализации их интересов, тогда как именно интересам непосредственных производителей в наибольшей мере присуща антибюрократическая направленность.

* * *

Переход к новой экономической политике явился поворотным пунктом в процессе становления советской общественной системы. В этот период происходит и резкая активизация научного поиска, складываются и оформляются различные направления в исследовании и оценке накопленного опыта осуществления революционных преобразований, в понимании роли и задач современного этапа (нэпа) и дальнейших перспектив развития советской экономики. В непосредственной связи с ответом на эти вопросы рассматривалась тогда и проблема бюрократизма. Анализ экономической литературы начала 1920-х годов позволяет проследить формирование двух принципиальных подходов к пониманию тенденций социалистического строительства и соответственно к изучению бюрократизма. Рассмотрим эти два подхода более подробно.

Один из них отражает в основном развитие тех представлений о социализме, которые получили практическое воплощение в эпоху «военного коммунизма». Наиболее последовательно и целостно он представлен в работах Л.Н. Крицмана, активно участвовавшего в организации советского народного хозяйства в первые послереволюционные годы и анализировавшего этот опыт в своих многочисленных статьях и книгах.

В основе его анализа лежала оценка экономики «военного коммунизма» как первой попытки практического осуществления коммунистических принципов организации хозяйственной жизни, как первого, грубого наброска будущего коммунистического хозяйства, как *«предвосхищение будущего, прорыв этого будущего в настоящее»*¹. Высокая степень централизации руководства экономикой, жесткая отраслевая (вертикальная) иерархия как принципиальная черта организации производства, формирование отраслевых государственных монополий, отсутствие самостоятельности низовых звеньев, натурализация хозяйственных связей и обеспечение

¹ Крицман Л. Героический период великой русской революции. М.: Госиздат, 1925. С. 75.

на этой основе их планомерного характера — таковы в рассматриваемой модели неперенные атрибуты высокоорганизованной экономики будущего, преодолевающей анархию рыночного хозяйства, где действует множество самостоятельных субъектов. На место рыночной стихии приходит планомерность, при которой действия отдельных ячеек перестают определяться ими самими, «общественное разделение труда сменяется по всей линии техническим», в результате чего «общественное хозяйство в целом становится сознательным, ведется по определенному расписанию, по установленному наперед плану»¹. План, представляющий собой расписание того, «кто (т.е. какой орган), что и в каком размере должен производить», отрицает личную инициативу (и фактически личный интерес) как категорию мелкотоварного хозяйства².

Практическая реализация подобной системы натурально-планомерного централизма как прообраза будущих производственных отношений сразу же встретила резкое противодействие реальных условий хозяйственной жизни, которое Л.Н. Крицман объяснял неподготовленностью почвы предшествующим строем (капитализмом), выразившимся в недостаточном развитии крупной индустрии, и сохранением существенной роли мелкого производства как в промышленности, так и особенно в сельском хозяйстве. Попытки включения мелкого производства в жестко централизованную систему повлекли «сопротивление материала», выразившееся в падении производительных сил и повлекшее за собой серьезные извращения внутренних отношений самой «пролетарско-натуральной системы», прежде всего бюрократизм³.

Анализируя корни этого явления, Л.Н. Крицман особо выделял следующие моменты. Во-первых, увлечение формальной стороной обобществления, выход его за пределы

¹ Крицман Л. Героический период... С. 115.

² См.: там же. С. 115, 143.

³ «Попытка вовлечения мелкого хозяйства в пролетарско-натуральную систему хозяйства, создавая подпольный рынок, не только непрерывно разъедала эту систему, превращая ее работников при помощи взятки в агентов подпольного рынка, она приводила к извращению и внутренних отношений этой системы. Основным извращением внутренних отношений пролетарско-натурального хозяйственного строя является его бюрократизм» (Крицман Л. Героический период... С. 143).

крупного хозяйства, что вело к перегрузке системы управления и делало «невозможной действительную не бумажную только связь с отдельными хозяйственными единицами, вынуждавшей потому к чисто бумажному подходу к делу уже в силу одного чрезмерного обилия дел и невозможности их разрешить на основе интимного знакомства с ними, на основе детального анализа каждого из них»¹. Во-вторых, выход революции за пределы непосредственно стоящих перед ней задач, создание новой хозяйственной системы при сохранении еще многих старых организационно-политических структур, несоответствие между задачами нового государственного аппарата и его личным составом, включающим большей частью буржуазную интеллигенцию, старых специалистов с их «бумажным отношением к делу и невнимательностью и неприязнью к простому люду»². В-третьих, низкая общая культура основных масс населения — и управляющих, и управляемых.

Итак, главный вывод, который следует из всей логики этого анализа: причины бюрократизма, равно как и других извращений, кроются не в самих тенденциях хозяйственной системы «военного коммунизма», а в условиях их осуществления. Новая экономическая политика является вынужденным отступлением, и перспектива строительства социализма связана с созданием необходимых условий для возвращения к принципам организации хозяйственной жизни, первый опыт реализации которых был осуществлен в 1918–1920 годах.

Принципиально иной подход к анализу проблемы бюрократизма в плановом хозяйстве содержится в работах А.М. Кактыня, А.М. Гинзбурга, В.А. Базарова, В.Н. Сарабьянова и ряда других исследователей 1920-х годов. Не принесенные откуда-то извне извращения изначально прогрессивной системы централизованного хозяйствования первых послереволюционных лет, но тип централизма, анализ его внутренней логики прежде всего интересуют названных авторов. В их работах ведется поиск такого механизма, в котором

¹ Крицман Л. Героический период... С. 143

² Там же. С. 145.

централизованное планирование органически сочеталось бы со всемерным развитием инициативы, творческой активности и личной заинтересованности хозяйствующих субъектов.

Объективный, беспристрастный анализ позволял сделать вывод, что факт победы пролетарской революции и утверждения государства диктатуры пролетариата сам по себе не является достаточным условием, позволяющим избежать ряда отрицательных черт, которые были свойственны и капиталистическому государственному хозяйству. «Ахиллесовой пятой государственного хозяйства до сих пор всегда и везде была склонность к бюрократизму и чрезмерной централизации. Преодоление этой тенденции составляет одну из важнейших проблем управления государственной промышленностью...», — писал А.М. Гинзбург. — Основной принцип хозяйственной деятельности — экономия труда — может быть проведен с наибольшим успехом в жизнь там, где оставлен достаточный простор для личной заинтересованности... Сосредоточив в своих руках чуть не все производительные силы страны, советское хозяйство должно было найти такие формы управления, которые обеспечили бы, наряду с единством и планомерностью руководства, максимальную свободу хозяйственного творчества. Но эта задача могла быть не только разрешена, а даже осознана лишь в результате длительного тяжелого опыта»¹. Под *длительным* и *тяжелым* опытом функционирования подобного государственного хозяйства подразумевались прежде всего три года «военного коммунизма», система которого с этих позиций рассматривалась как «бюрократический путь к социализму», приведший к кризису начала 1921 года. «Историкам в свое время придется разрешить вопрос о том, насколько правилен был вообще наш бюрократический путь перехода к социалистическим формам управления хозяйством, теоретически совершенно несовместимым с подобным бюрократизмом», — так ставил вопрос А.М. Кактынь в своей работе 1922 года².

Что же делать? Каковы те экономические условия, при которых централизм и плановость не ведут к бюрократиза-

¹ Законодательство о трестах и синдикатах / А.М. Гинзбург (ред.). М.: Изд-во ВСНХ, 1926. С. LIV–LV.

² *Кактынь А.* Очерки по организации народного хозяйства. М., 1922. С. 14.

ции и застою? Как, опираясь на преимущества общественной собственности на средства производства, обеспечить максимальное развитие личного творчества, инициативы, приспособления к окружающей среде, то есть реализовать те качества, которые, по мнению некоторых теоретиков, являлись исключительными чертами частной собственности? Политический ответ был сформулирован основоположниками марксизма — переход власти в руки самих трудящихся создает условия для решения этой задачи. Жизнь потребовала ответа непосредственно в хозяйственной сфере.

И принципиальный ответ был дан: в основе хозяйственной системы социализма должны лежать не административные, а экономические методы управления. Это не модернизация терминологии. Именно так ставил вопрос А.М. Кактынь, и именно в этом, а не во временном отступлении, не в допущении капиталистических элементов видел он глубинную сущность ленинской новой экономической политики, определяющей закономерный характер нэпа на пути строительства развитой социалистической системы народного хозяйства. «Новая экономическая политика выдвигает в противовес прежним, преимущественно *административным* методам регулирования (управления) хозяйством, методы *экономические*, испытанные на опыте финансового капитала в передовых капиталистических странах»¹. Совпадение же эволюции с действительным усилением роли капиталистических элементов, писал далее А.М. Кактынь, «отнюдь не должно приводить нас к выводу, что эти экономические формы и методы регулирования хозяйства свойственны лишь капитализму и что социализм... может производить это регулирование лишь самым грубым административно-бюрократическим способом, подавляя всякую частную инициативу и т. д. Такое мнение было бы величайшим заблуждением или тенденциозной подменой настоящего развитого социализма первыми грубыми, неразвитыми, извращенными войной зачатками его»².

¹ Там же. С. 22.

² Там же. С. 29.

Отказ от главкистской централизации хозяйственной жизни, ликвидация «карточно-плановой» системы снабжения, обеспечение на деле широких прав трестов, последовательное внедрение хозяйственного расчета, усиление роли действительно общехозяйственных, а не ведомственных органов управления (СТО, Госплан, Госбанк), преодоление внутри них самих ведомственных тенденций — осуществление этих преобразований рассматривалось в качестве важнейших шагов на пути к социалистическому хозяйству, чуждому бюрократизму¹.

Вопрос о предотвращении бюрократизации планирования, со всей остротой поставленный в то же самое время В.И. Лениным², занимал особое место в исследованиях рассматриваемых авторов, что было совершенно естественно при учете роли планового хозяйствования в построении нового, социалистического общества. Проблема эта ставилась достаточно широко. С одной стороны, имелось в виду достижение такой системы планирования, которая сама по себе могла бы быть фактором, противодействующим бюрократическим тенденциям в централизованном народном хозяйстве, где в руках государства, его аппарата управления сосредоточена огромная власть. С другой стороны, шел поиск и отработка таких механизмов функционирования экономики, которые не допускали бы бюрократизации самого плана, способствовали бы повышению его действенности. Комплексный подход, стремление к анализу различных и вместе с тем тесно взаимосвязанных сторон выгодно отличают эти работы от публикаций последующих периодов, когда проблема бюрократизации планирования была фактически сведена к отдельным организационным или субъективным упущениям, к недостаточному знанию плановиками непосредственной хозяйственной жизни, к недоучету ими предложений и инициатив трудящихся.

¹ Антибюрократическая направленность подобных мер наглядно подтверждается неоднократно отмечавшимся в литературе 1920-х годов сильным противодействием, которое испытывало осуществление многих мероприятий НЭПа со стороны молодого, но уже сплоченного бюрократического аппарата.

² «Самая большая опасность, это — забюрократизировать дело с планом государственного хозяйства», — писал В.И. Ленин Г.М. Кржижановскому (*Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. М.: Политиздат, 1970. С. 76*).

В последовательном осуществлении принципов новой экономической политики исследователи видели путь укрепления реального, небюрократического и потому действенного централизованного планирования. Именно тогда был выдвинут тезис о взаимосвязи децентрализации управления и укрепления централизма в планировании. Разумеется, понимание сущности последнего принципиально отличалось от представлений, опиравшихся на практику «военного коммунизма». Трактовке планирования как «административных расписаний и предписаний», заранее определяющих параметры работы всех ячеек народного хозяйства, противопоставлялись регулирование в народнохозяйственных интересах деятельности самостоятельных предприятий, создание условий для достижения определенных народнохозяйственных целей. Лишь возможность самостоятельного принятия решений при полной экономической ответственности создает условия для широкого развития инициативы самих трудящихся и не позволяет плану превратиться в оторванный от реальных потребностей бюрократический документ, стоящий на пути прогрессивных хозяйственных акций. «Плановое начало, — писал А.М. Гинзбург, — ...ни в коем случае нельзя представлять себе как совокупность разработанных схем, которые во что бы то ни стало должны быть навязываемы жизни... Составление и утверждение хозяйственных планов не должно убивать хозяйственную самостоятельность тех первичных ячеек, которые призваны проводить план в жизнь... Если производственная программа промышленности осуществляется независимо от конкретного состояния рынка сырья или от колебаний сбыта, то это часто дает гораздо более отрицательные результаты, чем неисполнение производственной программы в заданном объеме. Лишенные оперативной самостоятельности, низшие хозяйственные органы вынуждены были бы по всем поводам, и существенным, и несущественным, апеллировать к вышестоящим и строить работу не на основании реального опыта жизни, а на основе часто нежизненных схем, предписываемых сверху. Если бы работа низших ячеек во всех ее деталях была поставлена в зависимость от разрешения центральных

органов, последние оказались бы загруженными сверх всякого предела и сверх всякой меры... Бюрократический аппарат в Центральном управлении разросся бы до колоссальных размеров, подавляя самостоятельность и хозяйственную ориентировку непосредственно хозяйствующих ячеек»¹.

Столь обширная цитата, в частности, приведена потому, что в ней подмечен ряд принципиальных черт административной модели планирования, обусловивших в дальнейшем быстрое нарастание и укрепление имманентного этой модели планового фетишизма. Прежде всего, речь идет о своеобразном удвоении хозяйственной действительности, о возникновении ситуации, когда экономическое положение предприятия начинает в решающей мере зависеть не от его собственной производственно-хозяйственной активности, то есть не от удовлетворения запросов своих контрагентов, а от выполнения «спущенных» директив безотносительно к обоснованности последних. Иными словами, возникает некоторая «плановая действительность», оторванная от реальных процессов, но порождающая системы иллюзорных потребностей и целей и подчиняющая им функционирование народного хозяйства. В этих условиях содержание, естественно, подменяется формой, и плановая дисциплина превращается в дисциплину показателей или, как пишет А.М. Гинзбург, происходит гипертрофия «бюрократической дисциплины по всей линии хозяйственной иерархии»².

Обеспечение соответствующего положения предприятия как самостоятельной хозяйственной ячейки в народном хозяйстве являлось лишь одной стороной в системе мероприятий по предотвращению бюрократизации планирования. Не менее важную роль должно было сыграть, по мнению рассматриваемых экономистов, и коренное изменение положения центральных планово-экономических органов и прежде всего Госплана, а также роли разрабатываемых им документов. Не унаследует ли он черты пресловутой Комиссии использования? Этот вопрос, хотя зачастую и в неявной форме,

¹ Законодательство о трестах и синдикатах. С. XII–XIII.

² Там же. С. XIII.

тревожил тогда многих. Показательно следующее рассуждение А.М. Кактыня: «Госплан должен, в целях достижения единства и систематичности в работе, сохранить за собой лишь функции плановые; в противном случае он превратится в расплывчатый, хаотический орган, куда будут ходить все и за всем, не находя в то же время полного удовлетворения; ибо заменить собою все ведомства по части знания практики дела и осведомленности о ходе работы оперативных органов Госплан, конечно, не может»¹.

Сотрудники Госплана во главе с Г.М. Кржижановским стремились в тот период не дать ему увязнуть в решении массы частных ведомственных вопросов и согласований, обеспечить на деле надведомственный характер этого органа, сосредоточить его деятельность на разработке принципиальных, узловых проблем развития народного хозяйства страны. Сказанное не означает, что Госплан предпочитал ограничиваться лишь исследованием задач долгосрочного планирования. Генеральный и перспективный (пятилетний) планы, контрольные цифры на год и постановка конъюнктурных наблюдений — такие основные задачи были сформулированы в начале 1926 года на съезде плановых органов. Но в любом случае Госплан должен был выступать как орган, формирующий экономическую политику, а не как разработчик директивных указаний в адрес различных хозяйственных ведомств и организаций. Насколько подобные принципы реализовывались на практике — вопрос особый, но ясно, что они вытекали из логики экономических методов хозяйствования и, следовательно, из логики новой экономической политики при условии последовательного ее осуществления.

Между тем широкое распространение получил и принципиально иной подход к пониманию этих вопросов. Весьма показательны в данном отношении некоторые эпизоды полемики вокруг подготовленных Госпланом СССР контрольных цифр народного хозяйства на 1925/1926 год. Первые контрольные цифры действительно имели ряд существенных недостатков, вполне объяснимых и отсутствием опыта

¹ Кактыня А. Очерки по организации народного хозяйства. С. 21.

их разработки, и несовершенством методологии, и отсутствием исходной информации надлежащего качества. Однако, помимо всего прочего, ряд хозяйственных руководителей высокого ранга подвергли их резкой критике за то, что они не дают конкретных заданий отдельным отраслям промышленности и производствам, не носят по отношению к последним директивного характера. Отвечая на эти упреки, С.Г. Струмилин подчеркивал, что Госплан и не ставил перед собой такой задачи: «Конечно, для многих ведомств это было бы большим облегчением получить без всяких усилий с своей стороны вполне готовый план с детальнейшими заданиями по каждой группе производств, по каждому тресту. Но не даром же нас неоднократно предостерегал В.И. Ленин от бюрократизации планов. Легко себе представить, что это за архибюрократическое произведение получилось бы, если бы Госплан СССР... вздумал взять на себя роль всесоюзной няньки...»¹. По мнению авторов контрольных цифр, их основная роль состояла в разработке общей картины развития народного хозяйства и вытекающих отсюда основных мероприятий экономической политики. Иными словами, задания, о которых говорилось в контрольных цифрах, были заданиями государству в виде комплекса взаимосвязанных мероприятий экономической политики на предстоящий период.

В этой связи существенный интерес представляет изложенная в то время позиция В.Н. Сарабьянова относительно перспектив развития плановой системы при социализме. Подчеркивая, что главкизма управления и централизма снабжения не будет знать не только переходный период, но и сам коммунизм, что нельзя управлять из центра общественным производством, базирующимся на высокоразвитой и постоянно развивающейся технике², он связывал создание свободной от бюрократизма системы планового управления с всемерным развертыванием самоуправленческих

¹ Струмилин С.Г. В защиту контрольных цифр Госплана // Плановое хозяйство. 1925. № 10. С. 9.

² См.: Сарабьянов В. Основные проблемы НЭПа: план, регулирование, стихия. М.; Л.: Московский рабочий, 1926. С. 192.

начал. Последовательное проведение этой идеи подвело его к следующей гипотезе: «В будущем коммунистическом обществе Госплан будет, скорее всего, ученым органом, публикующим свои соображения... к сведению, но не к обязательному выполнению»¹.

Известные крупными научными достижениями исследователи первого послереволюционного десятилетия внесли важный вклад и в анализ проблемы бюрократизации советской экономики — одного из наиболее опасных заболеваний, которому оказался подвергнут только что родившийся общественный организм. В литературе рассмотренного периода были четко сформулированы принципиальные подходы к пониманию сущности и корней этого явления, соответствующие пути борьбы с ним. Однако практическое решение проблемы бюрократизма не зависело, да и не могло зависеть непосредственно от результатов научных дискуссий между представителями различных направлений. И это понятно, поскольку проблема бюрократизма — в первую очередь проблема социально-политическая (что, разумеется, не отрицает ее глубоких экономических корней). Будущая динамика этой проблемы — разрастание или ослабление бюрократизма, характер и последовательность мер по его преодолению — является функцией складывающейся в обществе системы социально-политических отношений. Быстрое свертывание нэпа на рубеже 1920–1930-х годов и утверждение безраздельного господства командно-административных принципов, создав условия для концентрации и политической, и экономической власти в руках бюрократического аппарата управления, решили рассматриваемый нами вопрос однозначно — в течение последующих десятилетий борьба с бюрократизмом была борьбой с его последствиями, с некоторыми наиболее одиозными проявлениями, но не с его корнями.

¹ Там же. С. 194.

В.А. БАЗАРОВ

Владимир Александрович Базаров (настоящая фамилия Руднев) родился в 1874 году в Туле. С конца 1890-х годов активно участвовал в революционном движении, за что неоднократно подвергался репрессиям со стороны царского правительства. С 1904 года член РСДРП, до 1907 года сотрудничал в большевистских изданиях. Вместе с И.И. Скворцовым-Степановым осуществил перевод на русский язык «Капитала» (т. 1–3, 1907–1909 годы), которым широко пользовался В.И. Ленин. В своих многочисленных философских работах 1908–1913 годов В.А. Базаров выступает одним из главных представителей эмпириокритицизма среди российских марксистов. После Февральской революции — член «Организации объединенных социал-демократов — интернационалистов», редактор издававшейся А.М. Горьким газеты «Новая жизнь» (самой левой после большевиков). С 1921 года В.А. Базаров является одним из ведущих сотрудников Госплана. Арестован в связи с делом о «контрреволюционной организации меньшевиков». В последние годы жизни занимался переводами. Умер В.А. Базаров в 1939 году.

В.А. Базаров начал работать в Госплане в то время, когда встала задача активных социально-экономических исследований, необходимых для разработки народнохозяйственных планов. Изучение хозяйственной конъюнктуры и анализ закономерностей развития советской экономики, предпосылки планового хозяйствования и методология планирования, разработка контрольных цифр и перспективных планов — эти и многие другие вопросы привлекали постоянное внимание В.А. Базарова. Однако чем бы он ни занимался, деятельности его всегда были присущи две важные черты. Во-первых, подход к решению любых хозяйственных задач с позиций народнохозяйственного целого, его стратегических интересов. Во-вторых, стремление к выяснению, анализу и использованию в плановой практике глубинных процессов и закономерностей, лежащих в основе тех или иных явлений хозяйственной жизни. Не имея возможности в рамках настоящего очерка подробно проанализировать теоретические взгляды В.А. Базарова — экономиста, остановимся лишь на некоторых вопросах, вызывающих, как представляется, наибольший интерес для современного читателя.

После провозглашения новой экономической политики В.А. Базаров, работая в Госплане, проводил мысль, что нэп не только способствует быстрому оживлению хозяйственных процессов, но и создает благоприятные предпосылки для плановой работы. Восстановление рынка и перевод государственных предприятий на хозрасчет, во-первых, создают материальные предпосылки эффективного планирования, обеспечивая личную заинтересованность и ответственность за результаты своего труда; во-вторых, значительно упрощают фактическую проверку работы предприятий и, следовательно, регулирование, непосредственно увязывая результаты деятельности предприятия с его экономической оценкой. «На той ступени развития, которую переживает народное хозяйство СССР, сочетание товарного рынка и планового хозяйства является... диалектическим, движущим вперед противоречием, а отнюдь не простым компромиссом между капиталистическим

и социалистическим началом»¹. Вот почему В.А. Базаров неоднократно подчеркивал: «Было бы ошибочно думать, что усиление и углубление планового начала равносильно ущемлению нэпа... Как раз наоборот, — основные элементы нэпа являются в обозримом будущем необходимыми *предпосылками* всякого действенного планирования и регулирования, и потому именно в интересах самого планового хозяйства, а отнюдь не по соображениям одной только „смычки“ с деревней требуют всемерного укрепления и ограждения»².

Уже с начала 1920-х годов, намечая перспективы советского хозяйства, экономисты выделяли две группы проблем, которые предстоит решить, и соответственно два этапа развития — восстановительный и реконструктивный. Опыт 1921–1922 годов позволил В.А. Базарову сформулировать вывод о различии темпов восстановительного процесса в разных подразделениях народного хозяйства: наибольшее оживление в отраслях, близких к непосредственному потребителю и по своей технической организации менее сложных, и, наоборот, отставание на первых этапах тех отраслей, где современная техника требует особенно «дифференцированной организации», высокого органического строения капитала³.

Дальнейший анализ привел его к выводу, что восстановительный процесс в хозяйственной системе должен при прочих равных условиях обеспечить достижение состояния динамического равновесия, причем по мере приближения к нему «темп скорости» восстановительного процесса должен замедляться (так называемый закон «затухающего колебания»), поскольку загрузка старых мощностей постепенно достигает максимума, а наиболее производительное оборудование, естественно, задействуется в первую очередь⁴.

¹ К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1924. № 6. С. 10–11.

² К методологии перспективного планирования. М.: Госплан СССР, 1924. С. 2–3; «Ножницы» и плановое хозяйство // Экономическое обозрение. 1923. № 11. С. 14.

³ Текущая хозяйственная конъюнктура // Экономическое обозрение. 1923. № 1. С. 5.

⁴ См.: О «восстановительных процессах» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1. С. 11–18.

Закон «убывающей кривой» В.А. Базаров связывал исключительно с осуществлением восстановительного процесса «в чистом виде», однако уже в 1923–1924 годы он подчеркивал необходимость осуществления реконструкции (т. е. перестройки народного хозяйства на новых технических, организационных и социальных основах), не дожидаясь завершения восстановительного процесса. Поскольку влияние последнего на экономический рост с течением времени ослабляется, а реконструкции, требующей крупных капитальных затрат, наоборот, постепенно усиливается, В.А. Базаров считал наиболее целесообразным начать широкую реконструкцию на той стадии, когда вклад обоих процессов в экономический рост оказывается примерно равным¹. Впоследствии он уточнял свою теорию восстановительного процесса².

Задачи восстановления и реконструкции советского хозяйства на новой технической базе и в условиях глубоких изменений в социально-экономической структуре резко обострили потребность в перспективном плане, обеспечивающем динамичное и бескризисное развитие общества. В.А. Базаров подчеркивал, что этот план не может ограничиваться «увязкой» отдельных отраслей и сглаживанием явных противоречий, но должен дать подлинную рационализацию всего народного хозяйства, предложить оптимальный путь движения общества к намеченным целям.

Для В.А. Базарова была очевидна ограниченность экстраполяции, равно как и использования показателей 1913 года в роли ориентира, хотя эти методы и сыграли свою важную роль при первых шагах планирования³. В этой связи им и была выдвинута задача «сочетания генетического и телеологического методов», причем «поле телеологического конструирования тем сильнее расширяется за счет

¹ См.: К методологии перспективного планирования. С. 13.

² См., например: Использование бюджетных данных для построения структуры городского спроса в перспективе генерального плана // Плановое хозяйство. 1927. № 5; О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах // Экономическое обозрение. 1927. № 5; Капиталистические циклы и восстановительный процесс хозяйства СССР. М.; Л.: Госиздат, 1927; и др.

³ «Ножницы» и плановое хозяйство // Экономическое обозрение. 1923. № 11. С. 13–14.

генетического прогноза, чем полнее охвачена данная отрасль хозяйства непосредственным оперативным воздействием государства»¹.

Следовательно, по мысли В.А. Базарова, телеологически должен в современных ему условиях разрабатываться план развития промышленности и других национализированных отраслей, а генетически — план сельского хозяйства. Отсюда вытекал вывод о том, что преобладание необобщенного крестьянства делает генетически выведенный перспективный план сельского хозяйства тем фундаментом, к которому должны быть приноровлены телеологически конструируемые планы промышленности². Однако обсуждение этих вопросов, по существу, свелось к соотношению в планировании прогноза и директивы вместо углубленного анализа проблемы механизма целеполагания в плановом хозяйстве.

Важнейшую методологическую задачу планирования В.А. Базаров видел в обеспечении оптимальности планов, под которой он понимал бесперебойное, пропорциональное движение к цели кратчайшим путем. Решение этих задач должно было находить конкретное воплощение в генеральном (на 10–15 лет), пятилетнем и годовом планах, к разработке которых приступил в то время Госплан³.

В дискуссии о первом пятилетнем плане центральное место занимали проблемы индустриализации. В.А. Базаров, видя суть индустриализации в радикальном изменении качественных параметров народного хозяйства, выступил с программой, которая, по его мнению, могла обеспечить максимальный темп этого процесса и достижение более высоких результатов. Программа эта предполагала ряд моментов. Во-первых, необходимость более высоких темпов

¹ О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9–10.

² См.: К методологии перспективного планирования. С. 9.

³ См.: Перспективы нашего народнохозяйственного развития на 1925/26 год // Экономическое обозрение. 1925. № 8; Итоги истекшего года и злоба текущего дня // Экономическое обозрение. № 12; О методологии построения перспективных планов; Перспективы 1926/27 хозяйственного года // Экономическое обозрение. 1926. № 9; О методологии контрольных цифр // Экономическое обозрение. 1927. № 1.

развития промышленности по сравнению с сельским хозяйством как предпосылки развертывания процессов обществления в деревне и вместе с тем как фактора роста «коммерческой заинтересованности» крестьян в повышении товарности своего производства¹.

Во-вторых, основной руководящей идеей индустриализации является достижение максимума эффекта при минимуме затрат. В условиях чрезвычайной ограниченности капитальных ресурсов это предполагает концентрацию сил и средств, выработку четкой последовательности индустриализации различных сфер.

В-третьих, индустриализация, понимаемая как механизация и автоматизация производственных процессов при углублении специализации производства и улучшении организации труда, наиболее эффективна при массовом производстве. Следовательно, начинать ее надо с отраслей, производящих предметы широкого потребления и те виды средств производства, потребность в которых уже носит массовый характер. Недостающие товары других отраслей предлагалось импортировать. Игнорирование проблемы рациональной очередности В.А. Базаров квалифицировал как «поверхностную индустриальную экспансию», в результате которой новые предприятия, поглотив огромные средства, будут все равно давать мало продукции при ее высокой себестоимости и низком качестве. Разумеется, в этой очередности предполагалось делать поправку на решение оборонных задач².

В-четвертых, В.А. Базаров предостерегал от копирования сложившейся в развитых капиталистических странах индустриализации в формах фабрично-заводского урбанизма. Уже в техническом прогрессе начала XX века он видел предпосылки для создания предприятий нового типа, т. е.

¹ См.: О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах. С. 33

² См.: О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах. С. 44–47; Выступление в прениях по докладу В.П. Милютина и содокладу С.Г. Струмилина о пятилетнем плане // О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1928. С. 74–76; Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 47–49.

возможность поднять эффективность труда мелких производителей до уровня передовых предприятий¹.

В-пятых, необходимо создание экономических условий, стимулирующих хозяйскую заинтересованность работников в наиболее эффективном использовании предоставленных им государственных средств, в сокращении сроков строительства предприятий. В частности для ускорения строительства В.А. Базаров предложил взимать определенный процент со средств, переданных государственным промышленным организациям².

В последних своих статьях В.А. Базаров обращал внимание на проблемы культурной революции и борьбы с бюрократизмом, видя в них предпосылки решения стоящих перед страной задач, в том числе экономических. Он подчеркивал опасность узкого понимания названных проблем. Культурная революция — это не увеличение количества школ, библиотек и других культурно-просветительных учреждений само по себе, но в первую очередь создание повсюду таких социальных условий, которые стимулировали бы среди всех трудящихся дух творчества, инициативы, изобретательства, на что должны быть нацелены все надстроечные формы — от государственных учреждений до различных вольных ассоциаций трудящихся. Главной преградой на этом пути является бюрократизм, причем особенно опасен не «грязный» бюрократизм коррумпированных чиновников, откровенно игнорирующих установленные законы, но те «чистейшие» формы бюрократии, когда все законы выполняются, «спущенные» кампании проводятся, лозунги вывешиваются вовремя. Ведь такой идеальный чиновник принципиальный, а потому и непримиримый враг не укладывающихся ни в какие рамки новаторства и инициативы.

Человек будущего социалистического общества, по мысли В.А. Базарова, должен быть наделен «творческим талантом изобретателя»: «Прирожденный изобретатель ничего не приемлет на веру, но все подвергает кропотливому

¹ См.: Принципы построения перспективного плана. С. 50.

² См.: О наших хозяйственных перспективах и перспективных планах. С. 46.

исследованию; ни к чему не присоединяется „целиком и полностью”... В нашей обстановке такой персонаж вряд ли может обратить на себя благосклонное внимание окружающих. Если его отметят, то в лучшем случае как „малосознательный элемент”, в худшем как элемент „разложившийся”, склонный к „бузотерству”...

Делу могло бы помочь создание такой общественной среды, таких ассоциаций, где систематически культивировался бы дух творчества и изобретательства, где сформировалось бы новое понятие о чести, о человеческом достоинстве, новое общественное мышление...»¹ Этими словами завершается последняя статья В.А. Базарова.

¹ О перспективах хозяйственного и культурного развития // Экономическое обозрение. 1928. № 6. С. 64–66.

КОНЦЕПЦИИ НАРОДНОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Пришедшим в октябре 1917 года к власти большевикам построение планового хозяйства виделось как двусторонний процесс: «снизу» должны были создаваться органы рабочего контроля — первичные ячейки, увязывающие разрозненные субъекты рыночной экономики в целостный организм, и «сверху» — через национализацию земли, банков, крупных предприятий, создание единого центра, руководящего всем народным хозяйством страны.

Жизнь быстро показала крайнюю сложность практической реализации подобной программы, невозможность ее осуществления в чистом виде. Органы рабочего контроля, например, так и не смогли стать носителями общепролетарского (народнохозяйственного) начала, а выражали интересы по преимуществу локальные, текущие и потребительские. Их роль вскоре была сведена к минимуму.

Сложнее обстояло дело с единым центром. Образованный 5 декабря 1917 года ВСНХ, который первоначально претендовал на выполнение этих функций, быстро превратился

в обычное министерство промышленности. Его многочисленные отраслевые подразделения (главки и центры) должны были осуществлять детальное руководство всеми предприятиями, перешедшими в собственность государства, причем национализация явно приобретала сплошной характер. Бюрократизм подобной системы не вызывал ни у кого сомнения.

Слабости рабочего контроля и бюрократизму единого центра многие экономисты-большевики предполагали противопоставить единый хозяйственный план — стержень хозяйственного процесса, предохраняющий общество и пролетарскую власть от разрозненных и неэффективных решений. Именно эта тема стала ключевой в дискуссиях по проблемам планирования периода Гражданской войны и «военного коммунизма». Соответствующие проблемы подробно обсуждались на IX съезде РКП(б), на съездах Советов и на съездах совнархозов. Понимание единого хозяйственного плана основывалось на популярной среди социалистов концепции «единой фабрики» и сводилось к тому, что план является своеобразным расписанием, указывающим кому и что производить, где брать сырье и материалы, куда поставлять готовую продукцию.

Однако в конкретных условиях военного времени и военно-коммунистической экономики проявились расхождения в интерпретации целей и задач единого хозяйственного плана. Ряд экономистов (Л.Н. Крицман, Ю.А. Ларин) стремились к немедленному построению тотального планорасписания и максимальной централизации хозяйственной жизни. Плановое хозяйство для них олицетворялось, прежде всего, центральным планово-распределительным органом (Комиссией использования материальных ресурсов при ВСНХ), который распределял бы по возможности всю производимую в стране продукцию¹.

Сторонники другого подхода (Л.Д. Троцкий, С.И. Гусев) считали неизбежным выделение в плане ведущих звеньев

¹ См.: Крицман Л. Единый хозяйственный план и Комиссия использования. М., 1921; Крицман Л. О едином хозяйственном плане. М., 1921; Ларин Ю. 59-головая гидра // Экономическая жизнь. 1920. № 252.

для каждого этапа восстановления советской экономики и концентрацию усилий центра именно на этих звеньях. Отсюда следовал вывод о расширении самостоятельности местных органов власти в регулировании деятельности предприятий на своей территории (против чего решительно возражал Л.Н. Крицман)¹. В этой логике и был разработан знаменитый план ГОЭЛРО, вокруг которого объединилась большая группа российских ученых и инженеров. Подготовленный комиссией ГОЭЛРО документ был обсужден и одобрен VIII съездом Советов (декабрь 1920 года). Он имел программный характер и был нацелен на коренную реконструкцию народного хозяйства на базе электрификации как стратегического направления². Однако при всей его важности план ГОЭЛРО представлял собой в первую очередь инженерно-экономический расчет и потому был лишь ступенью на пути к целостной плановой системе.

Разработки, о которых только что шла речь, несмотря на присущие им различия, основывались на реалиях «военного коммунизма» и в основном не выходили за рамки его доктрины: упор делался на поиск правильной системы централизованного распределения факторов и результатов производства, а также организационных форм, обеспечивающих централизованное планирование и управление.

Новый этап в развитии теории и практики планирования открыл нэп. В противовес военно-коммунистической доктрине активно формировалась принципиально новая идеология планирования. На место представлений о плане-расписании выдвигается трактовка планирования как выбора оптимального пути движения экономики к намеченной цели.

Анализ реальной ситуации показывал, что упорядочение хозяйственной жизни, введение ее в организованное русло требует вовсе не натурализации и тотальной

¹ См.: *Троцкий Л.Д.* Доклад на IX съезде РКП(б) // IX съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1961; *Троцкий Л.* Путь к единому хозяйственному плану // *Экономическая жизнь*. 1920. № 251, 252, 253; *Гусев С.И.* Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. Харьков, 1920. Положения книги С.И. Гусева непосредственно были включены в резолюцию IX съезда РКП(б).

² См.: План электрификации РСФСР. М., 1955.

централизации всех сторон экономического процесса. Напротив, появление самостоятельных и ответственных производителей, заинтересованных благодаря действию рыночных механизмов в быстром росте своего производства, позволяет государству концентрировать внимание на узловых моментах народнохозяйственного развития, а также побуждать самостоятельных производителей к полезной для всей страны деятельности. Именно в начале 1920-х годов был впервые четко сформулирован тезис о совместимости плана и рынка — пока еще применительно к переходному периоду от капитализма к социализму. Так, известный экономист и философ, один из ведущих работников Госплана В.А. Базаров указывал, в частности, на два принципиальных момента, объясняющих, почему нэп, легализуя рынок и вводя хозрасчет, создает более благоприятные условия для планирования, чем сверхцентрализованная система «военного коммунизма»: «Во-первых, он облегчил восстановление личной заинтересованности каждого трудящегося в результатах труда, личной ответственности за добросовестность труда. Во-вторых, и это особенно важно, он чрезвычайно упростил функции фактической проверки работы предприятий, а следовательно, и всяческое хозяйственное регулирование»¹.

Обращалось внимание и на необходимость осуществления соответствующих изменений в системе плановых и регулирующих органов, перенесения центра тяжести в них с административно-директивных функций на планово-регулирующие. Особо речь заходит о Госплане: созданный в феврале 1920 года, этот орган задумывался в военно-коммунистической системе, но приступил к активному функционированию уже в условиях нэпа. Элементы (тогда только элементы) директивности в госплановских функциях смущали многих экономистов, в том числе и убежденных большевиков. «Госплан, — предостерегал А.М. Кактынь, — должен... сохранить за собою лишь функции плановые; в противном случае он превратится в расплывчатый хаотический орган:

¹ Базаров В. К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1924. № 6.

куда будут ходить все и за всем, не находя в то же время полного удовлетворения, ибо заменить собою все ведомства по части знания практики дела и осведомленности о ходе работы оперативных органов Госплан, конечно, не может»¹. А В.Н. Сарабьянов предполагал даже, что «в будущем коммунистическом обществе Госплан будет, скорее всего, ученым органом, публикующим свои соображения... к сведению, но не к обязательному выполнению»².

В начале 1920-х годов активно заявили о себе экономисты буржуазно-либерального направления — А.Л. Рафалович, Б.Д. Бруцкус, П. Чубутский и др. Журнал «Экономист» публикует статьи, в которых обосновывается глубокая внутренняя связь директивного планирования с низкой эффективностью производства, расцветом бюрократизма, принудительностью труда, преобладанием в массах трудящихся мотивации наемного работника, а не хозяина. Особый интерес в этом отношении представляет работа Б.Д. Бруцкуса «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе»³, получившая впоследствии международную известность.

1920-е годы стали наиболее плодотворным периодом в развитии теории и практики планирования. В дискуссиях по этим проблемам принимали участие видные экономисты страны — В.А. Базаров, Н.И. Бухарин, А.М. Гинзбург, В.Г. Громан, Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров, Г.Я. Сокольников, С.Г. Струмилин, Л.Н. Юровский и многие другие. Госплан и ВСНХ, Наркомфин и Наркомзем не просто разрабатывали плановые документы в пределах своей компетенции, но выдвигали альтернативные концепции социально-экономических перспектив страны. Открытое сопоставление позиций было благоприятным фактором для решения задач планирования.

Прежде всего, был выдвинут и получил довольно широкое распространение тезис о необходимости сочетания перспективного и текущего планирования. Конкретизируя этот

¹ Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. М., 1922. С. 21.

² Сарабьянов В. Основные проблемы нэпа: план, регулирование, стихия. М.; Л., 1926. С. 194.

³ Экономист. 1922. № 1, 2, 3.

принцип, Г.М. Кржижановский предложил, а I съезд плановых органов (март 1926 года) одобрил идею о целесообразности разработки целостной системы, включающей годовой, пятилетний и генеральный (на 10–15 лет) планы; предлагалось также параллельно вести конъюнктурные наблюдения. Принципиальное значение имели вывод о необходимости четкого разграничения целей, стоящих перед планированием на различные периоды, и связанное с этим понимание существенных различий в методологии, структуре и содержании плановых документов. «Мы по-разному подходим методологически к задачам, стоящим в разрезе одного года, в разрезе пяти лет, в разрезе десяти и более лет», — говорил тогда Г.М. Кржижановский, первый председатель Госплана. «Годовой план — это больше всего план эксплуатационный... Генеральный план, охватывающий 10–15-летний период, прежде всего имеет строительную концепцию, план пятилетний представляет и часть эксплуатационного плана, и часть плана строительства»¹.

Работа над этими документами интенсивно велась на протяжении 1920-х годов. На 1925/1926 хозяйственный год Госпланом были разработаны первые контрольные цифры, которые с 1927/1928 года стали утверждаться правительством в качестве годового плана. В результате длительных обсуждений было подготовлено несколько вариантов пятилетнего плана, который официально был утвержден в 1929 году на период 1928/1929–1932/1933 годов. Среди различных проектов первой пятилетки, выдвигавшихся с 1926 года, особый интерес представляет документ, представленный Госпланом СССР II съезду плановых органов (март 1927 года) — «Перспективы развертывания народного хозяйства СССР на 1926/27–1930/31 гг.», который разрабатывался фактически под руководством С.Г. Струмилина и стал предметом весьма острых дискуссий. А параллельно был выдвинут и обсуждался интересный проект ВСНХ, реальным руководителем которого был

¹ Кржижановский Г.М. О пятилетнем плане // Кржижановский Г.М. Соч. Т. 2. М.; Л.: ОНТИ, 1934. С. 364–365.

А.М. Гинзбург, — «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР на 1927/28–1931/32 гг.»

В 1925–1932 годах велись исследования и в области генерального плана. Последовательно функционировало несколько комиссий по его подготовке: комиссия П.С. Осадчего (1926–1928 годы), комиссия Н.А. Ковалевского (1928–1930 годы), комиссия Г.И. Ломова (1931–1933 годы). Если первым разработкам были в основном присущи методы экстраполяции, то в дальнейшем были предложены и в определенной мере опробованы составление баланса и математическое моделирование, прогнозирование технического прогресса и др.

В научной литературе и практической деятельности экономистов уже в первой половине 1920-х годов наметились два подхода к пониманию роли и задач планирования в условиях нэпа. С одной стороны, Н.Д. Кондратьев (руководитель Конъюнктурного института и видный экономист-аграрник) фактически видел в плане по возможности наиболее точный прогноз будущего движения народного хозяйства. Он указывал на ограниченность прогностических возможностей в условиях колоссальной разрухи и настойчиво предостерегал от разработки далеко идущих планов, справедливо полагая, что на этом пути работа может вылиться в беспочвенные фантазии. С другой стороны, свое представление на сей счет выдвинул и В.А. Базаров. Исходя из того что основной задачей настоящего и обозримого будущего является восстановление разрушенного народного хозяйства и коренная реконструкция страны на новом техническом и социальном фундаменте, он считал правильным вообще не связывать плановый документ с конкретными временными рамками, а дать в нем анализ целевого состояния, к которому должно прийти общество, указать взаимоувязанные проблемы, которые предстоит решать на этом пути. Названные два подхода были качественно различными, но не противоположными идеологически и потому вполне совместимыми, поскольку естественным и даже желательным является совмещение прогноза объективной ситуации и собственно специальной программы действий.

В этой же связи В.А. Базаров выдвинул интересную методологическую идею о соотношении генетического и телеологического подходов, которая первоначально не встретила принципиальных возражений, но позднее стала одним из ключевых моментов околонаучных политических спекуляций эпохи «великого перелома». Имелось в виду, что при разработке плана необходимо сочетание поиска путей к достижению поставленных целей (телеология) с проектированием в будущее фактической динамики настоящего (генетика). По мнению Базарова, «поле телеологического конструирования тем сильнее расширяется за счет генетического прогноза, чем полнее охвачена данная отрасль оперативным воздействием государства». Следовательно, телеологически должен разрабатываться план для национализированных отраслей (прежде всего промышленности), а генетически — план сельского хозяйства, причем в силу доминирования в СССР аграрного сектора генетически разработанный план его должен составлять основу для целостного народнохозяйственного плана¹.

В начавшейся дискуссии часть экономистов указывала на известную искусственность подобного противопоставления. Да и сам автор признавал условность своих разграничений, хотя и считал необходимым учитывать их в плановой практике. Однако последовавшая в середине 1920-х годов резкая политизация экономической науки перевела обсуждение в иную плоскость: в работах С.Г. Струмилина, Р.Е. Вайсберга и ряда других экономистов Госплана генетический подход был заклеен как преклонение перед стихийностью хозяйственного роста и его место в лучшем случае ограничивалось рамками текущего (годового) планирования. Лишь телеология провозглашалась подлинно социалистическим, пролетарским принципом перспективного планирования. Такой поворот имел важные последствия и для развития собственно теории и методологии планирования, более конкретных его проблем.

¹ См.: Базаров В.А. К методологии перспективного планирования. М., 1924. С. 8–9.

Важным методологическим вопросом в 1920-х годах считалось изучение хозяйственной конъюнктуры и закономерностей роста советского хозяйства. Разумеется, авторы подобных разработок сознавали невозможность строить планы на базе элементарной экстраполяции. Речь шла об ином — о наличии в хозяйственной системе некоторых устойчивых тенденций, типичных для данного этапа, которые надо учитывать в планировании. Предметом специального изучения стали тогда закономерности восстановительного процесса и перехода от него к коренной реконструкции народного хозяйства. Соответствующие выводы использовались при построении контрольных цифр на 1925/1926 год и ряд последующих лет в первоначальных проектах первой пятилетки. Процесс хозяйственного восстановления был описан В.А. Базаровым в виде «затухающей кривой», означавшей замедление темпов роста по мере преодоления разрухи и вовлечения в производство замороженных ранее ресурсов. А статистический анализ руководителя Конъюнктурного Совета Госплана В.Г. Громана позволил выявить некоторые устойчивые соотношения темпов восстановления отдельных отраслей и тенденции изменения стоимостных пропорций¹.

Впрочем, исследователи этих закономерностей вовсе не стояли на позициях механического падения роста по мере приближения к экономическим параметрам 1913 года, равно как и непрямого автоматического достижения довоенных пропорций. Наоборот, настойчиво подчеркивалась мысль о переплетении восстановительных и реконструктивных процессов, об экономической и социальной порочности представления, согласно которому сперва должен завершиться восстановительный процесс, а затем уже можно будет приступить к реконструкции. Понятно, что вклад обоих процессов на разных стадиях развития не мог быть

¹ См.: Громан В.Г. О некоторых закономерностях, эмпирически обнаруживаемых в нашем народном хозяйстве // Плановое хозяйство. 1925. № 1, 2; Базаров В.А. О «восстановительных закономерностях» вообще и об «эмиссионных возможностях» в частности // Экономическое обозрение. 1925. № 1; Контрольные цифры народного хозяйства на 1925/26 год. М.; Л.: Госплан СССР, 1925. С. 7–10.

одинаковым. Поэтому был поставлен принципиальный для планирования вопрос: в какой момент должен осуществляться переход от преимущественно восстановительной политики к реконструктивной? Восстановление и реконструкция в действительности имеют противоположные тенденции воздействия на экономику — с течением времени рост под влиянием первого замедляется (так как исчерпываются задействуемые ресурсы прошлого), а под влиянием второго возрастает (происходит накопление новых ресурсов, которые не сразу дают отдачу). Отсюда следовал вывод, что переход этот наиболее удачен тогда, когда вклад обоих процессов в темп экономического развития оказывается примерно одинаковым¹.

Важной областью методологических исследований, а потом и политической борьбы стал анализ существа балансового метода и его роли в планировании народного хозяйства. Без обеспечения сбалансированности, т. е. пропорциональности, согласованности различных отраслей и сфер экономической и социальной жизни невозможно было всерьез говорить о планировании. «Постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность, действительно, означала бы планомерность», — писал еще в 1901 году В.И. Ленин². Однако открытым оставался вопрос о путях практической реализации этого принципа.

Уже в начале 1920-х годов Госплан и ЦСУ провели серию исследований по разработке отчетного годового народнохозяйственного баланса как предпосылке баланса планового. Крупным вкладом в развитие мировой экономической мысли стал подготовленный в ЦСУ под руководством П.И. Попова межотраслевой баланс за 1923/1924 год, основу которого составил получивший впоследствии широкую популярность метод «затраты — выпуск»³. Позднее Г.А. Фельдманом (в рамках комиссии по генплану Н.А. Ковалевского) были

¹ См.: Александров И.Г. Восстановление производства в России. М., 1924.

² Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Политиздат, 1971. С. 620.

³ Баланс народного хозяйства СССР на 1923/24 г. Труды ЦСУ. Т. 29. М.: Изд-во ЦСУ, 1926.

выполнены работы по математическому моделированию сбалансированного роста народного хозяйства на длительную перспективу¹. И вообще мало кто не писал тогда о необходимости обеспечения равновесного роста экономики. Вместе с тем некоторые экономисты (например, М. Бирбраер, А. Вайнштейн, Н. Кондратьев) обращали внимание на известную формальность балансового метода, взятого изолированно от других экономических инструментов: ведь сбалансированность показателей плана еще не свидетельствует о его реалистичности, о наличии на практике механизмов, обеспечивающих рост всех частей народного хозяйства и достижение целевого состояния².

Между тем начиная с 1927 года руководство Госплана сделало упор именно на формальную сбалансированность своих расчетов, выполнение которых гарантируется появлением нового экономического феномена — «творческой воли революционного пролетариата». Надо только, чтобы план был способен увлечь своими целями трудящихся на их реализацию. Этим объяснялись перспективы роста, которые от проекта к проекту становились все более масштабными и все менее объяснимыми чисто экономически. Плановые разработки принимали вид подробнейших расчетов, обоснованность которых вызывала большие сомнения у многих экономистов.

В противовес такому подходу А.Л. Вайнштейн, Н.Д. Кондратьев, Н.П. Макаров выдвигали тезис о необходимости при разработке перспективного плана ориентироваться на создание наиболее благоприятных экономических условий для накопления и использования капитала, ставили вопрос о внедрении в хозяйственную жизнь рычагов, заинтересовывающих предприятия наиболее эффективно применять имеющиеся у них ресурсы. Они критиковали

¹ См.: *Фельдман Г.А.* К теории темпов народного дохода // *Плановое хозяйство*. 1928. № 11, 12; *Фельдман Г.А.* Аналитический метод построения перспективных планов // *Плановое хозяйство*. 1929. № 11.

² См.: *Вайнштейн Альб. Л.* К критике пятилетнего перспективного плана развертывания народного хозяйства СССР // *Экономическое обозрение*. 1927. № 7. С. 35; *Бирбраер М.* К вопросу о методологии построения перспективных планов // *Экономическое обозрение*. 1927. № 7. С. 88.

госплановские проекты пятилетки за недостаточную проработку вопросов макроэкономической сбалансированности в системе предлагаемых мероприятий по индустриализации страны. Проблема динамического равновесия (соотношение ожидаемого национального дохода, накопления и потребления, размеров инвестиций и их отдачи) занимала центральное положение в их концепции. Названные экономисты подчеркивали, что обильные цифровые расчеты следовало бы заменить более глубоким обоснованием концепции экономической политики на предстоящий период. «Весьма возможно, — писал Н.П. Макаров, — что результаты такой проработки плана не всегда будут иметь внешнюю табличную стройность, что, увы, в таком плане текста окажется не менее, чем таблиц, что в этом плане будет меньше предсказаний и больше указаний, что и сколько надо сделать, чтобы получить желательный эффект, и при каких условиях это должно делаться»¹. Однако подобные возражения наталкивались на стену из политических обвинений в «буржуазной ограниченности», а затем и вредительстве.

Наконец, принципиальное значение имел вопрос о критериях социально-экономического прогресса, которые следовало заложить в перспективный план в качестве стратегических установок. Ранние проекты Госплана содержали тройственный критерий — максимальный рост производительных сил, социализации (обобществления) и благосостояния народа. Однако, как показывали Альб. Л. Вайнштейн и другие, в текущей экономической политике рост этих параметров может входить в противоречие друг с другом, а потому нужно определить их соподчиненность. Большинство оппонентов официальных проектов подчеркивали первостепенную роль динамичного развития производительных сил как необходимого условия достижения всех других плановых целей. «В течение короткого срока может оказаться целесообразным по тем или иным внеэкономическим соображениям вовлечь в сфере обобществленного хозяйства такие

¹ Макаров Н.П. Некоторые очередные вопросы методологии составления перспективных планов по сельскому хозяйству // Пути сельского хозяйства. 1927. № 2.

отрасли, которые для этого еще не созрели, в которых обобществление на данной ступени их развития не стимулирует, а стесняет рост производительности труда. Но в рамках длительного периода такая политика ни при каких условиях не может быть целесообразной. Ибо превратить на 5, 10, 15 лет общественную организацию из формы хозяйственного развития в его «оковы», хотя бы для отдельных отраслей труда, значило бы дискредитировать самый принцип обобществления, готовить в грядущем частичное поражение и отступление социализации тем вернее, чем настойчивее проводится в настоящем ее нерациональное применение», — писал В.А. Базаров¹ (продолжавший еще работать в Госплане).

Авторы же проекта пятилетки с течением времени, напротив, все сильнее склонялись к признанию первостепенной роли социализации (понимавшейся как торжество государственной или кооперативной собственности на средства производства), ради чего можно пойти и на временное падение производительных сил. С. Струмилин, Л. Шанин и ряд других экономистов полагали, что на данном этапе вполне возможно обеспечить торжество в нашей экономике социалистических тенденций, хотя бы ценой временных жертв в развитии производительных сил, применяя этот тезис и к сельскому хозяйству.

Коренной перелом хозяйственно-политических принципов функционирования советского общества на рубеже 1920–1930-х годов и утверждение административно-командной системы создали качественно иную ситуацию не только для хозяйственной практики, но и для развития науки. Исследования многих перспективных проблем (среди которых межотраслевой баланс, экономико-математическое моделирование, объективные закономерности хозяйственного роста, оптимизация плановых решений и т. д.) были резко ограничены или прекращены, а многие экономисты — репрессированы. Все это имело серьезные

¹ Базаров В.А. Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928. № 2. С. 42.

негативные последствия для самой культуры экономического анализа.

Развитие теории планирования вступило в новую фазу. Именно в это время произошел фактически раскол плановой науки на два почти не пересекающихся друг с другом направления. С одной стороны, велись работы, посвященные отдельным специальным вопросам: использованию балансового метода в планировании, системе показателей, взаимосвязи между планированием и стимулированием производства, а также ряду конкретных вопросов технологии и организации планирования. Особое место занимает здесь разработка концепции второго пятилетнего плана — одного из наиболее обоснованных документов такого рода в нашей экономической истории. С другой стороны, это политэкономические работы, в которых шла речь об обусловленности планирования общественной собственностью на средства производства и невозможности его при капитализме, об «особой роли» планомерности в экономике социализма и связи планомерности со всеми экономическими законами и категориями этой системы и т. д. Однако как конкретно-экономические, так и общео-экономические работы характеризовались откровенной апологетикой, отсутствием глубокого критического анализа действующих принципов планового хозяйствования, что было вполне естественно в условиях победившей и находившейся тогда на подъеме хозяйственно-политической системы сталинизма.

В исследованиях 1930-х годов стал безраздельно господствовать плановый фетишизм с характерными для него субъективистской трактовкой реальных производственных отношений, возведением непосредственной планово-управленческой деятельности в ранг объективного экономического закона. Это не прошло мимо внимания некоторых советских исследователей. Так, Г. Дементьев анализировал возможность своеобразного фетишизма в советских условиях, поскольку «само понятие экономического закона меняется, т. е. видоизменяется соотношение между экономической закономерностью и самим субъектом, и в соответствии

с этим появляются новые моменты, маскирующие сущность, за свободой забывается необходимость, за субъективным забывается объективное, экономические процессы сводятся к технике планирования, экономические отношения многосторонне запутываются»¹.

Однако подобные рассуждения были скорее исключением. Характерными же для того времени стали представления о планировании (или даже плане) как экономическом законе социализма, причем в выступлениях ряда авторов он назывался даже основным законом, законом движения советской экономики². Утверждалось также, что социализму не свойственны объективные законы развития хозяйства, так как «против равнения на объективные законы» направлены наши планы (особенно активно подобные идеи пропагандировал А. Стецкий, занимавший в 1930-е годы видные посты в ЦК ВКП(б)³). Вместе с тем в ряде публикаций отмечается и то, что планирование само базируется на некоторых внутренних закономерностях социализма, хотя анализ и не идет дальше этой абстрактной постановки⁴.

Еще одной характерной чертой работ рассматриваемого периода было сведение анализа реальных процессов к конкретным хозяйственным формам, которые в результате становятся критерием планирования. Это выразительно контрастировало с методологическими принципами недавнего прошлого. Еще в 1926 году В.А. Базаров обратился к анализу проблемы оптимальности планирования, справедливо полагая, что не только наличие плановых документов как таковых, но даже совпадение фактических данных с запланированными не может свидетельствовать о действенности планового механизма: ведь намеченный в плане и реализованный

¹ Дементьев Г. Всеобщая политическая экономия // Проблемы марксизма. 1931. № 2. С. 159.

² См.: Плановое хозяйство. 1930. № 4. С. 131–132, 164.

³ См.: Стецкий А. Ленин и социалистический план. М., 1933. С. 17; Стецкий А. В борьбе за ленинскую теорию. М., 1938. С. 22.

⁴ См., например: Вайсберг Р. Проблемы народнохозяйственного планирования // Проблемы экономики. 1934. № 1. С. 26; Бакулин И. Познание законов экономического развития общества и планирование народного хозяйства // Пропагандист. 1940. № 5.

на практике курс мог быть неоптимальным¹. Теперь же владела и абсолютно доминировала иная, формальная точка зрения. Директивное адресное планирование было признано неотъемлемой чертой планового хозяйствования. И соответственно охват им всех отраслей и сфер экономики расценивался как признак полной победы планомерности, утверждения ее безраздельного господства.

Весьма типичными в этом отношении являются слова одного из руководителей Госплана 1930-х годов В.И. Межлаука: «Второй пятилетний план знаменует собой новую веху, новый, более высокий этап в истории планирования. Вторая пятилетка отличается от первого пятилетнего плана широтой охвата планируемых объектов, большей разработкой технических проблем, большей научной обоснованностью. Во втором пятилетнем плане все хозяйство охватывается непосредственным конкретным планом. Эта полнота охвата находит выражение в возросшем количестве объектов непосредственного планирования, что повышает конкретность, оперативность плана... Первая пятилетка охватывала детально разработанным планом около полусотни отраслей промышленности; второй пятилетний план охватывает уже 120 отраслей». Экономистами подчеркивалось также проникновение плана во все детали общественного производства, значительная конкретизация натуральных показателей, распространение централизованных плановых заданий не только на крупную, но также на мелкую и местную промышленность, на предприятия промысловой кооперации и почти на все сельское хозяйство².

Подводя итоги, можно сказать, что первое послереволюционное двадцатилетие стало временем взлетов и падений — экономической науки вообще и теории планирования в частности. Опыты «военного коммунизма» сменились

¹ См.: Базаров В. О методологии построения перспективных планов // Плановое хозяйство. 1926. № 7. С. 9–13. Он же предложил и критерии оптимальности плана. К ним относились плавность движения, его пропорциональность, а также выбор кратчайшего (при соблюдении первых двух условий) пути.

² Межлаук В. Большевицкий план // Плановое хозяйство. 1936. № 3. С. 32–33. См. также: Гальперин Ц. Из опыта составления второго пятилетнего плана // Плановое хозяйство. 1936. № 3. С. 75.

глубокими исследованиями и разработками 1920-х годов, за которыми последовали тяжелые 1930-е годы. Разумеется, изучение проблем планирования не могло прекратиться полностью, но качество этих разработок неотделимо от существовавшей в стране общественно-политической атмосферы. По этим причинам плановая теория к концу 1930-х годов оказалась в глубоком кризисе, преодоление которого должно было стать важнейшей задачей последующих поколений экономистов.

ВОПРОСЫ ПЛАНОВЕРНОСТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1936–1954 годы)

Одной из важнейших черт коммунистической общественно-экономической формации классики марксизма-ленинизма считали народнохозяйственную плановость. К. Маркс и Ф. Энгельс обосновали возможность и необходимость установления с победой социализма плановой формы организации производства¹. Неоценим и вклад В.И. Ленина в разработку вопроса о способах обеспечения плановости в социалистическом народном хозяйстве.

Советские экономисты-марксисты с самого начала социалистических преобразований в нашей стране уделяли повышенное внимание плановости экономического развития. Вместе с тем и буржуазные экономисты не обходили вниманием эти вопросы, и в 1920-е годы теория и практика

Опубликовано в: Экономические науки. 1984. № 12.

¹ См., например: *Энгельс Ф. Анти-Дюринг* // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 154, 291, 294, 675–676; *Маркс К. Капитал*. Т. I. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 23. Ч. I. М.: Госполитиздат, 1960. С. 90; и др.

планирования народного хозяйства в СССР стали ареной острой классовой борьбы.

Во второй половине 1930-х годов в экономическом базисе советского общества произошли коренные изменения — утвердилось безраздельное господство новых, социалистических производственных отношений. Их победа создала адекватные условия для развития политической экономии социализма. По мере прогрессивных изменений в экономическом базисе нового общества возрастали требования, предъявляемые к этой науке. Это относится как к политической экономии в целом, так и к отдельным ее разделам, среди которых исследования в области планомерности принадлежит особое место: победа социалистических производственных отношений означает утверждение планомерности как всеобщей формы движения социалистической экономики.

Огромное значение имел и накопленный опыт плановой работы. В статье 11 Конституции СССР 1936 года было зафиксировано, что хозяйственная жизнь СССР определяется и направляется государственными народнохозяйственными планами. Развитие социалистического планирования от плана ГОЭЛРО до плана второй пятилетки играло чрезвычайно важную роль для дальнейшего успешного развития теории и практики планомерной организации социалистического производства.

В свете построения научной системы политической экономии социализма проблемы планомерности рассматривались в рамках решения поставленной перед советскими экономистами задачи подготовки учебника по этому курсу¹. В ходе этой работы необходимо было завершить выделение основных категорий и законов политической экономии социализма, провести более или менее четкое разграничение между ними, преодолев их субъективистскую трактовку.

К концу 1930-х годов в советской экономической литературе были названы основные категории, относящиеся

¹ Подробнее об этом см.: *Таль Б.* О предмете политической экономии и ее преподавании // *Большевик*. 1936. № 22. С. 33.

к планомерности социалистической экономики, однако в этот период еще не было сформулировано достаточно четких определений как самого закона планомерного развития экономики, так и ряда связанных с ним проблем. Главной категориальной проблемой была нерасчлененность понятий «планомерность» и «народнохозяйственное планирование». Правильное решение здесь непосредственно связано с преодолением субъективизма в трактовке экономических категорий. Без такого преодоления было невозможно дать научное определение сущности, механизма действия и использования самого закона планомерности, добиться убедительной результативности дальнейших исследований в этой области, играющей весьма важную роль в дальнейшем развитии политической экономии социализма в целом; ведь планомерность, будучи всеобщей формой движения социалистической экономики, сказывается во всей системе производственных отношений.

Субъективистская трактовка планомерности была вызвана в рассматриваемый период двумя взаимосвязанными источниками теоретических заблуждений по этому вопросу, уходящими своими корнями в область гносеологии: во-первых, отождествлением сущности и явления, во-вторых, отождествлением планомерности и сознательности, субъективной деятельности людей, в результате чего планомерность противопоставлялась объективности. Следует отметить и наличие классовых корней субъективистской трактовки экономических категорий в рассматриваемый период. Еще в 1920-е годы буржуазные экономисты и представители оппозиции в самой партии ссылались на объективные закономерности, под которыми понимались закономерности развития дореволюционной России, других капиталистических стран, пытались доказать невозможность и даже вредность коренного преобразования народного хозяйства, выступали против индустриализации, против высоких темпов экономического развития, намечавшихся пятилетними планами. В начале 1930-х годов в результате ликвидации эксплуататорских классов в Советском Союзе потерпели сокрушительное поражение противники генеральной линии партии. Однако

в экономической литературе нигилистическое отношение к объективным законам было преодолено не сразу. Потребовалось время и для реального избавления от субъективистской трактовки экономических законов (которые на словах уже были признаны объективными). Заметим, что преодоление субъективистской трактовки закона плановости еще отнюдь не означало устранения субъективизма в народнохозяйственном планировании, хотя и являлось для этого необходимым условием.

В работах советских экономистов конца 1930-х годов широкое распространение получило освещение тесной связи между планированием народного хозяйства и социалистической собственностью на средства производства. Однако речь в основном шла о том, что социалистическая собственность на средства производства, объединяя производителей в ассоциацию, делает планирование народного хозяйства возможным и необходимым. Таким образом, закон плановости сводился к самой возможности и необходимости планирования, а это предполагало отождествление плановости как объективного закона и плановой деятельности.

Советские экономисты не только видели в народнохозяйственном планировании важнейшую специфическую черту нового способа производства, но и понимали ее особую роль в экономической системе социализма, и это было не чем иным, как отражением всеобщности плановости, ее связи со всеми экономическими законами социализма¹.

В рассматриваемый период широкое распространение получили формулы «народнохозяйственное планирование — экономический закон социализма» и «государственный план — экономический закон». Их анализ показывает, что приведенные формулы близки, но отнюдь не тождественны. В первой речь идет о необходимости и возможности планирования народного хозяйства при социализме. При том, что это утверждение само по себе справедливо, никак, однако,

¹ Б. Боролин, например, писал, что изложение конкретного механизма плана может вскрыть «важнейшие особенности структуры наших производственных отношений и движения производительных сил в нашей стране» (Задачи преподавания политической экономии // Проблемы экономики. 1936. № 1. С. 82).

нельзя считать, что оно исчерпывает суть объективного экономического закона. Вторая формула выражала смешение законов экономики и права, экономический закон в ней оказался совпадающим с плановым документом.

Вместе с тем в рассматриваемый период была распространена точка зрения, согласно которой народнохозяйственное планирование не идентично экономическому закону, а базируется на некоторых внутренних объективных закономерностях развития социалистической экономики. Интересен анализ, проведенный Л. Альтером, отражающий двустороннюю связь между планированием и экономическими законами. Настойчиво проводя мысль о том, что «планирование народного хозяйства, осуществляемое социалистическим государством, исходит из законов экономического развития общества»¹, он подчеркивал, что «через проводимое социалистическим государством народнохозяйственное планирование осуществляется действие законов экономического развития социалистического общества»². В таком подходе нашло отражение объективное положение планомерности в системе политической экономии социализма как категории, выражающей всеобщую форму движения социалистической экономики.

Особый интерес представляют взгляды Н. Власова, который еще в 1940 году писал, что социалистический план — «субъективное (сознательное) выражение объективного закона развития социалистического общества»³. Если в работах других экономистов речь шла о необходимости использования объективных законов социализма в планировании, то у Н. Власова — о поиске закона, лежащего в основе самого планирования. Однако на вопрос о том, каков именно этот закон, у Н. Власова ответа еще не было. Он в данной связи писал об опережающем развитии общественных потребностей по сравнению с возможностями общественного

¹ Альтер Л. План и социалистическое воспроизводство // Плановое хозяйство. 1941. № 2. С. 45.

² Там же. С. 50.

³ Власов Н. О движущем противоречии социалистического общества // Под знаменем марксизма. 1940. №3–4. С. 119.

производства, рассматриваемом в качестве объективного экономического закона социализма.

Некоторые вопросы планомерности рассматривались на встрече экономистов с руководителями партии в январе 1941 года¹, где обсуждались основные проблемы развития политической экономии социализма. В ходе обсуждения подчеркивалось, что социализм не может развиваться вне планового ведения народного хозяйства, что плановость вытекает из обобществления средств производства. Отсюда делался вывод: плановое ведение хозяйства является для социализма не вопросом желания или вопросом произвола, а объективной экономической необходимостью. Далее отмечалось, что в основе экономических законов лежит «объективная экономическая необходимость, диктуемая всей совокупностью объективных условий жизни общества»².

Анализ статьи, подводившей итоги встречи, позволяет утверждать, что в ней нашли отражение как достижения в области политической экономии, так и проблемы, с которыми столкнулась советская экономическая наука к началу 1940-х годов. В ряде работ, появившихся после ее опубликования, конкретизировались и развивались выдвинутые в ней положения³.

Победа СССР в Великой Отечественной войне была победой всей общественной системы социализма с ее плановой экономикой над капитализмом. Необходимо было обобщить, теоретически осмыслить функционирование народного хозяйства СССР в годы войны, решить многие теоретические и практические вопросы послевоенного экономического развития. Большим вкладом в решение этой задачи стала книга Н.А. Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны», в которой особое внимание уделялось вопросам

¹ См.: Некоторые вопросы преподавания политической экономии // Под знаменем марксизма. 1943. № 7–8.

² Там же. С. 69–70.

³ См., например: Курский А. Социалистическое планирование — закон развития советской экономики // Большевик. 1944. № 19–20; Островитянов К. Об основных закономерностях развития социалистического хозяйства // Большевик. 1944. № 23–24; Островитянов К. Социалистическая система хозяйства и законы ее развития // Пропагандист. 1944. № 18; и др.

народнохозяйственного планирования. Так, Н.А. Вознесенский считал важнейшим отличием социалистической экономики от капиталистической то, что на смену «стихийным законам движения» пришли «экономические законы планирования и организации производства». Очевидно, что он имел в виду планомерность как всеобщую форму движения социалистической экономики. Однако, не разграничивая категории «планомерность» и «народнохозяйственное планирование», автор сделал вывод, что «социалистическое планирование, основанное на разумном использовании и применении экономических законов производства и распределения, само является общественным законом развития и в качестве такового — предметом политической экономии»¹.

В результате анализа важных вопросов планомерной организации социалистического производства Н.А. Вознесенский пришел к общему заключению: *«Социалистическое планирование производства предполагает знание экономических законов производства и распределения и умение использовать их в интересах социализма»*².

Книга Н.А. Вознесенского нашла широкий отклик среди научной общественности и была ею высоко оценена, вследствие чего оказала большое влияние на экономические исследования. Во многих работах конца 1940-х годов развивался ряд сформулированных Н.А. Вознесенским положений. Важно заметить, что в экономической литературе этого периода уже довольно четко прослеживается процесс разграничения категорий планомерности и народнохозяйственного планирования, хотя оно еще не получает необходимой завершенности и прежде всего потому, что еще не выделены планомерность как специфическое производственное отношение социализма и соответствующий объективный экономический закон³.

¹ Вознесенский Н.А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1948. С. 151.

² Там же. С. 156.

³ См.: Островитянов К. Военная экономика страны социализма // Плановое хозяйство. 1948. № 1. С. 77. См. также: Кузнецов А. Об экономической роли советского государства // Партийная жизнь. 1947. № 12. С. 41; Ширинский И.Д. Народнохозяйственное планирование в СССР. М.: Госполитиздат, 1951. С. 4, 7.

В экономической литературе конца 1940-х годов предпринимались попытки политэкономического анализа народнохозяйственного планирования, в которых речь фактически шла о планомерности. В этом отношении интересна статья К.В. Островитянова «Социалистическое планирование и закон стоимости». Здесь автор прямо говорит о том, что нельзя ограничиваться рассуждениями об объективной необходимости планирования, поскольку «социалистическое планирование представляет собой чрезвычайно сложную и разностороннюю категорию социалистической экономики». Это обусловлено тем, что «плановое начало пронизывает всю систему социалистических производственных отношений и составляет одну из наиболее существенных черт этих отношений» и каждой экономической категории социалистического народного хозяйства¹. В приведенном высказывании нашло отражение объективное положение планомерности как всеобщей формы реализации социалистических производственных отношений. Развивая это положение, К.В. Островитянов пишет: «Социалистическое планирование имеет у нас силу экономического закона в том смысле, что наши планы, выражая внутреннюю причинную связь и зависимость отношений социалистического воспроизводства, определяют и реализуют пропорции в распределении труда и средств производства между отдельными отраслями народного хозяйства и предприятиями, необходимые для разрешения хозяйственных задач, выдвигаемых партией и советским государством на данном этапе строительства коммунистического общества»². Представляется очевидным, что научное определение закона невозможно без преодоления двойственности в понимании народнохозяйственного планирования. Если в начале цитируемого отрывка закон определяется как «внутренняя причинная связь», то в конце его речь фактически идет о планировании как функции социалистического государства.

¹ См.: Островитянов К. Социалистическое планирование и закон стоимости // Вопросы экономики. 1948. № 1. С. 25.

² Там же. С. 26.

Отождествление планомерности и планирования вело и к смешению предметов двух наук — политической экономии социализма и планирования народного хозяйства. Так, в статье «О программе курса народнохозяйственного планирования для экономических вузов» говорилось, что «социалистическое планирование, основанное на познании, использовании и применении экономических законов производства и распределения, является предметом политической экономии», и это при том, что предмет планирования народного хозяйства определялся как «государственное руководство народным хозяйством, хозяйственно-организаторская функция планирующего социалистического государства, точнее — формы и методы планового руководства и управления народным хозяйством». Подобное смешение является результатом ошибочных исходных посылок, согласно которым «план является важнейшим законом развития социалистического общества», а «законы планирования и организации производства» изучает политическая экономия социализма¹.

В послевоенный период во всем мире существенно возрос интерес к вопросам народнохозяйственного планирования. Задачи организации планового хозяйства встали перед народами ряда стран, приступивших к строительству основ социализма. В этих условиях огромное значение имел опыт организации социалистического планирования в нашей стране, изучению и обобщению которого уделялось большое внимание в советской экономической литературе². Вместе с тем убедительно доказывалась невозможность планового ведения народного хозяйства при капитализме, где отсутствует общественная собственность на средства производства³.

Важный вклад в преодоление субъективизма в трактовке экономических законов социализма вообще и планомерно-

¹ См.: Вопросы экономики. 1949. № 2. С. 103.

² См.: Гладков И. Ленин и организация Госплана // Плановое хозяйство. 1946. № 1; Зеленовский А. Двадцать пять лет Госплана // Плановое хозяйство. 1946. № 1; Сорокин Г. Тридцать лет социалистического планирования народного хозяйства // Плановое хозяйство. 1947. № 6; и др.

³ См., например: Косяченко Г. Государственный план — нерушимый закон // Плановое хозяйство. 1951. № 1. С. 34.

сти социалистического производства в особенности внесла дискуссия, проведенная в ноябре 1951 года по инициативе Центрального Комитета партии. На этой дискуссии обсуждался макет учебника по политической экономии. Основные ее выводы были сформулированы в книге И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Следует особо подчеркнуть, что к сделанным в ходе дискуссии выводам, как было показано выше, вела сама внутренняя логика развития экономической науки, и потому итоги ее неправомерно воспринимать как некий неожиданный поворот во взглядах советских экономистов.

В итоге дискуссии было со всей определенностью признано, что планы нельзя смешивать с объективным экономическим законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, который «дает *возможность* нашим планирующим органам правильно планировать общественное производство. Но *возможность* нельзя смешивать с *действительностью*». Для превращения возможности в действительность «нужно изучать этот экономический закон, нужно овладеть им, нужно научиться применять его с полным знанием дела, нужно составлять такие планы, которые полностью отражают требования этого закона»¹. Рассматривалась также связь этого закона с некоторыми другими законами и категориями, прежде всего с основным экономическим законом социализма и с законом стоимости. Подчеркивалось, что планомерное развитие народного хозяйства не дает возможности Советской власти уничтожить существующие и создать новые экономические законы². Получил подтверждение сделанный ранее вывод, что в плановой деятельности необходимо основываться на требованиях всей системы экономических законов, причем особо была выделена роль основного экономического закона социализма³. Наконец, нельзя не отметить, что закон, лежащий в основе плановой деятельности, получил более или менее

¹ Большевик. 1951. № 18. С. 4–5.

² См.: там же. С. 4.

³ См.: там же. С. 22.

четкое название¹, и все последующие терминологические уточнения происходили на его основе.

В течение ряда последующих лет выводы дискуссии господствовали в советской экономической литературе. В опубликованных тогда работах подробно излагались черты, особенности закона планомерного развития, рассматривались некоторые вопросы механизма его действия и использования (хотя эти понятия тогда еще не получили распространения), требования, предъявляемые им к народнохозяйственному планированию. Суть этого закона сводилась к тому, что он «отражает объективную необходимость планомерного и пропорционального развития социалистического хозяйства»². Его содержание экономисты определяли исходя из «требований закона», и механизм его использования фактически сводился к учету этих требований в ходе плановой деятельности. Изложение развернутого содержания закона включало более или менее подробное перечисление этих требований, среди которых особая роль отводилась пропорциональности. В ряду определений такого рода наиболее емким нам представляется определение Э. Локшина, согласно которому закон планомерного, пропорционального развития «отражает объективную необходимость планового ведения социалистического хозяйства и возможность его непрерывного и пропорционального развития высокими темпами, объективную возможность планомерного роста техники и экономии общественного труда; направление же развития социалистического производства определяется основным экономическим законом социализма»³. Современная экономическая наука уже не удовлетворяется таким определением закона, сводящим его только к необходимости и возможности планового ведения социалистического народного

¹ В течение некоторого времени после дискуссии как тождественные использовались три названия этого закона: закон планомерного, пропорционального развития; закон планомерного (пропорционального) развития; закон планомерного развития. Следует заметить, что полного единства в том, как назвать этот закон, нет и в современной экономической литературе.

² Локшин Э. Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства СССР // Коммунист. 1952. № 20. С. 71.

³ Там же. С. 78.

хозяйства. Однако приведенное определение — необходимый этап на пути развития экономической науки, ее категориального аппарата.

Вместе с тем получили распространение и такие определения, в которых существо закона, о котором идет речь, выражалась в установлении и поддержании определенной пропорциональности и регулирования на этой основе распределения труда и средств производства, что, по сути дела, означало сведение закона к одному из его требований, хотя и важнейшему¹.

В некоторых статьях своеобразно рассматривался механизм действия закона планомерного, пропорционального развития. Утверждалось, что «если план составлен правильно, если в нем полностью учтены требования основного экономического закона социализма и закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, то последний не даст о себе знать. Но если в плане недостаточно полно отражены эти требования, то объективные закономерности необходимо дадут о себе знать, выявляя пробелы и промахи в нашей работе»².

Важным событием в развитии экономической науки стал выход в 1954 году учебника «Политическая экономия», включавшего обширный раздел «Социалистический способ производства» — первый в мире опыт системного изложения политической экономии социализма³. В главе «Закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства» излагались необходимость планомерного развития народного хозяйства при социализме, основные черты и требования непосредственно определяющего это развитие закона, соотношение между последним и социалистическим планированием, а также преимущества планового хозяйства. В основу этой главы, как и всего учебника, были положены выводы ноябрьской дискуссии 1951 года «Необходимость и возможность планомерного развития

¹ См., например: *Сорокин Г.* Научные основы планирования народного хозяйства // *Коммунист*. 1954. № 17. С. 14.

² *Локшин Э.* Закон планомерного, пропорционального развития... С. 82.

³ См.: *Политическая экономия*. М.: Госполитиздат, 1954. С. 414.

социалистической экономики вытекают из общественной собственности на средства производства», — такова исходная посылка авторов этой главы. Поскольку «крупное обобществленное социалистическое производство не может развиваться вне общего плана, дающего единство цели и единство действий всему обществу»¹, авторы делают вывод, что «социализм немыслим без планомерного развития народного хозяйства, обеспечивающего рациональное и экономное использование общественного труда и его результатов»².

Основное содержание закона раскрывается в учебнике через изложение его требований: «Требования закона состоят в том, чтобы общество руководило народным хозяйством в плановом порядке, чтобы отдельные отрасли производства были планомерно увязаны в единое целое и в развитии их соблюдалась необходимая пропорциональность, чтобы материальные, трудовые и финансовые ресурсы использовались наиболее разумно и эффективно»³. Этот закон был признан регулятором производства, однако с оговоркой — «в соответствии с требованиями основного экономического закона социализма»⁴.

В главе специально не рассматривается планомерность как всеобщая форма движения экономической системы социализма, но понятие планомерности пронизывает весь раздел «Социалистический способ производства».

Плановое руководство народным хозяйством трактовалось в учебнике как важнейшая черта хозяйственно-организаторской функции социалистического государства⁵. Был отражен и получивший широкое распространение вывод, согласно которому планирование дает положительный результат, «если оно правильно отражает требования закона планомерного развития народного хозяйства и соотнобразует-ся во всем с требованиями основного экономического закона

¹ Там же. С. 414.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 416.

⁵ См.: там же. С. 419.

социализма», а также то, что важное значение имеет использование других экономических законов¹.

Выход в свет учебника ознаменовал завершение определенного этапа в развитии политической экономии социализма и исследований в области планомерности социалистической экономики. Подчеркивая большое значение первого опыта разработки системы экономических категорий и законов социализма, Г. Козлов и М. Саков отмечали, что она представляет собой «первый научный вариант, который еще будет уточняться и совершенствоваться», что «учебник, подводя известный итог достижениям нашей экономической науки, вместе с тем отражает и имеющиеся недостатки в исследовании отдельных проблем»². Рассматриваемый учебник стал основой для дальнейшего совершенствования системы категорий политической экономии социализма, а также разработки вопросов о месте и роли планомерности в системе законов и категорий науки, для исследования механизмов действия и использования закона планомерного развития народного хозяйства. Важнейшие идеи и положения о планомерном развитии социалистической экономики, нашедшие отражение в учебнике политической экономии и сегодня представляют немалый интерес для решения актуальных задач нашей политико-экономической науки.

¹ См.: Политическая экономия. С. 420.

² Козлов Г., Саков М. Марксистский учебник политической экономии // Коммунист. 1954. № 18. С. 85, 93.

ТРАКТОВКА СОДЕРЖАНИЯ ЗАКОНА ПЛАНОМЕРНОГО РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА В СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (1950-е — начало 1960-х годов)

Начало 1950-х годов стало одним из переломных моментов в развитии политической экономии социализма и теории планомерности социалистической экономики как важнейшего ее раздела. Сама внутренняя логика развития науки подвела экономистов к преодолению в основном субъективизма в трактовке экономических законов социализма, что и было сделано в ходе состоявшейся в ноябре 1951 года по инициативе Центрального Комитета партии дискуссии, на которой обсуждался макет учебника по политической экономии. Оценивая ее итоги, Н.А. Цаголов впоследствии писал: «Насколько велика была роль дискуссии, можно представить, если сравнить обсуждавшийся макет и первое издание учебника 1954 года. В макете нет формулировок ни

основного экономического закона, ни закона планомерного развития»¹. Решение этой задачи — важный шаг на пути разработки научной системы политической экономии социализма, необходимое условие логического выведения, объяснения явлений хозяйственной жизни из сущностных производственных отношений, блестящим примером чего выступает анализ, проведенный в третьей книге «Капитала» К. Марксом.

Основные выводы экономической дискуссии 1951 года нашли отражение в работе И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». В ней говорилось о том, что «нельзя смешивать наши годовые и пятилетние планы с объективным экономическим законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства», который «дает возможность нашим планирующим органам правильно планировать общественное производство. Но возможность нельзя смешивать с действительностью». Для превращения возможности в действительность «нужно изучать этот экономический закон, нужно овладеть им, нужно научиться применять его с полным знанием дела, нужно составлять такие планы, которые полностью отражают требования этого закона»². Была показана связь этого закона с некоторыми другими экономическими законами социализма. Наконец, закон получил более или менее четкое название, и все последующие терминологические уточнения происходят на этой основе.

Важным событием стал выход в 1954 году учебника «Политическая экономия», включавшего обширный раздел «Социалистический способ производства» — первый опыт системного изложения политической экономии социализма. В главе «Закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства» излагались вопросы необходимости планомерного развития народного хозяйства при социализме, основные черты и требования закона, соотношение между этим законом и социалистическим планированием,

¹ Цаголов Н.А. Вопросы методологии и системы политической экономии. М.: МГУ, 1982. С. 339.

² Большевик. 1952. № 18. С. 4–5.

преимущества планового хозяйства. Планомерность выводилась в учебнике из господства общественной собственности на средства производства. Основное содержание закона раскрывалось через его требования, которые «состоят в том, чтобы общество руководило народным хозяйством в плановом порядке, чтобы отдельные отрасли производства были планомерно увязаны в единое целое и в развитии их соблюдалась пропорциональность, чтобы материальные, трудовые и финансовые ресурсы использовались наиболее разумно и эффективно»¹. В главе специально не рассматривается планомерность как всеобщая форма движения социалистической системы, но категория «планомерность» пронизывает весь раздел «Социалистический способ производства».

В первой половине 1950-х годов появляется ряд публикаций, специально посвященных вопросам планомерности социалистической экономики. Разумеется, эти работы находились под определяющим влиянием итогов дискуссии 1951 года. Суть закона планомерного развития сводилась в них к тому, что он «отражает необходимость планомерного и пропорционального развития социалистического хозяйства»². Его содержание экономисты определяли через «требования закона», и механизм его использования фактически сводился к учету этих требований в плановой деятельности. Поэтому развернутое определение этого закона включало более или менее подробное перечисление этих требований, среди которых особая роль отводилась пропорциональности. В литературе этого периода можно проследить зарождение двух различных подходов к трактовке планомерности. В одних работах планомерность фактически отождествлялась с пропорциональностью, в других пропорциональность рассматривалась как важнейшее, но не единственное, условие планомерности, как важнейшая функция закона планомерного, пропорционального

¹ Политическая экономия. М.: Госполитиздат, 1954. С. 414–415.

² Локшин Э. Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства СССР // Коммунист. 1952. № 20. С. 71.

развития¹. В первое время это различие проходило незамеченным, однако именно эти вопросы на рубеже 1950–1960-х годов будут занимать центральное место в дискуссиях о содержании рассматриваемого закона. Вплоть до начала 1960-х годов содержание его выражалось через соотношение категорий «планомерность» и «пропорциональность», о чем и пойдет теперь речь в нашей статье².

В середине 1950-х годов возрастает число публикаций, посвященных планомерности социалистической экономики. Эти вопросы рассматриваются в работах С.Г. Струмилина, А.И. Пашкова, Г.М. Сорокина, И.А. Анчишкина, М.В. Бреева, М.З. Бора, Б.И. Брагинского, И.И. Кузьмина, А.Д. Курского, В.А. Пешехонова и многих других экономистов. Ограниченные объемом данной статьи, мы обратим внимание лишь на две работы, представляющие существенный интерес потому, что в них довольно четко отразилось зарождение ряда распространенных впоследствии трактовок закона планомерного развития.

Одним из первых крупных исследований в этой области стала книга Б.И. Брагинского и Н.С. Ковалья «Организация планирования народного хозяйства СССР». Рассматривая закон планомерного, пропорционального развития, авторы дают следующее определение: «Планомерное развитие — это сознательно целеустремленное развитие; планомерность есть постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность в развитии всех отраслей народного хозяйства»³. Уже тут видны зачатки будущих расхождений в экономической литературе. Определение состоит как бы из двух элементов, причем последний представляет собой

¹ Это наглядно проявляется, например, при сравнении статей Г. Сорокина (Научные основы планирования народного хозяйства // Коммунист. 1954. № 17. С. 14) и Э. Локшина (Закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства СССР // Коммунист. 1952. № 20. С. 78).

² В этот период начинается также обсуждение вопросов о месте планомерности в системе категорий и законов политической экономии социализма, но рассмотрение этого вопроса выходит за рамки данной статьи.

³ Брагинский Б.И., Коваль Н.С. Организация планирования народного хозяйства СССР. М.: Госполитиздат, 1954. С. 24.

переиначенное известное ленинское высказывание¹. Многие дискуссии в дальнейшем были порождены абсолютизацией одного из элементов (обычно второго). Это, однако, не относится к авторам данной книги, в которой постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность выступает только как одно из главных требований закона планомерного, пропорционального развития.

Весьма интересна также статья В.А. Пешехонова «О роли закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства в социалистическом обществе». Это одна из первых политэкономических работ, в которых конкретно ставится вопрос о соотношении между общими и специфическими экономическими законами. Ее появление, по-видимому, связано не только с логикой развития самой экономической науки, но и с проходившей в то время в философской литературе широкой дискуссией по проблемам общих и специфических законов в развитии общества.

В.А. Пешехонов исходит из того, что необходимость пропорционального распределения общественного труда является общим экономическим законом, но его действие зависит от специфических законов социализма. Отсюда следовало определение и специфического социалистического закона: «Объективный экономический закон планомерного развития народного хозяйства состоит в том, что при данных экономических условиях» (имеются в виду общественная собственность на средства производства, основной экономический закон социализма) «люди не могут вести хозяйство иначе, кроме как выявляя и поддерживая соответствие между всеми составными частями единого общественного производственного организма. Следовательно, через этот специфический закон выражается общий экономический закон пропорциональности»².

¹ «Постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность, действительно, означала бы планомерность» (*Ленин В.И. Развитие капитализма в России* // *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 3. М.: Политиздат, 1971. С. 620*).

² *Пешехонов В.А. О роли закона планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства в социалистическом обществе* // *Вопросы политической экономии. № 241. Л.: ЛГУ, 1957. С. 11.*

В.А. Пешехонов отметил необходимость большего внимания к проблемам соотношения обоих законов и предложил свою интерпретацию их взаимосвязи: общий закон определяет необходимость пропорций, специфический требует их постоянного соблюдения, определяя тем самым специфику движения социалистического производства, раскрывая, как совершается процесс общественного воспроизводства при социализме. Иными словами, закон планомерного, пропорционального развития выражает объективную необходимость планомерного движения народного хозяйства, дает возможность общественного контроля над производством, возможность планового руководства его развитием, требуя поддержания постоянной пропорциональности¹. Подобный подход к вопросам планомерного, пропорционального развития социалистической экономики является для того времени оригинальным.

Дальнейшее исследование вопросов планомерной организации социалистической экономики приводило к концу 1950-х годов ко все большему ограничению сущности планомерности постоянной, сознательно поддерживаемой пропорциональностью, ко все большему их отождествлению. Для аргументации своих выводов экономисты обычно ссылались на приведенное выше ленинское высказывание, но цитировали его, как правило, с конца, утверждая, что постоянная, систематически поддерживаемая пропорциональность — это планомерность, ее суть². Кроме того, сведению планомерности к пропорциональности способствовало и несколько одностороннее восприятие накопленного опыта народнохозяйственного планирования. Начиная с разработки первых хозяйственных планов в центре внимания экономистов находились вопросы темпов и пропорций хозяйственного развития. На протяжении всего этого времени важнейшим методом народнохозяйственного планирования оставался балансовый метод, позволявший обеспечивать

¹ См.: Пешехонов В.А. О роли закона планомерного (пропорционального) развития... С. 11, 18.

² См., например: Проблемы политической экономии социализма. М.: Госполитиздат, 1959. С. 309–310.

примат народнохозяйственного подхода при разработке планов. Неудивительно поэтому, что на определенном этапе развития теории планомерности роль пропорциональности фактически стала абсолютизироваться.

Подобное понимание закона планомерного, пропорционального развития можно было бы наглядно проследить по работам Г.М. Сорокина¹, П.О. Савчука², многих других авторов. Эта точка зрения господствовала и в выходивших тогда учебниках и учебных пособиях по политической экономии социализма. В качестве типичного примера можно привести следующие высказывания: *«Планомерность экономики — это постоянная и сознательно поддерживаемая пропорциональность в народном хозяйстве»*. Чтобы раскрыть сущность закона планомерного, пропорционального развития, необходимо рассмотреть экономические пропорции, или соотношения, связи в народном хозяйстве»³.

Подобные взгляды на планомерность и пропорциональность, на сущность закона планомерного развития были подвергнуты убедительной критике А.И. Пашковым, И.И. Кузьминовым, В.Н. Черковцом, другими экономистами. В их работах подчеркивалось, что постоянная, сознательно поддерживаемая пропорциональность хотя и является важным условием планомерности, но последняя не сводится к ней; планомерность шире пропорциональности⁴.

¹ См.: Сорокин Г.М. Планирование народного хозяйства СССР. М.: Соцэкгиз, 1961. С. 30–33.

² См.: Савчук П.О. Планомерное, пропорциональное развитие народного хозяйства // Экономические законы социализма и их использование. М.: Соцэкгиз, 1960. С. 91–96. Заметим, что в конечном итоге закон планомерного, пропорционального развития оказался у автора этой статьи вытесненным законом планомерной пропорциональности.

³ Политическая экономия социализма. М.: Высшая школа, 1960. С. 220. Еще более односторонняя трактовка дана в макете учебника, подготовленного в МТЭИ (1959 год), глава VIII. В опубликованном варианте эта глава радикально переработана, фактически написана заново. (См.: Политическая экономия социализма. М.: Соцэкгиз, 1960. Гл. VII).

⁴ См.: Пашков А.И. О всеобщих и специфических законах при социализме // Проблемы политической экономии социализма. М.: Госполитиздат, 1960. С. 25. См. также главу В.Н. Кашина в книге «О некоторых категориях политической экономии социализма» (Ярославль, 1960. С. 49).

В связи с рассматриваемыми в настоящей статье вопросами большой интерес представляет дискуссия, проведенная в Академии общественных наук при ЦК КПСС в апреле 1961 года. В центре внимания ее участников находились проблемы, поставленные в докладе И.И. Кузьмина, который обстоятельно проанализировал и вопросы плановости социалистической экономики.

Критикуя отождествление плановости и пропорциональности, И.И. Кузьмин обратился к практике народнохозяйственного планирования, подчеркнув, что она «никогда не сводилась и не сводится лишь к установлению и поддержанию определенных пропорций. Громадное значение плана заключается в том, что он дает всем работникам производства единство цели, что он конкретизирует для всех единую цель и не только в пространстве, но и во времени, то есть для определенного этапа развития». Докладчик предпринял попытку выявления собственного содержания плановости как особого специфически социалистического производственного отношения. Он отмечал, что для реализации устанавливающихся между людьми новых отношений — отношений сотрудничества и взаимопомощи — нужна «правильная расстановка работников в процессе производства, плановая организация усилий всего коллектива работников», иными словами, «некоторое, дополнительное к основному, отношение работников друг к другу (как членов единого коллектива) и к коллективу в целом, которое можно было бы назвать *отношением плановости*. Это отношение включает в себе плановое объединение трудовых усилий миллионов работников, стройную организацию и твердую дисциплину для всех работников в процессе производства, установление и поддержание определенной пропорциональности» в народном хозяйстве. «Конкретным выражением действия закона планового, пропорционального развития является не только работа по планированию в буквальном смысле этого слова, но и высокая организованность социалистического хозяйства вообще»¹.

¹ Вопросы политической экономии. Дискуссия. М.: ВПП и АОН при ЦК КПСС, 1961. С. 24.

Достоинства такого вывода связаны с выявлением качественных особенностей планомерности. Вместе с тем нельзя не видеть и недостатков этого определения, которое, по сути дела, представляет собой перечисление некоторых черт планомерности, перечисление, которое можно было бы и продолжить, выделить наиболее важную черту.

Существенным недостатком данной трактовки планомерности стала и определенная недооценка И.И. Кузьминовым проблемы обеспечения постоянной, сознательно поддерживаемой пропорциональности. На это обращалось внимание уже в ходе дискуссии, например, в выступлениях Г.А. Козлова, И.Д. Ширинского, В.Г. Лопаткина. «Единство цели может быть обеспечено лишь при наличии постоянно поддерживаемой пропорциональности в развитии отраслей» — справедливо отметил В.Г. Лопаткин. И далее: «Нельзя противопоставлять единство действий пропорциональности. Это, по сути дела, одна проблема. Только сознательно поддерживая устойчивую пропорциональность отраслей мы создаем такие единые действия в народном хозяйстве»¹. В заключительном слове докладчик постарался отвести этот упрек².

Справедливо отвергая одностороннюю трактовку закона планомерного, пропорционального развития исключительно как закона, регулирующего пропорции, некоторые экономисты выдвинули другую, столь же одностороннюю точку зрения — о существовании двух самостоятельных законов — закона планомерного развития и закона пропорционального развития, причем ряд авторов считали, что не только планомерность, но и пропорциональность является категорией, присущей лишь социализму. Последнее наиболее категорично было высказано А.И. Пашковым, который утверждал, что «до социализма не существовал закон пропорционального развития»³.

В основу своих рассуждений А.И. Пашков положил следующий тезис: «Пропорциональное развитие народ-

¹ Там же. С. 118–119.

² См.: там же. С. 383–384.

³ Пашков А.И. Всеобщие и специфические экономические законы при социализме // Вопросы экономики. 1960. № 9. С. 26.

ного хозяйства означает согласованное, соответствующее объективным законам социалистической экономики, гармонически увязанное развитие отдельных частей, звеньев экономики»¹. Итак, уже в самом начале пропорциональность выступает как «постоянная, сознательно поддерживаемая». Разумеется, такой пропорциональности до социализма не существует. Но это отнюдь не означает, что нельзя говорить ни о какой пропорциональности до социализма. Более того, пропорциональность является весьма широкой категорией, определенная пропорциональность — необходимое условие существования всякой системы, в том числе и социально-экономической.

О том, что определенная пропорциональность необходима и в условиях капиталистического хозяйства, неоднократно писал К.Маркс. «При капиталистическом производстве пропорциональность отдельных отраслей производства воспроизводится из диспропорциональности как постоянный процесс», — говорится в третьем томе «Капитала»². Широко известно и письмо его Л. Кугельману, где подчеркнуто: «*Необходимость распределения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства, — измениться может лишь форма ее проявления*»³; другое дело, что пропорциональность при капитализме достигается «путем неосуществления», на какой-то момент. В этом смысле А.И. Пашков справедливо замечал, что специфической, сущностной чертой при капитализме является диспропорциональное развитие. Вместе с тем сама непропорциональность тут выступает «формой пропорционального разделения общественного труда между различными отраслями производства»⁴. Об этом писали В.Н. Кашин, Я.А. Кронрод, А.Г. Гузниева и другие экономисты.

¹ Пашков А.И. Всеобщие и специфические экономические законы при социализме. С. 25.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. 1. М.: Госполитиздат, 1961. С. 282.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 32. М.: Политиздат, 1964. С. 460–461.

⁴ О некоторых категориях политической экономии социализма. С. 46–47; см. также: Вопросы политической экономии социализма. С. 151, 345.

Ряд экономистов, считавших пропорциональность общим экономическим законом, полагали, что при социализме действует два различных экономических закона — закон планомерного развития и закон пропорционального развития (точнее, закон планомерной пропорциональности). Эта точка зрения была развернуто аргументирована несколько позже В.Н. Черковцом, который писал, что планомерную пропорциональность «не надо смешивать с универсальным среди специфических законов социализма законом планомерного развития, имеющим всеобщее значение как определитель господствующей формы действия законов в социалистическом обществе»¹. Не имея возможности рассмотреть эту концепцию подробно, отметим лишь следующее. Если признать планомерную пропорциональность отдельным экономическим законом, то вряд ли можно аргументировать его собственное содержание: действительно, чем определяется пропорция в народном хозяйстве? Начиная с дискуссии 1951 года все экономисты сходятся на том, что содержание пропорций определяется различными экономическими законами социализма. Что же остается от закона планомерной пропорциональности, если конкретное содержание пропорций определяется другими законами? Остается постоянное, сознательное поддержание пропорциональности, которое «действительно означало бы планомерность», два закона, следовательно, сливаются в один. И это совершенно естественно, так как необходимым условием реализации планомерности как всеобщей формы движения социалистической системы является достижение постоянной, сознательно поддерживаемой пропорциональности. На это обращалось внимание и в ходе дискуссии 1961 года. В частности, подводя ее итоги, И.И. Кузьминов подчеркнул, что «в теоретическом отношении различные стороны закона можно *выделять* в целях лучшего его познания, но нельзя отрывать друг от друга, произвольно разделять, конструируя из одного закона два или три закона»².

¹ Черковец В.Н. Планомерность социалистического производства. М.: Экономика, 1965. С. 174.

² Вопросы политической экономии социализма: Дискуссия. С. 384.

Подводя итоги, можно сказать, что к началу 1960-х годов вопрос о соотношении планомерности и пропорциональности в основном был решен. Но вместе с тем стало ясно, что для правильного уяснения сущности закона планомерного развития нельзя ограничиваться лишь определенной комбинацией этих двух категорий¹. Еще дальше пошел В.А. Соболев, выразивший сомнение в существовании этого закона².

Итак, к середине 1960-х годов стала очевидной необходимость серьезных исследований, направленных на уточнение, конкретизацию собственного содержания закона планомерного развития народного хозяйства. Этого требовала не только внутренняя логика экономической науки, но и хозяйственная практика. Этот поиск нашел отражение уже в первом издании подготовленного в МГУ им. М.В. Ломоносова «Курса политической экономии», авторы которого во многом по-новому подошли к решению ряда теоретических вопросов планомерности социалистической экономики. Но необходима была дальнейшая работа для раскрытия собственного содержания этого важнейшего производственного отношения социализма, раскрытия субъектов этого отношения, раскрытия его внутреннего противоречия. Это и оказалось в центре внимания исследователей в следующий, современный нам период развития теории планомерности социалистической экономики.

¹ См.: Вопросы структуры и содержания курса политической экономии социализма // Вопросы экономики. 1962. № 6. С. 112.

² См.: Вопросы политической экономии социализма: Дискуссия. С. 225.

ВОПРОСЫ УЛУЧШЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА

Проблемы хозяйственного механизма, его развития и совершенствования — один из самых последних по времени появления разделов экономической теории социализма. Фактическое его зарождение можно проследить в период острых дискуссий по проблемам социалистической экономики, которые предшествовали хозяйственной реформе середины 1960-х годов. Примерно с конца 1960-х годов происходит оформление специальной сферы исследования, объединенной термином «хозяйственный механизм».

Общие подходы к проблеме социалистического хозяйственного механизма. К началу 1970-х годов пришло признание большинством экономистов хозяйственного механизма как совокупности внешних, «поверхностных»

отношений и форм, непосредственно связанных с практикой хозяйствования, институтами власти, экономической политикой. «Данный „срез“ производственных отношений раскрывает общественную организацию труда, формы, методы и способы этой организации»¹, — писал Л.И. Абалкин в книге, ставшей первым комплексным исследованием проблем социалистического хозяйственного механизма².

Однако в рамках данной общности среди исследователей шла довольно острая дискуссия относительно социально-экономической природы этих отношений. Уже к середине 1970-х годов четко оформились три различных подхода.

Ряд экономистов заявили тогда о чисто надстроечном характере этих отношений, являющихся результатом функционирования государственных институтов, формирования и реализации экономической политики³.

Сторонники другого подхода рассматривали социалистическое государство — в той мере, в какой оно выполняет функции единого экономического центра, — в качестве части базисных отношений. В этой связи проводилась аналогия между проблемами хозяйственного механизма при социализме и проблемами, рассмотренными К. Марксом в III томе «Капитала». «Было бы вообще грубой ошибкой сводить производственные отношения только к их глубинной сущности, относя их внешние формы движения к праву, политике, т.е. к надстройке. Тогда пришлось бы и все формы хозяйственного механизма, раскрытого К. Марксом

¹ Абалкин Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М., 1973. С. 10; см. также: Совершенствование хозрасчетного механизма развития производства. М., 1978. С. 6–7.

² «Многие неудачи в исследовании форм и методов использования объективных экономических законов социализма, неразработанность этой проблемы в целом во многом объясняются тем, что ее пытались долгое время решать в абстрактно-теоретическом плане. Исследование шло на самом высоком уровне абстракции — на уровне исследования сущности законов» (Абалкин Л.И. Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. С. 28–29).

³ См.: Конник И.И. Социалистическая экономика и механизм ее функционирования. М., 1974. С. 235; Конник И., Левин В. Экономический базис и надстройка в развитом социалистическом обществе // Коммунист. 1974. № 17; Чистякова Л. О соотношении экономики и политики при социализме // Экономические науки. 1972. № 3.

в третьем томе „Капитала“, вынести за рамки политической экономии», — писал, например, В.Н. Черковец¹.

Наконец, сформировалась интерпретация хозяйственного механизма (Л.И. Абалкин, П.Г. Бунич, Вад. А. Медведев) как системы организационно-экономических отношений, связывающих общественное производство в единое целое и включающих в себя элементы как базиса, так и надстройки². К этой позиции близки определения экономистов, занимавшихся исследованием отдельных конкретных сторон хозяйственного механизма³.

Дискуссии, продолжавшиеся на протяжении примерно десятилетия, были интересны прежде всего тем, что сторонники различных подходов уловили и отразили в своих рассуждениях слабые места теории и практики экономики «развитого социализма»: уязвимость экономической политики перед авторитарными решениями партийно-политического руководства, склонного выдавать их всякий раз за проявление высших объективных интересов хозяйственной системы.

Сторонники первой позиции отказывали властям в возможности освящать свои действия авторитетом экономических законов, сторонники второй пытались ограничить произвол ссылками на эти законы, хотя и то и другое не могло принести ощутимых результатов. В итоге получила распространение компромиссная трактовка, приобретающая статус, близкий к официальному: «Хозяйственный механизм социалистического общества представляет собой основанный на действии и использовании экономических законов социализма способ ведения хозяйства со свойственными природе социалистической экономики отношениями, формами организации общественного

¹ Проблемы развитого социализма в политической экономии // Под ред. В.Н. Черковца. М., 1977. С. 119. Эта концепция была положена в основу соответствующих разделов вышедшего в МГУ «Курса политической экономии» (Т. 2. М., 1974) — первого советского учебника, выделившего в качестве специального раздела вопросы социалистического хозяйственного механизма.

² См.: *Абалкин Л.И.* Хозяйственный механизм... С. 30; *Экономика развитого социалистического общества*. М., 1977. Разд. VII; см. также: *Бунич П.Г.* Хозяйственный механизм развитого социализма. М., 1980. С. 51; *Медведев В.А.* Управление социалистическим производством: проблемы теории и практики. М., 1983. С. 52.

³ См., напр.: Совершенствование хозрасчетного механизма развития производства. С. 6.

производства, структурой и методами управления, способами привлечения людей к труду. Он обладает весьма сложной, многоплановой структурой и находится постоянно в процессе развития и совершенствования»¹.

При всей дискуссионности вопроса о природе хозяйственного механизма структура последнего большинством экономистов понималась более или менее идентично. К ней относились: планирование народного хозяйства, структура управления экономикой, совокупность экономических рычагов и стимулов воздействия на агентов производства; формы непосредственной организации производства; политико-правовые формы; социально-психологические факторы воздействия на производство².

В середине 1970-х годов стало заметно сближение и переплетение дискуссий о социалистическом хозяйственном механизме и хозяйственном расчете. В проблематике первого ключевым пунктом являются взаимоотношения агентов производственной деятельности, а характер этих агентов, их права и возможности самостоятельного участия в хозяйственной жизни рассматривались в рамках теории хозрасчета. Хозрасчет становился ключевым разделом теории хозяйственного механизма и основной темой в дискуссиях о путях его совершенствования. От ответов на вопросы относительно рамок самостоятельности предприятий, наличия или отсутствия на практике принципов самоокупаемости, самофинансирования, самоуправления напрямую зависел облик всей экономической системы «развитого социализма»³.

¹ Экономический строй социализма. Т. III. М., 1984. С. 45; см. также: *Медведев В.А.* Управление социалистическим производством... С. 49.

² См.: *Абалкин Л.И.* Хозяйственный механизм... С. 34–35; Совершенствование хозрасчетного механизма развития производства. С. 7; *Медведев В.А.* Управление социалистическим производством... С. 51–52; Экономический строй социализма. Т. III. С. 45; *Формы и методы социалистического хозяйствования* / Под ред. В.Н. Черковца и Е.С. Городецкого. М., 1987.

³ Одним из первых это сформулировал Б.В. Ракитский, выступивший с идеей разработки «общей теории хозяйственного расчета», который понимался им как форма хозяйствования любого структурного звена социалистического производства, выражающая общие для всех звеньев условия хозяйствования (см.: *Вопросы хозяйственного расчета и механизма социалистического хозяйствования*. М., 1973. С. 74–84).

Наиболее полно на теоретическом уровне проблема взаимосвязи хозяйственного расчета и хозяйственного механизма прослеживается в работах В.В. Радаева, исходившего из понимания хозрасчета как модифицированной формы проявления коренных черт социалистических производственных отношений на уровне деятельности производственных звеньев¹.

Исследование хозрасчета в связи с разработкой концепции хозяйственного механизма привело к постановке проблемы о характере первичного звена — агента экономических отношений и носителя отношений хозрасчетных. В этой связи во второй половине 1970-х годов повышенное внимание экономистов начинают привлекать вопросы хозрасчета производственных объединений, претендовавших на роль первичных хозяйственных звеньев, а также распространение хозрасчетных принципов на целые отрасли и регионы (вплоть до союзных республик, что стало особенно популярно в середине 1980-х годов)². Такая интерпретация была достаточно смелой, но, по сути дела, означала растворение проблематики хозрасчета в теории хозяйственного механизма. Многие экономисты (особенно те, кто исследовал конкретные вопросы функционирования производственных звеньев) выступили с развернутой критикой такой позиции, обосновывая различия органов управления и производителей³.

Результатом дискуссий стало и то, что в 1970-х годах в СССР сформировались основные школы, исследовавшие вопросы социалистического хозяйственного механизма. В Институте экономики АН СССР, в Московском и Ленинградском университетах, а также в Академии общественных

¹ См.: Хозрасчетные отношения в развитом социалистическом обществе. М., 1975. С. 13–30; Совершенствование системы хозяйственного расчета в отраслях промышленности. М., 1975. С. 45–54.

² См.: Радаев В. Теоретические вопросы хозяйственного расчета на современном этапе // Плановое хозяйство. 1977. № 8. С. 30–33; Мергелов Г.С. Хозрасчет в системе управления отраслью. М., 1980. С. 86.

³ См.: Проблемы развитого социализма в политической экономии. М., 1977; Субоцкий Ю.В. Развитие объединений в промышленности. М., 1977; Карагедов Р.Г. Хозрасчет, эффективность и прибыль. Новосибирск, 1979; Федоренко Н.П. Некоторые вопросы теории и практики планирования и управления. М., 1979; Стародубовский В.Г. Хозяйственный расчет объединения в условиях развитого социализма. М., 1981.

наук при ЦК КПСС основное внимание уделялось теоретическим вопросам хозяйственного механизма как составного раздела политической экономии социализма. В ряде академических институтов теоретические вопросы развивались в тесной связи с анализом комплекса конкретных проблем функционирования советской экономики: развития предприятий и отраслей (в Институте экономики и Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР); оптимизации экономических процессов (в Центральном экономико-математическом институте); обобщения опыта экономического развития стран мировой социалистической системы (в Институте экономики мировой социалистической системы).

В рамках этих школ и исследовательских коллективов к началу 1980-х годов прослеживается оформление трех основных направлений разработки вопросов совершенствования социалистического хозяйственного механизма, способов его изменения.

Альтернативные модели совершенствования хозяйственного механизма. В 1970-х и до конца 1980-х годов в разработке путей (моделей) совершенствования хозяйственного механизма доминировало то направление, которое обозначилось еще в 1960-х годах и ориентировалось на эффективное использование товарно-денежных отношений в рамках планомерной организации общественного производства (сочетание планового начала с рыночными регуляторами). В рамках этого «осевого» направления, выходявшего (можно с определенной долей условности сказать) на некую общую модель, велись разработки видовых моделей, различавшихся акцентами на полюсах плановости и рынка, централизма в управлении народным хозяйством и самостоятельности низовых хозяйственных звеньев (предприятий, объединений), государственного регулирования и самоуправления трудовых коллективов.

В целом за эти годы общая модель совершенствования хозяйственного механизма обрела определенные очертания и структуру как некий результат многих разработок, приведших к ее реформенному виду образца 1987 года. Именно

в рамках этого подхода появилось само понятие «хозяйственный механизм», впервые применявшееся в системе оптимального функционирования экономики (СОФЭ). По преемственности направлений исследования в 1960-х годах места и роли товарно-денежных отношений в советской экономике и их использования в механизме хозяйствования разрабатывались и другие модели совершенствования хозяйственного механизма, альтернативные вышеуказанной общей модели. Одна из них продолжала, как и прежде, ориентироваться на рыночное регулирование экономики.

Эти направления связывали повышение эффективности хозяйственной системы с более последовательным и жестким проведением логики «единой фабрики» в масштабах всего общества (например, Н.А. Моисеенко и др.)¹. Для сторонников этой точки зрения главным способом обеспечения управляемости экономики было усиление роли директивных методов руководства. За отступление от этих методов они резко (хотя и не всегда явно) критиковали произошедший в 1950-х и особенно в 1960-х годах отход от сложившейся в 1930-х годах модели.

Стержнем хозяйственной идеологии и практики в рамках данной модели был централизованный директивный план. Совершенствование механизма хозяйствования предполагало в своем исходном пункте повышение компетенции планирующего центра, решающего для каждого конкретного предприятия вопросы о номенклатуре и ассортименте производимой им продукции, об источниках получения ресурсов и перечне потребителей-контрагентов. Все это должно было директивно задаваться производственным ячейкам, соревнующимся за успешное выполнение заданий.

Под экономическим центром модель предполагала не одно какое-то учреждение, а иерархию управленческих органов, непосредственно связанных между собой и обеспечивающих разработку этих заданий для предприятий. Стоимостные

¹ См.: Моисеенко Н.А., Попов М.В. Демократический централизм — основной принцип управления экономикой. Л., 1975. С. 83, 109; Моисеенко Н.А., Попов М.В. Управление социалистической экономикой. Л., 1981. С. 127–141; Котов В.Ф. Стоимостные категории в планировании промышленного производства. М., 1980. С. 166–167.

показатели в модели играли вспомогательную расчетную роль и использовались постольку, поскольку в центре невозможно провести все необходимые расчеты в натуральном выражении. Среди стоимостных показателей предпочтение отдавалось валютным, так как считалось, что они не являются в полной мере стоимостными, это скорее «полунатуральные» показатели... Ход реализации плана должен был находиться под постоянным контролем центра. «План исполняющийся — это план постоянно корректирующийся»¹, — делают вывод теоретики данной модели. Поскольку номенклатуру продукции и производственные связи предполагалось определять централизованно, то роль предприятия ограничивается здесь производственным процессом, оно является прежде всего и исключительно первичным звеном этого процесса. Предполагалось, что «по мере накопления опыта необходимо освобождать первичное звено от „коммерции“ (сбыт, снабжение, финансы), чтобы оно могло заниматься только производством»². Самостоятельность предприятий представлялась (как и использование стоимостных показателей) результатом недостаточного развития методологической и технической базы народнохозяйственного планирования, а потому по возможности должна была ограничиваться правом предприятий решать исключительно узкие, локальные проблемы³. Теоретической основой этой концепции был тезис о том, что при социализме только экономический центр («социалистическое государство») может быть последовательным, если не единственным, носителем и выразителем общественных интересов и потребностей, которые воспринимаются предприятиями исключительно в форме прямых директивных заданий. Ориентация же производителей на удовлетворение общественных потребностей при помощи системы экономических стимулов объявлялась (А.В. Бачурин) в принципе невозможной (хотя определенная вспомогательная роль стимулирования не отрицалась, но связывалась с поощрением

¹ См.: *Моисеенко Н.А., Попов М.В.* Управление социалистической экономикой. С. 153.

² Совершенствование механизма управления на современном этапе: Материалы «круглого стола» // Вопросы экономики. 1984. № 7. С. 13 (выступление А. М. Еремина).

³ См., например: *Поликарпов А.* О демократическом централизме в планировании // Плановое хозяйство. 1983. № 6. С. 117.

за выполнение и перевыполнение плановых заданий¹). «Вопрос о стимулировании надуман»², — утверждал, например, В.Ф. Котов. Объяснялось это двумя взаимосвязанными причинами: с одной стороны, сохранением при любой системе стимулов множества лазеек для обхода «общественных интересов», с другой — необходимостью обеспечения индивидуального подхода к предприятиям при определении для них плановых заданий.

Очевидно, данная модель хозяйственного механизма в случае ее практической реализации означала бы колоссальную нагрузку на центр с точки зрения как сбора и переработки информации, так и оценки степени ее достоверности, поскольку предприятия не были бы заинтересованы в представлении объективных сведений о своих производственных возможностях. Поэтому сторонники данной модели большие надежды возлагали на развитие электронно-вычислительной техники, создание и внедрение в практику разнообразных автоматизированных систем управления (АСУ) — автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР), отраслевых (ОАСУ) и территориальных систем управления и т. д.

На другую, альтернативную модель совершенствования хозяйственного механизма выводило в то время малоизвестное направление идей, противоположное последнему и отличающееся от «доминантной» модели. Оно ориентировалось на переход к рыночной экономике с конкуренцией и свободным ценообразованием при отрицании централизованного управления экономикой, минимальном вмешательстве государства в экономический процесс. В рамках этой концепции идея «рыночного социализма» незаметно перерастала в идею отказа от плановой экономики, перехода к частнохозяйственной, рыночной системе.

Основной теоретической и практической проблемой, стоящей перед этим подходом, являлось создание механизма согласования интересов субъектов хозяйственного процесса и такого экономического режима, который

¹ См.: Бачурин А.В. План и стимулы // Плановое хозяйство. 1982. № 9. С. 7.

² Котов В.Ф. Стоимостные категории в планировании промышленного производства. С. 103.

предоставляет хозяйственным агентам свободу в принятии множества конкретных решений и одновременно ориентирует их на приоритетное соблюдение интересов народнохозяйственного целого.

Исходный пункт концепции составляла принципиальная ограниченность информации, доступной экономическому центру, причем причины ее не столько технические, сколько социально-экономические. Хозяйствующие субъекты (предприятия) объективно не заинтересованы предоставлять планирующему центру адекватную информацию о своих возможностях и требующихся ресурсах. Иными словами, центр всегда будет находиться в ограниченном информационном поле и никогда не сможет играть роль всеведущего источника оптимальных плановых заданий¹.

Рыночный подход имел ряд серьезных ограничений, которые не были преодолены к середине 1980-х годов. Прежде всего, это касается вопроса о собственности. Сохранилось представление, согласно которому экономические преобразования рыночного типа могут быть проведены и в условиях полного или почти полного огосударствления экономики². Предполагалось, что государственные предприятия при предоставлении им самостоятельности и возложении экономической

¹ См. весьма характерную полемику на эту тему, содержащуюся в статьях В. Глушко «Интуиция — хорошо, а ЭВМ — лучше» (Комсомольская правда. 1976. 16 мая) и А. Бирмана «Неотвратимость» (Звезда. 1978. № 5). Вывод о наличии жестких барьеров на пути объективной экономической информации был не нов для советской экономической мысли. Он воспроизводил аргументы экономистов нелиберального направления, еще в начале XX столетия обосновывавших утопичность и опасность коммунистических экспериментов с народным хозяйством, попыток централизованного руководства хозяйственной жизнью страны. В России соответствующие идеи наиболее подробно были развиты Б.Д. Бруцкусом в его статье «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе» (Экономист. 1922. № 1, 2, 3). См. также: *Хайек Ф.А.* Дорога к рабству. М.: Экономика, 1992. С. 43–44.

² К началу 1980-х годов появилась лишь одна работа, причем написанная философом, а не экономистом, в которой осторожно ставился вопрос о необходимости реформы отношений собственности (см.: *Ципко А.С.* Некоторые философские аспекты теории социализма. М., 1983). Правда, принимая во внимание политическую уязвимость этого вопроса, автор, апеллируя к Ленину и опыту ряда восточноевропейских стран, писал о необходимости широкого внедрения в советскую экономику предприятий кооперативного типа (см.: На заседании научного совета МГУ по системе экономических законов и категорий политической экономии // Вестник МГУ. Сер. Экономика. 1984. № 4).

ответственности за результаты своей деятельности будут адекватно реагировать на рыночные (спросовые) сигналы, а чего не удастся добиться с помощью рынка — подправит государство. Обсуждался и вопрос об экономическом агенте, заинтересованном в условиях социалистической экономики осуществлять стратегическое инвестирование на микроуровне. И теоретический анализ экономистов, и практика советского хозяйствования свидетельствовали об отсутствии в хозяйственной системе социализма такого агента¹. Без жесткого централизованного политического контроля интересы текущего потребления (выплата зарплат и премий) неизбежно оказывались здесь доминирующими по сравнению с интересами накопления и инвестирования.

То же самое следует сказать о проблеме допустимости конкуренции между предприятиями. Когда-то, в 1920-х годах, проблема конкуренции между госпредприятиями была предметом дискуссий советских экономистов и руководителей². Но с тех пор вопрос этот практически не обсуждался. Попытка поставить его, предпринятая в конце 1960-х годов Б.В. Ракитским, в условиях нарастания у руководства СССР консервативных настроений потерпела неудачу³. Только в 1970-х годах отдельные авторы стали осторожно заводить речь о «состязательности» между государственными предприятиями за потребителя. Однако от этого вывода до полномасштабного анализа проблем уровня монополизма советской экономики и конкуренции было еще довольно далеко.

¹ Это очевидное обстоятельство проявилось уже в первые дни после Октябрьской революции, когда были предприняты попытки организовать производство на базе рабочего контроля. На доминирование потребительских интересов над производственными и текущих над перспективными вскоре стали указывать и сами марксисты-экономисты (см., например: *Степанов И.* От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 7–8; *Базаров В.* Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм? // Мысль. 1919. № 2. С. 59). Также см.: *Мизес Л.* Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. С. 131–135; *Бруцкус Б.Д.* Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 3. С. 65.

² Подробнее см.: *Май В.* Реформы и догмы: 1914–1929. М.: Дело, 1993. С. 116–118.

³ См.: *Ракитский Б.В.* Формы хозяйственного руководства предприятием. М.: Наука, 1968. Эта книга надолго попала в список «полузапрещенных», т.е. она оставалась в библиотеках, но ссылки на нее не допускались цензурой.

Конечно, подлинные механизмы конкуренции не могли заработать без преодоления дефицитности советской экономики¹. Преодоление же дефицита не могло произойти без установления системы равновесных цен, а это в свою очередь требовало коренной реформы ценообразования, в конечном счете ведущей к либерализации цен, т. е. к переходу к рыночной экономике. Однако подобные голоса звучали крайне приглушенно, отвергались не только государственным руководством, но и большинством советской научной общественности, теоретиками политической экономии социализма разных школ.

Генеральным направлением совершенствования хозяйственного механизма стал поиск пути решения исходной задачи построения такой экономической системы, которая обеспечивала бы рост эффективности плановой экономики при сохранении ее основы — общенародной (общенациональной, государственной) собственности. Отсюда и задача разработки такой системы стимулов, которая ориентировала бы предприятия на самостоятельное вскрытие и максимальное использование своих внутренних возможностей. Отсутствие такой системы, утверждали экономисты, не просто ослабляет возможности государственного регулирования, но вызывает еще и действие «антистимулов», усиливающих интерес предприятий к сокрытию своих возможностей, удорожанию продукции, замедлению технического обновления производства и т. д.²

¹ В 1970-х годах эта проблема наиболее подробно была разработана венгерским экономистом Я. Корнаи (Дефицит. М.: Наука, 1990). Однако интересно отметить, что на этот же феномен указывали некоторые экономисты, стоявшие у истоков советского хозяйственного строя (см.: Крицман Л.М. Героический период великой русской революции. М.; Л. Госиздат, 1926. С. 121–124). Характерно, впрочем, что в приведенной работе наличие «проблемы снабжения» (т.е. дефицитность) рассматривается как объективная черта, но отнюдь не как недостаток советского (социалистического) хозяйства. Позднее подобное понимание было возведено в ранг экономического догмата Сталиным, который утверждал, что некоторое превышение спроса над предложением является своеобразным стимулом к дальнейшему росту социалистического производства (см.: Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР. М.: Госполитиздат, 1952).

² См.: Бунич П.Г. Управление, экономические рычаги, хозрасчет. М.: Наука, 1976. С. 265–269; Совершенствование механизма управления на современном этапе. С. 22–23 (выступление О.М. Юня).

Для построения такой системы стимулов (искомого хозяйственного механизма) в соответствии с выводами предреформенных дискуссий предлагалось на практике отказаться от оценки «за план» и сформировать систему, ставящую во главу угла достигнутую (а не плановую) экономическую эффективность. В отличие от 1960-х годов в качестве соответствующего показателя теперь стали выдвигать показатели, близкие по своей экономической сути к «стоимости, добавленной обработкой», — чистый доход или валовой доход. Оставаясь в рамках социалистической доктрины, некоторые из этой группы экономистов утверждали, что оценка за достигнутую эффективность «не только не противоречит плановому началу, но, наоборот, способствует укреплению планомерности». П.Г. Бунич писал о «высшем синтезе» выполнения плана и оценки за эффективность, поскольку предприятия для повышения эффективности будут заинтересованы в принятии напряженных плановых заданий, без которых они не получают нужного количества сырья, материалов, комплектующих изделий, рабочей силы и, следовательно, не смогут добиться достаточно высокого показателя эффективности¹. Наконец, при таком подходе «предприятия и объединения не заинтересованы в корректировке планов в сторону их понижения, так как это не даст им преимуществ в стимулировании производства»².

Поскольку расширение самостоятельности предприятий неотделимо от возложения на них полной ответственности за результаты своей деятельности, вновь возникал вопрос о преобразованиях в формах реализации отношений собственности, поскольку, оставаясь государственным, предприятие никак не могло нести полную ответственность за результаты своего функционирования, сколько бы ни принималось нормативных актов о том, что «государство не

¹ См.: Бунич П.Г. Хозяйственный механизм развитого социализма. С. 205.

² Гайдар Е.Т., Кошкин В.И. Хозрасчет и развитие хозяйственной самостоятельности предприятий. М.: Экономика, 1984. С. 46.

отвечает по долгам предприятий»¹. Избегая радикальных выводов, ученые предложили некоторые меры: предоставить предприятиям-потребителям право отказываться от поставщиков, нарушающих условия поставок, или даже право выбора поставщика нужной продукции, что объяснялось объективным положением потребителя как «носителя общественных интересов». Более того, к началу 1980-х годов речь стала идти и о возможности потребителя отказаться от заключения договора с данным производителем, что сделало бы реальным «соревнование» последних за потребителей. Стали выдвигаться предложения об использовании механизма «соревнования» и в других сферах хозяйствования, например в получении кредита, что позволяло бы государству выбирать наиболее выгодные для народного хозяйства варианты.

Разумеется, рассуждая о совершенствовании хозяйственного механизма в направлении его либерализации, экономисты должны были показать и роль государственных органов в предлагаемой ими хозяйственной системе, доказать, что государственное регулирование в этом случае станет более эффективным и действенным². Речь шла о том, что государство, освободившись от осуществления мелочной опеки и контроля за каждым шагом предприятия, сможет сосредоточиться на наиболее важных вопросах. Среди них назывались, во-первых, определение важнейших источников экономического роста и, следовательно, обеспечение необходимых темпов хозяй-

¹ Впервые это положение было сформулировано еще в декрете ВЦИК «О трестах» от 9 апреля 1923 года. Но оно не имело серьезного практического воздействия на организацию хозяйственной жизни даже в условиях нэпа. Это же положение было воспроизведено и в материалах экономической реформы 1965 года (в «Положении о социалистическом предприятии», утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 4 октября 1965 года) — и вновь без заметных практических последствий.

² В этом отношении характерно высказывание Вад. А. Медведева относительно уроков реформы 1965 года, сделанное им в полемике со сторонниками нерыночной концепции: «Самостоятельность предприятий, может быть, даже, наоборот, была расширена недостаточно в смысле реальных прав предприятий и их ответственности за использование выделенных им ресурсов. Дело, на наш взгляд, в том, что даже та мера расширения самостоятельности предприятий, которая была заложена в реформе, оказалась не подкрепленной совершенствованием централизованного планового руководства экономикой» (Медведев В.А. Управление социалистическим производством: проблемы теории и практики. С. 62).

ственного развития, проведение единой технической политики; во-вторых, определение и обеспечение народнохозяйственной пропорциональности; в-третьих, осуществление таких преобразований в хозяйственном механизме, с помощью которых реализуются стоящие перед экономикой стратегические задачи¹.

Размышляя о наиболее эффективных формах осуществления централизованного руководства, экономисты ставили вопрос и о роли директивных показателей — этого неотъемлемого элемента советской экономической системы. Здесь аргументация также в основе своей оставалась на уровне выводов предреформенных дискуссий. Подчеркивалось, что совершенствование хозяйственного механизма и сопровождающее его укрепление централизма должны происходить при сужении круга решаемых в центре вопросов и соответственно директивно устанавливаемых показателей, поскольку это позволит центру концентрировать внимание на кардинальных, стратегических вопросах развития страны. Высказывания подобного рода были весьма широко распространены в экономической литературе рассматриваемого периода².

Правда, уже в первой половине 1970-х годов ряду исследователей удалось преодолеть ограничительное толкование форм централизованного регулирования, когда все сводилось лишь к вопросу о количестве и перечне директивных показателей. Так, Л.И. Абалкин выделил три группы рычагов централизованного воздействия на предприятия: общие (общие правила и единые нормативы, причем именно они были поставлены на первое место), специальные (конкретно-адресные задания) и информационные. Он отмечал, что реальное совершенствование хозяйственного механизма, последовательное развитие хозрасчета (т.е. экономической самостоятельности и ответственности предприятий) повышают значение общих показателей и нормативов.

¹ См.: Абалкин Л.И. Диалектика социалистической экономики. М.: Мысль, 1981. С. 293–294.

² См., например: Совершенствование механизма управления экономикой на современном этапе. С. 11 (выступление Н.Я. Петракова); Белоусов Р.А. Основные этапы развития теории и практики управления социалистической экономикой. М.: Мысль, 1981. С. 44.

Централизованно устанавливаемые, они «делают руководство более гибким, дополняют его системой экономического стимулирования и открывают широкое поле инициативы и самостоятельности низовых хозяйственных звеньев»¹.

Выдвигалась альтернативная идея о переходе к сбалансированным ценам, рассчитываемым и постоянно корректируемым в соответствии с математическими моделями оптимального режима функционирования советской экономики как составной части «оптимального народнохозяйственного плана»².

В первой половине 1970-х годов, после XXIV съезда КПСС, определившего курс в экономической политике на развитие интеграционных процессов в области как общественной организации производительных сил, так и производственных отношений, как на микро-, так и на макроэкономическом уровне, в исследованиях путей совершенствования хозяйственного механизма появился новый акцент³. Он был связан прежде всего с переходом от предприятий фабрично-заводского типа к производственным, научно-производственным и промышленным объединениям⁴, с формированием региональных территориально-производственных комплексов (ТПК), отраслевых и межотраслевых народнохозяйственных комплексов, в частности аграрно-промышленных комплексов на различных уровнях — региональном и народнохозяйственном, наконец, с созданием единого народнохозяйственного

¹ См.: *Абалкин Л.И.* Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. С. 154–156.

² Речь идет о работах, написанных в рамках системы оптимального функционирования экономики. Авторы в своем анализе хозяйственного механизма и в предложениях по его совершенствованию опирались преимущественно на математическое моделирование макроэкономических процессов (см., например: *Федоренко Н.П.* О разработке системы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1968. С. 35–37; *Петраков Н.Я.* Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. М.: Мысль, 1971. С. 79; *Шаталин С.С.* Функционирование экономики развитого социализма. М.: Изд-во МГУ, 1982).

³ См.: *Экономика развитого социалистического общества.* М.: Экономика, 1977; *Экономический строй социализма.* Т. 1: Основные черты экономического строя социализма. М.: Экономика, 1984. Гл. 7–11.

⁴ См.: *Дунаев Э.Л.* Объединение как форма обобществления производства. М.: Изд-во МГУ, 1974.

комплекса страны (ЕНХК)¹. Появились работы, специально рассматривающие проблему хозяйственного механизма в аспектах как производства, так и воспроизводства.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов был принят ряд нормативных документов, имевших целью вдохнуть новые силы в советскую экономику. Как и в 1960-х годах, они были ориентированы на поиск некоторого идеального показателя, способного наиболее полно оценить и вознаградить вклад каждого предприятия в экономический рост, его способность обеспечивать удовлетворение потребностей контрагентов. Но, принимая во внимание неадекватность ценовой информации в условиях государственной системы ценообразования, руководство СССР и связанные с ним экономисты стремились к выявлению показателей, отличных от показателей прибыли и рентабельности, которые объективно оценивали бы соответствие функционирования предприятия потребностям народного хозяйства и конкретных потребителей. Очередной такой показатель (как правило, объемный) регулярно выдвигался на первый план и объявлялся спасительным инструментом от всех бед как централизованного плана, так и рыночной стихии. Если в 1965 году такую роль отводили объему реализованной продукции, то во второй половине 1970-х годов — чистой или нормативной чистой продукции (НЧП), а в начале 1980-х — уровню выполнения хозяйственных договоров².

¹ См., например: Теоретические проблемы формирования и развития единого народнохозяйственного комплекса. Разд. III: Вопросы совершенствования хозяйственного механизма единого народнохозяйственного комплекса / Под ред. В.Н. Черковца. М.: Изд-во МГУ, 1985.

² Наиболее значительными документами были два постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР, принятые в 1979 и 1983 годах. Первое, «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы» (от 12 июля 1979 года), ставило во главу угла показатель «нормативная чистая продукция», в соответствии с которым и предполагалось формировать фонды экономического стимулирования предприятий. Второе, «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы» (от 14 июля 1983 года), положило начало «крупномасштабному экономическому эксперименту», суть которого была в переориентации системы стимулирования на показатель уровня выполнения хозяйственных договоров (см.: КПСС в резолюциях и решениях конференций, съездов и пленумов ЦК. М.: Политиздат, 1987. Т. 13. С. 355–396; Т. 14. С. 442–451).

НОВЫЕ МЕТОДЫ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПЛАНИРОВАНИЯ

На XXVII съезде КПСС была поставлена задача осуществления глубокой перестройки социалистического хозяйствования, предполагающей изменение действующих форм и методов руководства, решительный отказ от тех из них, которые сложились в период экстенсивного развития экономики и являются тормозом ускорения социально-экономического прогресса.

В настоящее время в нашей стране проводится большая работа по экспериментальной проверке и внедрению новых методов хозяйствования, суть которых состоит в создании целостной системы управления народным хозяйством, обеспечивающей в органическом единстве улучшение планирования, усиление действенности экономических

рычагов и стимулов, совершенствование организационной структуры управления¹. Предусмотренная система мер должна обеспечить укрепление планомерности движения социалистической экономики как ее реальной управляемости из единого экономического центра на основе роста самостоятельности и ответственности производственных объединений и предприятий. «Жизнь предъявляет более высокие требования к планированию, являющемуся сердцевиной управления, — подчеркивал М.С. Горбачев. — Оно должно стать активным рычагом интенсификации производства, осуществления прогрессивных хозяйственных решений, обеспечивать сбалансированный и динамичный рост экономики. Вместе с тем планы объединений и предприятий надо разгрузить от обилия показателей, шире применять экономические нормативы, открывающие простор инициативе и предприимчивости»².

Сутью совершенствования планирования выступает разработка и внедрение планового механизма, ориентирующего предприятия на выявление и наиболее полное удовлетворение конкретных народнохозяйственных потребностей, что необходимо для успешного достижения стоящих перед нашей страной социальных и экономических целей. Иными словами, речь идет о механизме, побуждающем предприятия вскрывать свои внутренние резервы, стремиться к разработке, принятию и выполнению оптимально напряженных планов. В соответствии с объективными тенденциями современного этапа экономического развития решение этих задач возможно только на основе повышения самостоятельности предприятий в области планирования хозяйственной деятельности, принятия плановых решений и усиления их экономической ответственности за результаты, получаемые при реализации этих решений, что предполагает повышение

¹ См.: О широком распространении новых методов хозяйствования и усилении их воздействия на ускорение научно-технического прогресса. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 12 июля 1985 года. М.: Политиздат, 1985. С. 3–4.

² Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 апреля 1985 года. М.: Политиздат, 1985. С. 12.

роли прямых связей между производителями и потребителями и соответственно уменьшение числа директивно утверждаемых и оценочных показателей (хотя дело тут и не сводится только к числу показателей), уточнение круга оценочных показателей и функций каждого из них. В условиях социалистического планового хозяйства все это является необходимой предпосылкой повышения действенности централизованного планирования и управления при одновременном широком развертывании инициативы трудовых коллективов, повышении их творческой активности в различных областях хозяйственной жизни. Не будет преувеличением сказать, что все предложения и мероприятия по расширению самостоятельности предприятий в тех или иных областях деятельности имеют смысл и могут быть реализованы только при условии расширения самостоятельности предприятий в планировании.

Совершенствование народнохозяйственного планирования — сложная, комплексная проблема. При ее анализе нельзя ограничиваться вопросами расширения самостоятельности производственных объединений и предприятий. Последнее создает лишь необходимые условия для развития широкой инициативы трудовых коллективов. Но инициатива должна быть направлена в нужное русло, ее развитие должно быть ориентировано на удовлетворение потребностей всего общества и обеспечивать приоритет общенародных интересов. Для этого необходимо рассматривать совершенствование планирования в непосредственной связи с экономическим стимулированием, более того, видеть в них две стороны одной проблемы — укрепления планомерной организации социалистической экономики. Вся система стимулов должна быть поэтому ориентирована не просто на выполнение и перевыполнение плановых заданий, но побуждать каждое предприятие активно искать внутренние возможности своего развития, вскрывать эти возможности и разрабатывать на их основе оптимально напряженные планы. Для этого система стимулов должна включаться и работать не только в процессе выполнения планов, но уже на стадии их разработки.

Решение этих задач должно также подкрепляться совершенствованием процедуры планирования (сроки и порядок разработки, доведения и согласования плановых заданий), совершенствованием системы плановых и оценочных показателей (их количество и структура), повышением роли экономических нормативов в планировании и оценке результатов хозяйственной деятельности предприятий.

Совершенствование методологии планирования предусматривает усиление роли предприятий в разработке планов экономического и социального развития на всех стадиях планирования, повышение их ответственности за более полное обеспечение потребностей народного хозяйства и населения, за выполнение плановых заданий с меньшими затратами. В этих целях осуществляются изменения в организации процесса разработки государственного плана, так или иначе связанные с расширением прав предприятий в планировании и хозяйствовании. В этом отношении можно выделить следующие группы мероприятий:

- увеличение сроков подготовки планов и уточнение порядка их разработки;
- уменьшение числа спускаемых «сверху» показателей;
- уточнение круга и функций оценочных показателей;
- широкое использование в планировании нормативов длительного действия;
- повышение роли хозяйственных договоров как основы при разработке планов предприятий.

По условиям крупномасштабного эксперимента основной формой планирования развития и организации производственно-хозяйственной деятельности производственных объединений и предприятий является пятилетний план, проект которого должен самостоятельно разрабатываться предприятиями на основе контрольных цифр, доведенных до них министерством за одиннадцать месяцев до начала пятилетки (на основе контрольных цифр, полученных от Госплана за год до начала пятилетки), и с учетом прямых длительных хозяйственных связей и заказов Госснаба СССР и Министерства торговли. Одновременно Министерство сообщает лимиты материально-технических ресурсов и утвержденные

экономические нормативы, которые в годовых планах не могут быть переутверждены. Однако известные сложности в реализации этих положений ныне возникают из-за того, что начало проведения эксперимента пришлось на последние годы пятилетки. С одной стороны, это усилило влияние старых форм и методов планирования и ограничивает действенность новых рычагов, с другой стороны, не позволило достоверно судить о том, в какой мере удалось обеспечить возрастание роли пятилетнего плана.

К сожалению, пятилетний план пока еще не превратился на деле в основную форму планирования, о чем свидетельствует и анализ хода экономического эксперимента на предприятиях Минтяжмаша в 1984–1985 годах. Плановые задания на каждый год разрабатываются заново. Пятилетний план нарастающим итогом не учитывается, да никто и не требует соответствующей отчетности от предприятия. Наконец, с экономической точки зрения (с точки зрения влияния на поощрительные фонды предприятия) от выполнения пятилетнего плана нарастающим итогом ничего не зависит.

Несмотря на то что предусмотренные ныне сроки заключения договоров в известной мере способствует упорядочению работы по подготовке и выполнению планов и обязательств по поставкам, действующий порядок формирования портфеля заказов все-таки создает сложности при разработке производственной программы, что отрицательно сказывается на результатах хозяйственной деятельности предприятий. Дело в том, что формирование портфеля заказов и работа отделов материально-технического снабжения и комплектации оказываются разорванными во времени. Уже в марте-апреле предпланового года должен быть готов предварительный проект заявки на комплектующие изделия, но в это время еще неизвестна конкретная номенклатура, в силу чего заявки на комплектующие изделия оказываются приблизительными, исходят из потребности прошлого года. Такая же ситуация наблюдается и в материально-техническом снабжении, что делает неизбежными авансовые разнарядки.

Особенно негативно это сказывается в поставках металлопродукции, которая, как правило, весьма дефицитна. Поскольку структура поставляемого металла оказывается часто несоответствующей потребностям производства, металлопродукцию приходится «доводить» до соответствующих параметров на обрабатывающем оборудовании, что ведет к росту трудозатрат и перерасходу металла. За последнее приходится выплачивать крупные штрафы из прибыли, что крайне отрицательно сказывается на общих результатах хозяйственной деятельности предприятия. Расхождение между реальной потребностью в металле и других видах продукции и поставками ведет к нарушению ритмичности выпуска продукции на предприятиях. В конечном же итоге подобная ситуация вообще может вести к воспроизводству диспропорций в народном хозяйстве, так как заявки по металлу (количество, качество, сортамент) не в полной мере отражают реальные потребности предприятий-потребителей.

В целях расширения прав предприятий в планировании для них в плане утверждается ограниченное число показателей, в основном по выпуску продукции, отвечающей общественным потребностям и соответствующей лучшим мировым достижениям, по техническому прогрессу и эффективности производства. Всего в пятилетнем плане утверждались по Министерству тяжелого и транспортного машиностроения СССР 9 показателей и 6 нормативов, в годовом плане — 10 показателей и норматив отчисления от расчетной прибыли в бюджет. Предполагается, что подобное ограничение числа директивных показателей в сочетании с нормативами длительного действия должно в определенной степени развязать инициативу предприятий, позволить им более самостоятельно разрабатывать проекты планов.

Вместе с тем, на наш взгляд, необходимо подчеркнуть, что уменьшение числа спускаемых «сверху» показателей не должно механически трактоваться как ограничение, уменьшение самого планового документа. Задача состоит не в том, чтобы план предприятия был менее развернутым, менее детальным, но в том, чтобы, ориентируясь на установленные государством рамки, предприятие имело возможность

самостоятельно детально проработать перспективы своего развития и подготовить такой план, который необходим как государству, так и самому предприятию для его дальнейшего успешного функционирования.

В этом отношении в ходе эксперимента приходится сталкиваться с рядом проблем. Новая система показателей требует нового подхода к их разработке. Однако приходится констатировать, что процедура разработки планов существенно не изменилась. Более того, предприятия нередко получают от вышестоящих органов задания по более широкому кругу показателей, чем это предусмотрено условиями эксперимента. Недопустимость подобной практики была неоднократно подчеркнута¹.

Однако уменьшение числа директивных показателей само по себе слабо влияет на повышение инициативы предприятий, что, в частности, связано с сохранением старой системы отчетности. Поскольку в результате этого не наблюдается существенного и устойчивого повышения инициативы, отраслевые органы встают на накатанную дорогу расширения количества утверждаемых ими показателей.

Реальная долгосрочность планов и заинтересованность предприятий в их напряженности во многом зависят от эффективности и широты использования экономических нормативов в планировании и хозяйственной деятельности основных производственных звеньев. «Трудно переоценить роль экономических нормативов», — подчеркнул М.С. Горбачев на XXVII съезде КПСС². Но для этого они должны удовлетворять ряду требований. Во-первых, устанавливаться на пятилетку до разработки плана предприятием; во-вторых, быть стабильными (не изменяться в течение пятилетки или изменяться по заранее заданной шкале); в-третьих, быть групповыми и прогрессивными. Однако ни одно из перечисленных условий в ходе эксперимента на предприятиях Минтяжмаша не соблюдалось. Нормативы утверждались каждый год и разрабатывались

¹ См.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 23 апреля 1985 года. М.: Политиздат, 1985. С. 12; *Горбачев М.С.* Коренной вопрос экономической политики партии. М.: Политиздат, 1985. С. 26.

² Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 45.

исходя из утвержденных плановых заданий для данного объединения. Разумеется, это никак не способствует повышению заинтересованности предприятий во вскрытии своих внутренних резервов, в принятии повышенных плановых заданий.

В обеспечении действенности новых методов хозяйствования важная роль принадлежит системе оценки, которая должна верно отражать результаты хозяйственной деятельности предприятия и давать четкий ориентир для дальнейшего развития.

Оценка представляет собой механизм, связывающий результаты хозяйственной деятельности предприятия с материальным положением как всего предприятия, так и отдельных членов данного трудового коллектива. Иными словами, это механизм обратной связи. Переход от преимущественно административных к преимущественно экономическим методам планирования и управления означает переход к экономическому в основном механизму оценки, когда достигнутые результаты при помощи заданного (через систему нормативов) механизма непосредственно отражаются на фондах предприятия. Итак, оценочными являются те показатели, которые непосредственно влияют на образование фонда заработной платы и фондов экономического стимулирования. В этой связи заметим, что общей тенденцией совершенствования планового хозяйствования в СССР и ряде других социалистических стран являются мероприятия, нацеленные, во-первых, на усиление зависимости поощрительных фондов предприятий от конечных результатов их деятельности, во-вторых, на укрепление плановой и договорной дисциплины, на повышение роли выполнения хозяйственных договоров в оценке предприятий.

Вместе с тем сохраняется большая роль неэкономической оценки в условиях существенной административной зависимости предприятий от отраслевых органов управления. Реально существующее противоречие между экономической и административной оценкой не только не ослабляется, но даже обостряется экспериментом, который фактически охватил лишь основные производственные звенья — предприятия.

Обращаясь к проблеме оценки деятельности предприятий, следует ответить на основной вопрос: что оценивать и за что поощрять? Известно три принципиальных направления: оценка за план (за его выполнение и перевыполнение), за прирост и за фактическое достижение определенного эффекта. В данной работе мы не будем останавливаться на сравнительном анализе этих подходов, отметим только, что в ходе эксперимента нашли применение первые два из них.

По условиям эксперимента общая оценка производственных объединений и предприятий осуществляется вышестоящими организациями и местными органами при подведении итогов работы и социалистического соревнования, прежде всего, по выполнению плановых заданий по объему реализации продукции с учетом выполнения обязательств по поставкам в соответствии с заключенными договорами и, в зависимости от специфики отрасли, по выполнению основных заданий по развитию науки и техники, заданий по повышению качества продукции, снижению затрат на производство (увеличению прибыли). В частности в Минтяжмаше при оценке учитываются рост производительности труда, удельный вес продукции высшей категории качества, ввод в действие производственных мощностей и объектов. Реально к оценочным показателям следует отнести также нормативно чистую продукцию (по которой рассчитывается производительность труда) и товарную продукцию, о чем ниже будет идти речь подробнее.

Усилению заинтересованности предприятий в разработке и выполнении напряженных планов, повышению качества их хозрасчетной заинтересованности и ответственности за конечные результаты работы должен способствовать переход к нормативным методам образования фондов оплаты труда — фонда заработной платы и фонда материального поощрения. В Постановлении ЦК КПСС и Совета министров СССР от 14 июля 1983 года предусматривалось при образовании фонда заработной платы использовать один из трех нормативов, обеспечивающих увеличение выпуска продукции на рубль заработной платы:

— норматив прироста фонда заработной платы за каждый процент прироста общего объема продукции;

- норматив заработной платы на единицу продукции в натуральном выражении;
- норматив заработной платы на рубль продукции¹.

Система нормативов предусмотрена также для образования фондов экономического стимулирования. Предполагалось расширить права предприятий в их использовании, усовершенствовать и упростить систему образования фонда материального поощрения и так далее. Одним из основных элементов нового механизма является поощрение за выполнение плана по реализации продукции с учетом договоров о поставках. Предусматривалось, что при полном выполнении договорных обязательств фонд материального поощрения увеличивается на 15%, тогда как за каждый процент невыполнения он уменьшается на 3%, причем премия руководящим работникам предприятий выплачивается только при выполнении плановых заданий по объему реализации продукции.

Введение этого показателя оказало определенное положительное влияние на хозяйственную деятельность предприятий. Итоги работы в 1984 году свидетельствуют, что работники предприятий стали с большей ответственностью подходить к выпуску продукции по всей номенклатуре, включенной в план поставок, что в известной мере сглаживает деление продукции на «выгодную» и «невыгодную» для предприятий. Важным достоинством этого показателя является и то, что договор подтверждает нужность для потребителя данной продукции, обоснованность ее производства. Стимулирование производства продукции по договорам может стать и важным фактором повышения роли потребителя в хозяйственном процессе.

Широкое использование этого показателя способствовало тому, что в 1984 году республиканские министерства, работающие на условиях эксперимента, полностью выполнили свои обязательства по поставкам, существенно улучшилось положение в Минтяжмаше (99,2% против 94,5% в 1983 году) и в Минэлектротехпроме, причем по отдельным предприятиям сдвиги произошли еще более значительные.

¹ См.: Собрание постановлений правительства СССР. 1983. № 20. С. 344.

Вместе с тем не следует ни идеализировать сам показатель выполнения плана по договорам, ни абстрагироваться от реального механизма хозяйствования, в рамках которого этот показатель в настоящее время действует.

На практике хозяйственные договоры пока не стали основной формой планирования и заключаются уже после утверждения плана. Это, в сочетании с дефицитностью многих видов продукции и невозможностью (как экономической, если продукция дефицитна, так и административной) отказаться от поставщика, производящего некачественную продукцию и нарушающего сроки поставок и другие условия договора, существенно ослабляет возможности воздействия потребителя на производителя. Но в ряде случаев поставщик сам оказывается в сложном положении, если получатель по тем или иным причинам не может оплатить посланную ему продукцию. Все это ослабляет, если не ликвидирует взаимную экономическую ответственность участвующих и договоре сторон.

Кроме того, поощрение за 100-процентное выполнение плана реализации с учетом договоров не может в должной мере обеспечить заинтересованность предприятий во вскрытии своих внутренних резервов. Разумеется, перевыполнить за счет ненужной народному хозяйству продукции этот показатель нельзя (и в этом важное его достоинство), но ведь выполнять план можно с разной степенью напряженности.

Оценка по этому показателю является формой оценки за план. Будучи наиболее удачной формой оценки за план, она содержит в себе и основные недостатки этой формы — поощрение за выполнение плана в должной мере не учитывает степень его напряженности. Ориентируя предприятия на выполнение всех заказов по договорам, сглаживая деление продукции на «выгодную» и «невыгодную» в ходе выполнения производственной программы, этот механизм в ряде случаев побуждает предприятия при формировании этой программы, при заключении хозяйственных договоров сводить к минимуму объем невыгодной (сложной для производства) для них, но необходимой народному хозяйству продукции. На нынешнем этапе экономического эксперимента эти

проблемы в полной мере не выявились, причем не выявились во многом из-за недостаточно последовательной реализации условий эксперимента, когда сохраняется значительное неэкономическое, административное воздействие на предприятия, но принимать во внимание это необходимо.

Тут может быть выдвинуто возражение, что предприятия стимулируются не только выполнять договоры на 100%, но и увеличивать прирост продукции. Действительно, в министерствах, работающих в условиях эксперимента, прирост базового фонда заработной платы находится в прямой зависимости от прироста продукции. Но это лишь обострит противоречие между требованием роста производства и выполнением договоров, поскольку рост нормативно чистой продукции (по которой определяется изменение фонда заработной платы и измеряется рост производительности труда) может быть достигнут путем производства продукции, не обеспеченной договорами-заказами, в ряде случаев продукции ненужной, «продукцией на склад», тогда как договора во всяком случае являются свидетельством того, что данная конкретная продукция нужна потребителю.

Проблема осложняется тем, что товарная продукция остается важным показателем, по которому приходится отчитываться предприятию, поскольку выполнение плана по товарной продукции, будучи переведенным в разряд расчетных для предприятий, остается одним из основных показателей в отчетности министерств и территориальных хозяйственных органов. Это, является результатом ситуации, когда *экономический* эксперимент коснулся только основных производственных звеньев, тогда как он не был распространен на территориальные органы и органы управления отраслей (министерства). Последних эксперимент затронул в лучшем случае административно, поскольку не включает эффективного экономического механизма, побуждающего их работать по-новому.

МЕХАНИЗМ ПЛАНОВОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Теоретические исследования и практические меры по совершенствованию хозяйственного механизма всегда преследовали цель укрепления планомерной организации социалистического народного хозяйства, обеспечения планомерного социально-экономического развития нашей страны. Основы теории планомерности были заложены классиками марксизма-ленинизма. Сформулированные ими принципиальные положения получили дальнейшую разработку в документах и материалах КПСС и Советского государства, в исследованиях ученых-экономистов СССР. Разумеется, представления о сущности и путях укрепления планомерной организации социалистической экономики, о совершенствовании хозяйственного механизма не могут оставаться неизменными, но развиваются по мере накопления опыта

Опубликовано в: Опыт и перспективы хозяйственного и социального строительства в СССР. (К 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции.) М.: ИЭ АН СССР, 1987.

хозяйственного строительства в СССР и в других странах социализма. Историко-экономический анализ позволяет выделить несколько подходов к пониманию этих вопросов, что способствует более точному определению существа экономических проблем, которые требуют своего решения в настоящее время; при этом необходимо избежать эклектизма в выборе средств достижения поставленных целей. Игнорирование исторического опыта ведет к тому, что для решения современных задач подчас предлагаются рецепты, сформулированные некогда экономической наукой, вполне вписывавшиеся в старые представления о хозяйственном механизме или даже давшие когда-то определенный положительный результат, но уже не способные обеспечить эффективное осуществление коренной перестройки системы управления.

Представления о сущности планирования, непосредственно связанные с моделью хозяйственного механизма 1930-х годов, исходили из необходимости создания экономической системы, позволяющей управлять практически всеми хозяйственными процессами из единого центра с помощью прямых директивных указаний. Важнейшую особенность и преимущество планового хозяйствования экономисты видели в прямом централизованном учете разнообразных общественных потребностей и определении предприятиям и организациям заданий по их удовлетворению. Невозможность осуществления этой системы в полном объеме на практике обычно объяснялась ограниченностью технических средств ведения учета и плановых расчетов, недостаточным опытом планирования.

Основной задачей предприятий в рассматриваемой модели хозяйственного механизма является выполнение централизованно устанавливаемой производственной программы при достижении также «спускаемых» ему заданий по росту производительности труда, снижению себестоимости продукции, по фонду заработной платы и многого другого. Именно через этот план, имеющий силу обязательного для исполнения приказа, предприятие включается в основанное на разделении труда функционирование социалистической

экономики. Очевидно, что от центра зависит, в какой мере учитываются и удовлетворяются потребности в данном виде продукции или услуг. И поскольку производственная программа задается с высокой степенью детализации, предприятие не может нести ответственности за то, нужна ли обществу его продукция. Раз она включена в план, раз она произведена по плану, то предприятие со своей задачей справилось и достойно положительной оценки.

В соответствии с логикой этого хозяйственного механизма централизованный план, понимаемый как совокупность директив, выступает главным критерием оценки результатов хозяйственной деятельности предприятий (действует так называемая оценка за план). Предполагается, естественно, что все решения центра, все плановые задания объективно обусловлены, отвечают высшим потребностям развития общества (это отчетливо проявилось в широко распространенном на протяжении 1930–1940-х годов представлении о плане как об экономическом законе социализма) и должны быть выполнены любой ценой. Вопрос о необходимости согласования объективно существующих интересов различных хозяйствующих субъектов оставался вне специального внимания исследователей, фактически предполагалось, что согласование интересов обеспечивается при социализме автоматически, так как отсутствие классовых антагонизмов безусловно и однозначно заинтересовывает всех членов общества в достижении конечных высших целей развития нового способа производства. С этих позиций различие интересов отдельных групп трудящихся обычно представлялось пережитком прошлого, который надо настойчиво преодолевать. Нетрудно заметить, что подобное понимание интересов связано с широко распространенным в то время методологическим заблуждением, согласно которому противоречия трактовались как негативные явления общественной жизни, как недостатки. В результате из анализа выпадала проблема разработки и внедрения механизма сознательного воздействия центра на интересы субъектов хозяйствования, тогда как именно в этом состоит суть экономических методов управления.

Сведение сущности плана к прямым административным методам воздействия центра на деятельность предприятий вело к тому, что прямое государственное регулирование производства противопоставлялось регулированию через экономические рычаги, которые фактически отождествлялись со стихийностью. С преодолением «косвенного планирования и регулирования посредством экономических рычагов» связывалось существенное расширение сферы действия закона планомерного, пропорционального развития, поскольку в этом случае «задания охватывают все стороны производственно-хозяйственной деятельности предприятий», становясь, по-видимому, уже в силу этого более обоснованными научно.

Основными недостатками рассматриваемого хозяйственного механизма являются сильное влияние субъективизма в планировании и незаинтересованность предприятий в принятии напряженных планов, их стремление к сокрытию своих возможностей, что является прямым следствием оценки предприятий в зависимости от выполнения директивных плановых заданий (чем ниже план, тем легче его выполнить и перевыполнить). Иными словами, в данной системе хозяйствования экономическое стимулирование находится как бы вне плана, оно «включается» уже в процессе выполнения планового задания, но фактически бездействует при разработке планов (строго говоря, на этой стадия действуют «антистимулы»).

Однако первоначально задача совершенствования планирования представлялась лишь как проблема «хорошего плана» (разумеется, спущенного «сверху»), что требует улучшения технологии планирования, усиления его сбалансированности, ведения постоянной борьбы с вредителями и бюрократами, разрабатывающими «плохие» планы. «Снизу», со стороны предприятий, незаинтересованность в напряженных планах объяснялась в основном отрицательными личными качествами отдельных руководителей — консерватизмом, политической незрелостью, недостаточной компетентностью, ответственностью. Преодоление подобных явлений связывалось с принятием тех или иных

административных или юридических мер. Примером тому может быть принятое в сентябре 1947 года постановление, которым устанавливалась уголовная ответственность руководителей предприятий и других должностных лиц за неоднократное невыполнение кооперированных заказов, предусмотренных государственным планом, отдельными решениями правительства и хозяйственными договорами¹.

Ограниченность отождествления плана с административной директивой стала более или менее очевидной к середине 1950-х годов. Основное внимание ученых и практиков было перенесено на анализ плановых показателей, в изменении которых видели решающее средство борьбы с недостатками хозяйственного механизма. Экономисты полагали, что для решения возникших проблем необходимо и достаточно найти наиболее удачные показатели, задаваемые центром хозяйственному звену.

Первоначально была предпринята попытка решения назревших задач совершенствования планирования уменьшением числа показателей в народнохозяйственном плане и в техпромфинпланах предприятий. Из государственного плана был исключен ряд не имеющих народнохозяйственного значения показателей, в результате чего номенклатура промышленной продукции в плане 1955 года была уменьшена втрое по сравнению с 1953 годом. Разумеется, это были лишь первые шаги в реализации комплекса необходимых мероприятий по совершенствованию планомерной организации советской экономики. Вскоре стала ясной их ограниченность и низкая эффективность. Повышенное внимание исследователей начинает привлекать поиск наилучшего показателя или группы показателей, задаваемых предприятию и наиболее точно отражающих объем выполненной им работы. Рассматриваемая концепция, в отличие от предыдущей, уже не связывала недостатки планирования лишь с недостатками плановиков и производственников, но обратилась

¹ См.: Об ответственности за невыполнение кооперированных поставок смежными предприятиями. Постановление Совета министров СССР от 2 сентября 1947 года // Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1958. С. 233–234.

к анализу экономических причин этих недостатков и экономических рычагов их устранения. Речь шла теперь о том, как заинтересовать предприятия в напряженных планах, хотя средства достижения этой цели ограничивались лишь проблемой поиска объемного показателя, побуждающего предприятия брать на себя повышенные плановые задания. Можно сделать вывод, что план представлялся теперь в виде некоторой совокупности показателей, централизованно доводимых до предприятий и экономически заинтересовывающих их в выполнении плановых заданий.

Всем памятна активно развернувшаяся с середины 1950-х годов борьба с пресловутым «валом», многочисленные предложения об использовании в качестве оценочных показателей товарной, реализованной, чистой и нормативной чистой продукции, нормативной стоимости обработки, продукции в натуральном выражении (об использовании условно натуральных единиц). Тогда же было внесено предложение о введении порядка учета выполнения задания по плановому ассортименту, при котором в отчет включаются данные о фактическом выпуске отдельных видов продукции, но в пределах плановой номенклатуры изделий и не выше 100% планового задания, многие из предлагавшихся вариантов были опробованы на практике, однако полученные результаты оказывались весьма скромными. Дело в том, что подобное представление о плане и планировании исходило из старого, рассмотренного выше, понимания социалистического хозяйственного механизма и места в нем предприятия как пассивного субъекта планирования в условиях сохраняющейся оценки за план.

Постепенно становилось ясным, что для существенного улучшения планового хозяйствования нельзя ограничиваться лишь изменениями в системе задаваемых предприятиям показателей. Во-первых, показатели объема выполненной работы (произведенной продукции) отражают примененный предприятием труд, то есть по существу своему отражают затраты и являются, следовательно, элементами «затратного механизма». Во-вторых, народному хозяйству, потребителям нужны все-таки не сами по себе объемы произведенной

продукции и не показатели, какими бы хорошими они ни были, но конкретные продукты и услуги, удовлетворяющие конкретные потребности. Словом, не могут быть признаны правильными попытки решения экономических задач лишь через показатели, как бы ни была велика их роль в плановом хозяйстве. Ограничиться ими — значит подменить действительное решение проблемы фетишизацией одного из методов ее решения.

К концу 1950-х — началу 1960-х годов относится зарождение и принципиально иного понимания сущности планового хозяйствования, основанного на выявлении механизма согласования экономических интересов субъектов социалистического производства. В работах ряда советских экономистов был сформулирован вывод о том, что повышение действенности централизованного планового управления социалистической экономикой требует налаживания соответствующей системы стимулов, позволяющей экономическому центру для достижения поставленных целей развития общества постоянно и эффективно воздействовать на интересы предприятий, побуждая их не только к выполнению, но и к самостоятельной разработке напряженных планов, делаая полезное и выгодное народному хозяйству полезным и выгодным отдельному предприятию. Для этого стимулы должны работать не только при выполнении плана, но уже в ходе его разработки, что предполагает отказ от оценки результатов хозяйственной деятельности предприятий в зависимости от степени выполнения планового задания. Ведь оценка за план обостряет противоречие между интересами общественными и коллективными. Коллектив предприятия оказывается заинтересованным в занижении заданий и завышении потребности в ресурсах, тогда как общество — в доведении до коллектива напряженных планов.

Именно тогда была впервые глубоко проанализирована роль нормативов длительного действия в планировании как важнейшего элемента нового хозяйственного механизма, заменяющего оценку за план оценкой за реально достигнутый результат (эффективность). И уже в первой половине 1960-х годов было показано, что такой механизм открывает

широкий простор соревнованию между предприятиями за более высокие конечные результаты, за лучшие методы хозяйствования, усиливает роль потребителя в хозяйственной жизни, возможности его контроля за производителем.

Постановка и решение этих вопросов фактически означали новое понимание сущности плана — как механизма, обеспечивающего деятельность предприятия и отдельных работников в соответствии с народнохозяйственными целями, как механизма достижения поставленных обществом целей социально-экономического развития. Из содержащего совокупность директив и показателей документа план превращается в реальный процесс организации хозяйственной деятельности.

Четкое разграничение рассмотренных трех подходов имеет принципиальное значение не только для более глубокого понимания целей и содержания современной радикальной реформы, но и для научной оценки роли хозяйственных преобразований прошлого. Особый интерес в этой связи представляет экономическая реформа 1965 года. Опыт 1960-х годов постоянно привлекает внимание не только экономистов, но и других представителей самых широких кругов общественности. Разумеется, это не случайно. Ведь именно тогда была предпринята первая крупномасштабная попытка вырваться из ставшей узкой экономической «одежды» — системы управления, сложившейся в начале 1930-х годов, и внедрить хозяйственный механизм, адекватный реальным условиям социализма, развивающегося на своей собственной основе.

Сентябрьский (1965 года) Пленум ЦК КПСС отметил, что существующая структура управления, методы планирования и стимулирования не отвечают современным условиям. Резкой критике было подвергнуто превалирование в руководстве народным хозяйством административных методов в ущерб экономическим, формальный характер хозрасчета, ограничение прав предприятий. Пленум потребовал повернуть всю систему планирования и управления на обеспечение высоких темпов развития общественно-го производства и повышение его эффективности, для чего

было признано целесообразным «устранить излишнюю регламентацию деятельности предприятий, сократить число плановых показателей, утверждаемых предприятиям сверху, наделить их необходимыми средствами для развития и совершенствования производства, улучшить использование таких важнейших экономических рычагов, как прибыль, цена, премия, кредит».

Пятилетний план был провозглашен основной формой государственного планирования. Число показателей, утверждаемых предприятиям «сверху», сокращалось до девяти: объем реализации продукции, номенклатура важнейшей продукции, объем поставок ресурсов, фонд заработной платы, общая сумма прибыли и рентабельность, взаимоотношения с бюджетом, задание по новой технике, объем централизованных капитальных вложений и ввод в действие за их счет основных фондов и производственных мощностей. Оценивать итоги хозяйственной деятельности предприятий предполагалось по показателям реализованной продукции, прибыли (рентабельности) и по выполнению заданий по поставкам важнейших видов продукции. Намечался постепенный переход к оптовой торговле средствами производства. Центральные органы планирования и управления должны были сосредоточиться на решении важнейших стратегических задач социально-экономического развития страны.

Однако, как показала дальнейшая практика, намеченные меры оказались ограниченными и непоследовательными, что объясняется рядом как объективных, так и субъективных причин. Прежде всего, следует обратить внимание на неверную оценку роли разработанных в 1965 году мероприятий. Фактически тогда предполагалось, что в материалах реформы уже содержится целостная концепция нового хозяйственного механизма, реализация которой обеспечит решение всех назревших вопросов. Между тем предложенный механизм был лишь переходным и потому неустойчивым, от него нужно было идти — вперед или назад.

Отличительной чертой хозяйственного механизма середины 1960-х годов стало переплетение в нем всех трех

рассмотренных выше подходов к пониманию планового хозяйствования при ведущей роли второго (план как совокупность показателей), который и продолжал господствовать вплоть до начала 1980-х годов. Всем известны примеры, когда при замедлении темпов роста производительности труда самым простым средством становится переведение этого показателя в разряд директивных (как это произошло в конце восьмой пятилетки). При нехватке какого-то товара предлагается включить соответствующий показатель в план. Нужно повысить качество продукции? Добавляется еще несколько показателей. Проблемы с научно-техническим прогрессом? И раздаются требования «запланировать его решениями Госплана».

Переплетение в реформе различных подходов к пониманию существа планового хозяйствования и путей его совершенствования во многом обусловили противоречивость решения ряда других проблем. Это выразилось и в попытке совместить в одной системе три принципиально разных механизма оценки (за план, за прирост и за реально достигнутый эффект), в результате чего сохранилась оценка за план, и основная задача реформы (сделать выгодное народному хозяйству выгодным предприятию) не была, следовательно, реализована. Стремление решить назревшие проблемы путем манипулирования системой показателей на практике отводило второстепенную роль в планировании нормативам длительного действия. Наконец, реформа основывалась на упрощенном представлении о системе экономических интересов при социализме. Общественные интересы фактически отождествлялись с интересами аппарата управления, интересы трудовых коллективов — с интересами их администрации. В результате расширение прав предприятий свелось к расширению прав их директоров. Экономические методы управления оказались беззащитными перед ведомственным волонтаризмом, надежным заслоном которому могли бы быть развитие самоуправления и взаимная экономическая ответственность всех субъектов хозяйственной жизни. Отсутствие действенного механизма экономической ответственности резко ограничивало возможности расширения

самостоятельности предприятий. В результате в ходе экономической реформы так и не удалось обеспечить последовательный экономический подход к решению назревших проблем, который означает руководство интересами и через интересы.

Практика 1965 года и последующего развития экономики убедительно свидетельствует о том, что действенность радикальной реформы предполагает новую идеологию планового хозяйствования, новую концепцию народнохозяйственного плана — как механизма достижения целей общественного развития. Такое понимание плана, зародившееся более четверти века назад, привлекло повышенное внимание исследователей и получило углубленное развитие в работах ряда советских экономистов. И именно эта концепция находит ныне практическое воплощение в материалах коренной реформы управления, предполагающей самостоятельную разработку и утверждение предприятиями планов, отказ от оценки за план и резкое повышение роли нормативов в хозяйственной жизни, превращение нормативов и стимулов в главные рычаги централизованного воздействия на предприятия, обеспечение условий реального экономического соревнования между ними — словом, реформы, нацеливающей на переход от преимущественно административных к экономическим методам руководства, включая экономические методы планирования, на переход к управлению интересами и через интересы.

ОТЧУЖДЕНИЕ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ МЕХАНИЗМ

Поставленная задача осуществления радикальной реформы управления, активизации человеческого фактора требуют по-новому взглянуть на возникающие теоретические и практические вопросы современного развития нашего общества. Определенный интерес представляет анализ хозяйственных процессов сквозь призму проблемы отчуждения.

Накопленный практический опыт свидетельствует, что победа социализма сама по себе еще не означает преодоления отчуждения. Непосредственно связанное с утверждением общественной собственности на средства производства, с развитием процесса обобществления при социализме, отчуждение не ликвидируется автоматически с победой пролетарской революции, но проходит сложный путь, ведущий к его преодолению лишь в конечном итоге, по мере движения

от формального обобществления (в результате национализации основных средств производства) к обобществлению на деле. Диалектика этого процесса определяется рядом социально-экономических и производственно-технологических причин, обуславливающих функционирование и развитие нового способа производства от низших его стадий к высшим.

Согласно существующему в философской литературе определению, отчуждение выражает «объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним самим и враждебную ему, и связанное с этим превращение человека из активного субъекта в объект общественного процесса»¹. В экономической жизни речь идет о том, что хозяйственный процесс как результат сознательной, творческой деятельности людей превращается во внешнюю, чуждую для него силу. Будучи определенным отношением субъекта к своему социальному бытию, отчуждение представляется как сложное переплетение объективных экономических процессов (человек в системе производительных сил и производственных отношений) и индивидуального, субъективного, психологического восприятия индивидом своей роли и своего места в этом реальном хозяйственном процессе.

Отчуждение — это всегда результат противоречия, при котором одна из сторон его абсолютизируется и начинает оказывать на другую деформирующее воздействие. Это относится к процессу отчуждения во всех сферах и конкретно раскрывается в экономике как противоречие между человеком как элементом производительных сил (как главной производительной силой) и человеком как субъектом производственных (социально-экономических) отношений. Иными словами, это противоречие между человеком как носителем технико-экономических и социально-экономических отношений. Абсолютизация человека как производительной силы как бы отделяет его от производственных отношений, лишает его социальной активности, что ведет к определенной модификации системы производственных отношений.

¹ Философская энциклопедия. Т. IV. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 189.

Это противоречие дополняется противоречием между сущностными производственными отношениями и более поверхностной системой экономических форм, образующих хозяйственный механизм. Результатом этого противоречия является наиболее наглядная форма отчуждения — отчуждение трудящихся от управления, о чем особенно часто пишут исследователи в настоящее время. Вместе с тем важно подчеркнуть, что последнее противоречие, оказывая на процессы отчуждения существенное воздействие (усиливая или ослабляя их), не является само источником отчуждения, не порождает его.

Причины, обуславливающие описанное выше противоречие, порождающее отчуждение, связаны с особенностями развития как производительных сил, так и производственных отношений при социализме.

В рамках производительных сил выделяются две тесно переплетающиеся группы факторов. Во-первых, особенности самого труда на данном этапе развития производительных сил. Труд не только не стал творческим для подавляющей массы населения, но и в больших масштабах сохраняется малоквалифицированный и тяжелый ручной труд. Велика роль монотонного, однообразного труда. Технические решения часто не позволяют еще в достаточной мере сократить однообразие в труде, что не менее важно, чем сокращение и ликвидация тяжелого ручного труда. Очевидно, что эту проблему не решают и механизация и автоматизация сами по себе, так как труд посредством «нажимания на кнопки» также далек от труда творческого. Наконец, современные производительные силы (средства труда) с необходимостью предполагают достаточно жесткое закрепление работника на определенном месте в системе разделения труда — производство, отрасль, профессия и тому подобное (разделение труда по горизонтали).

Во-вторых, современная техника, технологические процессы требуют и особой системы управления производством, что ведет к разделению труда по вертикали, к определенной и достаточно жесткой организации труда, когда принятие решений отделено (в силу только технико-экономических

причин, оставляя в стороне причины социально-экономические) от непосредственных производителей. Разумеется, все участники производственно-технологического процесса принимают те или иные решения. Однако логика современных производительных сил такова, что принятие многих важных производственных решений закрепляется за относительно небольшой группой специалистов, причем по мере роста важности и глубины этого решения круг лиц, специалистов, компетентных и уполномоченных его принять, сужается. Разумеется, у них могут быть исследовательские институты, консультанты, но решения принимают только данные люди. Мы обращаем на это внимание потому, что активное участие в производственном (и, следовательно, в экономическом, да и в политическом) процессе обязательно предполагает творчество в принятии решений, возможность не замыкаться на производственных задачах своего участка.

Особенности развития производительных сил находят естественное отражение в производственных отношениях, в политической надстройке и в формах общественного сознания. Обращаясь к хозяйственному механизму как проявлению системы производственных отношений, важно подчеркнуть не только и не столько зависимость возникающих тут процессов отчуждения от особенностей развития производительных сил, сколько реально существующую активную роль в этом деле самого хозяйственного механизма. Во-первых, определенный хозяйственный механизм, определенная система управления может консервировать структуру производительных сил и даже создавать приоритеты, ориентиры в развитии этой структуры, отнюдь не всегда лучшие с социально-экономической точки зрения. В результате на все общество может переноситься и консервироваться сложившаяся на производстве (в соответствии с потребностями технологического процесса) система управления. Во-вторых, хозяйственный механизм непосредственно создает те или иные условия для реализации человека как субъекта производственных отношений — потребность, необходимость и возможность участия каждого трудящегося и их коллективов в решении задач общественного развития.

В реальной жизни общества отчуждение проявляется как объективно обусловленная и субъективно воспринимаемая невозможность (или ограниченная возможность) индивидов активно влиять на социальный процесс — экономический, политический, духовный. В экономике, обуславливающей все другие сферы, это выражается двояко:

— как невозможность активного влияния на хозяйственный процесс, что подразумевает целеполагание, организацию этого процесса, контроль за его протеканием и тесную связь с полученными результатами. Очевидно, что чем в меньшей мере человек имеет возможность воздействовать на условия и результаты производственного процесса, тем в большей мере происходит его реальное отчуждение. «Отношение к собственности, — подчеркивалось на съезде КПСС, — формируется прежде всего теми реальными условиями, в которые поставлен человек, возможностями его влияния на организацию производства, распределение и использование результатов труда»¹;

— как неудовлетворенность трудом (содержание труда, квалификация, крайняя ограниченность возможности перемены труда). Иными словами, труд выступает не как потребность индивида, но лишь как средство для удовлетворения других потребностей.

Итак, хозяйственный механизм, с одной стороны, может активно влиять на развитие производительных сил с точки зрения соотношения этого развития с интенсивностью процессов отчуждения, а с другой стороны, способен порождать дополнительные факторы, обуславливающие проблему отчуждения.

Обуславливающее преодоление отчуждения развитие общественной собственности на средства производства предстает в хозяйственном механизме как обеспечение условий для постоянного, сознательного согласования объективно существующих интересов субъектов производственных отношений. В отличие от капитализма, классическая модель которого предполагает стихийное и апостериорное согласование

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 39.

интересов через рынок, принципиальной особенностью общества, идущего по пути преодоления отчуждения, становится сознательное воздействие на интересы для достижения поставленных обществом целей своего развития. И это вполне естественно, так как наиболее эффективным является хозяйствование, основанное на управлении интересами и через интересы. Говоря более конкретно, именно в повышении реальной управляемости, в укреплении плановости, предполагающей совпадение априорно поставленных целей с полученным на практике результатом, состоит критерий, позволяющий оценивать меру остроты проблемы отчуждения в социалистическом народном хозяйстве.

Усиление планомерного, сознательного начала при социализме непосредственно связано с закономерным процессом повышения роли субъективного фактора, что означает усиление возможностей человека активно влиять на условия своей жизнедеятельности. Этот процесс осуществляется в двух формах: как обеспечение руководства народным хозяйством из единого центра и как существенное расширение роли трудящихся в управлении общественным производством.

Однако в конкретных условиях развития страны, в условиях незрелости социалистических производственных отношений возможна гипертрофия одной из этих сторон. Сложности, вставшие перед Советским Союзом на первых этапах (индустриализация в капиталистическом окружении, война, послевоенное восстановление) обусловили реализацию субъективного фактора преимущественно в форме централизованного руководства, детально регламентирующего деятельность всех хозяйственных субъектов. В определенный период подобная централизация была возможна технически и оправдана экономически, позволив в экстремальных условиях решить ряд важных социальных, политических и хозяйственных задач.

Гипертрофия одной из форм повышения роли субъективного фактора закреплялась и воспроизводилась хозяйственным механизмом, суть которого сводилась к прямым административным методам воздействия центра на деятельность хозяйственных звеньев. Регулирование и согласование сложной системы экономических интересов подменялось

упрощенной моделью, в соответствии с которой согласование интересов при социализме обеспечивается автоматически, поскольку все члены общества однозначно заинтересованы в реализации централизованно выдвигаемых задач. С этой точки зрения различие интересов отдельных групп трудящихся представлялась, как правило, не более чем пережитком прошлого, который надо неуклонно преодолевать.

Предприятиям отводилась роль чисто производственных ячеек, подобных цехам крупного комбината, руководимых посредством прямых распоряжений, поступающих из общей конторы. Из активных субъектов социалистических производственных отношений они превращались в объекты управления, задачи которых заключались в наиболее точном выполнении спущенных «сверху» директив. Творческая деятельность общества по формированию и развитию производственных отношений закрепляется за единственным субъектом — экономическим центром, отрываясь от основной массы трудящихся. Важнейший элемент социалистической экономики — народнохозяйственный план, который и должен обеспечивать согласование интересов, постепенно становится своеобразной «внешней силой» по отношению к предприятиям и их трудовым коллективам.

Было бы упрощением считать, что представления о социализме на первых стадиях его развития низводили человека до роли «винтика». В официальных выступлениях и в научных публикациях неоднократно подчеркивалась необходимость участия самых широких масс трудящихся в планировании и управлении, без чего нельзя учесть всю совокупность конкретных условий и возможностей хозяйственного строительства. Однако упускалось из виду, что для решения задачи привлечения трудящихся к управлению, к выявлению и использованию всех внутренних резервов недостаточно лишь мер идейно-воспитательного воздействия, но необходимы и соответствующие экономические условия. Между тем формировавшийся на рубеже 1920–1930-х годов хозяйственный механизм этому как раз не способствовал.

В соответствии с логикой этого хозяйственного механизма именно централизованный план, понимаемый как

совокупность централизованно устанавливаемых директив и показателей, является мерилom, главным критерием оценки предприятий. Оценка за план и выступает основным экономическим фактором, отрицательно влияющим на согласование коллективных, личных и общественных интересов, обуславливающим отчуждение трудового коллектива (предприятия) от плана и, следовательно, от возможности активного влияния на хозяйственный процесс. Последнее наиболее ярко проявляется в стремлении предприятий к занижению своих возможностей и к завышению потребности в ресурсах.

Подобная ситуация ставит сложные вопросы перед органами управления. Чтобы не допустить принятия не напряженных планов, они оказываются вынужденными регламентировать не только конечные результаты деятельности предприятий, но и способы их достижения, требуя «наверх» все большие объемы информации. К началу 1980-х годов предприятия ряда промышленных министерств должны были представлять ежегодно отчеты, включающие несколько сотен тысяч показателей.

Очевидно, однако, что если предприятия сами не заинтересованы вскрывать свои резервы, то «доопределить» их «сверху» практически нереально. Наоборот, попытки выявления действительных возможностей предприятий путем увеличения отчетности и расчетов лишь способствуют утаиванию этих возможностей, так как создаются благоприятные условия для предприятий создавать видимость выполнения плана за счет промежуточных результатов без реального роста конечного народнохозяйственного эффекта.

Образуется замкнутый круг: чем жестче регламентируется деятельность предприятий, тем менее заинтересованы они в выявлении своих резервов, в передаче «наверх» соответствующей информации. В результате складывается ситуация, которую можно определить как отчуждение органов управления от хозяйственного процесса. Все менее представляя себе реальное положение дел на предприятиях, последние все более вынуждены проявлять субъективизм. Единственным реальным способом разработки централизованных плановых директив оказывается пресловутое планирование от достигнутого. Действительные хозяйственные процессы не совпадают

с запланированными, и обоснованность плановых заданий обнаруживается лишь в самом процессе производства, что делает неизбежными постоянные корректировки планов под факт и на практике лишает центр возможности активно влиять на стратегию социально-экономического развития. Сам народнохозяйственный план оказывается внешней, неконтролируемой силой не только по отношению к предприятиям, но и для самих органов планирования и управления. Подобная ситуация означает отчуждение плана от реального хозяйственного процесса и, в конечном итоге, отчуждение экономического центра от плана.

Итак, отчуждение плана от предприятий, с необходимостью обуславливающее отчуждение плана от хозяйственного процесса и от экономического центра, создает объективные основы для возникновения своеобразного явления, получившего название «плановый фетишизм». Будучи прямым следствием воспроизводства и консервации хозяйственным механизмом отчуждения, плановый фетишизм означает отрыв плана от активной деятельности субъектов социалистических производственных отношений (как от непосредственных производителей, так и от экономического центра) и превращение его во внешнюю для них силу.

Особая роль, которую следует отнести плановому фетишизму в исследовании процессов отчуждения, связана с объективной ролью планомерности в системе производственных отношений социализма как общей формы их движения и ролью народнохозяйственного плана как механизма, объединяющего субъектов этих отношений, включающего их в единый хозяйственный процесс и обуславливающего тем самым возможность априорного учета общественных потребностей и согласования экономических интересов. И именно в условиях планового фетишизма происходит ослабление планомерности как реальной управляемости экономической системы, «планомерность несет в себе элементы стихийности»¹, в чем наиболее ярко проявляется процесс отчуждения в его законченном виде.

¹ Шехет Н. Противоречия планомерности и пути их разрешения // Вопросы экономики. 1986. № 6. С. 66.

Сохранение хозяйственного механизма, воспроизводящего отчуждение при социализме, оказывает деформирующее воздействие на взаимоотношения субъектов экономической жизни — как непосредственных производителей, так и органов управления, затрудняет выявление и анализ подлинных причин существующих проблем и поиск путей их разрешения. Предприятия упрекают вышестоящие органы в бюрократизме и безответственности, в неспособности разработать и «спустить» увязанный по всем показателям и свободный от корректировок план, полностью обеспеченный материально-техническими ресурсами. Органы управления, со своей стороны, обычно винят предприятия в «антигосударственной практике» сокрытия своих резервов, в преследовании своих эгоистических, локальных интересов, в некомпетентности или игнорировании общественных целей. И в обоих случаях все оказывается сведенным к проблеме «хорошего плана» как развернутой совокупности директивных показателей, задаваемых «сверху». Затянувшееся на десятилетия ожидание «хорошего плана» такого рода многими предприятиями порождает у них «планово-иждивенческое» настроение при непонимании того, что желаемый документ может быть разработан только ими самими. «Сверху» же все время стремятся разработать подобный «хороший план», ослабляя внимание к определению стратегических перспектив социально-экономического развития страны и, по сути дела, недооценивая значение создания экономических условий, побуждающих предприятия к самостоятельной разработке напряженных планов в народнохозяйственных интересах и к наиболее эффективному их выполнению.

Негативные явления, оставаясь длительное время нерешенными, привлекали и привлекают повышенное внимание многих экономистов. Однако неразвитость экономической системы социализма на предшествующих этапах, ограниченные возможности теоретического анализа, недостаточный практический опыт не раз вели к тому, что для решения назревших вопросов совершенствования планирования и управления предлагались меры, не способствовавшие преодолению отчуждения, не выводившие хозяйственные

отношения за его рамки или даже означавшие на практике углубление этого явления. Сказанное относится, например, ко всем попыткам обеспечить заинтересованность предприятий в напряженных планах при сохранении представления о них как о чисто производственных ячейках, основной задачей которых является выполнение «спускаемых» заданий, и при сохранении представления о плане лишь как о совокупности директивных показателей, имеющих силу административного приказа. Иначе говоря, никакое уменьшение числа показателей и изменение их структуры, никакие новые показатели сами по себе не могут обеспечить согласование интересов и, следовательно, преодоление отчуждения, если система стимулов «включается» только при выполнении плана и фактически бездействует (точнее, действует со знаком «минус») при его разработке, то есть если сохраняется оценка за план.

Не будет способствовать преодолению отчуждения и практика, отождествляющая интересы того или иного субъекта производственных отношений с интересами представляющего его органа. Наиболее наглядно это проявилось в том варианте расширения прав предприятий, когда реально происходит расширение прав только их директоров. Спору нет, демократизация управления предполагает расширение прав руководителей различного ранга и в особенности основного звена¹, но этим не должен ограничиваться объективный процесс повышения роли непосредственных производителей в хозяйственной жизни страны.

Подведем некоторые итоги. Особенности современного характера труда (дефицит творческого труда при ограниченных возможностях смены труда в условиях жесткого его разделения по горизонтали) создает общую основу для отчуждения. Оно проявляется в разделении труда по вертикали, в обособлении и усложнении функций управленческой деятельности. Наконец, определенные формы хозяйствования (хозяйственный механизм) могут консервировать состояние

¹ Например, ситуация, сложившаяся к началу 1950-х годов, потребовала расширения прав не только директоров предприятий, но и министров, о чем были приняты специальные постановления.

технико-экономических отношений в самом процессе производства и одновременно порождать ряд негативных социально-экономических процессов, усиливающих отчуждение. В результате действия всех рассмотренных выше групп факторов складывается ситуация, когда человек выступает в первую очередь лишь как работник, и, более того, как частичный работник, при модификации его роли как субъекта системы производственных отношений.

Современный этап развития нашей страны требует принятия решительных экономических мер, способных существенно ослабить отчуждение. Решению этой задачи в значительной степени должно способствовать последовательное и комплексное осуществление намеченной партией радикальной реформы хозяйственного механизма, нацеленной на переход от преимущественно административных методов управления к экономическим, к управлению интересами и через интересы, ориентирующей на углубление социалистического самоуправления.

ПЛАНОВЫЙ ФЕТИШИЗМ: НЕОБХОДИМА ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА

К числу причин, обусловивших появление догм в преподавании политической экономии, относят их наличие в самой экономической науке. Однако возникает закономерный вопрос: что порождает их здесь? Нам представляется, что одна из главных причин догматизма кроется в абсолютизации сложившихся на ранних этапах развития социализма хозяйственных форм. Отражаясь в обыденном сознании субъектов хозяйствования как объективно необходимые и единственно возможные, эти формы закреплялись в стереотипах мышления и управленческого поведения и часто некритически переносились в экономическую науку. «Произошла своего рода абсолютизация сложившихся на практике форм организации общества, — отмечалось на январском (1987 года) Пленуме ЦК КПСС. — Более того, подобные представления, по сути дела, отождествлялись

с сущностными характеристиками социализма, рассматривались как неизменные и преподносились в качестве догм, не оставляющих места для объективного научного анализа»¹.

Такая взаимосвязь прослеживается, на наш взгляд, при анализе явления, которое в экономической литературе иногда называют плановым фетишизмом. Этот термин употребляется в разных контекстах и имеет различные смысловые оттенки; возникновение же явления связывается с такими факторами, как преувеличение в хозяйственной практике роли объемных показателей планирования, стремление выполнить план любой ценой. Связанные с плановым фетишизмом, эти факторы, однако, представляют собой элементы более общей системы хозяйственных отношений и образуют звенья определенной логики движения хозяйственных процессов, ведущей к превращению плана во внешнюю, чуждую участникам общественного производства силу.

Именно в господстве общественных отношений над людьми, понимаемом «... как вещное ограничение индивида независимыми от него и самодовлеющими отношениями»², в формах овещствления лиц и персонификации вещей К. Маркс видел содержание товарного фетишизма. Преодоление фетишизма в товарной форме устраняет подчинение людей стихийным экономическим силам. «Законы их собственных общественных действий, противостоящие людям до сих пор как чуждые, господствующие над ними законы природы, — писал Ф. Энгельс, — будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству»³.

Действительно, если выдвигаемые обществом цели объективно обусловлены, если обеспечивается согласование интересов всех хозяйствующих субъектов (т. е. их заинтересованность в достижении поставленных целей), то общественное производство становится объектом сознательного регулирования со

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 27–28 января 1987 года. М.: Политиздат, 1987. С. 8.

² Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. М.: Политиздат, 1968. С. 107.

³ Энгельс Ф. Диалектика природы // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. М.: Политиздат, 1961. С. 394–395.

стороны ассоциации трудящихся. При таком положении действие субъективного фактора производства проявляется в двух формах: как управление экономикой из единого центра и как всеобщее участие трудящихся в управлении общественным производством. Взаимодействие этих форм служит основой укрепления централизованного руководства посредством развития инициативы трудящихся масс, осуществляющих в свою очередь контроль за соответствием плановых целей объективным потребностям развития социалистической экономики. Это означает утверждение зрелой формы плановости как производственного отношения социализма.

Особые задачи, вставшие перед экономикой нашей страны в период индустриализации, а затем послевоенного восстановления народного хозяйства, предопределили гипертрофию централизованного руководства, детально регламентирующего деятельность хозяйственных звеньев. В экстремальных обстоятельствах оно позволило стране быстро добиться больших успехов в развитии народного хозяйства и обеспечить экономическую независимость и необходимую обороноспособность в условиях капиталистического окружения. Однако сохранение жестко централизованной системы управления в условиях экономики с развитой отраслевой структурой и приоритетом качественных характеристик экономического роста неизбежно усиливало отрицательные последствия такой системы, относящиеся не только к технико-экономической, но в первую очередь к социально-экономической сфере. Творческая деятельность общества по формированию и развитию экономических отношений в этом случае закрепляется за единственным субъектом — экономическим центром, на деле происходит отчуждение трудящихся от управления.

Механизмом воспроизводства жесткой централизации в системе хозяйствования служит особый способ оценки деятельности хозяйственных звеньев — оценка «за план». Позволяя осуществлять детальную регламентацию, такой способ оценки закономерно исключает сами предприятия из числа активных субъектов хозяйственной деятельности. Это обусловлено рядом причин.

Во-первых, задача предприятий сводится лишь к выполнению спущенных «сверху» плановых показателей, поэтому за обеспечение производственной программы ресурсами и мощностями, а также за соответствие произведенной продукции общественным потребностям ответственность несут вышестоящие органы. Ресурсы выделяются предприятиям в соответствии с централизованно установленными заданиями и по мере их выполнения. Самостоятельная деятельность предприятий при этом ограничивается в основном решением производственных задач.

Во-вторых, оценка «за план» не дает адекватной формы движения противоречию между интересами общества и предприятия. Хозяйственные звенья оказываются заинтересованными в получении низких плановых заданий и завышенных объемов ресурсов для их выполнения, с тем чтобы меньшими трудовыми усилиями добиться высокой экономической оценки деятельности. Поскольку предприятия не заинтересованы в принятии напряженных планов, их самостоятельность и инициатива в деле формирования плана крайне ограничены. Стремление к сокрытию внутренних резервов и к завышению потребностей в сырье, материалах, рабочей силе приводит к искажению поступающей в вышестоящие органы информации о деятельности предприятия. Косвенным подтверждением здесь может послужить, например, тот факт, что в СССР в 1970-е годы планы производства продукции перевыполнялись в среднем на 1,5–2%, тогда как выполнение заданий по осуществлению технического прогресса обеспечивалось лишь на 70–90%¹.

В-третьих, препятствуя принятию ненапряженных планов, вышестоящие органы управления стремятся в описанной ситуации регламентировать не только конечные результаты деятельности предприятий, но и способы их достижения, используя с этой целью, в частности, увеличение объема требуемой информации.

Таким образом, образуется замкнутый круг: чем больше регламентирована деятельность предприятий, тем сильнее

¹ См.: Бунич П.Г. Управление, экономические рычаги, хозрасчет. М.: Наука, 1976. С. 226.

стремление к занижению плановых заданий и тем легче предприятию создать видимость выполнения плана за счет улучшения промежуточных результатов. В свою очередь, чем в большей мере оценка деятельности предприятия отрывается от реального вклада в народнохозяйственный результат, тем сильнее обнаруживается тенденция к росту централизации, поскольку основным методом воздействия на предприятие является установление ему плановых заданий.

Иллюстрацией проявления этой тенденции служит, например, неуклонный рост количества директивно устанавливаемых предприятиям показателей за последние тридцать лет (хотя за этот период был принят ряд правительственных решений, направленных против такого роста). Так, если в начале 1960-х годов деятельность предприятия регламентировалась посредством установления «сверху» нескольких десятков показателей, то в начале 1980-х годов их число достигло нескольких сотен. В 1986 году предприятиям Минэлектротехпрома, например, ежегодно утверждалось около 500 показателей, Минприбора — 450, Минсельхозмаша — 600, Минстанкопрома — 400¹.

Попытка выявить действительные возможности предприятий путем расширения отчетности лишь способствует утаиванию таких возможностей. Центральные органы управления все менее представляют себе реальное положение дел на предприятиях. В результате реально протекающие хозяйственные процессы не совпадают с запланированными, обоснованность (или необоснованность) плановых заданий обнаруживается лишь в самом процессе производства. Наиболее отчетливо проявляется сложившаяся практика в корректировке плана «под факт» — явлении, свидетельствующем о том, что в современных условиях у плановых органов нет реальной возможности действительно обеспечить сознательное регулирование результатов процесса общественного производства еще до его начала.

¹ См.: Ускорение: Актуальные проблемы социально-экономического развития. Вып. 3. М.: Правда, 1986. С. 139.

Исключение предприятий из числа активных субъектов хозяйственной деятельности в конечном счете приводит к тому, что план оказывается внешней неконтролируемой силой как для коллективов предприятий, так и по отношению к самому экономическому центру. На практике постоянно приходится сталкиваться со стихийностью плана — явлением абсурдным, противоречивым в самом своем определении, в котором плановый фетишизм проявляется наиболее ярко. Очевидной становится причинно-следственная связь между теми негативными явлениями, которые рассматриваются в статье В. Черняка: отчуждением труда (не только потому, что труд не стал первой жизненной потребностью, но и вследствие отделения трудящихся от процесса принятия решений), оценкой деятельности предприятий за выполнение плана, *планомерной стихийностью*¹.

На поверхности явлений плановый фетишизм выступает в двух формах: субъективизации объективных процессов и объективизации субъективной деятельности.

Субъективизация объективного состоит в том, что процесс управления народным хозяйством и его отдельными звеньями путем воздействия на интересы участников общественного производства подменяется увеличением количества плановых показателей, движение производственных отношений — движением плановых показателей. При этом создается впечатление, что достаточно включить соответствующий показатель в план и поставленные задачи будут выполнены. К примеру, разработка и внедрение достижений научно-технического прогресса в народном хозяйстве долгое время связывались с выделением в плане особого раздела по научно-техническому прогрессу и доведением до предприятий заданий по науке и технике. Такой подход глубоко укоренился в хозяйственной практике². С помощью до-

¹ См.: Черняк В. О преодолении догматизма в разработке и преподавании политической экономии социализма // Экономические науки. 1987. № 4. С. 96, 98, 94.

² В одном из номеров журнала «ЭКО» отмечалось, что тезис «заинтересовать экономически, а не внедрять насильственно» пережевывают в основном ученые. Практики не возражают, но уповать на экономические методы не спешат. Они живут в планово-предопределенном мире, и мироощущение у них сложилось «плановое». Важно, говорится далее, не призывать к прогрессу, а запланировать его решениями Госплана, разрабатывать систему научно-технического прогресса, как разрабатываются приборы (см.: Экономика и организация промышленного производства. 1986. № 8. С. 17).

полнительно включаемых в план показателей на протяжении последних двадцати лет пытались добиться экономии ресурсов, повышения производительности труда, улучшения качества продукции и т. д.

Подобная хозяйственная практика неизбежно отражалась и в экономической теории. В течение длительного времени анализ существа плана ограничивался отдельными формами деятельности центральных хозяйственных органов как выразителей общенародных интересов, что находило отражение и в рекомендациях о путях укрепления планового начала в советском народном хозяйстве.

Первоначально (1930-е — начало 1950-х годов) важнейшую особенность планового хозяйства ученые-экономисты видели в возможности учитывать общественные потребности непосредственно экономическим центром в лице социалистического государства и на этой основе определять производственные задания. Последние принимали форму административного приказа вышестоящих органов, обязательного для исполнения.

С этих позиций негативные стороны действовавшей системы планирования и управления, в частности незаинтересованность предприятий в напряженных планах, связывались с личными качествами отдельных хозяйственных руководителей: консерватизмом, бюрократизмом, недостаточной компетентностью, низкой ответственностью и т. д. Средством преодоления таких явлений могла быть лишь ведущаяся административными мерами борьба с «антигосударственной практикой». Разумеется, и укрепление планового начала в социалистической экономике связывалось с усилением административных и правовых рычагов воздействия на предприятия.

Ограниченность подхода, фактически отождествлявшего плановый механизм с административной директивой, стала более или менее очевидной к середине 1950-х годов. Основное внимание было перенесено на проблему показателей в плане. Сложилось мнение, что для решения возникающих проблем достаточно найти наиболее удачные показатели, с помощью которых оценивалась бы деятельность хозяйственного звена. Экономисты дружно критиковали

валовую продукцию как играющую роль основного результативного критерия; было высказано множество предложений о совершенствовании системы показателей путем введения в нее показателей, отражающих объем выполненной на предприятии работы. Иными словами, план представлялся в виде некоей совокупности показателей, централизованно устанавливаемых предприятию и экономически заинтересовывающих его в выполнении плановых заданий.

Вместе с тем в ряде работ того же периода обосновывалось принципиально иное понимание сущности планирования. Стимулирование рассматривалось как собственно плановая проблема, поскольку система социалистического хозяйствования должна заинтересовать предприятия не только в выполнении, но и в разработке напряженных планов. Такой подход связывает сущность планового ведения хозяйства с механизмом согласования экономических интересов субъектов социалистического производства. Фактически это означало новое понимание плана — как механизма, обеспечивающего деятельность предприятий и отдельных работников в соответствии с народнохозяйственными целями. Иными словами, план представляет собой, с данной точки зрения, механизм достижения поставленных обществом целей социально-экономического развития. Из содержащего совокупность директив документа он превращается в реальный процесс организации хозяйственной деятельности.

Однако на развитие этой концепции оказывали влияние и элементы планового фетишизма. Дело в том, что механизм согласования интересов связывался здесь с сохранением при социализме товарно-денежных отношений, а не с содержанием планомерности как таковой. Складывалось представление, что механизм объективизации плана находится вне его, а преодоление субъективизации объективных процессов связано с недостаточным уровнем развития непосредственно общественных основ социалистического производства.

Тем не менее эта концепция планирования безусловно представляла собой значительный шаг вперед в преодолении планового фетишизма в экономической теории.

В послереформенный период, т.е. со второй половины 1960-х годов, ее развитие было наиболее динамичным. Однако это не означало, что понимание плана как административной директивы или совокупности показателей уже полностью преодолено. Такие взгляды практически в неизменном либо несколько модифицированном виде продолжают существовать, воспроизводятся на каждом новом этапе дискуссий по проблемам хозяйственного механизма, в том числе и в современный период. Их выражением является, в частности, трактовка приоритета непосредственно общественных отношений по сравнению с товарно-денежными в социалистической экономике как преимущества натуральных показателей в планировании перед стоимостными или директивных конкретно-адресных заданий перед экономическими нормативами и другими косвенными методами регулирования; приравнивание отказа от оценки «за план» или от установления предприятиям директивных показателей к подрыву централизованного планирования и т.д.

Другой стороной планового фетишизма является *объективизация субъективной деятельности* плановых органов. Она состоит в том, что любые хозяйственные решения, любые плановые задания считаются научно обоснованными уже в силу того, что они определены централизованно. Это порождает «слепую веру во всемогущество аппарата»¹, в неограниченные возможности экономического центра², централизованно установленные задания априори отождествляются

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 16 июня 1986 года. М.: Политиздат, 1986. С. 10.

² Еще на заре Советской власти Г.М. Кржижановский указывал на сохранение подобной психологии периода «военного коммунизма» при переходе к НЭПу. «Присматриваясь к программам, — писал он в работе «Хозяйственные проблемы РСФСР и работа Государственной общеплановой комиссии», — вы видите, что при составлении их безмолвно предполагается, что государственная власть является какой-то чудодейственной силой для удовлетворения потребностей страны в любых пропорциях. Искусственные разрывы в границах того или другого производства, отрыв дела снабжения от производственных органов, многочисленность опекающих инстанций — все это в последнем счете придавало производственным программам характер безответственных проектов, составленных, быть может, и с добрыми намерениями, но с хозяйственной точки зрения висящих в воздухе» (Кржижановский Г.М. Проблемы планирования // Кржижановский Г.М. Соч. М.: ОНТИ, 1934. Т. 2. С. 103).

с общенародными интересами, а их выполнение выступает в качестве основной, если не единственной задачи производственных звеньев. Реализация общенародных интересов на уровне предприятия отождествляется в этом случае с безусловным выполнением плана вне зависимости от того, с какими экономическими и социальными издержками это связано.

В подобных условиях всякая самостоятельная инициатива получает права гражданства в случае, если она не противоречит существующим инструкциям и одобрена вышестоящими органами¹. Хозяйственная целесообразность при этом во внимание не принимается, поскольку все централизованные решения считаются заведомо обоснованными и исходящими из высших народнохозяйственных интересов.

Очевидно, что плановый фетишизм как на практике, так и в теории является тормозом осуществления широкой программы перестройки нашего общества. Пассивность масс трудящихся, ограничение их роли выполнением спущенных «сверху» указаний, отсутствие заинтересованности в выявлении внутренних резервов противоречат концепции ускорения социально-экономического развития, предполагающей развертывание всех свойственных социалистическому обществу движущих сил.

Центральное место принадлежит здесь углублению социалистического самоуправления. Демократизация всей общественной жизни, в том числе и экономической, является важнейшей формой повышения роли человеческого фактора, активизации творческой деятельности общества и каждого его члена по преобразованию общественных отношений. Таким образом, повышение роли субъективного

¹ На встрече с трудящимися в г. Тольятти М.С. Горбачев рассказал о судьбе инициативы молодежи Челябинска, когда комсомольцами была создана межотраслевая сквозная бригада из молодых обувщиков и продавцов торгового центра, что позволило практически изжить брак, а качество женской обуви стало не хуже, чем у известных зарубежных фирм. Но министерства легкой промышленности и торговли РСФСР увидели в этом почине лишь то, что он не отвечал инструкциям Госплана, Минфина, Госкомтруда. И хорошую инициативу прикрыли (см.: *Горбачев М.С.* Быстрее перестраиваться, действовать по-новому. Речь на встрече с трудящимися г. Тольятти 8 апреля 1986 г. М.: Политиздат, 1986. С. 30).

фактора путем организации производства из единого центра диалектически дополняется второй формой этого процесса — широким участием трудящихся масс в управлении производством.

Развитие инициативы трудовых коллективов возможно лишь в условиях их широкой самостоятельности и ответственности, предполагает активную заинтересованность в достижении народнохозяйственных целей, в максимальном повышении эффективности производства. Создать ее в ситуации оценки «за план», приводящей к конфликту между экономическими интересами общества и предприятия, к неизбежному ужесточению централизации, представляется нереальным. В этом мы согласны с В. Черняком. Однако то, что он практически предлагает для преодоления планового фетишизма¹, на наш взгляд, не решает проблемы. Оценка деятельности предприятий на основе «норматива возможных достижений», позволяющего измерять напряженность плана, предполагает достоверное знание центральными органами управления возможностей каждого предприятия. Однако о внутренних резервах точно знает лишь само предприятие. На народнохозяйственном же уровне известно другое: задачи, стоящие перед экономикой страны, и тот уровень эффективности производства, который необходим для их решения.

Следовательно, преодоление планового фетишизма, по нашему мнению, возможно лишь в условиях оценки деятельности предприятий за реальный уровень эффективности производства, когда основными рычагами воздействия центра на предприятия являются единые для крупных сфер хозяйственной деятельности экономические нормативы и общие правила хозяйствования при гибкой налоговой и кредитной политике, осуществляемой государством.

¹ См.: Черняк В. Некоторые экономические проблемы повышения трудовой активности // Экономические науки. 1986. № 10. С. 52; Черняк В. О преодолении догматизма в разработке и преподавании политической экономии социализма. С. 98.

РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В НОВОМ ТИПЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЦЕНТРАЛИЗМА

Традиционный подход к проблеме экономического централизма исходил из неверной общей предпосылки о тождественности общенародной и государственной форм собственности при социализме. При такой трактовке государство из представителя интересов общества превращалось, по существу, в единственного полноправного субъекта присвоения, а государственная собственность представлялась как универсальная форма собственности, охватывающая все сферы народного хозяйства. Соблюдался безусловный приоритет интересов государства над всеми другими интересами. В распоряжении государства находилась преобладающая часть общественных средств производства и производимого национального дохода. Государственный аппарат имел нерегламентированные возможности их централизованного перераспределения.

В этих условиях функционирование государственной формы собственности неизбежно порождало административно-командную систему управления, предполагавшую методы административного принуждения применительно ко всем звеньям общественного производства как основу регулирующего воздействия.

Исключительное положение государственной формы собственности предопределило и соответствующий тип экономического централизма, основными чертами которого выступали:

- опора на линейные структуры управления, построенные в целом по отраслевому принципу, при строгом административном подчинении нижестоящих звеньев вышестоящим и приоритете административных методов хозяйствования по отношению к экономическим методам;

- жесткая иерархия управленческих органов при отсутствии свободного входа и выхода из сложившейся структуры, при регламентации сверху форм образования и хозяйственных функций всех управленческих звеньев;

- монопольное положение линейных управленческих структур, их взаимная изолированность, возможность распоряжения производственными ресурсами при отсутствии реального экономического соревнования за эффективность их использования и соответствующего «горизонтального» давления вне зависимости от количества органов управления, участвующих в распределении этих ресурсов.

Между тем государственная форма собственности отнюдь не совпадает с общенародной формой, причем возможно не просто несовпадение, но и противоположность государственного и общенародного интереса. При этом государственная форма собственности может вести к серьезным социально-экономическим деформациям.

Последствия неадекватного отношения к государственной собственности привели не только к гипертрофированию роли централизованного управления, но и к искажению его содержания. Исторически общенародная собственность сразу утвердилась как собственность государства, непосредственными представителями которого выступали

центральные хозяйственные органы. Однако с развитием структуры народного хозяйства происходило постепенное «переуступание» функций распоряжения государственной собственностью в пользу отраслевых министерств и ведомств. Все чаще противоречия, возникающие в планировании структуры производства, в инвестиционной сфере, в ценообразовании и т.д. разрешались именно в их интересах. Народнохозяйственные органы управления, включая Госплан и Совет министров СССР, все более превращались в выразителей уже не общественных, а ведомственных интересов. Государственная собственность стала во многом «ведомственной» собственностью.

Но противостоящий общему интересу ведомственный интерес также неоднороден. Он включает в себе обособленный, относительно самостоятельный интерес аппарата этого ведомства. И прослеживается постоянная тенденция к превращению ведомственного интереса в аппаратный. Происходит, таким образом, укрепление бюрократизма, замещение общественных интересов узкими интересами управленческих групп, выступающих от имени всего общества. Общественное присвоение тем самым сочеталось с групповым присвоением и все более им деформировалось.

Малозначащей в существующей структуре органов управления была роль Советов народных депутатов. В условиях, когда решающая масса средств социального развития и средств на развитие инфраструктуры находилась в руках отраслевых министерств, Советы не имели, по существу, реальной возможности проведения в регионе какой-либо самостоятельной политики — социальной, экологической и т.д.

В самих Советах произошло разрастание исполнительной власти в ущерб выборной законодательной. А исполнительные комитеты вынуждены были выполнять во многом дублирующие функции хозяйственного управления, не ограничивая при этом существенно министерского диктата на данной территории. Этому способствовало и формирование состава Советов в значительной мере по должностному признаку. Монопольное положение линейных структур отрицало возможность реальной хозяйственной власти советских

учреждений, а дублирование порождалось узкими границами сферы их собственной деятельности.

Единственной реальной силой, противостоящей монополизму министерств, была партия. При отсутствии в экономической структуре соответствующих органов, партия была вынуждена, заполняя сложившийся межведомственный «вакуум», следить за обеспечением общих интересов, объединять и координировать развитие распадающегося на отдельные ведомства народного хозяйства, прибегая при необходимости к силовому, административному ограничению.

При этом, однако, сама деятельность партийных органов не могла не испытывать на себе деформирующего воздействия ведомственности и административной системы в целом. Вслед за разрастанием числа и усилением хозяйственной власти наркоматов (позднее министерств) структура партийных органов сама начинала перестраиваться в значительной мере по отраслевому принципу (вплоть до попытки выделения в 1962–1964 годах промышленных и сельскохозяйственных райкомов КПСС). Отраслевые отделы партийных комитетов стали административными органами, следящими за выполнением текущих народнохозяйственных планов. Основным инструментом воздействия выступало манипулирование кадровым составом руководящих хозяйственных органов. При этом попытки партийных органов под давлением «сверху» подменить хозяйственные структуры в решении вопросов оперативно-хозяйственного управления во множестве случаев не могли быть эффективными в экономическом отношении и к тому же снижали дееспособность партийных организаций в сферах политической и идеологической работы. Негативную роль играла бюрократизация части партийного аппарата¹.

В результате сложилась тройственная структура во многом дублирующих друг друга органов управления (отраслевые отделы партийных комитетов — соответствующие

¹ «Бюрократизм советского аппарата не мог не проникнуть в аппарат партийный, ибо эти аппараты переплетаются между собою тесным образом» (*Ленин В.И.* Доклад на общем собрании коммунистов Замоскворечья 29 ноября 1920 г. // *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 42. М.: Политиздат, 1970. С. 49).

отделы исполкомов Советов народных депутатов — аппарат министерств, ведомств и подчиненных им предприятий).

Преодоление деформаций возможно лишь при движении от государственной к общенародной собственности, в рамках которой государство играет активную роль как субъект отношений собственности, но не является единственным таким субъектом. Речь идет о формировании собственно государственного сектора, определяющего сферу непосредственно государственного присвоения. В этот сектор должны войти оборонная промышленность, энергетика, некоторые виды транспорта, учреждения социальной и экологической направленности и т. д.

Необходимо значительное по масштабам перераспределение хозяйственно-организаторских функций, которое, в свою очередь, требует серьезных преобразований в структуре управленческих органов. Изменение типа экономического централизма не означает отказ от ведущей роли самого централизованного управления. Напротив, оно призвано повысить действенность, гибкость этого управления, сосредоточить усилия на определении перспективных, стратегических направлений социально-экономического развития, обеспечении общей пропорциональности и сбалансированности народного хозяйства.

* * *

Таким образом, формирование адекватных форм реализации общенародной собственности невозможно без изменения централизованного руководства экономикой. Тип централизма характеризуется тремя основными моментами: механизмом принятия решений, организационной структурой управления и методами осуществления хозяйственного руководства. Исходя из этого переход от административных к экономическим методам является принципиально важным, но не достаточным условием утверждения нового типа централизма. Изменяя способы воздействия вышестоящих органов на нижестоящие, он оставляет неизменными принципы взаимодействия субъектов экономических отношений.

В этом случае экономические методы оказываются чужеродным элементом в линейной, иерархической, монопольной системе управления, что приводит либо к их отторжению, либо к выхолащиванию их содержания и превращению в «мнимо-экономические» методы, по своей сути ничем не отличающиеся от централизованных директив. На начальном этапе радикальной хозяйственной реформы такое превращение произошло с госзаказами и нормативами.

Комплексное преобразование типа централизованного руководства предполагает изменение всей совокупности взаимоотношений экономических субъектов. Если в прежнем хозяйственном механизме трудящиеся и их коллективы существовали для того, чтобы выполнять централизованные команды и осуществлять принятые «наверху» решения, то в новом механизме функции централизованного управления сводятся к выражению воли трудящихся и к созданию наиболее благоприятных условий для деятельности основного хозяйственного звена. Тем самым централизованное хозяйственное руководство, наиболее ярко воплощавшее в условиях административно-командной системы управления отчуждение трудящихся от общественной (общенародной, кооперативной) собственности, от процесса принятия народнохозяйственных решений, становится средством ликвидации этого отчуждения. В этом находят свое наиболее концентрированное выражение революционные изменения в отношениях собственности.

Новый тип централизма отрицает основные черты административно-командной системы управления.

Во-первых, он отвергает прямое адресное доведение административных команд до любых производственных звеньев относительно их хозяйственной деятельности¹. Сохранение административных методов в какой бы то ни было форме, будь то обязательное задание или обязательный госзаказ, неизбежно порождает рассогласованность интересов, стимулирует предприятия скрывать внутренние резервы. Не требуя экономического

¹ Исключения возможны лишь в чрезвычайных условиях (катастрофы, стихийные бедствия), когда право давать прямые задания может быть предоставлено специальной правительственной комиссии с особыми полномочиями.

обоснования, эти методы создают простор для волюнтаризма управленческих органов, позволяют приносить в жертву ведомственным интересам хозяйственную целесообразность.

Во-вторых, он ликвидирует линейные структуры управления. Эти структуры являются естественным элементом административно-командной системы управления, поскольку предполагают ответственность вышестоящего органа за совокупность деятельности нижестоящих. Если же каждое звено народного хозяйства самостоятельно отвечает за результаты своей деятельности, а централизованное руководство сосредоточивается на регулировании хозяйственных процессов путем воздействия на интересы, линейные структуры становятся излишними и их сохранение препятствует эффективному функционированию экономической системы. Так, всегда находят способы (неформальное давление, перераспределение средств и т. д.), которыми управленческий орган может заставить подчиненные ему звенья действовать в соответствии с его целями, вопреки их собственным интересам и интересам народного хозяйства. Действенность экономических методов в этом случае сводится к нулю.

Если для регулирования деятельности отдельных хозяйственных звеньев в наибольшей мере приспособлены линейные структуры, то регулированию хозяйственных процессов адекватна опора на функциональные органы управления. Традиционный анализ сравнительных достоинств и недостатков линейных и функциональных структур фактически исходил из незыблемости административно-командной системы управления. Все недостатки «функционалки» вытекали из административной подчиненности основного звена множеству функциональных органов. Функциональные структуры здесь пытались использовать для выполнения несвойственных им задач прямого руководства предприятиями. Реально же эти структуры приспособлены для квалифицированного обслуживания деятельности хозяйственных звеньев и ориентации их на достижение народнохозяйственных целей.

В-третьих, новый тип централизма преодолевает многозвенность и иерархичность системы управления. Необходимо

сведение к минимуму количества звеньев в управленческой структуре, поскольку каждое звено, созданное формально для осуществления целей более высокого уровня, становится носителем своих обособленных интересов и начинает играть самостоятельную роль в организации управления. В результате цели общественного развития модифицируются в каждом звене управленческой иерархии, и их искажение усиливается с ростом числа этих звеньев. Для обслуживания интересов хозяйственных организаций определенной отрасли, региона и т. п. может оказаться необходимым существование промежуточных звеньев между «центром» и основными производителями. Однако здесь было бы более целесообразно не создание особых управленческих органов, но формирование добровольных ассоциаций по мере роста экономической потребности в них и по тем направлениям, где объединение сил вытекает из интересов хозяйственных звеньев. Эти ассоциации «снизу», функционирующие на самоуправленческих началах и подконтрольные своим учредителям, по своей природе не должны приводить к таким бюрократическим извращениям, как управленческая иерархия «сверху». Ассоциации, будучи формой реализации интересов трудовых коллективов как самостоятельных субъектов общественной (общенародной) собственности, могут создаваться на разной основе и в разных целях. Возможны отраслевые, межотраслевые, региональные и другие объединения, нацеленные на решение проблем, общих для входящих в них предприятий.

В-четвертых и в конечном итоге, все это создает условия для подрыва монополизма управленческих структур в нашей экономике. Монополистическое присвоение (то есть возможность отдельных звеньев удовлетворять свои интересы за счет интересов любых других хозяйственных субъектов и всего общества) деформирует всю систему социалистической собственности, оказывается формой скрытого частного присвоения. Традиционно проблемы монополизма и соревновательности связываются с деятельностью основных производственных звеньев. Однако не менее актуальны эти проблемы и применительно к управленческим структурам. Если

трудящиеся и их коллективы не имеют возможности выбора условий своего развития из предлагаемых альтернатив (управленческих, научно-технических, информационных, кредитных и т. д.), органы управления оказываются монопольными выразителями общественных интересов, которые в результате могут быть подменены групповыми (ведомственными, местными, аппаратными). Без развития соревновательности элементы старой системы управления начинают воспроизводиться если не непосредственно, то в превращенных формах. Функциональные структуры уподобляются линейным, поскольку становятся для предприятий единственным источником любой информации и ресурсов, полностью определяя их деятельность исходя из собственных интересов. Выхолащивается и содержание экономических методов.

Те же причины обуславливают преимущества координации деятельности функциональных органов перед их субординацией и возможности каждого из этих органов вести относительно самостоятельную политику в рамках общей стратегии развития.

Лишь на основе подобного комплексного преобразования системы управления возможно формирование нового механизма принятия решений, базирующегося на самоуправлении и конкурсных началах, что означает становление нового типа централизма как целостности.

Рассмотренные принципы могут найти практическое воплощение в следующей общей модели.

Экономический центр, обеспечивающий управляемость народного хозяйства, должен состоять из ряда функциональных органов: планово-экономического центра, государственного банка, информационно-статистического центра, центра по управлению трудовыми ресурсами и социальной политике. Возможно также существование особых органов управления непроизводственной сферой и объектами государственной собственности.

Планово-экономический центр берет на себя все вопросы, связанные с разработкой и реализацией народнохозяйственного плана. В его функции входят: (1) стратегическое планирование и прогнозирование; (2) среднесрочное планирование,

включая обеспечение материальной, финансовой и натурально-стоимостной пропорциональности на макроуровне, в том числе формирование государственного бюджета, и сбалансированности народнохозяйственных целей с экономическими регуляторами, ориентирующими все звенья экономики на достижение этих целей; (3) осуществление координирующих функций и постоянного равноправного диалога с предприятиями. Сосредоточение всех этих функций в компетенции единого органа создает необходимые предпосылки для комплексности планирования, формирования пятилетнего плана как части долгосрочной стратегии и одновременно оперативного реагирования на непредвиденные изменения хозяйственной ситуации с помощью плановых резервов, централизованных капиталовложений и т. д.

Многообразие функций планово-экономического центра, огромные масштабы экономики нашей страны и существенная дифференциация хозяйственных условий по регионам предполагают существование промежуточных звеньев — органов планово-экономических районов. Тенденции к монополизации хозяйственной власти и осуществления на этой основе ведомственного интереса органами планово-экономического центра будет противодействовать существование противовесов — Советов народных депутатов и региональных советов директоров, которые создаются на добровольной основе в целях решения общих производственных и социальных задач, встающих перед различными предприятиями данной местности или региона.

Что касается отраслевых проблем, то, как представляется, здесь достаточно формирования добровольной ассоциации предприятий для решения общих для них вопросов. Допускается существование нескольких аналогичных ассоциаций, а также возможность для каждого предприятия входить в несколько ассоциаций или не входить ни в одну из них, что должно препятствовать отраслевому монополизму. Решения о создании и ликвидации ассоциаций, участии или неучастии в их деятельности должны находиться в исключительной компетенции самих предприятий. Прямое вмешательство государственных органов допустимо лишь в случае доказанного

монополистического характера той или иной ассоциации. Однако это вмешательство должно состоять не в замене экономического регулирования административными директивами относительно параметров хозяйственной деятельности ассоциации-монополиста, но лишь в ее роспуске.

Основанный на самоуправленческих началах новый тип централизма предполагает альтернативное планирование как долгосрочной, так и среднесрочной перспективы. Альтернативные концепции могут предлагаться как планово-экономическим центром (совместно с другими правительственными органами), так и научными, общественными и другими организациями, включая ассоциации предприятий. Далее все предложенные варианты проходят всенародное обсуждение. Подведение его итогов и доработка выбранной концепции должны происходить в обстановке гласности и учета общественного мнения. Окончательное решение о стратегии развития, определяющей целеполагание в народном хозяйстве на длительный период, принимают съезд КПСС и высший законодательный орган.

Тот же принцип соревновательности действует и при разработке концепции среднесрочного плана, с тем лишь ограничением, что выдвигаемые альтернативы должны соответствовать действующей стратегической концепции. После всестороннего демократического обсуждения окончательное решение относительно концепции среднесрочного плана принимает высший законодательный орган страны.

На основе выбранного варианта концепции правительство разрабатывает собственно среднесрочный план. В процессе его подготовки планово-экономический центр сотрудничает с другими функциональными правительственными органами на основе принципов координации (но не субординации). Обеспечивая определенную независимость отдельных органов друг от друга, это создает условия для более глубокой проработки параметров плана. При возникновении резких разногласий между ними вопрос переносится в Верховный Совет. Определенная автономия в деятельности этих органов сохраняется и на стадии реализации плана, что позволяет им гибко реагировать на незапланированные

хозяйственные процессы. При значительном отклонении реальной траектории движения от плановой любой из этих органов, а также Академия наук и общественные организации, могут выходить в законодательные органы с предложением о пересмотре стратегии.

Особое положение в рассмотренной системе занимают вопросы формирования государственного бюджета. Разрабатываемый планово-экономическим центром и ежегодно обсуждаемый и принимаемый законодательным органом, он становится важным элементом постоянного контроля за ходом реализации концепции среднесрочного плана, показателем эффективности или неэффективности осуществляемой экономической политики.

Соревновательность в новом типе централизма должна существовать не только на стадии формирования планов, но и непосредственно в процессе их реализации. Особенно это актуально применительно к научно-техническому, управленческому, информационному и т.п. обслуживанию предприятий, то есть к так называемой «управленческой инфраструктуре». Подобные обслуживающие организации могут существовать на четырех уровнях. Во-первых, это государственные, преимущественно бюджетные организации, имеющие целью решение задач, вытекающих непосредственно из экономической политики (единой научно-технической политики, политики в области занятости, социальной политики, концепции совершенствования хозяйственного механизма), а также обобщение и предоставление предприятиям плановой и фактической информации о положении в народном хозяйстве, на анализ зарубежного опыта и т.д. Во-вторых, это хозрасчетные, преимущественно кооперативные организации, специализирующиеся на различных видах «управленческой инфраструктуры» — научно-технические, внедренческие, консультативные фирмы (информационные, экологические, социологические, психологические и пр.), хозрасчетные центры по трудоустройству, центры по изучению конъюнктуры рынка и т.д. В-третьих, это органы, создаваемые ассоциациями предприятий для обслуживания своих членов. В-четвертых, это

«дочерние» организации крупных предприятий, организуемые для собственных нужд и для предоставления услуг на сторону. В принципе, на каждом из этих уровней решается свой круг вопросов: государственные организации разрабатывают проблемы, касающиеся наиболее общих условий деятельности предприятий; фирмы и органы ассоциаций позволяют приспособить их к более конкретным местным условиям; «дочерние» организации крупных предприятий содействуют распространению передового опыта. Однако если какой-то из уровней неудовлетворительно выполняет свои функции, организации других уровней могут их продублировать на хозрасчетной основе. Тем самым предприятия получают возможность реального выбора.

Эффективность кредитной системы также неотделима от соревновательности. Однако здесь ситуация осложняется тем, что кредитные учреждения, с одной стороны, должны проводить единую банковскую политику, вытекающую из государственного плана, но с другой стороны — оперативно реагировать на изменение хозяйственной ситуации, представляя собой наиболее гибкий и динамичный элемент системы экономических регуляторов. Это противоречие можно разрешить, если предоставить возможность функционировать на хозрасчетных основах первичным отделениям банков конкурировать между собой, осуществляя регулирование их деятельности с помощью кредитов Государственного эмиссионного банка и политики учетной ставки. Соревновательные начала в кредитной системе усиливаются также в результате диверсификации банковской деятельности и возможности существования наряду с государственными кооперативных кредитных учреждений, банков, ассоциаций и т. д.

Борьба с монополизмом является одной из важнейших функций централизованного управления, планового регулирования рынка, совершенствования производственных отношений в целом. Необходимо обеспечить соревновательность хозяйственных звеньев во всех сферах их деятельности: борьба за потребителя, за кредиты, за повышение эффективности производства, за участие в приоритетных программах

и т. д. В этих целях экономический центр должен использовать экономические, организационные, правовые рычаги.

В условиях широкой самостоятельности предприятий и развития оптовой торговли средствами производства важнейшей задачей антимонополистического регулирования является недопущение перераспределения доходов от передовых к отстающим предприятиям и тем самым реализации последними монопольного дохода, не связанного с трудовым вкладом. Необходим единый подход ко всем предприятиям, во всяком случае в рамках крупных регионов или межотраслевых комплексов, основанный на единых нормах распределения доходов хозяйственных звеньев и общих правилах хозяйствования, выдвижение единых требований к отдаче используемых ресурсов и качеству труда производителей.

Среди юридических мер воздействия основным является разработка и внедрение в хозяйственную практику эффективного «антитрестовского законодательства». Последнее, являясь элементом публичного права, должно применяться открыто, с привлечением всех заинтересованных сторон, с предоставлением необходимых доказательств монополизма.

Соревновательность является не только принципом реализации общенародной собственности, но и способом взаимодействия всех форм социалистической собственности. Ни одна из этих форм не должна занимать монопольного положения. Особенности форм собственности должны проявляться не в том, что для каждой из них формируется свой собственный хозяйственный механизм, но в том, что они по-разному функционируют в рамках единого хозяйственного механизма, ставящего их в равные условия и тем самым создающего возможности для соревнования.

В результате для всех хозяйственных субъектов создается возможность демократического выбора из альтернативных вариантов удовлетворения своих потребностей как в продуктах (услугах), так и в приложении своего труда.

Итак, модель нового типа экономического централизма предполагает следующую структуру народнохозяйственных звеньев:

— планово-экономический центр и подчиненные ему региональные специальные органы (по крупным экономическим районам);

— координирующиеся с планово-экономическим центром государственные функциональные органы: информационно-статистический центр, центр по труду и социальным вопросам и их региональные отделения, органы кредитной системы (Государственный эмиссионный банк и диверсифицированная система хозрасчетных банков с региональными отделениями, действующими на соревновательной основе), научно-технический центр, а также Академия наук СССР;

— предприятия, действующие самостоятельно и в рамках свободных производственных ассоциаций;

— обслуживающая предприятия управленческая инфраструктура: создаваемые ассоциациями, отдельными предприятиями и кооперативами консультативные, внедренческие и прочие малые фирмы.

Радикальная реформа структуры управления предполагает изменение характера партийного руководства экономикой. В целом оно означает переход от выполнения функций оперативно-хозяйственного контроля и регламентации текущих условий хозяйствования к политическому и идеологическому руководству народным хозяйством и его звеньями, перенесение акцента с регулирования потоков материальных ресурсов на проблемы человека.

Важнейшими функциями партийных органов в этих условиях являются:

— идеологическая деятельность; развитие научной марксистско-ленинской теории, распространение и утверждение этой теории, воспитание масс трудящихся через партийные средства массовой информации и деятельность работающих членов партии;

— принятие стратегии долгосрочного социально-экономического развития страны (10–15 лет) как основы для среднесрочного планирования;

— осуществление руководства предприятиями и организациями в решении политических проблем, контроль за деятельностью администрации в политических и социальных

вопросах, борьба с бюрократизмом при отсутствии регламентирующего вмешательства в текущую оперативно-хозяйственную деятельность;

— подготовка квалифицированного и политически грамотного кадрового резерва и выдвижение кадров, вовлечение трудящихся в управление социалистическим производством при отказе от политики административного назначения, утверждения и снятия представителей руководящего состава.

Нужно также иметь в виду, что приспособление хозяйственного механизма к изменяющейся ситуации возможно лишь в относительно узких границах. Серьезные перестройки хозяйственного механизма, качественные скачки не могут осуществляться в результате автоматической «подстройки» и «переналадки». В период, когда происходит закономерное накопление и обострение противоречий, необходимо формирование социальных сил, способных осуществить радикальные изменения. В подобные переломные этапы резко возрастает значение руководящей роли партии в обществе. Она должна в этих условиях вовремя осознать необходимость решительных перемен, способствовать консолидации прогрессивных сил, возглавить их в осуществлении назревших преобразований, обеспечивая всестороннюю идеологическую и политическую поддержку.

Коренным образом должна измениться роль Советов народных депутатов. Они должны использовать расширение своей финансовой базы (различные каналы получения средств уже разработаны) для развития инфраструктуры региона, проведения активной социальной и экономической политики. При этом базовыми органами должны стать Советы крупных экономических районов.

Новый тип централизма позволяет обеспечить управляемость развития экономики и гибкую реакцию на изменение хозяйственной ситуации. Управляемость достигается в результате формирования самоуправленческого механизма выдвижения общественно значимых плановых целей, обеспечения согласования экономических интересов с помощью косвенных регуляторов, вытекающих из плановых целей, эффективного взаимного контроля деятельности

управленческих органов по горизонтали и по вертикали, высокой информационной обеспеченности и жесткой экономической ответственности основного звена за результаты хозяйственной деятельности.

Одновременно создаются условия для гибкости системы централизованного управления, поскольку новый тип централизма опирается на широкую самостоятельность основных звеньев, не связанных административными распоряжениями и способными быстро приспосабливаться к незапланированным экономическим процессам, на добровольные организационные формирования предприятий, оперативно перестраивающие свои структуры в соответствии с новыми потребностями. Этому способствует также отсутствие субординации в деятельности центральных функциональных органов и возможность каждого из них вести относительно самостоятельную научно-техническую, кредитную, миграционную политику, информационно-статистическую деятельность в рамках концепции плана и с учетом изменяющейся хозяйственной ситуации; постоянный диалог планово-экономического центра с предприятиями и их ассоциациями по поводу условий и тенденций развития конъюнктуры. Наконец, при резком изменении экономической ситуации действует демократический механизм пересмотра концепции среднесрочного плана, а в отдельных случаях и долгосрочной стратегии развития.

Утверждение нового типа централизма является сложным и противоречивым процессом, охватывающим материально-технические, социально-экономические, психологические, идеологические и другие аспекты перестройки общественной жизни.

В материально-технической сфере главным вопросом является ликвидация диспропорциональности в народном хозяйстве. Противоречие заключается в том, что в условиях сложившихся диспропорций новые структуры и методы управления функционировать не могут, а само установление сбалансированности невозможно в рамках старой административно-командной системы управления. Большие трудности создают также сложившиеся искажения в системе цен, финансов и других стоимостных рычагов.

Особой сложной проблемой нового типа централизма выступает формирование долгосрочных интересов у всех субъектов собственности, преодоление потребительских тенденций в самоуправлении. Традиционная точка зрения, по которой экономический центр является носителем по преимуществу стратегических интересов, а хозяйственное звено — преимущественно текущих, не соответствует современному представлению об общенародной собственности и не подтверждается практикой. Как показывает опыт социалистических стран, если предприятия не имеют долгосрочных интересов, центр тоже захлестывает «текучка» и он теряет стратегию. И наоборот, если текущие задачи занимают приоритетное положение в деятельности центра, то и в работе предприятия в основном преобладают краткосрочные интересы. Поэтому попытки решить проблему стратегии только путем «разгрузки» центра от «текучки» оказываются неэффективными.

Запрос о способах обеспечения заинтересованности основного хозяйственного звена в долгосрочной стратегии и о приоритете долгосрочных интересов перед текущими на современном этапе не имеет четкого решения ни в теории, ни на практике.

Пока факт остается фактом: если при капитализме на локальном уровне существует субъект, имеющий долговременные интересы, то при социализме такой субъект реально не сформировался. В настоящее время для его создания используются в основном способы воздействия «сверху», различные формы правового и экономического принуждения: обязательность стратегических планов на крупных предприятиях (на что толкает и современный характер НТР), нормативное распределение остающихся у предприятия средств на фонд накопления и фонд потребления.

Что касается формирования внутренней, «естественной» заинтересованности, то в этом направлении делаются лишь первые шаги. Одна из возможных форм — выпуск предприятиями акций для своих работников. Подобные акции являются не только способом аккумуляции финансовых средств, но и инструментом

формирования хозяйской долгосрочной ответственности за перспективы развития предприятия и укрепление его позиций в экономике. Безусловно, это лишь один из возможных и еще не до конца опробованных шагов в рассматриваемом направлении. Поиск путей решения этой проблемы является одним из необходимых условий полного проявления социалистической собственности в хозяйственном механизме.

Серьезным препятствием на пути революционного преобразования собственности, утверждения нового типа централизма является существование в обществе определенных социальных сил, под защитой которых находилась и находится административно-командная система управления. В первую очередь это относится к значительной части управленческого аппарата, представляющего собой на современном этапе особый привилегированный социальный слой бюрократии. Этот слой фактически монополизировал право распоряжения общенародной собственностью, получая на этой основе незаслуженные привилегии. Против нового типа централизма выступают и другие социальные слои, получающие монопольные нетрудовые доходы и привилегии в условиях уравниловки и всеобщей безответственности: руководители и коллективы отстающих предприятий, живущие за счет внутриотраслевого перераспределения средств и завышения цен на их продукцию, а также дельцы «теневой» экономики, сросшиеся в ряде случаев с бюрократическим аппаратом на всех его уровнях.

Трудности возникают и в утверждении нового мышления, поскольку многие десятилетия происходило отождествление важнейших черт административно-командной системы управления (директивных заданий, господства государственной собственности) с сущностными характеристиками социалистического общества. Поэтому отказ от деформированного социально-экономического механизма в обыденном сознании достаточно широких социальных слоев может восприниматься как отход от принципов социализма.

* * *

Ясно, что решение всех проблем осуществления радикальной экономической реформы, утверждения нового типа централизма не может быть представлено как быстрая и одномоментная замена всего старого новым. Логика революционной борьбы в экономической сфере предполагает существование относительно длительного переходного периода, в течение которого должны будут укрепляться субъективные и объективные предпосылки экономической системы качественно обновленного социализма. Для формирования предпосылок нового типа централизма уже на нынешнем этапе осуществляются преобразования с использованием ряда конкретных форм, многие из которых порождены практическим опытом осуществления экономической реформы. Одни из них носят явно переходный характер и исчезнут с утверждением нового хозяйственного механизма. Другие, напротив, возникая уже на начальном этапе реформы, по мере ее продвижения вперед будут укрепляться и развиваться. Появление и тех и других может быть обусловлено как принятием соответствующих решений официальными органами политической власти или хозяйственного управления, так и практическим опытом передовых трудовых коллективов, других социальных сил, интересы которых непосредственно связаны с прогрессом реформы и которые в силу этого сами объективными условиями своей жизнедеятельности побуждаются к постоянному поиску новых путей реализации ее основных задач.

В настоящее время мы подошли к этапу обострения борьбы за новую структуру управления в народном хозяйстве. Коллективы передовых предприятий, активно взявшиеся за использование прав, предоставленных им Законом СССР о государственном производственном предприятии (объединении), сразу же натолкнулись не только на скрытое, но и на открытое противодействие со стороны вышестоящих органов управления, в непосредственном административном подчинении которых они находятся. Наиболее типичными проявлениями этого противодействия стали госзаказ в его

современном виде, индивидуальные нормативы, превращающиеся в способ перераспределения средств от передовых коллективов к отстающим и одновременно используемые как способ ведомственной борьбы с «чрезмерно активными», закрепление и расширение промежуточных управленческих звеньев в форме государственных производственных объединений, где по существу сменена лишь вывеска прежнего ВПО, или в форме насильственного объединения предприятий без сколько-нибудь удовлетворительного экономического обоснования подобных решений. В этих условиях, при сохранении отраслевых министерств как, в первую очередь, линейных органов управления¹, у многих предприятий возникает желание вообще выйти из подчинения министерства и отчислять ему финансовые средства лишь в той мере, в какой отраслевой орган является полезным для данного предприятия, то есть оказывает последнему управленческие услуги, обеспечивающие его устойчивое функционирование в народном хозяйстве².

Именно желанием как можно надежнее оградить себя от постоянного ведомственного диктата объясняется, на наш взгляд, стремление многих трудовых коллективов к переходу на арендный подряд при относительно меньшем доверии ко второй модели хозрасчета³. Между тем экономический механизм их функционирования весьма схож, но во второй модели возможности административного вмешательства в деятельность предприятия пока остаются значительно

¹ Высказывавшаяся в партийных документах идея о сокращении в министерствах линейных органов и усиления функциональных пока, по-видимому, не получает удовлетворительного воплощения.

² Наиболее остро и ярко этот вопрос поставил В.П. Кабаидзе в выступлении на XIX Всесоюзной конференции КПСС: «Если честно говорить, мне министерство не нужно. Мы вполне без него можем обойтись... Но это не значит, что не нужны координирующие центры. Но они должны работать, кормиться от нас, а не от бюджета. Вот будет министр „мышей ловить“ — будем кормить, не будет — не надо» (Правда. 1988. 1 июля).

³ Аренда — реальная возможность получить настоящую хозрасчетную самостоятельность. Предприятия стремятся к аренде, чтобы «устранить действующие еще тормоза, обрести подлинную самостоятельность», чтобы «уйти от прессинга темпов, различных ограничений, от пресловутого вала». Так ставили вопрос, например, хозяйственные руководители — участники «круглого стола» в «Правде» (Аргументы перестройки // Правда. 1988. 18 октября).

шире. (Прежде всего, через манипулирование индивидуальными нормативами, установление которых в настоящее время отнесено к компетенции министерств. Нетрудно заметить также, что довольно серьезным тормозом в развитии арендного подряда, источником дополнительного социального напряжения является и неотрегулированность пока вопроса об определении размеров арендной платы.) Высоким уровнем самостоятельности характеризуется и деятельность производственных кооперативов, открываемых на базе бывших государственных предприятий.

Практика осуществления экономической реформы позволяет также отчетливо проследить две характерные тенденции в отношении основных производственных звеньев к перспективам их объединения. С одной стороны, они всячески противодействуют (пассивно или активно) созданию подобных объединений «сверху», на административно-ведомственной основе (например, в рамках ГПО). С другой стороны, заметно и стремление к объединению в ассоциации, создаваемые, как правило, на межотраслевой основе и нацеленные на решение крупных народнохозяйственных проблем. Разумеется, степень объединения может быть различной. Примером же тут могут быть образованные в Ленинграде Межотраслевые государственные объединения (НТО) «Энергомаш» и «Технохим», в которые вошли предприятия и научно-исследовательские институты различной ведомственной принадлежности.

Подобные тенденции характерны и для сельского хозяйства. Все чаще колхозы и совхозы выходят из РАПО, не видя для себя пользы в этой управленческой надстройке, существующей за их же счет. И одновременно хозяйства начинают объединяться, создавать агрокомбинаты или «кооперативные РАПО» (такой термин тоже появился в печати) — кооперативные объединения нового типа.

Наконец, имеет практический смысл формирование советов директоров и ассоциаций советов трудовых коллективов на отраслевом и региональном уровнях, способных отстаивать интересы предприятий и их коллективов как перед министерствами, так и перед органами местного управления.

Вместе с тем надо видеть и определенную опасность возникновения монополистических тенденций в подобных ассоциациях и объединениях. Нельзя допустить, чтобы от ведомственного монополизма мы перешли к корпоративному монополизму нового типа. Поэтому уже на этом этапе реформы вопрос демополизации переходит в плоскость непосредственных практических решений. Необходимо разработать и осуществлять четкую государственную политику, нацеленную на создание материальных, организационных, экономических и юридических предпосылок эффективно конкурентного механизма с учетом всех особенностей (социально-исторических, культурных, политических, географических) нашей страны. В общем, весь этот комплекс проблем должен занять важное место в деятельности высших законодательных и контрольных органов СССР, союзных республик и, по-видимому, областных советов народных депутатов.

Итак, ликвидация любых административно создаваемых промежуточных управленческих звеньев; усиление функциональных подразделений и ликвидация линейных структур в центральных органах управления; постепенное выведение предприятий из-под административного подчинения министерств, переход к добровольному финансированию деятельности аппарата министерств со стороны предприятий — таковы, пожалуй, важнейшие направления преобразования действующей системы отраслевого управления, создающие предпосылки для формирования нового типа централизма на данном этапе перестройки.

Совершенствование кредитно-банковской сферы в направлении повышения ее гибкости и преодоления монополизма также получает конкретное практическое воплощение. Если первоначальные реформы (образование отраслевых банков) не были и не могли быть эффективны, так как лишь по-новому оформляли монополизм банков, то за последние месяцы мы являемся свидетелями неуклонного роста альтернативных банковских образований. Так, каждый из названных выше ленинградских концернов имеет в своем составе банк для финансирования собственных

программ. Можно привести пример специального инновационного банка, также созданного в Ленинграде. Формируются кооперативные банки. Как говорил министр финансов СССР Б.И. Гостев, «предстоит активно пойти по пути организации отраслевых и региональных коммерческих банков, которые уже начали действовать как на государственной, так и на кооперативной основе. Нужно быстрее внедрять хозрасчет в низовые звенья банковской системы»¹. Параллельно предприятиям предоставляется возможность образовывать на договорных началах совместные фонды финансового оздоровления и взаимного кредитования, примеры чего уже имеются в черной и цветной металлургии, в агропромышленном комплексе.

Развитие управленческой инфраструктуры в виде разного рода научно-технических, информационных и тому подобных организаций также происходит в последнее время весьма интенсивно, хотя еще и совершенно недостаточно. Пока это в основном небольшие кооперативы, возникающие для обслуживания как государственных, так и кооперативных предприятий. Проводится также экономический эксперимент в межотраслевых территориальных центрах научно-технической информации (ЦНТИ), суть которого состоит в обеспечении приоритета заказчика научно-технической информации и повышении самостоятельности ЦНТИ в планировании и финансировании своей деятельности².

Наконец, право выбора должно быть предоставлено предприятиям и в результате перестройки системы материально-технического снабжения. Дело в том, что переход к оптовой торговле нельзя сводить лишь к возможности бесфондовой покупки средств производства у органов Госснаба. Необходимо, чтобы потребитель мог выбирать между покупкой у этих органов, непосредственно у производителя (по договорам о прямых связях), в фирменных магазинах предприятий-производителей, равно как и прибегать

¹ Правда. 1988. 28 октября.

² См.: В комиссии по совершенствованию управления, планирования и хозяйственного механизма // Вопросы экономики. 1988. № 10. С. 38.

к услугам кооперативных посреднических фирм. К сожалению, конкретный опыт радикальной реформы в этом отношении пока остается небогатым.

Анализ теоретических основ и практического опыта перехода к новому типу централизма позволяет сделать вывод о необходимости углубления реформы системы управления в области перестройки оргструктур и развития планового регулирования рынка, без чего невозможны дальнейшие шаги в преодолении социально-экономического отчуждения.

МЕХАНИЗМ ТОРМОЖЕНИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ СОЦИАЛИЗМА

Современное кризисное состояние политической экономики означает, что ей были свойственны не отдельные частные недостатки, а общие методологические пороки, предопределившие ее отставание от потребностей общества. Как отмечалось в выступлении секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева на совещании ученых-обществоведов, «ни практическую отдачу общественных наук, ни их положение в обществе, ни состояние самой науки нельзя признать удовлетворительным с точки зрения их соответствия требованиям времени. Тревожащая острота ситуации в том, что в общественных науках действует свой механизм торможения, который не только препятствует раскрепощению потенциальных возможностей обществоведения, но

и через саму науку, сознание в целом отрицательно влияет на практику»¹.

Политическая экономия социализма в конечном счете выражает понимание, во-первых, цели движения (отвечает на вопрос, куда мы идем) и, во-вторых, того, каким образом, какими способами осуществляется это движение (отвечает на вопрос, как мы идем). Именно с ответами на эти вопросы связаны, по нашему мнению, два основных элемента механизма торможения в экономической науке: вульгаризация марксистского социалистического (коммунистического) идеала и вульгарное искажение марксистской диалектики.

1. Вульгаризация марксистского социалистического (коммунистического) идеала

Появление того, что мы называем вульгарным идеалом, связано с существованием в истории социалистических идей разных представлений о будущем общества. Можно выделить две фактически противоположные модели социализма (коммунизма). Первая, возникшая еще в эпоху античности и средневековья, основывалась на грубо-уравнительном понимании нового общества². В центр этой концепции ставилось стремление к социальной справедливости, отождествляемой с равенством, примитивно трактуемым как уравнительность в потребностях. Деятельность индивидов в сфере производства, потребления и в личной жизни в подобной системе регламентируется и контролируется, идеал счастья фактически навязывается «сверху»

¹ Вестник Академии наук СССР. 1987. № 6. С. 53.

² Мы понимаем, что термин «грубо-уравнительный коммунизм» в данном контексте не совсем удачен, поскольку он может ассоциироваться просто с уравниловкой. Однако на самом деле грубо-уравнительный коммунизм представляет собой более сложную систему взглядов, охватывающих не только распределение, но и все остальные стадии воспроизводственного процесса, всю социально-экономическую жизнь общества. «Этот коммунизм, отрицающий повсюду личность человека, — отмечал К. Маркс, — есть лишь последовательное выражение частной собственности...» (Маркс К. Экономико-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. М.: Политиздат, 1974. С. 114).

и потому оказывается внешним для членов общества. Сохраняется жесткое разделение на управляющих (самых умных, самых справедливых, знающих, что необходимо для всеобщего счастья) и управляемых, тем самым увековечивается иерархическая система управления. Интересы индивидов подавляются и нивелируются ради высших целей ассоциации.

Вторая концепция видит идеал в свободном, всестороннем развитии личности, что является необходимым условием свободного развития ассоциации в целом. В центр здесь ставится творческая деятельность как неотъемлемая черта свободного человека, его первая жизненная потребность. Самым ярким представителем этой концепции среди социалистов-утопистов был Ш. Фурье. Но наиболее полное и последовательное ее воплощение было дано в работах классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс делил экономическую историю на периоды личной зависимости, вещной зависимости и свободной индивидуальности. Диалектику свободы индивида и свободы общества подробно проанализировал Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге». Одной из принципиальных черт социализма В.И. Ленин считал то, что он «не создается по указам „сверху“». Его духу чужд бюрократический автоматизм: социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс»¹.

В обобщенном виде противоположность между двумя пониманиями коммунистического идеала заключалась в том, что в первом случае сохранялось и воспроизводилось отчуждение трудящихся от средств производства и в конечном счете от осуществления социального процесса, тогда как вторая концепция воспринимала коммунизм как реальный гуманизм, преодолевающий все формы отчуждения². Очевидно, что по мере развития производительных

¹ Ленин В.И. Заседание ВЦИК 4 (17) ноября 1917 г. Ответ на запрос левых эсеров // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Политиздат, 1974. С. 57.

² «Представляя собой вульгарное, примитивное, одностороннее, негуманное и даже антигуманное решение проблемы взаимоотношения общества и личности, утопический уравнилельный коммунизм — в отличие от утопического социализма и коммунизма, провозглашавшего в тех или иных формах принцип социализма, гармонизации индивидуального и коллективного, — выступает как учение, выдвигающее в качестве

сил полярность этих моделей неизбежно должна нарастать. Низкий уровень производительных сил не позволяет обеспечить свободное развитие для всех и тем самым ведет к противопоставлению равенства и свободы, сама всеобщая свобода может в этих условиях реализовываться лишь в примитивной форме уравнительности. По мере прогресса техники и возрастания ресурсного потенциала общество получает возможность идти альтернативными путями: в соответствии с идеями как уравнительности, так и свободы. В этих условиях все более ярко обнаруживается реакционность грубо-уравнительных концепций. В современных условиях они вырождаются в крайне реакционные утопии, практическая реализация которых ведет к всеобщей и всесторонней регламентации, ничем не ограниченному вмешательству власти в личную жизнь людей, культуправляющей личности и т. д.

Очевидно, что преобладание той или иной концепции социализма зависит от конкретных условий страны и исторического периода, связано с уровнем развития производительных сил, имеет определенные гносеологические и социальные корни. С этих позиций в России имелись предпосылки для сохранения уравнительных концепций, отчетливо проявившиеся на первых этапах социалистического строительства. Неоднородность социальной базы революционного движения вела к тому, что различные социальные силы являлись носителями разных коммунистических идеалов. Вульгарное понимание коммунистического идеала выражало обыденное сознание и находило отклик у достаточно широких слоев населения.

Далее, низкий уровень развития производительных сил толкал на ограничение потребностей трудящихся, особенно в условиях ускоренного развития тяжелой промышленности.

идеала полное подчинение личности, индивидуумов некоему абстрактному „обществу равных“ — государству как таковому, общине и т. п. Сосуществование двух тенденций и в социально-утопической общественной мысли прошлого — уравнилельно-коммунистической и подлинно социалистической (коммунистической), их переплетение, взаимопроникновение и острая борьба обусловили чрезвычайно противоречивый характер развития утопического социализма в широком толковании этого понятия» (Утопический социализм: Хрестоматия. М.: Политиздат, 1982. С. 39).

Это вело, с одной стороны, к переоценке роли моральных стимулов в экономике, а с другой стороны — к сведению всестороннего развития личности к росту благосостояния, отождествлению основного экономического закона с удовлетворением вещных потребностей (производство — средство, личное потребление — цель).

Большую роль сыграла также вынужденная рядом объективных и субъективных причин жесткая централизация в экономике. Необходимость резкой перестройки народнохозяйственных пропорций, острый дефицит средств производства и предметов потребления, низкий профессиональный и общеобразовательный уровень основной массы населения — все эти факторы предопределили концентрацию подавляющей части ресурсов в руках «центра», принятие решений по большинству вопросов в верхних эшелонах управления. Это усугублялось субъективизмом в руководстве народным хозяйством, сложившейся в стране обстановкой культа личности. В результате гипертрофировалась одна из форм повышения роли субъективного фактора при социализме — руководство экономикой из единого центра — и существенно ограничивалось участие трудящихся в осуществлении этого руководства и контроле за ним. Тем самым государство стало восприниматься как единственный субъект производственных отношений, носитель единственно объективно обусловленных интересов — общенародных. Любые действия государства отождествлялись с высшими целями общества, не требующими экономического обоснования. При этом не проводилось различий между интересами государственного аппарата и интересами ассоциации трудящихся. Таким образом, с одной стороны, интересы всех участников хозяйственной жизни как бы растворялись в народнохозяйственном интересе, сводились к нему и ограничивались им, с другой стороны; сам этот народнохозяйственный интерес оказывался не отличим от интересов аппарата. Фетишизация роли государства и его отдельных органов вела к оправданию отрыва интересов управляющих от интересов управляемых, узаконивала бюрократическую систему

управления, несущую в себе возможность использования хозяйственной власти в собственных целях¹. Фактически интерес бюрократии возводился в ранг общенародного и предполагал не его критическое (следовательно, научное) осмысление, а комментирование и апологизацию. Живучесть и разрастание бюрократических тенденций в экономической действительности, усиление власти бюрократического аппарата предопределили консервацию подобных вульгарных представлений о сущности централизованного управления экономикой, так или иначе обслуживающих интересы бюрократии². Основные признаки государственно-бюрократической системы хозяйственного руководства: иерархическая структура управления, административные методы воздействия на экономику и т.п. — по существу понимались как неотъемлемые признаки коммунистического способа производства даже на том его этапе, когда происходит отмирание государства, связывались с сущностью непосредственно-общественных отношений. Именно так обычно рассматривается планомерность «в чистом виде», в отсутствие товарно-денежных отношений. Другой стороной тех же представлений является трактовка распределения по труду как вознаграждения в соответствии с индивидуальными затратами труда. Тем самым участие в управлении не выступает неотъемлемой частью трудовых функций работника, а оплата по коллективному результату, отражающему эффективность выполнения этих функций в рамках предприятия,

¹ «Необходимость укрощения мелкобуржуазной стихии, попытки реставрации капитализма (внутри и извне), отсутствие практики демократии и политического опыта в массах, страстная ненависть к прошлому и радикализм в переломе мира, многовековая традиция подчинения деспотизму и его мифологизация, изрядная доля утопических представлений о социализме и самое абстрактное понимание путей его строительства, потребность в быстрой индустриализации, угроза войны — все это способствовало гипертрофированию определенных государственных институтов. Репрессивный аппарат, защищавший народ от внутренних и внешних врагов, создавал одновременно и опасность узурпации власти» (*Киселев В.* Истоки и сущность культа личности Сталина // *Глобус.* 1987. № 30. С. 46–47).

² «Из оппонента бюрократизму наука становится то подсобным рабочим „власти стола“, то мальчиком для расплаты за бесплодие диктатора» (*Черныченко Ю.* О чуде, тайне и авторитете // *Знамя.* 1987. № 3. С. 211).

сводится к распределению «по стоимости». Нетрудно заметить, что такие взгляды непосредственно связаны с недооценкой всеобщего участия трудящихся в управлении как закономерной формы повышения роли субъективного фактора при социализме.

2. Вульгарное искажение марксистской диалектики

Господство в науке вульгарных представлений о социализме (коммунизме) предопределило и вульгарный, метафизический метод исследования действительности. Поскольку уравнилельный идеал опирался на низкий уровень развития производства, фактически был повернут в прошлое, а не в будущее, любое развитие неизбежно вело к его подрыву. Не случайно в грубо-уравнилельных моделях утопического социализма не предусматривалось никакого прогресса, жизнь шла по одной, раз и навсегда установленной схеме. Иначе говоря, движение осуществлялось метафизически — по кругу. Несмотря на формальную приверженность диалектическому методу в работах большинства ученых-обществоведов, по существу, воспроизводилась та же логика. В основе методологии лежало господство статики над динамикой, формы над содержанием, апологии действительности над критическим началом.

В течение долгого времени не признавалась возможность качественного изменения производственных отношений при социализме. Тем самым закрывался путь для изучения развития экономических категорий и законов от незрелых форм к зрелым. Незрелые формы просто отождествлялись со зрелыми и выдавались за адекватное отражение сущностных черт социализма. Поэтому любое изменение этих форм, их совершенствование по мере развития производительных сил объявлялось, наоборот, выражением их незрелости, модификацией сущности социализма.

Сама же сущность экономической системы социализма также выступала как совокупность форм. Построение и функционирование нового общества представлялось не

как осуществление определенных социально-экономических процессов, а как достижение конкретных хозяйственных форм¹. Например, укрепление планомерности связывалось не с усилением сознательной управляемости движением общественного производства, а с расширением сферы действия конкретно-адресных плановых заданий². Повышение степени зрелости общенародной собственности также ассоциировалось не с процессом превращения трудящегося в реального хозяина на производстве, а с соотношением конкретных форм собственности: государственной, кооперативной, индивидуальной.

Сведение социализма к совокупности форм закрывало путь к анализу взаимосвязи производительных сил и производственных отношений. В отдельных формах видели готовые зародыши коммунизма, не нуждавшиеся в дальнейшем развитии. Движение же всех остальных форм выражалось в их отмирании. Так, общественные фонды потребления расценивались как зародыши коммунистического способа распределения, государственная форма собственности — как зрелое выражение ее общенародного характера и т. д. Тем самым происходило отождествление формального и реального обобществления производства.

Такая трактовка динамики производственных отношений приводила к резкому ограничению действия закона перехода количественных изменений в качественные применительно к экономике социализма. Основными характеристиками совершенствования производственных отношений выступали количественные изменения, качественные скачки признавались лишь при переходе к социализму

¹ В интервью, данном в 1893 году корреспонденту французской газеты «Le Figaro», Ф. Энгельс на вопрос о конечной цели немецких социалистов ответил: «У нас нет конечной цели. Мы сторонники постоянного, непрерывного развития, и мы не намерены диктовать человечеству какие-то окончательные законы» (*Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 22. М.: Госполитиздат, 1962. С. 563).

² С преодолением «косвенного планирования и регулирования посредством экономических рычагов» ученые связывали существенное расширение сферы действия закона планомерного, пропорционального развития, поскольку «задания охватывают все стороны производственно-хозяйственной деятельности предприятий» (См.: *Брагинский Б.И., Коваль Н.С. Организация планирования народного хозяйства СССР.* М.: Госполитиздат, 1954. С. 64).

по окончании переходного периода и от социализма к коммунизму. Даже формирование концепции развитого социализма после XXIV съезда КПСС не внесло принципиальных изменений в эту конструкцию.

Метафизическое понимание развития неизбежно вело к отрицанию значений противоречий как универсального источника движения социалистических производственных отношений, вместо них или наряду с ними источником движения объявлялось «монолитное единство».

Примитивно трактовалось Марксово понимание нового общества как результата отрицания отрицания. Социализм рассматривался как противоположность, как антитеза капитализму. «Там» — полная самостоятельность производителей, «здесь» — централизация по типу единой фабрики. «Там» — конкуренция, «здесь» — централизованное прикрепление потребителя к поставщику, исключающее всякое экономическое соревнование за потребителя. И так далее. Все, что не вписывалось в формулу: «социализм — это капитализм, только с точностью до наоборот», объявлялось «родимыми пятнами» капитализма, пережитками, от которых необходимо поскорее избавляться. А собственные законы социализма в такой интерпретации часто очень смахивали на законы феодального хозяйства, действительной антитезой которому является капитализм.

Отсюда логически вытекает еще один методологический порок развития политической экономии — вульгарное понимание практики как критерия истины и источника познания. Вместо анализа реальных интересов и их противоречий на первый план выступала апология этой практики. Абсолютизировался либо хозяйственный механизм 1930–1940-х годов, на основе которого строилась вся система категорий и законов «идеального» социализма, а то и коммунизма, либо текущие хозяйственные решения, под каждое из которых сразу пытались подвести мощный политэкономический фундамент. Так, обратной стороной схоластического теоретизирования оказывался грубый эмпиризм. В результате политическая экономия сочетала в себе

примитивный объективизм в оценке хозяйственной ситуации (абсолютизация всего существующего как однозначного следствия действия объективных экономических законов) с сохранением полного простора для любых волюнтаристских действий (каждое хозяйственное решение центральных органов является следствием учета ими объективных потребностей общественного производства).

Вульгарная диалектика, являясь следствием вульгарного идеала социализма, способствует его закреплению в общественном сознании и ведет к его воспроизводству на каждом новом этапе общественного развития.

3. Политическая экономия и теория хозяйственного механизма: проблемы взаимодействия

В наименьшей мере все перечисленные методологические недостатки относились к теории хозяйственного механизма. Действительно, основной ее задачей являлось формирование рекомендаций по совершенствованию, в том числе и качественному изменению, хозяйственного механизма, она имела дело непосредственно с реальными противоречиями хозяйственной практики, с интересами действительных хозяйственных субъектов. Поэтому, в частности, этот раздел экономической науки на протяжении последних тридцати лет развивался наиболее динамично и в лице своих лучших представителей достиг наибольших успехов. Однако остальные разделы политической экономии фактически существовали в отрыве от теории хозяйственного механизма, не опирались на ее достижения. В разрыве теории хозяйственного механизма и абстрактной политической экономии состоит еще один методологический порок развития экономической науки.

В результате сложились два разных представления о социалистическом хозяйственном механизме, а фактически и о политической экономии социализма, воплотившиеся в начале 1960-х годов в борьбе двух направлений, получивших в литературе того времени название «товарники»

и «антитоварники». Антитоварники опирались на наиболее абстрактные постулаты, выражавшие, по их мнению, самую глубокую сущность социализма. Но поскольку сами эти постулаты отражали реальную диалектику движения производственных отношений «с точностью до наоборот», то наиболее «фундаментальное» политэкономическое обоснование получили наиболее консервативные позиции в области совершенствования хозяйственного механизма. Недостатки управления связывались ими с субъективными чертами отдельных хозяйственных руководителей, ограниченностью технических возможностей организации плановых расчетов, несовершенством применяемых показателей. Соответственно укрепление планового начала сводилось к мерам правового и воспитательного воздействия, к замене одних показателей другими, к широкому внедрению ЭВМ и АСУ. Особый вред нанесли, в частности, представления о приоритете натуральных показателей перед стоимостными или директивных заданий перед косвенными методами регулирования, в чем видели преимущество непосредственно-общественных отношений при социализме перед товарно-денежными; приравнивание отказа от оценки деятельности предприятий за выполнение директивных плановых заданий к подрыву планового начала; автоматическое отождествление интересов государственного аппарата с интересами обществ.

Товарники в своих взглядах исходили из того, что для достижения общественных целей должно обеспечиваться согласование реально существующих экономических интересов. В противовес представлениям о преимуществе прямого административного регулирования деятельности хозяйственных субъектов они выдвинули идею: «то, что выгодно обществу, должно быть выгодно предприятию и отдельному работнику». Причем предприятия должны быть заинтересованы не просто в выполнении централизованных плановых заданий, но в самостоятельной разработке напряженных планов, обеспечивающих удовлетворение действительных потребностей. Совершенствование системы управления связывалось ими с отказом от оценки

предприятий по степени выполнения спущенного «сверху» плана, с развитием косвенных методов регулирования, с повышением роли трудовых коллективов в хозяйственной деятельности.

Однако и эти теории также не были свободны от метафизики. Это выражалось в представлениях о возможности создать «идеальную» хозяйственную систему, в которой все противоречия разрешены и которая не нуждается в дальнейшем совершенствовании. В результате часто дискуссии в этой области проходили следующим образом: сторонники перемен предлагают определенный комплекс мероприятий, не рассматривая отрицательные последствия их внедрения; противники перемен все внимание сосредоточивают на этих отрицательных последствиях, игнорируя как недостатки существующего хозяйственного механизма, так и преимущества предлагаемых вариантов. Широкое распространение получили взгляды, исходящие из возможности совершенствования отдельных элементов хозяйственного механизма вне связи с его остальными элементами, в отрыве от реальных причинно-следственных зависимостей в экономике.

Дискуссии о хозяйственном механизме не могли не оказывать значительного, хотя и косвенного влияния на развитие политической экономии. С одной стороны, взгляды антитоварников, исходивших из политэкономических абстракций, демонстрировали свою полную практическую бесплодность. С другой стороны, разработки товарников, не вписывающиеся в стандартные теоретические схемы, требовали политэкономического осмысления и обоснования. Наука в этих условиях фактически пошла по компромиссному, своеобразному «экстенсивному» пути. Сложившиеся к этому времени представления о категориях и законах, опирающиеся на вульгарный идеал антитоварников, остались незабываемыми и сохранили статус наиболее глубоких основ социализма. Все же дискуссии сосредоточились на проблемах места, причин и границ действия при социализме закона стоимости. Вопросы развития всей системы производственных

отношений были фактически подменены проблемой изменения роли товарно-денежных отношений, все более полного их признания. С более адекватным использованием закона стоимости связывается и расширение самостоятельности предприятий, и развитие инициативы и ответственности трудовых коллективов, и переход от административных к экономическим методам управления, то есть практически все проблемы согласования интересов в экономике. Создается впечатление, что за полвека существования социалистического общества в системе производственных отношений все развитие свелось к расширению границ действия товарно-денежных отношений, к все более полному их признанию в социалистической экономике. Все, что не вписывалось в застывший образ свойственных социализму экономических отношений, «свалилось» на действие закона стоимости. В результате в центре полемики между товарниками и антитоварниками оказались вопросы плана и рынка, решавшиеся метафизически: по принципу «больше — меньше», путем игнорирования реально существующего между ними диалектического противоречия, сведения его к единству или к противоположностям.

Реально такая политэкономическая теория не давала адекватной методологической базы для развития взглядов товарников, по существу сводя вытекающее из их позиции новое понимание экономической системы социализма к нововидности товарного производства. На самом же деле деление на товарников и антитоварников происходит в конечном счете не по степени признания товарного производства при социализме, как бы ни была важна эта проблема сама по себе, но по восприятию той или иной модели социалистического (коммунистического) идеала, вытекающему из логики этих позиций. Поэтому термины «товарники» и «антитоварники» нам представляются недостаточно удачными, неадекватно отражающими существо происходивших дискуссий и зачастую уводившими полемику в сторону от ряда принципиальных вопросов совершенствования хозяйственного механизма.

4. Специфика современного этапа

Обновление в политической экономии началось именно с разбора методологических пороков ее развития. В партийных документах, в периодической печати они подверглись подробному анализу и резкой критике. Указывалось на порочность отождествления социализма с совокупностью застывших форм, «постоянное совершенствование производственных отношений»¹ провозглашалось необходимой предпосылкой ускорения социально-экономического прогресса общества. Отмечалось, что «...развивающийся социализм, диалектика его движущих сил и противоречий, реальное состояние общества не стали объектом глубоких научных исследований», что «...произошла своего рода абсолютизация сложившихся на практике форм организации общества»². На XXVII съезде КПСС был выдвинут единый критерий совершенствования и управления и системы производственных отношений — «социально-экономическое ускорение, укрепление социализма на деле»³.

Принципиальные же теоретические изменения связаны с подходом к экономической системе как к системе разнообразных интересов различных субъектов производства, которые необходимо согласовывать и гармонизировать. Это переводит исследование производственных отношений из абстрактно-схоластической области в сферу реального анализа конкретных интересов, выделения действительных субъектов экономической деятельности, изучения их взаимодействия и противоречий между ними. В результате преодолевается отождествление экономики социализма с устаревшими хозяйственными формами, начинается исследование реальных социально-экономических процессов, как позитивных, так и негативных.

¹ Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 146.

² Материалы Пленума ЦК КПСС, 27–28 января 1987 г. М.: Политиздат, 1987. С. 8.

³ Материалы XXVII съезда КПСС. С. 39.

Однако еще преждевременно говорить о полном преодолении метафизического метода в изучении политической экономики социализма. На современном этапе сохраняется опасность формального использования диалектики, упрощенного (по принципу «или-или») взгляда на существующие противоречия и пути их разрешения. Существует угроза замены одних догм другими. Отказ от сведения социализма к совокупности «антитоварных» форм может привести не к исследованию действительных процессов, а к замене одной совокупности форм на другую. На место абсолютизации абстрактно-теоретического уровня изучения производственных отношений может прийти ограничение теоретического анализа лишь внешними формами их проявления, без учета того, что конкретные экономические интересы являются превращенными формами сущностных отношений.

Подобные искажения в методологии таят в себе возможность сохранения в экономической теории и общественном сознании вульгарного коммунистического идеала. Современная экономическая наука еще не привела к подрыву позиции антитоварников по существу. Но сейчас уже созданы необходимые предпосылки для радикального изменения взглядов на социализм, для преодоления грубо-уравнительного идеала и постановки в центр анализа условий для всестороннего развития свободной индивидуальности.

ЭКОНОМИКА ЗАСТОЯ: ПУТЬ В НИКУДА

Когда мы говорим о поступательном экономическом развитии в 1970-х годах, следует помнить о том, что в советской экономике существовал так называемый инвестиционно-политический цикл. Суть его заключалась в том, что относительная либерализация экономики (расширение самостоятельности предприятий) приводила к повышению темпов экономического роста, но одновременно дестимулировала инвестиции и подталкивала к политической либерализации. После этого власть «накидывала» удавку, политическая либерализация сворачивалась, а за этим тормозились темпы экономического роста. Затем колебания повторялись.

Горбачевская перестройка поначалу представлялась либерализацией такого же рода. Интересный вопрос, который позднее задавали себе многие исследователи: почему за ней не последовало консервации, почему произошел срыв? Ведь

первые шаги перестройки вполне укладывались в рамки очередного инвестиционно-политического цикла.

На самом деле все оказалось сложнее. Либерализация приводила не только к повышению темпов роста (по крайней мере, в текущем периоде), но и к снижению инвестиционной активности, потому что росли потребление, спрос на конечные товары и услуги. В рамках цикла снижение инвестиционной активности и политическая либерализация компенсировались ужесточением централизации, соответственно усилением инвестиций и снижением свобод, но также накоплением потенциала для будущего повышения темпов.

Таким образом, 1968 год — это год сворачивания не только политических, но и экономических «свобод». Напомню, что реформа 1965 года, которая обеспечила довольно высокие темпы роста, порядка 7% в год, была свернута тогда же. Отчасти это было связано с ослаблением инвестиционной активности, ростом потребления и несбалансированным ростом производства, но в значительной мере — с пражскими событиями, ведь в Чехословакии тоже все начиналось с экономической реформы.

Дальше экономическая ситуация стала ухудшаться, и в 1970–1971 годах началось обсуждение новой экономической реформы. Приступить к реализации предложенной концепции могли еще в 1972–1973 годах, но в 1973-м случился скачок цен на нефть, и все экономические реформы были отложены, поскольку, как посчитало руководство страны, они стали не нужны. Экономические реформы не нужны, когда высоки цены на нефть. На это стоит обратить внимание.

Еще одна попытка оживления советской экономики была сделана в 1979 году. Тогда было принято известное постановление ЦК КПСС «О совершенствовании планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работ». Однако оно не оказало существенного влияния на то, что происходило в экономике. И реальные попытки реформирования начались только в 1983-м, при Юрии Андропове.

В любом случае ни одна из проводившихся или обсуждавшихся реформ не предполагала изменения формы

собственности. Это, кстати, был удивительный ментальный феномен, характерный для сознания наших экономистов (я помню это по себе). Тогда казалось, что либерализация экономических отношений без затрагивания вопроса собственности может дать существенный эффект. Сейчас этого понять совершенно невозможно.

Отчасти такое представление было связано с тем, что за покушение на советскую собственность можно было лишиться работы, да и не только. Экономист, который занимался прикладной работой, это понимал и, как правило, оставлял все вопросы, связанные с собственностью, теоретикам, которые произносили об этом стандартный набор бессмыслиц. Во всем этом была, как показала практика, одна осмысленная вещь. Нам говорили: если тронуть собственность, то режим рухнет. Они были правы: так и произошло.

Экономисты же, занимавшиеся прикладными вопросами (совершенствованием хозяйственного механизма, как было принято тогда говорить) полагали, что если изменить систему планирования, оценки и стимулирования предприятий, то экономика будет развиваться быстрее, темпы роста повысятся — и все это без вмешательства в отношения собственности.

Это была иллюзия, что очень ясно продемонстрировал опыт 1987–1989 годов, когда вопрос собственности был затронут всерьез. Выяснилось, что при расширении прав предприятий (трудовых коллективов) без введения частной собственности инвестиции начинают стремительно падать. Как только трудовой коллектив получает право принятия решений, он совершенно утрачивает заинтересованность в развитии той собственности, над которой у него появился хотя бы частичный контроль. У работников не было долгосрочной мотивации, у них не было ни акций, которые гипотетически могли бы расти в цене, ни реального права собственности. Мотивация коллектива во главе с директором была предельно короткой — получить в свой карман как можно больше и как можно быстрее. Соответственно начался рост зарплат без какого-либо расширения производства. Кооперативы просто стали частью этой системы. По сути, они ничего не

производили, а создавались вокруг предприятий для покупки товаров по госцене и перепродажи по равновесной цене спроса и предложения.

* * *

Что касается инерционности советской экономики, то таковой она была только до нефтяного бума. Дальше произошел структурный слом. Если бы не нефтяной бум, советская экономика могла бы существовать еще очень долго. Загнивая, но долго, поскольку минимально зависела от внешних рынков. Нарастала бы только продовольственная проблема. Нефтяной бум, по сути, сломал советскую экономику.

Ни одна из проводившихся или обсуждавшихся реформ не предполагала изменения формы собственности.

В краткосрочном периоде Советскому Союзу повезло, потому как скачок цен на нефть совпал с вводом в строй Самотлорского месторождения. Мы одновременно получили и самые высокие цены на нефть на мировом рынке, и самую дешевую по себестоимости нефть, которая когда-либо у нас была.

Но, получив этот огромный ресурс, советское руководство потеряло интерес к росту производительности труда и развитию какого-либо внутреннего производства. За 1970-е годы структура экономики существенно изменилась, она стала абсолютно зависимой от нефтяных доходов, с одной стороны, и поставок продовольствия, ширпотреба и машиностроения из развитых стран, с другой. Да, уже после 1963 года были закупки продовольствия за рубежом, но минимальные. Одно дело закупать 2–3 миллиона тонн зерна в год — и то испытывая чувство стыда, а другое дело, как в 1984-м, завезти 42 миллиона тонн и считать, что это нормально.

Экономика стала гораздо более открытой, население привыкло к импортным товарам. Зависимость от импорта продовольствия становилась просто чудовищной, причем в широком смысле, поскольку зерно — это ведь не только хлеб, но и корма, а следовательно, животноводство и далее.

А вот когда цены на нефть падают, симметрично поменять структуру экономики уже невозможно. Не можем же мы сказать: «А вот теперь переходим на ивановский ширпотреб, а есть вы будете столько, сколько ели в начале 1960-х годов». Это бывает только при тяжелом кризисе. В относительно стабильной ситуации (какой она виделась еще в 1985 году) в ответ на падение цен в шесть раз сократить бюджетные расходы симметрично невозможно. И именно поэтому начались интенсивные заимствования, просьбы об экономической помощи, что, в конечном счете, и привело к краху всей советской системы.

Проводя аналогии с современной ситуацией, можно еще раз подчеркнуть важность политики Стабилизационного фонда, необходимого для того, чтобы наши расходные обязательства не зависели от экономической конъюнктуры. У советского руководства есть только одно извинение — на их памяти подобного падения цен на нефть не было. До того момента XX век знал поступательное движение цен на нефть, поэтому советское правительство было уверено, что это навсегда. Но сейчас, когда мы знаем, что цены могут двигаться в обе стороны, и к тому же гораздо лучше, чем в 1970-е годы, знакомы с эффектом «голландской болезни», было бы безумием повторять опыт Советского Союза.

Даже в период высоких цен на нефть внешнеторговую политику СССР условно можно обозначить как «нефть в обмен на продовольствие». Как Ирак в последние годы Саддама Хусейна. Ну и использование поставок ресурсов и средств от их продажи для поддержки дружественных режимов. Но уже в середине 1980-х годов произошло значительное снижение цен, как считается, в результате договоренности между США и Саудовской Аравией, когда последняя значительно увеличила предложение нефти, вызвав резкое снижение котировок.

Меня, кстати, поражают наши левые и псевдопатриоты, которые кричат, что крах Советского Союза стал результатом заговора саудитов и американцев. А кто довел советскую политику до такого состояния, чтобы она спровоцировала подобную договоренность? И кто довел советскую

экономику до состояния такой чудовищной зависимости от внешней конъюнктуры?

Если выделить ключевые черты экономического развития того периода, то можно сказать, что 1970-е годы — это период инвестиционной деградации и одновременно период, когда должна была бы происходить адаптация к только что появившимся постиндустриальным вызовам. Это требовало очень сложной структурной перестройки. Кризисные 1970-е для Западной Европы и Америки как раз были связаны с тем, что экономика адаптировалась к новой структуре. В этом состоянии темпы роста, естественно, ниже, возможны спад и инфляция.

Советская экономика росла в тот период примерно на 2,5–3% в год, что считалось нормальным на фоне третьего этапа, как считали советские идеологи, общего кризиса капитализма. Выяснилось же, что развитые страны готовились к более высоким темпам роста, информационному веку, а Советский Союз методично шел к своей гибели, лелея 2,5–3% роста в год.

1970-е годы в советской экономике — это застой не в смысле ничегонеделания, а в смысле отказа от качественных структурных реформ, от адаптации к вызовам новой эпохи. Советская экономико-политическая система была способна решать мобилизационные задачи, но не умела улавливать «тонкие» колебания. Так она была создана, и так она могла существовать, немного трансформируясь, но, в общем-то, особо не меняя своего жесткого индустриального ядра. Она была абсолютно неадаптивна, и эта фундаментальная проблема в результате привела ее к гибели.

Застойность советской экономики следует понимать как результат неспособности улавливать новые вызовы и адаптироваться к ним. Необходимость в этом на тот момент частично компенсировалась высокими ценами на нефть. Как было сказано именно тогда, в 1970-е, в известной юмореске Ширвиндта и Державина: «Зачем выходить в открытый космос, если и так все нормально?»

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ: ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Кризис нашего современного общества носит поистине всеобъемлющий характер и естественно отражается и преломляется в кризисе экономической науки, пытавшейся описывать такое общество и делавшей это с большим или меньшим успехом. Смена типа социально-экономического развития, с одной стороны, и радикальные изменения политического режима, с другой стороны, делают практически невозможными эволюционные сдвиги в науке. Уже практически завершилась коренная переоценка ценностей, начался болезненный процесс формирования новой парадигмы. Этот процесс идет пока с явным упором на освоение достижений западной экономической мысли, от которой отечественные исследователи были отгорожены стеной непоколебимых идеологических и политических запретов.

Однако нельзя согласиться с встречающимися нередко утверждениями, что изучение зарубежной науки отвлекает экономистов от учета специфики развития собственной страны. В ряде случаев это бывает, но все-таки именно комплекс проблем посткоммунистической трансформации является доминантой экономических исследований. Именно здесь сконцентрированы сейчас нерешенные вопросы, позволяющие развивать как фундаментальные, так и прикладные экономические дисциплины.

Вызывает тревогу другое. При переоценке ценностей можно упустить из поля зрения богатый опыт развития экономической науки за семьдесят лет коммунистического режима. А он поистине уникален. Существовая в категориях и системе координат, совершенно отличных от западных, советская экономическая наука накопила неплохой опыт описания и анализа закрытого тоталитарного общества, хотя, разумеется, было очень много демагогии и профанации, может быть, даже больше в расчете «на единицу прогресса», чем в условиях рыночной демократии.

Но эти исследования были адекватны системе, причем тоталитарной системе вообще, а не только системе советского типа. И, главное, они содержат бесполезный опыт решения хозяйственных проблем. Опыт, в основе которого лежат не только особенности тоталитарного строя, но и важные специфические черты отечественного типа хозяйствования, требующего теоретического анализа и выработки специальных экономических категорий. Реалистичное и современное исследование советской экономической мысли явилось бы первым шагом на этом пути и выявило бы предпосылки формирования новой парадигмы в экономической науке.

Попытки осуществить исследования такого рода неоднократно делались в 1970-х и в 1980-х годах. Вышел целый ряд работ по анализу историко-экономических проблем отечественного хозяйства. Определенную интегрирующую роль сыграли соответствующие разделы «Всемирной истории экономической мысли»¹.

¹ Всемирная история экономической мысли. В 6 томах. М.: Мысль, 1987–1997.

Но целостный анализ так и не был проведен. И это, наверное, даже к лучшему. Тогда научная атмосфера не была благоприятной с идеологической точки зрения. Гласность и демократизация, крепнувшие в годы перестройки, стали необходимым условием проведения реалистичных исследований, но недостаточным, поскольку ученые оказались под труднопреодолимым давлением идеологических стереотипов, а проще говоря — конъюнктуры. Открытие «белых пятен» истории в сочетании с резкой критикой недавнего прошлого превратилось в неперенный атрибут научных публикаций. Фактически поиск «научных истин» был сведен к выдвижению тезисов, противоположных утверждениям недавнего прошлого.

Такая ситуация была в общем-то понятной и даже неизбежной, однако вряд ли могла способствовать формированию теоретических концепций принципиально нового уровня, равно как и взвешенной оценке прошлого.

Время уже начинает расставлять все по своим местам. И, выражаем уверенность, построение новых постсоветских экономических научных концепций невозможно без одновременного адекватного осмысления пройденного пути, каким бы странным с точки зрения «основного потока» мировой экономической мысли он ни казался.

В настоящей статье предлагаются некоторые подходы к изучению того, что еще недавно называлось историей «советской экономической мысли», т. е. определенного типа теоретического мышления, определенной парадигмы, которая в той или иной форме еще долго будет влиять на развитие социально-экономических исследований в нашей стране.

Полюса парадигмы: «западничество» против «мессианства»

История науки, если она претендует на что-то большее, нежели фотографическое отображение имевших место когда-то фактов (высказываний, мыслей, аргументов), должна ориентироваться на выявление и первичный анализ некоторых ключевых идей, пронизывающих развитие исследований в течение определенного и логически определяемого

периода. Эти идеи характеризуют наиболее существенное в развитии науки. Они могут поэтому служить своеобразным методологическим инструментарием для осмысления внутренней логики и внешних опосредований исследовательского процесса, для понимания общей тенденции научного поиска и околonaучной борьбы.

Особый вопрос — чем объясняется наличие и даже господство этих идей? Почему именно они могут и должны быть привлекаемы в качестве общей связующей нити разнородных, казалось бы, явлений истории экономической мысли? Ответ на это дает анализ движущих сил развития науки — исторических традиций, социально-политического и культурного фона и т. д. Причем здесь вряд ли возможны аргументы, имеющие абсолютную значимость. Ведь речь идет о методологии исследования, о его рабочей гипотезе, справедливость или ошибочность которой не может быть окончательно доказана до самого исследования. Иными словами, для того чтобы исследовать протекающие в науке процессы, нельзя обойтись без рабочих гипотез, подтверждение истинности которых в полной мере достигается лишь в результате их приложения к анализу, то есть после построения искомой концепции хотя бы в некоторых, наиболее важных ее аспектах.

Ключевая идея, о которой пока столь абстрактно идет речь, не имеет абсолютного значения в пространственно-временном отношении. Она применима лишь к развитию науки в определенных рамках, хотя на практике эти рамки могут быть весьма широки и устойчивы. Подобная идея сохраняет свою роль методологически исходной, пока остаются неизменными соответствующие ей и определяющие ее факторы развития самой науки или по крайней мере большинство из них.

Наконец, будучи сформулированной и примененной к конкретному историко-экономическому исследованию, эта идея вовсе не должна открыто и навязчиво присутствовать во всех его «ипостасях». Да и прямое апеллирование к ней вряд ли было бы уместно и эффективно. Ведь развитие науки предполагает существование множества точек зрения, постановок и концепций. Их надо только классифицировать,

взаимно увязать и объяснить, для чего и используется названный методологический фундамент; он не должен бросаться в глаза, искусственно выступать на поверхность, заслоняя собой само здание — реальный ход развития экономической науки в СССР. Но если эта рабочая гипотеза действительно работает, то вокруг нее так или иначе располагается и само исследование, причем отклонения от исходной гипотезы также являются чрезвычайно важными, поскольку они обозначают заслуживающие специального внимания моменты в истории развития науки.

Но что же конкретно здесь имеется в виду применительно к истории советской экономической мысли? Важнейшей особенностью ее развития на протяжении практически всех прошедших десятилетий являлось скрытое или явное сосуществование двух тенденций, выражающих принципиально различные подходы к осмыслению проблем нашего народного хозяйства. С одной стороны, широкое распространение получила «мессианская» идеология, с позиций которой советский экономический опыт рассматривался как уникальный, не имеющий аналогов в мире, ультрапередовой и являющийся образцом для подражания. С другой стороны, всегда давало о себе знать и, так сказать, «западническое» представление о нашей экономике, в котором признавалось не только существование ее глубоких отличий от современных западных экономик, но и предполагалось наличие общих черт и принципов эффективной организации хозяйственной жизни. Разумеется, оба названия являются условными, а сами эти подходы требуют более полного рассмотрения.

Характерной чертой «мессианской» интерпретации экономических проблем было фактическое выведение за рамки собственно экономического анализа объективных, устойчивых и действующих независимо от человеческой воли законов и механизмов. В первое десятилетие советской науки подобный подход существовал в открытом виде, но и далее, несмотря на формальное признание действия экономических законов, он сохранил и до сих пор сохраняет устойчивые позиции в среде экономистов и политиков. «Мессианству» свойственен

постоянный акцент на уникальность экономической системы советского типа и попытки доказать ее возможности противостоять объективным тенденциям, многократно подтверждаемым хозяйственной практикой других стран, а в негативной форме («через неосуществление») и нашей собственной экономической историей. Надо подчеркнуть, что здесь мы имеем в виду не вопрос о наличии специфических форм организации национального хозяйства, существование которых не подлежит сомнению, но применимость именно общих закономерностей функционирования экономики, связанных с наличием устойчивых механизмов реализации интересов отдельных индивидов, их групп и всего общества. Словом, речь шла об исключительной обособленности нашего экономического процесса от общемирового, о путях обеспечения экономического роста в советских условиях, опирающегося на принципиально отличные от известных мировой практике инструменты и механизмы.

Этот подход имеет ряд важных следствий и форм проявления, пронизывающих всю историю советской экономической мысли. «Мессианский» тип анализа оценивает все явления нашей экономической жизни сквозь призму их уникальности и противоположности тем, которые имеют место в современных западных обществах. Правильно будет сказать, что критерием общественного прогресса здесь выступают не реальные сдвиги в эффективности производительных сил и организации производства, а достижение хозяйственных форм, противоположных тем, которые объявлены «капиталистическими». Сюда же следует добавить и крайне негативное отношение ко всему тому, что лежит в основе экономики индустриальных стран. Уже в 1920-е годы очевидный марксистский тезис о примате развития производительных сил по сравнению с формами организации производства («социализацией») был объявлен «струвизмом», враждебным интересам победившего пролетариата.

Разумеется, такой подход требовал выявления внутреннего источника развития народного хозяйства, позволяющего игнорировать объективную логику функционирования экономики. Этот источник был для его приверженцев

очевиден: особая, поистине уникальная роль советского государства — собственника практически всех средств производства и даже фактического собственника рабочей силы. Поскольку же такое явление в современном мире было действительно беспрецедентным, то появлялись основания утверждать, что именно всепроникающая роль политической власти и определяет разрыв с ранее действовавшими экономическими законами. У тоталитарного государства-собственника, особенно на индустриальной стадии общественного развития, имелся значительный потенциал воздействия на хозяйственный процесс, что позволяло существенно модифицировать и действие объективных законов, и интересы субъектов экономической жизни.

Однако здесь следует сделать две важные оговорки. Во-первых, возможности государства-собственника резко ослабевают с завершением индустриализации и развертыванием научно-технической революции. Во-вторых, активное и всеобъемлющее вмешательство государства в хозяйственную жизнь способно на какое-то время (и порой на значительное) оттянуть решение глубинных проблем, что чревато гораздо более крупными потрясениями в дальнейшем. «Советская хозяйственная система, благодаря огромной концентрации материальных ресурсов в распоряжении государства и благодаря государственному регулированию народного хозяйства во многих областях отличается способностью переносить сравнительно долго такие случаи нарушения хозяйственного равновесия, *которые не вынесла бы иная хозяйственная организация...* (курсив мой — В. М.). У нас... обстоятельства могут сложиться (и нередко действительно складываются) так, что равновесие не в состоянии восстановиться „само собой“ и что цель уравнивания частей народного хозяйства должна быть достигнута экономическими мероприятиями государства», — писал в свое время Л. Юровский в знаменитой статье «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе»¹. В принципе следование «мессианским» курсом в экономической теории

¹ Вестник финансов. 1926. № 12. С. 5–6.

и на практике означает неизбежность наступления кризисов как результата непродуманных неэффективных и несвоевременных решений — формальной интерпретации критерия общественного прогресса, а также всеобъемлющей идеологизации хозяйственной жизни. И действительно, если обратиться к прошедшим десятилетиям советской истории, не трудно увидеть кризисные вехи на этом пути, так или иначе имевшие место через каждые семь-десять лет. Кризисы были и явными, и скрытыми, нейтрализовались они действиями государства или внешними факторами (война, скачок цен на нефть и т. д.) и, естественно, усугубляли общую экономическую ситуацию. А непринятие адекватных мер и сохранение значительной идеологической детерминированности экономики лишь наращивали разрушительный потенциал будущего взрыва.

Наконец, «мессианской» концепции присущ ярко выраженный апологетический уклон. Открыто провозглашая свою подчиненность партийным установкам¹, эта линия стремилась всегда обосновать и показать «мудрость» принятых партией решений и их нацеленность на достижение «светлого будущего». Основное внимание здесь уделяется характеристике общества, к которому надо стремиться. Проблемы современного экономического механизма мало интересуют «мессианскую» теорию, да она и не имеет подходящего научного инструментария для осмысления и оценки реальных процессов. Ей присущ сугубо нормативный характер, доминирование должного над сущим, причем само это должное при ближайшем рассмотрении оказывается весьма примитивным, построенным все по тому же принципу «от противного».

Разумеется, экономическая действительность, постоянно подталкиваемая к кризисам и потрясениям неэффективной политикой и идеологизированной наукой, нуждалась и в определенных реалистичных стабилизаторах, способных до поры до времени удерживать ее в социально

¹ См., например: О пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР: Дискуссия в Коммунистической академии. М., 1928. С. 36, 79.

допустимых границах. В известном смысле эти функции выполняла теория «западнического» типа, склонная к прагматизму и конструктивности.

Суть этого направления состоит в стремлении увязать особенности функционирования хозяйства советского типа с общими принципами организации экономической жизни, присущими развитым индустриальным западным странам. В подавляющем большинстве сторонники этой линии были искренними коммунистами, убежденными в преимуществах коллективистского строя и неизбежности коммунистической перспективы для всего человечества. Однако эта убежденность вполне сочеталась с поиском, фактически имевшим цель внедрить в советскую экономику некоторые общие ценности, так или иначе ориентированные на современное рыночное хозяйство.

Неудачи советской экономики здесь объяснялись не только и не столько ее недостаточной «зрелостью» и субъективными ошибками отдельных личностей (на этом делали акцент их коллеги и оппоненты из «мессианского» лагеря), но прежде всего недоучетом объективных категорий и законов, формирующих стимулы динамичного роста. На данном этапе развития цивилизации эти стимулы видели в рынке, а вернее, в системе товарно-денежных отношений, что в советской экономической теории не было тождественно рынку. Недаром представителей этого направления нередко называли «товарниками» или даже «рыночниками». В какой мере они действительно признавали необходимость перехода нашего хозяйства на рыночные рельсы — вопрос особый, не имеющий однозначного ответа. Но несомненно, что стабилизация и динамизм экономического процесса были неотделимы в этой концепции от «подключения» некоторых механизмов, объективно влияющих на хозяйственную жизнь и тем самым предохраняющих ее от неэффективного и непрофессионального вмешательства властей.

Сочетание рыночной модели с коммунистическими идеалами для основной массы «западников» не было вынужденным компромиссом в обстановке тоталитаризма. На протяжении значительного периода господствующей

моделью функционирования современной рыночной экономики оставалось кейнсианство с его представлениями о необходимости активного вмешательства государства в хозяйственный процесс. Вульгарно интерпретируемая теория Кейнса рассматривалась как еще одно подтверждение исторической прогрессивности командной экономики советского типа. Создавалось впечатление, что кейнсианство, являясь попыткой ответа буржуазной («вульгарной») политэкономии на вызов времени, должно отреагировать на те же самые вопросы, которые более последовательно, четко и в «интересах трудящихся» решает советский хозяйственный строй. Подобная интерпретация кейнсианства была весьма характерна для стандартных работ по «критике буржуазных теорий» уже в 1940–1950-е годы, и на поверхности такого рода представления могли казаться справедливыми. Лишь опыт 1980-х годов наглядно продемонстрировал их ошибочность.

Важной и вполне объяснимой чертой анализа «западного» типа было признание объективных закономерностей (законов) функционирования народного хозяйства — как эмпирически выявляемых, так и теоретически конструируемых. Стремясь оградить развитие событий от субъективно-личностных увлечений и крайностей, эти исследователи делали акцент на выявлении устойчивых и не выходящих за рамки собственно экономики взаимосвязей и взаимозависимостей, которые всегда «заставляют» с собой считаться. Именно в этом заключается сильная сторона данной методологии. Но здесь же имеется и определенная слабость: экономисты и особенно экономисты-реформаторы, формулируя программы хозяйственных преобразований или оценивая возможности и перспективы роста советской экономики, как правило, недоучитывали роль социальных, политических и личностных факторов. Сказанное подтверждается многочисленными примерами из 1920-х, 1960-х и 1980-х годов. Экономический прагматизм, который в общем был присущ «западническому» экономическому анализу, вполне определенно проявился и в понимании критерия общественного прогресса, который видели в первую очередь

в поступательном развитии производительных сил. Тем самым эти экономисты смогли выйти за довольно узкие рамки анализа «специфически социалистических» (а точнее, вульгарно-антикапиталистических) форм и привлечь к научному анализу и практической деятельности инструменты и механизмы, невзирая на их «социальную родословную». Разумеется, и здесь были определенные идеологические ограничения, преодоление которых зачастую стоило ученым непропорционально больших затрат.

Исследования подобного плана в основном шли не от общетеоретических абстракций, чем обычно грешили экономические схемы, традиционно относившиеся у нас к политической экономии социализма. Они отталкивались от конкретных проблем функционирования предприятия — его роли в советской экономике, взаимоотношений с вышестоящими организациями, стимулов роста и т. д. Анализ же причин возникновения «узких мест» приводил к обобщениям и теоретическим выводам относительно самого характера системы и законов ее функционирования. И вместе с тем эти обобщения все равно сохраняли вполне определенную практическую направленность, ориентируясь на поиск путей выхода из предкризисных и кризисных ситуаций, в которых экономика оказывалась под влиянием идеологических установок (а потом и стереотипов) «мессианства». Недаром особенно интенсивно прагматические исследования «западников» разворачивались именно на этапах ухудшения экономической ситуации в стране и сворачивались после того, как при помощи политического маневрирования на базе их рекомендаций или привлечения серьезных внешнеэкономических факторов удавалось «выпустить пар» и переключить внимание народа с экономических трудностей на идеологические «ценности», что вело в конечном счете к катастрофе. Представляется, что взаимодействие «мессианского» и «западнического» направлений, их напряженная борьба друг с другом (скрытая или явная) является существенным фактором, характеризующим развитие советской экономической мысли на протяжении всех десятилетий ее существования. Их противостояние имеет глубокие корни — и в традициях

теоретических исследований, и в хозяйственной практике дореволюционной России, и в истории развития социалистических идей. Не раскрывая последний тезис подробнее, обратим внимание лишь на следующее: было бы упрощением, во-первых, механически разбивать всех экономистов на два лагеря, противостоящих один другому, и, во-вторых, оценивать один подход как исключительно порочный, а второй — как заведомо прогрессивный.

Реальное развитие российского и советского хозяйства, равно как и опыт его реформирования в прошлом и настоящем, свидетельствует о необходимости не только опоры на общечеловеческие экономические ценности, составляющие основу эффективного роста и политической демократии, но и учета реальных и существенных особенностей функционирования и развития именно нашей страны, с ее географическими и национальными особенностями, культурно-историческими традициями и т. д. Опасность игнорирования этих факторов неоднократно подтверждалась жизнью, и анализ историко-экономических проблем говорит в пользу подобного вывода. Хозяйственно-политическая логика, обозначенная нами как «мессианская», сознательно или (зачастую) неосознанно сосредоточивала внимание именно на этой стороне дела, что, безусловно, было полезно, но вместе с тем, как правило, стремилась к универсализации тенденций и явлений, являющихся сугубо специфическими. И на этом пути было в свое время образовано немало завалов, разбирать которые приходилось и приходится в основном «западникам».

Понятие «экономический закон» играло существенную роль в теоретических построениях представителей обоих направлений. Естественно, что «западники» уделяли особое внимание теоретическому анализу и практическому использованию так называемых «общих законов», действующих, по К. Марксу, в досоциалистических системах хозяйства и описывающих движение рыночной экономики. Для «мессианцев» особую ценность представляли «специфические законы» типа «планомерного развития» или «распределения по труду».

Многие прогрессивно настроенные экономисты обычно резко (насколько это позволялось идеологическими «надсмотрщиками») критиковали «мессианцев» за надуманность, оторванность от жизни, искусственность их построений и дискуссий вокруг пресловутых законов. О какой плановости можно говорить — задавали нередко вопрос, — если ни один пятилетний план в советской истории выполнен не был, а советское народное хозяйство все пронизано глубокими диспропорциями? Аналогичные высказывания можно было услышать и по поводу «основного экономического закона социализма», «закона распределения по труду».

Отчасти эта критика была, конечно, верна. Но сейчас мы можем уже наверняка утверждать, что за формулированием этих законов нередко стояли попытки адекватного описания реалий тоталитарной экономики, если иметь в виду не цели, а механизм ее функционирования. Иными словами, «закон планового развития» содержал описание и апологию механизма административной увязки хозяйственных пропорций (сколь всеобъемлющего, столь и неэффективного). «Основной закон» описывал существо экономической доктрины тоталитарного патернализма. «Закон распределения по труду» закреплял логику уравнительного подхода к распределению, ориентацию его на затраты труда вместо результатов.

Неоднозначно можно оценивать и конструкции «западников». Они были, безусловно, правы в своей критике пороков тоталитарного строя, справедливо связывая перспективы роста экономической эффективности с утверждением рыночных механизмов. Однако работы «западников» не только не несли в себе элементы новой парадигмы экономического анализа, но и по существу не являлись хотя бы частью основного течения западной экономической мысли, в лучшем случае — только его отголоском. Подчеркну здесь еще раз — «западнический» и «мессианский» подходы представляют собой два полюса одной планеты и, отрицая друг друга, не подрывают фундаментальных основ экономической доктрины тоталитаризма.

Перестройка вскрыла это, продемонстрировав трагизм положения «западников» с исключительной наглядностью. Экономические новации первой фазы перестройки знаменовали попытку практической реализации почти всех идей «западников» — наиболее передовых идей в области «совершенствования хозяйственного механизма», выработанных на протяжении 1960–1970-х годов. Активизация роли рыночных связей, рост самостоятельности предприятий, внедрение на них принципов самоуправления и самофинансирования, легализация негосударственных (кооперативного и индивидуального трудового) секторов, смягчение государственного контроля в сфере ценообразования — все это по мере цензурных возможностей предлагали экономисты-западники в течение примерно четверти века. Однако практика быстро обнаружила коренные недостатки этих идей: глубокие изменения в механизме функционирования хозяйства попытались осуществить без соответствующих изменений в отношениях собственности (само обсуждение этого вопроса могло оказаться «подсудным» делом вплоть до середины 1980-х годов). Предприятия, получив свободу хозяйствования, оказались вне реальных механизмов экономической ответственности за результаты своей деятельности. Вышло так, что законы о госпредприятии (1987-го года) и о кооперации (1988-го года), включив в себя самые передовые предложения советской экономической мысли, дали мощный импульс развалу советской хозяйственной системы.

Логика и структура предмета исследования

Общую основу для классификации различных подходов в советской экономической мысли должен составить хронологический принцип. В развитии нашего общества и его экономической науки выделяется ряд этапов, характеризующихся спецификой задач и механизмов их разрешения в теории и на практике. Ключевые идеи, о которых шла речь, сохранялись, однако подвергались существенной модификации при переходе с этапа на этап.

В первом приближении среди таких этапов можно назвать:

— послереволюционный период до начала 1930-х годов, когда происходили отработка и практическая апробация различных моделей функционирования советского народного хозяйства;

— 1930-е — середина 1950-х годов. Это время достаточно целостной хозяйственной системы тоталитарного общества периода индустриализма, нашедшей отражение в экономической науке «чрезвычайного» типа, которая оказалась в результате на грани вымирания;

— вторая половина 1950-х — конец 1980-х годов. Период реформ на сложившемся базисе индустриальной экономики и тоталитарно-социалистической идеологии. Иными словами, возрождение науки при сохранении многих догм прошлого.

В каждом из этих разделов целесообразно будет также выделить отдельные периоды, имеющие относительную самостоятельность и характеризующиеся известной цельностью, логической замкнутостью.

К выделенным основным историческим блокам представляется необходимым добавить достаточно подробный анализ, относящийся к дореволюционной экономической теории и практике. 1917 год на самом деле является довольно условной границей. И многие события, последовавшие за приходом большевиков к власти, тесно связаны с особенностями экономического развития России после 1861 года и особенно с середины 1890-х годов.

Достаточно очевидна и верхняя граница исследования. Это — начало 1990-х годов. Она определяется не только крушением советской системы в целом, но и выходом на передний план общечеловеческих ценностей, переходом цивилизации к новой стадии развития.

Вступление в постиндустриальную стадию заставило по-новому взглянуть на механизмы функционирования рыночной экономики, что привело к ренессансу либеральной идеологии. Теоретические и практические усилия неолИБералов в 1980-е годы оказались весьма ощутимыми, и их

идеи приобрели большую популярность у нас, становясь важным фактором, влияющим в настоящее время на развитие отечественной экономической мысли.

Нетрудно заметить, что в основу периодизации истории советской экономической науки положены принципиальные черты функционирования хозяйственной системы. Такой подход позволяет теснее увязать теоретические постановки с решением практических хозяйственных проблем, раскрыть взаимосвязи между ними. Ведь пресловутый тезис об «оторванности» экономической науки от хозяйственной практики (и экономической политики) является не более чем предрассудком. Они всегда были и остаются тесно связанными друг с другом. Не будет преувеличением сказать, что экономическая практика имеет, как правило, ту науку, которую хочет иметь экономическая политика.

Возможно ли выделить здесь какие-то наиболее общие блоки проблем применительно к различным этапам развития советской экономической мысли? Думается, да. Разумеется, в разной исторической обстановке не только характер, но и предмет экономических исследований модифицировался. Однако семь десятилетий не столь уж значительный срок, чтобы изменения эти оказались радикальными и несопоставимыми. А главное — общая логика проблемной структуризации должна быть достаточно гибкой, позволяя обеспечивать сопоставимость анализа различных этапов и не упуская при этом специфики каждого из них.

Основные проблемные блоки для каждого относительно самостоятельного исторического периода видятся следующими:

1. Общий обзор развития народного хозяйства в рассматриваемый период. Основные проблемы, противоречия, тенденции. Это база для дальнейшего анализа теоретических конструкций, всегда являющихся отражением и преломлением реальных хозяйственных процессов. Здесь же имеет смысл проанализировать основные элементы экономической политики, практические шаги, предпринимавшиеся на данном этапе для преодоления кризисов и разного рода

затруднений. Предметом специального внимания должны стать и официальные документы, решения правящей партии, установки вождей.

2. Идеология хозяйственной жизни. Имеются в виду наиболее общие, а в ряде случаев и наиболее абстрактные преломления в экономическом анализе народнохозяйственной ситуации и тенденций ее изменения. Как виделось разным исследователям существо советской экономики? Ответ на этот вопрос всегда можно найти, изучая как общеэкономические (политэкономические), так и конкретно-экономические работы: дело здесь не в формулировках, а в необходимости вычленить ту глобальную социально-экономическую концепцию, которая непременно лежит в основе любых исследований. Противоборство между «мессианством» и «западничеством» на этой стадии анализа проступает наиболее отчетливо. Поэтому, кстати, здесь придется непосредственно столкнуться с апологетическим характером политэкономии социализма, который был чрезвычайно силен на протяжении многих десятилетий. Постановка вопроса о существовании специфических экономических законов советского строя, интерпретации их характера, механизмов действия и использования позволила бы раскрыть реальные представления о принципах организации этого строя.

Если говорить более конкретно, то для 1920-х годов следовало бы прежде всего рассмотреть дискуссии между идеологами нэпа и «военного коммунизма», не забывая, однако, и позиции экономистов либерального направления, выступления которых звучали до 1923 года в России, а позднее — в эмигрантской среде. Работы Е. Преображенского, Л. Крицмана, М. Ларина, В. Базарова, Н. Кондратьева, А. Кактыня, Б. Бруцкуса, Н. Шапошникова, А. Рафаловича должны быть рассмотрены с особым вниманием. В это же время вопросы о существенных особенностях сложившейся системы хозяйствования обсуждались и в связи с дискуссиями о перспективах развития экономики периода НЭПа, а также в ряде работ по методологии планирования. Последнее весьма важно: поскольку вопросы планирования занимали одно из центральных мест в политике правящей

партии и поскольку планирование само по себе является инструментом, способным пронизывать все стороны экономической жизни, постольку в исследованиях этой проблемы значительное внимание уделялось и самим принципам функционирования данного строя. Особенно наглядно это прослеживается, например, в работах В. Базарова, С. Струмина, Л. Юровского и др.

По мере приближения к концу 1920-х годов и вступления страны в период жесткого административного управления, тотально-принудительного планирования и репрессивной идеологии работы, в которых делаются попытки осмысления существа сложившейся системы, приобретают откровенно апологетический характер. Исключения здесь редки, а последствия их непредсказуемы. Рассуждения об отсутствии экономических законов социализма или крайний субъективизм при их толковании (план, планирование как экономический закон, диктатура пролетариата как основной закон, «изгнание» закона стоимости или признание его действия в «преобразованном виде») становятся неотъемлемой чертой политэкономических работ в течение двух десятилетий и продолжают оказывать влияние вплоть до настоящего времени. Однако, рассматривая эти подходы, ни в коем случае нельзя ограничиваться простой констатацией их примитивизма и вульгарности. Необходимо раскрывать их связь со сложившейся системой, причем связь не только идеологическую (мол, политический режим требовал подобного рода «научных» изысканий). Гораздо важнее другое: подобные постановки во многом отражали реальное положение дел, как оно виделось на поверхности явлений и как оно проявлялось в экономической политике.

В аспекте экономической идеологии и существа системы также целесообразно рассмотреть проблемы предмета политэкономии и ее исторических границ, дискуссии о структуре и логике курса политэкономии социализма, методологические дискуссии, которые время от времени имели место. Важно не забывать о связи этих обсуждений с развитием реальных хозяйственных и политических процессов, выявить политические и гносеологические

корни, лежавшие в основе тех или иных методологических выводов.

3. Микроэкономический анализ. Он представляет собой следующий крупный блок проблем, требующий специального исследования внутри каждого исторического этапа развития советской экономической мысли.

Один из ключевых моментов здесь — положение социалистического (государственного) предприятия в экономической системе. Начиная с ранних дискуссий о рабочем контроле (а до этого — с дореволюционных социалистических программ перехода к новому обществу) данная тема привлекает повышенное внимание исследователей и политиков. Значительную роль здесь играет обсуждение вопросов хозрасчета (коммерческого расчета), а точнее прав и ответственности предприятий, механизмы включения их в народнохозяйственную систему, стимулы роста и т. д.

Особая тема — монополия и конкуренция. Длительное время ей не уделялось должного внимания в советской экономической литературе. Эти вопросы более или менее широко (скорее менее, чем более) обсуждались лишь в 1920-е и в 1960-е годы. Отдельные постановки проблемы можно встретить и в конце 1940-х годов (последнее пока труднообъяснимо). Попытки, и весьма масштабные, подмены конкуренции «социалистическим соревнованием» также не должны быть упущены из поля зрения. При всей своей одиозности и научной беспомощности эта тема не была искусственной и отражала особенности административно-директивных методов хозяйствования на микроуровне.

Особого анализа требуют проблемы сельскохозяйственного производства. Дифференциация крестьянства и ее интерпретация, вопросы эволюции сельскохозяйственных форм, социальные механизмы развития деревни, техническая вооруженность и производительность труда — эти и многие другие вопросы активно обсуждались на протяжении десятилетий. Аграрно-экономические страницы истории нашей науки обильно политы кровью и крестьян, и ученых. И об этом надо писать, раскрывая реальные социальные, идеологические и иные корни трагической судьбы

Н. Кондратьева, А. Чаянова, М. Кубашина и многих других. Очень важно показать подлинную связь трагедии советского крестьянства с трагедией науки и ее отдельных выдающихся представителей.

4. Макроэкономический анализ. Сознвая определенную условность использования здесь этого термина, естественно видеть необходимость известной адаптации его к особенностям советской экономики. Здесь следует обратить внимание на разработку советскими учеными концепций экономического роста, государственной экономической политики и анализ перспектив развития народного хозяйства страны.

Предметом специального исследования должны стать работы в области финансов, кредита и денежного обращения. Серьезные изыскания в этой области имели место на протяжении всей истории нашего народного хозяйства, особенно в 1920-х и в 1950–1960-х годах. Этого нельзя, правда, сказать об анализе проблемы ценообразования, динамики цен и тенденциях ценовой политики, что также относится к данному блоку, — основной интерес здесь могут представлять работы 1921–1926 годов.

Исследования тенденций развития народного хозяйства, связанные с этим конъюнктурные наблюдения и моделирование хозяйственных процессов — очень интересный комплекс проблем. Сюда относятся: поиски закономерностей восстановительного процесса, которые активно велись в 1920-е годы и на самом деле вышли за рамки собственно вопросов восстановления; построение прогнозных моделей рубежа 1920–1930-х годов; исследования по макроэкономическому моделированию, начавшиеся в 1950-е годы. Все это представляет значительный интерес и до сих пор не было предметом специального и, главное, комплексного анализа.

К этим направлениям примыкают исследования в области народнохозяйственной структуры, закономерностей инвестиционной политики, определения эффективных вариантов осуществления хозяйственных проектов. При большом числе публикаций по данной теме она так и не стала еще предметом глубокого историко-экономического анализа. Между тем

здесь имеется широкое поле для общетеоретического осмысления и обобщений принципиального характера.

Особый и весьма интересный вопрос — изучение альтернативных концепций развития народного хозяйства, которые особенно остро обсуждались в 1920-е годы при определении путей коренной реконструкции советской экономики. Позднее подобные вопросы также не потеряли своей актуальности, хотя в научной литературе данная проблематика почти не поднималась. Это не снимает, но лишь затрудняет историко-экономический анализ, поскольку здесь необходимо тщательное исследование официальных документов и «пограничных» исследований, в которых так или иначе может содержаться информация об альтернативах народнохозяйственного развития при определении стратегии экономической политики, особенно в переломные моменты нашей истории.

И, разумеется, в блок макроэкономических проблем входит теория и практика народнохозяйственного планирования в СССР. Методология планирования, система государственных планов и принципы их разработки, соотношение плана и прогноза, драматическая судьба генеральных (долгосрочных) планов, пятилетнее и годовое планирование — все это требует специального внимания и обобщения, свободного как от безудержной апологетики, так и от примитивной дискредитации.

5. Инструментарий экономического анализа. Это особый блок проблем, в ряде случаев не вписывающихся в те разделы анализа, о которых шла речь выше. В науке, в том числе в экономической, существует проблема метода как самостоятельного предмета исследования. В какой-то мере методологические вопросы экономического анализа должны быть затронуты и в предыдущих блоках. Но несомненный интерес представляет и их специальное, комплексное изучение.

О чем здесь конкретно может идти речь? О развитии экономико-математических исследований и их роли в становлении экономической науки. Широко известен вклад российских экономистов-математиков (В. Дмитриева, Е. Слуцкого и др.) в мировую экономическую мысль. Интересные работы

проводились и в 1920-е годы, после которых это направление в отечественной науке в течение длительного времени находилось в полуподавленном состоянии.

* * *

Разумеется, изложенные нами подходы, которые могли бы лечь в основу комплексного исследования истории советской экономической науки (или истории «политической экономики социализма»), не исчерпывают всего богатства проблем и набора трудностей и преград на пути решения этой задачи. Потребуется уточнения и конкретизации даже сам предмет исследования, не говоря уже о вопросах его хронологической и проблемной структуры, объяснения тех или иных событий. Необходимо проанализировать огромный массив информации как из опубликованных источников, так и из архивов. Причем недопустимо априорно сортировать литературу на относящуюся к истории либо экономической мысли, либо народного хозяйства, отбрасывая последнюю во имя сохранения «чистоты предмета», как это подчас случалось в прошлом.

Комплексное исследование такого рода потребует координации усилий многих ученых, причем не только отечественных. Необходима целая серия обсуждений и дискуссий, которая позволила бы согласовать различные позиции. Но есть и другая сторона этой же проблемы. Каждое поколение исследователей обладает собственным видением научного процесса. Участники событий неизбежно интерпретируют их иначе, чем младшие коллеги, опирающиеся на документальные источники. И оба подхода важны. Следует учитывать свидетельства современников, нужен опыт профессиональных историков-экономистов старших поколений, равно как и свободный от догматизма свежий взгляд того поколения, которое пришло в экономическую науку за последние годы.

РАЗДЕЛ II

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РЕВОЛЮЦИЙ

ПЕРЕСТРОЙКА КАК РЕВОЛЮЦИЯ: ОПЫТ ПРОШЛОГО И ПОПЫТКА ПРОГНОЗА

Прогнозы — дело неблагодарное. Особенно в общественной жизни и тем более в такое неопределенное, непредсказуемое время, как наше, когда озабоченность будущим, тревога за него пронизывают все общество снизу доверху. Обстановка накаляется. В работе последовательно сменяющих друг друга съездов, сессий и конференций высших государственных и партийных органов отражается неуклонное усиление противоречий и нестабильности. Но есть ли во всем этом какие-то закономерности? Возможны ли сколько-нибудь обоснованные прогнозы? Отвечая на эти вопросы, рискнем утверждать: развитие наше имеет довольно отчетливо прослеживаемую внутреннюю логику. И определяется она тем, что переживаемый ныне этап — революционный.

Подобная постановка проблемы, естественно, подталкивает нас к анализу исторического опыта. Ведь свободный от

эмоциональной оценки взгляд в прошлое позволяет и в настоящем увидеть то, что скрывается за многоцветьем борьбы платформ, лозунгов и темпераментов. Две великие революции — французская конца XVIII века и российская начала XX — дают богатый материал для осмысления интересующей нас проблемы. Такой выбор понятен: именно они демонстрируют нам образцы революционных процессов, дошедших до своего логического конца и не потерпевших поражения на промежуточных стадиях. Именно Франция и Россия пережили революционные потрясения, так сказать, в чистом виде, не осложненные борьбой за независимость, равно как и другими национально-культурными факторами. В принципе те же закономерности проявлялись и в других революциях, хотя и с более существенными модификациями.

Мы сознаем всю условность исторических аналогий, и вовсе не этот прием лежит в основе нашего анализа. История дает нам лишь примеры, подтверждающие реальность тех закономерностей, которые вытекают из общей логики борьбы социальных сил в любом обществе. Что же касается выводов прогнозного характера, то сразу отметим их принципиальное отличие от прогнозов метеорологических. Здесь речь идет не о вероятности наступления того или иного события, а о тех альтернативах, которые возникают при разветвлении перестроечных процессов.

Вопрос о революционном характере преобразований, начатых в 1985 году, до сих пор остается дискуссионным. При ответе на него представляется необходимым учитывать обстоятельства двоякого рода.

Во-первых, революция — это не кратковременный всплеск народной активности, не одномоментный взрыв, не сам по себе акт захвата власти. Это длительная и сложная эпоха радикального преобразования общественных отношений. Так, Великая французская революция охватывает все последнее десятилетие XVIII века, а революционный процесс в России, взявший старт в феврале 1917 года, завершается лишь на рубеже 1920–1930-х годов. И дело здесь не в споре о словах. Только при анализе революции как эпохи

возможно не просто описать беспорядочную смену событий, но выделить внутреннюю логику развития ситуации, определить закономерности, по которым она изменяется.

Во-вторых, разворачивающийся сейчас процесс обновления начался в форме «революции сверху». Но это не значит, что по своим сущностным чертам он должен принципиально отличаться от любой другой революции. Хотя, безусловно, более позднее подключение масс к активной политической деятельности вносит определенные модификации. Противоречивым оказывается положение политических лидеров в революционном процессе. Они превращаются в своеобразные символы, отражающие (в завуалированной форме) сталкивающиеся и взаимодействующие в обществе интересы, складывающиеся на данный момент соотношение социальных сил.

Это не означает, что обыденное сознание адекватно воспринимает конфликты политических лидеров как причину противоречий объективной действительности. И в условиях «революции сверху» действует основополагающий принцип: конституция революции — это реальное соотношение общественных сил. Поэтому сам по себе выход тех или иных политических лидеров из высшего эшелона не устраняет реальных противоречий. Изменение фактической роли «консерваторов» и «радикалов» в высших органах власти возможно лишь при изменении соотношения сил в обществе в пользу одних или других.

И все же главное доказательство революционного характера нынешнего периода мы видим в том, что развитие событий проходит те же этапы и осуществляется в соответствии с той же внутренней логикой, которая была характерна для большинства известных истории революций и особенно четко прослеживается на примере Франции конца XVIII и России начала XX века. И в том и в другом случае революция переживает в своем развитии четыре основных этапа.

Первый этап характеризуется широким объединением разнородных социальных сил в борьбе со старыми, отжившими отношениями. На поверхность выходит острый

общественный конфликт, характеризующийся высоким накалом страстей и приоритетом разрушительных задач перед созидательными. Одновременно в силу широкого распространения представлений о невозможности сохранения старых порядков, их дряхлости и неустойчивости, а также вследствие деморализации защитников существующей системы возникает иллюзия национального согласия, легкости и бесконфликтности перехода к новому состоянию. Те, кто начинает движение за радикальные реформы, обычно не представляют себе, как далеко зайдет этот процесс. Кажется, будто, порвав с наиболее явными и очевидными, но отнюдь не основополагающими атрибутами старой системы, можно вырваться за ее рамки и совершить скачок к светлому будущему. В дальнейшем эта иллюзия сохраняется и оказывает воздействие на осмысление происходящих процессов даже тогда, когда объективная основа для ее существования уже разрушена.

Но жизнь движется вперед. Начинается второй этап революции — этап дифференциации и постепенной поляризации социальных сил в соответствии с позитивными программами, отражающими их объективные интересы. Все более откровенно проявляется перспектива обострения противоречий внутри еще недавно единых противников прежних порядков, намечаются контуры новых сдвигов. Одновременно собираются с силами и прямые защитники прошлого, деморализованные и рассеянные в начале революционных катаклизмов. Подчас они получают поддержку наиболее умеренных сторонников преобразований, считающих, что революция уже достигла своих целей.

За фасадом сложных и болезненных процессов размежевания прежних союзников и объединения недавних противников просматривается постепенное оформление противостояния двух основных линий в развитии революции. Этот процесс может протекать в различных формах: как путем постепенной радикализации общества, когда на каждой новой ступени происходит размежевание в рамках единых ранее рядов приверженцев прогрессивных перемен, так и в форме все нарастающего усиления прогрессивных

и консервативных флангов, с двух сторон давящих на центр и, по существу, определяющих его политику. Складывается ситуация фактического двоевластия, когда ни одна из основных социальных сил не может последовательно реализовывать свою волю. Конфликт между этими силами, постоянно меняющийся баланс между ними делают положение в этот период крайне неустойчивым.

Ход второго этапа показывает, что центральным моментом противостояния является именно борьба за власть. Вопрос о власти, который, казалось бы, был решен еще на первом этапе, вновь встает на повестку дня, причем в гораздо более острой форме. Одновременно с осложнением политической ситуации нарастают экономические трудности. Угроза экономической катастрофы становится решающим фактором (или даже катализатором) дальнейшего развития революции.

Обострение всего комплекса социально-экономических и социально-политических противоречий как итог этого этапа приводит к глубокому кризису в ходе революции. В той или иной форме происходит открытое столкновение противостоящих друг другу сил. «Центр», казавшийся еще недавно надежным буфером между политическими полюсами и гарантом постепенного осуществления перемен, разваливается на глазах, исчезает с политической арены под воздействием процессов поляризации и по причине собственного бессилия. Наступает критический момент в развитии революции, когда ее еще можно повернуть вспять, возвратиться к старым порядкам, восстановить господство тех сил, против которых и поднималось народное движение. Становится неизбежным резкий поворот «вправо» или «влево», переход к жесткому проведению последовательной и решительной политики — прогрессивной или консервативной.

Очевидно, что наше развитие подошло сейчас именно к такому моменту. Позади «розовый период» перестройки (первые два — два с половиной года), вызывающий ныне весьма противоречивые воспоминания. С одной стороны, удивительная общественная атмосфера: всеобщий подъем,

ожидание быстрых перемен, восторженное восприятие любых, даже самых нерешительных шагов в направлении гласности и открытости. С другой — коллизии, связанные с представлениями о возможности решить все проблемы «в лоб», очевидными и «простейшими» методами: антиалкогольная кампания, борьба с нетрудовыми доходами, лозунги ускорения. И то и другое непосредственно вытекает из особенностей первого этапа развития революции.

Позади и первые шаги размежевания, когда в Обращении ЦК КПСС к советскому народу в связи с семидесятилетием Октябрьской революции утверждалось: *«Центральный Комитет обращается к мужеству советского народа. Ломка застывших форм, методов, привычек дается нелегко. За перестройку надо бороться, перестройку надо защищать»*. И при этом: *«Дорогие товарищи! Все общество у нас — по одну сторону баррикад»*. Но время, когда все мы были «по одну сторону баррикад», быстро уходило в прошлое. Стремительно нарастали процессы поляризации. Позиции определились, необходимость выбора стала очевидной.

Размежевание неизбежно должно было вылиться в обострение социальных конфликтов. Проявляясь первоначально (с декабря 1986 года) в национальных и религиозных формах, они постепенно приобретают все более яркую социально-политическую окраску. Происходят качественные изменения в характере революции. Из «революции сверху» она превращается в широкое народное движение. Рост национального самосознания приводит к формированию массовых политических организаций в союзных республиках. Постепенно оформляются и организации, непосредственно отражающие экономические и политические интересы различных социальных сил. Происходит размежевание в партии, в том числе и среди рядовых коммунистов. Эти процессы, идущие на протяжении 1988–1989 годов, делают все более очевидным, что теперь уже не политическое руководство «внедряет» в массы перестройку, а сам ее темп, направленность, прорывы вперед и откаты назад в процессе преобразований, прочность позиций тех или иных политических

лидеров определяются общей социальной ситуацией в стране. Все более важную роль в продвижении революции вперед начинает играть ухудшение экономической ситуации и неспособность власти справиться с углублением кризисных явлений. Это стимулирует быстрый переход в ходе конфликтов от локальных экономических требований к политическим, а самим экономическим требованиям придает политический характер.

Если на первых порах размытость социальной структуры общества и отсутствие адекватных способов выражения интересов различных слоев и групп не позволяли политическим процессам выступать в соответствующих институциональных формах, то завершение второго этапа характеризуется формированием политических сил, открыто выдвигающих своей целью борьбу за власть. Еще недавно слабые и разрозненные организации, фронты, движения с широким спектром программ начинают объединяться в достаточно мощные коалиции, привлекать на свою сторону часть членов КПСС, ВЛКСМ, профсоюзов и т. п., оказывают все более существенное влияние на общественную жизнь.

В партии и в обществе активно идут процессы объединения как радикалов, так и консерваторов. И роль этих двух крыльев постепенно усиливается.

Поляризация приводит к постепенному размыванию социальной базы компромиссной, центристской линии. Курс на умиротворение противоборствующих сил становится все менее реалистичным. Умеренные и постепенные преобразования при всей внешней логичности, по сути, никого не устраивают. Консолидация идет, но не вокруг средней линии, а вокруг политических полюсов. Показательна в этом отношении разница между высшими законодательными органами СССР, сформированными в середине второго этапа революции, и РСФСР, отразившими характерные черты его завершения. И дело не только в том, что такие парламентские феномены, как формирование фракций, гарантии прав меньшинства, альтернативность выборов, в первом случае приходилось брать с боем, а во втором они уже

воспринимались как сами собой разумеющиеся. Бросается в глаза специфика расстановки сил в союзном и российском высших органах власти. Фактически на Съезде народных депутатов РСФСР не оказалось того «центра», который играет столь существенную роль в среде союзных законодателей. По принципиальным вопросам голоса делятся почти пополам между крайними позициями с незначительным перевесом в пользу той или другой стороны.

Еще один признак того, что второй этап революции близится к своему завершению, — актуализация проблемы сильной власти. Нарастают опасения крайностей революционного процесса, установления антиперестроечной диктатуры. Одновременно выдвигаются предложения ввести авторитарное правление для спасения перестройки. Переход к президентскому правлению — вполне логичный шаг в этих условиях. Удастся ли нам избежать экстремизма в дальнейшем развитии перестройки? Хотелось бы надеяться. Хотя исторический опыт в этом отношении не очень обнадеживает.

Мы не будем рассматривать примеры революций, которые на данном этапе потерпели поражение. Очевидно, для нас такой вариант тождествен национальной катастрофе. Если же революционный процесс продолжает развиваться, то наступает самый острый, самый жесткий, самый драматический его этап. Во Франции — якобинская диктатура, в России — приход к власти большевиков. В обоих случаях сильная власть сменяет демократию.

Именно данный этап революции обычно имеют в виду, когда говорят о разрушительных последствиях революционных потрясений, губительности революций для общества. Действительно, в это время окончательно разрушаются старые структуры в экономике, политике, идеологии, так что восстановить их в прежнем виде становится практически невозможно.

Но здесь на поверхность выходит наиболее глубокое противоречие третьего периода революции — между задачами разрушения и созидания. Дело в том, что революционный взрыв, основным действующим лицом которого

всегда являются народные массы, должен расчистить почву для новой фигуры собственника, способного обеспечить дальнейший прогресс производства и берущего на себя ответственность за него. Причем интересы этого постепенно оформляющегося социального слоя неизбежно вступают в противоречие как с настроениями широких масс, так и с утопическими лозунгами их вождей. Развивается конфликт между движущими силами революции и ее «направителем».

Мы не утверждаем, что современное развитие событий будет точно копировать опыт предшествующих революций, ибо перестройка — это все же специфический процесс, реформаторская революция. Но особенно важно, что уже сейчас закладывается основа успеха или неудачи перестройки как целостного революционного процесса. В конечном счете все зависит от решения (причем не столько законодательного, сколько фактического) вопроса о собственности. Через какие бы потрясения нам ни пришлось пройти, данный вопрос все равно рано или поздно окажется центральным.

Для доказательства этого тезиса нам придется вновь обратиться к истории. Ведь именно примеры Франции и России демонстрируют различные варианты завершения революционного процесса в зависимости от решения проблемы собственности. Они получили названия «термидор» и «великий перелом».

Оба варианта на поверхности выступают как поражение революции или ее откат назад. Более того, утверждение сталинизма многие были склонны рассматривать как термидорианский переворот. Между тем по сути своей они носят диаметрально противоположный характер.

Французский термидор дает пример разрешения противоречия между движущими силами революции и ее «направителем» (новым собственником, выражающим объективные цели данной революции) в пользу последнего. В результате общество оказывается способным приступить к решению созидательных задач, постепенно ликвидировать угрозу экономической катастрофы и перейти к возрождению народного хозяйства. Наступает четвертый этап

революции — период постепенного затухания активности народа и упрочения нового собственника. Здесь еще неизбежны потрясения и катаклизмы, но они уже не приводят к изменению характера власти. Борьба теперь идет между социально близкими силами. В народных массах накапливается усталость, активность их снижается. Ситуация постепенно стабилизируется. Революционная эпоха подходит к своему концу.

«Великий перелом» демонстрирует нам противоположный вариант разрешения этого противоречия — «направитель» революции оказывается сметенным той силой, которая должна была лишь расчистить для него почву. В итоге формируются новые структуры власти, порождаемые непосредственно движущими силами. На первый взгляд кажется, что в этом случае наиболее полно могут осуществиться народные идеалы, ведь движущие силы — это сам народ. В действительности же все происходит по-другому. И на то есть несколько причин.

Во-первых, если задачи разрушения старого общественного порядка осознаются народными массами достаточно четко, то облик нового общества представляется весьма расплывчатым. В нем переплетаются стремление к полному отрицанию всего существующего по принципу «с точностью до наоборот» (что, заметим, никогда не приводит к новому качеству, а способно изменить лишь внешние проявления и поверхностные характеристики системы) со сложившимися в предшествующую эпоху психологическими стереотипами и традициями. В результате вместо прорыва вперед возникает строй, по сути своей весьма похожий на тот, от которого пытались уйти, в какие бы новые идеологические одежды он не рядился и какие бы политические формы не принимал.

Во-вторых, еще в эпоху Великой французской революции стало понятно, что «страна, управляемая собственниками, находится в цивилизованном состоянии; если же в стране властвуют не имеющие собственности, она находится в первобытном состоянии». Другими словами, именно наличие собственника, заинтересованного в прогрессе

производительных сил, обеспечивает экономическую и политическую стабильность в обществе. Политическая власть в конечном счете обслуживает интересы этого собственника и потому неспособна длительное время тормозить экономический прогресс.

Если же революция не приводит к утверждению действительного собственника, его функции вынуждена взять на себя сама политическая власть. Система оказывается перевернутой: не императив экономического развития определяет политику, а напротив, ради решения текущих политических задач могут приноситься любые экономические жертвы. Место реального собственника занимает его эрзац. Срачивание экономической и политической власти формирует особый социальный слой, обладающий чрезвычайно широкими, практически неограниченными возможностями по определению путей развития страны в целом и любой ее ячейки. В результате его деятельность становится абсолютно неподконтрольной, в том числе и самим народным массам, из наиболее активных представителей и выразителей интересов которых он изначально формировался.

Социальный слой, пришедший к власти в итоге «великого перелома», — это бюрократия, образующая партийно-государственные структуры управления и обладающая монополией на власть. Причем не та бюрократия, которая хотя и воздействует определенным образом на развитие общества, но, в конечном счете, всегда подчинена интересам собственника. Это бюрократия, которая сама становится жалким подобием класса-собственника. Подобием в том смысле, что не является носителем мотивации собственника. Ведь ее интересы не связаны непосредственно с развитием объекта собственности — народного хозяйства, но ограничиваются собственным расширенным воспроизводством, укреплением своего положения и статуса, получением все большего объема экономических и социальных привилегий. Поэтому при ее господстве и не обеспечиваются условия для эффективного и динамичного развития экономики, а тем самым и для подъема уровня жизни народа. Победив по форме, движущие силы революции фактически

оказываются закабаленными узким социальным слоем без перспективы улучшения своего экономического положения, без надежды на прогресс и свободу. Но необходимо иметь в виду, что возвышение этого слоя стало итогом долгого «поиска собственника» после Октября 1917 года.

Большевики пришли к власти, имея целью коренное переустройство всего характера жизнедеятельности общества, стремясь сделать всех и трудящимися, и собственниками. С экономической точки зрения «введение социализма» представлялось им доведением до логического конца государственно-монополистической системы — построением народного хозяйства в виде единой фабрики, функционирующей на основе государственной собственности на средства производства при реализации трудящимися функций собственника. Для решения этой задачи предполагалось осуществить национализацию основных средств производства, сочетать управление государственным хозяйством из единого центра и поголовное участие трудящихся в управлении на местах.

Особые надежды в этом отношении возлагались на рабочий контроль. Жизнь показала утопичность подобных проектов. Органы рабочего контроля не заняли положение субъекта общественной собственности и выражали интересы локальные (данного предприятия), текущие и по преимуществу потребительские. Неизбежными были острые противоречия между трудящимися разных предприятий и регионов. Строящаяся «снизу вверх» (фабзавком предприятия — областное фабзавкомовское совещание — Всероссийский совет рабочего контроля) система управления была неспособна реализовать общественные интересы, позволяя «только компромисс между групповыми интересами, прежде всего заявляющими о себе в фабрично-заводских комитетах»¹.

Не удалось решить проблему собственности и на пути создания единого центра, выражающего общий интерес

¹ Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 10–11. «Вместо „республики советов” мы упираемся в республику своеобразных рабочих артелей... Мы видим практику, которая напоминает мечтания анархистов об автономных производственных коммунах» (там же. С. 11).

пролетарского хозяйства и осуществляющего управление «сверху вниз». Вместо этого в центральном аппарате шла постоянная борьба ведомств, делящих между собой общий пирог — и без того скудные ресурсы национальной экономики. Быстро расцветший бюрократизм и неуклонно снижающаяся эффективность общественного производства не оставляли иллюзий относительно наличия хозяйской мотивации у трудящихся. Ярче всего реальность отчуждения их от средств производства проявлялась, пожалуй, в признании политическим руководством страны допустимости использования в широких масштабах внеэкономического принуждения к труду (трудовых армий и трудовых мобилизаций) в качестве нормального инструмента при решении хозяйственных задач.

Но система не может существовать без субъектов — носителей мотивации собственника. В этом смысле радикальный поворот был неизбежен, и он произошел в 1921 году. Переход к нэпу совершался под ударами ширящихся крестьянских восстаний и под залпы кронштадтских орудий, и мало у кого могут быть сомнения, что прояви В.И. Ленин медлительность — и власть, одержавшая победу в гражданской войне, должна была рухнуть. Произошли бы события, аналогичные термидору. Но благодаря политической гибкости лидера большевистской партии ей удалось сохранить власть и даже постепенно укрепить свое положение.

Суть нэпа состояла в принципиально ином (по сравнению с «военным коммунизмом») подходе к проблеме собственника — к формированию сил, способных обеспечить решение революцией созидательных задач. Упор делался на создание самостоятельных хозяйствующих субъектов как в частном, так и в государственном секторах, согласование интересов которых должно было осуществляться на рынке, хотя и под контролем государства. Социалистические и иные хозяйственные формы должны были, по мысли Ленина, конкурировать друг с другом, делом доказывая свои возможности. Понятно, что в этих условиях возникала опасность «тихого» термидора — экономической победы частного хозяйства, неизбежно влекущей за собой победу

политическую. Начались резкие протесты против «чересчур активного» внедрения принципов нэпа, предлагалось противопоставить этому «коммунистическую реакцию», энергично подчеркивалась опасность термидорианского перерождения. На ту же тему размышлял и лидер революции: «„Термидор“? Трезво, *может быть*, да? Будет? Увидим»¹.

На практике же процессы формирования собственника были значительно затруднены. Сложилась ситуация, когда политический режим должен был опираться на чуждую ему экономическую систему. И наоборот, хозяйственные субъекты в основной своей массе не могли устойчиво функционировать без политической гарантии своей стабильности. Официальный же курс по отношению к негосударственному хозяйству постоянно колебался, а самостоятельность государственных производителей, закрепленная в Декрете о трестах, оставалась в значительной мере декларативной и неуклонно сокращалась.

Экономическая политика по отношению к крестьянству, имевшая тогда принципиальное значение, оказывала негативное влияние на позиции собственника в деревне. Любой вырывавшийся вперед крестьянин, способный повысить производительность труда, а на этой основе — свои доходы и накопления (покупать удобрения, технику и так далее), автоматически зачислялся в кулаки со всеми вытекавшими отсюда последствиями. У зажиточных слоев подрывались стимулы к накоплению, а у остальных — стимулы к труду. В деревне формировалась активная армия люмпенских элементов, заинтересованных в «черных переделах». Государственные же органы не столько пытались решать действительно острую проблему аграрного перенаселения, сколько фактически подпитывали люмпенскую психологию лозунгами о бедняке как опоре Советской власти. Аналогичные процессы протекали и в городе, где административными мерами стремились не допустить реальной конкуренции частного хозяйства с государственным. Эффективное частное

¹ Ленин В.И. Материалы к X Всероссийской конференции. Планы доклада о продовольственном налоге // Ленин В.И. Полн. собр. соч. М.: Политиздат, 1970. Т. 43. С. 403.

хозяйство оказывалось «опасным для социализма» и уже поэтому наказуемым.

Подобная ситуация не могла сохраняться долго. Она приводила к регулярным кризисам, которые преодолевались на пути ограничения рынка и усиления государственного вмешательства в экономику. Она же не позволяла сформироваться социальным силам, способным противостоять тотальному огосударствлению. Неуклонное сращивание политической и экономической власти неизбежно вело к утверждению системы, аналогичной «военному коммунизму», и одновременно способствовало укреплению тех социальных сил, которые должны были поддержать готовящийся переворот, — отчужденных от собственности наемных рабочих, оказывавшихся носителями люмпенской психологии. Слом нэпа стал в этих условиях неизбежен и означал завершение начатого в 1917 году революционного процесса. В стране утвердилась новая система отношений, экономические и политические структуры которой были тесно взаимоувязаны, т. е. политическая власть соответствовала интересам квазисобственника и конфликт между ними исключался. Общество дорого заплатило за это, да, собственно, еще продолжает платить. И глубокие диспропорции нашего развития, и неспособность экономики воспринимать научно-технический прогресс, и неразвитость хозяйственных мотиваций определяются в принципиальном плане последствиями «великого перелома» — отсутствием реальной фигуры собственника.

Итак, если перестройка будет продолжаться как революционный процесс, ей предстоит пройти еще два этапа, пережив при этом два критических момента. Первый из них достаточно очевиден, поскольку мы уже столкнулись с его острыми признаками. Содержание этого кризиса вполне определилось. Что ждет нас впереди: реакционный откат или болезненный переход к рынку, формирующему экономическую базу демократии? Отчетливо обозначилась альтернатива: либо общество примет трудности динамичного развития, либо нас ждет катастрофа. И времени на выбор остается все меньше.

Но даже при том условии, что перестройка благополучно минует этот кризис, далеко не все принципиальные вопросы окажутся решенными. Конечно, очень непросто сейчас прогнозировать, в каких формах и модификациях проявится в наших условиях альтернатива «термидор» — «великий перелом». Существует опасность смешения участников социального противостояния, характерных для третьего и четвертого этапов революционного процесса. Нет ничего проще, чем объявить организации типа Объединенного фронта трудящихся социальными силами «великого перелома». Но это было бы неверно: победа подобных движений означает восстановление, по существу своему, доперестроечных административно-командных механизмов. Что же касается выбора, который предстоит нам на завершающем, четвертом этапе, то он сложнее и тоньше, а его социальные силы еще недостаточно отдифференцировались.

Тем не менее попытаемся выдвинуть определенную гипотезу. Очевидно, что не только предлагаемые варианты перехода к рынку, но и варианты самой рыночной экономики далеко не однозначны. Все более четко вырисовываются два различных подхода. Существует стремление сделать рынок в максимальной степени социально справедливым, социально приемлемым для больших масс населения. В этом случае неизбежен жесткий контроль за дифференциацией доходов, не допускающий легальное накопление капитала в частных руках и крупную частную собственность с широким использованием наемного труда. Все рыночные механизмы приспособляются к господству в той или иной форме коллективной собственности, дополняемой, с одной стороны, государственным сектором, а с другой — индивидуальными и мелкими частными производителями. На первый взгляд подобный вариант в наибольшей мере отвечает интересам трудящихся, препятствует извлечению нетрудовых доходов, способствует внедрению самоуправленческих начал в производство. Но, на наш взгляд, в долговременной перспективе выбор такого пути развития непродуктивен.

Во-первых, он не обеспечивает максимально благоприятных условий для экономического прогресса, поскольку на пути отбора наиболее эффективных, гибких, динамичных хозяйственных форм стоят идеологические принципы. Поэтому здесь неизбежно ограничение рыночной конкуренции, а тем самым и стимулов к развитию, постоянному овладению научно-техническими достижениями.

Во-вторых, сама коллективная форма собственности обладает серьезнейшими внутренними пороками. Важнейший из них — ориентация, прежде всего на текущие, краткосрочные, потребительские интересы, отсутствие либо резкое снижение внутренних стимулов к накоплению. Это продемонстрировал опыт ряда стран Восточной Европы, и игнорировать его у нас нет никаких оснований. Поэтому подобные субъекты рыночных отношений, не обладающие стратегической мотивацией, в любом случае должны быть дополнены административной «надстройкой», навязывающей чуждые им долгосрочные цели. Но эти цели формирует по-прежнему не экономическая среда, а бюрократический слой, способный проводить собственную политику в ущерб объективным потребностям прогресса. Вместо самоорганизующейся, саморазвивающейся хозяйственной системы мы снова приходим к определенному переплетению бюрократического и рыночного контроля, неспособного обеспечить высокую экономическую эффективность и динамизм развития общества.

Есть и другая возможность формирования новой системы: не ставить искусственных барьеров на пути развертывания рыночных отношений, признать допустимыми все формы собственности и дать максимальный простор для их развития. В этом случае только экономическая эффективность будет свидетельствовать «за» или «против» той или иной формы собственности, и вопрос о допустимости любой из них будет решаться не в «коридорах власти», а в процессе конкуренции. Нелепо в наших условиях идеализировать последствия этого варианта — как экономические, так и социальные. Очевидно, он приведет к сильной социальной дифференциации, к развитию на первых

порах монополистической и спекулятивной практики. Но есть и реальная вероятность того, что в перспективе сформируются субъекты рыночных отношений — носители долгосрочной, стратегической мотивации, заинтересованные в инновационной деятельности. И тогда общество получит шанс вырваться из застоя и создать предпосылки для быстрого, динамичного движения вперед.

Стоят ли эти будущие блага тех вполне реальных социальных издержек, которые придется взять на свои плечи при подобном варианте рыночного хозяйства? От ответа на этот вопрос наиболее активной части общества в принципиальном плане зависит наше будущее. Пока еще чрезвычайно сильны иллюзии, связанные с коллективной собственностью, с переходом к рынку без серьезных социальных потерь. Но от иллюзий пора освободиться.

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

Ключевыми категориями анализа отечественной истории XX века до сих пор остаются понятия «прежде» и «теперь». До сих пор революционные события 1917 года рассматриваются и оцениваются не просто как резкий политический сдвиг или особый акт масштабной исторической драмы, но как подлинный разрыв исторической ткани, как прорыв в цепи естественных исторических событий, как появление своеобразной политической и экономической антитезы, отрицающей все прошлое. Противопоставление до- и послереволюционных событий было и остается характерной чертой как советской исторической литературы (что могло бы быть объяснено политическими причинами), так и практически всех зарубежных исследований — эмигрантских, советологических, антикоммунистических и т. д.

Это стало своего рода традицией, или даже методологической догмой, оказывающей воздействие на самые различные стороны анализа советского, да и постсоветского, общества. Современная трансформация российской хозяйственно-политической системы вновь создает сильное искушение прибегнуть при анализе ситуации к привычным «прежде» и «теперь».

I

Подчеркну: я не отрицаю здесь возможности и целесообразности исторических противопоставлений и сопоставлений. Они вполне естественны и закономерны в исследовании. Речь идет об опасности абсолютизации подобных методологических подходов, придании им роли несущих конструкций анализа отечественной истории, односторонности используемых критериев оценки исторического процесса и однобокой интерпретации получаемых выводов.

Подобная методология, помимо причин чисто политического характера, основывается обычно на оценках и сопоставлениях форм организации общественной жизни в политической, отчасти социальной и идеологических сферах. Действительно, обращаясь к событиям первой трети XX столетия в России, надо признать, что 1917 год был во многом переломным. Вполне объяснимо сохраняющееся среди историков понимание тех событий как скачка российского общества в качественно иное состояние, к проблемам принципиально нового типа: ведь именно победа радикальной партии и закрепление ее у власти обусловили формирование тоталитарного режима со всеми последствиями политического и идеологического характера.

Однако анализ с экономических позиций дает совершенно иные результаты. В этом случае первая треть XX века оказывается достаточно целостным периодом — периодом формирования и практической апробации (в разных условиях, при разных политических режимах) нового типа хозяйственной организации общества — государственного монополизма, тяготеющего к концентрации управленческих

и контрольных функций в руках государственного аппарата, образующего как бы единый общенациональный центр.

Именно экономический (или экономико-политический) срез проблемы формирует методологическую систему координат в данной работе. (Разумеется, абсолютизация здесь является столь же опасной, как и любая абсолютизация в научных исследованиях.) В основу здесь положен анализ экономических факторов и тенденций, существа и особенностей улавливающей эти тенденции экономической политики, что, в свою очередь, обуславливает характер событий в политической и социально-культурной сферах. Нетрудно заметить, что подобный подход является по сути своей марксистским, то есть весьма непопулярным в наши дни. Однако, освобожденный от полицейских пут, он, по моему представлению, оказывается вполне эффективным и позволяет преодолевать стереотипы и догмы официальной «марксистской (марксистско-ленинской) исторической науки».

С этих позиций, прежде всего, целесообразно выделение ключевой экономико-политической идеи, доминанты экономико-политических процессов, которая формируется объективно, оказывает постоянное и разнообразное воздействие на хозяйственные и политические процессы и вокруг которой ведется постоянная борьба (идеологическая, теоретическая, политическая). Именно такие идеи являются, по сути дела, конституирующими элементами отдельных крупных этапов развития общества (и зачастую не только отдельной страны).

Политические катаклизмы обычно непосредственно связаны с динамикой этой идеи, по-разному проявляясь на этапах ее созревания и кризиса, причем крупные политические катаклизмы нередко происходят в рамках одной и той же экономической доминанты. Ниже мы намереваемся, в частности, показать, как наличие общей доктринальной установки в России первой трети нынешнего столетия связывало воедино экономико-политические установки различных (и даже враждебных) социально-политических группировок.

Словом, перед нами стоят по крайней мере два вопроса. Во-первых, выделение и определение экономико-политической доминанты, характерной для первых десятилетий нашего века, а также выяснение роли в этой связи 1917 года. Во-вторых, динамика этой доминанты, условия и механизмы трансформации, формирования и утверждения новой ключевой идеи.

II

В самом общем виде ключевое положение в экономико-политическом развитии нашей страны в начале XX века занимал комплекс проблем, связанных с перспективами централизации и огосударствления технико-экономических, а затем и социально-экономических процессов, с казавшимся неминуемым разрушением механизма рыночной конкуренции и следующим за этим утверждением плановых, регулирующих начал в хозяйственной жизни. Конечно, разные экономисты и политики по-разному оценивали названные тенденции, давали им неодинаковое толкование, но факт остается фактом — в своей научно-исследовательской, хозяйственной или политической деятельности никому не удавалось остаться в стороне от связанной с осуществлением этой тенденции общественной борьбы в тех или иных формах. И это справедливо не только по отношению к России того времени, но и ко всему цивилизованному миру.

С этой точки зрения первая треть столетия представит как относительно целостный, самостоятельный период в истории нашей страны. Именно в этот период доктрина государственной экономики, вытеснения конкуренции планом заняла доминирующие позиции и из спорной (хотя и весьма популярной) идеи, какой она была в начале века, превратилась в одну из фундаментальных основ (не только в теоретическом, но и в практическом отношении) советского тоталитаризма. Именно в те годы формировалась и опробовалась на практике идеология организованного планового хозяйствования в национальных масштабах.

Обычно лавры первопроходцев на этом пути отдаются большевикам. На самом же деле последние практически ничего сами не изобрели. Более того, стремление к макроэкономическому государственному планированию не было и специфически российской чертой. Применительно к первой половине XX века идею регулируемого, сознательно организуемого хозяйства можно без преувеличения назвать центральной, определяющей основные направления в развитии экономической мысли многих стран. Тогда казалось, что мощные производительные силы в совокупности с быстрым прогрессом научных знаний дадут людям практически безграничные возможности досконального познания потребностей и действий как отдельных индивидов, так и всего общества и выработке на этой основе четкой программы, экономящей силы и время, которые неоправданно транжировались ранее из-за рыночных неувязок и конкуренции.

Тезис о жизненной важности планирования и прямого государственного регулирования стал символом веры среди значительной части политиков, бизнесменов и интеллектуалов. У идеи планирования появились свои романтики и певцы, причем далеко не только на левом фланге политического спектра. Здесь было бы уместно привести высказывание лишь одного деятеля, которого менее всего можно заподозрить в склонности к социализму. «Нынешняя система не дает высшей меры производительности, ибо способствует расточительству во всех его видах; у множества людей она отнимает продукт их труда. Она лишена плана. Все зависит от степени планомерности и целесообразности», — писал тогда Г. Форд¹. А смотревший на те же процессы с другой стороны Ф. Хайек грустно подводил итоги идейно-теоретическим исканиям первой половины столетия следующей констатацией: «Фактически мы решили вообще обойтись без сил, приводящих к непредусмотренным результатам, и заменить безличный механизм рыночной экономики коллективным и „сознательным“ руководством, направляющим все социальные силы к сознательно избранным целям»².

¹ Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989. С. 13.

² Хайек Ф.А. Дорога к рабству. Лондон: Нина Карсов, 1983. С. 37.

III

Государство традиционно играло большую роль в российской экономике. Однако начало XX столетия в этом отношении знаменовало качественный рубеж: происходит углубление взаимосвязи и взаимного влияния экономических процессов и политической власти. Рост частных монополий, превращение их в мощную силу, требующую адекватного политического влияния, вызывал заметную обеспокоенность со стороны как государства, так и ряда общественных групп. И не только из-за консерватизма российской политической элиты, не желавшей делиться властью, или этатистских традиций отдельных экономистов. Главное состояло в том, что развитие производительных сил явно демонстрировало тенденцию к укрупнению производства, сопровождаемую ростом монополизма и ослаблением конкурентных механизмов, что внушало серьезные опасения относительно возможностей и перспектив поступательного развития хозяйства в интересах большинства населения, а не за счет этих интересов.

Естественной реакцией на такую ситуацию стали размышления относительно возможностей замещения конкурентных начал государственным регулированием и планированием. Так ставились вопросы экономистами и политиками не только социалистической ориентации, но и активными проводниками идей продвижения России по капиталистическому пути.

Другим фактором, обуславливавшим усиление внимания к экономической роли государства, стали задачи поздней (и быстрой) индустриализации, которая требовала существенных структурных сдвигов, перемещения капиталов из традиционных секторов экономики в модернизируемые. Отсутствие в стране значительных накоплений, слабость системы аккумуляирования и перелива капитала (коммерческих банков и фондовых бирж) обусловили необходимость решения задач капиталообразования и соответствующего его перераспределения через систему государственных финансов.

Все это наслаивалось на глубокие исторические корни российского этатизма, с одной стороны, и на рост популярности социалистической идеологии с ее требованиями обобществления и национализации как отражающими объективные тенденции развития производительных сил, с другой стороны.

IV

Подобные идеи находили непосредственное отражение и в экономической литературе начала века, и в политической жизни России.

В этот период оформились позиции крупного российского бизнеса по вопросам создания организационных и хозяйственных условий, наиболее благоприятных, по его мнению, для развития производительных сил. Концентрация производства представляла здесь как важнейшая предпосылка национального благосостояния, а крупные промышленные организации (в первую очередь синдикаты и тресты) — как наиболее последовательные выразители стратегических интересов народного хозяйства.

Естественным элементом экономической идеологии крупного российского бизнеса была также жесткая критика государственного вмешательства в производственно-хозяйственную деятельность, выполнения казной предпринимательских функций. Выдвигая стандартный набор аргументов о неэффективности государственного хозяйствования, о его несовместимости с «разумной хозяйственной деятельностью», идеологи частного предпринимательства (среди которых были видные промышленники П.П. Рябушинский, П.О. Гукасов, С.Н. Третьяков) подчеркивали: представление, что «казна может поступать в хозяйственной области так же, как и частный предприниматель», основаны на элементарной логической ошибке, когда «смешивают совокупность частных лиц, которые представляют собой государство, с отдельным частным лицом»¹. Экономическая роль

¹ Промышленность и торговля. 1908. № 6. С. 351.

власти виделась в проведении покровительствующей промышленности налоговой и таможенной политики, в осуществлении политических и хозяйственных мероприятий, способствующих снижению присущей хозяйственным процессам неопределенности.

Практически в то же самое время тезис о необходимости и неизбежности преодоления неопределенности (или «стихийности») хозяйственной жизни стал активно разрабатываться социалистическими идеологами.

Причем последние также признавали возможность решения задач упорядочения хозяйственной жизни уже в условиях современного им капитализма крупных монополий. Об этом писали как западные социал-демократы, так и В.И. Ленин в знаменитых замечаниях на второй проект программы партии.

Словом, задача преодоления неопределенности практически одновременно была поставлена на двух противоположных флангах политического спектра России.

Кроме того, в период между первой русской революцией и Первой мировой войной быстро формировалось «государственническое» направление в понимании экономико-политических (и организационно-экономических) проблем, стоящих перед Россией.

Его наиболее заметным теоретиком и идеологом был тогда П.П. Мигулин. В основе этих взглядов лежал вывод об ослаблении капиталистических экономических механизмов (прежде всего закона стоимости и конкуренции) по мере роста частных монополий, в результате чего цены на рынке становятся результатом сговора предпринимателей, а экономический прогресс оказывается под угрозой. «Как будто издеваясь над самыми именитыми экономистами, наш век с успехом доказал, что „железный закон“ спроса и предложения сделан из какого-то легкоплавкого металла, не имеющего ничего общего с железом... Но теперь времена изменились: осталась только одна стихия, а именно, „спрос“; ...что же касается „предложения“, то здесь коммерческая мысль извернулась и дала миру новое понятие: „синдикат“, который регулирует количество

поступающих на рынок продуктов согласно своим интересам, снизводя таким путем былую стихию до простой бухгалтерии»¹. То есть в исходном пункте отрицаются все основополагающие постулаты традиционной экономической теории и, следовательно, ставится вопрос: а какие механизмы экономической политики должны прийти на смену традиционным?

Элиминирование закона спроса и предложения позволяло построить новую логическую цепочку. Не стремление производителей к прибыли в ходе конкурентной борьбы обуславливает теперь экономический рост, а, напротив, задаче быстрого развития производительных сил следует подчинить деятельность производителей. Во всяком случае, тех из них, кто уже перерос рамки свободного рынка. «Давно пора оставить нелепую с государственной точки зрения формулировку „laissez faire, laissez passer“ в вопросах обеспечения производительных сил страны», — замечал П.П. Мигулин. Подчеркивая принципиальные особенности современной экономической ситуации, он писал весной 1913 года: «Для всех ясно, что „цены не Бог строит“, а нормирует их соглашение производителей. Старый закон спроса и предложения формулировался экономической наукой, когда о картелях, трестах и синдикатах никто еще не имел никакого представления. Хаос старого рынка начинает исчезать, в Америке давно уже все цены регулируются синдикатами, то же явление переносится в Западную Европу, не новость оно и у нас. А мы все еще беспомощно разводим руками перед „неотвратимыми“ якобы экономическими „законами“»².

Наиболее эффективным способом борьбы с подобными явлениями здесь представлялось установление прямого контроля государства за деятельностью высокомонополизированных отраслей промышленности (особенно ресурсных), контроль за производством и ценами, а в дальнейшем, по мере появления технических возможностей, введение

¹ Б.Н.Д. Народное бедствие // Новый экономист. 1913. № 24. С. 1.

² Мигулин П. Нефтяной вопрос в Государственной думе // Новый экономист. 1913. № 15. С. 2.

госмонополий на торговлю или даже производство определенных видов продукции¹.

Характерно, что в этой системе аргументов игнорировался вопрос о политических предпосылках реализации подобной программы. Экономисты-государственники нередко молчаливо предполагали, что можно перейти к госмонополизму, оставаясь в действующей политической системе или даже внедряя в российскую жизнь элементы западной демократии. Кроме того, этой доктрине уже на ранней стадии ее становления были свойственны иллюзии «идеального государства», якобы обладающего всей полнотой знания об общественной пользе и стремящегося к ее реализации на практике. В этом пункте также стоит обратить внимание на явную схожесть подобных выводов с позициями левых социалистов (и особенно большевиков), которые, впрочем, у них проявятся в отчетливом виде позднее, а в полной мере раскроются после прихода к власти.

Позиции органов государственной власти относительно характера и перспектив оптимального экономико-политического курса отражали противостояние между предпринимательской и этатистской доктринами. Близкие к предпринимательским кругам члены правительства склонны были, несмотря на очевидные издержки, поддерживать активность «разнообразных торгово-предпринимательских организаций», нацеленных на «координацию и упорядочение работы» товаропроизводителей. Но многие деятели царской администрации требовали и принятия решительных мер против сговора частных предпринимателей. Аналогично обстояли дела и в Государственной думе, где жесткие

¹ См.: Экономист России. 1910. № 22. С. 3; Новый экономист. 1913. № 15. С. 2. Впрочем, подобные требования нередко раздавались и из лагеря консервативных политиков. Приведем только одно, весьма характерное и яркое высказывание. «Громадные казенные богатства: лесные, угольные, нефтяные и т.п. или совсем не разрабатываются, или отдаются в аренду хищным акулам промышленности. Вот в этом мы видим основную ошибку нашего финансового управления. Надо поскорее браться за благое дело казенного хозяйства. Необходим целый ряд казенных монополий. Эти монополии нужно как можно скорее учредить, дабы скорее получить необходимые средства», — подчеркивал тогда известный своими консервативными взглядами депутат Государственной думы Н. Е. Марков-второй.

заявления представителей крайних партий (особенно правых), обсуждение вопросов введения госмонополий в ряде отраслей соседствовали с принятием взвешенных резолюций, делавших упор на создание благоприятных экономических условий для конкуренции, призванных расширить круг производителей продукции, диверсифицировать источники поставок, в том числе и путем расширения доступа на внутренний рынок импортных товаров, и др. Госпредприятиям вменялось в обязанность строить свою стратегию с учетом необходимости конкурентного противостояния частным.

Общая позиция властей по поводу тенденций и характера организации российской индустрии была, пожалуй, наиболее четко изложена в бюджетном документе Совета министров на 1913 год — в так называемой «Объяснительной записке министра финансов к проекту Государственной росписи на 1913 г.», представленной в Думу. Исходный пункт здесь — констатация быстрого роста производительных сил вместе с расширением емкости внутреннего рынка. Причем рост этот так велик, что в народном хозяйстве образуются «узкие места» — в дефиците оказываются чугун, железо, топливо и ряд других важнейших производственных ресурсов. Однако из этой посылки делается весьма характерный вывод: «Очевидные факты доказывают, что успешному удовлетворению внутреннего спроса мешают не только недостаток у промышленных предприятий нужных средств, но и те течения, которые зародились в самой промышленной среде. Такие организации, как синдикаты, не останавливаются нередко перед искусственным пониманием предложения товаров, на которые имеется растущий спрос, — поднимают цены и приводят к необходимости открытия границы для иностранного ввоза. Нет сомнения, что подобное положение дел побуждает к принятию решительных мер для борьбы с вредными для всего государства явлениями»¹.

Весьма важным элементом экономической идеологии предвоенных лет стала постановка вопроса о необходимости

¹ Объяснительная записка министра финансов к проекту Государственной росписи на 1913 г. СПб., 1912. С. 245.

сти разработки перспективного плана развития народного хозяйства, способного сформулировать стратегические и среднесрочные ориентиры, задающего оптимальный путь хозяйственного роста и содержащего обоснование выбора того или иного варианта действий. Характерно, что об этом одними из первых (помимо марксистов, разумеется) заговорили именно представители крупного бизнеса, стремясь снизить неопределенность хозяйственно-политических процессов, вызываемую как объективными, так и субъективными причинами. Ими же предлагались и интерпретации существа государственного плана, отражавшие реальные представления того времени и во многом закладывавшие основы будущей отечественной традиции понимания этих проблем. Во-первых, план здесь четко ориентировался на решение некоторых глобальных задач и не сводился к прогнозу, что вполне понятно в условиях широкого осознания необходимости быстрого осуществления индустриализации. Во-вторых, все привязывалось к разработке ведомственных проектировок как основе макроэкономического планирования, объединяемых в дальнейшем в единое целое. Словом, основные контуры социалистического плана здесь прослеживаются уже в полной мере.

Кстати правительство, со своей стороны, в конце 1912 года представило-таки Государственной думе проект плана (или программы) основных направлений своей деятельности, охватывавший примерно пятилетие. Ставя в качестве общей задачи обеспечение «хозяйственного преуспеяния населения», план особо выделял вопросы создания экономических и производственных основ индустриализации (железнодорожное строительство, развитие аграрных отношений, хлебная торговля и экспорт и т. п.). Тем самым закладывался фундамент теории и практики среднесрочного (пятилетнего) планирования, ставшего важнейшим элементом механизма осуществления экономической политики России XX века.

Характерной чертой «государственно-экономического строительства» периода Первой мировой войны стала

отработка и институциональное оформление новых хозяйственно-политических реалий. Действительно, война резко усилила централистские тенденции в организации хозяйственного процесса. Сразу же проявились два возможных подхода к урегулированию народного хозяйства: «снизу», путем формирования соответствующих организаций частного капитала, и «сверху», когда правительство создает специальные регулирующие органы. Сильная российская бюрократия связывала решение этих задач с расширением своего влияния, с укреплением административно-распорядительных прав властей по отношению к производству и обмену товаров. Промышленники также стремились взять организацию хозяйственной жизни в свои руки. По понятным политическим причинам правительство крайне настороженно относилось к активности предпринимателей, и на практике абсолютно доминирующие позиции в деле регулирования заняли государственные органы.

Основные задачи военного регулирования экономики власти видели в четком обеспечении необходимыми ресурсами производства, армии и гражданского населения. Причем среди наиболее важных, принципиальных черт формируемой системы стал акцент как раз на административно-принудительной стороне дела, когда основными инструментами регулирования выступали госзаказы, фиксированные и предельные цены, ограничение свободы торговли вплоть до введения госмонополий, реквизиции, разрешительная система межрайонного обмена товарами и т.п. Такое развитие событий отражало и широко распространенные в общественном сознании представления о способах эффективного государственного регулирования.

Тогда же проявился ряд других важных особенностей подобной системы. Во-первых, множественность планово-регулирующих органов, невозможность построения единой вертикали хозяйственных субъектов и руководящего ими центра. Во-вторых, концентрация внимания этих органов на вопросах снабжения и распределения, а не производства. В-третьих, готовность властей при ухудшении экономической ситуации усиливать роль административных рычагов,

активизировать непосредственное вмешательство органов власти в тонкую систему экономических отношений, активно использовать инструменты административного принуждения (секвестирование, реквизиции и т. д.). В-четвертых, быстрое разрушение механизмов рыночной экономики, невозможность эффективного совмещения частнопредпринимательских стимулов и прямого государственного руководства хозяйственными процессами (попытки их совмещения вели к дезорганизации экономической жизни, к формированию параллельных механизмов перераспределения продукции, быстрому росту теневых хозяйственных связей, снижению качества продукции, производимой по заказу государства).

В экономической литературе периода мировой войны можно выделить два направления анализа рассматриваемых нами хозяйственных явлений. В обоих случаях речь идет о признании глубины совершаемого поворота в организации хозяйственной жизни и необходимости осуществления масштабных преобразований путем комплексной и продуманной государственной программы экономико-политических мероприятий. Широкое распространение получает вывод о том, что формы хозяйственного регулирования, широко распространившиеся во время войны, не порождены ею и не исчезнут с наступлением мира: «Война выдвинула на первый план государство как господствующее начало... Все эти связанные с войной хозяйственные мероприятия не могут пройти бесследно для будущего. Организационное творчество, проявляемое сейчас в форме создания центральных закупочно-распределительных учреждений, оставит свое наследие мирному времени в том или ином виде»¹. Но далее позиции экономистов существенно расходятся. Причем возникающие между ними противоречия, не вскрывшиеся в дореволюционный период, впоследствии, в 1920-е годы, проявятся в виде острого конфликта, имеющего самые различные разрезы — научный, идеологический, политический.

¹ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 52. С. 567.

Одно направление концентрировалось вокруг вопросов послевоенных перспектив российского хозяйства. Речь шла о необходимости выработки уже сейчас концепции будущей экономической политики, способной обеспечить координацию и согласование интересов различных экономических и политических субъектов. «Государственная» тема звучит здесь как задача разработки плана реформы и определения места плана в реформе. Признавая неизбежность активного государственного вмешательства в народнохозяйственную жизнь, экономисты предостерегали от переоценки возможностей этого вмешательства, от игнорирования объективных тенденций и сложившихся механизмов, требовали преодоления монополизма (и государственного, и частного). Сравнивая государственное вмешательство с ролью «умного садовника, мудрость и могущество которого прямо пропорциональны его знанию и уважению к силам и законам природы», М.И. Боголепов так определял существо и характер будущего плана: «Экономический план должен включать в себя немного, но зато самое необходимое. Планомерность и заключается в выборе того, что прежде всего, по условиям момента, является необходимым»¹.

В условиях растущей дезорганизации хозяйства быстро росла популярность и другого представления о роли и задачах государственного регулирования. Все чаще ставится вопрос о немедленном построении единой системы руководства экономикой на основе централизованного плана. Этот план должен был жестко регулировать распределение (а по возможности и производство) важнейших продуктов по всей стране, опосредуя связи между производителями и потребителями. Широта, универсальность, целостность — так определялись важнейшие черты этого плана. Упор предполагалось делать на методы организационные (создание единого общегосударственного органа) и административно-распределительные (вроде контроля за движением товаров посредством

¹ Боголепов М.И. О путях будущего: К вопросу об экономическом плане. Пг., 1916. С. 5, 46; см. также: К плану экономических реформ / Министерство финансов. Пг., 1916.

разрешительной системы железнодорожных перевозок). В этом сходились как экономисты левой ориентации, так и правые государственники¹.

* * *

Февраль 1917 года положил начало совершенно особой, революционной фазе в развитии российского общества. Революция не отменяла принципиальные идеологические характеристики, теоретические доминанты и тенденции экономической политики, сформировавшиеся в предшествующее десятилетие, но делала дискуссии более выпуклыми, а решения более жесткими и последовательными. Тем более что и общая макроэкономическая ситуация, и тенденции развития производительных сил не претерпели, в общем-то, никаких существенных изменений. Одновременно «в работу» включались и определенные закономерности развития революционного процесса как важный фактор экономической жизни, модифицирующий и одновременно ускоряющий хозяйственно-политические процессы.

Февральская революция, отмечая политические формы старого строя, ставила перед собой задачу ускорения развития тех хозяйственно-политических тенденций, которые значительной частью интеллектуальной элиты страны воспринимались как прогрессивные: в основе экономической программы революции лежал, безусловно, этатизм. Вопрос стоял о его формах и о границах практической реализации.

Проблема эффективности государственного вмешательства в хозяйственную жизнь с самого начала остро встала перед Временным правительством, не уступая по своему значению вопросам мира и аграрной реформы. В представлении многих видных экономистов и политиков того времени именно государственная власть при помощи своих хозяйственно-регулирующих органов должна заполнить «пустоты», проявившиеся в капиталистической системе начала XX века.

¹ См., например: Новый экономист. 1915. № 1, 2, 4, 7; 1916. № 1; Летопись. 1916. № 10–12; Труды экономического совещания: 3–4 января 1916 года / Всероссийский Союз городов. М., 1916.

«Вся задача целиком, очевидно, далеко выходит за пределы того, что может дать частный почин, интересы которого очень часто не сходятся с интересами целого. Только государство, и притом государство, обслуживающее интересы не кучки привилегированных, а действующее в интересах всего народа, может вывести страну из хаоса и развала»¹.

Важным фактором формирования популярных теоретических представлений и практической деятельности властей, стала специфика политической атмосферы начальной фазы революции. Эта фаза всегда характеризуется социальным единством, наличием широкого политического блока сил, обеспечивших относительно легкое ниспровержение старого режима. Подобное единство не бывает длительным, но сам факт его возникновения порождает иллюзии, в дальнейшем оказывающие значительное влияние на деятельность правительства, пришедшего на волне этого единства.

Прежде всего, происходит явная переоценка возможностей новой власти. Теоретические разработки и практические действия нередко исходят из представления о всеилии революционного государства. Ярким примером этого могут служить получившие широкое распространение требования немедленной подготовки универсального «хозяйственного плана», способного объединить в единое целое все производство и распределение товаров².

Далее, считая себя демократическим, отражающим коренные интересы подавляющей части населения, раннее революционное правительство склонно игнорировать интересы различных групп населения, ожидая понимания и поддержки своих действий (как это произошло, например, с попыткой Временного правительства реализовать программу хлебной монополии в аграрной стране).

¹ Ясный Н.М. Продовольственный кризис и хлебная монополия. Пг., 1917. С. 12–13.

² Наиболее ярким примером здесь может служить, пожалуй, позиция В.Г. Громана, которая, не будет преувеличением сказать, несла в себе явные черты фанатизма. Так, будучи весной 1917 года ответственным за распределение потребительских товаров между жителями Петрограда, он заявил примерно следующее: «Я не распределю ни единой пары ботинок, покуда все народное хозяйство не будет регулироваться по плану». Это конечно была крайность, но крайность, весьма ярко выражающая общие настроения в среде значительной части влиятельных экономистов.

Наконец, существует известная недооценка политического фактора осуществления реформ. Иллюзия всемогущества революционного правительства ослабляет внимание к его изначальной слабости из-за аморфности социальной базы, отсутствия четкой идеологической программы. В результате административно-принудительную по существу своему политику оно пытается проводить с помощью демократических норм и процедур. Неизбежные провалы практически всех хозяйственных начинаний новой власти довольно быстро выдвигают вопрос о ее социально-политической состоятельности и подводят экономистов и политиков к выводу о необходимости построить сначала адекватный властный механизм, а уж потом осуществлять собственно экономические программы.

Революционная власть стремилась быстро реализовать многие экономические идеи, оформившиеся еще при прежнем режиме, но казавшиеся тогда чересчур радикальными. Среди них можно выделить следующие, получавшие освещение в печати и становившиеся предметом экономических дискуссий.

Во-первых, формирование системы регулирования народного хозяйства во главе с единым органом планирования и управления. Идея единого государственного плана, охватывающего все (или почти все) народное хозяйство страны, получила здесь статус государственного императива.

Во-вторых, как и раньше, упор в планово-регулирующей деятельности центра делался на распределительные механизмы, хотя все большее распространение получало требование активного вмешательства государства и в организацию производства. По мнению ряда правительственных экономистов и администраторов, специальный орган (Главный экономический комитет), включающий сеть государственных снабженческих органов, и должен был стать центральным институтом урегулирования хозяйственной жизни страны, субъектом «больших хозяйственных планов»¹.

В-третьих, надежды возлагались на госмонополии по продаже, а затем и производству важнейших продуктов,

¹ См.: Заседания Экономического совета при Временном правительстве. 1917. № 7. С. 27; № 8. С. 16.

причем укрепление государственного руководства экономикой мыслилось через постепенное формирование цепочек госмонополий, охватывающих движение взаимосвязанных процессов производства и обмена видов продукции. Одной из излюбленных тем в этой связи была необходимость «обезличивания» производимой продукции как обязательного условия ее централизованного распределения. То есть имелось в виду опосредовать государственными органами движение товаров так, чтобы обеспечить «совершенное обезличивание этих продуктов, обезличивание как по производителям, так и по потребителям, принятие в руки одного органа или одного распорядителя... всей массы продуктов, которые производятся»¹.

В-четвертых, использование насильственных методов в деле организации производства (принудительное синдицирование и трестирование) и труда. Стремление поставить частные монополии под контроль государства сопровождалось естественным желанием уменьшить посредством их укрупнения количество подлежащих регулированию субъектов. Широкое распространение получили идеи установления государственного контроля за ценами и за движением рабочей силы, включая «борьбу с туеядством».

В-пятых, для усиления контроля за воспроизводственными процессами предлагалось аккумулировать в госбюжете подавляющую часть предпринимательской прибыли. С подобными предложениями выступали как представители социал-демократии (М.И. Скобелев), так и некоторые крупные промышленники (С.Н. Третьяков).

Особые, хотя и весьма схожие с теоретической и методологической точек зрения, позиции занимали левые социалисты и большевики. В основе взглядов первых лежала идея опережающего развития объективных предпосылок социализма по сравнению с субъективными. То есть, утверждали они, производительные силы уже настоятельно требуют отказа от рыночных механизмов и реализации планового начала, тогда как общество еще не готово к замене

¹ Заседания Экономического совета... № 2. С. 11.

буржуазно-демократических ценностей на коллективистские. Отсюда вытекала задача построения «демократической государственной организации, имеющей целью с достигнутой для государства мерой планомерности обслуживать потребности масс»¹, что предполагало активное вмешательство демократических властей в экономику, создание эффективной системы государственного контроля за деятельностью предприятий, остающихся в частной собственности, широкое привлечение трудящихся к управлению производством.

Большевистская концепция планового урегулирования экономики наиболее полно раскрывалась, разумеется, в предоктябрьских выступлениях В.И. Ленина. Суть ее состояла в стремлении наиболее последовательно реализовать те тенденции общественного производства, которые, как полагали, обрекали на гибель капитализм. Большевикам представлялось, что эти тенденции, уменьшая число хозяйствующих субъектов, обеспечивают, с одной стороны, упрощение экономических процессов и появление механизмов их централизованного регулирования, а также, с другой стороны, делают участие в управлении как «своим» предприятием, так и всем народным хозяйством, вполне доступным для широких масс трудящихся, не имеющих ни достаточного образования, ни навыков управленческой деятельности. «Капитализм упростил функции учета и контроля, свел их к сравнительно несложным, доступным всякому грамотному человеку *записям*», — писал В.И. Ленин осенью 1917 года². Причем принципиальной чертой, отличавшей большевистское видение проблем от позиций других социалистических партий, была жесткая привязка их экономических установок к решению задачи овладения государственной властью.

В полемике между большевиками и другими социалистами обсуждался, хотя и не всегда в явном виде, чрезвычайно

¹ Летопись. 1917. № 1. С. 178–187. Эти взгляды наиболее последовательно выражала тогда газета «Новая жизнь».

² Ленин В.И. Удержат ли большевики государственную власть // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. М.: Политиздат, 1969. С. 307.

важный вопрос: каковы возможности и роль государства в обеспечении социально-экономического развития на плановой основе? Социалисты исходили из того, что в демократическом обществе оно сможет обеспечить определенную взаимоувязку, согласование интересов и тем самым общественный прогресс. Оставался, однако, открытым вопрос: почему и при каких условиях государство будет справляться с решением этих задач. Для ответа на него требовался более тонкий социально-политический и социально-экономический анализ.

Большевики же акцентировали внимание на классовой природе государства: для них оно было не более чем «аппаратом насилия одного класса над другим»¹ — аппаратом, выполняющим волю господствующего класса и не способным ни играть особой роли в общественной жизни, ни продуцировать свои собственные, «аппаратные» интересы. Можно сказать, что государство уподоблялось здесь автомобилю, направление движения которого зависит лишь от воли ее хозяина-водителя. В подобной логике скрывалась серьезная опасность. Недооценивалось, что государство в социально-экономической жизни общества может играть не только пассивную роль, выражая волю правящего класса, но при определенных условиях и подминать под себя этот класс, подчинять его интересы интересам быстро растущего бюрократического аппарата, навязывать их всему обществу.

Хотя представления о необходимости активного государственного вмешательства в хозяйственную жизнь и получили в 1917 году весьма широкое распространение, ряд экономистов и общественных деятелей высказывали серьезные возражения против аргументов этатистского характера. Антиэтатистская критика раздавалась с позиций и буржуазного либерализма, и социализма.

В первом случае высказывалось опасение, что насилие над производителем может в скором времени стать фундаментальной характеристикой, основой политической жизни страны, превзойдя в этом отношении даже анти-

¹ См.: там же. С. 318.

демократическую практику царского режима. «Свобода торговли, конечно, может дать широкий размах и в творчестве, и в созидании, — отмечалось на Всероссийском торгово-промышленном съезде. — С этим мы все должны согласиться. Всякое ограничение есть ограничение. Оно убивает, мертвит всякое дело. И тем более недопустимо на заре свободы»¹.

Вскрывая опасность отказа от рыночных регуляторов, И. Сигов в докладе с характерным названием «Аракчеевский социализм» так оценивал последствия практической реализации идей госмонополизма и ослабления роли личных интересов и стимулов: «Происходит нечто похожее на перенесение функций спинного мозга на головной, на превращение рефлексов в сознательные, осмысленные, заранее на каждый случай спроектированные движения. Представьте же себе, что было бы, если бы мы были обречены проектировать каждое движение прежде, чем его совершать». Отсюда следовал вывод относительно политических перспектив подобного экономического курса — усиление репрессивно-принудительного уклона в функционировании власти, использование таких мер, на которые не решалось даже чуждое демократическим принципам царское правительство².

Наиболее ярким социалистическим критиком формировавшейся в то время хозяйственной системы был А.А. Богданов. Он решительно отказывался видеть преестественность между порожденным войной, основанным на принуждении регулированием производства и социалистическим хозяйством. Складывавшаяся система была определена Богдановым как «военный потребительский коммунизм»³.

* * *

Приход большевиков к власти означал начало нового этапа в развитии революции — этапа радикализма, на котором происходит окончательный слом старых хозяйственно-политических структур, предпринимаются по-

¹ Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд. М., 1918. С. 97.

² Сигов И. Аракчеевский социализм. Пг., 1917. С. 13–14.

³ Богданов А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 44, 87.

пытки практической реализации наиболее радикальных идей и решения задач, оказавшихся не под силу предшествующим революционным властям. Тем более что объективная необходимость стабилизации, преодоления хаоса, нараставшего в российской экономике, формально совпала с программными установками большевистской партии о замене рыночной стихии народнохозяйственной планомерностью.

Вместе с тем следует отметить ряд специфических черт теории и практики планового хозяйствования, присущих именно большевикам. Прежде всего, в их мировоззрении крупные индустриальные формы были важнейшими атрибутами развития производительных сил. Соответственно, формы регулирования, непосредственно связанные с подобной организацией, рассматривались как жизненно необходимые, подлежащие неуклонной практической реализации. И подчинение крупных индустриальных единиц универсальному органу (центру) могло расцениваться как наиболее простой путь решения хозяйственных проблем. Это означало отождествление прогресса производства с централизацией, а последней — с планомерностью¹.

Другой важной чертой социально-экономической концепции большевиков, непосредственно отражавшейся в практической деятельности, было представление об относительной простоте функционирования хозяйства, преодолевающего рыночные категории, которые лишь затуманивают отношения людей. Плановое урегулирование при отсутствии рынка виделось как задача технико-экономическая, состоящая в определении наилучших способов использования производственного потенциала и не связанная с проблемами взаимодействия интересов отдельных хозяйствующих субъектов (последние как бы исчезали внутри «единой фабрики»). Отсюда вытекали по крайней мере два следствия. Во-первых, для решения современных задач регулирования необходимым и достаточным условием является переход политической власти в руки наиболее

¹ См.: Коммунист. 1918. № 2. С. 12.

последовательной антирыночной партии, каковой в России и являлись большевики. Во-вторых, изменяется само понятие эффективности производства, расширяется свобода в принятии хозяйственных решений: экономисты-большевики склонялись к мысли, что в плановой социалистической экономике удовлетворение народных потребностей может происходить практически безотносительно к трудовым затратам¹.

Практическая деятельность большевиков по организации государственного хозяйствования в значительной мере опиралась на опыт и традиции как предреволюционных лет, так и 1917 года. Прежде всего, используя наработки Временного правительства в связи с Главным экономическим комитетом и опыт функционирования особых совещаний 1915–1917 годов, новое руководство страны пошло по пути формирования единого органа планирования и управления экономикой — Высшего совета народного хозяйства. Предпринятая одновременно попытка создания органов регулирования снизу (через систему рабочего контроля), опиравшаяся на определенные теоретические разработки прошедшего времени, весьма популярные в левых кругах, вскоре продемонстрировала свою полную несостоятельность: в органах рабочего контроля интересы локальные и потребительские оказывались явно доминирующими.

Многие большевики, стоявшие у истоков ВСНХ, видели в нем организационную структуру, завершающую процесс движения производительных сил в направлении к «единой фабрике». Соответственно в основу его построения был положен отраслевой принцип (отрасли как «цеха» фабрики), а на практике точки опоры были найдены в сложившихся до и во время войны аппаратах синдикатов, трестов и их объединений. Овладевая уже существующими органами и формируя аналогичные новые, власти создали ряд

¹ «Если социалистическое общество найдет, что необходимо создать известную отрасль производства и что без нее остались бы неудовлетворенными важные общественные потребности, — оно создаст ее, не считаясь с трудовыми затратами», — писал тогда И.И. Скворцов-Степанов (*Степанов И.* От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 113).

всероссийских органов хозяйственного регулирования. При чем часть из них сформировала отраслевой костяк ВСНХ, а другие существовали от него независимо, что сохраняло ситуацию распыленности регулирующих субъектов.

Естественно, система вновь демонстрировала свою неэффективность. Как и в 1914–1917 годах, центр тяжести руководства хозяйственной жизнью смещался на деятельность по снабжению и распределению. Появилось даже теоретическое обоснование подобной ситуации, в соответствии с которым централизованная социалистическая экономика отличается от капиталистической тем, что в первой особенную сложность представляют проблемы рационального снабжения производителя и потребителя, а во второй — сбыт произведенной продукции. Отсюда делался вывод о централизации распределения как душе планового хозяйствования, а потому нужен мощный и единый орган, обладающий монополией на основную массу производимой в стране продукции. Именно этот орган и должен был заменить собой рынок, став мозгом новой экономики. Тем самым получила бы практическую реализацию популярная при Временном правительстве идея «обезличения» продукции предприятий. Роль такого органа попыталась сыграть созданная при ВСНХ Комиссия использования материальных ресурсов во главе с Л.Н. Крицманом.

Итак, вскоре после Октябрьской революции оказались в полной мере воспроизведены основные черты системы государственного руководства экономикой, характерные для предреволюционных лет: доминирование функций распределения, крайняя бюрократизация процесса принятия решений, множественность директивных органов, сведение проблемы планирования в значительной мере к организационно-техническим вопросам. А преодоление всех этих недостатков, как и раньше, связывалось с усилением активной, преобразующей роли государственной власти вообще и созданием единого общехозяйственного плана в частности. Хотя относительно существования этого плана можно проследить несколько подходов, в основном остававшихся в логике военно-коммунистической модели хозяйствования, но вместе

с тем продолжавших в известной мере традиции предреволюционных исканий.

Во-первых, ужесточение централизации и административных начал. Современное хозяйство представлялось здесь как царство труда, в котором «нет места свободе», а работник, «функционируя в процессе труда в качестве винтика механизма, будет желать именно так функционировать». Единый хозяйственный план предстает в этой концепции как директива, как расписание, «кто, что и в каком размере должен производить», как колонки цифр, устанавливаемые центром и корректируемые им¹. С подобных позиций раздавались решительные возражения против предложений о предоставлении самостоятельности местным органам власти, о децентрализации механизма принятия решений.

Во-вторых, получили распространение и представления о плане как о концепции развития страны, централизованно разработанной и задающей последовательность решения проблем с учетом их народнохозяйственной значимости. Иными словами, речь шла о построении плана как о цепи ведущих звеньев. (В такой логике был разработан и план ГОЭЛРО). Укрепление планового начала сторонники этой модели (прежде всего Л.Д. Троцкий и С.И. Гусев²) видели в одновременном усилении централизма при принятии решений и расширении самостоятельности мест, самостоятельности трудящихся. Идея плана-расписания, впрочем, не отвергалась, а переносилась в будущее.

В-третьих, отдельные деятели правящей партии ставили, хотя и непоследовательно, вопрос о необходимости преодоления административно-организационной интерпретации плана и усиления внимания к проблемам согласования интересов хозяйствующих субъектов. Наиболее яркими в этом отношении стали выступления А.М. Кактыня, в исходном пункте которых стоял тезис о наличии качественных

¹ См.: Крицман Л.Н. О едином хозяйственном плане. М., 1921. С. 10–11; Гусев А. О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919. № 9–10. С. 43, 44, 45.

² См.: IX съезд РКП(б). М., 1959. С. 100–105; Гусев С.И. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный аппарат. Харьков, 1920.

различий между плановым ведением дел на фабрике и макроэкономическим планированием. Последнее требует согласования интересов центра и отдельных субъектов экономической жизни. Еще один важный вывод — признание ошибочности выведения планового начала из вертикального обобществления производства, ведущего к созданию гигантских монополий. Видя в плановом социалистическом хозяйстве сложную ткань горизонтальных и вертикальных структур, А.М. Кактынь замечал, что вертикальная централизация характерна, скорее, для капитализма, а новый строй должен как раз преодолеть ее¹. Отсюда было уже близко до следующего шага — введения в анализ рыночных категорий.

* * *

1920-е годы стали новым этапом поисков и экспериментов в области формирования государственно-упорядоченной хозяйственной системы, во многом продолжающим логику и искания предшествующего десятилетия. Одновременно нэп означал вступление революционного процесса в завершающую фазу, отличительным признаком которой является формирование новой системы отношений собственности. Причем ситуация складывалась в России неоднозначно. Радикальная партия победила в борьбе за власть и сохранила возможность проведения своего радикального курса; вместе с тем нэп предполагал фактический отказ от радикализма и выдвижение вперед политически чуждых властям частных собственников. Эта противоречивость пронизывала экономическую жизнь на протяжении всего периода 1920-х годов, находя отражение и в экономической литературе. Ключевым вопросом хозяйственной жизни оставалась роль государства, однако в новых условиях он модифицировался в проблему соотношения плановых и рыночных механизмов осуществления экономической политики, в проблему существа и методологии планирования.

¹ См.: Кактынь А. Единый хозяйственный план и единый хозяйственный центр. М., 1920. С. 15, 43.

Дискуссии велись в различных плоскостях и, можно сказать, на разных уровнях абстракции. Они касались концептуальных вопросов, оценки характера и тенденций развития производительных сил, общественно-экономических отношений, методологии и практики планирования, институциональных проблем функционирования огосударственного хозяйства.

Исходным пунктом полемики стало отношение к опыту военного коммунизма. Некоторые участники дискуссии видели в военном коммунизме первую попытку практической реализации подлинного планового хозяйствования и оценивали тот опыт как «предвосхищение будущего». Противопоставляя закономерности рыночного хозяйства плановому, эти исследователи связывали с планом появление нового фактора роста — единства интересов всех субъектов производственных отношений. Единство интересов трактовалось исключительно как социально-политический феномен, априорно присущий «государству диктатуры пролетариата», то есть как предпосылка планирования, а не как одна из его задач¹.

Другая концепция, получившая широкое распространение в первой половине 1920-х годов, ставила перед собой задачу разработки такой системы отношений, в которой централизованное планирование органически сочеталось бы со всемерным развитием инициативы и личной заинтересованности. Нэп трактовался здесь не как вынужденная уступка частному капиталу, но прежде всего как попытка перехода от чрезвычайных хозяйственных условий военного времени к нормальным, мирным. Более того В.А. Базаров, А.М. Кактынь и др. подчеркивали, что рыночные отношения, создавая стимулы к труду, даже облегчают плановое хозяйствование. Это был очень важный вывод для эпохи, когда противопоставление плана рынку имело характер всеобщего предрассудка. Тем самым планирование как бы выводилось из сферы технико-экономических задач в область социально-экономических процессов и отношений. Практические выводы,

¹ См.: Крицман Л. Героический период великой русской революции. М., 1925; Ларин Ю. Итоги, пути, выводы новой экономической политики. М., 1923.

отсюда следовавшие, состояли в предложениях о расширении хозяйственной самостоятельности предприятий (или трестов) в планировании и организации своей деятельности, об усилении стратегических начал в работе центральных хозяйственных органов, о переходе последних от методов чисто административных к экономическим¹.

Эти концепции органично связаны с двумя уже рассмотренными нами подходами к интерпретации проблем планового урегулирования российского хозяйства, вполне сформировавшимися в годы Первой мировой войны. И, как мы далее увидим, это противостояние будет трансформироваться в противоречия методологического и институционального характера. А в конечном счете выльется в противостояние политическое. Здесь, однако, важно сделать существенную оговорку: позиции одного и того же экономиста могли различаться в разные периоды под воздействием как внутренней эволюции его взглядов, так и внешних социально-политических условий — они не определяются однозначно выбором, сделанным экономистом той или иной стороны в одной из названных дискуссий. (Например, В.Г. Громан, будучи сторонником жестких мер регулирования в 1915–1917 годах, активно участвовал в формировании рыночной концепции планового хозяйствования в 1920-е годы. Подобные примеры можно продолжить.)

Попытки формирования новой системы государственного регулирования, опирающегося на рыночные механизмы и стимулы, особенно активно предпринимались в первые годы нэпа, когда шаг за шагом расширялись права трестов, а партийные руководители (В.И. Ленин, Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, Л.Б. Красин, Ф.Э. Дзержинский) подняли знамя борьбы с производственным и торговым монополизмом²,

¹ См.: Кактынь А. Очерки по организации народного хозяйства. М., 1922; Экономическое обозрение. 1923. № 6. С. 10–11; Законодательство о трестах и синдикатах. М., 1926.

² Этот сюжет заслуживает особого рассмотрения. Здесь же обратим внимание только на несколько моментов, связанных с ним. «Мы не имели конкурентов, мы их не терпели, мы их всегда убивали путем реквизиции, конфискации и т. д. даже в том случае, если конкуренты были более толковы, чем наши органы. Мы, пользуясь преимуществом государственной власти, всегда имели возможность удалить конкурента из экономической деятельности и экономической жизни. Этому должен быть положен

когда было достигнуто финансовое оздоровление и, наконец, когда были предприняты попытки стабилизации правовых норм, и особенно в части гражданских правоотношений. Вместе с тем новая плановая доктрина не потеснила сильно старую — ни на уровне идеологии, ни даже в текущей хозяйственной практике, где план-расписание вовсе не уходил со сцены, а оставался важным экономическим инструментом, лишь дожидавшимся своего часа.

Экономисты, многие из которых работали в высших органах управления, проводят интересные исследования, сопровождавшиеся острыми дискуссиями экономико-политического характера. Одним из основных и, как показали дальнейшие события, весьма перспективным, стал вопрос о методологии макроэкономического планирования.

В дискуссиях 1923–1924 годов уже отчетливо прослеживаются два варианта решения методологических задач. Один делал акцент на всестороннем учете рыночных тенденций, с тем чтобы деятельность центра способствовала наиболее полному их выявлению и амортизировала бы возникающие трудности. Здесь целевые установки государственного регулирования выступают как результат анализа объективно складывающихся тенденций и альтернатив. Это направление активно разрабатывалось Н.Д. Кондратьевым и группой близких ему экономистов.

самым решительным образом предел. Теперь мы должны побеждать не путем приказаний и монопольного положения, а путем лучшей работы. ...Плюс новой экономической политики свободного обмена — и большой плюс — заключается в том, что она заставит каждого из экономических работников подтянуться, дабы победить в открытом бою экономической конкуренции» (*Рыков Л.И.* Избранные произведения. М., 1990. С. 195–196). Позднее рамки этой проблемы были расширены до признания необходимости стимулирования конкуренции между государственными трестами с целью побуждения их к наращиванию выпуска продукции и снижению цен. Подобный подход решительно пропагандировал, заняв пост руководителя НКПС, Ф.Э. Дзержинский. Он фактически стал развивать идеи, которые уже поставило себе в повестку дня правительство России в начале 1910-х годов, то есть накануне Первой мировой войны. Речь шла теперь, как и ранее, о передаче железным дорогам угольных шахт для заготовки топлива в собственных нуждах, чтобы ослабить зависимость этого важнейшего вида транспорта от влияния цен угледобывающей отрасли, в которой, как полагали тогда власти, существенно завышают издержки своего производства. Тем самым, как и десять лет тому назад, через транспортные издержки предполагалось воздействовать и на общий уровень цен в народном хозяйстве.

Другое направление в развитии методологии планирования связано прежде всего с именем В.А. Базарова. В определении стратегической цели социально-политического и экономического развития страны, этапов на пути к ней и механизма ее достижения видели сторонники данного подхода существо плана и планового хозяйствования. Важнейшим моментом являлась здесь оптимизация — нахождение наилучшего пути достижения цели и экономических механизмов, обеспечивающих движение по этому пути. В работах В.А. Базарова и его коллег сделаны первые шаги в исследовании проблемы оптимальности хозяйственного роста. Наконец, для этого подхода был характерен поначалу отказ от выделения жестких сроков реализации намеченных целей. В отличие от рассмотренной выше модели, здесь на первое место выдвигалась характеристика целевой точки и узловых пунктов движения к ней, безотносительно к конкретным календарным датам наступления тех или иных событий. А наилучшей формой описания траектории развития признавалась система балансов¹.

Описанная модель планирования на основе целеполагания получила тогда наименование «телеологической», тогда как первая — «генетической». Оба варианта методологии разрабатывались поначалу активными сторонниками нэпа и, несмотря на внешнюю противоположность, взаимно дополняли друг друга. Но в этой своеобразной методологической дихотомии заключалось и весьма опасное противоречие: в скрытом виде она несла в себе старое противостояние «государственного» и частнохозяйственного подходов к вопросам регулирования.

Сказанное становится более понятным, если учесть, что телеология изначально соотносилась по преимуществу с государственным хозяйством, а генетика — с частным. В благоприятной политической атмосфере можно было бы говорить о наступлении уже нового этапа в анализе рассматриваемых проблем, когда дискуссия переместилась на

¹ См.: РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 1. Ед. хр. 138. Л. 102, 113; Базаров В.А. К методологии перспективного планирования. М., 1924.

уровень методологии и началось реальное сближение обеих позиций. Это могло бы привести к формированию новой, целостной концепции макроэкономического регулирования. Однако во второй половине 1920-х годов обострение политической борьбы и распространение ее на экономические сферы отбросило анализ почти к исходному состоянию абсолютного противопоставления государственного и частного принципов, генетики и телеологии.

Наконец, важной особенностью хозяйственной системы 1920-х годов, оказывавшей существенное влияние на развитие науки и практики, стал институциональный разрыв — противостояние между двумя ведущими экономическими органами, призванными формировать и осуществлять государственное руководство экономической жизнью страны. Государственное вмешательство требовало решения двух групп задач — текущего регулирования, поддержания устойчивого и динамичного рыночного равновесия, с одной стороны, и выработки стратегии хозяйственного роста, с другой стороны. Первая группа задач оказалась в компетенции Наркомфина, а вторая — Госплана.

Характерной чертой первых лет нэпа стало доминирование НКФ в регулировании хозяйственных процессов. Здесь были сосредоточены основные нити бюджетной и кредитной политики, от чего зависели перспективы восстановления отраслей и секторов отечественной экономики. Контрольные цифры госбюджета являлись главным плановым документом. Именно рынок стал основным полем планово-регулирующей деятельности НКФ, и сохранение доминирования этого органа означало бы усиление рыночных инструментов в системе государственного руководства экономикой.

В полемике с руководством Госплана относительно характера и перспектив организации планового руководства народным хозяйством СССР руководитель НКФ Г.Я. Сокольников настойчиво предостерегал против любого пренебрежения вопросами оценки экономической конъюнктуры и учета ее при формировании основных контуров

экономической политики страны. При наличии реальной рыночной экономики, когда многие хозяйственные агенты (и прежде всего миллионы крестьянских дворов) не подвластны директивным заданиям центра, утверждал он, было бы опасной иллюзией ожидать от государственного плана возможность упорядочить хозяйственный процесс: план, ставящий перед собой подобные цели, сам непременно окажется дополнительным источником стихийности в народном хозяйстве.

И исторически, и логически Госплан занимал иное положение. Выросший из комиссии ГОЭЛРО, он сохранил и некоторые характерные для нее иллюзии, прежде всего — тенденцию видеть в плане технико-экономический расчет, масштабную цель, лишь дополняемую необходимыми финансово-экономическими исследованиями. Весьма показательной в этой связи является, например, позиция одного из руководителей Госплана П.С. Осадчего, который в 1921 году к числу достоинств советской действительности относил «упразднение бюджетных рамок, препятствовавших в прежнее время осуществлению многих полезных начинаний»¹.

Уже в начале 1920-х годов в Госплане фактически сосуществовало несколько представлений о существовании планового хозяйствования. Это были: план-расписание (календарный план функционирования предприятий и поставки ими продукции); план как система экономических стимулов и финансовой политики; и, наконец, план как сложная комбинация проектировок различных субъектов хозяйственной жизни, постоянно трансформирующаяся в целостную картину экономической политики. Можно сказать, что в первой половине 1920-х годов в Госплане сконцентрировались практически все интерпретации планового хозяйствования, которые имели распространение среди российских экономистов на протяжении последних полутора десятков лет. Это отражалось в разнообразных дискуссиях, в ходе которых

¹ Научно-технический вестник. 1921. № 3. С. 12. Ему тогда ответил Н.Н. Шапошников, указавший, что такое кажется возможным только в условиях «свободной денежной эмиссии»: «Здесь хозяйственные возможности ограничены только производительностью печатного станка» (Экономист. 1922. № 4–5. С. 51–52).

происходила постепенная поляризация позиций экономистов Госплана и вместе с тем одна из позиций (а именно административно-централистская или распределительная) становилась доминирующей.

В реальной хозяйственной жизни 1920-х годов НКФ претендовал на организационное и политическое доминирование. Во-первых, высказывалось предложение, что по мере развития нэпа «сам процесс государственного планирования должен принять... формы бюджетного плана». Предлагалось поставить деятельность Госплана под контроль НКФ, подчинить ему финансовую комиссию Госплана¹. Во-вторых, отмечалось, что государственному регулированию вообще противопоказаны попытки механического расширения «планового начала» на все сферы хозяйственной деятельности. И прежде всего это относилось к денежно-кредитной сфере, которая должна реагировать на реальное движение спроса и предложения, а не быть связанной жесткими плановыми расчетами².

Уже в 1923 году борьба между Госпланом и Наркомфином достигла заметного накала. На стороне Госплана здесь выступали такие мощные хозяйственные ведомства, как ВСНХ и НКПС, руководители которых видели в жесткой кредитной политике НКФ препятствие к осуществлению своих амбициозных планов промышленной экспансии. Предпринимались различные шаги с целью ограничения относительной независимости НКФ, усиления роли Госплана и отраслевых ведомств в формировании бюджетной и кредитной политики. НКФ не смог выдержать этого давления. После осеннего кризиса сбыта 1923 году происходит постепенное усиление административно-директивного начала в руководстве народным хозяйством, ослабление роли финансово-экономических институтов и механизмов. Этому способствовало и поражение Г.Я. Сокольников в политической борьбе середины 1920-х годов.

¹ См.: Вестник финансов. 1922. № 25. С. 8.

² См.: Экономическая жизнь. 1923. 3 ноября.

V

В итоге длительной теоретической, идеологической и политической борьбы, которая велась между представителями различных представлений о формах и механизмах централистской (государственнической) организации экономической жизни, в конечном счете победили сторонники наиболее жесткой линии. Именно здесь завершается скачок к полному торжеству новой концептуальной парадигмы, новой модели экономико-политического развития страны. Но политические формы не должны закрывать политического существа происходившего процесса. В той или иной форме доктрина и практика этатизма (или дирижизма, если говорить о более мягких формах последнего) стала практически абсолютно доминирующей в экономической политике и экономической идеологии подавляющей части цивилизованного мира. Если уж говорить о скачке, о переломном пункте в цепи исторического процесса, то он произошел именно здесь и не по причине политических успехов большевизма, а в результате сложных трансформационных процессов в области экономической политики и идеологии, охвативших период, примерно соответствующий первой трети нынешнего столетия в нашей стране. (И примерно тот же период в большинстве европейских стран и в США.)

Аналогичные, в общем-то, процессы, хотя с содержательной точки зрения и с противоположным знаком, многие страны переживают и в настоящее время. Не только Россия (СССР), не только Восточная Европа, но также и западный мир проходят через период радикального обновления экономической идеологии. Теперь в центре внимания оказываются идеи либерализма, деэтатизма, свободного рынка. Подчас кажется даже, что популярность идеи планирования и государственного регулирования начала нынешнего столетия вполне может сравниться с популярностью экономического либерализма в наши дни. Экономические противоречия и тупики, с которыми столкнулся Запад в 1970-е годы, а социалистический лагерь в 1980-е, потребовали новых

рецептов, которые и были предложены экономической наукой и нашли активных сторонников среди политиков.

С этой точки зрения надо видеть два неодинаковых, хотя и взаимосвязанных процесса, протекающих в настоящее время в нашей стране, связывающих ее прошлое, настоящее и будущее. С одной стороны, это процессы радикального обновления экономической парадигмы, формирование новой, современной доктрины экономической политики, которая может стать залогом хозяйственного развития страны в недалеком будущем; словом, процессы, так или иначе охватившие весь цивилизованный мир. С другой стороны, это политическая революция, освобождение страны от тоталитарного политического строя, являющегося обузой на пути как политического, так и экономического прогресса. В этом, кстати, наше время также схоже с событиями начала века в России. Хотя, строго говоря, привязка процесса социально-экономической трансформации к резким политическим потрясениям (революциям) является, по-видимому, признаком недостаточной зрелости экономико-политической системы страны, неразвитости и недостаточной эффективности ее политических институтов. Опыт XX столетия свидетельствует, что наиболее развитые политические режимы смягчают прохождение страны через неизбежный, но весьма болезненный, период смены экономических парадигм.

ПЕРЕСТРОЙКА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

По мере того как период перестройки все более уходит в прошлое, она из сфер политических дискуссий и борьбы перемещается в область научного исследования. За несколько лет своего существования политика перестройки была и объектом всеобщего восхищения за необычность и неожиданность выдвинутых ею лозунгов, и испытала жесткую критику (если не презрение) широких общественных кругов за свою непоследовательность и противоречивость. Теперь наступает время ее спокойного и непредвзятого анализа. Анализа, который был почти нереален еще несколько лет назад, когда эмоциональное восприятие нового курса (или «нового политического мышления») М. Горбачева в значительной мере ограничивало возможность рационального осмысления.

Настоящая статья посвящена анализу взаимосвязи и взаимного влияния экономических и политических проблем 1985–1991 годов, которыми, собственно, и определяются хронологические рамки перестройки. По нашему мнению, именно на стыке экономики и политики происходили наиболее важные события того времени. Исследование под этим углом зрения позволяет раскрыть реальные корни принимавшихся тогда высшим руководством СССР решений, иллюзий и заблуждений властей, а в конечном счете и результатов «эры Горбачева».

За последнее время на Западе появилось немало работ, посвященных истории перестройки¹. Однако этого нельзя сказать о российских ученых, для которых годы перестройки и поныне остаются слишком близким прошлым, слишком связанным с сегодняшними проблемами как общественного, так и личного характера². Разумеется, сказанное относится и к автору настоящей работы — участнику событий непросто быть беспристрастным аналитиком. Но, помня об этом, мы будем стремиться обеспечить объективность самого исследования и его выводов.

Попытаемся рассмотреть теоретические, идеологические и политические предпосылки политики перестройки, формы и механизмы ее практической реализации во второй половине 1980-х годов. По нашему мнению, этот курс явился естественным следствием развития экономической теории и конкретной практики «социалистического хозяйствования», а баланс сил в советском руководстве обусловил ту последовательность решений и действий, которые стали теперь нашей недавней историей. Разумеется, сказанное не предполагает ни апологетического отношения к политикам и принимавшимся ими решениям, ни стремления обелить или оправдать кого бы то ни было. Наша цель — понять предпосылки и оценить последствия.

¹ См., например: *Nove A. Glasnost' in Action*. Boston: UnwinHyman, 1989; *Goldman M.I. What Went Wrong with Perestroika*. New York, London: W.W. Norton, 1991; *Boettke P.J. Why Perestroika Failed: The Politics and Economics of Socialist Transformation*. London, New York: Routledge, 1993.

² См.: *Абалкин Л.И. Неиспользованный шанс: полтора года в правительстве*. М.: Политиздат, 1991; *Абалкин Л.И. К цели через кризис: спустя год*. М.: Луч, 1992.

Начало преобразований: доктрина и лозунги (1985–1989 годы)

Основные компоненты концепции реформ

Нередко приходится слышать утверждения о том, что начатые М. Горбачевым в 1985 году реформы носили стихийный характер, не были воплощением некоторого сформулированного и проработанного заранее замысла. Тем самым как бы объясняется непоследовательный, а подчас и разрушительный характер политики перестройки.

Изучение трудов политических лидеров стало уже почти забытым видом деятельности для отечественных обществоведов, а тем более для экономистов. Однако этот подход будет важен при рассмотрении данной темы. Анализ статей и выступлений М. Горбачева в 1983–1984 годы, когда он занимал вторую-третью позицию в советской иерархии и был относительно свободен в своих высказываниях, позволяет сделать некоторые выводы о формировании самого замысла перестройки.

Выступления М. Горбачева, предшествующие его избранию на пост генерального секретаря ЦК КПСС, свидетельствуют о том, что на протяжении всего 1984 года он напряженно размышлял о проблемах и трудностях советской хозяйственно-политической системы. И вполне понятно, что ответы на вызов времени он искал в рамках самой системы, в ее идеологических догматах и хозяйственной практике предшествовавших десятилетий. Да, собственно, и сам термин «перестройка» впервые появился у него в марте 1984 года в докладе на Всесоюзном экономическом совещании по проблемам агропромышленного комплекса — первом крупном выступлении Горбачева в качестве второго человека в партии¹. Об этом же позднее шла речь

¹ Причем сформулировано это было в совершенно определенном контексте. Оценивая некоторые положительные примеры совершенствования хозяйственного механизма, будущий генеральный секретарь определил их как «начальный этап перестройки, которую предстоит развивать вширь и вглубь» (*Горбачев М.С. Избранные речи и статьи*. Т. 2. М.: Политиздат, 1987. С. 38).

и в получившем широкую известность программном его выступлении с характерным названием «Живое творчество народа» (декабрь 1984)¹.

Исторические корни перестройки восходят к популярному на рубеже 1950-х–1960-х годов лозунгу «догнать и перегнать», а еще дальше — к ускоренной индустриализации СССР в 1930-е годы. Налицо было отставание от развитых стран Запада по всем параметрам экономической и социальной жизни. И новое советское руководство, чья политическая молодость пришлась на хрущевскую «пору надежд», считало себя готовым к решению экономических и социальных задач. О политических реформах речь шла позднее.

Трансформация (перестройка) советского общества с самого начала мыслилась как многогранная, комплексная задача. В соответствии с традициями коммунистической риторики, целями реформ провозглашалось «дальнейшее повышение благосостояния народа, улучшение условий его материальной и духовной жизни». Это конкретизировалось в задаче обеспечения населения необходимыми продовольственными и промышленными товарами, бытовыми услугами, развития здравоохранения, культуры и образования. Решение «проблем благосостояния» обуславливалось, в свою очередь, двумя группами задач. С одной стороны, резкой динамизацией роста производительных сил. С другой — совершенствованием хозяйственного механизма.

Что касается первого, то здесь акцент был сделан на проведении глубокой структурной перестройки

¹ Впрочем, среди ближайших коллег Горбачева со временем популярность приобрело подчеркивание как бы вторичности его идей, их производного характера от деятельности Ю. Андропова, который, по их мнению, смог бы осуществить перестройку более осторожно, оставаясь в рамках социализма. В данной связи заслуживает внимания следующее заявление Н. Рыжкова: «Считаю, что истоки перестройки относятся к началу 1983 года, когда Андропов поручил нам — группе ответственных работников ЦК КПСС, в том числе мне и Горбачеву, подготовку принципиальных положений по экономической реформе. В наших разработках мы исходили тогда из тех критических оценок социализма, которые были высказаны Ю. Андроповым... Думаю также, что можно с достаточной уверенностью предположить совсем иные методы экономических и социальных преобразований в стране под руководством Ю. Андропова. Были бы они близкими к тому, что делается сейчас в Китае?.. Можно и на этот вопрос ответить положительно» (Последнее правительство СССР. М.: Кром, 1993. С. 23–24.).

промышленности в пользу ускоренного роста машиностроения. Логика, изначально принадлежавшая А. Аганбегяну¹, была примерно такова. Для проведения сколько-нибудь осмысленной социальной политики в условиях снижения мировых цен на нефть и продолжающейся гонки вооружений необходимо обеспечить как минимум четырехпроцентный рост национального дохода. За годы одиннадцатой пятилетки, даже по официальным данным, этот показатель до 4 % явно не дотягивал. Возможности роста за счет вовлечения новых материальных и людских ресурсов были также практически исчерпаны — для подобного экстенсивного роста национального дохода требовалось за пятилетие увеличить добычу топлива и сырья на 15 %, инвестиции — на 30–40 %, вовлекать в производство до 2 млн человек в год.

Оставался единственный, вполне естественный для технократического подхода путь — «существенный рост производительности труда посредством внедрения прогрессивного оборудования, автоматики»². Для этого была выдвинута задача — в ближайшие годы увеличить темпы роста машиностроительных отраслей в 1,5–2 раза. Приоритет здесь связывали с ускорением развития станкостроения, приборостроения, электротехники и электроники. Иными словами, речь шла о перенесении центра тяжести в инвестиционной политике на отрасли машиностроительного комплекса. Это отвечало и интересам наиболее влиятельной к тому времени социально-экономической группировки — военно-промышленного комплекса.

Вместе с тем принципиальной особенностью 1980-х годов стало дополнение технократического подхода социально-экономическим. Пожалуй, впервые в официальной коммунистической риторике речь зашла об активизации человеческого фактора как условия трансформации всей системы производственных отношений³. Экономистам

¹ См., например: Аганбегян А.Г. На новом этапе экономического строительства // Эко. 1985. № 8; Аганбегян А.Г. Генеральный курс экономической политики // Эко. 1985. № 11.

² Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 147.

³ Одним из первых выступлений на эту тему стала статья Т. Заславской «Человеческий

и политикам предстояло более тщательно разобраться с этими установками, наполнить их конкретным содержанием. И на практике именно данные проблемы, а вовсе не вопросы структурных преобразований народного хозяйства встали в центр экономических дискуссий и политической борьбы¹.

Тем самым определились и основные лозунги перестройки, составившие ее опорные точки и своеобразные опознавательные знаки. Появились даже специальные термины, делающие экономическую политику последней фазы социализма наглядной и легко узнаваемой. Этими лозунгами стали:

1) *ускорение* как необходимость придания динамизма развитию производительных сил путем сосредоточения инвестиционных ресурсов в машиностроительных отраслях;

2) *перестройка* как осуществление трансформации производственных отношений, изменение общественно-экономической организации позднесоветской системы;

3) *повышение роли человеческого фактора* как необходимость гуманизации системы общественных отношений, преодоления однобокого технократического подхода к решению производственных и экономических задач. Именно на основе этого тезиса несколько позднее появились идеи гласности и демократизации;

4) *«цельный социализм»* как попытка теоретического объяснения характера начинаемых преобразований, подразумевавшая, что сложившаяся система общественных отношений может и должна быть трансформирована достаточно глубоко, чтобы обеспечить перевод социализма на новую ступень его «развитости», но без изменений самой

фактор развития экономики и социальная справедливость». Опубликованная в журнале «Коммунист» (1986, № 13), она носила полуофициальный характер.

¹ Хотя были и исключения. Типичным примером обсуждения проблем макроэкономической политики и характера структурных преобразований советского народного хозяйства стала дискуссия 1988 года на страницах журнала «Коммунист» между Е. Гайдаром и шестью министрами союзного правительства по поводу целесообразности значительного расширения внешней задолженности страны привлечением крупных западных кредитов на строительство нового Западно-Сибирского нефтегазового комплекса (см.: *Гайдар Е.Т.* Это не подарок // Коммунист. 1989. № 5; Зря денег не дают // Коммунист. 1989. № 8.).

сути социалистического уклада хозяйствования (который уже стал «зрелым»)¹.

Поиски экономического механизма

В середине 1980-х годов провозглашение масштабных задач хозяйственных преобразований не могло ограничиться технократическими установками. Уже с хрущевских времен советские лидеры, выдвигавшие амбициозные цели прорыва на производственном фронте, непременно предполагали сопровождение их сдвигами в системе экономических стимулов производства². Естественно, такой подход был в полной мере воспринят М. Горбачевым, который на протяжении ряда предшествующих лет довольно тесно соприкасался с экономистами, работавшими в области «теории социалистического хозяйственного механизма». И столь же естественно, что доктринальная основа экономической политики являлась с самого начала весьма противоречивой. В ней находили отражение как противоречия реального политического процесса, борьба различных политических группировок и групп интересов, так и непоследовательность общей концепции трансформации системы в том виде, в каком эта концепция сложилась к середине 1980-х годов.

Прежде всего, воспроизводился традиционный партийный механизм решения хозяйственных задач — через организацию массовых кампаний. Недаром поначалу Горбачев проводил открытые параллели с опытом ускоренной индустриализации страны в 1930-е годы. И в соответствии с этой

¹ Вообще-то, с термином «цельный социализм» вышло недоразумение. Он был введен в оборот одним из официальных партийных документов без ясного понимания контекста соответствующей ленинской работы. Между тем под «цельным социализмом» Ленин понимал соединение германской военно-хозяйственной машины своего времени с советской властью (см.: *Ленин В.И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности* // *Ленин В.И. Полн. собр. соч.* Т. 36. М.: Политиздат, 1969. С. 300).

² Наиболее интересные и острые дискуссии на эту тему в отечественной экономической литературе проходили в начале 1960-х годов, т.е. предшествовали экономической реформе 1965 года — одной из наиболее масштабных попыток реорганизации советской хозяйственной системы на основе рыночных стимулов. (Подробнее об этом см.: *Мау В.А. В поисках планомерности: из истории развития советской экономической мысли конца 30-х — начала 60-х годов.* М.: Наука, 1990, а также: наст. издание. Т. 1. С. 518–705.)

аналогией речь шла об использовании высокого мобилизационного потенциала, существование которого обычно приписывали советской хозяйственно-политической системе благодаря наличию в ней механизмов централизованного планирования¹. Как видим, в партийном руководстве оставались весьма живучими иллюзии раннесоветского периода, и опора на них составляла естественный источник надежд властей.

Проведение курса на перестройку вписывалось также в систему традиционных представлений относительно экономической сущности строя. Политическая экономия социализма, носившая всеобъемлющий доктринальный характер, хотя и подвергалась вполне обоснованной критике за схоластику и отрыв от реальности, составляла, однако, основу воззрений советского партийного истеблишмента и его ученых консультантов. И даже беглого взгляда на главные опорные пункты раннеперестроечных позиций М. Горбачева и его окружения достаточно, чтобы увидеть в них весь перечень сюжетов («экономических законов»), рассматривавшихся в учебниках по политической экономии социализма².

Сама необходимость перестройки в соответствии с «основным экономическим законом социализма» мотивировалась важностью повышения благосостояния, удовлетворения растущих потребностей советского человека. В качестве важнейшего рычага называлось централизованное планирование как решающее преимущество социалистического хозяйствования, дающее возможность обеспечивать сознательную оптимизацию экономического роста и структурных сдвигов («закон планомерного, пропорционального

¹ См.: *Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 87, 257.

² См., например: *Политическая экономия*. Т. 2 / Под ред. А.М. Румянцева и др. М.: Политиздат, 1977. Соответствующие положения были впервые сформулированы еще в 1940-е годы (Некоторые вопросы преподавания политической экономии // Под знаменем марксизма. 1943. № 7–8) и содержались во всех стандартных учебниках и книгах по политической экономии социализма, начиная с первого учебника 1954 года (*Политическая экономия*. М.: Госполитиздат, 1954). Хотя и в сильно переработанном виде, они нашли отражение и в последнем советском учебнике по политической экономии, подготовленном под руководством В.А. Медведева и Л.И. Абалкина (*Политическая экономия*. М.: Политиздат, 1989).

развития народного хозяйства»). Именно с совершенствованием планирования на макро- и микроуровнях поначалу связывалось решение задач ускорения.

Структурно-инвестиционная и макроэкономическая модель перестройки вполне описывалась так называемым «законом опережающего роста производства средств производства» (и особенно их активной части) по сравнению с производством предметов потребления.

Говорилось и о необходимости совершенствования системы распределения по труду («закон распределения в соответствии с количеством и качеством труда»), что проявилось в относительно ранней либерализации (децентрализации) распределительных механизмов при одновременном резком усилении попыток государственного вмешательства в оценку «справедливости» распределения. Последнее нашло наиболее яркое отражение в обострившейся полемике о существовании нетрудовых доходов и роли государства в их элиминировании¹.

Наконец, в концептуальных рассуждениях политической элиты непременно присутствовали ссылки на необходимость использования товарно-денежных отношений как важного стимулирующего рычага развития производительных сил. Однако подобные высказывания носили весьма осторожный характер и обязательно сопровождались оговорками об изменившейся природе стоимостных механизмов при социализме и о недопустимости при использовании товарно-денежных отношений принижения ведущей роли планового начала.

Впрочем, не политическая экономия социализма как таковая послужила базой для дальнейшей проработки теоретических основ социально-экономической трансформации общества. Эту роль взяла на себя теория хозяйственного

¹ «Жизнь нас научила, что отклонения от социалистических принципов распределения и хозяйствования могут породить и порождают такие серьезные явления, как трудовая и социальная пассивность, тунеядство, моральный нигилизм, скрытые формы перераспределения доходов и благ. В общем-то, именно с такими отклонениями... связаны и нетрудовые доходы» (*Горбачев М.С.* Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 96–97).

механизма, которая представляла особый раздел политической экономии — раздел, сформировавшийся на рубеже 1960–1970-х годов и вскоре ставший одним из наиболее динамично развивающихся направлений советской экономической науки.

Начала ее относятся к середине 1960-х годов. Точнее, к экономической реформе 1965 года, знаменовавшей собой наиболее масштабную доперестроечную попытку усовершенствовать радикальным образом социалистическую систему хозяйствования, приспособить ее к современным условиям научно-технической революции. Сама попытка реформы оказалась половинчатой и не дала заметных, устойчивых результатов. Было ясно, что на этой основе и теория, и практика должны двигаться вперед или возвратиться к исходному состоянию. Экономическая политика вскоре повернула вспять — партийное руководство, сделав несколько шагов по направлению к рынку, не было способно решиться на дальнейшую трансформацию хозяйственной системы, так как понимало неизбежность дополнения экономической либерализации политической. Однако для экономистов-«шестидесятников», выросших на волне широких и откровенных дискуссий тех лет, последующие годы стали временем отработки аргументов и механизмов осуществления будущих хозяйственных преобразований. Поскольку же незыблемость социалистической собственности являлась как бы заранее заданной предпосылкой теоретических спекуляций, реалистически мыслившие экономисты вскоре нашли своеобразную политическую (или идеологическую) нишу: принимая как данность тезис о незыблемости фундаментальных основ социалистической системы и отдавая эти вопросы на откуп идеологизированной ортодоксальной политэкономии (со всеми ее перечисленными выше «законами»), эти экономисты сформулировали вывод о необходимости глубокого «совершенствования хозяйственного механизма» и стали рассматривать последний как самостоятельный объект исследования, который можно анализировать и реформировать, оставляя в стороне

вопросы собственности¹. Это был один из важнейших моментов — согласие на подобный подход давало известную свободу анализа, но и налагало жесткие и потенциально весьма опасные ограничения, которые неизбежно должны были сказаться в будущем.

Логика концепции «совершенствования хозяйственного механизма» опиралась на тезис о необходимости стимулирования производителя (хозяйственного агента) развивать производство и обновлять продукцию. Предполагалось, что этого можно добиться путем расширения самостоятельности предприятий в принятии решений относительно объемов и номенклатуры выпускаемой продукции, увязывая перспективы развития производства и материальное благополучие работников с финансовыми результатами работы предприятий (прибыльностью, рентабельностью).

Однако с учетом неэффективности ценового контроля за производителем в условиях государственно устанавливаемых цен неоднократно обсуждался вопрос о системе экономических показателей, отличных от прибыли и рентабельности, которые объективно оценивали бы соответствие функционирования предприятий потребностям народного хозяйства и конкретных потребителей. Очередной такой показатель (как правило, объемный) регулярно выдвигался на первый план и объявлялся спасительным инструментом от всех бед как централизованного плана, так и рыночной стихии. Такую роль «спасителя» отводили последовательно объему реализованной продукции, чистой или нормативной чистой продукции (НЧП), уровню выполнения

¹ Перечислим лишь некоторые из наиболее существенных работ на эту тему: *Ракитский Б.В.* Формы хозяйственного руководства предприятиями. М.: Наука, 1968; *Абалкин Л.И.* Хозяйственный механизм развитого социалистического общества. М.: Мысль, 1973; *Абалкин Л.И.* Диалектика социалистической экономики. М.: Мысль, 1985; *Абалкин Л.И.* Проблемы совершенствования хозяйственного механизма в условиях развитого социализма. М.: Наука, 1978; *Бунич П.Г.* Хозяйственный механизм развитого социализма: сущность, структура, проблемы и перспективы. М.: Наука, 1977; *Бунич П.Г.* Хозяйственный механизм управления социалистической экономикой. М.: Экономика, 1984; *Аганбегян А.Г.* Управление социалистическим предприятием. М.: Экономика, 1979; *Петраков Н.Я.* Хозяйственная реформа: план и экономическая самостоятельность. М.: Мысль, 1971; *Петраков Н.Я.* Хозяйственный механизм в системе оптимального функционирования социалистической экономики. М.: Наука, 1985.

хозяйственных договоров. В отдельных, весьма редких случаях экономисты пытались сформулировать тезис о целесообразности «включения» механизмов конкуренции, но это всегда встречало решительный политический отпор¹.

«На первый план выдвигаются такие коренные проблемы, как пути ускорения научно-технического прогресса и всесторонней интенсификации производства; совершенствование форм социалистической собственности, обеспечивающее все более органичное соединение непосредственного производителя с общественными средствами производства, укрепление у него чувства коллективного хозяина всего общественного достояния, активизацию и оптимизацию системы интересов при ведущей роли общенародного интереса; развитие научных основ и практики планирования народного хозяйства как главного средства осуществления экономической политики партии; совершенствование всей системы отношений распределения»². В этой длинной фразе отражены, пожалуй, все основные элементы позднесоциалистической экономико-идеологической доктрины, суть представлений и надежд реформаторов (как политиков, так и экономистов) середины 1980-х годов.

Итак, вопрос о собственности оставался практически незыблемым. Считалось, что перечисленные хозяйственные механизмы смогут подтолкнуть экономический рост, резко повысить эффективность работы госпредприятий, которые, освободившись от ведомственной опеки и централизованного плана, поведут себя как полноценные рыночные агенты. Существование или возникновение других (негосударственных, частных) форм собственности оценивалось как второстепенный фактор — желательный, но неспособный ощутимо воздействовать на положение дел на госпредприятиях. Эти подходы отразились и на аргументации, и на процессе реализации решений о развитии

¹ Например, содержащая намек на необходимость конкуренции между социалистическими предприятиями книга Б.В. Ракитского «Формы хозяйственного руководства предприятием» (М.: Наука, 1968) надолго попала в список нежелательных. Она осталась в библиотеках, но ссылки на нее были фактически запрещены.

² Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. Т. 2. С. 81.

кооперативного движения и индивидуальной трудовой деятельности в 1986–1988 годах.

Явно недооценивалась роль реальных экономических механизмов как неотъемлемых атрибутов эффективного хозяйствования. Прежде всего, речь идет о ценах. Традиционно в советской экономической литературе вопрос о допущении свободного ценообразования не ставился. В лучшем случае говорилось о переходе к сбалансированным ценам, рассчитанным в соответствии с математическими моделями «теории (системы) оптимального функционирования экономики» (ТОФЭ или СОФЭ)¹. Но даже при такой постановке проблемы многие ее видные идеологи-экономисты поспешили решительно отмежеваться от еще недавно провозглашавшихся ими целей, когда на начальном этапе перестройки вопрос о введении системы сбалансированных цен перешел в практическую плоскость. Тем самым они открыто продемонстрировали нежелание брать на себя ответственность за непопулярный политический курс.

В рассмотренной нами вкратце схеме «совершенствования хозяйственного механизма» оставались нерешенными некоторые вопросы, имевшие, как показал ход перестройки, критическое значение для экономической системы социализма и перспектив ее эволюционной рыночной трансформации.

Во-первых, отсутствие в социалистической экономике реального собственника, т. е. экономического агента, заинтересованного в стратегическом инвестировании на микроуровне. Без этого и без жесткого централизованного политического контроля в советской хозяйственной системе интересы текущего потребления (выплата зарплаты) неизбежно оказывались доминирующими по сравнению с интересами накопления и инвестирования (т. е. роста производства).

Во-вторых, оставался открытым вопрос о принципиальной возможности (точнее, невозможности) построения эффективной хозяйственной системы в условиях сохранения несбалансированности советского рынка, отсутствия

¹ См.: *Петраков Н.Я.* Хозяйственный механизм в системе оптимального функционирования социалистической экономики; *Шаталин С.С.* Оптимизация функционирования социалистической экономики. М., 1980.

реального механизма установления равновесия между спросом и предложением.

Жизнь подтвердила положение, теоретически обоснованное рядом видных мыслителей либерального направления еще в период массового увлечения социалистическими утопиями (в 1920-е–1930-е годы), что названные проблемы являются ключевыми для всех типов социалистических экономик и не могут найти принципиального решения в их рамках¹.

Иллюзии позднесоветского периода

Противоречия социально-экономических взглядов политиков и экономистов в совокупности с известной ограниченностью представлений о реформе партийной элиты обусловили характер и направленность решений первых лет перестройки, которые можно небезосновательно назвать ее *«розовым периодом»*. Розовым, потому что жизнь страны не была еще омрачена почти никакими острыми конфликтами и противостояниями, а в обществе и в его руководстве господствовал целый ряд иллюзий относительно возможностей и путей резкого повышения эффективности и гуманизации существовавшей экономической системы, трансформации социализма путем раскрытия свойственных ему социальных и экономических преимуществ. Здесь уместно заметить, что иллюзии, о которых пойдет речь ниже, вообще являются закономерными для общества, начинающего глубокие, революционные преобразования и находящегося в самой начальной фазе этих перемен. И представление о них чрезвычайно важно, поскольку они оказывают заметное влияние

¹ Мизес Л. Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994. С. 131–135; Бруцкус Б.Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. № 3. С. 65–66. Этот вполне очевидный порок социалистической (коллективистской) системы проявился буквально в первые же дни после Октябрьской революции, когда большевики попробовали на практике реализовать свои идеи организации производства на базе «рабочего контроля». На доминирование потребительских интересов над производственными и текущих над перспективными вскоре стали указывать и сами большевистские экономисты, не говоря уже о социалистах. (См., например: Степанов И. От рабочего контроля к рабочему управлению в промышленности и земледелии. М., 1918. С. 7–8; Базаров В. Коммунизм или государственно-упорядоченный капитализм? // Мысль. 1919. № 3. С. 59.)

на принимаемые политические решения в течение ощутимого периода времени.

Прежде всего, уверенность в наличии широкого единства всего общества относительно характера и направления наметаемых реформ. Создается иллюзия отсутствия сильных групп интересов, способных оказывать сопротивление намечаемым реформам. Сами же реформы представляются столь назревшими и естественными, что у реформаторов подчас складывается впечатление, что никто не только не сможет, но даже и не захочет противодействовать предлагаемому курсу. Применительно к СССР середины 1980-х годов это представление обуславливалось и модифицировалось двумя обстоятельствами.

С одной стороны, господствовавшее в политических кругах догматическое представление о социальных реалиях советской системы как якобы не содержащих непримиримых в основе своей противоречий¹. Вне серьезного анализа оставался вопрос о подлинных группах интересов и их лоббистских возможностях. Это, понятно, в значительной мере мешало адекватной оценке перспектив осуществления тех или иных шагов в экономической и социальной политике.

С другой стороны, инициаторы перестройки отнюдь не ожидали безоблачной судьбы для своего детища. Однако поле возможного сопротивления и борьбы ограничивалось в их сознании узкой сферой высшего партийного руководства, где сильные позиции продолжали занимать представители старого партийного истеблишмента. Относительно же широких слоев населения они видели опасность в крайнем случае «пережитков консервативного мышления», преодолеваемых декларативно-воспитательными мероприятиями и призывами «начинать перестройку с себя».

Апеллирование к мобилизационному потенциалу социалистической системы и к опыту осуществления индустриализации 1930-х годов являлось наиболее ярким отражением этого представления о наличии некоторой целостной ценностной ориентации советского общества.

¹ Эти тезисы звучали в материалах партийных съездов, излагались в стандартных учебниках по «политэкономии социализма» (см., например: Политическая экономия. Т. 2 / Под ред. А.М. Румянцева и др. С. 80–87).

Из постулата о наличии принципиального единства взглядов на необходимость и характер реформ вытекала другая важная иллюзия раннеперестроечной поры — иллюзия легкости проведения реформ, быстрого решения самых различных проблем, накапливавшихся в стране в течение длительного периода. Причем это отражалось и на представлении о возможности одновременного решения задач, противоречащих друг другу по самой своей сути.

Безусловно, классическим примером такого рода решений является известная антиалкогольная кампания, начатая М. Горбачевым через два месяца после его прихода к власти (а именно в мае 1985 года). С самого начала был очевиден социально тупиковый и экономически опасный характер подобного курса: вековую проблему пытались решить в считанные месяцы, причем с неизбежными крупными потерями для госбюджета при одновременном провозглашении курса на осуществление крупных структурных реформ, требовавших масштабных бюджетных затрат.

Отражение подобных иллюзий нашло прямое воплощение и в изначальной концепции перестройки, предполагавшей осуществление инвестиционного маневра в пользу машиностроительного комплекса, резкое увеличение доли накопления в национальном доходе (беспрецедентное для предшествующего двадцатилетия) при одновременном быстром подъеме потребительского сектора, обеспечивающего заметный рост благосостояния народа. Лозунги ускорения (в изначальном, технократическом смысле этого термина) и перестройки противоречили друг другу, но их противоречивость оставалась без внимания со стороны политиков и многих экономистов.

Собственно вокруг этого пункта разгорелась первая открытая полемика в советском руководстве. Одним из кульминационных и драматичных моментов начавшейся полемики стал октябрьский (1987 год) пленум ЦК КПСС, приведший к разрыву между М. Горбачевым и Б. Ельциным и отставке последнего в ноябре¹.

¹ См.: Материалы октябрьского (1987 года) Пленума ЦК КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2.

Еще одним примером представлений такого рода стала попытка активизации предпринимательской мотивации (в том числе через кооперативную и индивидуальную трудовую деятельность) при одновременном усилении борьбы с нетрудовыми доходами в традиционном советском понимании, т. е. как доходами от примитивных форм предпринимательской деятельности. В ряде регионов страны с консервативным руководством это обернулось ужесточением преследования мелких частников, торговавших продуктами своего труда.

На этой основе формировалась иллюзия наличия сильного (или даже почти всесильного) правительства, которое может позволить себе ставить и решать самые разнородные задачи. Всесилие правительства (руководства) объяснялось его демократизмом, готовностью открыто назвать проблемы и заклеить недостатки. Представление о всесильности руководства основывается на его убежденности в своей исключительной популярности. Отчасти это является справедливым, особенно в сравнении с крайней непопулярностью предшествующих вождей. Однако уверенность в своей популярности и чрезвычайная переоценка ее практической значимости загоняют политиков в ловушку, когда лидеры оказываются абсолютно неспособными к принятию решений непопулярных, но критически важных как для страны, так и для их собственного политического выживания. Неизбежным результатом такой ситуации является быстрая потеря казавшегося еще недавно неисчерпаемым кредита доверия, причем высшее руководство страны оказывается нечувствительным к подобной тенденции и в течение еще некоторого времени действует так, будто оно остается популярным. Об исчерпанности кредита доверия оно узнает обычно последним.

Наконец, говоря об иллюзиях «розового периода», следует обратить внимание на теоретические основы политики перестройки. Как уже было нами отмечено, формировавшаяся концепция реформ опиралась на разработки экономической науки предшествующего периода. Правильно будет даже сказать, что руководство страны быстро и в полной мере восприняло

концепцию «совершенствования хозяйственного механизма» в ее наиболее радикальном, последовательном виде. Поначалу это вызывало энтузиазм — никогда еще экономисты прорыночной ориентации не находили такого понимания в партийном руководстве и никогда руководство не демонстрировало такую готовность реализовывать предложения экономистов. Заявления М. Горбачева 1986–1988 годов и многие принимавшиеся тогда нормативные акты вбирали в себя максимум того, что могла дать официальная экономическая теория в наиболее прогрессивном для советской системы варианте.

Однако вскоре обнаружилось, что идеи, казавшиеся еще недавно самыми передовыми, не только не позволяют решать поставленные амбициозные задачи перестройки, но, напротив, нередко ведут лишь к усугублению социально-экономических проблем¹. Ведь экономические идеи, воспринимавшиеся как самые передовые применительно к социалистической системе хозяйствования, на самом деле строились в логике данной системы и не предполагали ослабления ее основ. Между тем последовательная реализация этих идей на практике обуславливала отказ от ряда фундаментальных, системообразующих элементов советского хозяйственного строя (начиная с механизмов централизованного контроля за экономикой и партийно-политического контроля за поведением хозяйственных агентов), что неизбежно вело к коренному изменению логики функционирования народного хозяйства. И здесь рецепты, выработанные в старой системе координат, оказывались исключительно противоречивыми.

Ограниченность доктринальных установок обусловила, а иллюзии наличия сильного и популярного правительства

¹ Приведем лишь один пример. Закон о государственном предприятии, принятый в июне 1987 года и предоставивший исключительно широкие права руководителям и коллективам госпредприятий, на практике обусловил быструю потерю управляемости в народном хозяйстве, разбалансирование основных макроэкономических пропорций. Самостоятельность госпредприятий в отсутствие конкурентной среды и жестких бюджетных ограничений не способствовала повышению эффективности их деятельности, не говоря уже об эффективности макроэкономической. Недаром Е. Гайдар, используя известную историческую аналогию, называет этот документ «законом о вольностях директоров».

закрепили ряд барьеров на пути последовательного развертывания экономических реформ, которые быстро приобрели характер непререкаемых догм. То были своеобразные табу не только на практическую реализацию, но поначалу даже на обсуждение некоторых принципиальных вопросов проведения осмысленной макроэкономической и социальной политики. Перечислим наиболее важные из них.

Прежде всего, имеется в виду тезис о необходимости обеспечения роста благосостояния народа по мере осуществления курса на перестройку. Политически понятный тезис оказывался серьезным препятствием для принятия жизненно необходимых мер и на деле вел как раз к противоположному результату, обуславливая быстрый рост той социальной цены, которую придется заплатить в недалеком будущем за непоследовательность действий в предыдущем периоде. Правительство, считавшее себя популярным, было принципиально неспособно к принятию непопулярных мер и тем самым лишь увеличивало масштабы надвигающегося кризиса. Требование проводить реформы «без снижения уровня жизни народа» к концу 1980-х годов стало одним из самых тяжелых препятствий на пути не только решения, но даже и обсуждения проблемы, как остановить вползание СССР в кризис. Причем влияние этого постулата было столь сильно, что оно оказывалось непреодолимым даже для экономистов, не связанных с «самым популярным правительством» и находившихся ему фактически уже в оппозиции¹.

Большинство конкретных политических табу было связано именно с проблемами сохранения уровня жизни, как они понимались тогда большинством политиков и экономистов. Руководство СССР весьма болезненно воспринимало любые предложения о проведении реформы цен в целях

¹ В данном случае мы забегаем несколько вперед, имея в виду позицию Г. Явлинского, отразившуюся в его полемике вокруг программы «500 дней» и особенно в его мотивации причин своей отставки осенью 1990 года. В августе-сентябре он неоднократно утверждал, что реализация этой программы возможна «без снижения уровня жизни основной массы населения», а, покидая правительство двумя месяцами позже, объяснял свой шаг уже невозможностью достижения этого условия из-за необдуманных действий своих коллег — российских и союзных министров.

сбалансирования спроса и предложения на потребительском рынке. И уж тем более недопустимым казался ему отказ от государственного ценообразования — даже свобода цен в кооперативном и индивидуальном секторах воспринималась многими как аномалия, нуждавшаяся в корректировке¹. Аналогичное отношение встречали замечания некоторых экономистов о неизбежности появления безработицы по мере осуществления реальных структурных преобразований.

Приватизация также оставалась одной из точек неприятия высшим советским руководством на протяжении практически всей второй половины 1980-х годов. Довольно долго господствовало убеждение, что повышение экономической эффективности возможно при либерализации режима функционирования госпредприятий без изменения отношений собственности. Лишь постепенно и очень неохотно была признана необходимость трансформации в этой сфере, причем пришлось пройти через промежуточную ступень — признание возможности «разгосударствления».

И, естественно, до последнего держались инициаторы перестройки и большинство их экономических консультантов за «незыблемость социалистического выбора» советского народа. Данный тезис сохранялся даже тогда, когда конкретный набор политических решений в области экономических реформ уже явно вышел за рамки собственно социалистической системы хозяйствования.

Вопрос о последовательности реформ

Первые годы перестройки с достаточной очевидностью выявили наличие трех компонентов, необходимых для комплексного реформирования советского общества. То есть речь шла об осуществлении изменений структурного и институционального характера, а также о проведении более или менее последовательных политических реформ. Однако

¹ В качестве примера здесь обычно приводили ГДР, где мелкие частные производители работали по ценам, устанавливаемым государством.

вопрос о взаимосвязи и последовательности этих реформ в течение довольно продолжительного времени оставался открытым. Более того, он не только так и не стал предметом какого-то специального теоретического анализа и прогноза на начальной фазе перестройки, но и впоследствии ответ на вопрос об очередности реформ давался непосредственно в ходе практической политической деятельности, в порядке оперативного реагирования на обострение тех или иных конкретных социальных, экономических или политических проблем.

Когда начиналась перестройка, советское руководство уже имело представление о семилетнем опыте эволюционной трансформации китайской экономики. Этот опыт тогда воспринимался в СССР довольно критически и практически не мог рассматриваться как возможная модель для СССР. Тому были как субъективные, так и объективные причины. К последним следует отнести принципиально различный уровень экономического развития Советского Союза и Китая, включая исчерпанные для СССР возможности экстенсивного роста и накопления за счет аграрного сектора — этих двух важнейших экономических характеристик китайской реформы.

Как мы отметили выше, сначала предполагалось начать реформы со структурной трансформации, подкрепляя их осторожными новациями в хозяйственном механизме (т.е. в институциональной сфере). Причем фактически оказалось, что структурные сдвиги должны осуществляться за счет некоторого снижения потребления, а это в условиях дефицитной экономики должно было вызвать определенный дестимулирующий эффект.

Однако практические меры по «совершенствованию хозяйственного механизма», последовавшие вскоре за призывами к структурной перестройке и достигшие своего пика в 1987–1988 годы, обусловили иное развитие событий. Перераспределение хозяйственных прав в пользу менеджмента и трудовых коллективов государственных предприятий перечеркнуло возможности осуществления структурного маневра в пользу машиностроительного комплекса

и стимулировало рост требований потребительского характера в ущерб инвестиционным.

В принципе такая последовательность событий была довольно типична для реформируемой социалистической экономики. Обычно период централизованной инвестиционной экспансии сопровождается некоторой хозяйственно-политической либерализацией и, как правило, определенным инфляционным всплеском. За этим закономерно следует ужесточение курса (вызываемое, правда, скорее, политическими причинами) с соответствующим восстановлением макроэкономических пропорций, традиционно адекватных социалистической хозяйственной системе. Так развивались события в 1950–1970-е годы в СССР, равно как и в большинстве других восточноевропейских (социалистических) стран¹.

Но в Советском Союзе второй половины 1980-х годов события пошли по другому пути. Это был результат во многом сознательного выбора реформаторского руководства и, прежде всего, М. Горбачева. Столкнувшись с сопротивлением реформам, ясно осознавая наличие неблагоприятного для осуществления своего курса баланса сил в высшем партийном руководстве и памятуя о печальной политической судьбе Н. Хрущева, генеральный секретарь ЦК КПСС и его ближайшие сподвижники приняли решение о возможности или даже необходимости нейтрализовать влияние консервативного большинства партийно-государственной элиты через инициирование процессов демократизации и, прежде всего, *гласности и открытости*.

И к 1988 году именно политическая реформа стала доминантой в комплексе задач трансформации советской системы. Характер структурных изменений явно отошел на второй план. Совершенствование хозяйственного механизма фактически стало рассматриваться как неотъемлемый элемент общего процесса демократизации. Предполагалось, что они будут идти рука об руку. Тем более что изменения в экономическом механизме на первом этапе

¹ См. подробнее: *Гайдар Е.Т.* Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука, 1990. С. 112–119.

перестройки рассматривались в основном как демократизация системы хозяйствования, как перенесение центра тяжести в принятии конкретных хозяйственных решений на уровень предприятий, с одной стороны, и как демократизация внутрипроизводственного управления (включая выборность менеджмента) — с другой.

Однако ослабление политического контроля в советском обществе оказалось тождественным ослаблению и в дальнейшем потере управляемости в народном хозяйстве. «Дела хозяйственные, методы политические», — писал еще в 1984 году К. Черненко¹, и эта формула, как подтвердил и ход перестройки, четко и адекватно отражала существо советской хозяйственной системы. Когда была резко ослаблена политическая ось, на которую опирался народнохозяйственный организм, т. е. ослаблена централизованная партийная система назначений и контроля, а на ее место не пришли рыночные стабилизаторы и ограничители, экономические процессы стали быстро приобретать неуправляемый характер. По мере продвижения вперед демократизации происходило ускоренное формирование политических субъектов различной окраски и ориентации, вступающих в острую борьбу между собой. Постепенно политическая борьба становилась доминирующим феноменом общественных отношений, имеющим для ее субъектов большую ценность, чем политическая стабильность. Но это уже будет важнейшей характеристикой следующего этапа трансформации советской системы.

Потеря управляемости, или Вползание в кризис (1989–1991 годы)

К началу 1989 года появились явные признаки того, что процесс реформирования советского общества вступал в новую фазу. Общие контуры этого процесса, его существенные тенденции приобрели более отчетливый характер. И,

¹ Черненко К.У. На уровень требований развитого социализма // Коммунист. 1984. № 18. С. 15.

главное, он стал явно набирать инерционный потенциал. Сказанное не означает, впрочем, что трансформация советской системы к тому времени стала необратимой. Но она зашла достаточно далеко, и попытки возвращения к исходному экономико-политическому состоянию уже не могли быть осуществлены относительно безболезненно для высшего руководства (как это было, например, при смещении Н. Хрущева в 1964 году).

Политическая реформа как основа трансформации страны. Первый Съезд народных депутатов СССР

Ключевым моментом при оценке ситуации рубежа 1988–1989 годов стало выделение политической реформы в качестве опорного пункта трансформационного процесса.

Как выяснилось позднее, это была точка очень ответственного выбора, определявшего развитие страны на годы и десятилетия вперед. Альтернативный вариант реформирования социалистической системы демонстрировал Китай, начавший с экономических преобразований и настойчиво сохранявший традиционно-социалистический статус-кво в политической и идеологической сферах. Советский Союз пошел по иному пути. Тем самым история как бы поставила сравнительный эксперимент. Существование этих двух альтернативных вариантов вскоре обернулось их своеобразной политической конкуренцией. В дальнейшем опыт Китая стал одним из аргументов борьбы вокруг российской экономической реформы. Мы не будем здесь давать сравнительный анализ китайского и советского (российского) путей от социализма. (Тем более что в Китае он официально до сих пор рассматривается как способ «совершенствования социализма», как построение «социализма с китайской спецификой».) Отметим лишь, что эти вопросы требуют специального рассмотрения.

Выше уже говорилось о том, почему, начав с экономических лозунгов, советское руководство и лично М. Горбачев поставили во главу угла политическую реформу. Уместно лишь добавить, что и сами реформаторы уже не могли

отступать от принятой логики. К этому их толкало и развитие ситуации в высшем эшелоне власти, когда они должны были опереться на поддержку общественного мнения в своей борьбе с лидерами консервативного толка. Но дело было не только в этом: к началу 1989 года все более широкие слои населения оказывались втянутыми в политическую жизнь. В городах проходили многочисленные митинги и манифестации под демократическими лозунгами.

Поэтому говоря о том периоде как о точке выбора пути, мы имеем в виду возможность не сознательного выбора для конкретного политика (и прежде всего, для М. Горбачева), а изменения развития событий в случае, например, смены политического руководства. Причем, подчеркнем, речь идет о смене модели реформирования системы, а не о перевороте, имеющем целью обратить развитие событий вспять.

Модель посткоммунистической трансформации, как она стала реализовываться в СССР, с самого начала имела одну интересную и весьма важную особенность. Если в экономической сфере стремление к проведению реформ довольно долго сопровождалось попытками формирования «особого пути» (соединения частнопредпринимательских стимулов с сохранением абсолютного господства государственной собственности), то в сфере политической сразу в качестве базовой модели выступили «общечеловеческие ценности» — современная демократическая система, характерная для развитых стран Запада. Экзотические особенности новых институтов государственной власти (типа выборов народных депутатов СССР от общественных организаций) изначально рассматривались как явления переходные, временные. Вопросом времени было и сохранение однопартийной системы — сама КПСС трещала по швам, быстро росли альтернативные политические объединения клубного типа.

Состоявшиеся в марте 1989 года выборы нового депутатского корпуса и первый Съезд народных депутатов СССР (май-июнь) фактически закрепили и оформили доминирование политической реформы и политических проблем над экономическими. Ход съезда и его итоги отразили

практически весь комплекс экономико-политических проблем, накопившихся в позднем социалистическом обществе, затронутом попытками его реформирования.

Прежде всего, в формировании и функционировании институтов власти произошел явный сдвиг в сторону усиления популистской составляющей при разработке и осуществлении экономической политики. Высшее руководство не могло более принимать решения, идущие явно вразрез с настроениями общественного мнения, что, естественно, вскоре должно было сказаться на характере и эффективности руководства экономикой. В стабильном демократическом обществе контроль за властью со стороны общественного мнения реализуется в основном в процессе выборов, а на текущей деятельности правительства сказывается, скорее, опосредованно, находя отражение в так называемом «политическо-деловом цикле» (political business cycle). В советском же обществе образца 1989 года, с неурегулированностью разделения властей, при высокой политической активности населения, внимательно следящего за перипетиями в коридорах власти, правительство оказывалось заложником популярности собственных текущих, каждодневных решений, не говоря уже о декларациях и решениях стратегического характера.

Более того, стал *изменяться и характер популизма*. Решения 1986–1988 годов о демократизации управления экономикой являлись популистскими по своей сути и разрушительными по своим последствиям, но принимавшие их политики были уверены в экономической эффективности подобных мер, в их жизненной необходимости и оправданности. Затем ситуация меняется. Решения съезда народных депутатов, настроения в обществе, обманутом в своих ожиданиях быстрого подъема благосостояния, обусловили курс на экспансию социальных программ. И это в условиях, когда правительство еще в 1988 году открыто признало наличие бюджетного дефицита и советское руководство приблизилось к пониманию опасности подобной ситуации¹.

¹ Точнее, ситуация складывалась следующим образом. Осознав после первых трех лет перестройки опасность дестабилизации государственного бюджета, советское

Во всяком случае в декабре 1988 года Политбюро ЦК КПСС обсуждало вопросы бюджетного дефицита и склонялось к принятию рестриктивных финансовых мер. Однако после первого Съезда народных депутатов о подобном курсе пришлось забыть. И высшие руководители сделали это с тем большим облегчением, что не хотели брать на себя ответственность за непопулярные решения.

Здесь мы подошли к другому вопросу, отчетливо обозначившемуся на Съезде народных депутатов и ставшему одной из доминант дальнейшей экономической политики. Именно тогда был в явном виде сформулирован *вопрос о социальной цене реформ*. Из экономической публицистики он был переведен в плоскость официальную. Более того, четко прозвучал тезис о неизбежности болезненного характера экономической реформы — ранее дело в лучшем случае сводилось к заклинаниям о необходимости провести реформы так, чтобы от них все только выиграли.

С этой точки зрения одним из ключевых на съезде было выступление Н. Шмелева, содержавшее основы экономической концепции развития страны по пути реформ. Он указывал на необходимость выработки ясной программы реформ и, прежде всего, скорейшего решения проблемы бюджетного дефицита, либерализации экономики и формирования на этой основе конкурентной среды для отечественных товаропроизводителей, причем подчеркивал, что предлагаемые меры будут непросты. Шла речь и о неизбежности роста внешнего долга в совокупности с предостережениями о необходимости использования золотовалютных резервов и иностранных кредитов в целях осуществления реформ,

руководство решило принять меры к ограничению дефицита, выбрав для этого стандартный путь сокращения расходов на социально-культурные мероприятия — это не затрагивало интересов никаких влиятельных групп давления. В результате в госбюджете 1989 года доля этих расходов упала на 2 процентных пункта, причем сокращение произошло не только в относительных, но и в абсолютных цифрах. В 1990 году ситуация, естественно, изменилась — социальные расходы возросли в размере, как бы компенсирующем задолженность 1989 года. И столь же естественно, что этот рост не был компенсирован никакими бюджетными сокращениями.

а не ради поддержания статус-кво¹. Однако подобные предложения решительно отменялись политическим руководством (и прежде всего, главой правительства Н. Рыжковым). С их стороны в полемике в основном использовались аргументы морального плана, которыми фактически прикрывалось отсутствие ответственной политики.

Вопрос о цене реформы отразил нарастание в стране экономического кризиса. Статистически спад производства еще отчетливо не проявился, и речь шла больше о необходимости реформ, нежели о стабилизации ситуации. О кризисе пока не говорили, но его приближение было очевидно всем — по росту товарного дефицита, по ухудшению финансового положения страны. И недаром именно в это время и прежде всего на съезде зазвучали первые предложения об осуществлении мероприятий антикризисного характера.

Сформированное в середине 1989 года новое правительство СССР в основных своих чертах являло собой классический вариант позднесоциалистического понимания реформизма. Это была своеобразная коалиция представителей ведущих хозяйственных лобби (военно-промышленного, энергетического, сельскохозяйственного) и экономистов, рекомендовавших себя прогрессивно мыслящими бюрократами (В. Павлов, С. Ситарян, В. Щербаков) или реформаторами-интеллектуалами (Л. Абалкин). Экономисты, входившие в правительство, вполне определенно характеризовали его экономическую политику. Идеологически оно не могло выйти за пределы конструкции «совершенствования хозяйственного механизма» в «планово-рыночной» его интерпретации. Практически же это должен был быть курс осторожных экономических мероприятий, оправдываемых соображениями постепенности и преемственности. В спокойной политической атмосфере такой курс вполне естественен и, возможно, даже оптимален. Однако при нарастании системного кризиса

¹ См.: Стенограммы первого Съезда народных депутатов СССР. Т. 3. М.: Политиздат, 1989. С. 48–57. Кстати, именно Н. Шмелеву принадлежит одна из первых концептуальных публикаций по проблемам осуществления радикальных и последовательных экономических реформ (*Шмелев Н.П.* Авансы и долги // Новый мир. 1987. № 6. С. 142–159).

(т. е. одновременно политического, экономического, социального, идеологического) он обрекал правительство на политику пассивного следования за событиями, «реагирования на проблемы», тогда как настало время решительных действий на опережение и предвосхищение кризисов.

Нарастание конфликтов и начало общего кризиса

Пожалуй, наиболее важной особенностью, позволяющей в концентрированном виде охарактеризовать экономико-политические процессы последних двух лет Союза ССР, является нарастание конфликтов. Они захватывали количественно и качественно все более широкие слои населения, проникали во все сферы общественной жизни. Именно формирование общей конфликтной среды явилось доминантой процесса выработки и осуществления экономической политики, основным фактором, определяющим экономическое положение страны.

Важным источником, провоцировавшим конфликт, оказалась сама деятельность Совета министров СССР летом 1989 года в совокупности с логикой системного кризиса, уже набравшего к тому времени определенный инерционный потенциал. Она определяла общие рамки и характер экономико-политических конфликтов рассматриваемого периода.

Отсутствие реального опыта функционирования демократических институтов, четкого представления о пределах полномочий органов управления, увлеченность абстрактной демократической фразеологией приводили нередко к решениям весьма экзотического свойства, имевшим тяжелые экономические последствия. В предыдущем разделе специально рассматривался ряд решений такого рода, обусловленных, по нашему мнению, верой популярного нового руководства страны в свое всемогущество. Теперь на место бывшей уверенности во всемогуществе пришла неуверенность, неготовность брать на себя ответственность за осуществление непопулярных мер, необходимость которых стала на рубеже 1989–1990 годов достаточно очевидной. Причем свою неготовность принимать подобные решения руководство СССР

попыталось прикрыть демонстрацией приверженности демократическим процедурам.

Одним из наиболее ярких и катастрофических по своим последствиям стало решение Совета министров СССР «по-советоваться с народом» относительно проведения реформы цен. Отсутствие эффективной политики доходов во второй половине 1980-х годов при сохранении государственного ценообразования и неизменности цен на большинство товаров привели к резкому дисбалансу на потребительском рынке. Необходимы были или пересмотр цен в сторону их повышения (реформа цен), или отказ от их установления государством (реформа ценообразования).

Естественно, к последнему правительство не было готово ни идеологически, ни политически. А о пересмотре цен как о готовящейся мере Н. Рыжков объявил во всеуслышание. Реакция и в хозяйственной, и в политической сферах была незамедлительной. Произошел резкий скачок спроса, и товарный дефицит в считанные дни из явления распространенного стал, по существу, тотальным. Одновременно на Совет министров СССР обрушился такой шквал критики, что пересмотр цен был отложен практически на два года (хотя экономические последствия заявления премьера требовали, казалось бы, действий, диаметрально противоположных)¹.

Другим типичным примером неустойчивости государственного курса явилась попытка ввести пятипроцентный налог на продажи. Вскоре после принятия соответствующего решения под давлением разного рода лоббистов произошло резкое сужение круга облагаемой им продукции, и соответственно он (налог) мало способствовал решению бюджетных проблем.

Подобный перечень можно было бы продолжить. Общим же выводом из всего сказанного является то, что

¹ Вот как оценивает сложившуюся в 1990 году ситуацию Ю. Семенов, занимавший тогда пост министра энергетики и электрификации СССР: «У правительства Рыжкова не хватило воли и характера, чтобы занять жесткую позицию и не отступить перед Верховным Советом, президентом, которые начали колебаться, испугались...» (Последнее правительство СССР. С. 184).

союзное правительство к началу 1990-х годов оказалось неспособным проводить эффективную и последовательную экономическую политику. Решения, которые требовала экономическая ситуация, или вообще не принимались, или в ходе практической реализации быстро сводились на нет. Причин этого было немало. Помимо явных ошибок руководства, сказывалось и довольно неопределенное положение Совета министров в системе организации и функционирования институтов власти — уйдя в значительной мере из-под опеки партийных органов, министры оказались в исключительной зависимости от тяготевших к популизму парламентариев. А ясного разграничения полномочий законодательной и исполнительной властей проведено не было. Нельзя упускать из виду и саму объективную логику развития событий: по мере крушения КПСС, демонстрации вышшим партийным руководством своей неспособностью приспособляться к изменениям наблюдалось закономерное ослабление всей исполнительной вертикали, что неуклонно снижало возможность союзного правительства воздействовать на ход политических событий¹.

На этом фоне происходило быстрое формирование цепи самых разнообразных конфликтов, которые бурно росли и множились на пространстве СССР на протяжении 1989–1991 годов. Углублялась поляризация общественных сил. Все более ясным становилось, что различные социальные группировки (далеко не сводимые к традиционному для советской официальной социологии делению на рабочий класс, колхозное крестьянство и трудовую интеллигенцию) имеют далеко не одинаковые представления о перспективах политического и экономического переустройства советской системы. Причем конфликты все более политизировались, и даже те проблемы, которые поначалу выступали как неполитические (национальные, религиозные), в этот период перестройки обнаруживали свой политический характер.

¹ «Без партии многонациональное Советское государство существовать не могло, ибо оно лишалось основного скрепляющего механизма», — замечает Н. Рыжков уже в наши дни (Последнее правительство СССР. С. 31).

Важнейшими направлениями повышения «общего уровня конфликтности» выступали рост забастовочного движения и ослабление территориально-политического единства Союза ССР. Начало массового забастовочного движения относится к лету 1989 года и по времени практически совпадает с завершением первого Съезда народных депутатов СССР. Начатые шахтерами в основном с набором экономических требований (которые, правда, вскоре дополнились требованиями политическими), забастовки быстро распространились на самые разные отрасли и сферы производства. Требования были самые различные — от повышения заработной платы и улучшения условий труда на отдельном предприятии до изменения закупочных цен на продукцию всего аграрного сектора (на этом настаивали колхозно-совхозные руководители, угрожая начать забастовку).

И хотя забастовки по своим масштабам или скоординированности действий их участников (особенно на межотраслевом уровне) не представляли особой угрозы для политической власти (исключением является, пожалуй, только забастовка шахтеров весной 1991 года), они резко дестабилизировали общую ситуацию в стране.

Одновременно происходило ослабление территориального единства и целостности страны. Межнациональные конфликты, возникшие уже в первые годы перестройки, были дополнены усилением сепаратистских настроений как в союзных республиках, так и в отдельных автономных образованиях. Тому было несколько причин, каждой из которых вполне достаточно, чтобы взорвать Федерацию, как только в ней исчезнет механизм, принудительно стягивающий ее субъектов в единое, а по сути дела — в унитарное государство.

Прежде всего, сам факт ослабления союзного центра, его неспособность преодолевать экономические сложности трансформационного процесса подталкивали республики искать выход из кризиса самостоятельно. Проблема, разумеется, не сводилась лишь к стремлению субъектов Федерации стать полноправными государственными образованиями и тем более к личным политическим амбициям их

руководителей. Непоследовательность и противоречивость курса М. Горбачева — Н. Рыжкова стала к этому времени одним из важнейших источников экономико-политической нестабильности.

Гораздо более существенным моментом было принципиально разное понимание союзными республиками (и их руководителями) перспектив экономических и политических реформ, будущего общественного устройства, которое должно прийти на смену советскому тоталитаризму. Этот конфликт отчетливо проявился уже на первом Съезде народных депутатов СССР и с тех пор продолжал лишь усугубляться. Балтийские республики стремились к формированию у себя современных рыночных демократий западного типа (еще даже до официальной постановки ими вопроса о выходе из СССР), к этому же склонялись Россия, Украина, Армения. Среднеазиатские лидеры предпочитали обеспечить сохранение неокommунистической системы с более сильной национальной компонентой. Некоторые республики не имели еще достаточно выраженной позиции. Понятно, что подобная ситуация никак не способствовала ни укреплению союзного государства, ни проведению сколько-нибудь целостной политики реформ.

Этот конфликт резко усугубился после того, как в 1990 году прошли выборы в республиканские Верховные советы. Проведенные на альтернативной основе, они дали субъектам Союза более или менее легитимные институты власти — как законодательной, так и исполнительной. Верховные советы приступили к законотворческой работе, и эта деятельность послужила мощным импульсом процессу разведения, разъединения хозяйственного законодательства отдельных участников Федерации. Одновременно союзные республики предприняли шаги по формированию собственной бюджетной системы и установлению жесткого контроля за отчислениями в союзный бюджет. Принципиальным моментом явилось вступление на путь сепаратизма России, принявшей в июне 1990 года Декларацию о суверенитете.

Процесс суверенизации союзных республик стал внешней формой проявления глубинного конфликта в области

перераспределения власти в условиях сосуществования различных ее (власти) субъектов. Советская конституция не давала четкого определения полномочий политических институтов, поскольку реально власть концентрировалась в вертикали партийных органов. С ликвидацией этой вертикали и ослаблением союзного центра возникла ситуация институциональной неопределенности. Полномочия объективно перераспределялись в пользу союзных республик. Конечно, данный процесс протекал в форме острой борьбы — как институциональной (между органами власти разных уровней), так и личностной.

В результате борьбы за власть быстро менялись «весовые соотношения» политических и экономических проблем. Политические факторы и аргументы заняли доминирующее положение, тогда как соображения экономической целесообразности отошли на задний план. Экономические процессы стали заложниками политических решений, а экономическая политика формировалась в результате политического противостояния.

Наиболее наглядно все это проявлялось в противоборстве между органами власти России и СССР. Так, в условиях быстрого роста дефицита государственного бюджета правительство СССР осенью 1990 года предоставляет госпредприятиям определенную свободу ценообразования (в пределах 50–100% преysкурантной цены), что оборачивается немедленным сужением налоговых поступлений, поскольку одной из основных статей дохода госбюджета был тогда налог с оборота как фиксированная сумма в цене на конкретный вид продукции. Увеличение цены предприятием вело к соответствующему снижению заключенного в ценах налога с оборота.

Одновременно начинается налоговая дуэль: руководители России и СССР, стремясь заручиться политической поддержкой трудовых коллективов, последовательно принимают решения о снижении ставки налога на прибыль — разумеется, в одном случае для тех предприятий, кто готов перейти под юрисдикцию России, а в другом — для тех, кто остался в ведении Союза.

Аналогичное положение было и в сельском хозяйстве. Осенью 1990 года Совет министров СССР принимает решение о повышении закупочных цен, что при растущем дефиците промышленных товаров лишь дестимулировало сельхозпроизводителей продавать свою продукцию. Правительство же России, желая опередить политического конкурента, вводит соответствующие цены раньше, чем предполагалось сделать в СССР. Естественно, это внесло заметный «вклад» в ухудшение продовольственной ситуации.

На протяжении 1990 — начала 1991 года происходило также и своеобразное перетягивание каната по вопросу, кто возьмет на себя ответственность за непопулярный пересмотр розничных цен. Союзное правительство после неудачной попытки Н. Рыжкова решить проблему «демократическим путем» стремилось сделать это совместно с субъектами Федерации, от чего последние категорически отказывались. (Особым образом складывалась ситуация в Балтии.)

В ряде республик начинается разработка собственных экономических программ, альтернативных концепциям и заявлениям союзного правительства. Одобренная российским Верховным Советом программа «500 дней» явилась лишь одним, хотя и наиболее ярким эпизодом «войны программ», которая велась между союзным центром и руководством ряда республик на протяжении 1990–1991 годов. В одних случаях «война программ» стала, прежде всего, формой политического противоборства (как это было с той же программой «500 дней») и дело не доходило до принятия реальных мер в области экономики. Но в других случаях институты власти союзных республик приступали к осуществлению экономических решений, порывающих с практикой союзного правительства и правительств других субъектов Федерации. Это наглядно свидетельствовало, что республики Союза не только ориентировались на различные целевые установки своего развития, но и по-разному видели пути преодоления кризисных явлений в экономике.

Особенно наглядно это демонстрировали в 1990–1991 годах прибалтийские республики. После формирования в 1990 году новых органов власти они взяли курс на осуществ-

вление реформ либерального типа. Были предприняты шаги по направлению к свободному ценообразованию, начаты процессы приватизации. Причем именно этим правительствам был наименее свойственен уклон в сторону популизма. (Например, летом 1991 года минимальный уровень зарплаты был установлен в Белоруссии в размере 265 руб., а в Эстонии с ее гораздо более высокими ценами — 250 руб.) Политика финансовой стабилизации явно ставилась во главу угла в системе экономических приоритетов Балтии.

Неопределенные позиции занимало руководство России. С одной стороны, оно стремилось обеспечить быструю разработку новой законодательной базы. В частности, летом 1991 года были приняты законы РСФСР о приватизации, о собственности, об иностранных инвестициях (хотя темпы разработки нередко отражались на качестве принимавшихся документов). С другой — сильны были здесь и настроения популизма, во многом объяснявшиеся комфортностью положения российских органов власти: когда подавляющая часть народного хозяйства оставалась в союзной компетенции, российские политики, хотя и ощущали недостаток власти, но вполне могли восполнить его возможностью набирать очки в общественном мнении за счет жесткой (и нередко справедливой) критики союзного правительства.

В настроениях же руководителей большинства республик доминировал отчетливо выраженный популизм. Особенно заметно это было там, где республиканская власть не воспринималась населением как вполне легитимная и оттого ощущала неустойчивость своего положения.

Итак, к началу 1990-х годов Советский Союз оказался опутанным сетью конфликтов, сопровождавшихся обстановкой быстро прогрессирующей политической неопределенности. И одновременно (а отчасти и вследствие политической неопределенности) страна явно вошла в полосу кризиса. В 1990 году обсуждавшаяся в экономических и политических кругах проблема поиска путей осуществления реформ трансформируется в дискуссию о преодолении кризиса. По сути, вопрос все чаще ставится так: зашла ли страна в тупик и для выхода из него надо попытаться вернуться назад или

же это масштабный кризис, преодоление которого возможно лишь при движении вперед, посредством проведения решительных и последовательных реформ.

Попытка консервативной стабилизации

Нараставшие кризисные явления острее всего сказывались, естественно, на положении союзного руководства. Оно в первую очередь стало заложником кризиса. Именно оно и попыталось предпринять решительные шаги, способные переломить тенденцию нарастания кризиса.

На рубеже 1990–1991 годов происходила перегруппировка сил в высших эшелонах власти СССР. На место Совета министров пришел непосредственно подчиненный президенту СССР Кабинет министров во главе с В. Павловым. В руководстве страной происходит укрепление позиций деятелей, известных своими консервативными экономико-политическими взглядами (борьбой против нарождавшегося негосударственного сектора в экономике, жесткой позицией в отношении демократических процессов). Как правило, это были представители нового поколения политиков, не связанных с обновленческими иллюзиями первых лет перестройки, но зато имевших прочные связи с бюрократической номенклатурой регионов или военно-промышленным комплексом.

Политические приоритеты определились довольно быстро. Фактически была сделана попытка силовыми методами (или угрозой применения силы) законсервировать или даже несколько вернуть назад политическую ситуацию. Речь шла не о восстановлении традиционного социализма, а о том, чтобы «навести порядок» и на этой почве провести ряд экономических мероприятий стабилизационного характера. Отчетливой программы действий, пожалуй, не было ни у кого. Было лишь ясное желание — остановить развал. Причем в рамках политического курса, который можно определить как *консервативно-стабилизационный*¹.

¹ Собственно, это была попытка «китаизировать» реформы — заморозить политические реформы и осуществлять осторожные шаги по внедрению элементов рыночных отношений в советское народное хозяйство.

С одной стороны, союзное руководство попыталось остановить центробежные тенденции, которые явно вели к распаду СССР. В начале 1991 года союзные власти провели силовые акции в Прибалтике, призванные продемонстрировать готовность к жестким и решительным действиям. В заявлениях М. Горбачева зазвучали не свойственные ему ранее угрожающие интонации.

По сути, руководство вставало на путь классического цикла экономико-политического развития социалистической страны. Однако было уже поздно. Партийная вертикаль была если не окончательно разрушена, то, во всяком случае, полностью дискредитирована. Общественные движения (включая забастовочные) были на подъеме. У субъектов Федерации появились легитимные органы власти¹.

Всеобщее неприятие курса силовых акций заставило Горбачева отступить, и с мая 1991 года начался переговорный процесс между руководителями девяти республик и СССР об основах формирования нового Союза (так называемый Ново-Огаревский процесс). Вместе с тем неучастие в этом процессе ряда субъектов Федерации означало фактическое признание их возможности покинуть Союз.

С другой стороны, Кабинет министров попытался продемонстрировать жесткость своей экономической политики. Курс, взятый В. Павловым, свидетельствовал о влиянии ВПК, склонного к силовым методам решения хозяйственных и политических проблем, более других секторов заинтересованного в укреплении госсобственности в противовес альтернативной экономике, слабо зависящего в своей производственной деятельности от внешнеэкономических связей. В программном интервью премьера² в качестве

¹ Одновременно была предпринята попытка оказать экономическое давление на прибалтийские государства, используя в качестве рычага зависимость последних от поставок энергоресурсов извне. Однако из этого также ничего не вышло, причиной чего была сама логика функционирования экономики в условиях кризиса и отсутствия стабильной валюты. Происходила быстрая бартеризация экономических отношений (т. е. не работали ни рубль, ни приказ), и никакие указания центра не могли остановить производителей (или обладателей) различных видов продукции обмениваться ею между собой, причем в массовых масштабах.

² См.: Труд. 1991. 12 февраля.

первоочередных задач правительства выдвигались усиление центральной власти, развитие тяжелой промышленности, ее форсированная модернизация самим государством, проведение «малой» приватизации на основе единой общегосударственной собственности, сохранение в основном коллективного землепользования в сельском хозяйстве. Одновременно он обвинил ряд частных банков Швейцарии, Австрии и Канады в стремлении дестабилизировать политическую ситуацию в СССР, еще более снизить курс рубля и затем скупить по низким ценам значительную часть отечественных средств производства. В официальных заявлениях вновь появились рассуждения о необходимости защиты страны от происков международного капитала. Президент своим указом санкционировал прямое вмешательство органов МВД и КГБ в хозяйственную деятельность предприятий (включая совместные) на территории СССР. Все это резко ограничило интерес зарубежных партнеров не только к инвестиционной, но и к торговой деятельности с Советским Союзом.

Суть нового курса в экономической политике состояла в поддержке и укреплении традиционных государственных хозяйственных структур, сосредоточении в руках государства финансовых и материальных ресурсов, чтобы, используя традиционные для советской системы инструменты, обеспечить преодоление кризиса и технологический прорыв в некоторых ведущих отраслях народного хозяйства. Альтернативные экономические структуры здесь остаются на второстепенных ролях, и их активное включение в хозяйственный процесс в лучшем случае переносится в будущее.

Весьма важным было состоявшееся решение о пересмотре розничных цен. Прежде всего, оно имело политическое и психологическое значение: это было первое за несколько десятилетий решение об изменении практически всех цен, что нанесло удар по традиционному советскому менталитету, ориентированному на стабильность цен.

Наконец, в деятельности Кабинета министров явно проявилась тенденция, которая в будущем станет одной из определяющих, — концентрация власти в руках исполнительных институтов за счет представительных органов с дальнейшей

ее персонификацией. В июне 1991 года В. Павлов потребовал у Верховного Совета фактически чрезвычайных полномочий для проведения стабилизационной политики.

Однако все попытки союзного руководства перевести развитие на рельсы консервативной стабилизации не приводили к сколько-нибудь ощутимому результату. Центробежные процессы приобрели инерционный характер, а консервативные меры ассоциировались в общественном мнении с возвращением к доперестроечным временам, что было тогда крайне непопулярно.

Законодатели воспротивились передаче Кабинету министров особых полномочий. Более того, явственно обнаружилась своеобразная дихотомия союзных институтов власти: в то время как правительство стремилось притормозить процессы системных преобразований, Верховный Совет СССР работал над целым рядом законодательных актов, призванных создать правовую базу формирования и функционирования рыночных структур (законопроекты о приватизации, о предпринимательстве, новые Основы гражданского законодательства и т.д.). И он не был готов ни к отказу от части своих полномочий, ни к пересмотру своей законотворческой программы.

Не дала желаемого эффекта и попытка стабилизации ситуации на потребительском рынке путем пересмотра цен. Острота проблемы «денежного навеса» была лишь ненадолго ослаблена. Обратной стороной повышения цен стало ускорение накачивания экономики деньгами. Началась волна компенсаций роста цен как на союзном, так и на республиканском уровнях.

Более того, повышение цен стало точкой легализации уже начавшихся к тому времени процессов проедания производственных фондов предприятиями. Кабинет министров разрешил использовать часть средств фондов развития на компенсацию роста цен, а ряд предприятий Минска при помощи забастовки добился права использовать для этих целей определенную долю амортизационных отчислений. Это был верный признак перехода экономического кризиса в стадию распада хозяйственной системы.

Хотя само решение о повышении цен было единообразным и централизованным (этого хотели сами республики, желая снять с себя ответственность за непопулярные решения), оно означало существенное расширение компетенции республик в осуществлении ценообразования, особенно на потребительские товары.

Неудача попыток осуществления консервативной стабилизации в рамках существующего правового пространства толкнула часть руководства Союза ССР на принятие чрезвычайных мер, вылившихся в попытку государственного переворота 19–21 августа 1991 года. Характерной особенностью путча была не только нерешительность его лидеров, но также практически полное отсутствие социалистической терминологии в их заявлениях и документах. Акцент делался на достижении стабилизационных целей. Хотя сама экономическая программа, как она была официально заявлена 19 августа, была предельно популистской и нереализуемой на практике.

Провал августовского путча привел к фактической ликвидации союзных органов власти и, следовательно, СССР как целостного государства. Занявший место правительства Межгосударственный экономический комитет (МЭК) не имел властных полномочий. Единственно, чем он мог заниматься, так это дележом наследства Союза между его субъектами. В рамках МЭК была предпринята попытка выработки и подписания Экономического соглашения между республиками. Но обилие взаимных претензий республик друг к другу, с одной стороны, и разнонаправленность их экономико-политических целей — с другой, делали подобный договор нереализуемым. Кроме того, проект соглашения, выработанный под руководством заместителя председателя МЭК Г. Явлинского, отличался предельной абстрактностью (да иным он быть и не мог) и предполагал заключение вслед за ним нескольких десятков соглашений по конкретным вопросам. А это было уже в принципе нереально, так как следовало согласовать позиции десяти весьма различных участников переговоров в кратчайшие сроки.

Однако для этого не было не только политических возможностей, но и времени. Страна приближалась к катастрофе. Потребительский рынок был полностью разрушен. Население городов испытывало трудности с продовольствием. Нарастали проблемы энергоснабжения, что грозило быстрым обвалом производства и нехваткой тепла для населения в условиях приближающейся зимы.

Складывающаяся ситуация требовала принятия экстренных мер. Ответственность за них взяла на себя Российская Федерация и лично ее президент в ноябре 1991 года. Страна (или точнее, государства, объединенные в рамках СССР) вступала в новую фазу своего экономического и политического развития.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Путь России из коммунистической системы, из коммунистического XX столетия еще долго будет оставаться предметом теоретических дискуссий и политических баталий. Что предопределило саму неизбежность резкого разрыва с коммунистическим прошлым? Каковы были ошибки и достижения на этом пути? Каких опасностей удалось избежать и, напротив, почему случилось многое из того, что случилось?

Ответить на данные вопросы непросто уже в силу их чрезвычайной политизации. Из многочисленных вариантов действий, из многочисленных вариантов экономической политики на практике реализуется только один, и сторонники всех оставшихся нереализованными вариантов становятся естественными участниками острых дискуссий о том, что «иначе было бы лучше». Однако, как нам представляется, в первую очередь необходимо понять, в какой мере

обусловленным было развитие событий именно по данному пути и были ли у других вариантов шансы реализоваться.

Конечно, самым простым объяснением происходивших событий является ссылка на исключительную мудрость (или, наоборот, исключительную глупость) находящихся у власти правителей. Рассуждения типа «Горбачев не смог», «Ельцин не понял», «Гайдар недооценил», «Чубайс обманул» мало чем отличаются по своей сути от сентенций «Горбачев начал реформы», «Ельцин защитил демократию», «Гайдар спас от голода», «Чубайс победил коммунизм». Такого рода подход свидетельствует об отказе от попыток фундаментального анализа проблем посткоммунистической трансформации.

Более значим сравнительный анализ опыта посткоммунистического перехода, осуществляемого почти тремя десятками стран Европы и Азии. Однако какой опыт здесь показателен? И до какой степени применимы методы компаративистики к посткоммунистическим преобразованиям? Предмет дискуссий последнего десятилетия так или иначе сводился к противопоставлению польской и китайской моделей. Но и в контексте этих дискуссий не удалось четко сформулировать, в чем же состоит специфика именно российского пути и соответственно, насколько допустимо использование опыта других стран — если не для выработки конкретного плана действий, то хотя бы для оценки возможных альтернатив и результатов.

По нашему мнению, принципиальной особенностью развития России последнего десятилетия является революционный характер осуществляемых здесь сдвигов. Этот вывод имеет в данном случае не политическое, а методологическое значение. Как свидетельствует исторический опыт революций, преобразования такого типа характеризуются рядом важных особенностей, без учета которых практически нельзя ни представить реальную картину преобразований, ни оценить возможные (а не просто желательные) альтернативы развития событий.

Движение России из коммунизма может быть рассмотрено сквозь призму базовых особенностей революционной трансформации как таковой. Революционный характер перемен предопределяет не только их глубину и радикальность, но и наличие некоторых специфических закономерностей

трансформации, специфику тренда развития социально-политических и экономических событий в эпоху революции.

Революция и государственная власть

Революция как способ трансформации общественно-экономической системы характеризуется следующими главными признаками.

Во-первых, системный характер преобразований, их глубина и радикальность. Революционные изменения связаны всегда с глубокими изменениями в отношениях собственности, не говоря уже о глобальном обновлении социально-политической структуры общества. Однако не любые системные изменения в истории отдельных стран могут рассматриваться как революции. Сильное правительство может осуществлять глубокие, радикальные преобразования, имеющие в перспективе, несомненно, революционные последствия, но остающиеся, по сути своей, реформой (иногда говорят «революция сверху»). Примерами здесь являются «реставрация Мэйдзи» в Японии и реформы Бисмарка в Германии. Радикальные, системные изменения могут происходить и в результате поражений в войнах и иностранной оккупации (как, скажем, в Пруссии после наполеоновских войн или в Японии и Германии после Второй мировой войны).

Впрочем, глубину преобразований, происходящих в ходе революции, не следует и переоценивать. Радикальными приносимые революцией изменения представляются обычно лишь потомкам. А большинством современников общество, выходящее из революционных катаклизмов, воспринимается, скорее, как пародия на старый режим, нежели как принципиально новое слово в развитии данной страны. Ряд исследователей подчеркивают, что революция решает задачи, которые могут быть решены и без нее, но делает это с гораздо большими издержками¹. Иногда в качестве критерия революционности

¹ Одним из первых это проанализировал А. Токвиль (*Токвиль А. Старый Порядок и Революция*. М.: Московский философский фонд, 1997). Более подробно эти вопросы рассмотрены в книге: *Hirschman A. The Rhetoric of Reaction: Perversity, Futility, Jeopardy*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1991.

рассматривается радикальность смены элит. Но при детальном изучении революций прошлого выясняется, что представления о радикальности этого процесса сильно преувеличены в общественном сознании потомков¹.

Во-вторых, революционная трансформация обусловлена внутренними кризисными процессами в стране. Она не может быть навязана извне. Это предопределяет конкретную политическую и идеологическую среду революции, когда вместе с разрушением государства рушатся и казавшиеся незыблемыми ценности (будь то святость монархии, единство нации или мессианская роль мирового коммунизма). Поэтому национально-освободительные движения, как правило, не являются революциями — в них всегда имеется идейно-политический стержень, служащий важнейшим фактором объединения разрозненных сил нации. Хотя сказанное не отменяет того, что задачи национального освобождения могут также решаться в рамках отдельных революций.

В-третьих, слабое государство. Революция характеризуется отсутствием сильной политической власти, способной контролировать ход системных преобразований. Именно слабость власти предопределяет нарастание в революционном обществе стихийности осуществления социально-экономических процессов, с одной стороны, и появление по этой причине некоторых закономерностей революционной трансформации — с другой². Последний фактор критически важен. На самом деле именно кризис и последующий за ним распад государственной власти делают практически

¹ См., например: *Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley: University of California Press, 1991. P. 296.

² Приведенная здесь интерпретация может вызвать ряд возражений как не учитывающая отдельные характеристики, которые принято считать неотъемлемыми чертами всякой революции. Прежде всего, это насилие, а также наличие стихийного массового движения и радикальность смены элит. Данный вопрос заслуживает особого рассмотрения, здесь же мы обратим внимание только на два момента. Насилие, безусловно, наличествует во всякой революции, однако всегда возникает вопрос: какова мера насилия, «достаточная» для того, чтобы трансформация могла быть определена как революционная. Словом, критерияльная роль этого момента является весьма ограниченной. Весьма специфичен и критерий массового неорганизованного движения — его обычно выводят из опыта революций в странах с преобладающим крестьянским населением, потенциал которых в основном исчерпался к началу XX века.

неизбежным трансформацию общества по революционному (а не реформистскому) типу. Радикализм революционной ломки набирает силу и приобретает стихийный характер тогда, когда власть оказывается неспособной контролировать и направлять развитие событий¹.

Причем можно выделить два основных фактора, обуславливающих резкое ослабление государства накануне и в ходе революции. Одна причина — глубокий финансовый кризис. Он возникает, когда власть по тем или иным причинам лишается традиционных источников поступлений в бюджет и/или происходит резкое увеличение расходов бюджета. Первое может быть связано с тем, что доходы начинают концентрироваться в новых секторах экономики и налоговая система не успевает адаптироваться к меняющимся условиям. Второе происходит при усилении внешних и внутренних факторов давления на существующий режим, при значительном росте расходов, служащих в данную эпоху необходимыми атрибутами сильного государства. (Скажем, таким фактором выступает резкое возрастание военных расходов — или в форме «удорожания войны», характерной для Европы XVII столетия, или в форме качественно нового витка гонки вооружений в 1970–1980-х годах) Однако ослабляющий государство финансовый кризис еще не делает революцию неизбежной. Если власть оказывается способной с ним справиться, то дело, как правило, ограничивается реформами той или иной масштабности и глубины.

Другой причиной ослабления государства является фрагментация социальной структуры предреволюционного общества, в результате чего власть становится неспособной формировать и сохранять устойчивые коалиции социальных сил в поддержку своего курса — прежде всего курса,

¹ К любой великой революции применима характеристика Франции конца XVIII столетия, данная Ф. Фюре: «Революционная волна 1789–1794 годов, хотя и была поднята и направлялась группами, впоследствии пришедшими к власти — вначале шедшими с этой волной, — на самом деле не контролировалась никем, так как включала в себя слишком много противоположных целей и интересов (*Furet F. Interpreting the French Revolution. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P. 124*).

нацеленного на преодоление финансового кризиса (причем в данном случае неважно, курса реформистского или реакционного). В предреволюционных обществах происходит заметное усложнение социальной структуры, возникает размежевание внутри традиционных классов и групп интересов, на традиционную структуру общества накладываются новые социальные явления и процессы.

Исторический анализ показывает, что превращение общества в «лоскутное одеяло» характерно для предреволюционной ситуации в любой стране. В результате государственная власть теряет ориентиры и опорные точки своей политики, и то, что еще недавно приводило к укреплению режима, теперь ослабляет его. Любая попытка реформ и преобразований еще более усиливает недовольство существующим режимом, поскольку в условиях фрагментации общества коалиция «против» обычно оказывается больше коалиции «за». Постепенно, но неуклонно разрушается консенсус относительно базовых ценностей и принципов развития данной страны. Теряя социальную опору, власть начинает «метаться», еще более подрывая свой авторитет.

Общество распадается на множество противоборствующих и одновременно пересекающихся группировок (социальных, территориальных, этнических) со своими политическими и экономическими интересами, причем никакое правительство не способно предложить политический курс, который обеспечивал бы консолидацию и соответственно поддержку сколько-нибудь значимого большинства.

Слабость государства проявляется в целом ряде особенностей развития революционного общества — особенностей, достаточно типичных для любых революций, в какую бы эпоху они не совершались. Среди наиболее универсальных проявлений слабости государственной власти можно выделить следующие:

— постоянные колебания экономического курса. Революционная власть находится под постоянным давлением с различных сторон, и, чтобы выжить, ей нужно беспрестанно маневрировать между разными силами и группами интересов;

— множественность центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе. «Двоевластие» — термин, вошедший в отечественную политическую лексику после Февральской революции 1917 года, — на самом деле характерная черта любой великой революции. Центров власти может быть и несколько. Причем предельным, хотя и не единственным типом конкуренции между центрами власти, является гражданская война;

— отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре после начала революции оказываются разрушенными, а новые еще только предстоит создать. В результате функции политических посредников могут выполнять самые разнообразные, стихийно возникающие организации и институты;

— соответственно отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся «правил игры». Процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными. Принятые решения далеко не всегда исполняются, а даже когда исполняются, трактуются весьма субъективно. Высказывание Робеспьера о том, что конституция революции — это соотношение социальных сил, оказывается актуальным при любых революционных катаклизмах.

Посмотрим теперь, присущи ли перечисленные особенности революционного процесса современной России. Глубокий, системный характер российских преобразований обычно не подвергается сомнению. России пришлось решать сложнейший комплекс задач: практически одновременно осуществлять коренные изменения в отношениях собственности и проводить соответствующие институциональные преобразования, радикально менять конституционно-политическое устройство страны, трансформировать доставшуюся в наследство от индустриализации структуру народного хозяйства, осуществлять макроэкономическую стабилизацию.

Задачи по проведению в жизнь различных элементов реформ уже решались рядом государств. Странам Латинской Америки приходилось осуществлять стабилизацию и политические реформы. Израиль проводил стабилизационные мероприятия вместе со структурной трансформацией своей

экономики. Китай реализует глубокие структурные реформы и отчасти реформу отношений собственности без решения политических и стабилизационных задач. Но по комплексности и многообразию проблем ситуации в России трудно найти аналогии. Ближе всего к ней находятся страны «посткоммунистического лагеря», однако и здесь все не так просто.

Россия и отчасти Украина и Белоруссия, близкие ей по типу трансформации, существенным образом отличаются от других посткоммунистических стран тем, что здесь ликвидируется социально-экономическая система, порожденная когда-то их собственными особенностями и противоречиями развития, а не навязанная извне. В известном смысле путь из коммунизма стран Центральной и Восточной Европы, а также некоторых республик бывшего СССР может быть уподоблен освобождению от внешней оккупации, что во многом сродни национально-освободительным движениям. Вряд ли кто-то выразит несогласие с тем, что коммунизм был навязан этим странам извне и оставался для них в значительной мере искусственным¹.

Наконец, ключевую роль в понимании реальных рамок осуществляемого социально-экономического курса, осознании пределов возможного для власти, оценке реализованного и упущенного играет фактор слабого государства. Это тем более важно, что применительно к современной России вывод о слабости государственной власти вызывает существенные сомнения по ряду очевидных причин.

Известно, что власть в СССР отличалась исключительной стабильностью и силой, способностью навязывать свои интересы как собственному народу, так и многим зарубежным странам. В результате общественное мнение страны было склонно, скорее, переоценивать возможности своего государства, чем недооценивать их. Кроме того,

¹ Одним из свидетельств в пользу тезиса об искусственности коммунистического режима, навязанного странам Центральной и Восточной Европы, может быть тот факт, что со снятием угрозы советского вмешательства эти страны достаточно легко восстановили свои конституции докоммунистического периода. То есть был как бы восстановлен естественный процесс, искусственно прерванный несколько десятилетий назад.

с конституционно-правовой точки зрения правительство (или, если угодно, «исполнительная вертикаль») не только в СССР, но и в посткоммунистической России было и остается чрезвычайно мощным, обладая правами, значительно превосходящими полномочия других демократических, а формально — и не только демократических стран¹.

И все-таки государственная власть России конца 1980–1990-х годов была и остается слабой. Поразивший страну тяжкой финансовый кризис (прежде всего связанный с падением мировых цен на нефть, но не только с ним) существенно сузил поле возможного маневра коммунистических властей². На фоне финансового кризиса дало о себе знать усложнение социальной структуры советского общества, все дальше уходящего от традиционной индустриальной иерархической структуры. Быстро формировались новые группы интересов, возникали противоречия между ними. На естественное для централизованной индустриальной экономики расхождение интересов отдельных отраслей накладывался конфликт между рентабельными и нерентабельными предприятиями в рамках одной отрасли. Усиливалась дифференциация интересов отдельных союзных республик и регионов. Назревал конфликт между окрепшей региональной и центральной (союзной) политической элитой. Начался раскол внутри самой номенклатуры как реакция на чрезмерную стабильность кадровой политики 1970-х — начала 1980-х годов, когда движение кадров было практически заморожено. Все это создало исключительно конфликтную и потенциально малоуправляемую социальную среду.

¹ Сила и жесткость власти в СССР, устойчивость советской политической системы создали видимость ее незыблемости не только среди отечественных обществоведов (что вполне естественно), но и у значительной части западных аналитиков. Возможность радикальных сдвигов, революционных потрясений большинство исследователей связывали со слаборазвитыми или среднеразвитыми странами Азии и Африки, но никак не с Советским Союзом. Именно так оценивал ситуацию и перспективы ее развития, например, С. Хантингтон, выделяя СССР и США как страны наиболее устойчивого, наиболее стабильного типа (см.: *Huntington S. Political Order in Changing Societies*. New Haven: Yale University Press, 1991). Это стало своеобразной методологической традицией, которая в дальнейшем воспроизводилась в работах многочисленных авторов — политологов, экономистов, да и собственно советологов вплоть до 1989 года.

² См.: *Гайдар Е.* Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1996. С. 161–173.

Революционный экономический кризис

Слабость государственной власти оказывает непосредственное и многообразное влияние на ситуацию в экономике революционной страны. В общем виде она ведет к возникновению и развитию «революционного экономического кризиса», сохраняющегося на протяжении примерно пятнадцати лет и являющегося естественным следствием продолжительного политического кризиса (кризиса власти). Это — кризис, сопровождающий глубокую трансформацию общественной системы и находящийся с этой трансформацией в органической взаимосвязи.

С одной стороны, логика развития революции, как правило, подталкивает к принятию неэффективных экономических решений, обусловленных в конечном счете самим фактом слабости государственной власти. Множественность социальных группировок, противоположность их экономических интересов, их возможность непосредственно влиять на власть лишь усиливают неустойчивость проводимого курса, выступающую как самостоятельный фактор экономического кризиса.

С другой стороны, сам экономический кризис становится естественным механизмом постоянного воспроизводства политического кризиса. Ни одно правительство не оказывается способным сформировать опирающийся на консенсус экономико-политический курс и соответственно обеспечить консолидацию большинства общественных сил страны. Такая ситуация не может не дискредитировать власть в глазах общественного мнения и быстро приводит к лишению ее поддержки (моральной и политической). Выход из революционного экономического кризиса оказывается тем самым особой и весьма сложной политической проблемой.

Исторический опыт позволяет выделить ряд общих черт, характерных для революционного экономического кризиса. Практически все возникающие здесь проблемы в полной мере проявились уже в периоды Английской революции середины XVII века и Великой французской революции конца XVIII века. В дальнейшем в разных странах и при различных

обстоятельствах (в России, Мексике, Китае, Иране и т.п.) закономерности революционного процесса продемонстрировали явную устойчивость в своих принципиальных чертах.

Как мы уже отмечали, революция всегда характеризуется острым финансовым кризисом. Практически все революции начинались с кризиса государственных финансов, который в дальнейшем практически неизбежно приводил к разрушению финансовой системы страны. Финансовый кризис выступал важнейшим фактором падения «старого режима», а также в значительной мере предопределял политические конфликты и последовательное падение правительств по ходу развития революции.

Исторический опыт свидетельствует о существовании двух возможных вариантов возникновения и развития финансового кризиса революции. Один связан с резким возрастанием финансовых потребностей существующей власти и ограничением источников финансирования государственных расходов. Типичным примером такого рода развития событий является Англия второй половины 1640 года, когда обострение внутренних конфликтов потребовало значительного роста государственных доходов, который оказался невозможным в сложившихся политических обстоятельствах (имеются в виду претензии короны на беспарламентское правление и особенно произвольное введение налогов). Финансовый кризис, как сначала представляется, носит краткосрочный характер, однако возможности его преодоления оказываются суженными из-за ограниченности авторитета (легитимности) политического режима. Для решения финансовых проблем правительство ищет новые формы легитимизации, пытается опереться на дополнительные источники властного авторитета, что только приводит к «размыванию» власти, возникновению и упрочению конкурирующих друг с другом центров власти. Полицентризм власти способствует лишь усугублению экономических проблем и началу длительного финансового и экономического кризиса.

Другой вариант связан с постепенным вращением «старого режима» в финансовый кризис, который уже до начала революции приобретает устойчивый, затяжной характер.

Кризис, связанный с неэффективностью существующей политической и хозяйственной системы, ведет к параличу власти, которая, как и в первом случае, пытается найти и задействовать новые источники легитимности, а они оказываются самостоятельными и конкурирующими центрами власти. Далее события развиваются по первому сценарию. Типичным примером подобного развития событий является революционная Франция конца XVIII столетия.

Финансовый кризис как кризис государственных доходов приводит, естественно, к резкому и еще большему ослаблению политической власти, причем не только «старого режима», но и возникающих новых революционных правительств — от умеренных до радикальных (последовательно сменяющих друг друга на протяжении революции). Революционное правительство — это всегда бедное правительство, для которого поиск денег для поддержания своего существования играет первостепенную роль.

Утрата финансовой базы, как правило, обусловлена двумя факторами. С одной стороны, резким сужением возможностей государства собирать налоги. Кризис власти, ее делегитимизация рано или поздно (обычно довольно быстро) подрывает способность правительства собирать налоги. «Отказ платить налоги является устойчивой характеристикой революционного периода»¹. Такое развитие событий может получить идеологическое и даже «научное освящение» — например, декларация об отмене налогов в 1789 году во Франции опиралась на учение физиократов (земля как единственный источник богатства)², а разрушение государственных финансов и налоговой системы России 1918–1920 годов

¹ *Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1990. P. 51.*

² Широкое признание существовавшей налоговой системы предельно несправедливой обернулось уже в первые месяцы Великой французской революции потерей контроля со стороны центрального правительства за поступлением налогов в казну. В этой ситуации властям ничего не оставалось, как официально закрепить ликвидацию налогов в качестве инструмента «старого режима». Хотя такое решение соответствовало теоретическим взглядам вождей Национального собрания, по существу, шаг этот был вынужденным и в полной мере отражал слабость режима. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что власти отказались от попыток собрать даже единственный признаваемый справедливым налог — земельный.

интерпретировалось как результат естественного процесса «отмирания денег». Однако, какими бы ни были декларируемые мотивы, существо самого факта остается неизменным и сводится к принципиальной неспособности революционной власти получить у страны деньги¹, и тем более деньги в достаточном для ее укрепления объеме.

С другой стороны, революционные потрясения неизбежно связаны со значительными структурными сдвигами в народном хозяйстве. Происходят изменения в структуре спроса, а за ними следуют изменения в занятости. Все это оказывает влияние на общую экономическую ситуацию в стране, причем в краткосрочном плане оно является негативным, поскольку при подобных сдвигах разрушаются традиционные источники доходов государства. Старых источников доходов уже нет, новые пока не найдены. Еще более ослабевает власть, еще более обостряется социально-политическая борьба.

Находясь в условиях жестокого кризиса, революционная власть в первую очередь озабочена проблемами своего выживания (а для многих деятелей революции речь идет о выживании в буквальном, физическом смысле слова) и при благоприятном развитии событий — упрочения. Отсутствие сложившихся механизмов и рычагов управления, сколько-нибудь устойчивой политической структуры, сколько-нибудь сложившейся вертикальной системы организации власти обуславливает необходимость постоянно изыскивать «нетрадиционные» способы укрепления своего положения, источники средств для победы над внутренними и внешними врагами.

При всем многообразии проблем, встающих перед революционным правительством, две из них являются жизненными, ключевыми, по отношению к которым все остальные занимают явно подчиненное положение — где взять деньги и как обеспечить коалицию социально-экономических сил

¹ Известно, что в бюджетах революционных правительств налоговые поступления составляли мизерную долю, колеблясь от 2 до 15% от общей суммы доходов (Далин С. Инфляция в эпохи социальных революций. М.: Наука, 1983. С. 56; Harris S. The Assignats. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1930. P. 51).

(групп интересов), минимально необходимую для удержания у власти. Более того, две названные проблемы, строго говоря, взаимодополняемы, очень близки, хотя и не тождественны. Действительно, при наличии денег можно сформировать и проправительственную коалицию. А формирование более или менее устойчивого блока социально-политических сил делает более реалистичной возможность решения финансовых проблем¹.

Необходимость разрешения этих вопросов предопределяет рамки практической деятельности революционных правительств, принимаемые ими политические решения и практические шаги. Задача сохранения власти доминирует над любыми идеологическими схемами и декларациями, какими бы «теоретически обоснованными» (на поверхности) не выглядели построения и обещания приходящих к власти партий и группировок. Причем все сказанное в полной мере относится и к тем, кого принято считать радикалами, захватывающими власть на определенной фазе в любой «полномасштабной революции».

Поскольку революционная власть, как правило, не в состоянии собрать налоги, поиск «нетрадиционных» источников денег оказывается в центре ее внимания. Таких источников в принципе может быть множество (включая патронируемое государством морское пиратство и военные действия против соседних стран для получения контрибуций²), однако два из них являются основными. Во-первых, использование государственной монополии на чеканку (печатание) денег и соответственно инфляционный налог. Во-вторых, манипуляции с собственностью (прежде всего, разумеется, с недвижимостью).

Впрочем, и эти два механизма тесно взаимосвязаны. Первые выпуски бумажных денег (французские ассигнаты)

¹ На самом деле взаимосвязь финансовых и социальных проблем революции не столь проста. Поскольку социальная структура революционного общества является исключительно подвижной, неустойчивой, «социальное поле» революционного правительства также находится в состоянии постоянного изменения. Это означает, что ни финансовые, ни социальные проблемы не могут быть решены сколько-нибудь основательно, фундаментально.

² См.: Далин С. Инфляция в эпохи социальных революций. С. 41–43.

были обеспечены земельными ресурсами из государственного (национализированного) фонда. И, напротив, свидетельства на получение в будущем конфискованных земельных наделов в Англии 1650-х годов использовались как средство платежа солдатам революционной армии.

Первый путь — инфляционный механизм финансирования революции — впервые был опробован в массовом масштабе во Франции 1790-х годов. Здесь неспособность собирать налоги привела к тому, что выпуск ассигнатов стал важнейшим источником финансирования нового режима. Опасения некоторых политиков относительно такого способа финансирования революции были отвергнуты с простым объяснением: то, что могло угрожать при тирании, будет благотворным при новой власти, существующей и действующей в интересах народа¹. Ассигнаты обеспечивались недвижимостью — земельными ресурсами (церковными, затем королевскими и конфискованными у аристократии), подлежащими распределению среди революционных масс. Первоначально они рассматривались как свидетельства государственного долга и должны были использоваться для покупки недвижимости у государства. Однако по мере нарастания финансового кризиса революционные правительства все более активно использовали их в роли бумажных денег.

Инфляционное финансирование государственных расходов повлекло за собой стандартную (но тогда еще неизвестную) цепочку экономических последствий. Увеличение предложения бумажных денег вызвало быстрый рост цен. Правительство ответило на это введением принудительного курса, в результате чего торговцы стали отказываться принимать бумажные деньги вообще и требовали металлические. Тогда правительство приняло решение о государственном регулировании цен (установление «максимума») и запрете использования металлических денег, что должно было также поддержать курс ассигната. Нарушителям грозила смертная казнь.

¹ См.: *Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation*. P. 73.

Последствия вновь оказались стандартными — с прилавков исчезли товары, страна (и прежде всего города) столкнулась с угрозой голода. В дополнение к смертной казни за укрывание продуктов питания были введены запрет на вывоз потребительских товаров и фактическая государственная монополия на ввоз продовольствия. Однако и это не решало проблем, поскольку внутреннее производство продуктов «благодаря» закону о «максимуме» катастрофически падало.

Понятно, что подобные жесткие меры не могли обеспечить реальную экономическую устойчивость не только ввиду слабости государственной власти, неспособной проводить свои решения в жизнь. Эти решения противоречили естественным экономическим интересам буквально всех — от торговцев до правительства. В результате отнюдь не только лавочники шли на нарушение законов о принудительном курсе и «максимуме». Законодательный корпус, принимая решения о величине своего жалования, также ориентировался на твердые (номинарованные в металлических деньгах, то есть нелегальные) цены.

Аналогично развивались в 1918–1920 годах события и в России. Если во Франции разрушение финансовой системы идеологически оправдывалось тезисом о несправедливости налогов, то в большевистской России высокая инфляция рассматривалась как путь к достижению конечной цели — безденежному коммунистическому хозяйству. Все остальные события протекали по схеме, аналогичной французской: реквизиции продовольствия, государственное регулирование распределения продуктов питания, преследование спекулянтов и... решающая их роль в снабжении городов¹.

Опыт революционных Франции и России достаточно убедительно показал, что попытки властей компенсировать свою слабость (и бедность) принятием на себя дополнительных полномочий в экономической сфере приводит в лучшем

¹ Это признавал в 1919 году даже В. Ленин. А В. Базаров, находившийся тогда в оппозиции, сделал парадоксальный на первый взгляд вывод, что именно мешочники и спекулянты являются подлинной социальной базой большевистского режима, поскольку именно в этих условиях дела их идут в гору (*Базаров В.* Последний съезд большевиков и задачи «текущего момента» // Мысль. 1919. № 10. С. 356).

случае к курьезам, в худшем — к катастрофическим последствиям. В результате возникает ситуация, ярко сформулированная одним из депутатов французского Конвента 1795 года: «Если уничтожить максимум, то все действительно резко подорожает; но если сохранить его, то покупать будет уже нечего»¹.

Несмотря на катастрофические экономические последствия подобного экономического курса, политические результаты были вполне удовлетворительными — революционные режимы смогли укрепнуть, что со временем позволило отказаться от инфляционных методов финансирования. Но для этого политический режим должен был стать достаточно сильным, чтобы иметь возможность отказать от популистских решений сиюминутных проблем, проблем элементарного выживания.

Другим механизмом, обеспечивающим выживание слабой революционной власти, являются манипуляции с недвижимостью. Всякая революция имеет общую идеологическую парадигму, ориентирующую на трансформацию отношений собственности в определенном направлении. Однако целевая модель задает лишь общие рамки проводимых здесь преобразований. Конкретные же действия революционного правительства детерминируются совершенно иными факторами — факторами политической целесообразности наряду с элементами коррупции.

Впервые в истории нового времени эти механизмы были использованы в революционной Англии. Ограниченное в финансовых ресурсах и ищущее политической поддержки правительство Долгого парламента, а затем правительство Кромвеля решили использовать в данных целях земельные владения, принадлежавшие ирландским повстанцам, роялистам, церкви и короне. Частично это было сделано путем прямой продажи земель за деньги, отчасти (где немедленная прямая продажа была невозможна) — путем выпуска ценных бумаг, предоставляющих право на приобретение собственности в будущем.

¹ Цит. по: *Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation. P. 167.*

Как показывают современные исследования, первый вариант стал откровенным способом покупки политических союзников и обслуживания интересов предпринимательских групп — финансовой и социальной базы революционных властей. Первичными покупателями конфискованных земель являлись финансирующие правительство лондонские купцы, обеспечивавшее парламентскую армию местное дворянство, депутаты и чиновники парламента, генералы революционной армии¹. Таким образом, продажа земель осуществлялась в интересах лондонской политической элиты, ее финансовых и политических союзников.

Аналогичные цели преследовались и при продаже ирландских земель. Правда, в процесс их перераспределения был встроен своеобразный стимулирующий механизм: под земли были выпущены ценные бумаги, которыми правительство расплачивалось с солдатами экспедиционного корпуса. Тем самым оно укрепляло свои политические позиции, а у армии появлялся прямой стимул подавить ирландское восстание².

Особенностью французских событий конца XVIII столетия стал более жестко выраженный конфликт между финансовыми и социальными целями распродажи земель. С одной стороны, острый финансовый кризис требовал установления максимально высокой цены на землю. С другой — необходимость обеспечения поддержки крестьянства подталкивала революционную власть к ускорению продаж и удешевлению земли. Дискуссии на эту тему велись практически с самого начала революции. Сначала, при всеобщем энтузиазме и популярности нового режима, условия продажи недвижимости были сформулированы с акцентом на финансовых результатов: было решено продавать землю крупными участками с весьма ограниченным периодом рассрочки и при максимальной оплате «живыми деньгами».

¹ См.: *Thirsk J.* The Sales of Royalist Land during the Interregnum // *The Economic History Review*. Vol. 5. 1952. No 2; *Архангельский С.* Распродажа земельных владений сторонников короля // *Известия Академии наук СССР. Серия 7 (Отделение общественных наук)*. 1933. № 5.

² См.: *Bottigheimer K.* English Money and Irish Land: The Adventurers' in the Cromwellian Settlement of Ireland. Oxford: Clarendon Press, 1971. P. 119.

Однако обострение социальной борьбы, череда политических кризисов, начало войны и «открытие» правительством механизма инфляционного финансирования ослабили внимание к фискальной компоненте земельных продаж. На первый план вышли социально-политические проблемы: были приняты решения о поощрении приобретения земель мелкими собственниками, о резком увеличении периодов рассрочки (что с учетом инфляции делало распределение земли близким к бесплатному), об усилении роли ассигнатов в процессе передачи собственности от государства в частные руки.

Впрочем, как отмечают историки французской революции, и здесь аргументы социальной целесообразности естественным образом переплетались с личными интересами представителей революционной власти и особенно депутатского корпуса. Поместья и дома в провинции продавались за чеки («территориальные мандаты») по цене, в десятки раз ниже их дореволюционной стоимости, причем за сделками нередко прослеживались интересы депутатов и чиновников¹.

Наконец, в условиях большевистской (да и мексиканской) революции именно социально-политический аспект перераспределения собственности приобрел решающее значение. Национализация проводилась в целях выживания революционного режима — сначала для обеспечения поддержки со стороны миллионов крестьян, а затем в промышленности для концентрации сил и средств в гражданской войне. Известно, что немедленная национализация не была программным требованием большевиков и не рассматривалась в качестве краткосрочной меры экономической политики еще накануне революции. Однако складывавшиеся обстоятельства политической борьбы обусловили реализацию комплекса соответствующих мероприятий, которые к тому же отвечали общим идеологическим настроениям эпохи вообще и коммунистической идеологии в частности.

Революционная трансформация прав собственности имеет ряд общих черт и последствий. Прежде всего, продажа собственности всегда дает гораздо меньший

¹ См.: *Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation*. P. 174–175.

реальный фискальный эффект, нежели ожидаемый. И дело здесь не только в конфликте между фискальной и социальной функциями этого процесса, в результате чего стоимость сделки на определенной (радикальной) фазе революции всегда приносится в жертву ее темпу, а фискальный результат — политическому. Проблема состоит и в том, что при оценке фискальных перспектив продажи недвижимости расчет всегда основывается на дореволюционной, то есть, как правило, значительно более высокой оценке ее стоимости. В революционных же условиях эта цена оказывается намного ниже.

Во-первых, дает о себе знать политическая неопределенность. Вероятность поражения революции сохраняется и, следовательно, сохраняется вероятность пересмотра результатов сделок с недвижимостью. Соответственно возникает плата за риск, которая ложится на плечи государства.

Во-вторых, сам по себе факт массированных (и в этом смысле как бы навязываемых обществу) распродаж ведет к занижению цены. Потенциальный покупатель оказывается в более выгодном по отношению к продавцу (государству) положении. Разумеется, увеличение сроков реализации госимущества, постепенность продаж могли бы дать в совокупности больший фискальный эффект, но для власти, решающей задачи своего выживания, реальный временной горизонт исключительно узок.

В-третьих, использование механизма ценных бумаг под недвижимость само по себе ведет к занижению ее цены. Испытывающее финансовые трудности государство не может удержаться от избыточной эмиссии этих бумаг, а их владельцы часто склонны к их быстрой реализации с существенным дисконтом (что совершенно естественно в условиях революционной политической неопределенности).

Все это обуславливает еще одну специфическую черту перераспределения собственности в ходе революции. Недвижимость продается не только дешево, но и в значительной мере попадает в руки спекулянтов и используется в дальнейшем для перепродажи. Разница в ценах попадает, естественно, отнюдь не в руки государства.

Как свидетельствует опыт ряда революций, достаточная часть недрожимости может оставаться у старой политической элиты, которая находит возможность откупиться от новой власти. Это особенно характерно для революций, в которых политическая компонента доминирует над социальной и соответственно политические вопросы для революционной власти не доминируют над финансовыми. Англия XVII столетия является в этом отношении наиболее типичным примером¹.

Какими бы острыми ни были политические дебаты, какими бы своеобразными ни были идеологические построения участников революционной борьбы, социально-экономический и политический облик выходящей из революции страны предопределяется в конечном счете именно тем, как в ходе революции решались ее финансовые проблемы и какие социальные коалиции удалось создать. От этого зависит характер послереволюционного развития страны, в том числе и экономического. Ведь именно здесь складывается новая структура собственности, формируется новая конфигурация групп интересов, определяется положение государства по отношению к этим группам. А над этим надстраивается и соответствующий политический режим.

Финансовый кризис, преследующий революцию на всем ее протяжении, на определенных этапах принимает формы острого бюджетного кризиса, который сопровождается новым витком ухудшения положения основных масс населения². Причем, как правило, это происходит на завершающей фазе революции, когда идут процессы консолидации

¹ См.: *Arendt H. On Revolution*. L.: Penguin Books, 1990. P. 63–68; *Thirsk J. The Sales of Royalist Land during the Interregnum*. P. 207. Впрочем, как показывают современные исследования, масштабы перераспределения собственности от старой элиты к новой в годы Великой французской революции также не следует преувеличивать (см.: *Cobban A. History of Modern France*. Vol. 2. Baltimore: Penguin, 1957. P. 26; *Goldstone J. Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkley: University of California Press, 1991. P. 296).

² К. Бринтон следующим образом характеризовал завершающую фазу революции: «Одна из наиболее ошеломляющих закономерностей данного периода состоит в том, что особенно во Франции и России, в определенной степени в Англии 1650-х годов и Америке времен конфедерации была широко распространена бедность, увеличивалось число неимущих как во время Террора, так и в последние годы старого режима» (*Brinton C. The Anatomy of Revolution*. N. Y.: Vintage Books, 1965. P. 212).

политического режима и появляются признаки общего экономического выздоровления. Это кажется парадоксальным: революционный кризис идет на спад, экономика стабилизируется, а бюджетные проблемы власти резко обостряются. Однако такое развитие событий вполне объяснимо.

На протяжении большей части революционного процесса революционные правительства прибегают к экстраординарным мерам в целях укрепления своего положения и нового режима, к мерам, обеспечивающим решение краткосрочных политических задач, а потому неизбежно популистским и временным. С исчерпанием революционного потенциала нации происходит постепенная консолидация правящей элиты, которая укрепляет свои позиции и получает более широкое поле для маневра. Постепенно консолидирующаяся власть находит в себе силы для принятия болезненных, непопулярных, но необходимых для финансово-экономического оздоровления решений.

По сути, такой переход означает возвращение к нормальной экономической политике, без революционных эксцессов и чрезвычайщины. По форме он выражается в стремлении правительства жить по средствам и обеспечить устойчивость финансовой системы страны. В результате характерной чертой последней фазы революции является депрессивное состояние производства и недофинансирование отраслей бюджетной сферы. Причем чем активнее революционными правительствами использовались инфляционные механизмы финансирования, тем острее следующий за ним бюджетный кризис.

Иначе говоря, позднереволюционное обострение экономических проблем вообще и бюджетного кризиса в частности связано со своеобразным положением консолидирующейся элиты и восстанавливающей свои силы политической власти. Власть уже оказывается достаточно сильной, чтобы не заигрывать с различными социальными группами и не идти на экстравагантные популистские меры, но остается еще достаточно слабой и бедной, чтобы решить весь комплекс стоящих перед ней задач.

Депрессия в Англии середины 1650-х годов во многом стала фактором, который привел страну к реставрации.

Однако ограниченность инфляционных источников финансирования, с одной стороны, и относительная неразвитость бюджетной сферы, с другой — способствовали относительной мягкости бюджетного кризиса времен Протектората. Основной проблемой для правительства была вышедшая из революции армия, необходимость финансирования которой во многом и предопределила склонность Кромвеля к ведению войн на континенте¹.

Преодоление революционных последствий во Франции было гораздо более болезненным с макроэкономической точки зрения. Одним из первых шагов, осуществленных с началом укрепления политической власти, стало оздоровление государственных финансов путем волевого отказа от значительной части (двух третей) внутреннего долга. Спад революционной волны сделал такое решение возможным, а обострение экономического кризиса — необходимым. За этим последовало дальнейшее ужесточение бюджетной политики в период Консулата. Хотя многие финансовые проблемы удавалось решать с помощью победоносных войн, бюджетная сфера на провинциальном уровне долгие годы продолжала пребывать в глубоком кризисе².

Аналогичной была ситуация и в России 1920-х годов. Послевоенная экономика требовала отказа от популизма, обеспечения финансовой стабильности, что поначалу и дал НЭП. Однако введения нэпа было недостаточно для решения задач политического укрепления новой власти, требовавшего безудержной индустриальной экспансии.

¹ «Однако армия и флот, которым не платили, были так же опасны, как недовольные эскайры и торговцы. Единственным способом, которым мог воспользоваться Кромвель, чтобы разрешить эту дилемму, было проведение энергичной внешней политики, которая ...сама по себе могла бы стать источником дохода» (*Ashley M. Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate. L., 1962. P. 17.*)

² Вот как характеризуют некоторые авторы наполеоновский период в истории Франции, причем в приводимой ниже цитате речь идет о несколько более позднем и потому более благополучном периоде, чем конец 1790-х: «Если бы мы могли побывать в любом крупном провинциальном городе во Франции в период между 1808 и 1815 годами, мы увидели бы голодающих учителей и священников, едва пробавляющихся на скудное жалование, пустые школы, больницы без врачей и лекарств и руководство города, находящееся в полной апатии и лишенное какой-либо инициативы» (*Henderson W. The Industrial Revolution on the Continent. L.: Franc Cass, 1961. P. 81.*)

В результате экономико-политические трудности, с которыми столкнулась страна в 1926–1927 годах, обусловили резкий слом политического курса, поворот к ускоренной индустриализации за счет ресурсов деревни.

Нормализация экономических процессов и выход страны из революционного кризиса происходят только по мере укрепления государственной власти и ее стабилизации. Государство должно быть сильным настолько, чтобы преодолеть характерное для предреволюционного и революционного этапов глубокое расхождение интересов отдельных социальных слоев и групп. Это имеет место лишь тогда, когда из революционного хаоса вырастает и укрепляется новая элита, способная стать опорой режима. Лишь тогда условия для завершения революции оказываются сформированными. И происходит оно обычно в форме установления жесткого авторитарного постреволюционного режима.

Укрепление власти, в свою очередь, предполагает формирование и упрочение позиций новой элиты. Элита эта, как правило, генетически связана со старой, нередко выходит из нее, но ее экономические и политические характеристики уже существенно иные, как и характер собственности, которой она обладает.

Революционная трансформация в современной России

Важно подчеркнуть, что существование исторических параллелей ни в какой мере не может стать источником прямых практических выводов относительно проблем и перспектив социально-экономического развития других стран. Исторический опыт служит лишь источником лучшего понимания и способом иллюстрации проблем, с которыми приходится сталкиваться в другие эпохи.

Что касается позднесоветской экономики, то именно угроза финансового кризиса создала общий фон для начала преобразований. Разумеется, в середине 1980-х годов СССР еще не столкнулся с полномасштабным финансовым кризисом. Ситуация казалась (но лишь казалась!) стабильной

и спокойной. Как советские экономисты, так и западные советологи понимали, что экономические реформы необходимы, однако никто не сомневался, что эти реформы будут (если будут) очень медленными, половинчатыми, да и вообще само их начало зависит от характера приходящей к власти группировки¹. Однако падение мировых цен на нефть стало, как вскоре выяснилось, фатальным фактором для финансовой², а потому и политической стабильности СССР. Попытки адаптироваться к новым проблемам привели лишь к ухудшению финансовой ситуации, за чем последовали экономический кризис и политический крах. Финансовый кризис стал устойчивым фактором позднесоветского развития и затем посткоммунистической трансформации страны, на фоне которого развиваются основные социальные, политические и экономические события. Преодоление этого кризиса фактически будет означать конец революционного периода в истории современной России.

Слабеющее советское государство все более открыто прибегало к финансированию своих расходов за счет денежной эмиссии, что сначала (в условиях государственного регулирования цен) обернулось нарастанием товарного дефицита вплоть до полного исчезновения товаров из магазинов в 1990–1991 годах, а затем привело к длительному периоду высокой инфляции (1992–1995 годы).

Именно в финансовой (бюджетно-денежной) сфере проявились в наибольшей мере слабости российского государства. Невозможность жесткого контроля групп интересов, с одной стороны, и неспособность собирать налоги (что всегда требует государственного насилия) — с другой — обусловили неспособность власти проводить жесткую денежную политику. Макроэкономическая стабилизация откладывалась и, по сути, стала возможной только тогда,

¹ См.: Russia at the Crossroads: The 26th Congress of the CPSU / S. Bialer, G. Thane (eds.). L.: George Allen & Unwin, 1982; Colton T. The Dilemmas of Reform in the Soviet Union. N.Y.: Council for Foreign Relations, 1986.

² Именно в 1985 году впервые за длительный (в несколько десятилетий) период в СССР обозначился и стал нарастать дефицит государственного бюджета (Синельников С. Бюджетный кризис в России: 1985–1995 годы. М.: Евразия, 1995. С. 9).

когда в обществе укрепились политические позиции экономических агентов (групп интересов), могущих эффективно функционировать в условиях медленного роста цен.

Вместе с тем ужесточение денежно-кредитной политики и торможение инфляции при сохранении значительной слабости государственной власти привели к резкому обострению бюджетного кризиса — кризиса доходов и, следовательно, расходов государства. Быстрое нарастание задолженности бюджета перед финансируемыми государством секторами стало ключевой проблемой российской экономики после подавления инфляции. Сложилась типичная для революционного процесса ситуация: власть была уже достаточно сильна, чтобы перестать использовать эмиссию необеспеченных денег и тем самым остановить рост цен, но еще недостаточно сильна, чтобы отказаться от обязательств, выполнить которые она была не в состоянии. Укрепление власти и борьба за реальность ее обязательств перед страной становятся, таким образом, ключевой политической (а отнюдь не только экономической) проблемой России конца 1990-х годов. Более того, можно сказать, что именно оздоровление бюджета приобретает в этих условиях политический характер, будучи признаком консолидации власти и выхода страны из революции.

В истории современной России, как и в истории других революций, проблема перераспределения собственности являлась одной из центральных, в ней концентрированно переплетались вопросы экономического, социально-политического и финансового характера. С самого начала радикальной трансформации российского (советского) общества от приватизации ожидали, что, задействовав механизм частнопредпринимательского интереса, она сможет обеспечить резкое повышение эффективности отечественной экономики, преодоление разрыва с индустриально развитыми странами мира.

В принципе такая роль приватизации никогда не отрицалась и не подвергалась сомнению. Но реальность оказалась существенно иной. Если рассуждать вне исторического и политического контекста, то такое развитие событий

может вызвать разочарование. Однако трактовка российской трансформации как революционного процесса привносит в этот анализ существенные уточнения.

Действительно, помимо своей социально-экономической функции (формирование эффективного собственника), приватизация может решать и другие, не менее важные с точки зрения революционного процесса задачи, о которых уже упоминалось — формирование политических коалиций в поддержку революционной власти и пополнение государственного бюджета. Более того, пока государственная власть остается слабой, решение именно последней задачи выходит на передний план, а задача формирования эффективного собственника становится актуальной только после преодоления политического кризиса. (Этот тезис может быть пояснен и несколько по-другому — с точки зрения интересов не власти, а собственника: пока политическая ситуация не стабилизируется и власть не окрепнет, серьезные предприниматели не станут рисковать своими средствами, а значит, не будет и эффективного собственника.)

Ясно, почему на первых этапах приватизации решались преимущественно задачи укрепления социально-политической базы рыночной демократии в России. Ваучерный механизм не был и не мог быть эффективным, что признавали сами реформаторы. Однако это был тот популизм, который в краткосрочном плане обеспечивал поддержку власти, а в среднесрочном способствовал формированию нового класса собственников, заинтересованных в устойчивости новой российской экономики¹. Именно такой механизм дал возможность сформировать

¹ Наиболее наглядным примером здесь могут служить состоявшиеся в конце 1995 года «залоговые аукционы», в ходе которых банки давали правительству кредиты под залог государственных пакетов акций привлекательных в стратегическом отношении предприятий. Фактически это была продажа, причем по весьма низкой цене. Нередко подчеркивают, что в тех условиях власти были жизненно необходимы деньги, а политическая ситуация была такова (победа коммунистов на парламентских выборах и высокие шансы появления в России президента-коммуниста), что никто из зарубежных инвесторов не был готов вкладывать в Россию деньги. Сказанное, разумеется, справедливо, но не менее очевидно и другое: «залоговые аукционы» проводились в декабре 1995 года, а переход предприятий в собственность мог осуществиться только осенью 1996 года. В середине же этого срока — в июне 1996 года — должны были состояться президентские выборы. Причем было ясно, что условия «залоговых аукционов» будут соблюдены только в случае победы на выборах совершенно определенного кандидата.

антикоммунистическую и антиинфляционную коалицию, которая обеспечила решение первичных задач макроэкономической и политической стабилизации.

В середине 1990-х годов, по мере укрепления новой власти и одновременно обострения бюджетного кризиса (а, как было показано выше, бюджетный кризис на завершающей фазе революции является признаком начала укрепления нового режима), акценты в приватизации были перенесены в фискальную область. Правительству, лишившемуся инфляционного налога, нужны были деньги, и приватизация могла стать их важным источником. Такое изменение ситуации дестабилизировало сложившуюся ранее коалицию, ожидавшую от власти продолжения курса на «стратегическое партнерство». Но правительство почувствовало себя уже достаточно сильным, чтобы противостоять новым группам интересов, и это становится источником обострения политической борьбы в 1997–1998 годах. Именно в ходе этой борьбы и будет осуществляться формирование политических условий для перехода к следующей фазе развития — выходу из революции, политической стабилизации и формированию эффективного собственника.

ЭКОНОМИКА И РЕВОЛЮЦИЯ: УРОКИ ИСТОРИИ

Еще несколько лет тому назад попытка анализа российских событий последнего десятилетия как революции и сквозь призму теории революции вызывала лишь удивление и раздражение. В исключительно политизированной современной научной жизни России трактовка российской трансформации как посткоммунистической революции оказывалась неприемлемой для представителей всех частей политического спектра. Носители некоммунистических воззрений не хотели даже сравнивать крах коммунизма с его триумфом начала XX века. Демократы-антикоммунисты отказывались даже от малейших параллелей с коммунистическими вождями первого поколения, видя в революции лишь кровавый террор и гражданскую войну, то есть те явления, которые они стремились не допустить. Само понятие «революция» оставалось, таким образом, заложником

политической борьбы, что, кстати, косвенно свидетельствовало в пользу революционного характера происходящих в России перемен.

Теперь ситуация меняется. По справедливому замечанию Джека Голдстоуна — одного из наиболее видных зарубежных специалистов по теории революции, — трактовка посткоммунистической трансформации как революции становится все более распространенной среди исследователей. Пройдет совсем немного времени, и этот тезис, наверное, будет восприниматься как банальность. Однако до того, как это произойдет, следует все-таки определиться в некоторых базовых характеристиках подобной революционной трансформации. Особый интерес представляют здесь следующие группы вопросов.

Во-первых, является ли посткоммунистическая трансформация революцией по определению или же только в отдельных случаях (точнее, применительно к отдельным странам) можно говорить о революционном характере совершающихся преобразований?

Во-вторых, что дает для анализа посткоммунистической трансформации рассмотрение ее сквозь призму теории революции? Позволяет ли данный подход глубже понять характер событий, свидетелями и участниками которых мы являемся, расширяет ли он наши возможности в части политико-экономического прогноза?

В-третьих, что нового вносит анализ посткоммунистической трансформации сквозь призму теории революции в саму эту теорию?

В рамках настоящей статьи нет возможности ответить на все эти вопросы, тем более что они подробно рассматриваются нами в специальной работе¹. Здесь речь пойдет лишь об отдельных аспектах поставленных вопросов с акцентом на экономических проблемах революционной трансформации.

¹ См.: Стародубровская И., Мау В. Великие революции: от Кромвеля до Путина. М.: Вагриус, 2001 (см.: т. 3 наст. издания).

Революция и постреволюционное экономическое развитие

Влияние революции на дальнейшее развитие экономической и политической системы страны является одним из наиболее дискуссионных и идеологизированных вопросов на протяжении вот уже полутора веков. Исследователями высказывались три принципиально возможные точки зрения по этому поводу.

Первая: революция становится *катализатором экономического прогресса*, освобождая экономику страны от «пут» прежнего режима. Понимание революции как «локомотива истории» — отнюдь не марксистская новация, такая ее трактовка высказывалась еще французскими либеральными историками первой трети XIX века. Вторая: *революция не оказывает особого влияния*, поскольку основной тренд развития фактически закладывается еще при старом режиме — утверждение, идущее еще от Токвиля¹. И, наконец, третья — *консервативная* — интерпретация, в соответствии с которой революция негативно влияет на развитие страны².

Разумеется, история знает примеры, иллюстрирующие все три варианта развития. К тому же очевидна крайняя условность построений подобного рода, поскольку в истории почти никогда нельзя поставить реальный эксперимент и ответить на вопрос: «Что было бы, если...?». Остается только сравнивать развитие отдельных стран друг с другом в сопоставимые исторические эпохи.

Несомненно одно: характер постреволюционного общества, его социально-политический облик в немалой мере зависят от развития событий в ходе самой революционной трансформации. Именно здесь формируются и конституируются новые группы интересов и элитные группировки, именно здесь закладывается новая система отношений собственности.

¹ См.: Токвиль А. Старый порядок и революция. М.: Московский философский фонд, 1997.

² Подробнее см.: Hirschman A. The Rhetoric of Reaction. Cambridge, Mass.; L.: The Belknap Press of Harvard University Press, 1991.

Хотелось бы обратить внимание только на один аспект влияния революции на дальнейшую эволюцию страны, связанный с уровнем социальной конфликтности. Наличие непримиримых противоречий между ведущими группами интересов является основным источником нестабильности, невозможности власти осуществлять сколько-нибудь последовательный политический и экономический курс. Однако было бы неверным делать из этого вывод, что наиболее благоприятный для развития страны результат достигается тогда, когда после революции формируется общество, где конфликт групп интересов максимально сглажен.

Подобные позиции характерны для многих историков и политологов, особенно придерживающихся марксистских традиций. Наиболее показательно сравнение английской и французской революций.

Первую принято считать неоконченной, половинчатой, поскольку в результате была сохранена земельная аристократия, в значительной мере связанная со старым режимом. Французская же революция привела к гораздо более глубокой трансформации отношений собственности, в первую очередь земельной, и открыла широкое поле для быстрого политического укрепления предпринимательских классов (прежде всего промышленников и банкиров).

Однако реальное развитие событий требует внести в этот вывод существенные уточнения. Ведь именно в Англии с ее противоречивой постреволюционной социальной структурой, с острым конфликтом между ведущими группами интересов была сформирована благоприятная почва для начала экономического роста, приведшего к промышленной революции. Борьба между фритридерами (промышленниками) и протекционистами (землевладельцами) заложила основу главного экономико-политического противостояния, державшего в напряжении элиту на протяжении почти двух веков. Экономическая конкуренция порождала политическую, что не позволяло ни одной социальной группировке «подмять под себя» государство и использовать политическую власть в узкокорыстных интересах.

Во Франции же после революции возник «механизм тор-
можения» экономического роста: все основные группы бы-
ли заинтересованы в протекционизме. За это выступали
и крестьяне, и промышленники, и финансисты. Подобная
коалиция выдержала испытание реставрацией и новой ре-
волюцией, поскольку ни одно правительство не решалось
вступить с ней в конфликт¹. Результат налицо — вплоть
до 1850-х годов продолжалось экономическое отставание
Франции от Англии². Причем такое развитие событий впол-
не согласуется со сделанным нами выше выводом о том, что
изменение характера (формы) собственности гораздо важ-
нее смены собственника.

Можно было бы привести аналогичные примеры и из ис-
тории других стран и революций. Итак, приведенные рассу-
ждения позволяют сформулировать, по крайней мере, одну
чрезвычайно важную гипотезу: если формирование консен-
суса относительно базовых общественных ценностей явля-
ется главной предпосылкой выхода страны из революции
и обретения ею устойчивости, то *отсутствие конфликта по вопросам экономической политики выступает источником застоя и консервации экономической отсталости*.

P.S. Мы специально почти не приводили в этом очерке
примеры из современной российской действительности. По
нашему мнению, аналогии более чем очевидны.

¹ О глубине этого конфликта, пожалуй, наиболее красноречиво говорят сатирические зарисовки Ф. Бастиа и прежде всего его памфлет «Прощение фабрикантов сальных и стеариновых свечей...» (Сэй Ж.-Б., *Бастиа Ф.* Тракта́т по политической экономии. М.: Дело, 2000. С. 89–93).

² Подробнее см.: *Crouzet F. Britain Ascendant: Comparative Studies in Franco-British Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *Crouzet F. France / The Industrial Revolution in National Context: Europe and the USA*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ РОССИЯ: СПЕЦИФИКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Одной из ключевых проблем исследования социально-экономического развития современной России является выявление общих и специфических черт ее развития на протяжении последних десяти-пятнадцати лет. Именно этот анализ в конечном счете позволил бы оценить как обоснованность экономической политики, осуществлявшейся здесь после крушения коммунизма, так и конкретные мероприятия, проводимые посткоммунистическими правительствами страны.

Существующие исследования логики проведения посткоммунистических преобразований показывают принципиальную схожесть мер, предпринимавшихся самыми различными правительствами соответствующих государств на протяжении

1990-х годов и приводивших в общем-то к схожим результатам¹. Можно сказать, что пути к макроэкономической стабильности и росту, которые демонстрирует, несмотря на мировой финансовый кризис, большинство посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы, были во многом схожи. Как схожи были и нерешенные проблемы, которые не позволили ряду других стран вырваться из тисков кризиса.

Однако при схожести решенных и нерешенных макроэкономических проблем причины разных результатов посткоммунистического развития надо, очевидно, искать не в макроэкономике. Здесь на передний план выходит комплекс социально-политических факторов, оказывавших существенное воздействие на преобразования в тех или иных странах. Именно социально-политические факторы обуславливают специфику отдельных стран, тогда как макроэкономика делает их принципиально сопоставимыми.

Можно выделить три группы социально-политических факторов, оказывающих влияние на посткоммунистическое развитие вообще и посткоммунистическое развитие России в особенности.

Во-первых, это тип данного этапа мирового развития, суть которого состоит в переходе от индустриального общества к постиндустриальному. Важнейшей характеристикой последнего является либерализм, т. е. относительное уменьшение роли прямого государственного вмешательства в экономические процессы, усиление роли конкуренции и выход экономических процессов за пределы национальных государств. Политическим результатом такого развития становится переход значительного числа стран от авторитаризма (тоталитаризма) к демократии, что в свою очередь становится самостоятельным фактором экономического развития этих стран и регионов².

Во-вторых, собственно политэкономические проблемы, прежде всего в концепциях «общественного выбора»,

¹ См.: *Fisher S., Sahay R., Vegh C.A.* Stabilization and Growth in Transition Economies. The Early Experience // *Journal of Economic Perspectives*. 1996. Vol. 10. No 2; *Aslund A.* Building Capitalism. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

² См.: *Huntington S.P.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991.

«логики коллективных действий», «конституционной экономики» и т.п. Опубликованные на протяжении последних нескольких лет работы убедительно показывают не только принципиальную применимость, но и исключительную важность использования соответствующего методологического инструментария при исследовании социально-экономических процессов в посткоммунистических странах¹. Именно эти цели ставит перед собой С. Афонцев² и убедительно демонстрирует эффективность подобного рода методологического инструментария.

Наконец, в-третьих, анализ может вестись и с точки зрения характера, типа осуществляемых в тех или иных посткоммунистических странах преобразований — революционного или эволюционного. По нашему мнению, именно революционный характер развития России конца 1980-х — начала 1990-х годов определяет ряд важнейших особенностей социально-экономического развития этой страны, принципиально отличающих ее от большинства других посткоммунистических государств Европы.

Именно этот, последний, аспект проблемы и будет рассмотрен нами в данной главе.

1. Слабое государство

Слабое государство является универсальной характеристикой общества, проходящего через революционную трансформацию. Собственно, системная трансформация в условиях слабого государства и является наиболее общим определением революции.

Слабость государства проявляется в целом ряде особенностей развития революционного общества. Среди наиболее типичных, универсальных проявлений слабости

¹ См.: *Institutions and Economic Development* / С. Clague (ed.). Baltimore and London: The John Hopkins University Press, 1997; *Nelson J.M. Transforming Post-Communist Political Economies* / Ch. Tilly, L. Walker (eds.). Washington, D.C.: National Academy Press, 1997.

² См.: *Переходная экономика: теоретические аспекты, российские проблемы, мировой опыт* / Отв. ред. В.А. Мартынов, В.С. Автономов, И.М. Осадчая. М.: Экономика, 2004. Гл. 12.

государственной власти можно выделить следующие. Во-первых, постоянные колебания экономического курса, когда власть находится в постоянном поиске новых способов осуществления своих целей, причем сами эти цели никогда не являются сколько-нибудь четко сформулированными. Во-вторых, возникновение множественности центров власти, конкурирующих между собой за доминирование в обществе. В-третьих, отсутствие сложившихся политических институтов, поскольку старые вскоре после начала революции оказываются разрушенными, а новые еще только предстоит создать, в результате чего функции политических посредников могут выполнять самые разнообразные, стихийно возникающие организации и институты. В-четвертых, отсутствие сколько-нибудь понятных и устоявшихся «правил игры», когда процедуры принятия решений властью не являются жестко установленными. Наконец, в-пятых, неспособность власти собирать налоги, что становится обобщающей экономической характеристикой кризиса всей государственной системы.

Наличие всех этих характеристик применительно к позднему СССР и современной России является вполне очевидным. Несмотря на формальную мощь коммунистического СССР, на формальную (конституционную) мощь исполнительной власти в России после 1993 года (до того было налицо всевластие законодательного корпуса), возможности для реализации всех этих обширных полномочий были более чем призрачными.

Разумеется, власть в СССР отличалась исключительной стабильностью и силой, способностью навязывать свои интересы как собственному народу, так и многим зарубежным странам. В результате общественное мнение страны было склонно, скорее, переоценивать возможности своего государства, чем недооценивать их. И все-таки государственная власть конца 1980–1990-х годов оставалась слабой. Особенно наглядным это становится на примере связи между политическими кризисами в стране и динамикой мировых цен на нефть. Наиболее болезненные политические и экономические потрясения происходили в СССР и России

именно тогда, когда нефтяные цены опускались до минимальных в интервале пяти-семи лет значений — в 1985, 1991 и 1998 годах. Это приводило к резкому сужению возможностей социального маневра властей.

Другим фактором кризиса является неспособность власти собирать налоги. Специальный анализ этой проблемы показывает, что резкое ослабление возможностей сбора налогов (наиболее заметный прирост недоимок) происходило всегда в моменты резкого политического ослабления центральной власти, связанного с обострением политического кризиса¹. В 1990-е годы в этом отношении особенно выделяются август-октябрь 1993 года и рубеж 1995–1996 годов. В первом случае конфликт законодательной и исполнительной властей достиг своего пика и перспектива режима представлялась всем экономическим и политическим субъектам совершенно неопределенной². Во втором случае после победы коммунистов на парламентских выборах и при высокой вероятности их победы через полгода на выборах президентских экономические субъекты справедливо рассудили, что существующее правительство не решится быть излишне жестким, а новый президент простит нелояльность по отношению к «антинародному режиму».

Политическая нестабильность является и важнейшим фактором нестабильности нормативно-правовой базы функционирования экономики. В результате власть оказывается исключительно уязвимой перед лицом разнообразных лоббистов и принимает решения, которые сама же вскоре вынуждена отменять. Анализ показывает, что устойчивость принимаемых исполнительной властью нормативных документов (указов президента и постановлений правительства) непосредственно связана с уровнем стабильности политической ситуации в стране. В моменты усиления

¹ См.: *Май В.* Стабилизация, выборы и перспективы экономического роста (Политическая экономия реформы в России) // Вопросы экономики. 1997. № 2.

² В августе 1993 года руководство Верховного Совета открыто призвало субъектов Федерации перестать перечислять налоги «антинародному правительству». Естественно, все это не могло не сказываться на возможностях решения проблем макроэкономической стабилизации.

нестабильности резко возрастает уязвимость власти перед группами интересов, стремление покупать политическую поддержку, что отражается на качестве нормотворчества. Принимаемые в моменты слабости власти указы и постановления отличаются тем, что имеют очень короткий период действия, поскольку власть стремится отменить их как можно скорее¹.

Более чем наглядно проявляется проблема полицентризма власти. Центральное правительство находится под постоянным давлением со стороны региональных властей, многие из которых откровенно игнорируют федеральное законодательство, а тем самым и Конституцию. Показателем ослабления федеральной власти становится постепенное, но неуклонное сокращение доли Федерации в консолидированном бюджете и одновременно увеличение в нем доли бюджетов субъектов Федерации. Причем в моменты обострения экономического кризиса (например, в 1991–1992 годах, в середине 1993 года, в сентябре 1998 года) происходило резкое усиление сепаратистского давления регионов на федеральную власть (и соответственно на федеральное законодательство).

Однако проблема полицентризма власти не ограничивается борьбой между федеральным правительством и регионами. В условиях слабого государства центрами власти пытаются становиться лидеры бизнес-элиты, представители влиятельных групп интересов. Разумеется, последние зачастую склонны преувеличивать свою власть и свои возможности, что наглядно продемонстрировал крах так называемых олигархов — группы крупных предпринимателей (прежде всего банкиров), потерявших свое влияние в результате финансового кризиса в августе 1998 года. Однако в условиях относительной финансовой стабильности влияние «олигархов» на принятие политических решений действительно было весьма значительным и, как выяснилось позднее, мало соответствовало их реальному финансово-экономическому «весу»².

¹ См.: *Май В.* Экономическая реформа: сквозь призму конституции и политики. М.: Ad Marginem, 1999. С. 154–171.

² Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России / Я.Ш. Паппе (ред.). М.: Центр политических технологий, 1997.

Слабость государственной власти в условиях системной трансформации общества проявляется в экономической жизни той или иной страны в различных формах. Причем важным моментом здесь является универсальный характер, свойственный периодам слабого государства, их можно проследить в годы революций в различных странах и в различные эпохи¹. Среди основных особенностей экономического развития в условиях слабого государства можно выделить следующие:

— Тяжелый финансовый кризис. Он лишь отчасти связан с отмеченной выше неспособностью власти собирать налоги. Другим проявлением этого кризиса служит неспособность слабого правительства выполнять те финансовые обязательства, для которых у него имеются неинфляционные источники финансовых средств. Невозможность увязать доходы и расходы приводит к постоянному воспроизводству бюджетного кризиса, решение которого (уже с середины XVIII века) находят в работе печатного станка. Однако это не только не ослабляет бюджетный кризис, но со временем еще более обостряет проблему бюджетных обязательств, поскольку правительство привыкает к инфляционному налогу и ослабляет внимание к другим источникам доходов. Результатом этого становится недофинансирование в значительных объемах государственных обязательств (подчеркиваем, что это было характерно практически для всех стран, находящихся в аналогичном положении).

— Резкое возрастание транзакционных издержек, что ведет к соответствующему снижению конкурентоспособности отечественного производства. Это связано с неспособностью правительства обеспечить стабильность «правил игры» и гарантировать выполнение контрактов, заключаемых между собой экономическими агентами.

— Демонетизация народного хозяйства, что приводит к снижению отношения денежной массы к ВВП. Демонетизация

¹ См.: *Ashley M.* Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate. L., 1962; *Aftalion F.* The French Revolution: An Economic Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

в результате бумажно-денежной эмиссии является достаточно понятным и распространенным феноменом. Однако исторический опыт свидетельствует, что количество реальных денег в обращении сокращается и в странах, которым удавалось избежать зависимости от печатного станка, что происходит из-за ухода денег из обращения в сокровища.

— Слабость государства накладывает неизбежный отпечаток на характер осуществления приватизации, выдвигая на передний план этого процесса решение социально-политических (стабилизация власти) и фискальных задач.

Все изложенное выше позволяет понять важнейшую особенность характера осуществления политического процесса (и прежде всего выработки и реализации экономической политики) слабой государственной властью. Центральное место здесь занимает не формирование необходимого политического большинства через существующие политические институты (парламент, партии), которые являются слабыми, подчас еще плохо оформленными, нестабильными. Главным же является непосредственное взаимодействие представителей власти (правительства) с ведущими группами экономических интересов, которые обладают реальными рычагами политического давления, а на ранних стадиях трансформации могут играть роль политических партий¹.

Слабость государственной власти оказывает прямое воздействие на самые различные стороны функционирования и развития экономики посткоммунистической России. Прежде всего слабость государственной власти объясняет весьма специфический характер решения двух основных задач, которые стояли перед страной на протяжении 1990-х годов: макроэкономической стабилизации и приватизации. Власть, ищущая социально-политической поддержки и не имеющая достаточных финансовых ресурсов, склонна прибегать к таким инструментам покупки политической базы,

¹ На важность существенно иной политэкономической модели, учитывающей фактор доминирования групп интересов над государственными институтами, обращают внимание А. Шлейфер и Д. Трейсман (*Shleifer A., Treisman D. Without a Map. Political Tactics and Economic Reform in Russia. Cambridge and London: The MIT Press, 2000. P. 6).*

как инфляционное перераспределение финансовых ресурсов и перераспределение собственности на средства производства. Причем практика (начиная с революций XVIII столетия в США и Франции) свидетельствует, что инфляция и перераспределение собственности, как правило, тесно связаны друг с другом.

2. Проблемы отложенной стабилизации

В современной политэкономической литературе существует достаточно стандартное объяснение устойчивости инфляционных процессов и соответственно феномена отложенной стабилизации. Предлагаются три достаточно взаимосвязанных системы объяснений, почему правительство может оказываться неспособным решить стабилизационные задачи в приемлемые сроки.

Во-первых, сохранение неустойчивого баланса групп интересов, каждая из которых пытается переложить издержки от дезинфляции на других. Если влияние этих групп более или менее сопоставимо, то ни одной из них не удастся оказать решающее воздействие на баланс сил в обществе и на принятие решения о проведении жесткой финансовой политики¹.

Во-вторых, наличие в обществе влиятельных групп интересов, выигрывающих от инфляции и соответственно заинтересованных в продолжении инфляционной экономической политики. Поскольку инфляция является мощным механизмом перераспределения финансовых ресурсов, в финансовой стабилизации оказываются не заинтересованы те, в чью пользу эти ресурсы перераспределяются². Инфляционисты обладают, как правило, значительным политическим влиянием: оно покупается за счет части тех средств, которые концентрируются в их руках благодаря инфляции.

¹ См.: *Drezen A.* The Political Economy of Delayed Reform // *The Journal of Policy Reform.* 1996. № 1.

² См.: *Burdekin R.C.K., Burkett P.* Distributional Conflict and Inflation. L.: Macmillan, 1996.

В-третьих, наличие в данной стране факторов, являющихся предпосылками для «экономики популизма», т. е. для мягких бюджетных ограничений и инфляционистской (мягкой) денежной политики¹. Все три механизма объединяет то, что их реализация предполагает наличие достаточно слабой государственной власти, т. е. власти, находящейся в сильной зависимости от действующих в данном обществе групп интересов и складывающегося баланса социальных сил. В посткоммунистической России налицо были все три механизма воспроизводства инфляционного цикла и соответственно отложенной стабилизации.

Практически все социальные группы на протяжении длительного времени опасались осуществления правительством решительных шагов по дезинфляции и финансовой стабилизации: особенно характерно это было для 1992 года, когда практически все группы интересов объединились для противодействия жесткому стабилизационному курсу. Вскоре произошел раскол на инфляционистов и антиинфляционистов, и неустойчивый баланс сил между ними стал фактором неустойчивости экономического курса на протяжении большей части 1990-х годов. Наконец, в России этого периода сложились стандартные факторы экономики популизма.

Если на рубеже 1991–1992 годов политика либерализации и стабилизации практически не вызывала сопротивления, то уже к весне 1992 года сопротивление стабилизации оказалось тотальным. Поначалу результаты либерализации были малопонятны и плохо просчитываемы для экономических агентов — советская экономика на протяжении десятилетий существовала в условиях товарного дефицита, и руководители предприятий не были знакомы с особенностями равновесного рынка и проблемой спросовых ограничителей. Но уже вскоре, столкнувшись с неожиданным для них резким сокращением спроса на свою продукцию и кризисом неплатежей, они осознали

¹ См.: The Macroeconomics of Populism in Latin America / R. Dornbusch, S. Edwards (eds.). Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1991.

последствия либерализации и объединились в требовании финансовых ресурсов. Это был уникальный в социально-экономическом отношении период (весна-лето 1992 года), когда господство инфляционизма оказалось в стране практически безраздельным.

Противодействовать этому можно было лишь расколов потенциально различные интересы разных типов экономических агентов (предприятий), и эта задача была выполнена с началом приватизации. Таким образом, приватизация в исходном пункте своей практической реализации являлась феноменом политическим, поскольку была призвана решать задачи укрепления социально-политической базы курса на либерализацию и стабилизацию экономики. Поэтому, в частности, правительство Е. Гайдара сочло возможным пойти в 1992 году по пути смягчения бюджетной и денежной политики, обеспечив такой ценой начало приватизации.

Политическим результатом подобного развития событий стало отчетливое оформление к весне 1993 года двух основных групп интересов, групп, приверженных инфляционистской и антиинфляционистской политике. Проблема инфляции стала доминирующим сюжетом политической борьбы вокруг экономических реформ, придя на смену полемике образца 1991 года об административном и либерально-экономическом вариантах стабилизации.

С одной стороны, явно обозначились ряды инфляционистов. К основным элементам отстаиваемого ими экономического курса относились: массированные финансовые вливания в народное хозяйство (через кредитную и бюджетную системы) с целью поддержки экономически слабых, неконкурентоспособных предприятий, попытки «усиления управляемости» народного хозяйства посредством восстановления властных полномочий центра по отношению к предприятиям государственного сектора, ужесточение контроля за экспортно-импортной деятельностью и явный протекционизм. Важными составными частями этого курса должны были быть масштабное участие государства в структурной трансформации народного хозяйства, создание (или воссоздание)

разветвленной инфраструктуры, обеспечивающей руководство деятельностью хозяйственных агентов через государственные органы управления (министерства и отраслевые комитеты) или через создаваемые «сверху» крупные монополистические структуры (концерны, промышленно-финансовые группы), находящиеся под контролем властей.

Ряды сторонников подобного экономического курса включали в себя довольно разнородные группы хозяйственных агентов. Некоторые из них прямо выигрывали от инфляции, делая на экономической нестабильности огромные прибыли. Для других этот курс означал продолжение государственной финансовой поддержки и защищал их от неминуемого разорения. В проведении политики «дешевых денег» были, прежде всего, заинтересованы слабые (хотя нередко и весьма крупные по числу занятых) государственные предприятия, в силу объективных или субъективных причин не способные адаптироваться к конкуренции и обреченные на поражение в случае проведения макроэкономической политики, имеющей в своей основе жесткие бюджетные ограничения. На тот момент инфляционистский курс был весьма выгоден и значительной части финансовых структур (банкам): их экономическое благополучие, а нередко и само существование в значительной мере были обусловлены наличием льготных кредитов и бюджетных субсидий. Наконец, инфляция являлась источником исключительно высокой доходности торгово-посреднической деятельности, что обуславливало соответствующие позиции этой части бизнеса в экономико-политическом спектре России. Иными словами, инфляционная политика позволяла неэффективным предприятиям выжить, а коммерческим банкам и торговым организациям получать прибыли, не сопоставимые с доходами производственных секторов.

С другой стороны, постепенно формировались ряды сторонников альтернативного экономического курса, ориентированного на решительную макроэкономическую стабилизацию. Основными чертами его являлись последовательная либерализация хозяйственной деятельности, жесткая

финансово-кредитная политика, неуклонное осуществление приватизации. Суть этого курса можно определить как антиинфляционизм. Число его сторонников увеличивалось по мере расширения процесса приватизации и адаптации части предприятий к работе в условиях реальной рыночной среды, открывающих для активных руководителей и квалифицированного персонала широкие возможности экономического и социального роста. Понятно, что в проведении последовательной антиинфляционной политики более всего были заинтересованы те хозяйственные структуры, которые уже успели осознать свою экономическую силу, имели неплохие возможности реализовывать производимую продукцию в условиях конкуренции на внутреннем (или даже на мировом) рынке и которые уже были готовы проводить активную инвестиционную политику, предпосылкой которой, в первую очередь, выступала макроэкономическая стабильность.

Такое перераспределение интересов отразило новую и весьма важную тенденцию развития социальной ситуации в ходе реформ. Если раньше основной водораздел интересов проходил по линии принадлежности хозяйственного агента к государственному или частному сектору, то теперь принадлежность к той или иной форме собственности стала терять свое критериальное («интересообразующее») значение. Существенным фактором стало положение того или иного хозяйствующего агента по отношению к перераспределительным потокам «дешевых денег» (единственному оставшемуся дефициту), его возможность использовать их в своих интересах. В результате по обе стороны этой «экономической баррикады» оказывались как частные, так и государственные предприятия.

Именно наличие этих двух групп интересов с принципиально различными ориентирами и ожиданиями от экономической политики государства предопределило ту неустойчивость макроэкономической политики, которая отличает период 1992–1996 годов. На протяжении этих лет в России происходили важные изменения в обоих названных направлениях.

Если подходить с формальной, количественной, точки зрения, то можно увидеть, что исходный баланс социальных сил (групп интересов) складывался с явным перевесом инфляционистов. Количественное преобладание инфляционистски настроенных экономических агентов значительно осложняло стабилизационные усилия первых лет посткоммунистического развития экономики. Руководители этих предприятий имели немалый политический вес, доступ в центральные эшелоны власти, в которых продолжали доминировать традиционные советские представления о «народнохозяйственной важности» отраслей и производств. Численность занятых и обремененность социальной сферой были среди основных критериев при решении вопросов о финансовой поддержке тех или иных экономических агентов, поскольку положение исполнительной власти оставалось более чем слабым в конституционно-политическом отношении и уязвимым в социальном.

Отсутствие структурных сдвигов в экономике лишь укрепляло позиции инфляционистов. На протяжении первой половины 1990-х годов положение антиинфляционистских сил оставалось крайне противоречивым, а их политические перспективы весьма туманными. Решительная и последовательная приватизация укрепляла их ряды, расширяя возможности для проявления предпринимательского поведения в противовес «поиску политической ренты» государственных или квазичастных структур традиционного советского типа. В то же время чисто количественное преобладание инфляционистов в совокупности с неустойчивой макроэкономической политикой государства способствовали определенным негативным трансформациям в рядах потенциальных сторонников открытой рыночной экономики (антиинфляционистов). Здесь происходили процессы двоякого рода.

Во-первых, слабела политическая активность предприятий — сторонников антиинфляционного курса. Надежды на быструю остановку инфляции не оправдывались и, следовательно, те, кто был заинтересован в быстрой

и решительной стабилизации и строил на этом свою стратегию выживания в условиях рынка, приспособлялись к функционированию в условиях длительной высокой инфляции.

Во-вторых, произошло сращивание части активного (нового) предпринимательского слоя с институтами государственной власти. Слабое государство искало поддержки в новом, экономически сильном и влиятельном отечественном предпринимательстве. Для представителей же крупного бизнеса (неважно, частного или полугосударственного) тем самым создавалась комфортная среда, в которой борьба за выживание на рынке сменялась возможностью опереться на поддержку государственных институтов. Государство должно было опираться на наиболее сильных экономических агентов в обмен на свой единственный ресурс — предоставление «политической ренты», причем даже в том случае, когда его партнеры объективно были достаточно сильны, чтобы выживать самостоятельно.

Вместе с тем протекавшие социальные процессы, изменение экономических и, следовательно, политических «весов» различных секторов экономики и групп интересов постепенно трансформировали социально-политические реалии. Двумя наиболее существенными особенностями этой трансформации стали, по нашему мнению, изменения в финансово-банковском секторе, а также трансформация и стабилизация конституционно-правового пространства России.

Как нетрудно было предположить, основными бенефициантами инфляционных процессов оказались банки. В отличие от других секторов, заинтересованных в инфляции, и прежде всего от советского индустриального истеблишмента, банки в основном не проедали получаемые через инфляционные процессы ресурсы, а напротив, в значительной мере накапливали их — как в денежной, так и в материальной форме. В результате примерно к рубежу 1994–1995 годов достаточно ясно обозначились сдвиги в экономико-политической позиции банков. Часть банков

благодаря инфляции (или благодаря близости к властным структурам) смогла скопить значительный капитал, который был достаточен для того, чтобы переориентировать свои интересы на максимизацию массы (а не нормы) прибыли и создание более устойчивых условий для своего функционирования впредь.

В то же время низкая инфляция и макроэкономическая стабилизация оказывались для крупных банков привлекательными по целому ряду причин, из которых можно выделить следующие.

Во-первых, тем самым создавались благоприятные возможности для экспансии в сфере банковских услуг за счет поглощения мелких банков, не способных выжить при значительном снижении процентной ставки. Во-вторых, произошедшая в ходе приватизации экспансия банковского капитала в производственную сферу сделала финансовые институты гораздо более чувствительными к проблемам развития производства — по крайней мере, тех секторов, с которыми были связаны их капиталы, а это требовало снижения инфляции до приемлемого для инвестиций уровня. Разумеется, все сказанное ни в коей мере не может трактоваться как неожиданно возникшая готовность банков отказаться от поиска «политической ренты» (и связанной с этим в специфических российских условиях коррупции).

Укрепление банковского сектора и усиление в нем антиинфляционистских настроений способствовали и существенной трансформации правительственного курса, усилению в нем роли реформаторско-стабилизационных сил. Количественное преобладание неэффективного производства (по таким показателям, как количество предприятий и численность занятых на них) сохранялось, но финансовая и политическая роль неэффективных предприятий резко снизилась. Даже формальные изменения в составе правительства на протяжении 1994–1997 годов свидетельствовали о резком снижении роли традиционного советского хозяйственного истеблишмента (так называемых «красных директоров») и о столь же резком усилении

влияния новых коммерческих структур и связанных с ними политиков¹.

Этот вывод вполне подтверждается и развитием событий в результате августовского кризиса 1998 года. Всплеск инфляции оказался кратковременным, и в борьбе с инфляцией объединились практически все основные политические силы, как правые, так и левые. Левое правительство рубежа 1998–1999 годов провело стабилизационные мероприятия беспрецедентно жестко с социальной точки зрения. Отчасти это было связано с опасениями за политическую стабильность в стране, разрушение которой могло иметь крайне неприятные последствия практически для всего истеблишмента.

3. Конституционные проблемы русской трансформации

Формирование нового конституционного поля является самостоятельным фактором реформирования экономики и стабилизации политических процессов. В условиях революционной трансформации конституция играет весьма относительную роль, поскольку реальное соотношение социальных сил и групп интересов на деле всегда доминирует над писаным правом. Однако сами по себе процессы формирования конституционного поля могут стать самостоятельным фактором обретения страной социально-экономической стабильности, о чем свидетельствует и современный опыт русского конституционализма.

Не только конституционная система, унаследованная Россией от советских времен, но даже передовые по отношению к советскому опыту представления о желательных и эффективных конституционно-правовых механизмах плохо сочетались с потребностями устойчивого социально-экономического развития страны. Таковым было, например, представление о том, что советская конституция

¹ См.: Финансово-промышленные группы и конгломераты в экономике и политике современной России / Я.Ш. Паппе (ред.).

соответствует демократическим принципам организации общества и нуждается не столько в глубокой трансформации, сколько в готовности властей применять ее на практике.

Между тем жизнь показала, что конституция, не предназначавшаяся изначально для практического применения, сталкиваясь с реальной жизнью, оказывается неработоспособной. А когда от нее (от этой конституции) начинают требовать функционирования в полном объеме в условиях острого экономического кризиса и отсутствия в обществе социально-политического консенсуса, она начинает явно пробуксовывать и давать сбои. Причем в России нечеткость конституционных норм проявлялась особенно болезненно именно в экономической сфере.

Дали о себе знать и некоторые теоретические иллюзии, отражавшие общий уровень «дорыночных» представлений о правильной организации институтов государственной власти. Наиболее ярким примером здесь может быть ситуация вокруг Центрального банка. Одной из ключевых иллюзий было представление о том, что выведение Центробанка из-под контроля исполнительной власти наряду с подчинением его законодателям будет соответствовать принципам рыночной демократии и будет ключевым фактором стабилизации экономической политики государства. Здесь, однако, произошла подмена одного принципа другим: независимость денежных властей была перепутана с их независимостью от правительства.

Другим примером может быть резкое (практически безграничное) расширение бюджетных полномочий законодателей. Верный по существу принцип контроля представительной власти за государственными финансами был подменен прерогативой вмешательства депутатов в процесс разработки и исполнения бюджета, что приводило к возможности постоянного пересмотра бюджета уже на стадии его исполнения.

Неопределенность полномочий ветвей власти (прежде всего законодательной и исполнительной) порождала путаницу, когда решения по одним и тем же вопросам могли принимать президент, премьер-министр и председатель

Верховного Совета. К тому же в условиях обострения противостояния ветвей власти органы государственного управления на местах часто получали указания, прямо противоречившие друг другу, причем здесь причиной такой ситуации было уже не просто недоразумение, связанное с нечеткостью конституционных полномочий, а явное стремление ограничить возможности влияния противоположной стороны.

Примеры подобного рода коллизий нашли подробное освещение в литературе 1992–1993 годов. Оставался, скажем, открытым вопрос о полномочиях законодателей принимать решения о выделении ресурсов из федерального бюджета на поддержку отдельных отраслей и производств. Или другой пример, когда объявленные правительством итоги тендера на освоение нефтяных месторождений по проекту «Сахалин-2» были дезавуированы Верховным Советом под давлением проигравших (но очень состоятельных) конкурентов. Подчеркнем, что проблема здесь состояла не столько в превышении или непревышении ветвями власти своих полномочий, сколько в неясности этих полномочий и, следовательно, неправомерности, ненадежности принимаемых в такой ситуации решений. А это в свою очередь не способствовало стабилизации экономического развития страны¹.

Примерами другого рода были противоречивые указания, даваемые правительством и Верховным Советом Центральному банку — о политике учетных ставок, денежной эмиссии и номинации денежных знаков, о взаимоотношениях с другими странами СНГ, или же позиция по отношению к отдельным регионам, где также формировались дублирующие друг друга органы власти (наиболее ярким примером была Челябинская область, где в течение какого-то времени функционировали два губернатора, которых в Москве поддерживали разные ветви власти).

Уже первые шаги по реализации посткоммунистической (рыночной) экономической политики выявили ряд острых

¹ См.: Гайдар Е. Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996. С. 259–260.

проблем, связанных с балансом властей и эффективностью механизма принятия решений по ключевым экономико-политическим вопросам развития страны.

Во-первых, законотворческий процесс был исключительно упрощен, в результате чего любые решения (в том числе и финансовые) могли приниматься без сколько-нибудь определенной процедуры предварительного обсуждения и консультаций. Достаточно простой была и процедура внесения поправок в Конституцию, в результате чего на протяжении 1992–1993 годов изменения в Конституцию вносились очень часто.

Во-вторых, отсутствие в конституционно-правовом поле механизмов противодействия популизму. В частности, исключительно слабым было вето президента, которое по действовавшей Конституции преодолевалось законодателями простым большинством голосов, т. е., по сути дела, повторным голосованием за законопроект.

В-третьих, вне контроля исполнительной власти оставался Центральный банк. В условиях крайне популистского настроения депутатского корпуса такая ситуация оказывала негативное влияние на возможность исполнительной власти проводить последовательный стабилизационный курс. Практически безграничным было вмешательство Верховного Совета в денежную политику Центрального банка. Именно под давлением популистски настроенных депутатов ЦБ на протяжении всего 1992 года и частично 1993 года не мог поднять ставку рефинансирования до положительных значений. Ставка рефинансирования реально стала положительной лишь в последнем квартале 1993 года, т. е. после роспуска депутатского корпуса (21 сентября 1993 года) и фактической отмены советской Конституции (см. табл. 1). По этим же причинам долго сохранялись льготные (даже по отношению к отрицательной процентной ставке) кредиты отдельным предприятиям. Наконец, руководство Верховного Совета стремилось вмешиваться даже в решение текущих вопросов денежного регулирования — таких как выпуск купюр определенного достоинства, что провоцировало обострение кризиса наличности.

Таблица 1

Ставка рефинансирования и инфляция, 1993–1994 годы (%)*

	Ставка рефинансирования ЦБР	Темп прироста ИПЦ	Реальная межбанковская процентная ставка по кредитам на 1–3 месяца
1993			
Январь	6,7	25,8	–11,7
Февраль	6,7	24,7	–10,6
Март	6,7	20,1	–6,6
Апрель	8,3	19,0	–5,6
Май	8,3	18,0	–4,2
Июнь	11,7	19,9	–4,9
Июль	14,2	22,0	–5,8
Август	14,2	26,0	–8,5
Сентябрь	15,0	23,0	–5,9
Октябрь	17,5	20,0	–2,2
Ноябрь	17,5	16,0	1,0
Декабрь	17,5	13,0	4,1
1994			
Январь	17,5	17,9	0,0
Февраль	17,5	10,8	6,3
Март	17,5	7,4	9,4
* Следует обратить внимание на то, что на протяжении 1993 года месячный уровень ставки рефинансирования определялся как 1/12 от годовой ставки, а не по сложным процентам, т.е. годовая ставка была выше официально объявленной. Это был нехитрый психологический прием: высокие ставки вызывали недовольство экономической элиты, которой требовалось время, чтобы привыкнуть к такому уровню платы за кредит, и подобные арифметические манипуляции, как представлялось, могли немного «остудить» это недовольство.			

Источник: Обзор экономики России. М., 1995. № 1. С. 49–50, 204.

В-четвертых, налоговая система также сталкивалась с проблемами конституционно-правового и политического характера, особенно в части распределения налогов между федеральным и региональным уровнями. Пре-

где всего, сказывалось то, что распределение налоговых поступлений было индивидуализированным и постоянно происходил торг между центром и субъектами Федерации вокруг «справедливых» пропорций распределения. Губернаторы использовали максимум сил и влияния для снижения доли отчислений в федеральный бюджет, а федеральные власти были слишком слабы, чтобы противостоять этому давлению. Возникла цепная реакция, когда уступки одному региону влекли за собой «продавливание» уступок другими, действительно находящимися в аналогичном положении.

В-пятых, неурегулированность внутрифедеративных отношений не только ослабляла политические позиции центрального правительства, но и подрывала его позиции в столь чувствительной сфере, какой являются бюджет и налоги.

В-шестых, сохранение прозрачности границ в рамках СНГ размывало целостность российского валютного и таможенного пространства. Контроль за денежными потоками в силу неурегулированности правовой ситуации был крайне ослаблен.

Таким образом, к середине 1993 года необходимость формирования нового конституционно-правового пространства была вполне очевидна. Вопрос о коренном изменении Конституции РФ неоднократно ставился президентом, который предлагал провести по этому вопросу специальный референдум. Необходимость коренного пересмотра Конституции в общем-то не вызывала возражения среди законодателей, но они настаивали на принятии конституции без референдума, т. е. в редакции, поддерживаемой левопопулистским большинством депутатского корпуса. Зашедшая в тупик ситуация была взорвана открытым конфликтом между президентом и Верховным Советом 21 сентября — 4 октября 1993 года, роспуском законодателей и проведением 12 декабря новых выборов и, главное, конституционного референдума.

Новая Конституция радикально меняла принципы организации политического пространства, в том числе и в экономической сфере. Она была нацелена на достижение

максимальной устойчивости функционирования институтов власти, минимизации зависимости принимаемых в экономике решений от популизма.

Разумеется, ограничение зависимости от популизма является условием весьма относительным. Безусловной защиты от популизма не существует, в том числе и в устойчивых, насчитывающих многовековую историю демократиях. Поэтому в конституции посткоммунистической России единственным, по сути, противостоящим популизму могло быть резкое усиление полномочий исполнительной власти (особенно президента) в ущерб законодательной. Практика показала, что депутатский корпус является прежде всего и по преимуществу носителем популистского начала среди ветвей власти. Этот вывод, подтвержденный развитием событий на протяжении 1989–1993 годов, получил и вполне осмысленное теоретическое объяснение. Действительно, депутат, избранный непосредственно населением из своей среды, объективно оказывается чрезвычайно чувствительным к требованиям избравшего его населения, и особенно к нажиму со стороны разного рода лоббистов, базирующихся в его округе и (или) финансировавших его избирательную кампанию. В то же время депутат, строго говоря, не несет реальной ответственности за положение дел в стране, да и ответственность за положение дел в его округе является также весьма условной. Президент же при всей возможной склонности его к популизму и лоббизму в конечном счете сам отвечает за результаты своей деятельности, ему их (эти результаты) в демократическом обществе не на кого списать. Объективный, естественный характер такой ситуации в полной мере проявился тогда в России и нашел отражение в вынесенном на референдум проекте Конституции 1993 года.

Сильные конституционные позиции президента не давали абсолютных гарантий против экономического популизма. Было более или менее ясно, что реальная экономическая политика будет зависеть от баланса реальных политических сил и групп интересов. Но по крайней мере это не создавало ситуацию доминирования популистских

настроений *по определению*, т.е. отвечающий за стабильность ситуации в стране президент имел хороший шанс избежать популистской ловушки. К тому же в демократическом обществе, где периодически руководители исполнительной власти должны подтверждать свои полномочия на выборах, вероятность популизма тем более снижается. Хотя, конечно, ни гарантий отсутствия популизма, ни гарантий сохранения демократического режима в тех условиях никто дать не мог.

Ключевыми моментами нового конституционного режима, непосредственно касающимися экономических проблем, были следующие.

Резкое усложнение процесса принятия законодательных актов, особенно касающихся финансово-экономических вопросов. Рассмотрение законов в парламенте должно было проходить через несколько чтений: обычно три, а в случае с федеральным бюджетом — даже четыре. Причем принятие законов по вопросам федерального бюджета, налогов и сборов, а также финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования и денежной эмиссии предполагало обязательную экспертизу их со стороны правительства и, в отличие от других законопроектов, обязательное их рассмотрение (и соответственно одобрение) в Совете Федерации. Одновременно во избежание популистских спекуляций и демагогии в экономико-политической сфере было запрещено выносить эти вопросы на референдум.

Стабилизации экономической политики страны способствовало и конституционное закрепление полномочий Центрального банка, основной функцией которого были провозглашены защита и обеспечение устойчивости денежной единицы Российской Федерации — рубля. Это было реакцией на проблемы 1992–1993 годов, когда руководство Центробанка, отчасти под давлением Верховного Совета, но в еще большей мере следуя собственным представлениям о правильной экономической политике, концентрировало свои усилия на поддержании производства на предприятиях, результатом чего было лишь нарастание макроэкономического кризиса.

Своеобразно, а также под воздействием накопленного опыта был решен вопрос о положении Центрального банка в системе органов государственной власти страны. Формально независимость его провозглашена не была, как не было сказано и о подчиненности Центробанка той или иной ветви власти. Фактически, по логике Конституции 1993 года, это означало его более тесную зависимость от исполнительной власти, что и нашло вскоре выражение в обязательном участии председателя Центробанка в заседаниях правительства. Однако Конституция провозгласила, что «денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации», при этом «независимо от других органов государственной власти». В совокупности с назначением председателя Центробанка Государственной думой по представлению президента и его фактической несменяемостью на протяжении пяти лет это создавало определенные гарантии стабильности и независимости курса денежных властей и одновременно требовало координации денежной политики с действиями правительства. Но, разумеется, как и в ситуации с сильным президентом, приверженность Центробанка курсу на денежно-финансовую стабильность в значительной мере попадала в зависимость от позиции президента и личных качеств председателя Центрального банка.

Правда, оставалась существенная проблема, касающаяся финансово-денежной политики, которая не получила правового закрепления, — запрет бюджетного дефицита. Собственно конституционный запрет принимать бюджет с дефицитом является довольно редким явлением в мировой правовой практике. В посткоммунистических странах наиболее последовательное решение этот вопрос получил в Эстонии. В России вопрос конституционного запрета бюджетного дефицита всерьез не ставился и не обсуждался, хотя проблема вполне реальна, особенно в ситуации отсутствия общественного консенсуса по базовым ценностям дальнейшего развития общества.

Еще одним фактором, важным с точки зрения решения задач макроэкономической стабилизации, стало более жесткое разграничение полномочий между центром

и субъектами Федерации, включая запрет на эмиссию иных, кроме выпускаемых Центробанком, денежных знаков. Хотя впоследствии проблема квазиденег приобрела в России достаточно болезненный характер. Принципиальная установка Конституции в совокупности с решительными действиями властей приостановили начинавшуюся эмиссионную активность отдельных субъектов Федерации.

И, наконец, был усложнен механизм внесения в Конституцию РФ поправок. Это была не чисто экономическая проблема, но она играла ключевую роль для оздоровления экономической ситуации в стране. Облегченная система корректировки Конституции делала ее заложником текущих настроений законодателей и создавала обстановку постоянной нестабильности, в том числе и нестабильности экономической. Принятие решений хозяйствующими агентами было, естественно, крайне затруднено как по политическим, так и по экономическим причинам.

Иными словами, при всех недостатках Конституции 1993 года ее главным достоинством было формирование четких правил игры вообще и в сфере финансово-экономической в особенности. Бюджетный процесс стал более управляемым, а Центральный банк был отделен от популистски настроенных законодателей. Все это положительно сказывалось на возможности исполнительной власти осуществлять ответственный макроэкономический курс.

Резкое обострение экономического кризиса летом 1998 года также имело конституционно-политические корни. В основе финансового краха лежал бюджетный кризис, т.е. неспособность властей обеспечить принятие реалистичного бюджета. В значительной мере это было связано со сложившимся балансом ветвей власти, когда законодатели объективно не были заинтересованы в обеспечении экономической стабильности в стране. Впрочем, дело здесь не сводится к тексту Конституции. Отдельного обсуждения требуют особенности процессов формирования конституционного соглашения между ведущими социально-экономическими агентами, а также вопрос о базовых «правилах игры», соответствующих данному уровню экономического развития страны.

4. Социально-политические проблемы приватизации

Слабое государство в поисках социально-политической опоры неизбежно прибегает к помощи такого мощного механизма, каким является перераспределение собственности.

В качестве основных среди задач приватизации можно выделить следующие. Во-первых, решение проблемы эффективного собственника и динамизации экономических реформ. Во-вторых, укрепление социально-политической базы преобразований — вопросы трансформации собственности являлись естественным и достаточно мощным аргументом в поиске поддержки тех или иных политических сил со стороны влиятельных групп интересов. В-третьих, задачи стабилизации финансового положения страны. На разных этапах развития России степень актуальности каждой из перечисленных задач приватизации была разной.

Уже реформа предприятий 1987–1988 годов при последовательной реализации означала в стратегическом отношении шаг в направлении приватизации в пользу директоров. Руководство предприятий в новых условиях оказывалось практически не зависимым от вышестоящих органов хозяйственного управления, а зависимости от собственников не возникало по причине отсутствия последних. Этот шаг горбачевской администрации был одним из ключевых моментов в революционизировании перестройки и, будучи таковым, представлял собой попытку расширения социальной базы реформаторов за счет привлечения на свою сторону директорского корпуса и отчасти трудовых коллективов (которые получили право избрания директоров). Одновременно, как выяснилось позднее, это был шаг к административной и организационной дестабилизации, поскольку в обществе появился влиятельный слой хозяйствующих структур, не связанных в своих действиях ни административными, ни рыночными ограничителями. Тем более что вскоре под давлением этой группы интересов стали приниматься новые решения по углублению ее независимости (и безответственности) через развитие разного рода

кооперативных и арендных («с правом выкупа») начал, которые означали на деле почти бесплатную передачу собственности в руки администрации действовавших предприятий¹.

По мере нарастания кризиса внимание к приватизации все более усиливалось. Слабеющая союзная власть не имела рычагов для стабилизации отношений собственности, для упорядочения процессов приватизации, придания им достаточных легальных оснований. Такое наследие в конце 1991 года получило российское руководство, пошедшее по пути радикализации экономических реформ. И именно поэтому, помимо перечисленных выше трех основных вероятных задач, приватизация в России конца 1991—1992 годов должна была решить еще одну — обеспечить минимальное восстановление управляемости экономики посредством включения отношений собственности хоть в какое-то правовое поле.

Практически для всех основных нормативных документов, регулирующих процессы приватизации в РФ², характерно по крайней мере формальное переплетение всех трех задач приватизации — экономической (повышение эффективности), социальной и фискальной. Хотя специфика различных документов, принимавшихся на разных этапах экономической реформы, естественно, различна.

В первых российских документах по проблемам собственности содержатся такие нормы, как закрепление за предприятиями государственной и муниципальной собственности

¹ См.: *Gaidar E.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. С. 149–151; *Aslund A.* How Russia Became a Market Economy. Washington, DC: The Brookings Institution, 1995. P. 225–226.

² О собственности в СССР: Закон СССР от 6 марта 1990 г.; О предприятиях в СССР: Закон СССР от 4 июня 1990 г.; О собственности в России: Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г.; О приватизации государственных и муниципальных предприятий: Закон РСФСР от 3 июня 1991 г.; Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г.: утверждены Указом Президента Российской Федерации от 29 декабря 1991 г.; Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год: утверждена Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 11 июня 1992 г.; Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации: утверждена Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г.

«на праве полного хозяйственного ведения» (что на практике означало легализацию возможности бесконтрольного использования госсобственности в частных интересах), предоставление права выкупа на льготных условиях предприятий, работающих на аренде (последнее было легальным способом приобретения своего предприятия руководителями и связанными с ними предпринимателями-«кооператорами»). Предполагалось, что подобные меры будут способствовать укреплению политических позиций российской власти — как непосредственно, так и путем стимулирования перехода предприятий от союзного подчинения в республиканское.

Начальный период посткоммунистического этапа развития характеризуется усилением акцента на макроэкономическом аспекте приватизации. В «Основных положениях программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ на 1992 год» от 29 декабря 1991 года в качестве целей приватизации фигурируют: «содействие общим задачам политики экономической стабилизации», «обеспечение резкого повышения экономической эффективности деятельности предприятий на основе их передачи в руки наиболее эффективных собственников», «увеличение бюджетных доходов».

Отсутствие в этом документе социально-политических целей приватизации требует пояснений. Разумеется, формирование строя частных собственников в ходе приватизации было одной из важнейших программных задач либерального посткоммунистического правительства. Однако эта проблема воспринималась тогда как стратегическая и не рассматривалась в качестве рычага укрепления политических позиций нового режима. Такое понимание роли приватизации пришло позднее, уже во второй половине 1992 года. Вначале же правительство Б. Ельцина — Е. Гайдара было склонно проводить курс, выходящий за рамки тех или иных групп интересов. Напротив, задача быстрой макроэкономической стабилизации и, соответственно, преодоления фискального кризиса воспринималась на этой стадии в качестве ключевой. Правительство надеялось на развитие событий по польскому сценарию, предполагавшему быстрое торможение инфляции

и выход на этой основе в режим экономического роста. Поэтому поиск неинфляционных источников финансирования характерного для постсоциализма высокого уровня государственных расходов делал исключительно актуальной возможность привлечения в бюджет средств от приватизации.

Однако реальное развитие событий пошло в ином направлении, в результате чего массовая приватизация 1992–1995 годов имела откровенно социально-политический характер¹. С одной стороны, высокая инфляция оставалась важным фактором пополнения бюджетных доходов и на время ослабляла тяжесть бюджетных проблем. С другой стороны, обстановка политической нестабильности, особенно в преддверии президентских выборов 1996 года, не позволяла всерьез рассчитывать на приток капитала и соответственно на поступление в бюджет средств от приватизации².

К 1997 году в связи с завершением периода высокой инфляции ситуация заметно изменилась. Правительство оказалось перед лицом тяжелого бюджетного кризиса, и приватизация стала рассматриваться в качестве одного из важнейших источников пополнения казны. Правительство прибегло к реализации принадлежащих ему пакетов акций ряда предприятий, весьма привлекательных с коммерческой точки зрения. Усиление «бюджетного» характера

¹ Это отчетливо прослеживается в двух первых версиях Государственной программы приватизации — от 11 июня 1992 года и особенно от 24 декабря 1993 года. На доминирование социальных задач приватизации и принесение им в жертву задач фискальных прямо указывали многие реформаторы, и прежде всего Е. Гайдар: «... требовалось как можно быстрее создать критическую массу частной собственности. Так что, выбирая между скоростью и качеством приватизации, мы сознательно делали ставку на темпы» (*Гайдар Е.* Власть и собственность: развод по-русски // *Известия*. 1997. 1 октября).

² Поэтому, кстати, низкие бюджетные результаты залоговых аукционов конца 1995 года должны объясняться не только стремлением власти заручиться поддержкой финансовых кругов в преддверии выборов, но и реально низким спросом на активы в связи с угрозой победы на президентских выборах коммунистов, отвергающих приватизацию.

Ряд экономистов, анализирующих российскую приватизацию, отмечают противоречивость ее социальных и финансово-экономических аспектов и характеризуют возникающую здесь ситуацию пол углом зрения проблемы транзакционных издержек. Так, например, С. Малле писала, что социально-политическая борьба вокруг приватизации в России (негативно сказывается на величине транзакционных издержек. Они становятся выше, чем в том случае, когда передача прав собственности опиралась бы только на экономические критерии» (*Малле С.* Приватизация в России: особенности, цели и действующие лица // *Вопросы экономики*. 1994. № 3. С. 55).

Таблица 2

Финансовые результаты приватизации, 1992–2002 годы

Годы	Доходы федерального бюджета от приватизации		
	по 1997 г. — млрд руб., с 1998 г. — млн руб.	как доля всех доходов бюджета (%)	как доля ВВП (%)
1992	19	0,6	0,1
1993	71,1	0,28	0,04
1994	117	0,14	0,02
1995	1 140	0,49	0,08
1996	898	0,32	0,04
1997	17 959,9	5,23	0,77
1998	14 977,8	4,60	0,57
1999	8 540,5	1,39	0,18
2000	31 324	2,77	0,43
2001	9 943,4	0,62	0,11
2002	13 413	0,61	0,12

Источники: Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 2002. С. 334; Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат России, 1999. С. 290; Российская Федерация в цифрах в 1993 г. М.: Госкомстат России, 1994. С. 32.

приватизации отчетливо прослеживается по данным табл. 2. Однако оно столкнулось с жестким сопротивлением лидеров бизнеса — активных участников приватизации, заинтересованных в занижении цен на приватизируемые объекты. Начавшиеся затяжные политические конфликты привели к политическим потерям для обеих сторон этого противостояния (бизнеса и правительства).

Однако в 1998 году произошел новый поворот. Финансовый кризис привел, с одной стороны, к резкому обострению бюджетного кризиса и соответственно к усилению значимости для правительства фискальных результатов приватизации, а с другой стороны — к падению спроса на приватизируемые объекты и, следовательно, к падению цен. Естественно, в этих условиях с гораздо большим основанием стали звучать и голоса «игроков на понижение». На протяжении всего года

правительство разрывалось между сторонами этого противоречия, так и не найдя эффективного выхода из ситуации. Срыв в высокую инфляцию, кризис банков и коллапс кредитного рейтинга России вновь откладывают возможности получения значимых фискальных результатов от приватизации.

5. Заключительные замечания

В данной главе речь шла лишь о некоторых проблемах политической экономики посткоммунистической трансформации. А именно о тех из них, которые связаны с революционным характером этой трансформации применительно к современной России. Однако есть еще целый ряд важных вопросов, относящихся к области политической экономики, которые имеют принципиально важное значение для понимания тенденций развития нашей страны. Коротко обозначим некоторые из них.

Существует зависимость между уровнем социально-экономического развития и стабильностью демократического режима. В современной литературе достаточно убедительно обоснована связь между уровнем экономического развития и характером политического режима в данной стране¹. Если верны количественные оценки С. Хантингтона, то СССР встал на путь демократических реформ, находясь на нижней границе «полосы» демократизации, по крайней мере по показателю среднедушевого ВВП. Как отразится падение производства и рост социальной поляризации на характере власти? Тем более что самое приемлемое решение задачи выхода из революции (и преодоления сопутствующего ей экономического кризиса) также не благоприятствует демократическим процессам.

Исключительно важными представляются проблемы конституционной экономики с точки зрения перспективы.

¹ См.: *Lipset S.M. Political Man. The Social Basis of Politics.* N. Y.: Doubleday, 1960; *Huntington S.P. Political Order in Changing Societies.* New Haven: Yale University Press, 1968; *Vanhanen T. Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries.* L.; N. Y.: Routledge, 1968.

Это выходит за рамки собственно трансформационного аспекта, который рассмотрен в настоящей главе.

Отдельной проблемой является взаимоотношение экономических процессов и результатов выборов. Взаимосвязь экономики и политики в демократических странах проявляется, прежде всего, через выборы, и практика России 1990-х годов несет в себе немало интересного материала для анализа. Заслуживает внимания вопрос о характере политико-делового цикла в посткоммунистической России, как и проблема влияния экономической динамики на электоральное поведение граждан.

Предметом особого анализа должна стать и политэкономия российского федерализма.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИЙ

1. Революционный характер посткоммунистической трансформации

Особенность российских преобразований, осуществлявшихся на протяжении последних двух десятилетий, состоит в переплетении нескольких различных, хотя и взаимосвязанных кризисов и соответственно нескольких трансформационных процессов. Речь идет, во-первых, о структурном кризисе индустриального общества, столкнувшегося с постиндустриальными вызовами; во-вторых, о макроэкономическом (финансовом) кризисе; в-третьих, о посткоммунистической трансформации; в-четвертых, о революционном характере этой трансформации. Последний фактор отличает Россию от большинства других посткоммунистических стран.

Революционный характер трансформации не является уникальным в истории. Революция в современной России

может быть рассмотрена в контексте других великих революций прошлого, и это сопоставление дает многое для лучшего понимания как особенностей развития посткоммунистической России, так и для осмысления других революций.

Даже поверхностный взгляд на события, происходящие на протяжении последних пятнадцати лет в России, и сравнение их с великими революциями прошлого позволяют отнести нашу трансформацию именно к данному классу явлений. Это кажется, прежде всего, логики развертывания кризиса коммунистической системы, движения его от одной фазы к другой. Знаменитая книга Крейна Бринтона «Анатомия революции»¹, написанная в 1930-е годы и посвященная сравнительному анализу английской, американской, французской и русской (большевистской) революций, если бы была своевременно (где-то в конце 1980-х годов) переведена и издана в СССР, могла бы стать настольным пособием по политическому прогнозированию. Схожесть фаз², специфики политической борьбы, экономических процессов прошлого и нашего настоящего была просто удивительной и весьма полезной для осознания характера и направления осуществляемых перемен. Аналогии, разумеется, ничего не доказывают. Однако они позволяют увидеть проблему и поставить вопрос о механизмах, обуславливающих возникновение подобных аналогий.

Определение революции не может быть абсолютным. Существует множество различных состояний трансформации общества из одного состояния в качественно иное. Смена качественных характеристик нередко обуславливает использование термина «революционный». Однако все эти революции являются таковыми лишь по своему результату: они

¹ См.: Brinton C. The Anatomy of Revolution. N. Y., 1965.

² Можно выделить следующие основные фазы революционного процесса: «розовый период» (или «медовый месяц») революции, когда все силы объединены вокруг задачи ниспровержения старого строя, а у власти находится чрезвычайно популярное «правительство умеренных»; поляризация, размежевание социально-политических сил, приводящие к краху «правительства умеренных»; радикальный период, когда происходит окончательный слом старой системы, и возвращение к ней становится невозможным; термидор (если пользоваться известным термином Великой французской революции), закладывающий основы для укрепления государства и стабилизации системы; посттермидорианская стабилизация и выход из революции.

предполагают смену качественного состояния системы (в данном случае общества). Такое широкое понимание мало чем может осмыслить те или иные события, претендующие на звание «революционных». Очевидно, что, помимо самой глубины преобразований, важен еще и механизм их осуществления.

Здесь мы подходим к очень важному моменту. Традиционно революции трактовались как насильственные смены режимов, связанные с возникновением новой элиты и наличием новой идеологии. Нам представляется, что опыт посткоммунистической трансформации требует пересмотра этой дефиниции. Да, революция представляет собой радикальную, системную трансформацию данного общества. Однако роль насилия, изменения элиты и идеологии не должны абсолютизироваться. Гораздо более важной характеристикой полномасштабной революционной трансформации является то, что она осуществляется в условиях резкого ослабления государственной власти. Политическим проявлением этого кризиса является острый конфликт элит (и вообще основных групп интересов), отсутствие между ними консенсуса по базовым ценностям, по ключевым вопросам направления дальнейшего развития страны. Для экономистов же слабость власти проявляется, прежде всего, в финансовом кризисе государства, в его неспособности собирать налоги и балансировать свои расходы со своими доходами.

Именно слабость государственной власти обуславливает стихийный характер протекания экономических и социальных процессов, что, в свою очередь, делает великие революции удивительно похожими друг на друга как по фазам развертывания экономического и политического кризиса, так и по базовым характеристикам. Общественное развитие вдруг оказывается результатом не чьих-то целенаправленных воздействий (иногда более, а иногда менее эффективных, но все же осмысленных), а результатом равнодействующей многих групп интересов, «тянущих» страну в разных направлениях. Отсюда возникает стихийность. Но отсюда появляются и закономерности, делающие великие (полномасштабные) революции столь похожими друг на друга.

Именно стихийность, а не насилие является конституирующим признаком революции. Насилие, несомненно, также имеет

место. Острый конфликт основных групп интересов, невозможность найти общий язык по фундаментальным вопросам жизни страны делают практически неизбежным использование силы для навязывания определенной системы ценностей, по которой оказывается невозможно договориться при помощи обычных (легитимных на данном уровне развития страны) процедур. Однако уровень насилия не поддается внятной оценке, тем более количественной. Сколько нужно насилия, чтобы данная трансформация была признана революционной? Кто это способен оценить? Вряд ли можно согласиться с тем, что более великими являются более кровавые революции. Эти основания становятся еще более зыбкими, когда мы переходим от аграрных стран к анализу революционных событий в урбанистических обществах. По мере роста общего уровня социально-экономического развития (а вместе с ним образования, культуры, материального благосостояния) роль насилия в принципе снижается, потому что населению теперь уже «есть что терять».

Смена элиты в ходе революции, несомненно, происходит. Однако ее не следует смешивать с немедленным физическим (на эшафот, в эмиграцию или в отставку) устранением представителей элиты старого режима. Здесь надо учитывать два обстоятельства. Прежде всего, радикальность обновления элиты, как правило, сильно преувеличивается историками революций¹. При обращении же к высказываниям современников этих событий почти всегда сталкиваешься с жалобами на сохранение у власти многих представителей старой элиты. Причем подобные жалобы характерны даже для таких, казалось бы, радикальных потрясений, как Великая французская революция. Лишь по прошествии времени ситуация меняется.

Более важен другой аспект данной проблемы. Смена элиты не должна в принципе отождествляться с представляющими ее физическими лицами. Новая элита — это готовность людей действовать в новых обстоятельствах, играть по новым правилам, в новой логике. К этому могут приспособиться как

¹ На это обращал внимание и Дж. Голдстон. См.: *Goldstone J.A. Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press, 1991. P. 296.

выходцы из старой элиты, так и новые лица. Вряд ли оттого, что епископ Оттенский был представителем старой элиты, Талейран не является ярчайшим представителем именно нового режима. Равно и присутствие В. Черномырдина в высших слоях советской номенклатуры (министр и член ЦК КПСС) не может приуменьшить его роль в становлении новейшего российского капитализма. Роль, которую он сыграл и как создатель и вдохновитель Газпрома, и как премьер-министр. Словом, роли важнее происхождения.

Аналогичные рассуждения применимы и к вопросам трансформации собственности. Аргументы смены собственника, несомненно, важны, но их не следует абсолютизировать. Гораздо важнее не физическая смена собственника, а смена формы собственности. Важный пример дает в этом отношении английская революция середины XVII столетия. Большинство исследователей считают ее непоследовательной, половинчатой, поскольку в ее ходе не происходило радикальных перемен собственности, а аристократия в значительной массе была сохранена. Особое удивление вызывает склонность лидеров революции, фактически конфисковывая у роялистов земельные владения, перепродавать их старым же владельцам. Однако упускался из виду тот факт, что после перепродажи это была уже другая собственность, частная, освобожденная от старинных феодальных обязательств, составляющая основу для будущего капиталистического общества и обеспечивающая необходимую социальную базу для будущего экономического роста. Аналогично развивалась ситуация и в России, где после начального этапа приватизации значительная часть собственности оказалась под контролем директоров этих же предприятий, а затем постепенно переходила в другие руки.

Не следует преувеличивать и роль возникновения новой идеологии. Революция, несомненно, связана с идеологией, однако связь эта более сложная, чем обычно принято думать. Революция не навязывает обществу новую идеологию. Напротив, она происходит тогда, когда общество (и прежде всего его элита) оказывается захвачено новой идеологией, новыми представлениями о «правильном» общественном устройстве.

Просвещение, идеология «естественного порядка» и «духа законов» сформировали основу французской революции и общую базу деятельности практически всех революционных и постреволюционных правительств. Для рубежа XIX–XX веков были характерны кризис системы рыночной демократии и утверждение в мире идеологии индустриализма, монополизма и этатизма, и большевики не могут обладать монопольными правами на построенную в СССР экономико-политическую модель (другое дело, количество жертв, которые они заставили принести страну для воплощения этой модели). Современные посткоммунистические преобразования в полной мере вписываются в победившую в цивилизованном мире к началу 1980-х годов систему экономико-политических воззрений и ценностей, основанную на либерализме и индивидуализме, символом которой стал знаменитый тезис Ф. Фукуямы о «конце истории»¹. Словом, доминирующая идеология эпохи задаст общие рамки революции вообще и ее экономической политики в частности.

Таким образом, в нашем представлении революция выступает как системная трансформация общества в условиях слабого государства. Это определенный механизм социальной трансформации, механизм прохождения через системный общественный кризис и адаптации к новым вызовам своей эпохи.

Возможны и другие механизмы адаптации данной страны к новым вызовам, среди которых постепенные реформы, осуществляемые старым режимом, завоевание иностранным государством и, наконец, «революции сверху». Однако общей чертой всех этих механизмов трансформации, отличающей их от революции, является наличие сильной власти (национальной или оккупационной), обеспечивающей контроль за характером и ходом реформ. Здесь нет места хаотической борьбе примерно равных сил с неясным политическим исходом. Борьбе, делающей всю общественную жизнь в высшей степени неопределенной — как в краткосрочной перспективе, так и в плане стратегическом.

Эта неопределенность, обусловленная политической борьбой, в значительной мере предопределяет облик

¹ См.: *Fukuyama F. The End of History and the Last Man*. L.: Penguin Books, 1992.

революционного общества, включая экономические механизмы революционной трансформации.

Предлагаемое нами понимание революции позволяет сделать ряд важных выводов.

Прежде всего, надо признать, что освобождение от коммунизма в большинстве стран Центральной и Восточной Европы вряд ли может рассматриваться как серия революций в строгом смысле этого слова. В подавляющем большинстве случаев общество и элита не были расколоты по базовым ценностям. Какими бы глубокими ни были у них внутренние конфликты, все они стремились обрести место в объединенной Европе. Соответственно власти не теряли контроль за социально-экономическими процессами.

Понимание революции как определенного механизма трансформации само по себе никак не облегчает задачу прогноза начала соответствующих преобразований. Неспособность специалистов предсказать близкий крах советского коммунизма является довольно типичной для аналогичных ситуаций в прошлом¹. Но точно такие настроения господствовали незадолго до всех великих революций прошлого — от английской до большевистской. Не то чтобы никто не ожидал перемен, предчувствие перемен как бы носилось в воздухе, но никто не мог спрогнозировать механизм этих перемен, их стихийный, неконтролируемый властями характер.

Существует и еще одна особенность, отличающая российскую трансформацию от других великих революций прошлого. По сути, мы имеем дело с первой полномасштабной революцией, происходящей в условиях кризиса индустриализма и перехода к постиндустриальному обществу. В стране с подавляющим преобладанием городского населения, с высоким уровнем образования и культуры. При всех материальных проблемах уровень благосостояния россиян несопоставим с аналогичными показателями революций прошлого. Это накладывает существенный отпечаток на современную

¹ В вышедшем в 1989 году втором издании книги Дж. Данна «Современные революции» говорится о невозможности революционной трансформации коммунистических стран (см.: *Dunn J. Modern Revolutions*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 22).

российскую трансформацию, хотя и не может изменить базовые характеристики революционного механизма.

2. Экономические проблемы революций и современная Россия

Особый интерес представляет анализ экономических особенностей революционной трансформации. Среди важнейших характеристик революционного экономического кризиса следует выделить: резкий рост транзакционных издержек; демонетизацию экономики; наличие длительного макроэкономического (бюджетного и денежного) кризиса, совпадающего с временными рамками революции; особые процессы перераспределения собственности, осуществляемые преимущественно в целях политической стабилизации нового режима.

Экономическую динамику СССР и России 1980–1990-х годов в самом общем виде можно охарактеризовать так: по мере ослабления государства последовательное нарастание кризиса и затем, с укреплением власти, появление первых признаков изменения направленности этого тренда. По сути, это и есть типичный революционный экономический цикл. Продолжительность экономического кризиса, которая некоторым политикам и экономистам кажется беспрецедентной для мирного времени, на самом деле отнюдь не уникальна для периодов революционных потрясений.

Нарастание экономических трудностей в первой половине 1980-х годов дало толчок глубоким преобразованиям, которые вскоре приняли революционный характер. Первые шаги нового советского руководства во главе с М. Горбачевым сопровождались некоторыми позитивными сдвигами в народном хозяйстве на протяжении 1986–1988 годов. Однако с 1989 года ошибки новой власти в совокупности с сокращением нефтяных доходов обусловили ухудшение общей экономической конъюнктуры, после чего происходило дальнейшее ослабление государственной власти, усиливался спад производства, разгонялась инфляция, рушилась система государственных финансов.

Переход революции в радикальную фазу вновь сопровождался кратковременным улучшением экономического положения: по одним параметрам ситуация стабилизировалась, по другим — кризис усугублялся. На рубеже 1991 и 1992 годов удалось преодолеть казавшийся безысходным товарный дефицит — самый характерный феномен коммунистической системы. Отступила угроза голода и холода, нависшая над страной, и особенно над крупными промышленными центрами, в преддверии зимы 1991/1992 года. Но вскоре в результате острейшей политической борьбы экономическая динамика приобрела отчетливо негативный характер: начался период длительной открытой высокой инфляции и углубляющегося спада производства, который продолжался до 1997 года.

Затем ситуация постепенно стабилизировалась. Произошли торможение инфляции и денежная стабилизация (в 1996–1997 годах), затем — бюджетная стабилизация (1998–1999 годы). Параллельно происходила и политическая стабилизация. На этом фоне и по этим причинам во второй половине 1999 года в России возобновился экономический рост.

Рост транзакционных издержек. В основе экономических проблем, характерных для революции, находятся политический кризис и вызываемый им рост транзакционных издержек. Можно выделить ряд факторов, снижающих стимулы предпринимательской деятельности и ограничивающих возможности экономических агентов оценивать перспективы принимаемых ими решений. Во-первых, неясность перспектив нового экономического порядка, что особенно сказывается при перераспределении собственности, когда новые собственники не могут оценить надежность полученных ими приобретений. Во-вторых, уже в начале революции происходит резкая ломка институциональной структуры революционного общества, т. е. «правил игры», по которым привыкли действовать экономические агенты. Наконец, в-третьих, слабое государство не способно обеспечить исполнение законов и контрактов, а потому предприниматели должны идти на дополнительные затраты для подтверждения надежности сделок. Все эти проблемы обостряются во время гражданских войн, сопровождавших все великие

революции прошлого. В результате предприятия «склонны избирать краткосрочную стратегию», а «самыми выгодными занятиями становятся торговля, перераспределение или операции на черном рынке»¹. Причем торгово-посредническая деятельность, хотя и оказывается эффективней производственной, все равно несет значительный ущерб от нестабильности «правил игры».

Рост транзакционных издержек стал важнейшим фактором ухудшения экономической ситуации во всех революциях, начиная с английской, когда революционные процессы протекали относительно сглаженно, а надежность прав собственности обеспечивалась в большей мере, чем в последующих революциях. Естественно, во всех последующих революциях проблема транзакционных издержек влияла на развитие событий еще сильнее.

Особенно остро названные проблемы стоят в современной России, причем вплоть до настоящего времени. Низкая конкурентоспособность российских предприятий в значительной мере связана именно с неспособностью государственной власти обеспечить стабильность условий хозяйствования, и прежде всего исполнение законодательства (law enforcement). Коррупция в государственном аппарате и коррупция в суде являются на сегодня важнейшими препятствиями развития российской экономики. Предприятия вынуждены закладывать в издержки своеобразные «затраты на исполнение закона» (на осуществление правосудия, на получение благоприятного решения в госаппарате), что не только ведет к росту издержек, но и существенно повышает неопределенность хозяйственной жизни.

Бюджетный кризис революции. Центральным пунктом революционного экономического кризиса является бюджетный кризис, который остается актуальным на протяжении всего периода революции. Финансовый кризис выступает здесь, прежде всего, как кризис государственного бюджета, как неспособность государства финансировать свои расходы традиционными и легитимными способами.

¹ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 92.

Вопрос об источниках пополнения казны всегда был острейшим и для последнего предреволюционного режима, и для всех сменяющих друг друга правительств революции, и для послереволюционной власти. С финансированием революции связаны самые острые коллизии внутренней и внешней политики. Не только контрибуции, реквизиции и новые налоги, но и меры по перераспределению собственности — национализация, приватизация, всевозможные конфискации — предопределялись в первую очередь поиском денег для революционной власти. Добавим к этому, что масштабная бумажно-денежная эмиссия как способ инфляционного финансирования государственного бюджета также стала открытием двух великих революций XVIII века (американской и французской).

Финансовый кризис революции проявляется в следующих основных формах.

Во-первых, падение сбора налогов и неспособность правительства применять силу государственного принуждения для получения законных налогов. В результате власти или закрывают глаза на эту проблему, прибегая к нетрадиционным способам пополнения казны, или даже принимают официальные решения об отмене налогов, как это было во Франции в 1789–1791 годов, или о снижении налогов несмотря на бюджетный кризис, как это было в СССР в 1990–1991 годах. Естественно, причина таких решений связана, прежде всего, с поиском политической поддержки слабого правительства. Неудивительно, что в посткоммунистической России пики налоговых неплатежей совпадают с моментами наиболее резкого ослабления государственной власти (август-сентябрь 1993 года и зима 1995–1996 годов), когда со всей очевидностью вставал вопрос о ее способности выжить в течение ближайших месяцев.

Во-вторых, резко усиливается роль займов. В большинстве случаев это оказываются не обычные добровольные займы, а «добровольно-принудительные» или откровенно принудительные. Последние часто переходят в контрибуции, накладываемые на сторонников старого режима. Власти склонны идти на индивидуальные соглашения с налогоплательщиками или крупными финансистами, договариваясь об их вкладе в государственный

бюджет. Хотя, разумеется, не всегда займы доступны революционному правительству (как это было в революционной Франции или большевистской России), однако, как правило, революционеры (даже на радикальной фазе) способны проводить внутренние и внешние заимствования — хотя и в сужающемся масштабе по мере продвижения революции вперед. Перестроенный СССР и посткоммунистическая Россия имели широкий доступ к заимствованиям (прежде всего внешним), и задолженность в этот период резко возросла (практически в пять раз за 1985–1997 годы). Параллельно нарастал и внутренний долг.

В-третьих, типичной для революций является та или иная форма дефолта по государственным обязательствам как способ разрыва с наследием прошлых режимов. Типичные примеры такого рода действий — отказ термидорианского правительства от уплаты двух третей своего долга («банкротство двух третей»), а также отказ большевистского (т. е. радикального) правительства платить по долгам прежних режимов. Россия осуществила дефолт по внутреннему долгу в 1998 году, однако продолжала скрупулезно выплачивать внешний долг. По сути, дефолт в этой ситуации становится способом преодоления бюджетных дисбалансов, признаком готовности власти встать на путь финансового оздоровления.

В-четвертых, широко распространение получают неплатежи государства получателям бюджетных средств. Это особенно характерно для завершающей фазы революций, когда правительство уже достаточно сильно, чтобы проводить ответственный финансовый курс, однако еще не имеет достаточного политического ресурса для формального балансирования бюджета (т. е. для увеличения доходов до уровня бюджетных обязательств или официального снижения обязательств до уровня реальных доходов). Неплатежи, как было показано выше, были тяжелой проблемой посткоммунистической России, приближаясь к 40% ВВП. Неплатежи касались всех сфер экономической жизни страны — помимо бюджетных значительных масштабов достигали налоговые неплатежи (в бюджет), задержки по выплате заработной платы (как в бюджетных, так и в частных предприятиях), задолженности предприятий друг перед другом.

По мере завершения революции и консолидации политического режима меры финансово-экономической стабилизации начинают приносить плоды, воспользоваться которыми, однако, удастся не тем, кто эти мероприятия осуществлял, а следующим правительствам: налоговые новации Долгого парламента и Протектората были вполне восприняты правительством Реставрации, а результаты стабилизационных мероприятий Директории в полной мере проявились при Наполеоне Бонапарте. В посткоммунистической России финансовая стабилизация привела к началу экономического роста, но этот момент совпал с уходом президента Б. Ельцина и приходом на этот пост В. Путина. Естественно, что в общественном мнении рост ассоциируется с именем Путина, хотя его макроэкономические основы были заложены в 1990-е годы.

Ослабление государства, его неспособность собирать налоги и заимствовать финансовые ресурсы на рынке заставляет власти прибегать к «нетрадиционным» (во всяком случае в условиях мирного времени) источникам пополнения своих доходов, и прежде всего — к перераспределению собственности и бумажно-денежной эмиссии. Причем эти два экономических механизма революции не только не являются альтернативными, но, напротив, исторически тесно связаны друг с другом¹. Ведь, как показывает опыт французского ассигната, перераспределяемая собственность может служить способом обеспечения бумажных денег.

Инфляционные механизмы финансирования революций хорошо изучены в экономической литературе². Логика действий правительств, прибегающих к бумажно-денежной эмиссии, достаточно проста. Революция оказывается

¹ Пожалуй, первым на эту связь указал Э. Берк. Он резко критиковал выпуск французских ассигнатов как «вопиющее поругание собственности и свободы», отмечая, прежде всего, перераспределительную функцию ассигнатов: «Союз банкротства и тирании во все времена и у всех народов редко являл столь грубое надругательство над кредитом, собственностью и свободой, каким стало принудительное введение в обращение бумажных денег». В бумажных деньгах Берк видел источник будущих кризисов и невозможности успеха французской революции, в отличие от английской. (См.: Берк Э. Размышления о революции во Франции... Л., 1992. С. 205, 216, 239–245.)

² См., например: Фалькнер С.А. Бумажные деньги французской революции (1789–1797). М., 1919; Далин С.А. Инфляция в эпохи социальных революций. М., 1983; Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.

в финансовой ловушке: доходная база бюджета разрушена, тогда как расходы революционной власти резко возрастают. Правительство прибегает к печатному станку, и количество денег все более отрывается от золотого обеспечения (или товарно-материальной базы). Деньги обесцениваются, что побуждает правительство применять стандартный набор насильственных действий: требование принимать денежные знаки по указанному на них номиналу, запрет на использование металлических денег, в том числе в качестве меры стоимости (для индексации цен), запрет на торговлю основными потребительскими товарами по рыночным ценам.

Столь же стандартна реакция на эти меры экономических агентов, которые даже под угрозой смертной казни (как это было в якобинской Франции) отказываются принимать подобные «правила игры». Высокая инфляция приводит к постепенному исчерпанию эмиссионного источника наполнения бюджета. Эмиссия, вызванная ограниченностью или отсутствием других средств финансирования, и прежде всего налогов, еще более подрывает налоговую базу, поэтому доля неинфляционных источников госбюджета по мере развития инфляционных процессов неуклонно снижается. Соответственно количество бумажных денег в обращении увеличивается нарастающими темпами, все быстрее падает их стоимость.

Инфляционное финансирование бюджета было важным элементом российской экономической политики 1990-х годов. Хотя инфляцию удавалось сдерживать, она так и не переросла в гиперинфляцию и играла относительно меньшую роль в решении перераспределительных задач, чем собственно приватизация.

Перераспределение собственности является одним из важнейших механизмов решения революционными властями социально-экономических и политических проблем. Следуя декларациям политиков или рассуждениям экономистов, исследователи, как правило, склонны видеть в перераспределении собственности способ повышения эффективности экономической системы, внедрения новых, более эффективных форм хозяйствования. Именно это декларируют революционные правительства, безотносительно к тому, идет ли речь

о приватизации (как это было в революциях XVII и XVIII века и конца XX столетия) или национализации. Однако о реальном повышении эффективности нельзя говорить до решения задач политической стабилизации и выхода страны из революции. Пока же на передний план выходят две другие функции перераспределения собственности — укрепление политической базы (путем передачи собственности в руки поддерживающих власть политических и социальных групп) и получение дополнительных ресурсов в казну.

Для решения этих задач революционные правительства прошлого и настоящего использовали схожий набор механизмов, прежде всего выпуск ценных бумаг, обеспеченных перераспределяемой собственностью, которыми власти расплачивались по своим долгам. Результаты этих трансакций также понятны. В условиях политической неопределенности получатели подобного рода ценных бумаг отдавали предпочтение ликвидности и сбывали бумаги с большим дисконтом. Собственность концентрировалась в руках небольшого числа владельцев, которые к тому же получали ее по дешевке. Неудивительно, что среди новых приобретателей оказывались представители новой политической элиты.

Практически для всех основных нормативных документов, регулирующих процессы приватизации в России¹, характерно, по крайней мере формальное, переплетение всех трех задач приватизации. Так, первые (позднесоветские) документы Российской Федерации по приватизации отличает доминирование политических и фискальных

¹ О собственности в СССР: Закон СССР от 6 марта 1990 г.; О предприятиях в СССР: Закон СССР от 4 июня 1990 г.; О собственности в России: Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г.; О приватизации государственных и муниципальных предприятий: Закон РСФСР от 3 июня 1991 г.; Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 г.: Утверждены Указом Президента Российской Федерации от 29 декабря 1991 г.; Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год: Утверждена Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 11 июня 1992 г.; Государственная программа приватизация государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации: Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 г.

задач¹. Стремление к укреплению социальной базы российского руководства в противовес власти союзной прослеживается и в заигрывании с директорским корпусом, и в предоставлении трудовым коллективам льгот при формальной приватизации соответствующих предприятий. Предполагалось, что подобные меры будут способствовать укреплению политических позиций российской власти.

Свои социально-политические функции приватизация могла выполнить двояко. Во-первых, путем привлечения на сторону реформаторов части директорского корпуса, прежде всего способной обеспечивать эффективное функционирование предприятий в условиях жестких спросовых ограничений, рыночной конкуренции и недовольной отсутствием четких правовых гарантий своих прав на предприятие. Во-вторых, хотя бы на время привлечь население к перераспределению. На это и была нацелена модель массовой ваучерной приватизации.

Летом 1992 года в подходах к приватизации намечаются существенные сдвиги. Уходит в тень фискальная задача, поскольку стабилизация в России стала приобретать отложенный характер, инфляция становилась устойчивым феноменом, а тем самым проблема бюджетных доходов на время теряла свою остроту. Меньше внимания уделяется и проблеме эффективного собственника, поскольку в условиях длительной высокой инфляции формирование такового становится практически невозможным. А на передний план выдвигается социально-политическая задача приватизации². Несмотря на обязательное упоминание в обоих названных документах важности «формирования широкого слоя частных собственников как экономической основы рыночных отношений»³, механизм ваучерной приватизации в крат-

¹ См., например, законы РСФСР «О собственности в России» (от 24 декабря 1990 г.) и «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» (от 3 июня 1991 г.).

² Такое развитие событий не только не является странным, но, напротив, вполне соответствует логике развития революции на ее радикальной фазе. Например, французские якобинцы, оказавшись перед выбором между темпом раздачи земельной собственности и фискальной эффективностью этой процедуры, вынуждены были отдать предпочтение первому.

³ См.: Приватизация в России. М., 1993. Ч. 1. С. 70.

косрочном плане был нацелен на решение иных задач. В нем переплетались механизмы усиления роли директорского корпуса с популизмом «народной» приватизации, вовлекавшей в процессы передела собственности все население страны. Население городов получило в собственность практически бесплатно свои квартиры, а сельские жители — наделы земли.

В результате усилий правительства 1992–1994 годов социально-политические цели были в основном достигнуты. Директорский корпус уже в 1993 году обнаружил признаки раскола на сторонников и противников продолжения рыночных реформ. На тех, кто смог адаптироваться к рыночной конкуренции, и тех, кому нужны были постоянная финансовая поддержка со стороны государства и протекционизм во внешнеэкономической сфере. Значительная часть населения почувствовала себя обманутой, что отразилось на итогах парламентских выборов 1993 и 1995 годов, но ключевые с точки зрения развития реформ президентские выборы 1996 года были выиграны сторонниками продолжения рыночных преобразований.

Президентские выборы 1996 года и связанная с ними обстановка крайней политической нестабильности внесли свой вклад в развитие приватизационной практики. Именно тогда, в условиях всеобщего ожидания прихода к власти коммунистов, власти пошли на решительные — и весьма болезненные — шаги по приватизации потенциально привлекательных объектов (прежде всего, нефтяных и металлургических) в обмен на политическую поддержку со стороны большого бизнеса. В конце 1995 года были проведены так называемые залоговые аукционы. Низкие бюджетные результаты залоговых аукционов конца 1995 года объясняются не только стремлением власти заручиться поддержкой финансовых кругов в преддверии выборов, но и реально низким спросом на активы в связи с угрозой победы на президентских выборах коммунистов, которые фактически отвергали приватизацию вообще и ее результаты в частности.

К 1997 году ситуация заметно изменилась. С завершением в 1995 году периода высокой инфляции правительство столкнулось с тяжелым бюджетным кризисом,

и приватизация стала рассматриваться в качестве одного из важных источников пополнения казны. Правительство прибегло к реализации принадлежавших ему пакетов акций ряда предприятий, весьма привлекательных с коммерческой точки зрения, что усиливало бюджетный характер приватизации. Однако этот процесс столкнулся с жестким сопротивлением лидеров бизнеса (так называемых олигархов) — активных участников приватизации, заинтересованных в занижении цен на приватизируемые объекты. Начавшиеся затяжные политические конфликты привели к политическим потерям для обеих сторон этого противостояния — бизнеса и правительства.

Однако в 1998 году произошел новый поворот. Финансовый кризис привел, с одной стороны, к резкому обострению бюджетного кризиса и соответственно к усилению значимости для правительства фискальных результатов приватизации, а с другой — к падению спроса на приватизируемые объекты и, следовательно, к падению цен. Естественно, в данных условиях с гораздо большим основанием стали звучать голоса «игроков на понижение». На протяжении всего года правительство разрывалось между сторонами этого противоречия, так и не найдя эффективного выхода. Срыв в высокую инфляцию, кризис банков и коллапс кредитного рейтинга России вновь отложили возможность получить значимые фискальные результаты от приватизации.

В дальнейшем, после достижения политической и макроэкономической стабилизации, приватизация преимущественно была ориентирована на решение задач повышения эффективности функционирования экономики — как государственной, так и частной. Государство стремится избавиться от мелких пакетов акций, которые не позволяют влиять на принятие решений, приватизировать государственные предприятия, которые не нужны для выполнения его функций, а также усиливать роль и скоординированность действий своих представителей в правлениях стратегически важных компаний (Газпром, РАО «ЕЭС России» и т. п.).

Таким образом, после решения задач макроэкономической и политической стабилизации на передний план вместо

политической функции приватизации выходит функция обеспечения экономической эффективности. Фискальная функция приватизации пока остается практически сведенной к нулю, что объясняется крайне благоприятной для России внешнеэкономической конъюнктурой (прежде всего высокими ценами на энергоносители) и способствует наполнению федерального бюджета «дешевыми деньгами».

Демонетизация экономики является также неотъемлемой чертой революции, причем, как выясняется, это феномен не только эмиссионного хозяйства. Политическая нестабильность революционного периода ведет к сокращению находящихся в обращении денег. В условиях металлического обращения деньги просто вымываются из экономики, тазаврируются (превращаются в сокровище) и сберегаются «до лучших времен». Это становится еще одним результатом ослабления государства, его неспособности гарантировать исполнение контрактов и, следовательно, отсутствия достаточных гарантий для исполнения деньгами функции всеобщего эквивалента. В условиях же бумажно-денежного обращения работает стандартный самовоспроизводящийся механизм ускоренного обесценивания денег по мере повышения скорости их обращения.

В наиболее острые моменты макроэкономического кризиса монетизация российской экономики доходила до уровня ниже 10% ВВП (с более чем 60% в СССР). Естественно, как и в революциях прошлого, раздавались предложения о решении этой проблемы путем усиления бумажно-денежной эмиссии, однако большинство российской политической элиты очень быстро поняло порочность такого пути решения проблемы. С конца 1990-х годов, после преодоления макроэкономического и политического кризиса, уровень монетизации российской экономики начал расти.

* * *

Подводя итоги сказанному, необходимо подчеркнуть, что революционный период 1990-х годов стал временем формирования базовых макроэкономических, институциональных

и политических условий функционирования современной рыночной экономики.

К началу 1990-х годов Россия была страной, в которой практически полностью отсутствовали институты, которые должны обеспечивать устойчивое функционирование, и даже существование, любой страны. Были разрушены экономические институты, что проявилось в масштабных рыночных дисбалансах (экономический спад, пустые прилавки магазинов, надвигавшаяся угроза голода и холода). Но еще большую опасность представляло то, что с фактическим, а затем и формальным, распадом СССР в России рухнули институты государственной власти. Сохранение этой ситуации было чревато ликвидацией со временем самой России.

Поэтому первой задачей было восстановление элементарных институтов, без которых не может функционировать ни одна страна. Прежде всего, государственных институтов, хотя бы элементарных экономических механизмов, а также отношений собственности.

К концу 1990-х годов были решены следующие задачи: созданы и укреплены базовые политические институты, ключевыми моментами чего стали принятие Конституции РФ и упорядочение федеративных отношений; осуществлена макроэкономическая стабилизация, которая дала стране более или менее устойчивую валюту и сбалансированный бюджет; проведена массовая приватизация. Тем самым в стране сложился и закрепился принципиально новый общественно-политический строй.

РАЗДЕЛ III

ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

I

Проблема, вынесенная в заголовок этой статьи, имеет две стороны, два измерения. Во-первых, о перспективах развития России можно говорить в широком историческом контексте. Точнее, историко-экономическом и историко-политическом. Тогда мы должны охарактеризовать состояние дел в России не просто как период посткоммунистической трансформации, а рассмотреть особенности современного положения страны, определить конкретную фазу этой трансформации. Во-вторых, имеет смысл разобраться в текущей экономико-политической ситуации в России, рассмотреть основные характеристики и тенденции ее дальнейшего развития. Это предполагает более конкретный и, можно сказать, более политизированный анализ, целью которого должен быть краткосрочный экономико-политический прогноз.

В широком смысле слова анализ посткоммунистической трансформации России может быть проведен сквозь призму логики революционных преобразований. Действительно, специальное исследование опыта великих по своему масштабу и влиянию на мировой исторический процесс революций прошлого (прежде всего французской конца XVIII века и российской начала XX столетия) позволяет увидеть целый ряд закономерностей общественно-политического и экономического развития, которые, при внимательном рассмотрении, характерны и для советско-российского общества начиная с середины 1980-х годов. Для автора этих строк годы перестройки и постперестройки являются единым периодом революционного преобразования общества, распадающимся на ряд этапов. Как бы ни хотелось многим политикам как правого, так и левого толка объявить нашу трансформацию эволюционной, сколько бы ни клялись они словом «эволюция», сколько бы ни заклинали от революции, реформы М. Горбачева начали именно революционную трансформацию, и нам приходится проследовать через различные ее фазы, со всеми их трудностями, противоречиями и жертвами.

Здесь возникает по крайней мере два вопроса. Во-первых, каковы эти фазы революции и действительно ли они были характерны для последнего нашего десятилетия так же, как и для революций восемьдесят и двести лет тому назад? И, во-вторых, какова современная фаза развития России и какие из этого следуют выводы аналитического и прогнозного характера?

II

Ограниченные рамками настоящей статьи, мы не будем подробно разбирать первый из поставленных вопросов. Он требует особого исследования. В данном же случае я хотел бы лишь схематично изложить основные фазы революционного процесса, чтобы затем перейти к специальному анализу современных проблем.

Во всякой революции можно выделить следующие основные фазы.

1. *«Розовый период»*, когда быстро рушатся замки «старого мира», когда основные слои общества, кажется, едины в неприятии старого и устремлены к быстрому построению основ нового счастливого завтра. Этому периоду присущ целый ряд иллюзий, которые в дальнейшем весьма болезненно проявляются в практике пореволюционного развития — иллюзия широкого общественного единения, иллюзия наличия популярного и потому всесильного правительства, иллюзия относительной простоты и быстроты решения всех накопившихся проблем. Это время перестройки и ускорения, романтизма антиалкогольной кампании и рабочего самоуправления, снижения доли фонда потребления в национальном доходе при одновременной уверенности в быстром подъеме народного благосостояния. Словом, обстановка 1985–1987 годов, когда реализация самых смелых идей не выходила за рамки самофинансирования и самоуправления, а повышение уровня жизни народа никак не связывалось с тяжелейшими проблемами демилитаризации экономики, по крайней мере половина потенциала которой была ориентирована на производство пушек вместо масла. Постепенно становится ясна необходимость принятия непопулярных экономических мер, но «самое популярное правительство» не может решиться на них именно в силу своей популярности. Сила власти неуклонно превращается в ее слабость. А поскольку пустоты здесь быть не может, неизбежно появляются новые претенденты на политическую власть в стране.

2. *Поляризация социальных сил*, когда вдруг выясняется, что разные группы населения имеют далеко не одинаковые представления о будущем страны. Самым главным здесь является то, что начинающаяся политическая борьба как бы берет экономику в свои заложники. Аргументы борьбы за власть начинают доминировать над соображениями экономической целесообразности, в результате чего быстро надвигается экономический кризис и страна оказывается на грани катастрофы. Таковы были 1988–1991 годы, когда политическая жизнь в СССР проходила под знаком борьбы союзного руководства и республик (и прежде всего

России) — борьбы, подрывавшей не только политическое, но и экономическое единство страны. Войны суверенитетов, экономических программ, налогов, бюджетов сменяли друг друга или наслаивались одна на другую. А нараставший товарный голод становился самой мощной бомбой, готовой взорвать единство не только СССР, но и России. Области и края России, которые столкнулись с нехваткой важнейших потребительских товаров, уже отгораживались друг от друга таможами, полагаясь лишь на себя и стремясь ограничить своей внутренний рынок от «интервентов» — покупателей из соседних регионов.

3. *Период радикальных реформ*, когда рушатся остатки старой системы, и возвращение к старому образу жизни становится уже невозможным. Этот период не является результатом чьего-то замысла или хитро задуманного плана. Просто крах старой системы (и прежде всего ее экономического механизма) требует принятия решительных мер по построению иных механизмов, иных рычагов и инструментов управления народнохозяйственными процессами. И, естественно, что принимаемые на этой стадии меры являются радикальными, хотя и вырастают из всей предшествующей экономической и политической практики. Это наше недавнее прошлое — примерно 1992–1994 годы. Это период острой борьбы нового со старым, но старое уже оказывается «подпорчено» новым и не может мечтать о возвращении назад — в лучшем случае оно пытается перехватить инициативу и власть. Вместе с тем надо подчеркнуть, что политический и экономический радикализм делает перемены необратимыми по существу, но не по форме. Откат вполне возможен и, в известном смысле, вероятен, но он уже не сможет восстановить старый режим даже в случае прихода к власти его старых и верных слуг.

4. *Завершающая фаза революции*, которую со времен Великой французской революции принято называть *термидором*. Здесь происходит торможение революционных процессов и консолидация власти. Происходит как бы откат назад — но с закреплением принципиальных, базовых черт нового экономического порядка. В политической сфере

практически неизбежно формирование достаточно жесткого режима, подчеркнуто дистанцирующегося от деятелей предыдущих фаз революции. На самом же деле здесь происходит окончательное оформление (в первую очередь правовое) результатов радикальной фазы.

III

Именно такой момент и переживает в настоящее время Россия. Точнее, это еще не термидор, но преддверие, или начало, термидора. Начало конца революции, когда происходит формирование экономико-политического строя на годы и десятилетия вперед. И именно потому, что термидор является собой наше настоящее и ближайшее будущее, представляется в высшей мере целесообразным охарактеризовать теперь его важнейшие признаки и особенности.

Прежде всего, это наличие в самом термидоре как бы двух фаз. Сперва — обстановка общей нестабильности, слабости центральной власти, наличия противоречий внутри властей. Вообще-то в данной статье я стараюсь избегать исторических аналогий, но как не вспомнить здесь период Директории во Франции или политическую борьбу внутри большевистского руководства СССР в период «между Лениным и Сталиным» (1922–1929 годы). Сформированное после падения радикального режима Робеспьера правительство Франции состояло из двух бывших якобинцев, двух твердых антиякобинцев (термидорианцев) и одного колеблющегося. Режим Директории характеризовался невиданным разгулом коррупции, слабостью центральной власти, широкомасштабной (и далеко не самой честной политически) предпринимательской деятельностью, обеспечивавшей формирование крупных состояний. О ситуации в СССР в 1920-е годы, характеризовавшейся непрерывной борьбой за власть, политической нестабильностью и неустойчивостью, и говорить нечего. (Меньше известно о масштабах коррупции того времени, но это, скорее, результат особой способности советского руководства хранить сокровенные партийные тайны.)

Естественно, что характерной чертой общественных настроений в этой ситуации является тяга к сильной власти, которая смогла бы успокоить разбушевавшееся социальное море, обеспечить порядок и какое-то ощущение политической ясности и стабильности. Этого желает основная масса населения, еще недавно с энтузиазмом воспринимавшая новшества и боготворившая новоявленных пророков, а теперь уставшая от неустойчивости и постоянной борьбы — одних за власть, других за существование. Этого желает и новая экономическая «верхушка» общества — для сохранения и приумножения нажитого, равно как и для реализации своих экспансионистских устремлений им нужны стабильность и предсказуемость. (Вновь обратимся к аналогиям: во Франции стабильности требовали обогатившиеся за годы революции новые крупные буржуа, в СССР — партийная бюрократия, вполне оформившаяся и сформировавшаяся как класс за 1920-е годы.)

Словом, тяга к жесткому правлению (или к «сильной руке»), способному стабилизировать общественную жизнь, «стянуть» воедино разрозненные процессы, начинает ощущаться повсеместно. И этот режим обычно не заставляет себя долго ждать. Кстати, уникальность современной российской ситуации состоит в том, что для него (жесткого правления) подготовлено даже правовое поле — вовсе и не требуется совершать переворот по типу 18 брюмера Луи Бонапарт, поскольку принятая в 1993 году Конституция отчасти создает необходимые законодательные рамки для формирования такого режима.

Поскольку термидор не создает принципиально новых классов или социальных групп, он, при всей своей политической жесткости и внешней противоположности тому, что было прежде, не ведет к пересмотру базовых черт нового строя. Меняется именно политический режим, а не экономический строй. Чтобы пояснить сказанное, приведем пример с приватизацией. Я убежден в необратимости процесса приватизации в России в смысле невозможности вернуться к господству государственной собственности на средства производства. То есть суть процесса не может быть изменена.

Но вполне возможны и даже вероятны новые переделы собственности в пользу тех экономических группировок, которые будут связаны с политической властью, утверждающейся в ходе термидора.

В этом смысле, кстати, следует в полной мере отдавать себе отчет, что мы уже перешли (и довольно давно) ту грань, когда приходится выбирать «между капитализмом и коммунизмом». Теперь задача состоит в выборе между типами рыночной экономики, а отнюдь не в защите абстрактной рыночной идеи от конкретного тотального государственного «плана-закона». Впрочем, об этом более подробно речь у нас пойдет несколько ниже.

Еще одной характерной чертой нашего времени является изменение соотношения экономических и политических проблем. Теперь вновь доминируют экономические интересы. То есть политический выбор будут предопределять конкретные особенности экономического развития страны, тип рыночной экономики, которая утвердится в конечном счете. Но сам этот политический выбор будет зависеть от соотношения сил между группами экономических интересов, от того, какая из этих групп одержит политическую победу в острейшем противоборстве, которое ведется в настоящее время между ними за право доминирования в коридорах (в кабинетах) политической власти. Иными словами, политику в конечном счете будет определять баланс сил между различными экономическими (или, точнее, экономико-политическими) группировками.

Наконец, надо иметь в виду, что для термидора характерны и элементы реставрации. Наполеон восстановил монархический режим. Сталин фактически вернул страну к состоянию империи с абсолютной центральной властью. Но, повторим, базовые экономические изменения провести уже будет невозможно. Даже если к власти придут левые (а ведь российские коммунисты отнюдь не эволюционировали в сторону социал-демократии, как это произошло с их партийными братьями в Восточной Европе), они не смогут восстановить старую экономическую систему в существенных ее элементах — хотя и будут способны резко дестабилизировать экономические

и политические процессы, только ускорив тем самым приход авторитарного правителя.

Все эти рассуждения о революционном характере российских перемен вообще и термидора в особенности подвели нас теперь к необходимости ответа на второй вопрос, поставленный в начале нашей статьи — о перспективах дальнейшего развития российских реформ, как они видятся в данный момент, то есть в середине весны 1995 года. Надо только принять во внимание один момент — все рассуждения относительно наших перспектив носят, безусловно, сценарный характер. Здесь невозможны какие-то простые связи сверх тех, которые уже были нами рассмотрены. Остальные оценки зависят от различных политических факторов и условий, о которых теперь и пойдет речь.

IV

Экономические и политические события 1994 года продемонстрировали наличие двух способов борьбы за власть и одновременно обеспечения консолидации власти в России, формирования устойчивого, «термидорианского» режима. С одной стороны, это путь экономической стабилизации и последовательных рыночных реформ, обеспечивающих преодоление экономического кризиса и на этой основе — преодоление кризисных явлений во всех других областях жизнедеятельности посткоммунистического общества. С другой стороны, это выдвижение на передний план лозунгов и практики агрессивного национализма и изоляционизма, искусственное отделение себя от системы ценностей европейской рыночной цивилизации. (В данном случае термин «европейская цивилизация» условен, поскольку этот тип цивилизации характерен в настоящее время не только для стран Европы и Северной Америки, но и для Японии, ряда других государств Азии и Латинской Америки.)

Соответствующий выбор предстоит сделать уже в ближайшее время (точнее, уже в текущем году). И именно он станет определяющим для судьбы нашей страны в обозримом будущем.

Эта борьба уже идет, но она пока слабо институционализирована. В особой мере сказанное относится к исполнительной власти, внутри которой с переменным успехом вот уже на протяжении нескольких лет соперничают две группировки, ориентирующиеся на два принципиально различных типа стабилизации режима. Это же противостояние характерно и для законодателей, но здесь оно вполне оформлено наличием фракций и партий либерально-демократического (разумеется не в ЛДПРовском смысле слова) и коммунистически-националистического направлений.

Особенность современной российской ситуации состоит, впрочем, еще и в том, что находящейся сейчас у рычагов правления политической группировке (исключительно противоречивой, как всем известно, по своему составу), для которой задача борьбы за власть трансформируется в задачу удержания власти, доступны пока оба пути. Тогда как для оппозиционных политиков остается, кажется, только одно направление — разыгрывание националистических сценариев.

Вместе с тем здесь нельзя не отметить одну весьма примечательную особенность нашей экономико-политической ситуации. Мы уже зафиксировали тот факт, что политическая борьба в современной России уже вышла за рамки противостояния по линии «капитализм — коммунизм» (или «план — рынок»), поскольку речь теперь идет о предстоящем в ходе острой политической борьбы выборе самого типа рыночного хозяйства. Но в то же время политическая борьба в России еще не созрела до характерного для современных рыночных демократий противостояния между либеральным капитализмом и социал-демократизмом (или, как любят говорить иные политики, выбора между американской и шведской моделями социально-экономического развития). Этот выбор, надеюсь, когда-нибудь встанет и перед нами, как он уже встал перед нашими бывшими союзниками по «социалистическому лагерю» — государствами Центральной и Восточной Европы, включая Балтию, где бывшие коммунистические партии легко и непринужденно превратились в социал-демократические. У нас же социал-демократии нет, а крупные левые партии (КПРФ и ее alter

его АПР) явно дрейфуют в сторону национализма — или, если угодно, национал-коммунизма. Естественно, это накладывает глубокий след на перспективы экономико-политического развития пашей страны.

Рассмотрим теперь более подробно обозначенные два варианта развития событий в России ближайшего будущего.

V

Первый вариант экономико-политической стабилизации мы условно назвали экономическим, поскольку в его основе лежит стабилизация экономики и выход ее на траекторию обновленного экономического роста при качественном изменении основных параметров этого роста, то есть не восстановление старых объемов производства, а достижение новой, отвечающей современному мировому уровню структуры народного хозяйства.

Эта логика лежала в основе действий правительства Е. Гайдара в 1992 году. Ее же, после двух лет неустойчивости и колебаний, однозначно выбрал осенью 1994 года В. Черномырдин. В основе лежит достаточно простая модель, которая показала свою эффективность во всех без исключения странах, которые смогли успешно преодолеть тяготы переходной экономики. Здесь выделяются следующие элементы политического курса.

Прежде всего, обеспечение макроэкономической стабилизации, доведение инфляции до уровня ниже 40–50% в год, что является необходимым (хотя и не достаточным!) условием для начала экономического роста. Обычно от начала последовательного проведения такого курса до начала роста проходит полтора — два года, и еще один год нужен на то, чтобы население по своему повседневному опыту (а не только по докладам экономистов) стало видеть перемены к лучшему. Об этом свидетельствует опыт послевоенных Германии и Японии, а также посткоммунистических Чехии, Словении, Венгрии, Польши, Эстонии, Латвии. (Иной раз приходится слышать, что пример последних неубедителен из-за несопоставимости масштабов наших экономик.

Но этот аргумент свидетельствует как раз в пользу подобной политики применительно к России, масштабы и ресурсные богатства которой как раз позволили бы смягчить тяготы переходного процесса — разумеется, если их искусственно не растягивать во времени, как это было в 1993–1994 годах.)

Кстати, именно на основе изучения многообразного опыта стран с переходной экономикой Е. Гайдар после печальных итогов выборов декабря 1993 года настаивал на ускорении реформ, на преодолении политической непоследовательности. Он утверждал, что шатания в области экономики приведут к самым печальным политическим результатам. И, наоборот, последовательность курса обеспечит заметные благоприятные сдвиги за два с половиной года, остававшиеся до июня 1996 года. Эти аргументы не были тогда приняты ни президентом, ни премьером, склонявшимся к политике социальной демагогии и заигрываний с политическими силами диаметрально противоположной направленности. (Между прочим рекомендации подобного рода раздавались тогда и от высокопоставленных деятелей американской администрации, включая вице-президента А. Гора.) Все это и побудило тогда Е. Гайдара подать прошение об отставке. И лишь осенью 1994 года ситуация изменилась. Но не поздно ли? Пока нам трудно дать ответ на этот вопрос.

Далее, в современных условиях критическое значение приобретает поддержка институтов, органически характерных для рыночной демократии, недопущение их маргинализации. Это требует в современных условиях укрепления не только исполнительной, но и законодательной власти, развития партийной структуры, обеспечения свободы средств массовой информации. Одно из важнейших требований здесь — проведение честных выборов в конституционно обозначенные сроки при одновременной решительной борьбе против групп и организаций, враждебных демократическому строю.

Важной характерной чертой подобной политики является недопущение явного сращивания государства и монополистических монстров, каких немало осталось нам в наследство от советских времен. Уровень государственного

вмешательства в экономику у нас традиционно высок и несмотря на более или менее успешные шаги в направлении либерализации еще долго будет высоким — гораздо более высоким, чем в странах, которые у нас принято относить к «государственно регулируемому капитализму». И в этих условиях особенно опасно, когда не государство начинает регулировать экономику, а отраслевые монстры (типа АПК или ВПК в лице их хорошо организованных на федеральном уровне представителей) начинают навязывать народному хозяйству свою волю, получая широкий доступ к средствам налогоплательщиков и соответственно начиная использовать их для удовлетворения собственных эгоистических потребностей (от поддержания на плаву заведомых банкротов до организации отдыха их директоров в экзотических уголках мира).

Естественно, что экономический путь выхода из кризиса предполагает обеспечение открытости экономики как единственного реального источника конкуренции на отечественном рынке. У нас много (и часто преувеличенно) сетуют на отечественный монополизм. Но забывают, что бороться с ним нельзя искусственными методами. Единственный реальный путь — это привнесение конкуренции с иностранным производителем. Другое дело, что государство должно всесторонне отслеживать этот процесс, принимая во внимание все факторы, которые формируют конкурентную среду. Непросто, но возможно пройти между опасностью превращения отечественных производителей в ярмо для отечественных же потребителей (а так неизбежно будет, если задать иностранную конкуренцию) и опасностью удушения национальных предприятий иностранцами при неразумной политике валютного курса или предоставления сомнительных льгот иностранному капиталу.

Эта политика предполагает ориентацию на эффективность и отказ от поддержки неэффективных предприятий, перенесение центра тяжести на помощь людям — работникам этих предприятий. У нас до сих пор как-то так принято считать, что поддерживая бесперспективные, заведомо неконкурентоспособные предприятия, не допуская

банкротства тех, кто реально давно уже стал банкротом, мы по крайней мере решаем важную социальную задачу, то есть не допускаем катастрофического роста безработицы и нищеты. Между тем здесь путается (или сознательно подменяется) поддержка предприятий с поддержкой людей.

Работники бесперспективных предприятий действительно нуждаются в помощи. И во всех отношениях гораздо разумнее оказывать им прямую материальную поддержку (через соответствующие пособия, с одной стороны, и помогая в деле переквалификации, с другой стороны), чем делать это извилистым и замысловатым способом поддержки производственных монстров, выпускающих не пользующуюся спросом продукцию. Во-первых, прямая поддержка людей является более эффективной с социальной точки зрения, нежели опосредованная. Во-вторых, она обходится государству гораздо дешевле — расходы ограничиваются социальным сектором. В-третьих, достаточно широко известны факты, что оказываемая государством помощь предприятиям зачастую тратится не по назначению, попадая не столько трудовым коллективам, сколько высшей администрации, позволяющей себе за счет предприятия с семьей отдыхать в экзотических странах, но месяцами не платить зарплату своим коллективам. И не даром в последнее время сами коллективы подобных предприятий предпочитают, чтобы их официально признали банкротами — это по крайней мере гарантирует им начало реальных сдвигов и спасает от двусмысленного положения, когда формальная занятость коллектива на практике является лишь формой скрытой безработицы, причем без возможности получать соответствующие социальные выплаты и без надежды когда-нибудь вырваться из этого порочного круга.

Характерными и неизменными элементами рассматриваемой модели экономической политики являются также стремление к удешевлению государства, а также тенденция к снижению налогового бремени, что выступает обратной стороной сокращения госрасходов. Разумеется, здесь имеются ограничения как политического, так и исторического характера. Вообще этот сюжет требует особого

рассмотрения. Отметим только, то в этой области в 1994 году произошло зримое отступление от тенденции, наметившейся было в 1992–1993 годах. Доля расходов на содержание государственного аппарата резко возросла. Мы стали свидетелями уникального в истории феномена, когда сокращение ВВП на 15% сопровождалось ростом расходов на государственный аппарат на 70%.

Рассмотренный вариант (или модель) экономической политики относился бы к области благих пожеланий, если бы за прошедшие два-три года не произошло формирование реальной социальной базы подобного экономико-политического курса. Ясно, что к его сторонникам относятся предприятия, которые способны адаптироваться к условиям рыночной конкуренции (как экспортеры, так и производители конкурентной продукции для внутреннего рынка). Это предприятия, которые или были объективно таковыми еще до всяких реформ в силу тех или иных естественных факторов (например, Газпром), или те, кто смог относительно быстро адаптироваться к новым условиям, найти свою нишу на внутреннем или внешнем рынке.

(Кстати, здесь можно проследить одну закономерность. Лучшее всего смогли приспособиться те предприятия, которые не были достаточно сильными с лоббистской точки зрения и не могли рассчитывать на серьезную государственную поддержку с самого начала политики либерализации и появления жестких спросовых ограничений. Те же, кто уповал на господдержку, получили ее и с уверенностью ожидали возвращения благословенных времен Госплана и Госснаба, так и остались в роли просителей-лоббистов, а затем и могут пополнить ряды официальных банкротов.)

Но дело не только в производственных предприятиях. За последнее время произошел очень важный сдвиг в финансовом секторе. Здесь я должен повиниться перед банкирами. Еще в середине 1993 года я с уверенностью относил их к оппонентам стабилизационного курса, основываясь на том, что в условиях высокой инфляции доходы финансовых кругов являются исключительно высокими, несопоставимыми с их доходами в стабильной макроэкономической

среде. Однако за прошедшие полтора-два года произошли довольно существенные изменения. С одной стороны, осенью 1993 года Е. Гайдару удалось добиться отмены практики выдачи льготных кредитов предприятиям через систему Центробанка и коммерческих банков. То есть был перекрыт канал наиболее беззащитной и легкой трансформации государственных денег в доходы коммерческих банков. С другой стороны, произошло расслоение банков, и теперь отчетливо выделяется группа крупнейших из них, для которых, благодаря огромному обороту капитала и получаемой массы прибыли, экономическая (и, разумеется, политическая) стабильность является приоритетным фактором их собственной устойчивости и роста даже перед добыванием «дешевых денег», подталкивающих рост цен. Инфляционная же накачка теперь, как, кстати, и в отраслях материального производства, выгодна потенциальным аутсайдерам — мелким банкам, живущим за счет «коротких денег» и высоких процентных ставок и для которых экономическая стабилизация и связанная с ней стабилизация политическая равнозначны разорению и поглощению крупнейшими банковскими образованиями.

В подобном варианте развития событий заинтересованы в настоящее время не только названные выше серьезные экономические силы, но также и политики национального масштаба. Я не говорю здесь уже о реформаторах, начавших движение страны в этом направлении, но есть целый ряд более умеренных деятелей, накрепко связавших свою политическую судьбу с успехом или провалом экономической стабилизации как предпосылки экономического возрождения страны. Среди последних я прежде всего имею в виду главу правительства В. Черномырдина, который вряд ли уже имеет шанс отмыться от ужасного «обвинения» в реформизме явно монетаристского толка.

Даже в случае победы левых на парламентских выборах у правительства останется значительно возможностей продолжать свой реформаторский курс и, добившись некоторых позитивных сдвигов, создать эффект «туннельного эффекта» — ситуации, когда улучшения в отдельных

секторах повышают надежды на лучшее в остальном народном хозяйстве. Этот эффект был бы особенно благоприятен и возможен, если бы правительство действительно смогло справиться, хотя бы в общих чертах, с задачей макроэкономической стабилизации и вошло бы в 1996 год с заведомо более благоприятной макроэкономической ситуацией (то есть с обещанной однопроцентной инфляцией в месяц к концу 1995 года).

VI

Другой вариант консолидации власти и завершения революционных процессов я назвал бы националистическим. Хочу сразу подчеркнуть, что под этим термином здесь понимается именно национализм, т. е. стремление некоторых политиков использовать естественную идею государственной (и в этом смысле национальной) консолидации как синоним ксенофобии и принципиального игнорирования завоеваний и ценностей современной рыночной демократии. В этом смысле национализм противостоит и национальной самоидентификации России как крупнейшей мировой державы, и естественным экономическим законам, обеспечившим благосостояние всем тем странам, которые принято относить к категории развитых. В таком национализме относительно мало экономики и довольно много политических деклараций. Причем экономические тезисы сводятся в основном к набору достаточно плоских и примитивных сентенций о необходимости обеспечения такого положения дел, чтобы всем «нашим» (а точнее — «своим») было хорошо, а «не своим» плохо.

Коротко рассмотрим основные элементы этой экономико-политической доктрины, поскольку соответствующие положения высказываются довольно часто, а по мере приближения к выборам их частота станет приобретать лавинообразный характер.

Прежде всего, рассматриваемая модель предполагает закрытую экономику, т. е. экономику, в которой доминировали бы монополисты-монстры, вновь навязывая потребителю

свои условия в области производства (ассортимента, качества) и ценообразования. Между тем именно иностранная конкуренция является наиболее действенным источником демополизации народного хозяйства. Всякого рода иные решения организационно-структурного характера (разбивка предприятия и т. д.) не могут, как показывает практика, обеспечить кардинальное решение названной проблемы.

Практически неизбежным является и сращивание монополий с государством, аналог чего существовал в своей время в нацистской Германии. Организационной формой такого слияния могут выступать создаваемые сверху финансово-промышленные группы. (Подчеркнем, именно создаваемые сверху, то есть заведомо обеспечивающие объединение интересов коррумпированного чиновника и товаропроизводителя.) Это довольно опасное явление, так как ФПГ подобного типа будут обладать колоссальной лоббистской силой и смогут без труда обеспечивать себя «дешевыми деньгами». Словом, стабилизация, прощай. А вслед за этим придется попрощаться и с надеждой на экономический рост и на укрепление (или, если угодно, формирование) подлинно демократического режима государственной власти.

Поскольку на государственные органы при таком развитии событий предполагается возложить практически необъятные функции, мы неизбежно сталкиваемся с проблемой чрезвычайно дорогого государства. То есть государства с высоким уровнем налогообложения — как прямого, так и косвенного. Государства, пронизывающего собой всю систему экономических отношений в стране. Весь опыт второй половины XX столетия свидетельствует о крайней неэффективности подобных хозяйственно-политических систем в современных условиях, когда на смену индустриализму рубежа XIX–XX веков пришло постиндустриальное общество с совершенно иной логикой приоритетов, ценностей и критериев эффективности.

Впрочем, подобный режим никак не будет означать возвращения к коммунистической экономике образца, скажем, благословенных семидесятых. По своим экономическим (но не политическим!) характеристикам он может оказаться

близок к ситуации 1988–1991 годов. То есть восстанавливается административный контроль за экономическими агентами, но этот контроль действует избирательно — для «своих» (приближенных к коридорам власти) его почти нет, для остальных он существует, причем противники «своих» вытесняются с рынка. Правила игры на таком рынке различны для тех, кто играет с властью, и для тех, кто пытается быть самостоятельным. Сохраняются квоты и лицензии как важнейший источник проявления власти чиновника. Это максимально коррумпированный режим — уже хотя бы потому, что он содержит в себе широчайшие возможности для чиновничества разрешать или запрещать.

Почти неизбежен в таких условиях передел собственности в пользу «своих». Но это будет отнюдь не национализация по старым рецептам, которую не проведут даже ортодоксальные коммунисты, а решительное вытеснение потенциальных конкурентов. Причем под конкурентом будет пониматься не рыночный соперник, а собственник, не входящий в круг приближенных к власти, сросшихся с властью лиц. Естественна также всяческая поддержка политически лояльных, но экономически неэффективных монстров.

Практически неизбежным является усиление госконтроля за ценами, что вызовет дефицит на потребительском рынке и появление карточного распределения целого ряда продуктов. Поскольку крестьянство не будет заинтересовано в реализации своей продукции, придется пойти на внедрение элементов продразверстки — изъятия части сельскохозяйственных продуктов.

Отношение подобной экономико-политической системы лично к новым российским предпринимателям будет неоднозначным. Многое будет зависеть от происхождения того или иного предпринимателя. К банкиру родом из старой номенклатуры будут относиться все-таки лучше, чем к выскочке-«нуворишу». Другое дело (и это трудно прогнозировать) — в какой мере можно будет откупиться от экспансионистских претензий властей. Откупаться придется обязательно и всем, а вот можно ли будет откупиться и кому — на этот вопрос наука, как говорится, ответа не дает.

При каких условиях вероятно такое развитие событий? Вариантов несколько, но более всего вероятно оно в случае очередного провала осуществляемого в настоящее время экономического курса. Или, если пользоваться выражением Б. Ельцина, третьей попытки стабилизации. Этот провал будет чреват весьма неприятными последствиями не только для А. Чубайса и Е. Ясина, но и для самого премьера, который, кажется, уже прочно врос в свое кресло.

Я абсолютно убежден, что теоретики и практики «националистической» модели хозяйствования немедленно приступят к экспериментам над социально-экономической жизнью России. Выше уже говорилось, что для всех стран (по крайней мере, нашего столетия) путь к стабилизации и экономическому росту всегда был один и тот же, несмотря на все особенности каждой из них в отдельности. Это к экономической катастрофе можно прийти по-разному — хотя и тут выбор вариантов довольно ограничен.

Однако для националистов чужой опыт никогда не бывает показателен. (Впрочем, как и свой собственный, например, 1920–1930-х годов.) И я практически уверен, что придя они к власти, наши доморощенные диктаторы-популисты ничем не будут отличаться от своих латиноамериканских собратьев образца 1950–1970-х годов. А те всегда были убеждены, что законы экономического развития (или, напротив, экономического коллапса) действуют в любой другой стране, кроме своей собственной — Бразилии, Аргентины, Боливии и т. д. Ведь мы же особенные! Что же тогда говорить о России?!

Экспериментирование в экономической области со стопроцентной гарантией ведет к резкому ухудшению экономической ситуации. Можно возразить, что она и так плохая. Но, поверьте, бывает и много хуже. Например, когда из продажи исчезают продукты питания, и простой гражданин не знает, сможет ли он достать для своей семьи самое необходимое.

Позволю сделать себе еще один прогноз — резкое ухудшение экономической ситуации в результате неумелого (но «национально ориентированного») регулирования неизбежно перечеркнет перспективу проведения президентских

выборов в установленные сроки. Страной будут править периодически сменяющие друг друга вожди, столь же амбициозные, сколь и некомпетентные. Впрочем, к последнему нам, увы, не привыкать.

VII

Собственно, теперь мы подошли к вопросу о президентских выборах. То есть пора заняться неблагодарным делом политического прогнозирования. И, как было замечено в начале этой статьи, оно может иметь исключительно сценарный характер.

В случае достаточно благоприятного развития современной экономической ситуации (при всех ее издержках и противоречиях) выборы, скорее всего, состоятся. Представляется, что результаты парламентских выборов, прежде всего, станут способом выражения недовольства экономическими тяготами стабилизации и их результаты будут весьма неутешительными для нынешних реформаторов (к которым я отношу сейчас В. Черномырдина безотносительно к его субъективному восприятию самого себя).

Однако разделенность во времени парламентских и президентских выборов сыграет свою роль. И к последним избиратели подойдут более ответственно. Но в нашей нынешней Конституции соотношение полномочий ветвей власти таково, что подталкивает избирателей на парламентских выборах выражать свое недовольство существующими порядками, а в ходе президентских выборов задумываться о том, кому ты вручаешь свою судьбу — и, возможно, не только на четырехлетний период. В этой ситуации, при последовательном осуществлении экономических реформ и при достижении первых результатов стабилизации можно ожидать избрания на пост президента В. Черномырдина. (Вопрос о том, будет ли баллотироваться Б. Ельцин, я здесь сознательно оставляю в стороне.) Подобный вариант развития событий мне представляется оптимистическим — при всех недостатках и противоречиях фигуры нынешнего премьера.

В случае развития событий по второму (националистическому) сценарию проведение президентских выборов вообще представляется маловероятным. А даже если они и будут организованы, то вряд ли можно будет доверять объявленным по их итогам результатам.

Наконец, возможен и еще один вариант развития событий. Его нам подсказывает опыт Белоруссии. Иными словами, в случае возникновения «кандидатуры народного протеста» возможен приход к власти совершенно неожиданной личности с весьма экзотическими взглядами на экономику и политику. А ведь в Белоруссии возможности контроля со стороны потерпевшего поражение В. Кебича за общественным мнением и волеизъявлением народа было значительно сильнее, чем это возможно в современной России. Хотя и экономические реформы при В. Кебиче так и не были начаты, не были сформированы достаточно влиятельные (экономически и политически) группы, заинтересованные в общей стабилизации курса.

С высокой степенью вероятности можно предположить, что этот вариант попытается разыграть крайняя оппозиция, если ей не удастся сорвать экономическую стабилизацию и, напротив, удастся найти политика, способного подняться до уровня национального лидера (ценой изощренной демагогии или благодаря каким-то прошлым заслугам, ему приписываемым) и, главное, способного убедить в этом нашего, хотя уже и несколько аполитичного, но никак не наивного избирателя.

НАКАНУНЕ: ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В РОССИИ В ПРЕДДВЕРИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

Развитие событий в 1995 году дало по крайней мере два важных свидетельства в пользу вывода о том, что в России действительно происходят процессы экономико-политической модернизации, продвигающие страну в направлении рыночной демократии, несмотря на все сложности и противоречия, которые нам приходится преодолевать на этом пути. Хотя, разумеется, процессы эти пока неустойчивы и почти никакие зигзаги в ближайшей перспективе не исключены.

Во-первых, приближение выборов стало важнейшей детерминантой не только политической, но и экономической жизни. Экономические интересы (и прежде всего лоббирование) и политическая борьба не только оказались тесно переплетенными в современной России, но и непосредственно обуславливались логикой именно предвыборной борьбы.

Это породило множество новых и подчас неприятных проблем, но подобные проблемы являются все-таки качественно иными, нежели проблемы тоталитарного (или закрытого) общества. Мировой опыт свидетельствует, что предвыборная гонка отнюдь не является самым благоприятным фоном для проведения устойчивого экономического курса, но такова неизбежная цена, которую надо платить за те очевидные преимущества, которые создает демократический режим для развития экономической активности и роста.

Во-вторых, макроэкономические проблемы перестали быть сюжетом, интересным лишь для узкой группы политиков и профессиональных экономистов. Особенно заметно это по тому вниманию, которое уделялось в 1995 году ситуации на валютном рынке. И дело здесь, конечно, не в праздном любопытстве россиян. С одной стороны, у населения имеются реальные накопления, которые оно хочет сберечь от обесценивания: это реальные внутренние накопления, и при благоприятной макроэкономической ситуации, при наличии адекватных финансовых институтов они могут быть быстро трансформированы в производственные инвестиции. С другой стороны, начинает формироваться средний класс, выступающий гарантом устойчивого функционирования рыночной экономики, — ведь именно средний класс является важнейшим субъектом процесса накопления, и именно его средства становятся решающим фактором роста в рыночной экономике.

Альтернативы экономико-политического курса

Рубеж 1994–1995 годов ознаменовался четким оформлением двух линий на консолидацию политической власти в России и соответственно двух моделей экономического развития страны. Для обоих вариантов в настоящее время имеются достаточно мощные в политическом и экономическом отношениях группы поддержки.

Первый вариант развития событий предполагает решительное продвижение вперед рыночных и демократических реформ. Среди них — проведение финансовой стабилизации

(остановка инфляции), обеспечение открытости экономики и борьба с искусственным сдерживанием конкуренции на внутреннем рынке, проведение приватизации и обеспечение четких гарантий прав собственности, проведение военной реформы, начало реального процесса банкротств как способ переключения ресурсов с неэффективных секторов хозяйства на эффективные. Все это означало бы вывод страны на путь устойчивого экономического роста. Существенное замедление или остановка инфляции и осуществление структурных преобразований (санация или закрытие убыточных предприятий) за первый год создают базу для начала роста производства на протяжении последующих нескольких месяцев. За такое развитие событий выступают демократические организации России, в нем также заинтересованы представители тех социально-экономических групп, которые смогли адаптироваться к условиям рыночной экономики и которым для успешного развития не хватает стабильности, хозяйственного и правового порядка, четких «правил игры» в политике и в экономике.

Второй вариант предполагает осуществляемые во взаимосвязи ужесточение (милитаризацию) политического режима, ослабление макроэкономической политики и переход к социальному популизму, к маневрированию между существующими экономико-политическими группировками (прежде всего между разного рода лоббистами, агрессивность которых в России заметно растет). Здесь имеются в виду проведение политики «поддержания производства» путем раздачи дешевых денег, закрытие внутреннего рынка, свертывание конкуренции иностранных товаров, доминирование в экономике отечественного монополизма при сращенности крупнейших монополий с коррумпированным государством. В идеологическом плане этот сценарий характеризуется торжеством идей русского национализма, национального мессианизма и т. п. Политической основой такого режима стал бы, скорее всего, внеконституционный авторитаризм. Этот вариант развития событий наиболее откровенно отстаивают коммунистические и националистические организации. Но дело не сводится только к ним — именно

в русле данного варианта действуют те силы внутри исполнительной власти, которые выступали за начало широкомасштабных военных действий в Чечне.

Существует, наконец, еще и промежуточный вариант, ориентированный на сохранение экономико-политического статус-кво — промежуточного положения между авторитаризмом и демократией, бюрократическим государством и рынком. Эта ситуация устраивает тех, кто в силу богатства или причастности к власти может сегодня, не опасаясь конкуренции, распоряжаться огромными ресурсами страны, ставить себе на службу государственные средства. Это те, кого сейчас принято называть «партией власти». Однако вариант этот представляется достаточно неустойчивым, и его сторонникам в ближайшем будущем, скорее всего, придется выбирать между первыми двумя вариантами.

Существенной особенностью сложившейся ситуации является то, что борьба между альтернативами развития России политически оформлена теперь не как противостояние ветвей власти (что было характерно для 1992–1993 годов), а по преимуществу внутри как законодательного корпуса, так и исполнительных структур. Конфликт этот достиг в начале 1995 года небывалой остроты. Практически сложились и оформились две основные группировки сил — сторонники последовательного продолжения экономических и политических реформ (для чего необходим мир), с одной стороны, и, с другой стороны, сторонники войны до победного конца, для которых, строго говоря, Чечня является лишь удобным предлогом для отказа от демократических завоеваний народа, свертывания реформ, передела собственности и установления жесткого режима, близкого по своим базовым характеристикам к тоталитарному.

Явное усиление военных акцентов в словах и делах федеральных властей на протяжении декабря-января и в феврале 1995 года постепенно оказалось сменяемым мирными экономическими сюжетами. Прежде всего это стало заметно в деятельности самого президента, который начал делать акцент на проблемах экономических реформ вообще и финансовой стабилизации в особенности.

Отчасти это явилось результатом чрезмерного усиления военно-силовых структур в коридорах отечественной исполнительной власти (как в правительстве, так и в президентском окружении), что в соответствии с универсальной логикой функционирования власти потребовало от первого лица в государстве принятия мер по активизации необходимых «сдержек и противовесов». Отчасти же здесь мы можем наблюдать продолжение колебаний Б.Н. Ельцина относительно ключевой линии, модели движения к новым президентским выборам. Видимо, не столько трагедия в Буденновске, сколько именно эти обстоятельства и соображения стали определяющими, когда президент и премьер решили приостановить крупномасштабные военные действия и начать миротворческий процесс в Чечне.

В социально-политическом плане весьма важной особенностью 1995 года стало некоторое расширение социальной базы сторонников стабилизационного варианта развития событий. В его поддержку высказались крупнейшие коммерческие структуры, и, прежде всего, банки, которые раньше избегали прямой демонстрации своих политических намерений, ограничиваясь в контактах с правительством решением лишь своих собственных, конкретных проблем. Теперь они открыто заявили о своей готовности участвовать в политике вообще и в политике проведения экономической реформы в особенности. Это выразилось и в активных усилиях ведущих коммерческих структур по формированию новых фракций и предвыборных объединений, ориентированных на поддержку В.С. Черномырдина, и в ряде предложений правительству (прежде всего, предложения о финансировании дефицита государственного бюджета в обмен на пакет акций приватизируемых предприятий).

Происходящее не является случайностью. В системе интересов крупнейших финансовых структур произошли серьезные изменения. Если прежде банки в основном были заинтересованы в инфляционном варианте развития событий, обеспечивавшем им невозможные ни при каком ином варианте доходы, то теперь обозначился явный раскол приоритетов внутри самого финансового сектора. Крупнейшие банки

уже настолько расширили свои операции, что их деятельность является эффективной и конкурентоспособной благодаря не только норме, но и массе прибыли, зависящей от размера их оборотов. А это требует иной экономической ситуации — стабильности хозяйственной системы, позволяющей избегать неоправданных рисков в своей деятельности.

Экономическая политика правительства

Отчасти в силу своих объективных интересов, отчасти под воздействием изменившегося социально-политического баланса сил и интересов в экономической политике правительства (или, точнее, премьер-министра и экономического блока кабинета) доминировал курс на макроэкономическую стабилизацию — наиболее последовательный со времени назначения В.С. Черномырдина на этот пост. Основными характеристиками этого курса стали:

- остановка падения номинального курса рубля и его рост по отношению к доллару;

- некоторое замедление инфляции, хотя и темпами значительно более низкими, чем это было заложено в проекте государственного бюджета на 1995 год;

- быстрый рост денежной массы и валютных резервов Центробанка из-за его рублевых интервенций на валютной бирже;

- крайне медленный рост чистых внутренних денежных активов, что означает, в частности, практическое отсутствие эмиссионного финансирования государственного бюджета;

- резкое снижение доходности существующих инструментов финансового рынка;

- наконец, обозначившееся в мае замедление темпов спада производства и даже небольшой рост в некоторых отраслях.

Словом, налицо новая ситуация, нетипичная для российской экономики последних лет. Ситуация, которая может иметь ряд серьезных и неоднозначных последствий как экономического, так и социально-политического характера.

Положительными чертами подобной ситуации являются, прежде всего, следующие.

Во-первых, стабилизация и укрепление курса рубля означают на практике приток капитала в страну. Приобретая рублевую форму, капитал оседает в России.

Во-вторых, дедолларизация и приток капитала означают формирование избытка денег, получаемого неинфляционным путем. Тем самым создаются предпосылки для удешевления кредита, снижения эффективности чисто спекулятивных операций в финансовом секторе и усиления внимания финансовых институтов к инвестированию в производственные отрасли. Если подобная ситуация сохранится достаточно продолжительное время, можно прогнозировать переориентацию финансовой активности банков в направлении производства, усиление роли инвестиционных компаний в отечественной экономике.

В-третьих, возможен заметный рост фондового рынка, выход его из депрессивного состояния, в которое он попал осенью 1994 года. Это предполагает усиление притока иностранного капитала, и прежде всего портфельных инвестиций. Правда, последнее имеет очень сильное внеэкономическое ограничение, связанное с перспективами парламентских и особенно президентских выборов в России.

В-четвертых, снижение курса доллара и связанное с этим удешевление импорта может благотворно повлиять на состояние отечественной промышленности. Поскольку многие отрасли находятся в сильной зависимости от поставок иностранных товаров производственного назначения (машиностроения, химического и иного сырья), удешевление импорта будет благоприятным фактором их возможного роста.

В то же время современное развитие макроэкономической ситуации ставит перед страной и ряд непростых проблем, решение которых зависит главным образом от деятельности исполнительной власти.

Прежде всего, рост курса рубля повышает эффективность импортных операций и снижает конкурентоспособность отечественных производителей. Разумеется, для регулирования подобных проблем существует мощный рычаг в виде импортных пошлин. Но им надо уметь очень аккуратно пользоваться, ориентируясь при введении пошлин

не столько на проблемы фискальные (поступление доходов в бюджет), сколько на решение задачи поддержания конкурентной среды на отечественном рынке. То есть надо найти тот оптимальный баланс, когда импортные пошлины не являются запретительными для импорта (как важнейшего источника конкуренции и сдерживания цен в высокомонополизированной отечественной экономике) и одновременно стимулируют развитие внутреннего производства.

Кроме того, ухудшается положение экспортеров, их конкурентоспособность на внешнем рынке. Впрочем, эта проблема решается снижением экспортных пошлин, что само по себе является фактором скорее положительным, способствующим либерализации внешней торговли и повышению ее эффективности.

Однако не исключено ухудшение ситуации с платежным балансом страны.

Наконец, импорт продукции производственного назначения может поставить в исключительно сложное положение те предприятия отечественного машиностроения (и прежде всего конверсионные), которые уже встали на путь адаптации к реальному рыночному спросу и находятся сейчас в процессе перестройки своей производственной базы с целью удовлетворения потенциального инвестиционного спроса со стороны сырьевых и перерабатывающих отраслей.

Источники нестабильности стабилизационного курса

В ближайшее время будет получен ответ на ключевой с точки зрения современной макроэкономики вопрос: является ли рост денежной массы (при стабильности чистых внутренних активов) фактором, провоцирующим инфляцию, или правительство сможет «связать» рубли, эмитируемые в процессе интервенций на валютной бирже. Более того, по различным оценкам, продажа валюты в первом полугодии 1995 года в основном осуществлялась предприятиями и организациями (прежде всего экспортерами), а не населением. При изменении этой ситуации можно прогнозировать

резкую дестабилизацию валютного рынка и затем рост инфляции, особенно на потребительском рынке.

Впрочем, правительство имеет достаточно мощные рычаги управления ситуацией, которые могут как предотвратить нежелательное развитие событий, так и обострить кризис. Весь вопрос в том, сумеет ли правительство разумно и осторожно задействовать эти рычаги.

Важной проблемой является проведение правительством устойчивой, предсказуемой денежной политики. Валютные ресурсы Центробанка вполне это позволяют. Фиксация «коридора» изменения валютного курса на период с начала июля по сентябрь, а затем до конца года — шаг в правильном направлении.

Теперь важно подготовиться к следующему, пожалуй, самому ответственному решению — к привязке курса рубля к одной из устойчивых мировых валют или к их корзине.

Здесь возможны различные варианты выбора базовой валюты. Наиболее очевидным является доллар как наиболее распространенная в настоящее время на территории России иностранная валюта. Тем более что тенденция к понижению курса самого доллара на мировых валютных рынках, если она сохранится, будет благоприятна с точки зрения поддержания нашего внешнеторгового баланса.

Возможна также привязка курса рубля к евро, что явилось бы эффективным жестом по отношению к государствам Европейского содружества.

Существует и ряд чисто политических проблем, подстерегающих стабилизационную политику исполнительной власти.

Вполне вероятны попытки дестабилизации ситуации со стороны радикальной оппозиции националистического и коммунистического толка. Стабилизация и выход страны на траекторию экономического роста крайне опасны для них, так как подрывают их возможности прихода к власти легальным путем. Кроме того, опыт ряда стран свидетельствует, что срыв в самый жестокий экономический и политический кризис происходит нередко именно тогда, когда основные экономические проблемы кажутся уже решенными или почти решенными.

Развитие ситуации в июне 1995 года, когда левые и националистические силы предприняли беспрецедентную атаку на правительство, добиваясь его отставки, является весьма показательным. Их успех неизбежно сказался бы не только на положении дел на валютном рынке, но и на общей экономической ситуации в целом.

Другой проблемой, с которой практически неизбежно придется столкнуться правительству, является вероятная реструктуризация российского социума, формирование новых групп интересов и перераспределение собственности среди уже существующих группировок. Вновь, как и в 1994 году, на первом плане оказались проблемы экспортно-импортной политики. Однако теперь дело не ограничилось лишь интересами потребительского сектора. Столкновение интересов экспортеров сырья и потенциальных импортеров оборудования, а также производителей оборудования отечественного может принять исключительно острые формы.

Исходя из стабилизации макроэкономической ситуации правительство прогнозирует в ближайшие месяцы существенную активизацию рынка ценных бумаг, в том числе и усиление притока иностранного капитала — в форме как портфельных, так и прямых инвестиций. С этим связаны не только экономические расчеты, но и определенные политические ожидания. Начало реального притока иностранного капитала действительно может сыграть существенную роль с точки зрения оценки экономических и политических перспектив российских реформ. Однако подобные надежды могут и не оправдаться, поскольку с учетом реальной политической ситуации в России иностранные инвесторы будут ожидать итогов президентских выборов и до того не станут проявлять излишнюю активность. И это само по себе может оказаться дестабилизирующим фактором, подрывающим аргументы сторонников последовательного реформаторского курса относительно верности проводимой политики.

Наконец, серьезной проблемой, способной дестабилизировать экономическую ситуацию в стране, является предвыборная кампания и активное участие в ней В.С. Черномырдина. Правительство, идущее на выборы, особенно

чувствительно к лоббизму. Поддержка региональных властей и тем более крупных коммерческих структур не гарантируется формирующейся «партией власти» («Наш дом — Россия») автоматически, но в немалой мере зависит от того, насколько руководство «НДР» (и, следовательно, сам премьер) будет удовлетворять финансово-экономические аппетиты своих партнеров и спонсоров.

Правда, здесь есть и обнадеживающий момент. Наиболее опасные лоббисты (а таковыми, как показывает опыт 1992–1994 годов, являются аграрии и часть промышленников) оказались в положении политической оппозиции премьеру, несмотря на непосредственное участие представителей, например Аграрной партии в правительстве. Это же можно сказать о значительной части представителей военно-промышленного комплекса. Таким образом, поддержка подобного рода лоббистов означала бы для премьера поддержку собственных же противников в предвыборной гонке и предоставление последним возможности продемонстрировать свою силу.

Осень и зима станут для правительства временем тяжелых испытаний. Присущие российской экономике сезонные колебания бюджетных расходов могут совпасть во времени с некоторым ухудшением поступления доходов от государственных ценных бумаг и с усилением социальной напряженности, вызванным ростом безработицы. Здесь правительству вновь придется столкнуться с опасностью движения по пути инфляционного финансирования, тем более что результаты от денежных инъекций острее всего могут сказаться именно в период выборов в Государственную думу.

АЛЬТЕРНАТИВЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИНФЛЯЦИИ

На протяжении последнего десятилетия дискуссии о вариантах и альтернативах экономической политики стали чрезвычайно популярными у отечественных политиков и экономистов. Причем их логика остается практически неизменной: правительство утверждает, что проводимый им курс является единственно возможным, обвиняя оппонентов в авантюризме; оппозиция же клеймит этот курс, обещая его радикальную смену в случае прихода к власти. Однако вопрос не в наличии альтернатив экономической политики как таковых, а в мере альтернативности, в пространстве для маневра, если политическую победу одержат те силы (коммунисты и/или националисты), которые громче всех говорят сегодня о намерении радикально пересмотреть экономико-политические ориентиры страны.

При ответе на этот вопрос, разумеется, нельзя ограничиваться политическими лозунгами и программными требованиями радикальной оппозиции (хотя полностью игнорировать их также вряд ли целесообразно). Необходимо

рассмотреть *теоретически допустимые и практически возможные* варианты экономической политики, т. е. варианты, учитывающие, с одной стороны, инерционность экономической системы, а с другой — наличие реальных общественных групп, заинтересованных в том или ином ходе развития событий. Поэтому в настоящей статье анализируются лишь те из существующих в современной России экономико-политических альтернатив, реализация которых принципиально возможна. Речь будет идти и о самой логике проведения стабилизационных мероприятий в рамках определенной альтернативы, и особенно об отношении к проблеме инфляции как центральной теме современных экономико-политических дискуссий.

Последнее касается не только общеэкономических соображений (уровень инфляции служит важнейшим индикатором устойчивости или слабости народного хозяйства), но и баланса интересов различных социальных сил¹. Действительно, инфляционные процессы, по сути, не что иное, как процессы перераспределения финансовых ресурсов между различными группами экономических агентов, заинтересованных или не заинтересованных в таком перераспределении. Уровень инфляции в России стал сегодня не столько экономическим, сколько политическим индикатором, в котором как бы результируются усилия разных хозяйственно-политических группировок.

Кроме того, выяснение природы инфляции — ключевой вопрос самой логики разработки и интерпретации, различных экономико-политических программ. Является ли инфляция лишь денежным феноменом или же она порождается,

¹ Следует, однако, уточнить, что это за группы интересов, о которых в данном случае идет речь. Здесь можно выделить несколько критериев выделения подобных групп, причем в конкретной хозяйственной жизни выделенные по разным критериям группы могут пересекаться. Прежде всего, надо выделять экономических агентов (предприятия, фирмы и т. д.), способных или неспособных (по разным причинам) адаптироваться к конкурентной рыночной экономике. К этому критерию близко примыкает разделение предприятий на те, которые не нуждаются в создании особых, тепличных финансовых условий (т. е. для их развития достаточно обеспечения общей финансовой стабилизации), и те, которые не могут выжить без постоянной подпитки льготными кредитами, бюджетными субсидиями и др.

в первую очередь, структурно-институциональными особенностями постсоветской экономики?¹ Различные ответы на этот вопрос обуславливают и диаметрально противоположные экономико-политические рекомендации.

Реализуемый экономико-политический курс

Основным направлением современного правительственного курса на оздоровление социально-экономической ситуации и начало экономического роста является подавление инфляции. Для этого необходимо, прежде всего, ликвидировать бюджетный дефицит или, по крайней мере, финансировать его за счет неинфляционных источников. Проведение аналогичных мероприятий в нескольких десятках стран мира (в том числе и в ряде посткоммунистических государств) стало отправной точкой (примерно с двухлетним лагом) для быстрого экономического роста.

Другим существенным элементом этой концепции является то, что проблема преодоления спада производства рассматривается не в плане поддержки или восстановления старых хозяйственных организаций (предприятий), а как стимулирование роста на качественно новой производственной и технологической базе, позволяющего в относительно сжатые сроки осуществить глубокие структурные преобразования в экономике. Иными словами, задача стимулирования роста, предусмотренная правительственной концепцией, не тождественна задаче преодоления спада и в известной мере даже противоречит ей. Смягчение социальных последствий экономических (структурных) реформ заключается в обеспечении поддержки высвобождаемых на закрываемых предприятиях работников (поддержка социальной сферы, переквалификация, оказание помощи в переселении), а не в финансовой помощи слабым, бесперспективным предприятиям.

¹ См., например: Пугачев В., Петелин А. Российская инфляция: трактовка, моделирование, методы борьбы // Вопросы экономики. 1994. № 11; Granville B. The Success of Russian Economic Reforms. L.: The Royal Institute of International Affairs, 1995; а также блок статей по проблемам инфляции, опубликованный в № 3 журнала «Вопросы экономики» за 1995 год.

Наконец, принципиальную роль здесь играет сохранение режима экономического либерализма и прежде всего свободы внешнеэкономической деятельности. В условиях жесткого отечественного монополизма именно внешняя конкуренция является важнейшим механизмом сдерживания роста внутренних цен.

Естественными сторонниками нынешней государственной политики выступают хозяйственные агенты, сумевшие за последние годы адаптироваться к рыночной среде, способные конкурировать на внешних и внутренних рынках и готовые к активной инвестиционной деятельности, основным препятствием к которой сегодня стала высокая инфляция. Естественные противники — слабые предприятия, требующие для своего выживания массированных инъекций «дешевых денег», а также значительная часть торгового сектора, где инфляция служит источником сверхприбылей.

Неоднозначное отношение к проводимой политике наблюдается в секторе финансовых услуг. До недавнего времени банки в основной своей массе являлись ее противниками, поскольку наличие «дешевых денег» позволяло этому сектору быть одним из наиболее доходных в стране. Однако сейчас в банковской среде происходит явный раскол: крупнейшие банки, почувствовав устойчивость своего положения, изменили политические ориентиры и уже выражают готовность работать в стабильной ситуации, осуществлять инвестиции в производство и ориентироваться при получении дохода не столько на норму, сколько на массу прибыли. В дальнейшем противоречия в банковском секторе, скорее всего, будут усиливаться, так как по мере финансовой стабилизации неизбежно начнут разворачиваться процессы его реструктуризации в направлении уменьшения числа и укрупнения банковских институтов, первым показателем чего стал острый банковский кризис в конце августа. (Аналогичные кризисы и реструктуризация капитала неизбежны и в сфере торговли.)

Принято считать, что нынешний курс выгоден, прежде всего, экспортерам, а поскольку доминирующими экспортерами у нас являются отрасли топливно-энергетического комплекса,

то, следовательно, именно в них обычно видят основной источник социальной поддержки правительства В. Черномырдина. Однако развитие событий в мае-октябре 1995 года наглядно продемонстрировало тот теоретически вполне прогнозируемый факт, что по мере финансовой стабилизации и укрепления курса национальной валюты происходит существенное снижение эффективности экспортных операций с последующим ухудшением национального торгового баланса.

Сложной оказывается ситуация и для отраслей выпускающих импортозамещающую продукцию производственного назначения. Расширение импорта товаров-конкурентов может поставить в исключительно трудное положение те предприятия отечественного машиностроения (и прежде всего конверсионные), которые уже встали на путь адаптации к реальному рыночному спросу, нащупали свою «нишу» в новой экономике и сейчас начали реорганизацию своей производственной базы с целью удовлетворения потенциального инвестиционного спроса со стороны сырьевых и перерабатывающих отраслей. Но одновременно облегчается положение тех отраслей и предприятий, которые традиционно зависели от поставок зарубежного сырья и оборудования (среди них, кстати, немало экспортеров).

Таким образом, социальная база проводимого курса формируется в результате достаточно сложного взаимодействия различных групп интересов. Впрочем, это всегда *отличает проводимый курс от возможного*.

Альтернативные экономические курсы

Альтернативным вариантом экономической политики может быть курс на открытый инфляционизм. Основная задача его сторонников состоит в поддержке существующего производства и его восстановлении на предприятиях, переживающих глубокий спад и находящихся в практически безнадежном положении. Ясно, что такая политика выгодна, прежде всего, как объективно неэффективным, бесперспективным предприятиям типа выработавших свой ресурс шахт, так и предприятиям потенциально конкурентоспособным, но находящимся

в глубоком кризисе из-за неумения их руководства организовать производство на уровне, адекватном современным требованиям. Активными адептами подобного курса являются большинство руководителей традиционного советского аграрно-промышленного комплекса, а также значительная часть торговых и банковских структур (в основном мелких).

Ставка на инфляционную «подпитку» народного хозяйства делает практически неосуществимым проведение реальной реструктуризации экономики (теряется критерий эффективности со стороны спроса), и потому курс на поддержание производства оказывается тождественным сохранению структурного статус-кво.

Вообще подобная политика в принципе возможна: она была широко распространена в 1950–1970-е годы среди латиноамериканских стран (в основном с военными режимами). Здесь практически неизбежен стандартный цикл экономико-политических действий и результатов: поддержка экономического роста — увеличение денежных инъекций в народное хозяйство — замедление спада производства (а в некоторых случаях и ускорение роста) — ухудшение ситуации на валютном рынке — падение курса национальной валюты — резкое ускорение роста цен — попытка ужесточения денежной политики на уже разбалансированном рынке — резкий спад производства¹.

В наших условиях осуществляющие такой курс левые силы, скорее всего, дополняют его вполне понятным, идеологически близким и привычным для них замораживанием цен на довольно широкий круг товаров и услуг и в первую очередь на продукцию отраслей, производящих сырье и потребительские товары. Теоретически этот курс будет объясняться «немонетарной» природой инфляции, то есть обусловленностью общего роста цен ростом же цен в базовых отраслях.

Тем самым возникает порочный круг, и, чтобы вырваться из него, прибегнут опять же к стандартному и уже многократно опробованному набору мер «немонетарной

¹ Подробнее см.: The Macroeconomics of Populism in Latin America / R. Dornbusch, S. Edwards (eds.). Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1991.

экономической политики». Применительно к конкретной российской ситуации можно прогнозировать следующую цепочку шагов, которые проинфляционистское правительство попытается предпринять, чтобы справиться с нарастающими макроэкономическими проблемами.

Прежде всего, вероятно попытка введения множественности валютных курсов и/или фиксации курса рубля на искусственно завышенном уровне для импортных операций. Это приведет к ряду последствий. Во-первых, относительно дешевая валюта вызовет повышенный спрос на нее, и для поддержания устойчивого курса рубля правительство вынуждено будет быстро расходовать валютные резервы. Во-вторых, неизбежно образуется дефицит валюты, а значит, и необходимость административного ее распределения государственными органами (что лишь еще более усилит коррупцию). В-третьих, возникнет валютный черный рынок. В-четвертых, импорт станет невыгодным (из-за принудительно завышенного курса рубля) и опасным (если государство обрушит жесткие репрессии за пользование услугами валютного черного рынка). В-пятых, свертывание импорта приведет к резкому скачку внутренних цен и в первую очередь на потребительские товары, поскольку внешняя конкуренция является в настоящее время главным сдерживающим фактором для отечественных монополистов. Стремительный рост инфляции может поставить правительство перед необходимостью введения государственного контроля за ценами, в результате чего возникнет хорошо знакомая (но, к сожалению, отчасти уже забытая) обстановка товарного дефицита, причем при практически исчерпанных валютных резервах.

Принимая во внимание современное состояние российской экономики, можно предположить, что при переходе к проинфляционистскому экономическому курсу его крайне негативные последствия проявятся не сразу (как было бы в 1993 году), а по прошествии шести-двенадцати месяцев. Причины этого кроются в общей инерционности экономических процессов, которым свойственен примерно шестимесячный лаг между изменением денежной политики и изменением основных макроэкономических параметров. Кроме того, накопленные к настоящему времени запасы валюты

позволяют в течение определенного времени демпфировать опасные последствия инфляционистской политики.

Нельзя также не отметить, что подобная политика создает исключительно благоприятную среду для коррупции (гораздо более благоприятную, чем существует сейчас). И дело не сводится к уже упомянутой выше проблеме распределения валюты. В центре принятия хозяйственных решений здесь оказывается чиновник, распределяющий ресурсы (неважно, рубли, иностранную валюту или пресловутые «фонды»), а место в очереди за дефицитом всегда стоит денег, то есть взятки.

Еще один относительно реалистичный вариант экономической политики связывается с позицией националистических партий и предполагает, прежде всего, *концентрацию государственных ресурсов в отраслях ВПК*, оказание им (всем или по определенному списку) стабильной поддержки инвестициями и иными финансовыми средствами.

Естественным и необходимым элементом этой политики является внешнеэкономический протекционизм, защита отечественных производителей от иностранных на внутреннем рынке. В нем заинтересованы как собственно предприятия военно-промышленного комплекса, так и, более широко, производители импортозамещающей продукции.

При таком макроэкономическом маневре ВПК становится как бы «ведущим звеном» национальной экономики. Государственная поддержка служит своеобразным мотором, стимулирующим рост этого сектора, что, в свою очередь, создает спрос, необходимый для развития других отраслей производственной и социальной сфер. Однако даже в наименее инфляционном (и макроэкономически наиболее жестком) варианте рассматриваемой альтернативы гражданские отрасли, и особенно социальная сфера, оказываются в исключительно неблагоприятном положении, поскольку спрос на их деятельность неизбежно будет формироваться в последнюю очередь, а государственных ресурсов просто не будет хватать и тем самым воспроизведется столь знакомый для советской экономики остаточный принцип финансирования социальных затрат.

По сравнению с «левой альтернативой» здесь, особенно в исходном пункте, не следует ожидать чрезмерного эконо-

мического популизма. Популизм националистов ограничится в основном политической сферой. В экономике же они попытаются придерживаться достаточно осторожного макроэкономического курса. Националистическое правительство вряд ли пойдет на широкомасштабное замораживание цен, которое, по-видимому, первоначально коснется лишь продукции сырьевого (и прежде всего топливно-энергетического) сектора. На теоретическом уровне это будет объясняться так называемой «инфляцией издержек» (т. е. ростом цен в сырьевых отраслях) в качестве основной причины повышения уровня цен в народном хозяйстве.

Важным элементом рассматриваемой концепции является проведение комплекса организационных и институциональных мероприятий, направленных на формирование ряда крупнейших монополистических объединений — финансово-промышленных групп (ФПГ). Предполагается, что они должны создаваться преимущественно «сверху», то есть самим государством, и представлять собой аналоги соответствующих образований, существующих в Японии и в Южной Корее. Будучи опорой государственной промышленной политики, ФПГ рассматриваются как основные субъекты государственного регулирования и одновременно главные реципиенты государственной помощи.

Строго говоря, у этой модели довольно много общего с рассмотренным выше открыто инфляционным вариантом. Ограниченность государственных неинфляционных финансовых ресурсов обусловит сильнейшее давление всех влиятельных хозяйственных агентов ВПК на распределяющий эти ресурсы бюрократический аппарат. Последствия здесь достаточно очевидны. С одной стороны, неизбежен рост коррупции государственного аппарата, у которого появятся понятные «стимулы» к распределению соответствующих средств. С другой — политическое руководство страны даже при твердом намерении не допустить инфляционной накачки экономики не сможет противостоять мощнейшему натиску созданных им же финансово-промышленных групп. Не имея средств для удовлетворения appetитов всех политически значимых лоббистов, государство будет вынуждено включить

печатный станок и в дальнейшем раскручивать инфляционный маховик по нарастающей.

Что касается среднесрочных перспектив рассматриваемой экономической политики, то здесь можно прогнозировать два достаточно реалистичных сценария. Во-первых, при абсолютно неквалифицированной макроэкономической политике (или при сильном политическом влиянии на националистическое правительство левых политических сил, являющихся открытыми инфляционистами) вполне вероятно быстрое включение механизма инфляционного финансирования с немедленным попаданием в описанный выше «латиноамериканский» порочный круг (от принудительного курса через фиксацию цен к товарному дефициту). Во-вторых, теоретически можно предположить, что националистическое правительство будет придерживаться и более осторожного курса в денежно-финансовой сфере. Это, конечно, вызовет дополнительное социальное напряжение, но оно далеко не сразу станет представлять серьезную опасность для власти, которая сможет в течение какого-то времени объяснять социальные тяготы наследием «проклятых либералов-рыночников». Но исторический опыт свидетельствует, что политика националистического популизма, проводимая в течение определенного периода, все равно заводит в инфляционный тупик. Правда, это происходит не так скоро, как при «левом» варианте развития событий.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов и крайне низкую, но все-таки существующую вероятность почти полного отказа от экономического популизма в рамках рассматриваемой экономико-политической модели. Однако при таком развитии событий страна окажется в весьма сложном политическом положении. Ставка на ВПК как на источник народнохозяйственного роста предполагает наличие достаточно широкого спроса на военную продукцию. То есть необходимо будет или пойти по пути резкого расширения торговли оружием на мировом рынке, или самим начинать боевые действия. Первое вряд ли возможно по экономическим причинам — масштабы экспортных поставок вооружений Советским Союзом достигались за счет того, что подавляющая их часть передавалась как бы в долг (а фактически бесплатно), тогда как по уровню реальных

продаж показатели сопоставимы с аналогичными нынешними показателями для России. Иными словами, на реальный (денежный) спрос на мировом рынке рассчитывать особо не приходится. Что же касается ориентации на начало военных действий (по этому пути восстановления экономического роста как раз и пошла в 1930-е годы Германия), то здесь вряд ли нужны какие-либо комментарии. Словом, без инфляционной накачки подобная экономическая логика если и имеет какие-то перспективы, то они весьма печальны.

Вряд ли нужно доказывать, что перспективы проведения того или иного варианта экономической политики в настоящее время в значительной мере зависят от чисто политических факторов и прежде всего от результатов выборов в Государственную думу, а также от личности будущего президента Российской Федерации.

Авторегрессионная модель, ее верификация и использование в прогнозировании

Для анализа вариантного прогноза необходимо рассмотреть простую авторегрессионную модель инфляции, учитывающую инерционность цен. Инерционность инфляции в России особенно наглядно проявилась в 1995 году. Она объясняется двумя причинами: сохранявшимися до III квартала текущего года высокими инфляционными ожиданиями и недостаточной гибкостью цен. Модель связывает темп месячной инфляции с приростом цен в предыдущем месяце, с приростом денежной массы M_2 , а также с прочими, т. е. немонетарными, факторами. На основе данной модели разработаны представленные ниже ретроспективный и перспективный прогнозы помесечной инфляции.

В общем виде авторегрессионная зависимость выглядит так:

$$p_t = a_1 p_{t-1} + a_2 m_{t-1,t-6} + \varepsilon_t \quad (1)$$

где p_t — индекс роста потребительских цен в течение месяца t , $m_{t-1,t-6}$ — среднее геометрическое месячных темпов

прироста денежной массы M_2 за предыдущие 6 месяцев, ε_t — прочие (немонетарные) факторы инфляции, a_1 , a_2 — коэффициенты регрессии.

Уравнение регрессии (1) не включает свободный член. Это, однако, согласуется с некоторыми теоретическими моделями инфляции с недостаточно гибкими ценами. Они описывают в явном виде процесс установления фирмами цен в условиях монополистической конкуренции производителей, не обладающих полной информацией о денежной политике государства¹. В основе этого направления лежит хорошо известная модель несовершенной конкуренции, предложенная А. Дикситом и Дж. Стиглицем². Другой подход к объяснению инерционности цен основан на учете двусторонних трудовых контрактов, заключаемых на фиксированный срок и учитывающих инфляцию³. Теоретический уровень цен выражается (в логарифмической шкале) как выпуклая линейная комбинация уровня цен, установленных в предыдущем периоде, и денежной массы в текущем периоде⁴. Принимая в расчет запаздывания в воздействии денежной массы на агрегированный спрос, а также влияние немонетарных факторов, получаем темповую регрессионную зависимость (1).

Оценка авторегрессии дает следующие результаты:

$$p_t = 0,65p_{t-1} + 0,4m_{t-1,t-6} + \varepsilon_t \quad (2)$$

Значения t -статистики для оцененных параметров: 7,2 для параметра a_1 при p_{t-1} и 3,9 для параметра a_2 при $m_{t-1,t-6}$. Таким образом, полученные оценки являются статистически значимыми. Множественный коэффициент детерминации R^2 равен 0,81. Следовательно, вклад немонетарных факторов в дисперсию роста цен составляет 19%.

¹ См.: Fischer S., Blanshard O. Lectures on Macroeconomics. The MIT Press, 1990. P. 388–401.

² См.: Dixit A., Stiglitz J. Monopolistic Competition and Optimum Product Diversity // American Economic Review. 1977. Vol. 67. No 3 (June). P. 297–308.

³ См.: Taylor J. Aggregate Dynamics and Staggered Contracts // Journal of Political Economy. 1980. Vol. 80. No 1 (Jan.). P. 1–24; Fuhrer J., Moore J. Inflation Persistence // Quarterly Journal of Economics. 1995. Vol. 110. No 1 (Feb.). P. 127–159.

⁴ См.: Fischer S., Blanshard O. Lectures on Macroeconomics. P. 392.

Заметим, что сумма коэффициентов линейной комбинации в (2) близка к 1. Это свойство характерно и для всех других спецификаций модели с более сложной лаговой структурой. Данный факт, с одной стороны, соответствует теоретической зависимости, о которой говорилось выше, а с другой — отражает свойство нейтральности денег в долгосрочном периоде.

Как показывают полученные оценки, инерционность цен является весомым фактором, определяющим динамику месячной инфляции. Изменение темпа инфляции на один процентный пункт в текущем месяце предопределяет при равенстве прочих условий изменение этого темпа в следующем месяце в среднем на 0,65 п.п. Прогноз изменения цен в 1995–1996 годах на основе авторегрессионной модели показан графически на рис. 1.

На рис. 1 представлен временной ряд краткосрочных прогнозов инфляции на месяц вперед, основывающихся на зависимости (2). Краткосрочный прогноз рассчитывается по фактическим данным об инфляции в текущем месяце и динамике денежной массы за предыдущие полгода. Влияние немонетарных факторов на инфляцию в этом расчете не учитывается. Начиная с сентября 1996 года использованы прогнозные данные о динамике денежной массы, основанные на проекте бюджета на 1996 год. На этом интервале информация о фактической инфляции не используется и ежемесячные индексы цен пересчитываются в итеративном режиме согласно зависимости (2).

С целью иллюстрации прогностических свойств модели на рис. 2 представлен долгосрочный ретроспективный прогноз инфляции. Здесь вообще не используется фактическая динамика цен, а рассчитываемые для периода с июля 1992 года по июнь 1996 года темпы инфляции основаны только на информации о месячной динамике денежной массы. В данном случае месячные темпы инфляции с самого начала пересчитываются итеративно по формуле (2). Как видно из рис. 2, предложенная модель хорошо улавливает тренд инфляции, а отклонения прогнозных цифр от фактических объясняются неучитываемыми в модели изменениями реального спроса на деньги.



Рис. 1



Рис. 2

В частности, в этих расчетах не принимается во внимание уменьшение скорости обращения денежной массы во втором полугодии 1995 года, вызванное проводимой ЦБ политикой и ситуацией на финансовых рынках. Поэтому прогноз на конец 1995 — начало 1996 года должен быть

скорректирован при рассмотрении конкретных политических сценариев. В действительности закономерный процесс роста реального спроса на деньги в условиях осуществляющейся стабилизации начался в III квартале (см. таблицу).

Таблица

1995	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
ВВП (трлн руб.)	73	89	96	106	118	130	136	148
M2 (трлн руб.)	94,5	102,8	107,3	123,2	136,2	156,8	164,9	174,3
M2/ ВВП	1,29	1,23	1,12	1,16	1,14	1,15	1,21	1,18

Таким образом, за летние месяцы накопленная масса денег в ВВП выросла на 3,5%. Это увеличение является индикатором повышения доверия экономических агентов к проводимой политике стабилизации, т. е. начала процесса снижения инфляционных ожиданий. Как видно из рис. 1, модель не улавливает изменений доли денег в ВВП, связанных с динамикой реального спроса на деньги, который определяется ожиданиями экономических агентов, колебаниями объема реального продукта и т. д. (т. е. факторами, лежащими на стороне спроса на деньги). Напротив, изменения доли денег в ВВП, вызванные фактической динамикой предложения денежной массы, достаточно хорошо отражены траекторией ретроспективного прогноза на рис. 2. Поэтому для прогноза будущей инфляции мы экзогенно корректируем темпы роста цен в соответствии с предполагаемыми изменениями реального спроса на деньги.

Как показывает опыт прошлого года, эластичность спроса на реальные кассовые остатки по инфляции составляет около 0,25. Ко второй половине 1995 года месячные темпы инфляции в годовом исчислении снизились по сравнению с 1994 годом более чем на 50%. Следовательно, можно ожидать увеличения

реального спроса на деньги за период с осени 1995 года до конца 1996 года на 20–22%. В течение оставшихся трех месяцев 1995 года мы предположили увеличение реального спроса на деньги на 5–6%. Скорректированный вариант прогноза представлен на рис. 3. Согласно этому прогнозу инфляция к декабрю составит 3,9%, за октябрь–декабрь — 13,8%, а в целом в текущем году — около 133%.

Приведенный прогноз инфляции на остаток текущего и 1996 года основан на предположении о том, что исполнительная власть сохранится в руках правительства В.С. Черномырдина. Однако очевидно, что экономические прогнозы на 1996 год можно делать лишь задавшись некоторым набором политических сценариев. Результаты выборов в Государственную думу и выборов президента полностью определять характер экономической политики в будущем.

Выше уже рассматривался благоприятный вариант развития, при котором соотношение сил в Государственной думе после декабря 1995 года не изменится слишком сильно в пользу коммунистов, аграриев и национал-патриотов. В этом случае правительство Черномырдина, вероятно, будет продолжать политику финансовой стабилизации, по крайней мере до июньских выборов президента.

При таком политическом сценарии мы исходили из того, что правительство будет стремиться к выполнению ориентиров денежной политики, заложенных в проекте бюджета 1996 года и проекте Основных направлений денежной политики на 1996 год: рост денежной массы на 20–25% за 1996 год, т. е. на 1,5–1,9% в месяц. Правительственная программа предполагает 12–15-процентный рост реального спроса на деньги (0,9–1,1% в месяц). В наших расчетах на основе опыта 1994–1995 годов рост реального спроса на деньги в 1996 году принят в размере 15–16%.

Правительственные проектировки подразумевают, что при названных параметрах денежной программы инфляция составит 1–1,2% в месяц. Такой прогноз мог бы быть правильным при условии достижения к концу 1995 года темпов роста, близких к 1% в месяц. Однако, как было показано выше, это вряд ли произойдет. Кроме того,

и темпы роста денежной массы в IV квартале 1995 года, вероятно, будут больше тех, которые необходимы для достижения названных целей (около 3,3% в месяц). Следовательно, с учетом инерционности инфляционных процессов можно предположить, что параметры, заложенные в проектах бюджета и денежной программы, приведут к росту цен в 1996 году на 1,7% в месяц, или на 23% в целом за год (см. рис. 3).

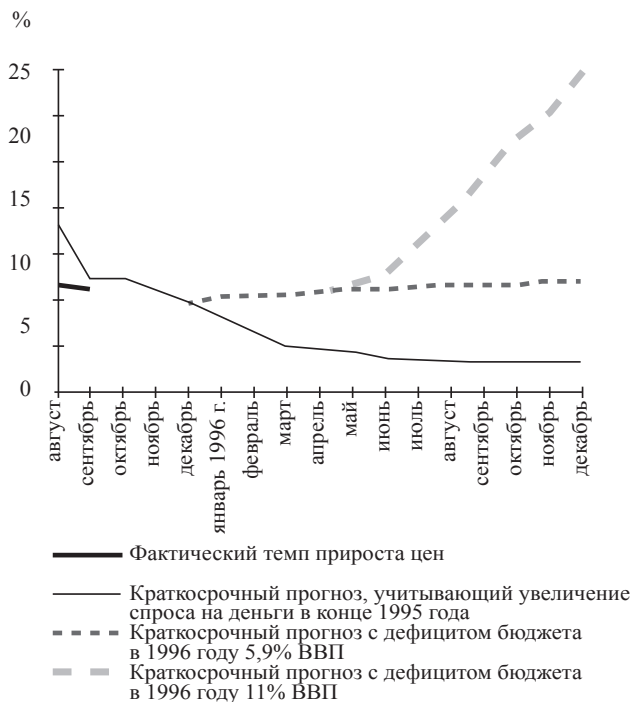


Рис. 3

Реалистичность этого варианта в определенной степени зависит от взаимовлияния денежной и курсовой политики и ответной реакции экономических агентов. Опыт финансовой стабилизации 1995 года показал, насколько затруднен контроль за денежной массой в условиях долларизированной экономики с высокой степенью мобильности капитальных потоков. Центробанк мог удерживать рост денежной

массы весной-летом, только допустив значительное увеличение реального курса рубля.

Фактическое повышение реального курса рубля с начала года примерно на 60% привело к значительному удорожанию отечественного производства. Правда, введя валютный коридор, Центробанк предотвратил еще большее повышение реального курса рубля, несколько облегчив положение реального сектора. Однако эта целесообразная с макроэкономической точки зрения мера отразилась на состоянии банковского сектора. Переживаемый с августа банковский кризис укладывается в логику финансовой стабилизации. Пострадали в первую очередь те банки, которые недоучли эффект проводимой с начала года политики и не снизили размеры валютных позиций. Сыграли свою роль недооценка кредитных и процентных рисков, неумение согласовывать временную структуру активов и пассивов, большие административные расходы и т. д. Банковский кризис должен оздоровить финансовую систему России и изменить стиль менеджмента в этом секторе. Скупка Центробанком ГКО у некоторых банков с их последующей перепродажей другим участникам рынка позволила рационально перераспределить ликвидность и избежать более серьезных последствий.

Если в будущем году продолжится тенденция быстрого роста реального курса рубля, то можно предвидеть резкое ухудшение положения экспортного сектора экономики. В то же время политика валютного коридора или фиксация валютного курса стимулирует дальнейшую дедолларизацию экономики. Дедолларизация усиливается и существующими высокими процентными ставками по государственным ценным бумагам, снижение которых представляет собой весьма трудную задачу.

Растягивание во времени процесса роста реального курса рубля (сближение внутренних цен с мировыми) позволит сделать его менее болезненным для экономики. Если исходить из необходимости обеспечения более устойчивой динамики реального курса рубля, то возможно несколько направлений экономической политики. Первое — наращивание валютных резервов с целью повышения спроса на

инострannую валюту и определенной девальвации рубля. Однако трудно предсказать, какой инфляционный эффект вызовет увеличение денежной базы за счет наращивания резервов, а также роста стоимости импорта. В результате выигрыш от замедления реального роста рубля может оказаться значительно меньше предполагаемого.

Второе направление отражает меры по снижению инфляции, позволяющие при фиксированном курсе рубля замедлить процесс его реального роста. Это подразумевает контроль не только за чистыми внутренними активами, но и за увеличением внешних резервов. В частности, правительству следовало бы снизить ставки по ГКО и другим ценным бумагам с тем, чтобы замедлить процесс дедолларизации и сократить предложение иностранной валюты.

Проект денежной программы, разработанный ЦБ России, предусматривает целевые установки по росту денежной базы и не предусматривает отдельных ограничений по чистым внутренним активам. Таким образом, у Центробанка увеличится свобода маневра в осуществлении политики процентных ставок, согласованной с целевыми установками по денежной базе. В частности, для стабилизации реального курса рубля Центробанку необходимо будет сглаживать изменения спроса на рублевые активы, используя ту или иную форму контроля за ставками денежного рынка. Допуская в какие-то моменты рост внутренних активов, ЦБ сможет эффективно сдерживать спекулятивный натиск против доллара без значительного роста внешних резервов. (Как показал опыт финансовой стабилизации 1995 года, рост внешних резервов может быть весьма ощутим в условиях сверхжестких самоограничений на динамику чистых внутренних активов.) При реализации конкретного варианта денежной политики будет возможен выбор оптимальной комбинации мер по контролю за денежной массой и управлению процентными ставками.

С учетом достаточно высокой инфляции в конце 1995 года представляется, что Центральному банку РФ следует попытаться вывести курс доллара на верхнее значение установленного коридора (4900 руб./долл.). В 1996 году более

рациональной политикой была бы либо фиксация курса доллара (с одновременной 5–10-процентной девальвацией рубля), либо установление «ползущего» (наклонного) валютного коридора, обеспечивающего снижение стимулов быстрой дедолларизации. В то же время такая политика, сопряженная с ростом внешних резервов, требует ужесточения контроля за чистыми внутренними активами денежных властей.

Прогнозирование последствий «немонетарной» стабилизации

Приведенный выше прогноз инфляции на 1996 год основан на предположении, что не произойдет сколько-нибудь серьезных изменений в структурах исполнительной власти (сохранится правительство В.С. Черномырдина). Теперь попробуем спрогнозировать динамику инфляции в случае более или менее серьезных политических сдвигов.

Уже само по себе укрепление позиций левых и националистических партий в результате выборов в Государственную думу может оказать существенное негативное влияние на экономическую политику. И это при том, что конституционные возможности влияния законодательной власти на исполнительную крайне ограничены. А вот итоги президентских выборов будут иметь решающее значение для экономической политики России в течение достаточно продолжительного времени.

При умеренно негативном политическом сценарии («полевение» состава Думы при сохранении достаточно осторожной исполнительной власти) мы исходили из того, что правительство будет стремиться к выполнению ориентиров, заложенных в проекте государственного бюджета и проекте Основных направлений денежной политики на 1996 год. Однако в рамках рассматриваемого политического сценария возможно такое развитие событий, которое приведет к принятию менее жесткого бюджета на 1996 год.

Если предположить рост бюджетного дефицита с 3,9% ВВП до 5,9% ВВП (на 2% ВВП), финансирование которого

должно быть обеспечено за счет внутренних заимствований, то это будет означать серьезное изменение макроэкономической политики. Дело в том, что дополнительный объем внутренних заимствований на уровне 2% ВВП (40–45 трлн руб. при ВВП согласно бюджетным проектировкам в размере 2100 трлн руб.), по нашему мнению, не может быть обеспечен при существующем рынке государственных ценных бумаг. В случае принятия подобного решения возникнет необходимость либо секвестрирования расходов, либо дополнительной денежной эмиссии ЦБ РФ, например в виде покупки государственных обязательств на открытом рынке.

Исходя из опыта принятия и исполнения жесткого бюджета 1995 года депутаты сделают все возможное, чтобы избежать секвестрирования бюджетных расходов (при утверждении их на более высоком уровне, чем предусмотрено проектом). Таким образом, прирост денежной массы в 1996 году будет не 20–25%, а 60–65%, то есть около 4,2% в месяц. При этом в отличие от предыдущего сценария мы предполагаем, что в 1996 году не будет наблюдаться роста реального спроса на деньги как следствия успешной стабилизации. В результате инфляция составит в следующем году, по нашему прогнозу, немного больше 4,2% в месяц, или 63,5% за весь год (см. рис. 3).

Этот вариант означает неизбежность и целесообразность систематической индексации доходов и других номинальных параметров соответственно росту цен, что означает переход к режиму перманентной инфляции с годовым темпом 80–100%. Такая возможность предусматривалась Р. Дорнбушем еще в 1994 году¹.

Теоретическим обоснованием высокой вероятности перехода к перманентной инфляции служит тезис о ригидности цен и ценовой политики предприятий в краткосрочном периоде. Именно этот фактор, ярко проявившийся в 1995 году, препятствует повышению эффективности

¹ См.: Дорнбуш Р. «Я инвестировал в Россию, чтобы иметь кусок ее будущего успеха» // Коммерсант. 1994. 20 декабря.

монетаристских стабилизационных мер, дающих в краткосрочной перспективе низкую отдачу. В данном случае для осуществления стабилизации необходима сильная политическая воля, иначе произойдет переход к перманентной инфляции с систематической индексацией доходов.

Рассмотрим теперь другой политический сценарий, предполагающий относительное поражение демократических сил на выборах в Государственную думу и (что более важно) на президентских выборах. (Все дальнейшие рассуждения носят, разумеется, чисто иллюстративный характер, а их негативные макроэкономические последствия могут рассматриваться как минимально возможные.)

В качестве основного варианта развития политических событий предположим, что до выборов президента нынешняя оппозиция не сможет добиться реализации решений, полностью блокирующих наметившуюся стабилизацию. Иными словами, будет принят вариант бюджета на 1996 год, близкий к рассмотренному выше, с дефицитом 5,9% ВВП и проводиться так называемая умеренно жесткая денежная политика (темпы роста M_2 — 4,2% в месяц). Однако после выборов, согласно этому сценарию, ситуация изменится в худшую сторону: новый президент прокоммунистического и (или) национал-патриотического толка сменит правительство, а поддерживающая его Дума начнет принимать законы, в корне изменяющие экономическую политику. Для того чтобы проиллюстрировать возможные последствия такой смены экономического курса, предположим реализацию лишь некоторых (причем в минимальном варианте) решений, содержащихся в предвыборной риторике коммунистических и национал-патриотических лидеров.

Скорее всего, одной из первоочередных мер в области ценовой политики станет замораживание цен на основные продукты питания. Допустим, фиксированные цены будут установлены примерно на треть товаров розничного товарооборота. Тогда при среднемесячной инфляции, которая в соответствии с прогнозом, основанным на этих и следующих предположениях, достигнет 10% в месяц во втором полугодии 1996 года, объем необходимых субсидий

для поддержания неизменного уровня цен составит около 25 трлн руб.

Следующим решением проблемы регулирования цен станет, по-видимому, фиксация цен на продукцию базовых отраслей — топливной промышленности и энергетики. Таким способом, коммунисты будут бороться с так называемой инфляцией издержек. Объем бюджетных субсидий, необходимых для этого, составит около 22 трлн руб.

В области валютной политики наиболее вероятно введение множественности курсов обмена с их фиксацией. Подобное решение неизбежно приведет к необходимости субсидирования курса для экспортеров. При условии поддержания применяемого к экспорту неизменного реального курса, предусматривающего сохранение доходов предприятий-экспортеров на уровне лета 1996 года, потребуются субсидии в 20 трлн руб. Для субсидирования импортного продовольствия и оборудования с целью сохранения на них стабильных внутренних цен нужно будет еще 15 трлн руб.

Кроме этих мер, возможны рост оборонных расходов как минимум на 1,5% ВВП, рост расходов на народное хозяйство (в основном на инвестиции, субсидии убыточным предприятиям и в сельское хозяйство) — 2% ВВП. Эскалация расходов, разумеется, не может ограничиться федеральным уровнем, поэтому надо принять во внимание также и рост расходов на помощь региональным бюджетам — 1% ВВП. В результате дефицит федерального бюджета достигнет 11–12% ВВП. Вряд ли в рамках новой экономической политики возможно сохранение в качестве источников финансирования дефицита внешних и внутренних заимствований в предусмотренных объемах за исключением кредитов Центрального банка. Поэтому монетизируемая часть дефицита за второе полугодие 1996 года составит около 275 трлн руб., или 10–11% годового ВВП (оценка ВВП — 2600 трлн руб.), что означает рост денежной массы M2 во втором полугодии на 110% (среднемесячные темпы — 13%). В целом за год денежная масса увеличится на 165% (среднемесячные темпы — 8,5%).

В подобных условиях инфляция, согласно расчетам по описанной выше модели, во втором полугодии будет около 80%, что в среднем равняется 10% в месяц — от 6,4% в июле до 13,8% в декабре. За год же инфляция составит около 130% (см. рис. 3). При этом мы предполагаем достаточно резкое снижение спроса на деньги, начинающееся в мае, нарастающее летом—осенью и замедляющееся к зиме 1996 года. В целом за май—декабрь 1996 года спрос на реальные деньги снизится, по нашим оценкам, примерно на 30%.

Заметим, что при маловероятной предпосылке сохранения стабильного спроса на деньги на уровне 1995 года рост цен, согласно нашим расчетам, составит в 1996 году около 95% (55% за второе полугодие). В этом случае новая власть будет какое-то время пожинать плоды стабилизационной политики, еще больше «раскручивая» расходы при относительно низкой инфляции. Тогда, учитывая инерционность цен, основная инфляционная «вспышка» придется на 1997 год.

ЭКОНОМИКА И ВЫБОРЫ: ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОГО АНАЛИЗА

Взаимосвязь экономики и политики лишь в последнее время становится предметом количественного анализа. Однако проводившиеся до сих пор исследования в основном концентрировались на проблемах развития демократических государств¹. В гораздо меньшей степени изучены недемократические страны (диктатуры) и страны с переходной экономикой (прежде всего постсоциалистические). В немногочисленных работах, посвященных данным вопросам, по преимуществу описываются конкретные политико-экономические ситуации, причем, скорее, с политологической точки зрения². И это понятно: демократические государства представляют собой наиболее благоприятный объект

Опубликовано в: Вопросы экономики. 1997. № 4. (В соавторстве с М.А. Гамбаряном.)

¹ См.: *Alesina A., Roubini N.* Political Cycles in OECD Economies // Review of Economic Studies. 1990. Vol. 59. No 1.

² См.: *Haggard S., Kaufman R.R.* The Political Economy of Democratic Transitions. Princeton: Princeton University Press, 1995.

исследования и выявления каких бы то ни было закономерностей ввиду устойчивости тенденций их политического и экономического развития, стабильности воздействующих на экономику факторов, наличия обильного и достоверного статистического материала, а также практики периодически повторяющихся выборов. Этого нельзя сказать ни о странах с переходной экономикой, ни о диктатурах.

Кроме того, ограниченность имеющихся исследований определяется их преимущественным акцентом на вопросах влияния самого фактора выборов на проведение той или иной экономической политики — до голосования и после него. Так, «политико-деловой цикл» У. Нордхауза описывает колебания экономической политики действующего правительства в аспекте ее макроэкономической жесткости в пред- и послевыборный период¹. Между тем не меньший интерес представляет и обратная проблема, а именно влияние экономической ситуации (и соответственно экономической политики) на результаты выборов. Здесь пока доминирует банальный подход: если экономическая ситуация хорошая, то и в области политики все будет хорошо, то есть выиграет правящая партия. Однако такая постановка сама по себе порождает больше вопросов, чем ответов.

Во-первых, правящая партия и в условиях благоприятной экономической конъюнктуры нередко проигрывает выборы. Во-вторых, само понятие «хорошей экономической ситуации» крайне расплывчато: интересы различных групп экономических агентов (которые могут быть достаточно влиятельными, чтобы определить результаты выборов) зачастую являются разнонаправленными, и то, что «хорошо» для одних, может быть «плохо» для других. Наличие влиятельных групп давления с несовместимыми системами экономико-политических интересов особенно характерно для стран, осуществляющих глубокую экономическую и политическую трансформацию. Типичным примером здесь служит перераспределительный конфликт между экспортоориентированным и импортозамещающим

¹ См.: Nordhaus W. The Political Business Cycle // Review of Economic Studies. 1975. Vol. 42. No 4.

секторами национальной экономики, характерный и для развивающихся, и для постсоциалистических государств¹.

Применительно к последним возникает и ряд других вопросов, требующих более тонкого анализа. Как те или иные экономические факторы влияют на политическую ситуацию (и прежде всего политическую стабильность)? Какие именно факторы в этом отношении ключевые, и насколько применим для анализа постсоциалистических стран стандартный набор параметров, используемых при изучении рыночных экономик вообще и рыночных демократий в особенности? Чтобы ответить на эти вопросы, необходимо проанализировать специфику экономических параметров, воздействующих на выявляемые в ходе выборов политические предпочтения.

Наконец, для современной России особенно актуален еще один аспект рассматриваемой проблемы — региональный. При всей многочисленности высказываний об актуальности таких сюжетов их анализ находится пока в зачаточном состоянии. Это также вполне объяснимо, поскольку исследования, носящие пограничный характер, появляются, как правило, уже после первичных, укладывающихся в рамки традиционной науки работ. Хотя в последнее время опубликовано несколько статей по политической экономии российского регионализма, содержащиеся в них гипотезы и оценки нуждаются в уточнении и количественной верификации².

Предмет данной статьи находится в точке пересечения трех срезов постсоциалистического развития России — экономической реформы, выборов и регионализма. Мы поставили цель — проследить зависимость итогов выборов от осуществляемой правительством экономической политики. Это только предварительный анализ, поскольку речь здесь идет не о всех выборах, которые происходили на территории России с 1989 года, но лишь о состоявшихся летом 1996 года

¹ См.: *Мау В.* Экономическая реформа и политический цикл в современной России // Вопросы экономики. 1996. № 6; *Kircow P.* Distributional Coalitions, Budgetary Problems and Fiscal Federalism in Russia // *Communist Economies and Economic Transformation*. 1996. Vol. 8. No 3.

² См.: *Мау В., Ступин В.* Очерки политической экономии российских регионов // Вопросы экономики. 1995. № 10; Анализ тенденций развития регионов России. М.: TACIS, 1996 (см.: т. 5, кн. 2 наст. издания).

выборах президента РФ. С чисто статистической точки зрения даже при опоре на всю имеющуюся совокупность выборов и референдумов мы не получим достаточного количества наблюдений для выявления устойчивых экономико-политических закономерностей. Тем не менее мы намерены опираться лишь на данные последних выборов. В пользу подобного подхода говорит ряд аргументов:

во-первых, президентские выборы являются наиболее значимыми с политической и экономической точек зрения с учетом положения президента РФ в конституционно-правовом пространстве страны;

во-вторых, сопоставление всех состоявшихся в 1990–1996 годах голосований в принципе не может быть удовлетворительным, поскольку они представляют собой ряд качественно несопоставимых событий, по-разному влиявших на экономические и политические проблемы России; в любом случае парламентские выборы можно сопоставлять только с парламентскими, а президентские — с президентскими, но и последние с учетом смены в 1993 году Конституции также оказываются несопоставимыми;

в-третьих, специфика примененного нами подхода позволяет, как представляется, в первом приближении оценить экономико-политические взаимосвязи современной России, выходя за рамки собственно региональной проблематики. Мы как бы разбиваем одни президентские выборы на 85 различных выборов¹ и сопоставляем их как равнозначные.

Корреляционный анализ

Исследование факторов, повлиявших на результаты выборов в регионах, велось с использованием регрессионного анализа рядов экономических и политических данных по

¹ В работе использовались данные по всем субъектам Российской Федерации за исключением Чечни и Ингушетии, а также Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов. Относительно первых двух есть серьезные сомнения в надежности имеющихся статистических данных. А для округов — большие отклонения показателей задолженности по зарплате, что могло стать причиной слишком больших отклонений в ходе вычислений по методу наименьших квадратов.

регионам России. Мы учитывали, что сама по себе предвыборная кампания не могла воздействовать на уже сложившуюся в субъектах Федерации политическую ситуацию. Поэтому при анализе предпринимаются попытки, насколько это возможно, определить влияние именно экономической ситуации и отделить ее от уже сложившейся в данном регионе системы политических предпочтений. Последнюю можно было оценить по результатам голосования на референдуме по проекту Конституции в 1993 году и выборов в Государственную думу в декабре 1995 года.

При построении регрессий использовались показатели, характеризующие уровень производства и занятости, взаимоотношения региона с федеральным правительством, показатели, описывающие благосостояние населения и уровень потребления, роль иностранного капитала, а также ряд других параметров, отражающих основные экономические и социально-политические тенденции развития субъектов Федерации. В работе использовались официальные данные Госкомстата РФ. Несмотря на необходимость сравнительной оценки влияния большого числа параметров, одновременное использование всех принятых к рассмотрению факторов было невозможным, поскольку регрессии с избыточным количеством факторов не могли бы дать статистически значимых оценок. Поэтому первоначально был осуществлен корреляционный анализ различных факторов с итогами выборов, а затем уже проводилась оценка регрессий, включающих не более четырех-пяти факторов.

В табл. 1 представлены коэффициенты корреляции¹ между результатами голосования за Б. Ельцина в первом и втором турах президентских выборов (процентом голосовавших за него на выборах) и соответствующими факторами.

¹ Коэффициенты корреляции рассчитаны по формуле:

$$K(x, y) = \frac{\sum x_i y_i}{\sigma_x \sigma_y},$$

где x_i — результаты голосований (соответственно в первом и втором турах); y_i — значения описываемых переменных; σ_x , σ_y — дисперсии x и y .

В дальнейшем мы рассматриваем в качестве существенных связи с коэффициентом корреляции больше 0,2, что соответствует уровню значимости в 95%.

Анализ данных, приведенных в табл. 1, позволяет сделать ряд предварительных выводов. Прежде всего, коэффициенты корреляции социально-экономических факторов с результатами второго тура выборов, как правило, выше соответствующих коэффициентов для первого тура, что может быть объяснено как самим фактом крайней поляризации выбора, так и относительно большей важностью голосования во втором туре по сравнению с первым.

Таблица 1

Корреляции	FOREL ₁	FOREL ₂	Описание переменных
FOREL ₁	1,000	0,900	Доля голосов, поданных за Б. Ельцина в первом туре
FOREL ₂	0,900	1,000	Доля голосов, поданных за Б. Ельцина во втором туре
CRIME	-0,062	-0,056	Число преступлений на душу населения, январь-сентябрь 1996
DOHOD	0,081	0,180	Денежные доходы на душу населения, май 1996
FINV	0,284	0,304	Иностранные инвестиции на душу населения, январь-июнь 1996
LFORPR	0,201	0,310	Число работающих на иностранных предприятиях, январь-июнь 1996
TOWN	0,042	0,227	Доля городского населения (%)
NATIONAL	0,260	0,185	Республика или автономный округ*
PRICE19	0,412	0,500	Цены 19-ти продуктов питания по отношению к среднему показателю по России, август 1996
PROFIT	0,114	0,034	Совокупная прибыль предприятий на душу населения, январь-сентябрь 1996
PROIZVPR	0,157	0,228	Промышленное производство на душу населения, январь-сентябрь 1996

Продолжение таблицы 1

Корреляции	FOREL ₁	FOREL ₂	Описание переменных
RASHPP	0,142	0,125	Потребительские расходы на душу населения, май 1996
RDOH(95/94)	-0,140	-0,080	Динамика реальных денежных доходов, показатель января-июля 1995 по отношению к показателю января-июля 1994
RDOH(96/95)	-0,283	-0,221	Динамика реальных денежных доходов, показатель января-июля 1996 по отношению к показателю января-июля 1995
SELLPR	0,165	0,200	Реализация продукции предприятий-изготовителей на душу населения, январь-июль 1996
SELLTORG	0,220	0,163	Объем реализации продукции оптовой торговлей, январь-июль 1996
TOVOB(96/95) TOVOB	-0,031 0,354	-0,017 0,394	Товарооборот в январе-сентябре 1996 по отношению к январю-сентябрю 1995 Объем товарооборота на душу населения, январь-сентябрь 1996
UNEMP(3/96)	0,099	0,197	Число безработных на душу населения, март 1996
UNEMP(8/96)	0,122	0,206	Число безработных на душу населения, август 1996
VACANS	0,131	0,193	Число вакансий на душу населения, август 1996
WAGE(8/95)	0,396	0,531	Средняя зарплата, август 1995
WAGE(3/96)	0,425	0,542	Средняя зарплата, март 1996
WAGE(6/96)	0,421	0,540	Средняя зарплата, июнь 1996
WAGE(7/96)	0,411	0,542	Средняя зарплата, июль 1996
ZACRALL	0,203	0,246	Кредиторская задолженность на душу населения, август 1996
ZACRPRO	0,204	0,249	Кредиторская задолженность (просроченная) на душу населения, август 1996

Продолжение таблицы 1

Корреляции	FOREL ₁	FOREL ₂	Описание переменных
ZADRALL	0,252	0,292	Дебиторская задолженность на душу населения, август 1996
ZADRPRO	0,270	0,318	Дебиторская задолженность (просроченная) на душу населения, август 1996
ZADW(10/94)	0,185	0,232	Задолженность по зарплате на душу населения, октябрь 1994
ZADW(9/95)	0,212	0,270	Задолженность по зарплате на душу населения, сентябрь 1995
ZADW(1/96)	0,181	0,234	Задолженность по зарплате на душу населения, январь 1996
ZADW(4/96)	0,235	0,318	Задолженность по зарплате на душу населения, апрель 1996
ZADW(7/96)/ ZADW(9/96)	0,456	0,387	Соотношение задолженности по зарплате в июле 1996 к январю 1996
TRANS	0,275	0,323	Поступления от федерального правительства на душу населения, январь-декабрь 1995
NETTRANS	0,100	0,110	Нетто-трансферты от федерального правительства на душу населения, январь-декабрь 1995
TAXF	0,371	0,452	Поступления налогов и других обязательных платежей в федеральный бюджет на душу населения, январь-декабрь 1995
<i>Корреляции только для краев и областей РФ</i>			
TRANS	-0,077	-0,074	Поступления от федерального правительства на душу населения, январь-декабрь 1995
NETTRANS	0,626	0,487	Нетто-трансферты от федерального правительства, январь-декабрь 1995

Окончание таблицы 1

Корреляции	FOREL ₁	FOREL ₂	Описание переменных
TAXF	0,687	0,603	Поступления налогов и других обязательных платежей в федеральный бюджет на душу населения, январь-декабрь 1995

* Переменная NATIONAL для каждого субъекта Федерации представляет собой число, равное 1 для республики или автономной республики в составе Федерации и равное 0 для остальных субъектов Федерации (краев и областей).

Кроме того, отчетливо прослеживается весьма существенная зависимость результатов выборов от показателей, характеризующих уровень заработной платы и задолженность по заработной плате. Такая взаимозависимость была бы вполне естественной, однако требует объяснения явно абсурдный факт положительной корреляции величины задолженности по зарплате и поддержки действующего президента. Его, как нам представляется, помогает объяснить анализ коэффициентов корреляции между уровнем зарплат и задолженностью по ней, приведенных в табл. 2.

Таблица 2

		WAGE (3/96)	WAGE (7/96)	ZADW (9/95)	ZADW (1/96)	ZADW (4/96)	ZADW (7/96)
WAGE	(3/96)	1,000	0,989	0,798	0,709	0,824	0,852
WAGE	(7/96)	0,989	1,000	0,779	0,718	0,823	0,836
ZADW	(9/95)	0,798	0,779	1,000	0,807	0,876	0,891
ZADW	(1/96)	0,709	0,718	0,807	1,000	0,950	0,874
ZADW	(4/96)	0,824	0,823	0,876	0,950	1,000	0,954
ZADW	(7/96)	0,852	0,836	0,891	0,874	0,954	1,000

В этой таблице и далее в уравнениях регрессии используются наименования переменных, как они обозначены в табл. 1.

Налицо высокая взаимозависимость задолженности по зарплате с уровнем зарплаты. Тесная их связь приводит к понятному статистическому эффекту, когда позитивное

с точки зрения поддержки Б. Ельцина влияние второго показателя как бы «тянет» за собой первый. Этот статистический парадокс будет пояснен ниже.

Вряд ли могут вызывать удивление и нуждаться в специальной интерпретации значимые положительные корреляции поддержки на выборах Б. Ельцина и присутствия в регионе иностранных инвестиций (а также уровня занятости на предприятиях с иностранным капиталом), уровня среднедушевого товарооборота или, например, доли городского населения.

Более неожиданными являются существенная положительная связь политических итогов года с уровнем цен в регионах и объемом перечисляемых ими в центр налогов, а также отрицательная связь с объемом бюджетных трансфертов, исчисленным применительно к «русским» субъектам Федерации (краям и областям). Впрочем, первое может быть более или менее убедительно объяснено на уровне здравого смысла: цены 19-ти продуктов питания выше либо в более развитых регионах и являются признаком более высокого уровня доходов, либо в северных регионах (особенно в национальных образованиях), где поддержка существующей власти относительно устойчива. А вот вопрос о связи величины трансфертов и итогов выборов требует более тщательного анализа (см. ниже).

В дальнейшем мы подробно рассмотрим связь результатов президентских выборов с рядом экономических параметров, характеризующихся значимыми коэффициентами корреляции с итогами голосования.

Регрессионный анализ экономических переменных. Роль уровня заработной платы и задолженности по заработной плате

При анализе были использованы линейные регрессии, в которых оценивались коэффициенты приближений вида:

$$\text{FOREL}_1 = C_0 + c_1 \text{CRIME} + c_2 \text{DOHOD} + c_3 \text{FINV} + c_4 \text{TOWN}.$$

Приближения были получены методом наименьших квадратов с помощью стандартного пакета MicroTSP. В таблицах

приводятся коэффициенты регрессий. Критериями значимости коэффициентов служат значения t -статистики (Стьюдента) для каждого коэффициента, R^2 , нормированного R^2 , статистики Дарбина—Уотсона и F -статистики (Фишера) для каждого уравнения регрессии (C_0 — свободный член).

Прежде всего рассмотрим регрессии, определяющие зависимость процента голосов, поданных за Б. Ельцина в первом туре, от ряда переменных, характеризующих самые различные аспекты экономической и социальной жизни данного региона (см. табл. 3). Курсивом приводятся t -статистики, причем значимыми считаются коэффициенты с t -статистикой больше 2, то есть на уровне 95%.

Приведенные коэффициенты уравнений регрессии показывают значимую зависимость результатов выборов от очень ограниченного круга переменных. Причем лишь две из них (WAGE и ZADW) являются экономическими. Переменная NATIONAL отражает в основном характер политических взаимоотношений между институтами власти РФ. На ее уровень федеральное правительство, естественно, повлиять никак не могло и соответственно она не представляет интереса для дальнейшего анализа.

Напротив, возможности правительства в области регулирования показателей зарплаты и задолженности по зарплате как прямым (вплоть до эмиссионного финансирования), так и косвенным путем — через ослабление налогового давления — были достаточно существенными. Причем анализ этих параметров позволяет сделать ряд дополнительных выводов.

Прежде всего, при совместном анализе влияния уровня зарплаты и задолженности выясняется, что задолженность по зарплате все-таки оказывает негативное воздействие на поддержку действующей власти (отрицательные коэффициенты уравнений регрессии). Впрочем, этот вывод достаточно очевиден, мы его хотим подчеркнуть только в связи с тем статистическим парадоксом, о котором у нас шла речь применительно к таблице корреляционных зависимостей (см. табл. 1).

Однако для определения логики и возможной последовательности действий правительства по достижению благоприятных политических результатов представляет интерес

Таблица 3

	FOREL ₁ (1)	FOREL ₁ (2)	FOREL ₁ (3)	FOREL ₁ (4)	FOREL ₁ (5)	FOREL ₁ (6)
C ₀	36,495	7,51	22,163	6,97	33,248	18,86
CRIME	-0,0155	-0,16				
DOHOD	0,00009	0,95				
FINV	0,178	2,77				
TOWN	-5,757	-0,77	8,741	1,09		0,094
NATIONAL			6,073	2,30		1,20
PRICE19			0,0853	3,60		5,906
PROFIT			6,741	1,86		0,039
PROIZVPR			0,0860	0,18		1,00
UNEMP(3/96)			94,898	1,16		
VACANS			0,0647	0,07		
WAGE(3/96)			0,0163	3,97		
ZADW(4/96)			-0,0186	-2,05		
SELLTORG				3,444	1,37	
SELLPR				-0,351	-0,76	
TOVOB(96/95)				-0,136	-1,54	
TOVOB				2,703	3,43	
ZACRALL					-3,333	0,773
ZACRPRO					-0,762	-1,25
ZADRALL					3,509	-0,23
ZADRPRO					3,796	1,14
WAGE(3/96)						0,94
ZADW(3/96)						0,010
						1,77
R ²						-0,017
Нормированный R ²	0,098	0,270	0,236		0,144	-1,87
Статистика Дарбина—Уотсона	0,053	0,223	0,198	0,169	0,101	0,339
F-статистика	1,130	1,505	1,623	0,128	1,458	0,288
	2,16	5,83	6,18	1,455	1,458	1,621
				4,08	3,37	6,66

вопрос о временных лагах, отделяющих популистские решения (поскольку выплата долгов в связи с выборами всегда является популистским решением) от даты выборов. В этих целях, во-первых, были рассчитаны регрессии с использованием величины задолженности в предшествующие месяцы, и, во-вторых, исследована зависимость результатов выборов от соотношения задолженностей в отдельные месяцы на протяжении двух лет, предшествующих выборам (см. табл. 4).

Приведенные в таблице данные показывают, что зависимость результатов выборов от соотношения задолженностей за июль и январь является значимой для итогов обоих туров, причем положительной. То есть для поддержки действующей власти на выборах величина задолженности по зарплате в январе (за полгода до выборов) была более значимой, чем в июле (в момент выборов). Более того, уровень задолженности по зарплате, отстоящий от момента выборов на 6–9 месяцев, оказывается более значимым, чем долги правительства лета 1996 года. По-видимому, величина задолженности с лагом 6–9 месяцев формирует достаточно устойчивые политические предпочтения, которые не могут меняться автоматически, по мере изменения рассматриваемых экономических индикаторов.

Приведем еще несколько примеров регрессий (см. табл. 5). Из обнаруживаемых здесь закономерностей обращает на себя внимание положительная зависимость уровня безработицы и поддержки действующего президента. Правда, связь этих двух параметров не очень существенна, но сам по себе названный факт, по нашему мнению, достаточно интересен и вполне объясним. По-видимому, более высокая *официальная* безработица служит косвенным показателем интенсивности ведущихся в регионе преобразований и прежде всего структурной перестройки. Иными словами, более высокий процент зарегистрированных безработных обуславливает и более высокий процент населения, вовлеченного в активную хозяйственную деятельность, что естественным образом отражается и на результатах выборов.

Таблица 4

	FOREL ₍₇₎ 1		FOREL ₍₈₎ 1		FOREL ₍₉₎ 1		FOREL ₍₁₀₎ 1		FOREL ₍₁₁₎ 1		FOREL ₍₁₂₎ 1		FOREL ₍₁₃₎ 2	
C ₀	23,359	10,87	22,769	10,47	24,016	11,56	22,777	10,35	22,989	10,46	17,356	6,54	33,888	11,70
NATIONAL	4,879	2,35	5,508	2,66	5,379	2,57	5,375	2,59	5,373	2,58	4,857	2,47	3,619	1,69
WAGE(3/96)	0,0145	4,45	0,0163	4,64	0,014	4,48	0,017	4,42	0,017	4,16	0,012	3,09	0,019	4,56
ZADW(10/94)	-0,0765	2,18												
ZADW(9/95)			-0,0528	2,55										
ZADW(1/96)					-0,017	-2,07								
ZADW(4/96)							-0,021	-2,40			-0,013	-1,49	-0,019	-2,06
ZADW(7/96)									-0,019	-2,25				
ZADW(7/96)/ ZADW(1/96)											5,300	3,29	3,755	2,13
R ²	0,274		0,288		0,270		0,282		0,276		0,368		0,406	
Нормиро- ванный R ²	0,274		0,262		0,243		0,256		0,249		0,336		0,376	
Статистика Дарбина— Уотсона	1,606		1,659		1,606		1,644		1,627		1,515		1,423	
F-статистика	10,17		10,93		9,97		10,62		10,30		11,63		13,64	

Таблица 5

	FOREL ₁ (14)		FOREL ₂ (15)		FOREL ₁ (16)		FOREL ₁ (17)		FOREL ₁ (18)		FOREL ₁ (19)	
C ₀	22,265	7,93	34,456	12,23	23,977	11,32	22,917	10,69	24,374	11,15	5,980	1,43
WAGE(3/96)	0,016	4,26	0,022	5,80			0,014	3,77	0,016	4,21		
WAGER*					0,104	4,35					0,050	2,10
ZADW(4/96)	-0,019	-2,13	-0,024	-2,68			-0,018	-2,12	-0,019	-2,10		
ZADW(1/96)					-0,016	-1,97					-0,011	-1,54
UNEMP(3/96)	93,291	1,19	197,173	2,51								
NATIONAL					5,746	2,72	6,422	3,10			6,275	3,35
FINV							0,128	2,33				
FOREL(12/93)											0,383	4,83
R ²	0,236		0,393		0,262		0,328		0,223		0,428	
Нормированный R ²	0,208		0,371		0,234		0,294		0,204		0,400	
Статистика Дарбина—Уотсона	1,626		1,559		1,618		1,677		10587		2,067	
F-статистика	8,35		17,49		9,57		9,76		11,75		14,98	

* WAGER — средняя заработная плата 7/96 в регионе по отношению к средней по России.

Обратим внимание также, что в последнюю из приведенных регрессий включен политический фактор — результаты голосования за Конституцию в 1993 году [FOREL(12/93)]. Это позволяет оценивать значимость экономических показателей по сравнению с политическими. Приближение сразу стало гораздо лучше ($R^2 = 0,46$), что говорит о сравнительной стабильности политических пристрастий. Можно сделать предварительный вывод о том, что возможности правительства повлиять на результаты выборов при помощи текущих мероприятий экономического характера в общем весьма невелики. Далее мы более подробно рассмотрим эту ситуацию с учетом политических результатов выборов 1995–1996 годов.

Анализ итогов второго тура президентских выборов не свидетельствует о существенных расхождениях с результатами первого тура. Во-первых, зависимость от задолженности по зарплате и от уровня зарплаты для второго тура оказалась более значимой, чем для первого тура. Во-вторых, подтверждается преимущественное значение январской задолженности по зарплате по сравнению с июльской. Наконец, в-третьих, подтверждается исключительная значимость устойчивых политических предпочтений (в данном случае результатов голосования 1993 года).

Бюджетные трансферты как фактор голосования

Особый интерес представляет вопрос о связи результатов голосования на президентских выборах с объемом межрегиональных трансфертов федеральным правительством регионам¹ и с объемом налогов, перечисленных федеральному правительству. Эффективность применяемой формулы бюджетных трансфертов вообще и политическая осмысленность осуществляемой властью региональной политики в частности являются предметом более или менее острой дискуссии на протяжении последних трех лет. Прошедшие

¹ Под трансфертами в настоящей статье понимается вся совокупность денежных средств, перечисленных федеральным правительством субъектам Федерации, в том числе безвозмездные перечисления и поступления из целевых бюджетных фондов.

выборы предоставили возможность рассмотреть эту проблему в терминах политической эффективности. И хотя схема перераспределения финансовых ресурсов между регионами не может детерминироваться одними лишь соображениями политического характера, данный аспект проблемы достаточно важен, чтобы принять его во внимание.

Для нашего анализа использовались данные об исполнении региональных бюджетов за 1995 год и данные о сборе налогов по регионам за тот же год. Сначала приведем регрессии, в которых определяется зависимость поддержки Б. Ельцина от трансфертов и федеральных налогов (см. табл. 7).

Таким образом, уровень поддержки Б. Ельцина связан с объемами трансфертов для всех регионов России. Эта зависимость является значимой с положительным знаком. Однако, как было видно уже из корреляционного анализа, характер взаимосвязи трансфертов и итогов выборов существенно зависит от того, включены ли в рассмотрение национальные образования (республики и округа) РФ. Как было показано выше, в национальных субъектах Федерации процент голосующих за Ельцина заведомо больше и определяется, по-видимому, комплексом внеэкономических причин. Поэтому, чтобы исключить «эффект» национальных субъектов Федерации, было проведено отдельное исследование для «русских» субъектов Федерации, то есть для краев и областей.

В табл. 8 приводятся регрессии, описывающие зависимость поддержки Ельцина от объема трансфертов в «русских» регионах. Переменными здесь являются валовые трансферты TRANS (весь объем средств, перечислявшихся регионам) и нетто-трансферты NETTRANS (объем трансфертов за вычетом полученных федеральным центром налогов из данного региона).

Легко заметить, что при исключении национальных образований из анализа наблюдается значимая отрицательная зависимость между объемом трансфертов или нетто-трансфертов центрального правительства регионам и процентом голосовавших за Б. Ельцина. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что положительный эффект от трансфертов был характерен для национальных образований.

Таблица 6

	FOREL ₂ (20)		FOREL ₂ (21)		FOREL ₁₂ (22)		FOREL ₂ (23)	
C ₀	29,712	5,32	17,724	1,30	10,238	18,98	34,711	12,02
ZADW(1/96)	-0,018	-2,06	-0,017	-2,42	-0,020	-2,38		
ZADW(4/96)							-0,017	-1,86
WAGE(3/96)	0,017	4,78			0,019	5,95	0,019	
WAGE(7/96)			0,010	3,86				
NATIONAL	6,848	2,58	5,055	2,71				
TOWN	14,965	1,82						
FOREL(12/93)			0,455	5,85				
ZADW(7/96)/ ZADW(1/96)							3,994	2,25
R ²	0,392		0,561		0,340		0,384	
Нормиро- ванный R ²	0,361		0,539		0,321		0,362	
Статистика Дарбина— Уотсона	1,588		1,871		1,438		1,391	
F-статистика	12,87		25,60		21,09		16,86	

Таблица 7

	FOREL ₂ (24)		FOREL ₂ (25)		FOREL ₁₂ (26)		FOREL ₁ (27)	
C ₀	37,0728	16,82	38,8231	17,66	42,4648	21,81	26,71971	14,45
TRANS	0,00347	2,60	0,00323	2,34	0,00391	3,61	0,002954	2,87
TAXF	0,00701	2,78			0,01214	5,00	0,008845	3,84
WAGE(3/96)	0,0177	4,18	0,02311	5,90				
ZADW(4/96)	-0,0275	-2,67	-0,0355	-3,44				
R ²	0,44112		0,38717		0,31346		0,216424	
Нормиро- ванный R ²	0,41318		0,36447		0,29672		0,197312	
Статистика Дарбина— Уотсона	1,35513		1,41126		1,23416		1,313232	
F-статистика	15,78580		17,05750		18,72000		11,324220	

Таблица 8

	FOREL ₂ (28)	FOREL ₂ (29)	FOREL ₁ (30)	FOREL ₁ (31)	FOREL ₂ (32)	FOREL ₂ (33)
C ₀	17,8628	7,35	29,566	10,40	17,0585	7,87
TRANS	-0,014	-3,02				
NETTRANS			-0,007	-2,90	-0,0088	-4,40
WAGE(3/96)	0,03691	7,07	0,0361	5,11	0,02081	3,90
ZADW(4/96)	-0,0638	-5,20	-0,0588	-3,58		
ZADW(7/96)					-0,0254	-2,32
TOWN						
R ²	0,5007		0,5659		0,5834	
Нормированный R ²	0,4725		0,5414		0,5598	
Статистика Дарбина—Уотсона	1,5375		1,4885		1,6346	
F-статистика	17,717		23,034		21,741	

Таблица 9

	NETTRANS (34)	NETTRANS (35)	NETTRANS (36)	NETTRANS (37)	TRANS (38)	TRANS (39)	TRANS (40)
C ₀	-61,432	-0,12	-417,65	-0,79	-3175,1	-7,57	
TOWN	-2832	-7,15	-1322,4	-6,52	-61,4318	-0,12	-1132
PROFIT	-776,76	-3,92	696,422	4,32	-2831,95	-7,15	334,051
PORCE19	13,6475	9,18	-1093,5	-4,91	-776,761	-3,92	-765,35
VOTOPROS*	11,4287	1,66	10,6518	6,60	13,64752	9,18	14,0106
VKPRF**					11,4287	1,66	5,53502
R ²	0,74172		0,6921		0,741718		0,70239
Нормированный R ²	0,7288		0,6807		0,728804		0,6875
Статистика Дарбина—Уотсона	2,25575		2,0309		2,255753		2,88897
F-статистика	57,4348		60,687		47,0805		47,201

* VOTOPROS — голосование за оппозицию (общий процент голосов, поданных за ЛДПР, «Трудовую Россию» и КПРФ на выборах в Думу в декабре 1995 года). ** VKPRF — процент голосов, поданных за КПРФ на выборах в Думу в декабре 1995 года.

Такой вывод близок к уже высказывавшемуся в экономической литературе соображению, что в российской экономической политике «выплаты (benefits) географически сориентированы так, что умаслить недовольных, а не вознаградить лояльных... Это создает условия для размывания базы поддержки существующего правительства»¹.

Для конкретизации данных выводов в следующих двух группах регрессий (см. табл. 9) рассматривается влияние различных экономических и политических факторов на объем трансфертов (валовых и чистых), перечисляемых регионам. Тем самым объем трансфертов для всей совокупности субъектов Федерации значимо положительно зависит от уровня цен 19-ти продуктов и отрицательно — от доли городского населения (аграрные регионы получают больше). Зависимость объема нетто-трансфертов от доли голосов, поданных за оппозицию, является положительной, хотя и не слишком значимой. В то же время зависимость объема валовых трансфертов от поддержки оппозиции остается не значимой и часто меняет знак в разных регрессиях. Однако, как и в случае с зависимостью между объемом трансфертов и поддержкой Б. Ельцина, результат этих регрессий определяется включением здесь в анализ национальных образований (в табл. 10 приведены соответствующие регрессии для «русских» регионов). Из таблицы видно, что республики и национальные округа получают больше трансфертов и особенно нетто-трансфертов.

Очевидно, что для «русских» регионов характерна систематическая и статистически значимая положительная связь между объемом валовых и чистых трансфертов, с одной стороны, и долей голосов, поданных за оппозицию, — с другой. Здесь же прослеживается значимая связь между трансфертами и уровнем цен (являющимся, по-видимому, косвенным показателем существующей потребности в трансфертах), а также отрицательная связь с прибыльностью предприятий. Естественно, более эффективное функционирование экономики дан-

¹ Treisman D. The Politics of Intergovernmental Transfers in Post-Soviet Russia. Cambridge University Press, 1995.

Таблица 10

	TRANS (41)		TRANS (42)		TRANS (43)		TRANS (44)		NETTRANS (45)		NETTRANS (46)		NETTRANS (47)	
C ₀	-638,4	-6,39	-681,3	-6,00	-396,56	-2,41	-441,493	-2,33	151,325	0,42	-767	-1,45	-1485	-4,12
TOWN					-346,53	-1,83	-306,22	-1,47	-1349,2	-3,32	-1757	-3,03		
PORICE19	6,69353	10,16	6,3289	9,93	7,09333	10,41	6,950427	9,33			6,0381	2,90	2,3406	1,28
PROFIT									-848,17	-5,58			-781,32	-4,25
VOTOPPOS			6,7076	3,64									22,895	4,44
VLDPR*							2,271616	0,49	40,045	3,76	43,016	3,33		
VKPRF	8,44776	3,86			7,0812	3,12	7,093224	3,10			15,66	2,46		
R ²	0,65652		0,6479		0,67691		0,678399		0,62086		0,5097		0,5557	
Нормиро- ванный R ²	0,6438		0,6349		0,65862		0,65366		0,5994		0,4719		0,5306	
Статистика Дарбина— Уотсона	1,74483		1,05383		1,49773		1,472176		2,34234		2,4786		2,4346	
F-статистика	51,6074		49,686		37,0132		27,42274		28,9295		13,512		22,097	

* VLDPR — процент голосов, поданных за ЛДПР на выборах в Думу в декабре 1995 года.

ной области (края) обуславливает больший объем перечисляемых федеральному правительству налогов и соответственно меньший объем получаемых от него нетто-трансфертов.

Таким образом, вывод будет следующим: трансферты направляются регионам, характеризующимся высокими ценами и преобладанием аграрного населения. Кроме того, национальные республики явно получают больше трансфертов, и так как их население чаще голосует за Б. Ельцина, это создает эффект положительной зависимости между объемом трансфертов и долей голосов за Б. Ельцина. Однако, если ограничиться «русскими» регионами, то наличие отрицательная зависимость, — регионы, получающие больше трансфертов, чаще голосуют против политики федерального центра. При этом объем получаемых регионами трансфертов оказывается сильно и положительно зависящим от их оппозиционности. Это приводит к ухудшению положения центральной власти в долгосрочном плане, так как регион в большей степени стимулируется к тому, чтобы быть оппозиционным.

Большая роль политических предпочтений по сравнению с экономическими факторами

Для более точного осмысления способов влияния федерального правительства на результаты выборов следует элиминировать влияние факторов, которые от экономической политики заведомо не зависят, — в частности, уже сформировавшихся политических предпочтений. Здесь к рассмотрению, помимо референдума 1993 года, можно принять результаты парламентских выборов в декабре 1995 года. Высказанные тогда предпочтения избирателей надо считать фиксированными, то есть не зависящими от избирательной кампании и от экономической политики правительства.

Соответствующие расчеты приведены в следующих уравнениях регрессии (см. табл. 11, 12).

Итак, зависимость результатов первого тура президентских выборов от результатов выборов в Думу очень велика, в свою очередь, результаты второго тура зависят и от итогов

Таблица 11

	FOREL ₁ (48)		FOREL ₂ (49)		FOREL ₁ (50)		FOREL ₂ (51)		FOREL ₂ (52)		NZUGA ₂ (53)	
C ₀	5,603	2,12			6,008	2,35	16,397	7,73	6,348	3,14	-3,210	-1,32
VNDR	1,154	8,39	1,324	10,80	1,087	7,95	1,146	10,21				
VDVR	1,041	2,95	1,551	4,89	1,174	3,61	1,334	4,63				
VFEMR	2,411	6,71	3,211	14,03	1,987	4,96	2,287	6,98				
VYABL	0,376	1,69					0,839	4,36				
ZADW(4/96)					-0,006	-0,95	-0,004	-0,76				
WAGE(3/96)					0,007	2,21	0,007	2,72				
FOREL ₁									1,030	24,67		
NYAVL									0,595	4,03		
NLEBED									0,460	5,51	0,398	4,40
NZUGA ₁											0,970	26,06
NZHIR											1,100	6,5
R ²	0,626		0,583		0,644		0,815		0,897		0,896	
Нормированный R ²	0,607		0,573		0,621		0,801		0,894		0,892	
Статистика Дарбина—Уотсона	1,746		1,813		1,795		1,599		1,301		1,426	
F-статистика	33,44		57,30		28,58		57,18		236,40		233,43	

Таблица 12

	FOREL ₂ (54)	FOREL ₂ (55)	FOREL ₂ (56)	FOREL ₂ (57)	FOREL ₁ (58)	FOREL ₁ (59)	FOREL ₁ (60)							
C ₀	61,844	22,81	63,605	23,73	94,035	31,74	51,698	8,16	59,204	13,99	39,2	15,49	37,4	14,37
VNDR	0,7091	4,95	0,7145	4,85			0,6904	4,57	0,3996	2,85	0,6876	5,27	0,678	5,32
VDVR							1,4186	4,71			1,8665	2,93	0,9673	3,31
VFEMR							1,4036	3,46						
VKPRF	-0,762	-9,47	-0,798	-9,87	-0,97	-14,96	-0,605	-6,28	-0,756	-10,79	-0,633	-8,86	-0,596	-8,30
VLDPR					-0,907	-6,82	-0,3	-1,85	-0,86	-4,50				
VKTR					-1,81	-5,25			-0,735	-2,16				
TRANS	0,0018	2,39												
NETTRANS			0,0007	0,98										
ZADW46														
WAGE36														
R ²	0,6945		0,6769		0,7752		0,7958		0,7285		0,6835		0,7018	
Нормированный R ²	0,6832		0,665		0,7669		0,7829		0,715		0,6718		0,6869	
Статистика Дарбина—Уотсона	1,3767		1,3736		1,3222		1,2964		1,6977		1,7579		1,6691	
F-статистика	61,392		56,577		93,107		61,574		53,675		58,303		47,067	

Переменные к табл. 11 и 12: VNDR — процент голосов, поданных за «Наш Дом — Россия» на выборах в Думу в 1995 году; VDVR — процент голосов, поданных за «Демократический выбор России» на выборах в Думу в 1995 году; VFEMR — процент голосов, поданных за «Женщин России» на выборах в Думу в 1995 году; VYABL — процент голосов, поданных за «Яблоко» на выборах в Думу в 1995 году; VKPRF — процент голосов, поданных за КПРФ на выборах в Думу в 1995 году; VLDPR — процент голосов, поданных за ЛДПР на выборах в Думу в 1995 году; VKTR — процент голосов, поданных за «Коммунисты — Трудовая Россия» на выборах в Думу в 1995 году; NYAVL — процент голосов, поданных за Г. Явлинского на первом туре президентских выборов; NLEBED — процент голосов, поданных за А. Лебедева на первом туре президентских выборов; NZHIR — процент голосов, поданных за В. Жириновского на первом туре президентских выборов; NZUGA₁ — процент голосов, поданных за Г. Зюганова на первом туре президентских выборов; NZUGA₂ — процент голосов, поданных за Г. Зюганова на втором туре президентских выборов;

голосования в первом туре. Доказываемое тем самым доминирование политических предпочтений подтверждает и крайнюю ограниченность возможностей воздействия на политические предпочтения электората при помощи предвыборных манипуляций в области экономической политики. Зависимость результатов выборов от задолженности по зарплате и от уровня заработной платы хотя и сохраняется, но становится менее значимой.

* * *

Результаты проведенного анализа являются, разумеется, сугубо предварительными. Количественные политико-экономические исследования в России находятся пока в зачаточном состоянии. Ограничено число наблюдений, слаба статистическая база данных, недостаточно разработана методология, только начинает формулироваться сам набор проблем, нуждающихся в специальной разработке и оценке.

Подводя итог сказанному, можно подчеркнуть, что прежде всего подтвердился в общем-то очевидный факт, что зависимость между изменением экономических параметров и политическими процессами (итогами голосования на выборах) не является элементарной и жесткой. Хотя, и это представляется уже немаловажным результатом, такая зависимость налицо и может быть подтверждена количественно. В свою очередь, политические факторы и предпочтения представляют собой устойчивые феномены и гораздо более значимы для результатов выборов, чем изменения в текущей экономической политике. Тем не менее проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов, которые, на наш взгляд интересны, хотя и не бесспорны.

Во-первых, среди экономических факторов, влияющих на поведение электората, наблюдается отчетливо выраженное доминирование факторов, связанных с заработной платой (уровень и задолженность).

Во-вторых, можно говорить о рациональности поведения электората, не склонного всерьез воспринимать предвыбор-

ные экономические маневры властей. Об этом свидетельствует большая роль задолженности по зарплате с лагом в три и более месяцев.

В-третьих, объем перечисляемых федеральным правительством бюджетных трансфертов тесно связан с уровнем оппозиционности настроений в краях и областях РФ. Это находит отражение и в связи трансфертов с долей аграрного населения, то есть электората с доминирующими левыми (коммунистическими) предпочтениями.

В-четвертых, представляется интересной позитивная связь между поддержкой действующего президента и уровнем безработицы. Выдвинутая нами гипотеза объяснения этого феномена нуждается, разумеется, в более углубленном специальном анализе.

Вышеизложенное позволяет оценить характер экономической политики правительства с точки зрения ее электоральной эффективности. Экономические решения исполнительной власти ориентируются, скорее, на сдерживание (а фактически на поддержку) политических противников, а не на поощрение сторонников. *Однако реальные возможности воздействия правительства на результаты выборов при помощи текущих изменений в проводимой экономической политике являются весьма ограниченными, во всяком случае, в условиях постсоциалистической России.*

ПЯТИЛЕТИЕ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ: ЛОГИКА ЭКОНОМИКО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Достаточно очевидным феноменом развития пореформенной России является наличие тесной взаимосвязи политических и экономических процессов. Однако до последнего времени анализ этого вопроса ограничивался некоторым общим описанием последовательного изменения отдельных типов экономико-политических взаимодействий с попытками объяснения происходящих событий *post factum*. И это понятно, поскольку для более глубоких обобщений не хватало элементарного опыта посткоммунистического функционирования российской экономики. Не сразу сложились и сколько-нибудь устойчивые политические рамки, необходимые для подобного исследования.

Ситуация постепенно меняется, хотя, несомненно, рыночная экономика и демократия в России слишком молоды, чтобы любые оценки носили более чем предварительный,

оценочный и преимущественно качественный характер. Не существует еще достаточной базы для более убедительных, количественных оценок. Но уже сейчас, как нам представляется, можно и нужно приступить к выяснению *логики* формирования экономической политики в современной России, опираясь для этого на существующие политэкономические разработки, и прежде всего по проблемам *политико-экономического цикла и экономики развития (political business cycle and development economics)*.

Вместе с тем исследование посткоммунистической трансформации России требует выхода за рамки проблематики политико-экономического цикла. Прежде всего, экономика советского типа не описывается в стандартных терминах экономической теории, сформулированной применительно к рыночным демократиям или к авторитарным, но основанным на рыночной экономике, режимам. Кроме того, собственно российский опыт последнего десятилетия требует для своего осмысления выделения особого сюжета — *экономико-политических взаимодействий* в условиях революционной трансформации социально-экономической системы, означающей радикальные изменения в самом существе существующего строя (отношений собственности, роли базовых экономических категорий, политических институтов и т. д.). Революционный период, характеризующийся отсутствием устойчивых взаимосвязей и взаимодействий (экономических, политических, правовых), принципиально отрицает цикличность, что делает практически не приложимым к нему стандартную логику политико-экономического цикла. Вместе с тем для этого периода характерно наличие определенной логики общественно-экономической трансформации, детерминирующей развитие экономико-политических взаимосвязей.

Анализ экономической политики позволяет выделить несколько типов взаимодействия экономических и политических процессов, имеющих отношение к проблемам советского и постсоветского развития России. По нашему мнению, их четыре:

— во-первых, социалистический инвестиционный цикл, проанализированный в работах А. Ноува и Е.Т. Гайдара.

Имеется в виду следующая характерная для обществ советского типа последовательность фаз экономической политики: период централизованной инвестиционной экспансии сопровождается некоторой хозяйственно-политической либерализацией и инфляционным всплеском, за этим вскоре следует ужесточение курса с соответствующим восстановлением макроэкономических пропорций, традиционно свойственных социалистической хозяйственной системе¹.

— во-вторых, тип взаимодействия, характерный для революционной смены социально-экономической системы, который является по понятным причинам весьма специфическим и достаточно редко встречающимся в истории современных государств;

— в-третьих, эволюционный политико-деловой цикл. В той или иной форме этот цикл характерен для устойчивых рыночных демократий, и большинство соответствующих исследований выполнено на материалах стран — членов ОЭСР²;

— в-четвертых, цикл экономики популизма, проявляющийся в условиях неустойчивости экономических и политических структур, нередко в периоды перехода от авторитарных (или традиционных) обществ к демократическим. То есть в периоды формирования демократических институтов, отсутствия демократических традиций и процедур, отсутствия устойчивого механизма трансформации экономических интересов влиятельных социальных групп в политические формы осуществления государственной власти³.

Нетрудно заметить, что первый, третий и четвертый типы экономико-политических взаимодействий отличаются от второго цикличностью своего развития. Два последних характерны для рыночных обществ, а их различие состоит в том, что колебания экономической политики при эволюционно-экономическом цикле являются относительно

¹ См.: *Гайдар Е.Т.* Экономические реформы и иерархические структуры. М.: Наука, 1990. С. 112–119.

² См. подробнее обзор в статье: *Alesina A., Roubini N.* Political Cycles in OECD Economies / Monetary and Fiscal Policy. Vol. 2. Politics / G. Tabellini, T. Persson (eds.). MIT Press Cambridge, 1994. P. 99–134.

³ См., например: *The Macroeconomics of Populism in Latin America* / R. Dornbusch, S. Edwards (eds.). Chicago, L.: The University of Chicago Press, 1991.

умеренными по амплитуде и не выходят за рамки естественных бюджетных ограничений, тогда как для цикла экономики популизма характерны сильные колебания, при которых власти прибегают то к инфляционной накачке хозяйства, то к комплексу мер более или менее жесткой макроэкономической стабилизации, ориентированной на так называемый «вашингтонский консенсус»¹.

Другой важной отличительной характеристикой двух последних вариантов циклов является механизм восприятия институтами власти сигналов, идущих от сограждан или экономических агентов. При эволюционном цикле политики ориентируются обычно на привлечение («покупку») голосов избирателей, как бы предвосхищая их желания своими действиями. Популистская же политика реактивна, то есть власти реагируют на позиции влиятельных групп интересов и (или) на общественные настроения (усталость от тягот жесткой стабилизационной политики или же от неустойчивости жизни в условиях высокой инфляции).

Россия 1980–1990-х годов демонстрирует уникальный пример последовательного прохождения практически через все названные выше модели экономико-политических взаимосвязей. Точнее, через три первых страна уже прошла на протяжении последних пятнадцати лет и к настоящему времени находится в точке весьма вероятного (хотя и не гарантированного) попадания в логику экономики популизма. Ниже мы рассмотрим несколько более подробно развитие событий последнего десятилетия и особенно начатого в 1992 году периода радикальных экономических реформ.

Мы полагаем, что процесс преодоления советского коммунизма совершается в нашей стране в форме революции, вынужденно начатой «сверху» в середине 1980-х годов. Инициированные М. Горбачевым процессы перестройки и демократизации по существу прервали стандартный советский экономико-политический цикл и вывели развитие событий за логику обычной (эволюционной) цикличности

¹ См. дискуссию о «вашингтонском консенсусе» в книге: *Latin American Adjustment: How Much Has Happened* / J. Williamson (ed.). Washington, DC: Institute for International Economics, 1990.

функционирования общества. Исчерпание же (хотя и не завершение) революционных процессов привело к некоторой стабилизации институциональной и правовой системы, что способствовало запуску эволюционного, циклического механизма формирования и реализации экономической политики. Но каков характер этого цикла? С одной стороны, формирующиеся демократические институты должны создавать предпосылки для начала действия «политико-экономического цикла». С другой стороны, незрелость самих институтов рыночной демократии, хрупкость политических структур, острая борьба влиятельных групп интересов должны оказывать на этот цикл искажающие влияние.

Экономика и политика в условиях революции

Анализ развития ситуации на протяжении последнего десятилетия позволяет выделить по крайней мере четыре этапа в динамике соотношения экономических и политических аргументов при формировании и осуществлении курса практической политики.

На первом этапе перестройки формирование экономической политики происходило в основном в рамках традиционной советской логики и процедуры, когда приоритеты формировались высшим партийно-государственным руководством страны и, будучи «спущенными» по системе партийно-административной вертикали, воспринимались как более или менее обязательные для всех политических организаций и хозяйственных агентов. Разумеется, это некоторое упрощение — существовала особая (хотя и тщательно скрывавшаяся) процедура согласования интересов основных хозяйственно-политических группировок, да и сама партийно-советская номенклатура образца 1980-х годов имела широкие возможности трансформации уже принятых решений и интерпретации их в собственных интересах. Кроме того, провозглашение курса на перестройку и открытость имели оборотной стороной резкое снижение способности политического руководства адекватно оценивать свои возможности при решении глобальных хозяйственных

проблем. Иллюзия всемогущества демократического и популярного правительства (каким в действительности было правительство М. Горбачева — Н. Рыжкова в 1985–1987 годах) обусловила принятие ряда решений, которые были не только принципиально нереализуемы, но нередко имели явно негативное влияние на общую экономическую ситуацию в СССР. Типичными примерами подобных решений могут быть антиалкогольная кампания, попытка структурного сдвига в сторону производства средств производства, расширение самостоятельности предприятий без реформы прав собственности и т. п.

По мере развития перестройки происходило и заметное усиление политического противостояния в советском обществе. К концу 1980-х годов уже оформились социальные группы, заинтересованные или не заинтересованные в углублении реформ. По мере усиления противостояния происходило неуклонное снижение интереса властей к экономическим проблемам. На словах все говорили о важности повышения эффективности функционирования экономики (а позднее — о преодолении экономического кризиса), но на практике экономические процессы оказались заложниками политической борьбы в условиях сформировавшейся к середине 1990 года реальной полицентричности власти. Соображения экономической целесообразности перестали играть сколько-нибудь значимую роль при принятии политических решений, а ухудшение экономической ситуации рассматривались каждой стороной конфликта в качестве аргумента полной недееспособности своих политических противников. Причем само наличие нескольких противостоящих друг другу центров власти (партийное руководство КПСС и КП РСФСР, правительства СССР, России, других союзных республик, а затем и российских регионов) надежно блокировало проведение практически любого экономического курса. Так продолжалось вплоть до конца 1991 года, когда попытка августовского путча фактически ликвидировала союзный центр, а российская либерализация и преодоление товарного дефицита ликвидировали экономическую базу регионального сепаратизма.

Следующим этапом стали первые полтора года российских экономических реформ. Они характеризовались двумя важными чертами. Во-первых, в центр развернувшейся острейшей политической борьбы встала именно экономическая политика, курс начатых на рубеже 1991–1992 годов либеральных реформ. Во-вторых, борьба шла в условиях крайней нечеткости политико-правового пространства, в котором принцип разделения властей переплетался с принципом всевластия советов. Неразграниченность полномочий институтов власти ограничивала возможность каждой из них проводить последовательный экономический курс. В особой мере это проявлялось в неурегулированности процедурных вопросов, результатом чего была реальная возможность частого и необоснованного пересмотра основных параметров экономической политики в угоду сиюминутным интересам законодателей. Другой стороной этой ситуации была понятная склонность правительства по возможности избегать дискуссий с депутатским корпусом, который рассматривался как главный источник экономического популизма и политической нестабильности.

Общими закономерностями только что рассмотренных нами второго и третьего этапов было отсутствие более или менее понятных правовых условий функционирования экономики вообще и отсутствие ясных конституционных рамок формирования и осуществления экономической политики в особенности. Разница состояла лишь в том, что в 1988–1991 годах конституционно-правовые рамки субъектами политической борьбы во внимание практически не принимались, тогда как в 1992–1993 годах фоном борьбы было широко распространенное сомнение в адекватности и, главное, легитимности Конституции, принятой еще в 1978 году и оставшейся постсоветской Российской Федерации в наследство от коммунистической системы.

Острый конфликт президента с Верховным Советом, завершившийся роспуском законодательного корпуса в сентябре 1993 года и вынесением на референдум проекта новой Конституции РФ, привел к комплексу принципиальных изменений в российском политико-правовом про-

странстве. Можно по-разному оценивать причины, формы и политические последствия насильственного роспуска законодательного органа власти, а также характер политического режима, установленного новой Конституцией РФ. Однако нельзя не признать, что важным результатом всего этого стало установление четких правил политической игры, что сделало механизм выработки и осуществления экономической политики гораздо более предсказуемым. Установившийся конституционный строй при всех его издержках оказался адекватен режиму *рыночной демократии* (хотя сам по себе он и не гарантирует наличия этого режима), поскольку ориентирует институты власти на соблюдение и при необходимости отработку соответствующих *процедур*.

В дальнейшем для нас будет важен анализ развития экономико-политических взаимодействий именно в рамках этого этапа, начавшегося осенью 1993 года и продолжающегося по настоящее время. Во-первых, сформировались достаточно четкие рамки и процедуры функционирования демократических институтов власти, что обеспечивает устойчивость интересующих нас процессов и позволяет интерпретировать их в терминах современного экономико-политического анализа. Во-вторых, более или менее сформировались социально-политические группы с устойчивыми интересами по отношению к экономической политике, сложился механизм их влияния на процесс принятия решений. В-третьих, формируются политические организации (партии, блоки и т. п.), так или иначе отражающие существующие в обществе интересы и означающие завершение оформления современного политического процесса.

Разумеется, все названные факторы и политические предпосылки находятся еще в стадии становления, а сам режим остается хрупким и уязвимым. Однако в данном случае для нас важны сами по себе эти рамки, существование которых на протяжении последних лет создает предпосылки для нашего дальнейшего анализа.

Цикличность современной российской экономической политики

Элементарного анализа развития экономической реформы начиная с осени 1993 года достаточно, чтобы отчетливо увидеть своеобразный волновой (циклический) характер осуществлявшегося президентом и правительством курса. Причем характерно, что это происходило в рамках одного и того же президентства и без резких изменений в составе кабинета.

Фазы, о которых идет речь, достаточно очевидны. Жесткая макроэкономическая политика осени 1993 года была сменена в начале 1994 года на более мягкий вариант, обернувшийся инфляционным всплеском осени 1994 года. Реакцией на обострение кризиса стало резкое ужесточение параметров макроэкономической политики с начала 1995 года. А начало 1996 года было отмечено очередным усилением популистской риторики с возможностью соответствующих мер на уровне практической политики. На уровне макроэкономических индикаторов эта цикличность, пожалуй, наиболее наглядно выражается показателем динамики инфляции.

Начиная с 1992 года среди экономистов и политиков наибольшую популярность получило объяснение этих колебаний значительной ролью сезонных факторов. Действительно, сезонность — важный фактор функционирования российской экономики. Основными каналами его влияния являются сельское хозяйство и промышленные анклавы в северных и восточных регионах при слабом развитии инфраструктуры, не позволяющей обеспечивать необходимый уровень связи с ними в течение всего года. Однако из этого справедливого факта и на основании ограниченного опыта функционирования реального рынка в России на протяжении 1992–1994 годов многими экономистами делался вывод о невозможности проведения устойчиво антиинфляционной макроэкономической политики в течение всего года и неизбежности соответствующих колебаний — ослабления денежной и бюджетной политики

весной-летом, приводящей к осенне-зимней инфляционной вспышке¹.

Выпячивание роли сезонности при объяснении цикличности экономической политики с самого начала вызывало некоторые вопросы. Так, уже сравнение помесечной инфляции в 1992–1994 годах заставляло усомниться в справедливости этой гипотезы. В 1993 году не было столь характерного и для 1992, и для 1994 годов снижения инфляции в июле-августе и роста в осенние месяцы — картина была прямо противоположной. Однако тезис о сезонности продолжал оставаться в арсенале многих экономистов вплоть до 1995 года, когда основные макроэкономические параметры не претерпели изменений, хоть как-то укладывающихся в гипотезу сезонности.

Словом, стала очевидной необходимость другого объяснения динамики макроэкономического курса. И уже поверхностное ознакомление с циклами 1993–1996 годов подводит к гипотезе о политических основаниях наблюдаемых колебаний. Предваряя дальнейшее изложение, заметим здесь же, что этот тезис не отрицает роли «естественной» сезонности, но предполагает нахождение причин силы ее воздействия прежде всего в сфере социально-политической.

Анализ конкретных циклов 1993–1996 годов позволяет пояснить и аргументировать сказанное более обстоятельно.

Осень 1993 года. На протяжении предшествующих нескольких месяцев министру финансов Б. Федорову удалось провести ряд организационно-политических решений, закладывающих основы новой попытки макроэкономической стабилизации. Среди них повышение ставки рефинансирования Центрального банка, недопущение индексации оборотных средств и новых взаимозачетов задолженности

¹ Об исключительном и, естественно, негативном влиянии сезонности на макроэкономические процессы вообще и на решение задачи стабилизации в особенности писали на протяжении 1992–1995 годов многие экономисты. В качестве примеров можно привести многочисленные публикации на эту тему в журнале «Коммерсантъ», а также политические заявления Г. Явлинского. (См.: Экономика становится проще, доходные игры сложнее // *Коммерсантъ-Weekly*. 1994. № 36. С. 44; *Кириченко Н., Малов А.* Октябрьская революция свершилась // *Коммерсантъ-Weekly*. 1994. № 42. С. 66; *Кириченко Н.* // *Коммерсантъ-Weekly*. 1994. № 16. С. 59.)

предприятий, отмена технического кредита странам СНГ, начало эмиссии государственных ценных бумаг как инфляционного источника финансирования дефицита госбюджета и др. Однако ему не удалось реально ограничить бюджетную и денежную экспансию. Среднемесячный темп прироста денежной массы в первом полугодии 1993 года возрос, что привело к резкому скачку инфляции во втором полугодии, особенно в III квартале.

Возвращение в правительство в сентябре Е. Гайдара знаменовало начало новой попытки осуществления макроэкономической стабилизации как базы для будущего экономического роста. Проведение сдержанной денежной политики создало понятные трудности для значительной части предприятий — для тех из них, которые не смогли приспособиться к условиям рыночной конкуренции (спросовых ограничителей).

Это была странная политика в условиях начатой в октябре предвыборной кампании, плохо сочетавшаяся как с известным опытом десятков стран мира, так и с теоретическими построениями современной политической экономии. Подобное развитие событий может быть объяснено, на наш взгляд, примерно следующим набором аргументов.

Во-первых, инфляция приблизилась в августе к опасному уровню в 30% в месяц, что явно грозило срывом страны в гиперинфляцию и требовало от ответственных политиков-экономистов решительных действий. Осознание предвыборной политической опасности жесткого макроэкономического курса не стало аргументом в пользу отказа от него, хотя политические последствия были Е. Гайдару вполне ясны с самого начала.

Во-вторых, и президент, и экономисты-реформаторы находились под глубоким воздействием итогов апрельского референдума, в ходе которого избиратели высказались не только в поддержку проводимого исполнительной властью политического курса вообще, но и социально-экономической политики в частности.

В-третьих, сохранялись психологические установки на наличие сильного и непопулярного противника, каким был

Верховный Совет РФ и контраст с которым был самостоятельным фактором повышения популярности исполнительной власти. Это сформировало иллюзию устойчивой популярности реформаторского правительства — популярности, которой оно на самом деле лишилось ликвидацией хасбулатовского Верховного Совета. Правительство продолжало действовать в старой логике противостояния, толкавшей к проведению курса, противоположного требованиям непопулярного законодательного корпуса.

1994 год. Реакция Б. Ельцина и В. Черномырдина на итоги выборов 1993 года была более чем болезненной. Относительно слабые результаты, полученные правительственным «Выбором России», свидетельствовали об усталости значительных слоев избирателей. Предстояло принять политическое решение — или продолжить проведение стабилизационного курса, или пойти на инфляционистское смягчение макроэкономической политики.

Первый вариант, на котором настаивал тогда Е. Гайдар, был в краткосрочном отношении болезненным, но практически гарантировал выход в течение двух лет (т.е. к новым парламентским и президентским выборам) на траекторию устойчивого экономического роста. Второй по форме означал смягчение курса благодаря более или менее широким раздам «дешевых денег», но означал и удлинение и усложнение процессов экономической стабилизации и одновременно влек за собой достаточно опасные политические последствия «Умеренно жесткий» (а по сути мягкий) курс правительства неизбежно должен был привести через несколько месяцев к острому инфляционному скачку, ставящему власти перед необходимостью начинать новую попытку стабилизации. Но теперь уже жесткий курс приходилось бы вести в преддверии выборов со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями.

Как известно, выбран был второй путь. В течение 1994 года происходило ускорение темпов роста денежной массы, причем особенно быстро эти процессы пошли в летние месяцы. Это попытались вновь объяснить сезонностью российской экономики, хотя уже тогда было ясно,

что сезонность здесь является феноменом политическим. Действительно, основные бюджетные обещания были буквально «выбиты» у правительства в ходе дебатов по проекту государственного бюджета на 1994 год, проходивших в Государственной думе в мае-июне (то есть с сильным запаздыванием). Иными словами, политическая уязвимость правительства перед лицом оппозиционности законодателей толкнула его на расширение эмиссионного финансирования народного хозяйства, в последствиях которого его же более всего и обвиняла думская оппозиция.

Стабилизационная политика 1995 года. Как и ожидалось, падение валютного курса рубля в октябре 1994 года и резкий инфляционный всплеск заставил исполнительную власть вернуться к жесткому макроэкономическому курсу, начало осуществления которого совпало с началом военных действий в Чечне. Это, разумеется, не могло не осложнить задачу, но в общем на протяжении 1995 года стабилизационный курс проводился более или менее последовательно.

За это время, благодаря отказу от инфляционного финансирования бюджетного дефицита и ответственной политики Центрального банка, удалось снизить месячную инфляцию с 17% в январе до рекордно низкой отметки в 4% в декабре, многократно увеличить валютные резервы, обеспечить предсказуемость основных макроэкономических параметров.

Однако переход к стабилизационным мероприятиям за год до выборов является политически убийственным шагом. Опыт практически всех стран показывает, что период между восьмым и четырнадцатым месяцами после начала стабилизации является одним из наиболее болезненных в социальном отношении — тяготы стабилизации уже налицо, а преимуществ экономического роста практически ощущают еще единицы. В эту-то ловушку, хотя и вполне предсказуемую, и попало российское руководство, решившись на проведение стабилизационного курса на рубеже 1994–1995 годов.

На выборах в Государственную думу победителями оказались коммунисты. И реакцией на это стали заявления и кадровые решения Б. Ельцина *января-февраля 1996 года*, означавшие, как казалось, очередной возврат к политике популизма.

Хотя на практике этого не произошло, и реальное развитие событий было полностью поставлено в зависимость от итогов июньских президентских выборов.

Разумеется, имеющегося опыта пока еще недостаточно, чтобы предложить концептуально четкую модель экономико-политического процесса России в посткоммунистическом конституционно-правовом пространстве. Тем не менее представляется возможным и необходимым сделать некоторые выводы относительно уже наметившихся тенденций и закономерностей. Хотя мы в полной мере осознаем ограниченность этих выводов по причине минимального объема имеющегося к настоящему времени эмпирического материала.

Обращают на себя внимание два важных момента.

Во-первых, экономико-политические циклы 1993–1996 годов не связаны непосредственно со сменами находящихся у власти политических партий. Результаты выборов оказывают косвенное, хотя и совершенно явное воздействие на экономико-политические колебания.

Во-вторых, избиратели не имели пока достаточного практического опыта оценки деятельности тех или иных партий в случае прихода их к власти. Осмысление альтернатив экономической политики к началу 1996 года ограничивалось весьма абстрактными представлениями о выборе между продолжением болезненных реформ и возвращением к позднесоветской устойчивости, прочно ассоциируемой с благополучием. Реальные границы возможного и существующие альтернативы не стали элементом не только массового сознания, но остаются туманными даже для значительной части политической и экономической элиты страны.

Иными словами, в России еще не сложилось устойчивых, существующих на уровне массового сознания ожиданий тех или иных результатов экономической политики от той или иной партии. То есть российский избирательный процесс является уникальным феноменом для экономико-политического моделирования, когда крайне условное допущение об отсутствии «политической памяти» у избирателя является вполне реалистичным.

На основании двух отмеченных нами особенностей можно сделать осторожное предположение о применимости для анализа современной российской ситуации модели «экономико-политического цикла»¹. В модели утверждается, что практически любое правительство в непосредственно предшествующий выборам период склонно проводить политику стимулирования роста и социальных выплат, тогда как послевыборный период всегда отличает повышенная макроэкономическая жесткость. То есть речь идет о чередовании двух вариантов политики — антиинфляционной и социальной (нацеленной на борьбу с безработицей) при предположении, что существует связь, описываемая «кривой Филипса», а избиратель имеет минимальный электоральный опыт и склонен принимать действия властей как данность, практически не прогнозируя естественные последствия той или иной политики.

Краткосрочность опыта рыночной демократии и цикличность экономико-политического курса при практически неизменной исполнительной власти, казалось бы, являются свидетельством в пользу применимости настоящей модели и вытекающих из нее экономических и политических выводов. Однако существует еще одна принципиальная особенность российского цикла, которая не только требует внести в эти рассуждения принципиальные коррективы, но и сама нуждается в объяснении.

Политико-экономический цикл действует в современной России как бы в перевернутом виде. То есть в период, предшествующий выборам, власти проводили жесткий стабилизационный курс, тогда как сразу после выборов в него вносились поправки популистского характера. Политические причины такого развития событий применительно к каждому конкретному изменению курса за последние годы выше нами уже изложены. Однако при всей своей важности они представляются

¹ См.: Nordhaus W. The Political Business Cycle // Review of Economic Studies. 1975. No 42. April; Cukierman A., Meltzer A.A. Theory of Ambiguity, Credibility, and Inflation under Discretion and Asymmetric Information // Econometrica. 1986. No 53. P. 1099–1128; Persson T., Tabellini G. Macroeconomic Policy, Credibility and Politics. L.: Harwood Academic Publishers, 1990; Monetary and Fiscal Policy. Vol. 2. Politics / G. Tabellini, T. Persson (eds.).

недостаточными и нуждаются в некоторой общей интерпретации, позволяющей связать уже имеющийся опыт воедино. В данном случае мы вновь должны сделать оговорку относительно ограниченности имеющегося опыта и, следовательно, об очевидной условности наших интерпретаций.

В общем виде здесь можно предположить, что «перевернутый» характер политико-экономического цикла возникает как результат незрелости системы рыночной демократии, находящейся еще только в стадии своего становления. Это проявляется в ряде специфических черт экономико-политической жизни современной России, среди которых особенно выделяются следующие. Во-первых, наличие влиятельных групп интересов (прежде всего хозяйствующих субъектов), поддерживающих альтернативные модели экономико-политического развития страны — открытую конкурентную модель и закрытую, ориентирующуюся на идеологию импортозамещения¹. Во-вторых, слабость политических организаций, не способных формировать устойчивые правительственные коалиции, смягчающие колебания экономического курса при переходе власти от одной партии к другой. В-третьих, как следствие первых двух моментов, возможность влиятельных групп интересов (и экономических агентов) оказывать непосредственное воздействие на формирующие экономическую политику институты, минуя политические организации, а нередко и представительные органы федеральной власти. Наконец, в-четвертых, неоднородный характер правительства, коалиционность которого состоит не в поддержке его разными фракциями Государственной думы, а в сосуществовании в нем сторонников различных экономико-политических доктрин, в результате чего внутри исполнительной власти идет постоянная и не приводящая к сколько-нибудь определенным результатам борьба.

Весь этот набор факторов повышает неустойчивость функционирования экономической системы и модифицирует характер деятельности институтов власти, усиливая

¹ Более подробно об этих моделях см.: Мау В., Синельников С., Трофимов Г. Альтернативы экономической политики и проблемы инфляции // Вопросы экономики. 1995. № 12 (стр. 587–610 данной книги).

в них реактивные и следовательно популистские компоненты. Иными словами, можно сделать вывод, что факторы, трансформирующие стандартный эволюционный политико-экономический цикл являются одновременно и факторами возрастания роли популистской экономической политики и соответственно популистского цикла¹.

И теперь мы более подробно намерены рассмотреть применимость к современной России логики и подходов экономики популизма.

Экономическая политика популизма: анализ имеющегося опыта

Прежде всего, подчеркнем, что понятие «популизм» отнюдь не относится к эмоциональным или морализаторским, но имеет достаточно строгий экономический смысл. На протяжении 1980–1990-х годов на эту тему было опубликовано немало работ, так что уже можно говорить о существовании специального раздела экономической теории — макроэкономики популизма. Большая часть исследований этих вопросов проводилась пока на материалах развития латиноамериканских государств 1950–1980-х годов.

Популизм, рассматриваемый как экономическое явление, представляет собой определенный тип политики, при котором правительство пытается добиться высоких темпов

¹ Здесь уместна аналогия конституционного сильного (близкого к авторитарному) президентского режима при неукоренившейся в достаточной мере демократической традиции с неустойчивым диктаторским режимом. В обоих случаях правительство оказывается уязвимо перед воздействием на него со стороны различных групп давления. Стремясь удержаться у власти, оно вынуждено заигрывать с экономикополитическими силами, от которых зависит его политическое выживание. Отсюда вытекает готовность властей проводить довольно эклектический экономический курс. Они ориентируются на те группы интересов, которые, с одной стороны, достаточно влиятельны, чтобы дестабилизировать ситуацию, а с другой стороны — наиболее в данный момент агрессивны, поскольку их интересы в предшествующий период (когда правительство ориентировалось на интересы других групп) учитывались недостаточно. Подобная логика экономической политики, по мнению А. Алесины, наиболее адекватно описывается моделями типа *political business cycle*. (Alesina A. *Political Models of Macroeconomic Policy and Fiscal Reform*. Washington, DC: The World Bank, 1992. P. 15.)

роста при помощи активного перераспределения создаваемого в стране национального дохода, резкого расширения внутреннего платежеспособного спроса и готовности ради этого выходить за ограниченные рамки государственного бюджета. Последний элемент особенно важен, поскольку в нем состоит различие между обычной популистской политикой, достаточно широко распространенной в XX столетии, и популизмом экономическим.

Существует два типа экономического популизма.

Классический (или традиционный) популизм характерен для авторитарных националистических режимов. Для них достижение «экономического чуда» было одновременно и доминантой политической риторики, и условием обеспечения политической стабильности власти — своеобразным источником легитимации военной или полувоенной диктатуры. Наиболее типичными примерами такого курса являются Бразилия 1960–1980-х годов и Аргентина 1950–1980-х годов (в обеих странах большую часть этих лет были военные правительства).

Другим вариантом является *левый* популизм С. Альенде в Чили (1971–1973 годы) и сандинистов в Никарагуа (1980-е годы). Ключевым пунктом программ этих правительств было решение острых социальных проблем, и прежде всего — обеспечение быстрого роста занятости и повышения благосостояния основной массы населения. Здесь также велико было упование на «экономическое чудо», которое власти склонны были объяснять тем, что левое правительство выражает интересы огромного большинства населения. Политической целью левых популистов, как и в первом случае, является удержание власти — демократическим путем (как в Чили) или военной силой (как в Никарагуа).

Оба типа популизма близки и по экономической логике, и по практическим результатам. Логика правительства, встающего на путь экономического популизма, достаточно проста. Опираясь на политическую мощь государства, власти намерены обеспечить резкое повышение народного благосостояния и преодоление отставания от развитых государств мира.

В качестве исходной предпосылки принимается, что в первую очередь государство должно стимулировать спрос. Существует два пути решения этой задачи: с одной стороны, всемерно наращивать государственные расходы (инвестиции, закупки и пр.); с другой стороны, при помощи комплекса мер социальной политики добиваться быстрого роста реальных доходов и на этой основе потребительского спроса. Если первое характерно для популизма вообще, то второе — отличительная черта именно левой модели.

Обязательным элементом политики популизма является всемерная поддержка национальной промышленности (или проведение ускоренной индустриализации, модернизации и т. п.). Обычно этот курс проводился под лозунгом «развития импортозамещающих отраслей», т. е. тех отраслей промышленности, которые позволяют избавиться от импорта важнейших средств производства, ориентированы на выпуск продукции глубокой переработки и ослабляют зависимость национальной экономики от колебаний мирового рынка.

Для этого предлагалось опираться на комплекс мер экономического и административного характера, среди которых можно выделить следующие. Во-первых, протекционистская внешнеэкономическая политика, ограничивающая доступ иностранных товаров на внутренний рынок. Во-вторых, уже упоминавшаяся активная инвестиционная деятельность государства, напрямую поддерживающего развитие тех или иных отраслей (это особенно характерно для левых правительств). В-третьих, перераспределение ресурсов из экспортоориентированных секторов экономики в импортозамещающие отрасли. Последнее имеет особое значение для популистского курса, отличая его от обычного протекционизма.

Наконец, важными элементами политики любого популистского правительства являются сильная роль государства в ценообразовании, особенно на сырьевые ресурсы и продовольствие (стремление к занижению этих цен на внутреннем рынке), установление государственного

контроля над важнейшими отраслями промышленности и в банковской сфере, стремление к установлению возможно более низкого процента за банковский кредит (в целях поддержания индустриальной экспансии) и, как следствие, пренебрежение рыночной сбалансированностью, усиление государственного вмешательства в распределение кредитных ресурсов. Таким образом, экономический популизм оказывается прежде всего политикой перераспределения, что всегда роднит его с социализмом.

Популистский экономический курс становится реальностью при наличии ряда экономических, политических и социальных предпосылок, которые являются общими для разных различных стран.

Во-первых, особенностью экономической структуры является разрыв между экспортоориентированными отраслями и отраслями потенциального импортозамещения. Причем важно не просто наличие этих двух групп отраслей, но и отсутствие механизма экономического взаимодействия между ними (отсутствие перелива капитала от одного сектора к другому, противоположность интересов при принятии экономико-политических решений). Можно даже говорить об отсутствии «экономического консенсуса» между ведущими секторами национального хозяйства, когда улучшение положения в одном из них может прямо или косвенно вызывать ухудшение ситуации в другом.

Практически все страны, вступавшие в полосу экономики популизма, характеризовались подобной биполярностью своей экономической структуры. В них соседствовали, практически не взаимодействуя, сильный экспортный сектор и относительно слабая, неконкурентоспособная на мировом рынке обрабатывающая промышленность. Первый обычно представлял собой или отсталое в экономическом и социальном отношении сельское хозяйство с многочисленным и нищим населением при концентрации земли у небольшого числа латифундистов (такова была ситуация в Бразилии и Аргентине), или сырьевые отрасли, как правило принадлежащие иностранному капиталу (меднорудная промышленность Чили).

Противостояние экспортных отраслей другим секторам, отсутствие естественных (экономических) взаимосвязей между ними порождало политическую и социальную напряженность. Не только рабочие, но и предприниматели «городской» промышленности противопоставляли себя отсталому аграрному сектору или принадлежавшим иностранцам рудникам. Владельцы ориентированных на экспорт предприятий оказывались в крайне уязвимом социальном положении — их политическое влияние основывалось либо на принадлежности к аристократии (когда речь шла о землевладельцах), либо на поддержке правительств развитых государств (для иностранного капитала). Но в середине XX столетия этой поддержки для выживания было уже недостаточно, а отношения со своими рабочими или арендаторами традиционно отличались крайним антагонизмом. В перерабатывающей же промышленности интересы предпринимателей и наемных рабочих оказывались тождественными: и те и другие были заинтересованы в перекачке в свою пользу ресурсов, получаемых от экспорта.

Во-вторых, общество существенно поляризировано, наблюдается резкий разрыв между богатыми и бедными. По вполне понятным причинам это усиливает общий уровень перераспределительных настроений в обществе. Тем более когда богатство сосредоточивается не просто в руках у предпринимателей, а в строго определенных, узко очерченных секторах экономики (у аристократов-латифундистов или у наживающихся на дешевизне местной рабочей силы иностранцев). Такое распределение богатства основной массой населения воспринимается как социально ущербное. В пользу этого вывода свидетельствует и сравнение стандартных статистических показателей социальной поляризации в латиноамериканских и западноевропейских странах 1960-х годов (см. табл. 1).

В-третьих, предпосылками популистского экономического курса являются особенности политической структуры общества, и, прежде всего, неустойчивость политических институтов, слабость политических партий, отсутствие

Таблица 1

Значение коэффициента Джини в некоторых странах

Страна	Год	Коэффициент Джини
Канада	1981	0,263
Норвегия	1985	0,277
Швеция	1987	0,304
Новая Зеландия	1985	0,350
США	1992	0,466
Бразилия	1984	0,576
Россия	1991	0,260
Россия	1995	0,381

Источник: Россия и ООН: Информационно-статистический справочник. М., 1995.

демократических традиций. Естественно, что более всего это относится к странам, где демократические институты переживают период своего становления. Ведь вероятность выбора популистского курса выше, когда «при наличии в стране многопартийности политические элиты оказываются не способны сформировать устойчивое правительство»¹. А неустойчивое правительство гораздо более уязвимо в своей деятельности и гораздо более склонно к осуществлению мероприятий популистского характера.

В-четвертых, популистскому курсу обычно предшествует более или менее последовательная попытка проведения ответственной (ограничительной) макроэкономической политики, крайне непопулярная в общественном мнении и одновременно позволяющая накопить определенные валютные резервы. Социальные тяготы этой политики делают ее уязвимой для демагогической критики левого

¹ Kaufman R.R., Stallings B. The Political Economy of Latin American Populism / The Macroeconomics of Populism in Latin America. P. 22.

и националистического характера, а само наличие валютных резервов является необходимым условием для осуществления популистских мероприятий. Ведь проводя популистский курс, правительство должно иметь определенные накопления, чтобы при их помощи поддерживать сбалансированность на внутреннем рынке, обеспечивая импорт потребительских товаров и удовлетворяя спрос «национальной промышленности» (отраслей импортозамещения) на производимые за рубежом средства производства.

В-пятых, экономика популизма хорошо приживается на почве, одобренной национализмом в качестве консолидирующей идеи, когда задача ускоренного роста национальной промышленности объясняется необходимостью противостояния внутренним и (или) внешним врагам. В варианте левого популизма этот тезис дополняется осознанием мессианской роли нации, осуществляющей социалистический эксперимент.

Наконец, в-шестых, этот курс часто оказывается связанным с наличием в стране политического лидера харизматического типа, плохо совместимого с традициями представительной демократии. Правда, здесь возможны два варианта развития событий. С одной стороны, популистская программа может непосредственно реализовываться авторитарным харизматическим вождем. С другой стороны, когда на этот путь встает демократически избранное правительство (например, в Бразилии на рубеже 1950–1960-х годов или в Чили в начале 1970-х), его эксперименты практически неизбежно ведут к государственному перевороту и утверждению режима авторитарного. Но в обоих случаях в стране должны иметься политические и психологические предпосылки такого развития событий.

Словом, наличие в той или иной стране комплекса рассмотренных нами экономических, политических и социальных предпосылок позволяет с высокой степенью вероятности ожидать «запуска» популистского механизма. Столь же прогнозируемы и стандартные последствия этого курса.

Начальная фаза экономической политики популизма, как правило, оказывается очень успешной. Провозгласив политику «стимулирования внутреннего спроса», правительство

реализует ее при помощи масштабных государственных инвестиций в производство, искусственно низкой процентной ставки и массивных социальных выплат. Буквально в считанные недели возрастают темпы экономического роста, снижается безработица, начинает расти уровень жизни. Создается впечатление, что эмиссионное хозяйство не так страшно, как о нем говорит МВФ, а возможные проблемы товарного наполнения рынка легко решаются при помощи импорта — благодаря имеющимся валютным резервам. Более того, порывая на практике с «порочными рекомендациями МВФ и иных зарубежных консультантов», правительство получает широкие возможности пропаганды своего курса как «единственного подлинно национального».

Однако вскоре начинаются проблемы. Подхлестываемый государством внутренний спрос всегда растет значительно быстрее производства¹, а валютные резервы близятся к исчерпанию. Правительство вынуждено прибегнуть к принудительному установлению валютного курса и вводить государственное регулирование цен. Немедленно возникает товарный дефицит и очереди за продуктами. Правительство должно или вводить рационирование, или отпускать цены. Все это оказывается особенно болезненным по контрасту с ожиданиями «экономического чуда», которые только что пережила страна.

Вскоре товарный дефицит становится постоянным, причем не только на потребительском рынке, но и на рынке средств производства. Ужесточение ценового контроля обрывается пустыми прилавками, отпуск цен ведет к быстрому росту цен. Начинается бегство капитала из страны, падает производство, резко снижаются налоговые поступления (которые и так были невысоки), растет бюджетный дефицит. Это ведет к дальнейшему усилению инфляции и падению производства. Образуется замкнутый круг, выход из которого приходится искать в стандартных стабилизационных

¹ Этот вопрос был подробно проанализирован уже российскими экономистами 1920-х годов. См.: например: *Новожилов В.В.* Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2.

рецептах МВФ, но данное правительство этого уже позволить себе не может. Практически неизбежным становится смена власти, которая за редким исключением происходит неконституционным путем¹.

Описанный экономико-политический цикл являлся типичным практически для всех государств, которым приходилось испытывать на своем опыте экономическую политику популизма. Причем дело здесь, как правило, не ограничивается лишь одним циклом. Многие страны в XX столетии, раз начав популистские мероприятия, вскоре обнаруживали себя в ловушке, когда популистский курс порождал необходимость проведения болезненной макроэкономической стабилизации, тяготы которой вновь толкали страну на путь популизма, за которым следует очередная попытка стабилизации, и так далее. В Чили этот период занял около десятилетия, в Аргентине сорок лет, а в Бразилии — все шестьдесят.

Экономический популизм в России

Строго говоря, популизм не является для России чем-то принципиально новым. Большевики пришли к власти под популистскими лозунгами и с популистской экономической программой. Сталинская индустриализация, в основе которой лежал тезис о противоположности социально-экономических и политических интересов промышленности и сельского хозяйства, стала одной из самых масштабных в мировой истории попыток реализации популистского курса. Наконец, завершающая фаза советского коммунизма (1985–1990 годы) была насквозь пропитана популистской идеологией, находившей выражение в антиалкогольной кампании, в попытках решения социальных проблем при наращивании доли накопления в национальном доходе.

Причем всегда политика популизма характеризовалась у нас двумя принципиальными чертами. Во-первых, настойчивым стремлением политического руководства выйти за

¹ См.: Гайдар Е. В начале новой фазы // Коммунист. 1991. № 2.

рамки бюджетных ограничений, что объяснялось обычно исключительной мощью советской власти и вторичной ролью закона стоимости в социалистической экономике (этот тезис неявно присутствовал и в деятельности правительства М. Горбачева — Н. Рыжкова). Во-вторых, как и в других (не-социалистических) государствах, продолжительность популистских эпизодов не превышала трех-пяти лет, за чем следовало ужесточение экономической политики, так или иначе преодолевавшее попытки реализации популистских социально-экономических проектов на практике.

Но это уже отошло в область истории. Однако, как следует из всего сказанного нами выше, вероятность повторения популистской политики в современной России вновь весьма высока. Аргументируем этот вывод теперь более подробно.

Главное здесь состоит в том, что при анализе экономических, социальных и политических процессов нетрудно убедиться в наличии в современной России практически всего комплекса предпосылок, обуславливающих возобладание популистского курса ее развития.

Прежде всего, это касается экономической структуры. Когда говорят об отсталости, неэффективности структуры российского народного хозяйства, обычно имеют в виду доминирование в нем сырьевых отраслей при относительно слабом развитии потребительского сектора и непосредственно связанных с ним отраслей. Однако дело не только и даже не столько в этом. На сегодня главная проблема состоит в углубляющемся разрыве конкурентных на мировом рынке отраслей (это, прежде всего производители сырья и энергетических ресурсов, а также часть предприятий металлургии и химии) от остальной части народнохозяйственного комплекса.

Экспортноориентированные отрасли оказываются все менее связанными с другими секторами производства, то есть все менее зависят от потребления своей продукции внутри страны. У них формируется своя устойчивая система экономико-политических интересов — по сути, противоположная остальным частям народного хозяйства. Особенно ярко все это проявляется при определении основных параметров

макроэкономической и внешнеэкономической политики правительства.

Для конкурентоспособных производств экономическая и политическая стабильность важнее «дешевых денег». То есть они, конечно, не стали бы отказываться от льгот и привилегий, но все это не является для них вопросом жизни и смерти. Эти отрасли способны конкурировать на мировом рынке, им нужно развиваться и, следовательно, инвестировать. Однако важнейшим препятствием для инвестиционной активности является обесценение денег, инфляция. И именно поэтому экспортные отрасли (как, впрочем, конкурентоспособные предприятия вообще) формируют социальную почву стабилизационного макроэкономического курса. Этим они принципиально отличаются от низкоэффективных секторов, нуждающихся для своего выживания в постоянной государственной поддержке — как в форме финансовых раздач, так при помощи ограничения деятельности на отечественном рынке иностранных производителей.

Правда, в настоящее время, по мере осуществления макроэкономической стабилизации, происходит некоторое сближение интересов обоих секторов по проблемам политики валютного курса. Но это, скорее, негативный союз: и экспортеры, и их оппоненты страдают от крепнущего рубля — его реальный рост по отношению к доллару ослабляет конкурентные позиции экспортеров и повышает конкурентоспособность импорта на российском рынке. По удачному выражению А. Лившица, формируется политически весьма влиятельная «партия слабого рубля». Хотя единство интересов обоих секторов здесь не является абсолютным: несколько страдая от снижения своих доходов, экспортеры выигрывают на относительном удешевлении необходимого для многих из них производственного импорта.

Растущее отчуждение отраслей усиливает и социально-политическую напряженность в обществе. В особой мере это проявляется в машиностроительных отраслях (прежде всего на предприятиях ВПК), привыкших рассматривать себя в качестве сердцевины отечественной экономики. Для них внешнеэкономическая либерализация и резкое снижение

государственного заказа становятся источником постоянной опасности банкротства и именно поэтому воспринимаются не иначе как «распродажа Родины». Эти сектора становятся наиболее мощными политическими противниками курса макроэкономической стабилизации и либерализации вообще и в особенности тех отраслей, которые выигрывают от этого курса.

Естественной мишенью для критики со стороны «патриотической» (т. е. неконкурентоспособной) промышленности становится топливно-энергетический комплекс. А по мере постепенного осознания общественным мнением опасности простого эмиссионного финансирования народного хозяйства быстро растут перераспределенческие настроения, выражающиеся в стремлении получать от государства финансовую помощь за счет прибылей экспортеров. В 1995 году эти настроения были политически закреплены в форме Конгресса русских общин, ключевым элементом экономической программы которого стал тезис о перераспределении ресурсов из топливно-энергетического сектора в отрасли высоких технологий (под которыми у нас как раз и подразумевается ВПК). Нетрудно заметить, что аналогичные идеи, одобренные сильной долей инфляционизма, лежат в основе экономической программы КПРФ. На этом фоне явно усиливаются националистические настроения, которые в современной России, в отличие от других бывших «братских стран», непосредственно связаны с политикой коммунистического реванша, а не возрождения национальной государственности. В этом находит отражение специфика нашего выхода из коммунизма, поскольку Россия является единственной страной (если не считать Китая), для которой коммунизм был порожден внутренними факторами ее развития, а не навязан извне. А в экономической политике национализм трансформируется в протекционизм, противостоящий открытости либерального пути, в котором видят угрозу самобытности российского государства.

Наконец, остро стоят в настоящее время и социальные проблемы. Общим местом политологических рассуждений сейчас стал тезис о сильной социальной поляризации

российского общества. Это не совсем корректное утверждение — статистические индикаторы, характеризующие социальную дифференциацию, у нас находятся пока примерно на уровне западных стран и существенно ниже латиноамериканских. Однако ситуацию все-таки нельзя считать благополучной, поскольку скорость изменения этого показателя — т. е. быстрота нарастания социальной дифференциации — оказалась исключительно высокой¹, и население, разумеется, не может и не хочет воспринимать это как должное. (Кстати, причина таких изменений состоит вовсе не в самих посткоммунистических экономических реформах, но, прежде всего, в отсутствии должной последовательности при проведении реформ. Ведь именно высокая и длительная инфляция является важнейшим источником быстрого роста социальной поляризации.)

Можно было бы продолжить эти рассуждения. Но и сказанного достаточно для вывода: в России середины 1990-х годов сформировался стандартный комплекс предпосылок экономической политики популизма. Во многом экономико-политический курс Б. Ельцина будет определяться людьми, входящими в его ближайшее окружение, — их взглядами, жизненной философией, да и просто общим уровнем образования. А в этом отношении команда нынешнего президента России отнюдь не однородна.

¹ По данным Госкомстата РФ, фондовый коэффициент по квантильным группам (соотношение доходов 20% наиболее и наименее обеспеченного населения) изменился с 3,3 в 1990 году до 8 в 1995 году, т. е. более чем вдвое. Для примера: в Мексике соответствующий коэффициент равняется 13,6, в Чили 17, а в Бразилии 31,2 (см.: Отчет по человеческому развитию: 1994 / Программа развития ООН. N.Y.: Oxford University Press, 1994).

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО ОПЫТА

Вопросам сравнительного анализа экономического и политического развития посткоммунистических и латиноамериканских стран в последние годы уделяется все больше внимания. Более того, по мере отхода одних стран от коммунизма, а других от авторитарного популизма, накопления опыта демократизации и осуществления экономических реформ актуальность подобного рода сопоставлений растёт. В настоящей статье мы предпримем попытку выявить важнейшие направления влияния латиноамериканского опыта на развитие концепции экономических реформ в СССР и в России. Основное внимание в ней будет уделено экономико-политическим проблемам устойчивости и роста, наиболее существенным на постстабилизационном этапе развития российской экономики.

Общее и особенное в развитии России и Латинской Америки

Интерес к латиноамериканскому опыту начал расти в СССР в середине 1980-х годов. Отчасти это было связано с пониманием необходимости серьезных экономических реформ, хотя в ряду возможных моделей реформирования обращение к латиноамериканскому опыту все же воспринималось как дань экзотике, как некоторая теоретическая экстравагантность.

Между тем соответствующие сравнения могли базироваться на серьезных теоретических (методологических) и практических (исторических) основаниях и, прежде всего, на сопоставимости уровней социально-экономического развития, измеряемого показателем ВВП на душу населения (см. табл. 1). Подобная сопоставимость по разным странам не только свидетельствует об определенной социально-экономической общности, но и несет важную политическую нагрузку. Именно такой уровень социально-экономического развития, как показывает С. Хантингтон, является критическим в аспекте сохранения авторитарных и тоталитарных режимов, с его достижением бурное разворачивание демократических процессов становится в высокой степени вероятным¹.

Таблица 1

ВВП на душу населения в СССР и отдельных странах Латинской Америки, 1985 год (долл. США)

	СССР	Аргентина	Бразилия	Чили	Мексика
В ценах 1990 года	6715	6912	4902	5145	5141
В ценах 1993 года	5418	7088	5385	5415	6861

Источники: Maddison A. Monitoring the World Economy. Paris, OECD. P. 201; Россия в меняющемся мире. М.: ИЭА, 1997. С. 225–226.

¹ См.: *Hanington S. The Third Wave*. Norman and London: University of Oklahoma Press, 1991. P. 62–68.

Другой момент, общий для СССР и ведущих латиноамериканских стран, заключается в особенностях их экономической истории XX столетия, а точнее, в характерном для них типе догоняющей индустриализации, основанной на стратегии импортозамещения. Индустриализация в этих странах осуществлялась при активном участии государства, создававшего тепличные условия для национальной промышленности. Принятие такого курса мотивировалось различными аргументами — от необходимости защиты от капиталистического окружения до важности ослабления зависимости от мировых капиталистических рынков. Но всегда неизбежным становилось формирование жесткой социально-экономической и производственно-технологической конструкции, мало конкурентной с точки зрения мировых критериев эффективности, что было чревато обострением политической нестабильности при попытках проведения структурных реформ (как в начале импортозамещающего пути, так и при выходе из него). И именно импортозамещающий путь в индустриальный мир предопределил важнейшие особенности социально-экономических систем рассматриваемых стран.

Перед обеими группами стран к 1980-м годам встала задача преодоления рамок индустриализма и выхода в постиндустриальное общество. Достижение указанного выше уровня среднедушевого ВВП (более 5000 долл.) являлось признаком готовности к переходу на новую ступень развития, хотя конкретные структурные предпосылки этого перехода в СССР и ведущих странах Латинской Америки, конечно же, не совпадали¹. В то же время наличие авторитарных традиций обуславливало конфликт между задачами неомодернизации и демократизации.

Здесь нужно выделить еще один аспект, на который указывают некоторые исследователи. Рассматриваемые страны

¹ Достаточно сравнить, скажем, показатели, характеризующие образовательный уровень населения и долю услуг в структуре ВВП. СССР находился в числе лидеров по первому показателю, тогда как в латиноамериканских государствах более высокой была доля услуг в ВВП.

отличает своего рода изолированность трансформации. Государства Центральной и Восточной Европы развиваются, ориентируясь на западноевропейскую модель, что в значительной мере стабилизирует их социально-экономические и политические системы, задает характер и важнейшие параметры развития. Россия же, как и большинство латиноамериканских государств, решает свои проблемы в собственном социально-политическом контексте. Влияние (прежде всего, политическое и культурное) других стран и регионов здесь гораздо более ограниченное.

Разумеется, сходство обеих групп государств не следует переоценивать. Немало факторов и параметров развития позднекоммунистического и латиноамериканского мира были сугубо различными и даже противоположными.

В первую очередь это касается институциональной структуры. Несмотря на все популистские эксперименты, этатизм и левый экстремизм, частная собственность продолжала служить фундаментом развития всех стран Латинской Америки (кроме Кубы). Кроме того, данные страны имели и опыт функционирования демократических институтов, опыт многопартийности. Авторитарные и военные режимы чередовались здесь с демократическими, собственно, в этом как раз и состоит коренное отличие авторитарных систем от тоталитарных.

Существенно иной была и социальная структура рассматриваемых стран. Обществам советского типа была присуща крайняя форма эгалитаризма в официальном распределении доходов, социальное неравенство нивелировалось (см. табл. 2). Это подрывало стимулы экономического развития, но обеспечивало исключительную социальную стабильность общества. А одной из основных доминант социально-политического развития большинства латиноамериканских государств на протяжении многих десятилетий была проблема бедности и социальной дифференциации¹.

¹ См.: *Sachs J. Social Conflicts and Populist Policies in Latin America / Labour Relations and Economic Performance / R. Brunetta, C. Dell'Aringa (eds.). L.: Macmillan, 1990.*

Таблица 2

**Показатели социальной дифференциации
по разным группам стран (коэффициент Джини)**

Страны	Годы	Коэффициент Джини
СССР	1985	25,6
Россия	1991	26,0
Россия	1993	49,6
Швеция	1987	30,4
Великобритания	1985	29,7
Германия	1984	25,0
Италия	1986	31,0
США	1992	46,6
Чили	1994	56,5
Бразилия	1989	63,4
Мексика	1992	50,3

Источники: Atkinson A., Micklewright J. Economic Transformation in Eastern Europe and the Distribution of Income. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. P. 112; The World Bank. The State in a Changing World: World Development Report 1997. Oxford: Oxford University Press, 1997. P. 222–223; Россия и ООН: Информационно-статистический справочник. М.: Госкомстат, 1995; Gardiner K. A Survey of Income Inequality over the Last Twenty Years. L.: LSE, 1993. P. 14.

Даже в посткоммунистической России, где социальная поляризация резко возросла, ее характеристики существенно отличаются от латиноамериканских стран. С одной стороны, российские показатели социального расслоения не «дотягивают» до латиноамериканских. С другой — в социальной структуре России нет двух мощных противостоящих друг другу полюсов: слой чрезвычайно богатых весьма немногочислен, и основной части населения присущи более или менее сходные условия жизни, что особенно заметно при обращении к региональным показателям распределения населения по доходным группам (см. табл. 3).

Не последнюю роль здесь сыграли и различия в ресурсообеспеченности. Избыточность природных ресурсов СССР

Таблица 3

Децильный коэффициент дифференциации доходов населения по регионам России, 1995 год

В среднем по России	10,2
Москва	27,7
Санкт-Петербург	7,1
Северный район	10,3
Северо-Западный район	10,7
Центральный район	13,8
Волго-Вятский район	7,1
Центрально-Черноземный район	6,7
Поволжский район	7,5
Северо-Кавказский район	7,3
Уральский район	8,4
Западно-Сибирский район	11,3
Восточно-Сибирский район	13,7
Дальневосточный район	13,3

Источник: Доходы и уровень жизни населения: Мониторинг. М.: Минтруд, 1997. С. 22.

помогла раздвинуть рамки функционирования и воспроизводства закрытой экономики, основанной на импортозамещающих идеях и технологиях. В Латинской Америке при всей склонности различных режимов (правых и левых, военных и гражданских) к политике импортозамещения экономическая политика в XX столетии носила все же волнообразный характер, популистские эксперименты сменялись либеральными эпизодами, а меры по ограничению доступа иностранного капитала — сменялись политикой «открытых дверей». Ограниченность природных ресурсов была преградой для проведения ортодоксальных импортозамещающих мер, для Советского Союза такой преграды не существовало¹.

¹ См.: Гайдар Е. Аномалии экономического роста. М.: Евразия, 1997.

Жесткость советской социально-экономической системы, невосприимчивость к вызовам времени усугубляли последствия структурной перестройки, хотя и оттягивали момент ее осуществления. Вследствие этого нарастали масштабы отклонения структуры советской экономики от потребностей постиндустриальной эпохи, что и обусловило неизбежность значительного спада производства во многих отраслях в процессе перехода.

Особенности развития СССР и Латинской Америки породили существенные различия в путях выхода из авторитаризма в политике и из индустриализма в экономике. Латиноамериканским государствам предстояло осуществить комплекс серьезных реформистских мер по демократизации и макроэкономической стабилизации, дерегулированию и либерализации экономики. А перед СССР стояла задача проведения системной трансформации, включающей коренные сдвиги в отношениях собственности и изменение на этой базе всех сторон жизни общества. Словом, латиноамериканские государства столкнулись с необходимостью проведения эволюционных реформ, тогда как ликвидация советского коммунизма требовала изменений революционного характера.

И здесь нам представляется важным обратить внимание на два наиболее существенных момента. Во-первых, революционной трансформации всегда присуще резкое ослабление государственной власти и как результат — резкое усиление стихийности социальных, экономических и политических процессов. Контроль государства над такими процессами становится неэффективным, а наиболее успешным оказывается то правительство, которое способно в максимальной мере опереться на интересы наиболее влиятельных экономико-политических агентов. В этом отношении деятельность власти в условиях революции аналогична деятельности «слабого диктатора», который может удерживаться у власти, лишь балансируя между различными группами интересов. Данный феномен достаточно хорошо известен по опыту стран Латинской Америки и описан в современной экономико-политической

литературе¹. Однако особенность революционного (в данном случае российского посткоммунистического) перехода состоит именно в том, что сильная власть здесь не может родиться в результате простого переворота и прихода в президентский дворец «сильной личности», а лишь постепенно накапливает мощь по мере исчерпания собственно революционных процессов.

Во-вторых, в таких условиях отсутствует консенсус между основными социально-политическими силами и группами интересов. Радикальность происходящих изменений делает подобный консенсус принципиально невозможным. И это существенно усложняет решение конкретных экономико-политических задач и накладывает ограничения на функционирование конституционно-политической системы страны. Тем самым меняется политическая и экономическая логика проведения реформ.

Особенности влияния латиноамериканского опыта на этапе «перестройки» и в посткоммунистической России

Первые попытки сравнительного анализа путей реформирования советского общества и латиноамериканских стран относятся ко второй половине 1980-х годов; они были связаны с поиском адекватного механизма осуществления реформ, необходимость которых на тот момент признавалась практически всеми.

В первую очередь, речь шла о политических аспектах трансформации, точнее, о роли жесткого, диктаторского режима для проведения экономической модернизации. Так, И. Клямкин и А. Мигранян считали, что сколько-нибудь масштабные реформы хозяйственной системы не совместимы с политической демократизацией и требуют авторитарного режима. В развернувшейся дискуссии оппоненты в основном исходили из желательности совмещения экономических

¹ См.: Alesina A. Political Models of Macroeconomic Policy and Fiscal Reform. Washington, DC: IBRD, 1992.

и политических реформ, хотя сильных аргументов в пользу возможности такого развития не приводилось. Успехи же Чили были налицо, и именно пример этой латиноамериканской страны наиболее часто использовался для подтверждения вывода о желательности, если не необходимости диктатуры.

Интересно, что опыт Чили начал тогда привлекать внимание представителей самых разных политических и теоретических течений. С одной стороны, это могли быть экономисты, придерживавшиеся последовательных (если не сказать жестких) либеральных взглядов (например, В. Найшуль). Они наиболее активно изучали тогда чилийский опыт. С другой стороны, рассуждения об успехах Чили стали модными среди части высшего партийного руководства (так, об этом нередко говорил руководитель московской организации КПСС Ю. Прокофьев). Подобный подход должен был служить обоснованием противодействия консервативной части КПСС горбачевскому курсу.

Однако по мере развития экономического кризиса 1989–1991 годов, роста товарного дефицита и обострения проблемы подавленной инфляции на передний план выходил другой аспект трансформационного процесса. Макроэкономическая дестабилизация, проедание валютных резервов и дезинтеграция политического пространства грозили острыми политическими потрясениями, а более конкретно — государственным (в том числе военным) переворотом. Схема «популистская политика — высокая инфляция — военный переворот» неоднократно доказывала свою «практичность», о чем убедительно свидетельствовал опыт стран Латинской Америки.

Одним из первых на это обратил внимание Е. Гайдар. Анализируя опыт ряда латиноамериканских стран 1970–1980-х годов, он сопоставил динамику инфляции с трендами политического развития таких стран, как Аргентина, Чили, Бразилия. Совпадение военных переворотов с обострением макроэкономического кризиса (соответственно с инфляционным пиком) было более чем очевидным¹.

¹ См.: Гайдар Е. В начале новой фазы // Гайдар Е. Сочинения. М.: Евразия, 1997. Т. 2. (Первоначально опубликовано в: Коммунист. 1991. № 2.)

Из этих рассуждений вытекали два вывода относительно путей дальнейшего развития тогда еще советской экономики.

Во-первых, о перспективах демократической системы в СССР, о возможности сочетания экономического кризиса и политической демократии. «Демократические преобразования в нашей стране начались на не слишком благоприятном фоне усиливающейся инфляции, развала потребительского рынка, разочарования и растущей социальной напряженности. История как будто решила поставить эксперимент: приживется ли демократия в условиях экономического кризиса»¹. В отличие от рассуждений А. Миграняна, И. Клямкина, Ю. Прокофьева здесь речь шла не о целесообразности или нецелесообразности авторитаризма в условиях рыночной трансформации, но о вероятности крушения демократии при сохранении кризисных макроэкономических тенденций.

Во-вторых, о характере экономической политики авторитарного режима. Опыт латиноамериканских стран показал, что приходящие на волне популизма военные правительства, как правило, оказывались способны проводить ответственную и жесткую политику, преодолеть экономический кризис и добиться более или менее устойчивой ситуации в экономике. Правда, зачастую затем следовал новый виток популизма. Бывало и обратное: военные, приходившие на волне общественного недовольства социально-экономическим курсом и обещавшие решительными мерами навести порядок, быстро доводили страну до полной экономической катастрофы. Что могла ждать Россия в случае подобного политического сценария? «Специфика отечественной „партии порядка“ в том, что ее лидеры, не получившие образование в Уэст-Пойнте, неважно осведомлены о стандартной макроэкономике. Их представления о разумной экономической политике могут быть весьма экзотичными»².

¹ Гайдар Е. В начале новой фазы. С. 640–641.

² Там же. С. 656–657. К сожалению, вывод об «экзотичности» программ у большинства политиков, претендующих на «спасение Отечества», до сих пор остается актуальным. Хотя,

Впрочем, вопрос о неизбежности крушения демократии оставался открытым. Любые исторические аналогии не предопределяют те или иные политические события. Напротив, история свидетельствует, что знание аналогий, их учет в деятельности практического политика несколько расширяют свободу маневра и позволяют хотя бы отчасти избежать нежелательного результата. Так, стремление максимально смягчить политические последствия позднесоветского макроэкономического кризиса было одной из доминант практической деятельности правительства Е. Гайдара.

Однако имелся и ряд объективных факторов, противодействовавших формированию жесткого, диктаторского режима. С одной стороны, достаточно высокий уровень экономического развития (ВВП на душу населения) и стоявшая перед страной стратегическая задача выхода в постиндустриальный мир делали невозможным решение социально-экономических проблем в условиях политической диктатуры. С другой стороны, революционный характер российской трансформации не позволял создать сильное, способное решать масштабные экономические задачи государство — даже при наличии диктаторского по форме правления.

В то же время было очевидно, что решение задач макроэкономической стабилизации требует твердой политической воли, независимости от конфликтующих групп интересов. В этом состояло важнейшее противоречие российской ситуации накануне краха коммунистической системы.

Начало либеральных реформ в России способствовало обострению интереса исследователей к опыту латиноамериканских стран. В основе анализа и обобщения латиноамериканского опыта в период 1992–1994 годов лежали проблемы либерализации и макроэкономической стабилизации, политические факторы осуществления стабилизации, а также приватизации. (Впрочем, опыт

разумеется, уровень понимания экономических проблем и путей их решения за последние годы существенно возрос. Но это в наименьшей мере можно отнести на счет политиков, претендующих в России на первые роли.

приватизации не мог быть достаточно иллюстративным в силу специфичности, масштабности приватизации в условиях посткоммунизма.)

Что касается задач либерализации и стабилизации, то ключевым был вопрос о применимости стандартных макроэкономических подходов. Опыт Польши, где аналогичные реформы были начаты двумя годами ранее, а также теоретический анализ свидетельствовали в пользу положительного ответа. Однако по некоторым техническим вопросам либерализации и стабилизации латиноамериканский опыт мог быть полезен и для посткоммунистической России. Здесь имеются в виду проблемы номинального якоря, ограниченного использования элементов гетеродоксной модели (прежде всего государственного контроля за ценами и зарплатой), единовременности либерализационных мероприятий. Но эти вопросы решались в терминах практической целесообразности и политической возможности и не влияли на формирование теоретически целостной либеральной (или какой бы то ни было иной) доктрины.

Другой, не менее важной, проблемой были конституционно-политические аспекты осуществления макроэкономической стабилизации. Большинство попыток макроэкономической стабилизации в Латинской Америке осуществлялось военными режимами. Правда, в основном эти попытки быстро проваливались и удачный опыт связывался лишь с именем А. Пиночета. Но и гражданские режимы не продемонстрировали, по сути, ни одного успешного примера. Таким образом, введение авторитарного режима в России было нежелательным, да и невозможным, если говорить об авторитарном режиме, способном проводить осмысленный макроэкономический курс.

Одновременно все более очевидным становился конфликт между популистскими ориентирами российских законодателей и необходимостью принятия непопулярных шагов в экономической сфере. Конфликт этот на волне послевзвешовского демократического подъема был разрешен через предоставление президенту Б. Ельцину в октябре 1991 года дополнительных полномочий сроком на один год. Такие меры

отчасти отражали и стремление депутатов снять с себя ответственность за социально болезненные шаги правительства. Однако уже весной 1992 года, когда опасность катастрофы миновала, решительно заявили о себе силы, ориентированные на осуществление популистского (инфляционистского) экономического курса. Центром популистских настроений стал, как и можно было предположить, депутатский корпус, в полной зависимости от которого находились, согласно действовавшей тогда Конституции, и бюджет, и Центральный банк. И по мере развития реформ, по мере ослабления стабилизационной политики правительства под давлением законодателей все яснее вырисовывалась невозможность оздоровления социально-экономической ситуации без проведения адекватной конституционной реформы.

Первый острый кризис во взаимоотношениях между депутатским корпусом и правительством совпал во времени (апрель 1992 года) с политическим кризисом в Перу, когда президент А. Фухимори вопреки конституции распустил популистски настроенный парламент и объявил референдум по новой конституции, существенно расширявшей права исполнительной власти за счет законодательной. Причем население, которое устало от популистских мер, порождавших неконтролируемую инфляцию, поддержало антиконституционные действия президента. Позднее на неконституционное ограничение прав представительных органов пошло и правительство Аргентины и также получило здесь поддержку избирателей¹.

Эти события в известной мере указывали путь решения стоявших перед Россией проблем. Не антидемократический режим, но проведение глубокой конституционной реформы, пусть даже и антиконституционными методами, могло создать необходимые рамочные условия для осуществления соответствующих экономических мер и выведения страны из острого кризиса. Такой принципиальный подход давал возможность сохранить конституционный и по сути своей

¹ См.: Авторитаризм и демократия: от Третьего мира к России (круглый стол) // Мировая экономика и международные отношения. 1995. № 8. С. 14.

демократический режим, трансформировав его в направлении, необходимом для дальнейшего устойчивого развития страны. Причем Конституция 1993 года в явном виде учитывала опыт конституционных реформ в странах, где они принимались в условиях жестких экономических и политических кризисов (от Франции 1958 года до Перу 1992 года).

Еще одной проблемой осуществления макроэкономической стабилизации является создание комплекса ее предпосылок. Базой здесь должно было послужить формирование групп, заинтересованных в проведении соответствующего курса. Изучение стабилизационного опыта стран Латинской Америки говорило о критической необходимости существования коалиции антиинфляционистских сил¹. Причем важными были два момента. С одной стороны, сам факт формирования заинтересованных в подавлении инфляции политических и экономических групп, наличие у них достаточных ресурсов, чтобы противодействовать сопротивлению инфляционистов. С другой стороны, достаточно сильная политическая власть (и соответственно политическая воля), которая могла бы отказаться от балансирования между различными группами интересов и взять на себя политическую ответственность за осуществление комплекса непопулярных мер.

В России имелись две противостоящие группы интересов и связанные с ними политические организации. Первая — экономические агенты, способные адаптироваться к условиям реальной рыночной конкуренции. Им для устойчивого развития прежде всего требовались макроэкономическая стабильность и либеральный внешнеэкономический режим. Вторая — те, для кого мягкие бюджетные ограничения, слабая денежная политика и закрытость внутреннего рынка от конкуренции иностранных товаропроизводителей были необходимыми условиями выживания (для неблагополучных, неконкурентоспособных предприятий) или получения сверхприбылей (для банков и торговли).

¹ См.: Burdett R., Burkett P. Distribution Conflict and Inflation. L.: Macmillan, 1996. P. 175–201.

Антиинфляционисты включали поначалу довольно ограниченный круг экономических агентов, хотя и весьма мощный в политическом, а вскоре и в финансовом отношении. Здесь особо выделялись экспортоориентированные предприятия энергетических и сырьевых отраслей. Затем к ним присоединились производители продуктов первичной переработки (металлургия, химия).

Проинфляционистские же силы выступали как сложный конгломерат разнородных групп интересов с разнонаправленными тенденциями развития. В первую очередь здесь можно назвать слабые предприятия, в силу объективных или субъективных причин не способные найти свое место в рыночной экономике. Сначала таких предприятий было особенно много, причем субъективный фактор (качество менеджмента, отражавшееся даже в возрасте директора и продолжительности его нахождения во главе данного предприятия) имел ключевое значение. В наиболее тяжелом положении пребывали предприятия машиностроения, легкой и пищевой промышленности. Ужесточение денежной политики лишало их доступа к дешевым кредитным ресурсам, делая неизбежным их банкротство в обозримой перспективе. Однако не менее заинтересованы в раскручивании инфляции были коммерческие банки, получавшие гигантские прибыли благодаря заниженной ставке рефинансирования и льготным кредитам, предоставляемым промышленности и сельскому хозяйству. Исключительно прибыльной в условиях высокой инфляции являлась и разного рода торгово-посредническая деятельность.

Провал трех попыток осуществления макроэкономической стабилизации на протяжении 1992–1994 годов обусловил скептицизм ряда аналитиков относительно решения этой задачи по причинам социально-политического характера. Отсутствие консенсуса по базовым экономическим и политическим проблемам развития страны, непоследовательность экономического курса правительства, его уязвимость перед давлением разных лоббистских групп, казалось, делали выход из ситуации устойчивой высокой инфляции невозможным, по крайней мере в сжатые сроки.

Соответственно обсуждались и проблемы экономико-политических последствий провала стабилизационных попыток и политической победы проинфляционных коалиций. Здесь логика дальнейшего развития событий представлялась более или менее ясной как раз ввиду наличия опыта латиноамериканских стран, не раз попадавших в ловушку экономики популизма. Было нетрудно прогнозировать неоднократно описанный в литературе¹ путь от начала политики «финансовой и инвестиционной поддержки отечественных предприятий» (при помощи инфляционного финансирования государственных расходов) до гиперинфляции и экономического коллапса.

Однако на практике развитие событий оказалось иным. Благодаря действию ряда факторов баланс сил к 1995 году изменился в пользу антиинфляционистского курса. В 1996 году стало ясно, что денежная стабилизация в России состоялась. И одновременно резко усилились споры о выборе дальнейшего пути вывода страны из кризиса. После подавления инфляции до уровня ниже 20% годовых приобрели актуальность вопросы преодоления спада производства. Каков должен быть механизм восстановления экономического роста? Эта проблема стала ключевой в экономических дискуссиях и политической борьбе 1995–1997 годов.

Экономика популизма и российские реалии²

Уже в ходе предвыборной борьбы 1995 года в связи с выборами в Государственную думу оформились три различных политических блока, ориентированных на разные программы действий по возобновлению экономического роста. Им же принадлежала ведущая роль и в ходе президентской кампании 1996 года. Подробный анализ этих программ выходит за рамки настоящей статьи, мы лишь кратко охарактеризуем их.

Одна программа была ориентирована на дальнейшее продолжение антиинфляционной политики как основы

¹ См., например: *The Macroeconomics of Populism in Latin America* / R. Dornbusch, S. Edwards (eds.). Washington, DC: IBRD, 1989.

² Это исследование было осуществлено совместно с И.В. Стародубровской.

возобновления экономического роста. Она предполагала обеспечение стабильности валютного курса и меры по дальнейшему укреплению рубля, а также сохранение либерального внешнеэкономического режима как фактора противодействия монополизму на внутреннем рынке и стимулирования роста конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей. Этот курс более или менее последовательно реализовывался правительством и пользовался поддержкой партий правой и либеральной ориентации, соответственно он декларировался и в предвыборной программе Б. Ельцина.

Другая программа следовала курсу на усиление перераспределительной роли государства и подстегивание экономического роста при помощи увеличения предложения денег. Это был типичный левый инфляционизм, провозглашавший два основных пути преодоления кризиса и улучшения социально-экономического положения в стране. Во-первых, концентрация инвестиционной политики в руках государства и обеспечение предприятий промышленности и сельского хозяйства дешевыми кредитными ресурсами. Во-вторых, стимулирование роста через подхлестывание спроса, то есть через правительственный курс на увеличение денежных доходов (как фактор роста производства, а не как его результат). Соответствующие идеи наиболее последовательно развивали коммунистические и другие левые партии, а также близкие к ним аграрии.

Третий вариант вывода России из кризиса опирался на идеи усиления государственного контроля за инвестиционными потоками, рост протекционизма и создание при помощи государства крупных производственных и хозяйственных образований (финансово-промышленных групп) как основы возобновления роста. Ключевым моментом здесь был тезис о необходимости перераспределения средств из экспортных отраслей в отрасли импортозамещения, прежде всего в машиностроение (а в современной российской ситуации и в сельское хозяйство), которые рассматриваются как объекты «национальной гордости», обеспечивающие к тому

же независимость страны от потенциально опасного влияния иностранных государств и мирового рынка. Такие идеи развивались националистическими («патриотическими») партиями и политиками.

Строго говоря, вторая и третья модели не противоречили, а скорее, дополняли друг друга. Ведь протекционизм и государственная поддержка ФПГ неотделимы в современных российских условиях от инфляционизма. Данные идеи в той или иной комбинации и составили основу экономических платформ практически всех партий и политиков, оппозиционных курсу правительства Б. Ельцина.

Нетрудно увидеть исключительную близость оппозиционных подходов тем политическим моделям, которые в настоящее время принято характеризовать как популистские. Налицо аналогии с деятельностью правительств Варгаса в Бразилии, Перона в Аргентине, Альенде в Чили, Гарсиа в Перу и т. п. Все эти режимы (и многие другие) пытались решать проблемы экономического роста на путях расширения эмиссионного финансирования, введения ограничений на внешнеэкономическую деятельность, усиления государственного вмешательства в хозяйственную жизнь.

Однако проблема заключалась отнюдь не во внешней схожести. Гораздо опаснее было формирование комплекса объективных и субъективных факторов, действовавших во всех странах перед началом очередного популистского эксперимента. Наличие этих факторов делало срыв России в «экономiku популизма» если не неизбежным, то весьма вероятным.

В экономической области произошла резкая поляризация хозяйственных агентов на экспортоориентированные и импортозамещающие. Это хорошо прослеживается при сравнении данных об отраслевой динамике производства и структуре экспорта (см. табл. 4, 5). Спад сильнее всего затронул отрасли, доля которых в российском экспорте сократилась в наибольшей степени. И, напротив, отрасли с наименьшим уровнем спада производят конкурентную на внешнем рынке продукцию.

Таблица 4

**Индексы физического объема производственной продукции
по отраслям промышленности, 1994–1997 годы
(показатель 1990 года принят за 100)**

	1995	1996	1997	1997 в % к 1996
Промышленность, всего	50	48	49,0	101,9
Электроэнергетика	80	80	78,3	97,9
Топливная	69	67	67,2	100,3
Черная металлургия	57	56	56,6	101,2
Цветная металлургия	55	53	55,7	105,0
Химия и нефтехимия	47	42	42,8	102,0
Машиностроение и металлообработка	41	36	37,3	103,5
Лесная, дерево- обрабатывающая и целлюлозно-бумажная	44	34	34,4	101,2
Промышленность стройматериалов	44	33	31,7	96,0
Легкая	18	14	13,7	97,6
Пищевая	52	48	47,6	99,2

Источник: Госкомстат РФ.

Таблица 5

Структура российского экспорта (%)

	1985	1990	1996
Минеральные продукты	53,7	50,7	45,0
Продукция химической промышленности	3,9	4,4	8,5
Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,0	2,1	4,2
Машины, оборудование, транспортные средства	13,9	17,6	7,8
Продовольственные товары и сельскохозяй- ственное сырье	1,5	0,8	3,4
Текстиль и текстильные изделия	1,3	1,5	1,1

Источник: ИЭППП.

Главная опасность здесь связана с тем, что социально-экономические интересы данных секторов оказываются не просто различными, но диаметрально противоположными. Они требуют проведения разной денежной и валютно-кредитной политики, разного внешнеэкономического курса, разной политики инвестиций. Правительство не может в такой ситуации выработать курс, приемлемый для большинства экономических агентов, и вынуждено или постоянно колебаться, или постоянно воспроизводить социально-экономические конфликты. Но в любом случае рост политической напряженности в обществе становится в подобной ситуации неизбежным.

Такая ситуация особенно опасна для России, где посткоммунистические реформы осуществлялись в условиях отсутствия общественного консенсуса по целям, ключевым задачам стратегического развития страны. Государство было ослаблено в результате распада СССР и не могло не опираться на влиятельные группы экономических интересов, оказавшись в положении заложника одной из них. Итог — нарастание противостояния и высокая вероятность регулярных изменений курса на противоположный. Причем, как свидетельствует латиноамериканский опыт, нередко недемократическим путем.

Более того, происходила своего рода консервация подобной экономической структуры. Практически замороженными оказались процессы адаптации потенциально эффективных, конкурентоспособных предприятий к условиям современного рынка. Директорский корпус почти не обновлялся, стимулов к эффективному хозяйствованию не было, банкротство предприятий или смена их руководства были чрезвычайно редки.

Другой острой проблемой стала социальная дифференциация. Она быстро увеличивалась в течение первой половины 1990-х годов. А ведь ее рост является одним из главных факторов перехода к популистскому курсу. Правда, в России сами показатели поляризации были еще далеки от критических значений развивающихся стран, но скорость изменения этого параметра сама по себе могла оказаться

источником экономической и социально-политической нестабильности (см. табл. 2).

Однако в 1997 году, т. е. через два года после начала последней по времени попытки стабилизации, в России обнаружилось некоторые новые тенденции, важные с точки зрения определения перспектив проведения той или иной социально-экономической политики.

Практически все имеющиеся статистические данные за 1997 год (информация Госкомстата, Центра экономической конъюнктуры, РЦЭР, социологических организаций, специализирующихся на опросах хозяйственных агентов, и др.) говорят об усложнении хозяйственной структуры, о преодолении биполярности и о формировании нескольких типов экономических агентов, чьи интересы находятся в комплексном взаимодействии¹.

О происходящих изменениях свидетельствует ряд параметров, среди которых выделяются следующие.

Произошла стабилизация и начался рост в некоторых отраслях промышленности, ориентированных на внутренний рынок и не связанных с экспортом (см. табл. 4). Это касается таких отраслей, как машиностроение и металлообработка, медицинская промышленность, полиграфическая промышленность, а также связанные с внутренним потреблением химические и нефтехимические производства. В отличие от всех предшествующих лет в 1997 году доля обрабатывающих отраслей в структуре промышленного производства почти не сократилась, причем во II и в III кварталах производство в этих отраслях росло быстрее, чем в добывающих.

Повысился внутренний спрос на продукцию ряда отраслей и прежде всего машиностроения и металлообработки. Наблюдается смещение спросовых приоритетов в сторону машиностроения, цветной металлургии, химической и нефтехимической, лесной и целлюлозно-бумажной,

¹ См.: Разработка концепции реформирования предприятий в рыночной экономике. Институт стратегического анализа и развития предпринимательства. М., 1997. С.10; Экономическая конъюнктура России в январе-сентябре 1997 года. М.: Центр экономической конъюнктуры при Правительстве РФ. 1997. С. 15–16.

а также пищевой промышленности. Этому способствует некоторое сокращение экспорта, вызванное конъюнктурными факторами.

Более благоприятной становится конъюнктура товарных рынков, наметилась тенденция к сокращению запасов готовой продукции на складах предприятий-изготовителей, что свидетельствует о росте ликвидности. Впервые за годы реформ появились признаки повышения покупательского спроса населения — объем продаж предприятиями-изготовителями увеличился в январе-сентябре по сравнению с аналогичным периодом 1996 года на 1,4%, а объем продаж предприятиями торговли — на 3,9%.

По данным наблюдений, проводимых Центром экономической конъюнктуры, можно сделать вывод о достаточно высокой оценке предприятиями своего конкурентного потенциала, причем и здесь четко выделился сектор, ориентированный, прежде всего, на конкуренцию на внутреннем рынке (см. табл. 6). Интересно, что в ряде случаев рост конкурентоспособности не связан напрямую со статистически регистрируемым ростом производства. Например, явно повышается конкурентоспособность продукции пищевой промышленности, несмотря на продолжающийся здесь спад производства.

Таким образом, в России активно формируется конкурентоспособный на внутреннем рынке сектор, о чем свидетельствуют не только показатели роста некоторых неэкспортных отраслей. Кроме того, ряд отраслей (например, пищевая) характеризуется устойчивостью финансового положения, а следовательно, и хорошими перспективами развития¹. Необходимо также отметить, что, несмотря на неплатежи, в экономике наблюдается рост прибыли в сопоставимых ценах (на 2,5%) и особенно в промышленности (почти на 5%)².

¹ См.: Разработка концепции реформирования предприятий в рыночной экономике. Институт стратегического анализа и развития предпринимательства. С. 10.

² См.: Экономическая ситуация в Российской Федерации в январе-сентябре 1997 года. Доклад Рабочего центра экономических реформ при Правительстве РФ. М., 1997. С. 37.

Таблица 6

**Оценка конкурентоспособности основного вида
продукции предприятия на внутреннем рынке, 1997 год (%)**

	Высокая	Средняя	Низкая	Неконку- рентоспо- собна	Затрудняюсь ответить	Нет ответа
Общий итог	15	60	12	3	4	6
Топливная промышленность	18	73	0	0	0	9
Черная металлургия	0	100	0	0	0	0
Цветная металлургия	0	50	25	0	0	25
Химия и нефтехимия	23	54	13	3	3	3
Машиностроение и металлообработка	18	62	8	2	4	6
Лесная, деревообраба- тывающая и целлюлозно- бумажная	5	61	22	4	5	3
Промышленность стройматериалов	14	55	14	5	7	6
Легкая	11	59	13	3	2	12
Пищевая	18	64	9	2	4	3
Мукомольно-крупяная	6	71	11	6	0	6
Полиграфическая	6	47	35	3	0	9

Источник: Центр экономической конъюнктуры.

Одновременно в 1997 году явно активизировался процесс замены руководителей промышленных предприятий, прежде всего, в топливной промышленности, машиностроении и металлообработке. Его можно трактовать как признак активизации структурных изменений в промышленности. Помимо этого, наблюдается быстрый рост количества дел о банкротстве: число принятых Арбитражным судом решений о банкротстве предприятий увеличилось с 469 в 1995 году до 919 в первом полугодии 1997 года.

Тем самым в современной российской экономике можно выделить четыре группы отраслей (предприятий), классифицируемых согласно их текущим характеристикам и отношению (с точки зрения перспектив устойчивого роста) к задаваемым правительством параметрам экономической политики.

Во-первых, сырьевые и энергетические отрасли, являющиеся преимущественно экспортоориентированными. Их положение зависит исключительно от уровня мировых цен на соответствующие виды продукции и от внешнеэкономического режима страны. Они заинтересованы в создании либеральной экономической системы, в отсутствии протекционизма, в макроэкономической стабильности как условиях эффективной инвестиционной деятельности.

Во-вторых, отрасли экспорта «промежуточной продукции», прежде всего черная и цветная металлургия, химия и нефтехимия, а также производители идущей на экспорт военно-технической продукции. Факторы, воздействующие на их положение, — те же, что и в первой группе, но с добавлением еще одного существенного момента — цен на продукцию и услуги естественных монополистов. Завышение этих цен подрывает эффективность экспорта промежуточных товаров.

В-третьих, производители продукции, конкурентной на внутреннем рынке. Прежде всего, это машиностроение и металлообработка, часть химической, медицинская и микробиологическая промышленность (особенно производство лекарственных средств), мукомольная, комбикормовая, пищевая промышленность. Для таких отраслей ключевую роль играют стабильность национальной валюты (как фактор обеспечения устойчивости внутреннего спроса), высокий реальный курс рубля (как фактор противодействия импорту), обуздание естественных монополий. Протекционистская политика, будучи для этих секторов небесполезной, не имеет для их развития решающего значения, а для ряда производств (требующих импортных комплектующих или оборудования) протекционизм недопустим.

Наконец, *в-четвертых*, те сектора экономики, которые не могут адаптироваться к условиям рыночной конкуренции и требуют для своего развития государственной поддержки

(и регулирования), дешевых денег, «защиты отечественного производителя». К ним относятся некоторые подотрасли машиностроения, легкая промышленность. Очевидно, лишь предприятия четвертой группы ориентируются на явно выраженные антирыночные приоритеты. Все остальные так или иначе находят свое место в открытой рыночной экономике.

* * *

Есть реальные основания полагать, что описанные тенденции будут достаточно устойчивыми, что было бы весьма благоприятно для перспектив развития российской экономики и политики. Но существует по крайней мере два других сценария, безусловно менее благоприятных.

С одной стороны, еще нельзя исключать возможность поворота макроэкономического курса к экономике популизма, что повлечет за собой срыв наметившихся тенденций к росту и возвращение к биполярной хозяйственной структуре.

С другой стороны, фактором неопределенности является характер институциональных преобразований в российской экономике и особенно новые контуры системы отношений собственности. Скажем, один вариант развития событий — формирование конкурентной среды, где разные типы предприятий образуют основу для функционирования разных групп интересов. Другой вариант — укрепление олигополистических тенденций, когда экономическое пространство страны оказывается поделенным между небольшим числом крупных финансово-промышленных групп со своими экономико-политическими интересами, а последним уже оказываются подчинены и интересы развития отдельных производств и секторов народного хозяйства.

Однако, опираясь на реальные тенденции структурной трансформации российской экономики, можно сделать ряд выводов по поводу изменений в раскладе сил между *уже существующими* группами экономических интересов, а также возможностей федеральной власти влиять на социально-экономические процессы.

Прежде всего, существенно ослаблены антирыночные группы, составляющие социальную базу для левых партий. Благодаря этому можно прогнозировать некоторое снижение политической напряженности в обществе и постепенное «вымывание» из политической элиты сторонников ортодоксальной импортозамещающей линии. Об этом свидетельствуют изменения в составе правительства на протяжении последних двух лет.

В таких условиях правительство получает дополнительные возможности для проведения не зависящего от отдельных групп интересов курса, более полно отражающего реальные национальные интересы. Теперь оно может опираться в своих решениях на более широкие коалиции (а не на полярные группы) и одновременно использовать в своих целях противоречия интересов отдельных групп. Например, поддерживая общий либеральный экономический режим, ужесточать госконтроль за деятельностью естественных монополий, что совсем недавно было по политическим причинам нереально, так как требовало поддержки антирыночных, антилиберальных сил. Или использовать противоречия между финансовыми группами, заинтересованными в развитии различных отраслей и производств.

Разумеется, все сказанное не позволяет сделать однозначный вывод об окончательном успехе рыночных реформ. Существуют, по крайней мере, два «фактора риска», два разнопорядковых, но взаимосвязанных источника опасности потери устойчивости исполнительной власти и ее экономического курса.

Один связан с естественным для современной российской ситуации стремлением крупнейших предпринимателей к установлению контроля над политической властью. Это может объединить их усилия, хотя такое объединение не будет стабильным. А последствия еще более опасны — обострение борьбы за новые переделы сфер влияния совершенно неизбежно. Заложником такой борьбы окажется, естественно, социально-экономическая жизнь страны.

Другой фактор риска — способность правительства решить сейчас ряд острых задач в различных сферах макроэкономической политики. Прежде всего, это стабилизация бюджета и преодоление хронической бюджетной

задолженности, налоговая реформа, реформа межбюджетных отношений, реконструкция отраслей социальной сферы. Если эти задачи не будут решены, возможны серьезные потрясения социально-политического характера. И здесь опыт ведущих латиноамериканских стран может быть исключительно полезен — практически все они, добившись обуздания инфляции, сталкивались с аналогичным комплексом бюджетных и социальных проблем и должны были проводить соответствующие реформы (административную, бюджетную, пенсионную и т. д.).

Итак, на рубеже 1997–1998 годов Россия в очередной раз оказалась перед развилкой. Нужно сделать выбор в вопросе о принципах взаимоотношений власти и бизнеса. От этого выбора зависят механизмы и политические формы функционирования российского государства и всей экономической системы.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И УРОКИ ФИНАНСОВОГО КРИЗИСА

С осени 1997 года Россия жила под угрозой финансово-экономического краха. Кризис развивающихся рынков (emerging markets) постепенно подбирался к России, угнетающе воздействуя как на государственные финансы, так и на общее состояние деловой активности.

Собственно, страна находится в кризисе уже на протяжении десяти лет. Однако в течение 1995–1997 годов наблюдались определенные положительные сдвиги, которые стали особенно заметны к середине 1997 года. Месячная инфляция измерялась десятками долями процента, реальные процентные ставки опустились ниже 10% годовых, быстро повышался объем кредитования банками реального сектора, что обусловило прекращение спада и начало экономического роста. Благоприятные сдвиги наметились в структуре промышленности: в 1997 году быстрыми темпами росли отрасли,

ориентированные на внутренний спрос (машиностроение и в первую очередь автомобильная промышленность, химическая, медицинская, полиграфическая, отдельные секторы легкой и пищевой промышленности). На этом фоне наблюдалось некоторое улучшение социальных индикаторов — снижались уровень преступности, заболеваемость, стабилизировалась продолжительность жизни.

Однако стабилизация все же не смогла стать устойчивой и заложить основы здорового экономического роста в условиях рыночной демократии. Почему? На этот вопрос можно найти много различных ответов, и от выбора того или иного варианта ответа зависит выбор стратегии социально-экономического развития России в обозримом будущем.

Разумеется, существовал и существует набор экзогенных факторов, обусловивших дестабилизацию финансово-экономической обстановки в России. Это — начавшийся в Азии и вскоре охвативший весь мир финансовый кризис, а также падение мировых цен на энергоресурсы и сырье — важнейшие статьи российского экспорта. Однако подобная уязвимость российской экономики — результат собственных, внутренних проблем функционирования экономико-политической системы, выявление которых и представляет основной интерес в аспекте как понимания причин кризиса, так и определения путей выхода из него.

Бюджетный дефицит как политическая и конституционная проблема

Ключевой проблемой экономики посткоммунистической России после подавления инфляции оказался бюджетный дефицит. Превышение расходов государства над доходами было устойчивым и воспроизводилось из года в год. Невозможность покрытия расходов за счет налоговых поступлений сделала необходимым заимствование финансовых средств на внутреннем и внешнем рынках, что значительно ослабило национальную экономику.

Механизмом воспроизводства бюджетного дефицита было сокращение налоговых поступлений. Как показала

практика 1996–1998 годов, периодически предпринимавшиеся попытки усиления политического и административного давления на экономических агентов с целью заставить их платить налоги могли дать лишь краткосрочные результаты. Нетрудно заметить, что *все три группы причин*, обусловивших кризис доходной базы бюджета, носят в значительной мере *политический характер*.

Во-первых, *сохранение политической нестабильности в стране*, ограничивавшее готовность и способность власти собирать налоги. Так, исследования ИЭППП показали, что наиболее резкое сокращение налоговых поступлений происходило как раз в моменты серьезного ослабления политических позиций федеральной исполнительной власти, а улучшение сбора налогов — в момент, когда власть временно консолидировалась¹.

Во-вторых, угнетающее воздействие несбалансированности бюджета *на состояние налоговой базы*. Несбалансированность бюджета вела к росту долгов федерального бюджета, что, в свою очередь, обуславливало быстрый рост общего уровня неплатежей, в том числе и налоговых².

В-третьих, *принципиальная ограниченность возможности государства* (и особенно демократического) *собирать налоги сверх определенного уровня*. Разумеется, количественно установить этот уровень можно лишь весьма условно. Однако опыт разных стран мира показывает, что прослеживается связь между уровнем экономического развития той или иной страны и возможной налоговой (точнее, бюджетной) нагрузкой на экономику³. Этот вопрос особенно важен для понимания характера переживаемого в настоящее время Россией кризиса, и потому мы рассмотрим его более подробно.

Достаточно убедительным является вывод о наличии прямой корреляции между уровнем экономического развития

¹ См. подробнее: Экономика переходного периода. М.: ИЭППП, 1998. С. 297–302.

² См.: О связи между несбалансированностью бюджета и уровня неплатежей см.: Экономика переходного периода. С. 1032–1033.

³ См.: Гайдар Е. Тактика реформ и уровень государственной нагрузки на экономику // Вопросы экономики. 1998. № 4. С. 4–13.

страны и долей бюджета в ВВП¹. Более развитые страны могут перераспределять через бюджет большую долю производимого продукта. Причем ключевым моментом здесь выступает именно возможность, а не необходимость такого перераспределения. США, будучи одним из лидеров по уровню экономического развития, перераспределяют через бюджет значительно меньшую часть ВВП, чем, например, Испания. Противоположный пример — страны с устойчивыми социал-демократическими традициями (Швеция, Норвегия). Тем не менее при прочих равных условиях страны, заметно отстающие по уровню своего развития, характеризуются и меньшей долей бюджетной нагрузки.

Подобная схема существенно усложняется, если принять во внимание политический фактор. Тогда выясняется, что отмеченная закономерность действует лишь в странах с демократическими режимами. Авторитарные режимы, отрицающие гражданские права и парламентский контроль за бюджетом, могут позволить себе концентрировать в руках государства гораздо большую долю ресурсов, нежели при демократическом правлении. Именно такая ситуация сложилась в коммунистических странах, и именно поэтому все они, вступив на путь рыночной демократии, столкнулись с проблемой снижения бюджетной нагрузки, или, иными словами, сокращения социальных обязательств государства.

Отсюда становятся понятнее и бюджетные проблемы России. Будучи по уровню экономического развития одной из последних в ряду демократических государств, по бюджетной нагрузке страна находится на уровне США². Эта нагрузка практически невыносима для страны, экономические агенты которой являются одновременно и политическими агентами (избирателями).

Здесь, собственно, и кроется серьезная ошибка в определении существа бюджетного кризиса и соответственно выработки механизма его преодоления. Бюджетный кризис

¹ См.: The World Bank. *From Plan to Market*. Washington, DC: Oxford University Press, 1996. P. 114.

² См.: The World Bank. *The State in a Changing World*. Washington, DC: Oxford University Press, 1997. P. 240–241; Россия в меняющемся мире / Под ред. А. Илларионова. М.: ИЭА, 1997. С. 257–260.

в посткоммунистической России является политическим не потому, что у правительства не хватает политической воли бороться с сокрытием налогов и налоговыми недоимками. Политический характер бюджетного кризиса отражает несовместимость демократического режима, высокой доли изъятия доходов в государственный бюджет и невысокого уровня экономического развития страны.

Ошибочное понимание природы бюджетного кризиса предопределяет и ошибочные действия по его преодолению. Как известно, на протяжении 1996–1998 годов акцент делался на улучшении собираемости налогов: или путем усиления налогового администрирования, или при помощи совершенствования налоговой системы и налогового законодательства. Данный вопрос был в центре внимания исполнительной власти, его решение служило критерием для международных финансовых институтов при предоставлении России займов, к нему проявляли повышенный интерес руководители и аналитики ведущих инвестиционных банков.

Власти предпринимали немалые организационные и политические усилия по улучшению сбора налогов. Расширялись функции налоговой службы: ее руководитель получил ранг министра, а затем и вице-премьера. Огромные усилия были затрачены на разработку Налогового кодекса, который, впрочем, так и не был принят Государственной думой. Осуществлялись обходные маневры, нацеленные на повышение роли тех налогов, которые по техническим причинам собирались лучше. Последнее особенно наглядно проявилось в провозглашенном С. Кириенко тезисе о целесообразности усиления налогообложения потребления при облегчении налогового бремени производителя, что на деле означало лишь перенесение акцента с прямых налогов на косвенные. Проводимые меры если и давали результат, то лишь весьма ограниченный (порядка одного процентного пункта ВВП) и краткосрочный, вслед за чем собираемость налогов вновь падала до прежнего уровня или ниже. И хотя в итоге задача недопущения дальнейшего резкого падения доходов бюджета была решена, тем не менее оказалось невозможным обеспечить существенное и устойчивое приращение

доходов до уровня, приближающегося к расходным обязательствам государства.

Иными словами, ключевым моментом балансирования бюджета должна была стать реструктуризация расходов, включая их сокращение, — вопрос исключительно болезненный как с политической, так и с социальной точек зрения. Правительство в рассматриваемый период (особенно на рубеже 1997–1998 годов) провело довольно решительные меры по наведению порядка в расходовании средств федеральных и местных бюджетов, а кабинетом С. Кириенко в июне-июле 1998 года была даже разработана и одобрена специальная программа. Однако, по существу, данные меры носили характер упорядочивания расходов, представляли собой попытки выявления и ликвидации нерациональных расходов, тогда как проблема была гораздо более сложной и одновременно ясной: государство должно было отказаться от значительной части своих обязательств, выполнение которых стало практически невозможно.

На пути решения этой задачи встали особенности российской конституционной системы. Выяснилось, что препятствием здесь служит заложенный в Конституцию 1993 года механизм формирования институтов власти. Режим сильной президентской республики предполагал, в частности, ограничение популистской и лоббистской активности законодательного корпуса. Однако на практике независимость от Думы не только ограждала правительство от популизма, но и формировала для депутатов комфортную и политически выигрышную ситуацию, когда парламент не несет ответственности за результаты реализуемого социально-экономического курса. Особенно ярко это проявлялось в процессе прохождения через Думу федерального бюджета.

Более того, в данных конституционных условиях у депутатов не только отсутствует желание разделить ответственность с правительством за социальные последствия принятия нереального бюджета. У оппозиционного большинства Думы возникает стимул к противоположным действиям. Экономическая нестабильность является серьезным фактором политической нестабильности и создает благоприятные

условия для победы оппозиции на парламентских и президентских выборах.

Еще одна проблема — угнетающее воздействие бюджетного дефицита на состояние налоговой сферы. Несбалансированность бюджета воспроизводит в расширенном масштабе неплатежи, в том числе и неплатежи в бюджет.

Консолидация власти и политические конфликты в условиях финансового кризиса

Другая группа факторов, ведущих к резкому обострению финансового кризиса, связана с разрушением социально-политической базы либерально-стабилизационного макроэкономического курса 1995–1997 годов. Среди влиятельных групп интересов, обеспечивавших поддержку этого курса, были эффективные экспортоориентированные отрасли, а также банки¹. Стабильность рубля создавала благоприятные условия для их деятельности. Однако в 1997 году ситуация начала меняться.

Во-первых, падение мировых цен на энергоносители и металлы обусловило заинтересованность экспортеров в снижении курса национальной валюты, и тем самым фактически они встали на сторону проинфляционно настроенных сил. Во-вторых, резко увеличилось давление нефтяного лобби в сторону снижения акцизов, что не могло не сказаться негативно на состоянии федерального бюджета и, следовательно, на макроэкономической стабильности.

В таких условиях девальвация была практически неизбежной, если бы не ситуация, сложившаяся в банковской системе. Значительные валютные обязательства ведущих российских коммерческих банков в случае существенного снижения курса рубля ставили их на грань банкротства, что выступало важным фактором, противодействующим девальвации. При этом реальная ситуация оказывалась еще более сложной, поскольку банковский и нефтегазовый бизнес в посткоммунистической России были тесно переплетены.

¹ См.: Экономика переходного периода. М.: ИЭППП, 1998. С. 157–165.

Наконец, серьезным фактором внутренней дестабилизации стала резко обострившаяся борьба между различными группировками элиты российского бизнеса, в которую оказалось вовлечено и правительство. Бюджетный кризис заставил кабинет в 1997 году усилить внимание к собираемости налогов, с одной стороны, и к финансовым результатам приватизации — с другой.

Борьба за налоговую дисциплину осложнила отношения правительства с ведущими экспортоориентированными и исключительно влиятельными в политическом аспекте компаниями, прежде всего с РАО «Газпром» и нефтяными компаниями. Именно от этих компаний, дающих значительную долю поступлений в федеральный бюджет, в первую очередь потребовали соблюдения налоговой дисциплины и погашения долгов перед государством. Одновременно были предприняты шаги по усилению реального государственного контроля за деятельностью «Газпрома» — организации, которая, несмотря на свой естественномонопольный характер и наличие у государства блокирующего пакета акций, фактически находилась под полным контролем высшего менеджмента (с последним формально был заключен трастовый договор по управлению государственным пакетом акций). От «Газпрома», как и от других компаний — экспортеров энергоресурсов, потребовали перехода на современные формы организации бухгалтерского учета, обеспечивающие гораздо большую прозрачность хозяйственно-финансовой деятельности.

Естественная негативная реакция на подобные действия правительства, непривычные и в принципе неприятные для данных компаний, подкреплялась двумя группами факторов. Во-первых, высокий уровень неплатежей в народном хозяйстве и особенно неплатежей со стороны бюджетных организаций позволял энергетикам утверждать, что задолженность по налогам является результатом неплатежей за поставку соответствующих энергоресурсов (в первую очередь это касалось РАО «Газпром» и РАО «ЕЭС России»). Во-вторых, усилия по повышению собираемости налогов предпринимались в условиях быстрого падения мировых цен на нефть, что объективно еще более осложняло положение соответствующих компаний

и давало им повод обвинять правительство в целенаправленном подрыве нефтяной отрасли. Разумеется, укрепление финансовой прозрачности способствовало бы снижению издержек и повышению эффективности хозяйственной деятельности, но решительно противоречило интересам собственников и менеджмента этих фирм.

В 1997 году произошел и пересмотр отношения власти к приватизации, когда на первый план выдвинулись задачи пополнения бюджета. Это существенно отличалось от характерной для предшествующего периода модели, когда приватизация рассматривалась преимущественно как инструмент укрепления политической базы исполнительной власти. Попытка государства получить максимальную выручку от продажи акций ряда крупных и весьма привлекательных компаний вызвала резкое недовольство среди банковской элиты, ранее ориентированной на поддержку исполнительной власти. Особо острые разногласия вызвали результаты продажи крупных пакетов акций «Связьинвеста» и РАО «Норильский никель», а также перспективы приватизации компании «Роснефть». Началась затяжная «банковская война», обусловившая существенное снижение эффективности функционирования правительства.

Итогом всех этих событий стало усиление политической борьбы внутри самого кабинета (прежде всего между председателем и его двумя первыми заместителями), и с декабря 1997 года дееспособность правительства оказалась резко ослабленной. Блокировалось принятие практически любого значимого решения. Наиболее типичной иллюстрацией сложившейся ситуации является история с попыткой ареста имущества некоторых крупных нефтяных компаний — неплательщиков налогов, решение о чем было принято А. Чубайсом и отменено В. Черномырдиным (декабрь 1997 года). Сходные проблемы возникали при перераспределении обязанностей между руководителями правительства (январь 1998 года).

Формирование нового кабинета в марте 1997 года породило определенные надежды, что выразилось как в значительном снижении забастовочной активности, так и в положительных сдвигах в результатах опросов общественного мнения (см. рис. 1–3).

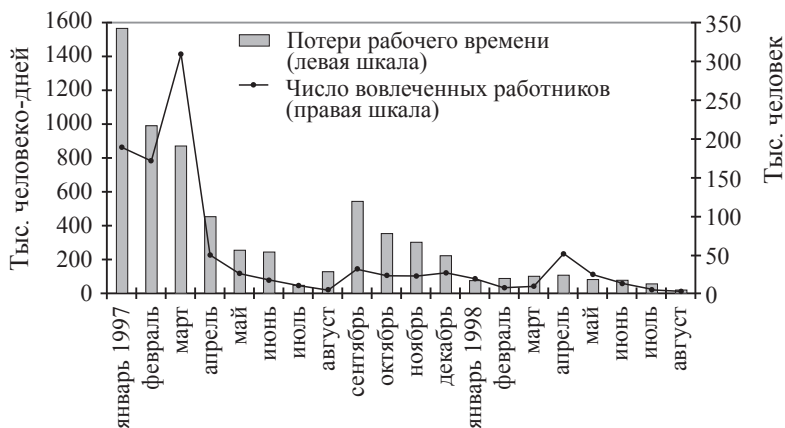


Рис. 1. Динамика численности участников забастовок и потерь рабочего времени

Источник: Госкомстат РФ.

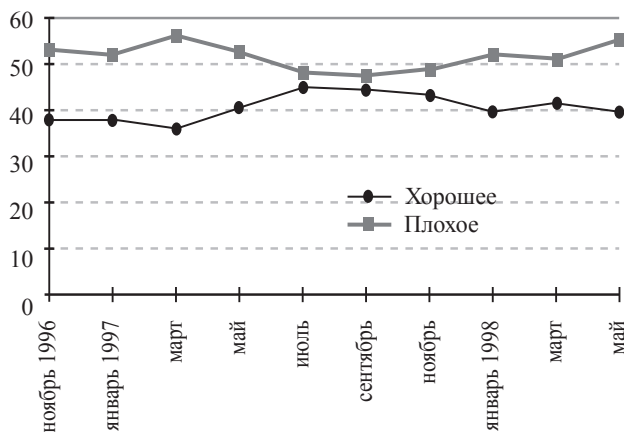


Рис. 2. Что бы вы могли сказать о своем настроении в последние дни? (% к числу опрошенных)

Источник: ВЦИОМ.

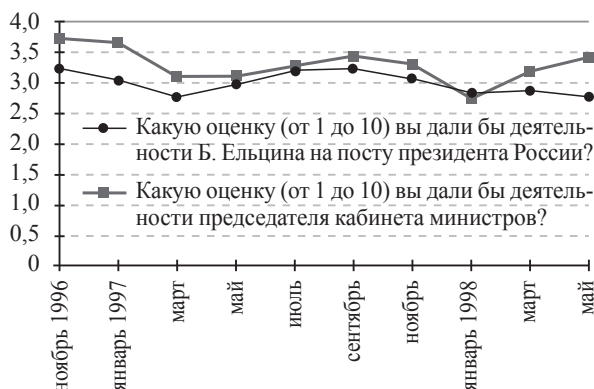


Рис. 3. Отношение к деятельности президента и правительства

Источник: ВЦИОМ.

Однако с начала 1998 года ситуация меняется. Ухудшение финансового положения и скандалы в высших эшелонах исполнительной власти привели к ослаблению ее поддержки в обществе. С начала 1998 года вновь возобновился рост бюджетной задолженности (см. рис. 4), касавшийся в первую очередь военнослужащих и работников социальной сферы. Соответственно росло, хотя и не очень быстро, количество участников забастовок, увеличилось число недовольных как своим положением, так и деятельностью властей.

Естественным следствием подобного хода развития событий стала отставка кабинета В. Черномырдина в марте 1998 года.

Финансовый кризис и правительство С. Кириенко

Одним из вопросов, возникающих в ходе анализа экономико-политических процессов 1998 года, является оценка факта отставки В. Черномырдина и формирования нового правительства. Объяснение целесообразности этого решения сводилось по крайней мере к следующим трем аргументам, впрочем, достаточно тесно связанным друг с другом.

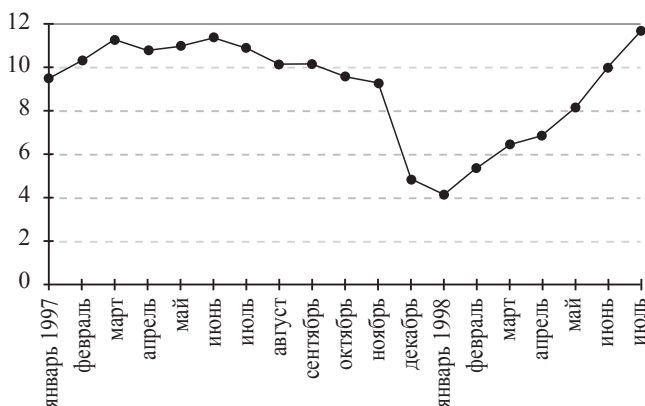


Рис. 4. Задолженность бюджета по выплате заработной платы (трлн неденоминированных руб.)*

* Данные по восьми секторам: промышленность, строительство, транспорт, сельское хозяйство, образование, здравоохранение, наука и искусство.

Источник: Госкомстат РФ.

Во-первых, излишняя политизированность кабинета не позволяла ему в должной мере сосредоточиться на решении текущих хозяйственных проблем. Такой упрек прямо сформулировал Б. Ельцин, мотивируя свое решение об отставке. Особенно это касалось явно нацеленного на будущие президентские выборы В. Черномырдина.

Во-вторых, социально-экономическая ситуация снова стала ухудшаться, что нашло отражение в торможении начавшегося было роста производства, а также в возобновлении роста бюджетной задолженности по зарплатам и пенсиям.

В-третьих, резко снизилась эффективность работы правительства, что было связано с обострением внутри правительственной политической борьбы. Стало ясно, что кабинет, включающий двух потенциальных претендентов на президентский пост (В. Черномырдин и Б. Немцов), не может принимать реальные меры по выводу страны из кризиса.

Приведенные аргументы достаточно очевидны, и поэтому коренная реорганизация правительства была неизбежной.

Хотя остается открытым вопрос: должна ли была эта реорганизация проводиться путем замены премьера или же, наоборот, укрепления его позиций за счет отставки других членов кабинета? Выбор принятого варианта был продиктован необходимостью усиления командного подхода и профессионализма (или технократизма) в ущерб политическому весу. Он имел как преимущества, так и недостатки, которые вскоре проявились в полной мере.

Новое правительство должно было стабилизировать ситуацию в стране и ослабить воздействие мирового финансового кризиса на российскую экономику. Основными задачами, которые ставило в этой связи правительство С. Кириенко, были следующие:

- недопущение девальвации рубля;
- недопущение дефолта по государственному долгу;
- преодоление платежного кризиса и выплата долгов государства получателям бюджетных средств;
- реализация промышленной политики с целью поддержания начатого в 1997 году экономического роста.

Нетрудно увидеть противоречивость перечисленных задач. И естественно, в условиях обостряющегося финансового кризиса основные усилия были сосредоточены на решении макроэкономических проблем, которые, впрочем, создавали базовые предпосылки и для проведения осмысленной промышленной политики.

Проблема недопущения девальвации была в этом ряду задач ключевой. Однако такой подход находил и находит многочисленных оппонентов, поскольку падение цен на нефть и соответственно ухудшение торгового и платежного балансов ставили вопрос о девальвации на повестку дня. Однако и правительство В. Черномырдина, и правительство С. Кириенко концентрировали свои усилия на недопущении резкого снижения курса рубля. Причины выбора такой стратегии кроются в основном в социально-политической сфере. Девальвация ведет к резкому скачку инфляции, прежде всего на рынке потребительских товаров, а также влечет за собой крушение банковской системы. И то и другое может иметь непредсказуемые социальные последствия. Кроме

того, зависимость российского бюджета от внешних заимствований надолго подорвала бы доверие международных финансовых кругов к российскому рынку. Наконец, девальвация обуславливала значительное удорожание обслуживания внешнего долга с высокой вероятностью дефолта. Политическими последствиями могли бы стать не только рост социального недовольства, но и смена существующего политического режима.

Реорганизация правительства совпала с переходом финансового кризиса в России в качественно новую фазу. В марте-апреле объем поступлений в федеральный бюджет начинает устойчиво отставать от потребностей по обслуживанию и погашению внутреннего долга, а доходы от ГКО окончательно перестают быть дополнительным источником бюджетных средств, и новые размещения ГКО полностью идут на покрытие выплат по предыдущим заимствованиям (см. рис. 5).

В этих условиях для реализации поставленных целей правительство разрабатывает комплекс мер по стабилизации

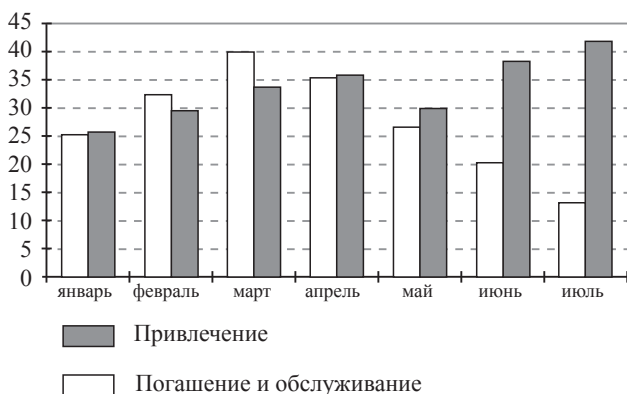


Рис. 5. Заимствования на внутреннем рынке и объемы погашения и обслуживания внутреннего долга, 1998 год (млрд руб. в мес.)

Источник: ИЭППП.

финансовой ситуации и восстановлению доверия инвесторов. Основными компонентами данной программы являются: повышение собираемости налогов, ужесточение контроля за деятельностью естественных монополий, получение дополнительных финансовых ресурсов от приватизации. Расчет строился и на возможности получения дополнительных ресурсов от международных финансовых организаций, поддержка которых стала бы дополнительным фактором восстановления доверия к России со стороны иностранных и отечественных держателей свидетельств государственно-го долга.

Таким образом, налицо была попытка возвращения к курсу кабинета министров образца весны-лета 1997 года, связываемого прежде всего с именами Б. Немцова и А. Чубайса. Этот курс получил окончательное организационное оформление с фактическим возвращением последнего в правительство в качестве специального представителя президента на переговорах с международными финансовыми организациями.

Однако реальная ситуация развивалась отнюдь не так, как в 1997 году. Собираемость налогов не только не удалось повысить, но, наоборот, в мае произошел спад в доходах федерального бюджета, который так и не был компенсирован в дальнейшем. Провалились попытки реализации крупномасштабных приватизационных проектов, что обернулось новыми потерями для федерального бюджета. Борьба с естественными монополиями не была столь успешной, как годом ранее. А инвесторы продолжали бежать из страны. Ряд факторов объективного и субъективного характера обусловил данные отличия.

К внешним факторам можно причислить продолжение мирового кризиса и дальнейшее ухудшение экономической ситуации в Азии, особенно в Японии. Отношение инвесторов к развивающимся рынкам становилось во все большей степени негативным, и Россия была лишь одним звеном в цепи этого кризиса. Дополнительные проблемы создавали слухи о вероятном повышении ставок Федеральной резервной системы США, и, хотя они так и остались слухами,

портфельные инвесторы склонялись к менее рискованным вложениям в Северной Америке и Европе.

В подобной ситуации новый премьер не смог обеспечить координацию действий членов команды. Отношения между Министерством финансов и Центральным банком России оставались крайне напряженными. Заявления руководителей обоих ведомств нередко были противоречивыми и приводили к дестабилизации обстановки в стране. Подобные информационные рыночные сигналы лишь усиливали сомнения мирового финансового сообщества в компетенции российских денежных властей. Примерами этого могут быть заявления С. Дубинина о том, что в России грядет долговой кризис, М. Задорнова о том, что Россия не заинтересована в получении помощи от МВФ, и т. п.

С. Кириенко так и не добился хотя бы внешней корректности и согласованности действий команды. Когда же сразу по получении займа от МВФ 20 июля ЦБР пошел на арест счетов Минфина, а последний объявил о намерении занять на внутреннем рынке за один день сумму, превышающую месячные налоговые поступления федерального бюджета, кризис власти в Москве стал очевидным практически для всех инвесторов. Подчеркнем, это было отношение, прежде всего, к политической стороне дела, к неспособности политического руководства обеспечить стабильность и последовательность действий денежных властей, а не только (и даже не столько) реакция на конкретные финансово-бюджетные проблемы.

Политическая слабость правительства и лично С. Кириенко проявилась и в их уязвимости по отношению к нефтяному лобби. Необходимость сбора налогов сочеталась со стремлением помочь руководству нефтяных компаний в условиях дальнейшего падения мировых цен на нефть. Попытка увязать уплату налогов с доступом к «трубе» вызвала резкое сопротивление нефтяников, чьи политические позиции укрепились благодаря появлению их представителя на посту министра топлива и энергетики. Да и сам премьер не был склонен к активным действиям по отношению к нефтяным компаниям.

Будучи политически ослабленным, правительство не смогло оказать должного воздействия на естественные

монополии, чтобы заставить их обеспечить «прозрачность» финансово-хозяйственной деятельности и возратить долги государству. Давление, как обычно, началось с Газпрома, тем более что его политический вес относительно снизился после отставки В. Черномырдина. Газпрому пришлось заплатить, однако руководство кабинета вынуждено было пойти на серьезные компромиссы, лишь подчеркнувшие слабость его политических позиций. Подобное положение стало еще одним фактором дальнейшего снижения общего уровня доверия к правительству, в том числе и со стороны участников фондового рынка.

Все это отразилось и на способности правительства осуществлять приватизационные сделки в бюджетных целях. Разумеется, обстановка финансового кризиса существенно ухудшает возможности по привлечению ресурсов от приватизации. Однако на это общее ограничение накладывался и дополнительный фактор — борьба потенциальных участников сделок за снижение цены приватизируемых объектов. Последнее достигалось как путем отказа выставлять заявки при объявлении торгов (инвестиционных конкурсов), так и через попытки вывести из игры своих потенциальных конкурентов. Наиболее иллюстративным примером было решение о возможности ареста имущества Газпрома как раз в тот момент, когда его руководитель вел переговоры с зарубежными партнерами о создании консорциума для приобретения Роснефти.

В начале лета на финансовых рынках появились первые явные признаки дефолта. Ряд субъектов Федерации не смог в срок выполнить обязательства по своим ценным бумагам. Были просрочены региональные выплаты по агробондам. Хотя формально федеральное правительство не имело отношения к этим выплатам, сам по себе дефолт региональных бумаг стал дополнительным фактором усиления политической нестабильности. А предпринятые в ответ шаги федерального правительства по ограничению возможностей заимствования региональных властей на внешних финансовых рынках лишь еще более обострили его отношения с региональными политическими элитами.

Наконец, напряженными оставались отношения между исполнительной и законодательной ветвями власти. Преодоление кризиса предполагало объединение их усилий для принятия комплекса антикризисных законодательных актов, требовавших одобрения Федеральным собранием. Однако отношения с Думой, и без того весьма напряженные из-за насильственного утверждения нового премьера, продолжали обостряться по мере ухудшения социально-политической обстановки в стране. Непросто складывались и отношения с верхней палатой парламента ввиду невозможности выполнять обязательства по выплате региональных трансфертов и попыток ограничения финансовой самостоятельности местных властей. А неспособность властей договориться между собой по антикризисному пакету мер ставила под вопрос и перспективы помощи со стороны международных финансовых организаций.

Политические проблемы девальвации

Социально-политические последствия проведенной 17 августа 1998 года девальвации рубля достаточно очевидны и не нуждаются в подробных комментариях. Основными моментами здесь являются:

— во-первых, *усиление социального недовольства* из-за инфляционного скачка. Причем наиболее пострадали как раз слои и группы населения, поддерживающие новый социально-экономический и политический строй — зарождающийся средний класс, представители малого бизнеса и вообще жители крупных городов;

— во-вторых, *резкое ослабление политических позиций президента*. Настаивая на утверждении С. Кириенко на посту премьера, Б. Ельцин фактически взял на себя ответственность за результаты деятельности нового кабинета. Девальвация и дефолт стали мощным ударом по президенту, а отставка кабинета и политический кризис вкупе с финансовым привели к дальнейшему снижению доверия к Б. Ельцину и укреплению политических позиций тех, кто требовал смены конституционного строя. Объективно это обусловило укрепление

позиций законодательной ветви власти. А назначение поддерживаемого Думой Е. Примакова на пост премьера сделало последнего сильной легитимной политической фигурой;

— в-третьих, *заметная перегруппировка и изменение влияния различных групп интересов*. Прежде всего резко уменьшилась политическая роль «олигархов», в основном связанных с банковским и топливно-энергетическим бизнесом, что было обусловлено фактическим банкротством многих крупных банков и снижением финансовых возможностей энергетического экспорта. Увеличился политический вес ВПК, хотя пока неясно, каким будет соотношение сил его экспортного и неконкурентоспособного секторов. Усиливается и аграрное лобби;

— в-четвертых, вновь встал вопрос о *единстве страны*. Ослабление рубля и угроза товарного дефицита подтолкнули региональные власти к принятию жестких и зачастую незаконных (и даже неконституционных) мер по контролю за внутренним рынком. Был ограничен вывоз товаров за пределы регионов, предпринимались попытки взять под контроль властей цены, некоторые руководители начали препятствовать перечислению в центр федеральных налогов.

На этом фоне особый интерес представляет характер правительства, поскольку именно здесь теперь будет находиться центр выработки политических решений. Отчасти такое правительство напоминает кабинет министров образца 1993–1994 года. В условиях заметного укрепления проинфляционистских сил резко возросло и их представительство в правительстве, причем политическое влияние инфляционистов теперь гораздо больше, чем пять лет назад. Как и в 1993 году, кабинет включает представителей различных групп давления (военно-промышленное, аграрное, нефтегазовое лобби), причем с заметным их расширением за счет региональных (в связи с введением ряда губернаторов в состав президиума правительства). Тем самым можно говорить о «парламентаризации правительства» — процессе, подробно проанализированном нами пять лет назад¹.

¹ См.: Экономика и политика России в 1994 году. М.: ИЭППП, 1995.

В подобной ситуации ключевым становится вопрос о перспективах экономической политики нового кабинета. Таких вариантов фактически два, и ситуация во многом аналогична ситуации 1991 или 1996 годов (накануне президентских выборов). Речь идет о выборе между инфляционизмом и жесткой стабилизационной политикой, а этот вопрос является, по существу, политическим. Дело не только в том, что выбор сам по себе абсолютно не предопределен предыдущим развитием и именно правительству предстоит его сделать. Главная политическая проблема здесь — выбор тех социальных слоев и групп, которые «оплатят» тот или иной вариант экономической политики. Инфляционистский и стабилизационный варианты экономической политики принципиально различны с точки зрения социального контекста и последствий их реализации.

При инфляционном варианте прежде всего выигрывают банки. Банковский сектор России обязан своему расцвету именно инфляции 1992–1994 годов, и теперь, когда многие банки находятся в исключительно тяжелом положении, они могут быть спасены за счет кредитных ресурсов ЦБР — «дешевых денег». Сильно теряют предприятия, вписавшиеся в рыночную конкуренцию — причем как экспортеры, так и производители продукции, конкурентоспособной на внутреннем рынке. Финансовая нестабильность разрушает основу их функционирования, не позволяет принимать инвестиционные решения, разрабатывать проекты дальнейшего развития.

От инфляции в основном страдают крупные города — промышленные центры. Во-первых, ухудшается положение находящихся здесь предприятий, которые адаптировались к рыночной среде. Во-вторых, городское (и особенно столичное) население в гораздо большей степени зависит от непрерывности товарных потоков, чем жители деревень и малых городов. При обесценении денег прекращаются поставки продовольствия, поскольку сельскохозяйственные регионы начинают ограничивать вывоз продукции за свои пределы, а импорт резко сжимается. Жители же провинции, так или иначе связанные с сельским хозяйством, лучше

адаптируются к продовольственным проблемам. Развитие событий после 17 августа 1998 года уже наглядно продемонстрировало, что именно крупные города — прежде всего Москва — оказываются наиболее уязвимыми при резком скачке цен и дезорганизации товарных потоков¹.

Иначе развиваются события при осуществлении жесткой бюджетной и денежной политики. Ее неразрывной частью является ускорение структурной реконструкции народного хозяйства, банкротство и смена собственников у неэффективных хозяйственных агентов — как производственных предприятий, так и финансовых структур. Эта политика предполагает сохранение тесных связей страны с мировыми рынками товаров и капитала, поощрение конкуренции и ограничение государственного вмешательства в экономику.

Естественно, от подобного курса выигрывают эффективные предприятия и крупные города. В условиях твердого рубля у первых открываются благоприятные возможности для реализации инвестиционных программ. У жителей городов появляется больше стимулов к активной трудовой или предпринимательской деятельности. При наличии возможностей трудоустройства безработица, неизбежно связанная со структурной перестройкой экономики, также оказывается менее опасной для городских агломераций. Наоборот, перед банками и неэффективными предприятиями со всей остротой встают задачи реорганизации, зачастую весьма болезненной. Вероятен рост безработицы и прежде всего в провинции, где вакансий гораздо меньше, чем в больших городах.

¹ Нелишне напомнить, что основные политические катаклизмы в нашей стране в XX веке были непосредственно связаны с дезорганизацией товарных потоков и их влиянием на положение столиц и крупных городов. Крушение монархии явилось непосредственным результатом того, что в 1916 году губернаторы стали жестко ограничивать вывоз продовольствия за пределы своих губерний, а затем проблема снабжения столиц была резко усугублена транспортным кризисом. В 1927–1928 годах «великий перелом» был вызван тем, что крестьянство в условиях нарастающего товарного дефицита и реального обесценения червонца потеряло интерес к поставкам товаров населению и промышленности городов. Наконец, в 1990–1991 годах именно товарный дефицит и отсутствие реальной валюты привели к быстрой дезинтеграции страны и продовольственному кризису.

Впрочем, у описанных вариантов развития есть нечто общее и отнюдь не положительное. В обоих случаях имеет место сокращение социальных обязательств государства. При жесткой финансовой политике это происходит непосредственно — через урезание бюджетных расходов до уровня бюджетных доходов. Инфляция подразумевает такой же результат, обесценивая бюджетные пособия. Оба варианта порождают напряженность, но инфляционному, помимо прочего, присуща еще и социальная несправедливость, поскольку от роста цен в первую очередь страдают беднейшие слои населения.

Вероятность перехода к политике инфляционизма в настоящее время весьма высока. О необходимости прибегнуть к «контролируемой» эмиссии говорят почти все политики и экономисты. Правительство находится под мощным социальным и политическим прессингом, обусловленным крупной задолженностью федерального бюджета, а источника покрытия долга, кроме эмиссионного, нет. Руководство ЦБР не возражает против ослабления денежной политики, хотя и настаивает на принятии законодательного акта, который разрешал бы ему прямое финансирование бюджетного дефицита.

Еще более важно, что откровенно проинфляционистские позиции заняли представители некоторых нефтегазовых компаний и банков, до недавнего времени относившиеся к числу российских «олигархов». Инфляционизм банкиров понятен: в условиях глубокого кризиса и фактического банкротства ряда крупнейших банков единственным способом восстановления своего экономического и политического влияния является, как и в 1992–1993 годах, предоставление крупномасштабных рублевых кредитов ЦБР. Сложнее дела обстоят с нефтяным сектором. В принципе при наличии твердого рубля экспортные отрасли получают более благоприятные условия для развития. Однако сегодня ситуация для многих из нефтяных компаний оказывается весьма противоречивой. Во-первых, девальвация не оправдала в полной мере надежд на повышение эффективности топливно-энергетического экспорта,

что было вполне предсказуемо¹, поскольку экспортеры продукции с низкой добавленной стоимостью относительно мало выигрывают от девальвации. Во-вторых, экспортеры энергии в значительной степени зависят от импорта оборудования, и не могли не понести от девальвации убытки. В-третьих, нефтегазовый бизнес в настоящее время тесно связан с банковским, что, естественно, заметно влияет на позиции его лидеров. В-четвертых, и это представляется в современной ситуации особенно значимым, ужесточение бюджетной политики, равно как и валютного контроля, касалось бы прежде всего нефтегазового сектора, весомая часть валютной выручки которого оказывается за рубежом. Понятно, что эмиссионный механизм ослабил бы давление на этот сектор, поскольку дал бы правительству другой, в краткосрочном плане менее конфликтный способ финансирования бюджета.

Таким образом, вполне вероятным становится развитие событий по инфляционному пути с переходом в гиперинфляцию, за чем следует возвращение к стабилизационному курсу, но уже на гораздо более низком уровне бюджетного равновесия, то есть со значительно меньшей величиной социальных обязательств государства. Таков стандартный путь стран, проходящих через экономику популизма, примерами чего могут служить различные государства Латинской Америки².

Принципиальной особенностью развития событий как по инфляционному, так и по жесткому стабилизационному вариантам является их слабая совместимость с демократическим политическим режимом. Резкое недовольство определенных социальных групп может привести к крушению режима, если он не примет чрезвычайные меры по своей защите. Поэтому выход за рамки демократического поля в обозримом будущем представляется весьма вероятным. Остается, правда, открытым вопрос о том, будет ли подобный режим складываться в рамках действующей Конституции или вопреки ей.

¹ См.: *Май В.* Девальвация и мифотворчество // Эксперт. 1998. № 24.

² См. подробнее: *Май В.* Экономическая реформа и политический цикл в современной России // Вопросы экономики. 1996. № 6.

В целом Основной закон государства, принятый в 1993 году, предоставляет достаточно широкий простор для формирования системы «конституционного авторитаризма». Это было бы еще одним политическим последствием резкого обесценения национальной валюты, впрочем, вполне естественным в условиях слабого государства.

РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ ГЛАЗАМИ ЗАПАДНЫХ КРИТИКОВ

Часть первая «ПРОВАЛ» РОССИЙСКИХ РЕФОРМ И ОБВИНЕНИЯ В АДРЕС РЕФОРМАТОРОВ

Негативная оценка результатов российских реформ в последнее время стала общим местом в выступлениях западных экономистов. Ругать их становится так же модно, как «сидеть» на диете, не употреблять в пищу жира, «бороться» с холестерином. И, напротив, оправдывать или хотя бы объяснять логику развития событий в России, обращать внимание на достижения страны становится столь же неприличным и «социально опасным», как в США подавать даме пальто или, хуже того, говорить комплименты. Увы, все попытки взвешенного анализа российской посткоммунистической истории немедленно упираются в стену недоумения (или возмущения), а затем непременно следуют риторические вопросы типа: «Разве олигархи не разворовали страну?» или «Ельцин пьет горькую, не правда ли?» (Так в сталинском СССР в ответ на любой рассказ о росте

благосостояния американцев бдительный советский рабочий должен был гордо произнести что-то типа: «Зато у вас негров линчуют!»)

Конечно, российские реформы далеки от того, чтобы считать их феноменально успешными. Однако их опыт требует специального серьезного исследования, которое не должно сводиться ни к прокоммунистической истерике и экстремистским выкрикам, ни к псевдоакадемической риторике, когда весьма поверхностное знание фактов подменяется глубоким (а чаще не очень!) знанием теории.

Среди именно такого рода публикаций особо выделяются статья Дж. Стиглица «Куда ведут реформы?»¹ и ряд публикаций в журнале «Transition»². Это тем более печально, что Дж. Стиглиц — выдающийся экономист, по учебникам которого учатся во всем мире, а журнал «Transition» в первой половине 1990-х годов был весьма популярен среди российских реформаторов. Но что делать — мода есть мода, а, как известно из мира *haute couture*, она не знает границ и доходит порой до абсурда. Критиковать — так критиковать³, раз плохо — то все должно быть плохо, а любые изменения могут лишь ухудшать ситуацию. До чего доводит подобное увлечение, наглядно демонстрирует следующая цитата из добротной, в общем-то, работы Р. Роуза. Представляя результаты опросов общественного мнения весной 1998 года автор

¹ См.: *Stiglitz J. Whither Reform? Ten Years of the Transition. The World Bank. Paper Prepared for the Annual Bank Conference on Development Economics. Washington, DC: 1999. April 28–30.* Русский перевод этой статьи «Куда ведут реформы? (К десятилетнюю начала переходных процессов)» появился почти незамедлительно в журнале «Вопросы экономики» (1999. № 7. С. 4–30). Сноски в тексте приводятся по этому изданию, если не оговорено иное.

² Особенно показателен в этом отношении июньский выпуск журнала «Transition» за 1999 год и прежде всего следующие содержащиеся в нем материалы: *Situation of Russia's Poor Aggravates; Rose R. Distrusting Government Institutions, Russians Develop Survival Strategies; Morita T. Pretence of Market Economy and Legacy of Old Regime — Political Economy of System Transformation; Brovkin V. Wishful Thinking about Russia?; Milestone of Transition.*

³ Мы не включаем в сферу нашего анализа работы, выходящие за рамки экономической науки и научной этики. Увы, такое тоже встречается. Типичным примером является статья Д. Эллермана «Ваучерная приватизация как инструмент холодной войны» (Вопросы экономики. 1999. № 8. С. 99–111). Эта статья опубликована под рубрикой «Дискуссионный клуб» (*прим. ред.*).

пишет уже весной 1999 года: «По данным „Российского экономического барометра“, в начале 1998 года трое из пяти россиян обычно не получали начисленную заработную плату или пенсию; после августовского кризиса 1998 года эта доля, естественно, увеличилась (курсив мой. — В.М.)»¹. Р. Роуз твердо уверен, что иначе и быть не может, в то время как статистика свидетельствует об обратном — после кризиса и во многом в результате кризиса долги бюджета по зарплатам и пенсиям стали быстро сокращаться.

В настоящей статье мы намерены рассмотреть и прокомментировать ряд наиболее распространенных обвинений в адрес российских реформ и реформаторов, а также обратить внимание на весьма существенные особенности посткоммунистической трансформации России, которые обыкновенно оказываются вне поля зрения исследователей. Разумеется, мы не претендуем ни на исчерпывающий анализ всех доводов, представленных оппонентами, ни на разработку развернутой системы аргументов в пользу альтернативной точки зрения. Мы рассчитываем и на внимание читателя к другим нашим исследованиям и исследованиям наших коллег, где соответствующие вопросы анализируются более подробно.

Итак, по мнению критиков российских реформ, можно найти целый ряд подтверждений их провальному характеру. Рассмотрим главные аргументы.

Игнорирование китайского опыта

Поначалу о необходимости учета опыта китайских преобразований преимущественно говорили реформистски настроенные представители традиционной советской номенклатуры. Теперь этот тезис становится одним из самых любимых и для западных экономистов, рассуждающих о современной России². Позиции первой группы критиков в общем ясны: китайский

¹ Rose R. Distributing Government Institutions. Russians Develop Survival Strategies // Transition. 1999. No 6. P. 9.

² См., например: *Интрилиггейтор М.* Шокирующий провал «шоковой терапии» // Реформы глазами американских и российских ученых. М.: РЭЖ, 1996.

путь означал бы не только сохранение, но и упрочение их политического и хозяйственного влияния по крайней мере еще на пару десятилетий. Наиболее энергично в пользу движения по китайскому пути высказывался А. Вольский, о котором в начале 1990-х даже говорили как о прообразе российского Дэн Сяопина. Эта тема органически вписывалась и в риторику другого претендента на такое высокое звание — Е. Примакова. Теоретическое обоснование данного тезиса содержится в работах представителей Отделения экономики РАН¹, многие из которых стояли у истоков горбачевских реформ (Л. Абалкин, О. Богомолов, Д. Львов).

Действительно, суть китайского пути состоит в том, что власть остается в руках старой номенклатуры благодаря сохранению однопартийной системы и идеологической жесткости режима. Экономические преобразования проводятся постепенно и под контролем номенклатуры, а попытки альтернативной политической деятельности жестоко подавляются.

Однако забавно, что с рекомендациями лучше изучить китайский опыт и по возможности воспользоваться им выступают западные экономисты, воспитанные в традициях демократии и пресловутой «политкорректности»². Поэтому приведем несколько доводов как экономического, так и социально-политического характера, говорящих о неуместности китайской модели в современной России, да и, более того, даже в позднем СССР.

Политические причины, обуславливающие невозможность использования китайского опыта в посткоммунистической России, настолько очевидны, что даже как-то неловко повторять всем известные факты. Фундаментальной политической характеристикой этой модели является тоталитарный режим, способный через партийную вертикаль и органы госбезопасности осуществлять контроль за ситуацией

¹ В концентрированном виде эта концепция изложена в совместном докладе ряда видных экономистов России и США (Абалкин Л., Богомолов О., Макаров В. и др. Новая экономическая политика для России: Совместное заявление российских и американских экономистов // Независимая газета. 1996. 1 июля).

² Одним из первых среди известных западных экономистов (оставляя в стороне так называемых советологов) за использование Россией китайского опыта высказался М. Интриллигейтор.

в стране. Либеральные реформы были начаты в России на рубеже 1991–1992 годов в отсутствие не то что сильного государства, а государства как такового: СССР уже не было, а российский суверенитет существовал только на бумаге.

Таким образом, обвинения в игнорировании китайского опыта могут быть в лучшем случае адресованы М. Горбачеву и Н. Рыжкову, а также самим отечественным апологетам этого опыта, поскольку почти все они в период перестройки входили в высшую партийно-советскую элиту и должны были непосредственно участвовать в выработке стратегических направлений развития страны. Однако и упреки в их адрес также представляются малообоснованными. Нетрудно показать, что социальные и экономические условия СССР 1980-х годов существенно отличались от условий предреформенного и пореформенного Китая.

Социально-экономическая структура китайского общества была близка к советской, но не конца 1980-х годов, а периода НЭПа. Соотношение городского и сельского населения, структура ВВП и занятости, уровень грамотности, система социального обеспечения населения и коррелирующие со всеми этими показателями среднедушевой ВВП и бюджетная нагрузка на экономику (доля бюджета в ВВП) в СССР 1920–1930-х годов и в КНР 1980–1990-х годов в значительной мере совпадают. (Не вдаваясь в более подробное рассмотрение этого вопроса, отметим лишь, что китайская трансформация говорит о принципиальной возможности «мягкой» индустриализации неповской России¹.)

¹ Движение по пути постепенной индустриализации, через развитие крестьянских хозяйств, легкой и пищевой промышленности в советской истории связано с именем Н. Бухарина, выдвинувшего лозунг «Обогащайтесь!» (Точнее, воспользовавшегося лозунгом, выдвинутым примерно на сто лет раньше Ф. Гизо). Предложенная Бухариным модель индустриализации была заклеена Сталиным как «правый уклон», а ее приверженцы поплатились жизнью. На протяжении последующих десятилетий вопрос о жизнеспособности бухаринской модели, о ее совместимости с коммунистическим тоталитаризмом был предметом теоретических дискуссий. Китай продемонстрировал, что эта модель является реальной, практической альтернативой. Правда, здесь следует особо оговориться, что речь идет о принципиальной *экономической* возможности такого развития, но не о его *политической* реализуемости в конкретных советских условиях 1920–1930-х годов.

Иными словами, при сохранении политического авторитаризма для реализации модели ускоренного экономического развития принципиально важными являются три взаимосвязанных условия. Во-первых, достаточно *низкий уровень экономического развития*, выражающийся в наличии большого количества не вовлеченных в эффективное производство трудовых ресурсов (аграрное перенаселение). Во-вторых, *низкий уровень социального развития*, когда государство не принимает на себя характерный для развитого общества объем социальных обязательств. (Например, если в КНР социальным страхованием и пенсионным обеспечением охвачено не более 20% населения, то в СССР оно распространялось на все население.) Наконец, в-третьих, *низкий культурно-образовательный уровень*, когда демократизация еще не выступает одним из ключевых требований широких масс населения¹.

Все эти условия налицо в КНР и всех их не было в Советском Союзе 1980-х годов. Поэтому те, кто выражает сожаление, что Горбачев не пошел по пути Дэн Сяопина, или рекомендует России учиться у Китая, должны согласиться со следующими базовыми предпосылками такого развития. Прежде всего, правительству следует отказаться от социальных обязательств и перестать платить большую часть пенсий и социальных пособий. Правительству следует также сократить объем бесплатных услуг в области здравоохранения и образования, и таким путем снизить уровень бюджетной нагрузки в ВВП с нынешних 36–40% до примерно 20–25%². Однако, насколько нам известно, адепты китайских рецептов по большей части мотивируют необходимость их применения деградацией социальной сферы в России. Но

¹ О взаимосвязи политических и экономических факторов горбачевских реформ и развития посткоммунистической России см. подробнее: Экономика переходного периода. Очерки экономической политики посткоммунистической России (1991–1998). М.: ИЭПП, 1998. Гл. 1–3.

² Надо сказать, что наиболее последовательные (хотя последовательные не в социализме, а в либерализме) экономисты именно так и утверждают, объясняя уровнем бюджетной нагрузки на ВВП причины столь разительного расхождения темпов роста коммунистического Китая и посткоммунистической России (Илларионов А. Секрет китайского экономического «чуда» // Вопросы экономики. 1998. № 4; Авен П. Экономика торгова // Комерсантъ. 1999. 27 января).

тогда подобные рекомендации уходят из сферы реальной экономической политики в область благородных, но бесполезных мечтаний¹.

Подчеркиваем: вопрос не в том, были ли стартовые условия в Китае более благоприятными или менее благоприятными, чем в СССР начала перестройки. Этот вопрос требует самостоятельного обсуждения, и здесь недостаточно просто бросить фразу типа: «У Китая было больше трудностей, так как ему пришлось одновременно решать задачи и перехода, и развития» (с. 6). Ведь и перед Советским Союзом стояла задача не только трансформации производственных отношений в рыночном направлении, но и осуществления глубоких структурных реформ — перехода от индустриальной экономики к постиндустриальной. А формирование новых секторов экономики, когда уже действует жесткая индустриальная система со своими приоритетами и мощными группами интересов, — задача ничуть не более легкая, чем создание современной индустрии с нуля.

Аналогично дела обстоят и с уровнем демократизации. Советское общество 1980-х годов было уже достаточно зрелым и образованным, а страна — относительно открытой для знакомства с западным образом жизни, чтобы реформаторские инициативы партийного руководства в области экономики были приняты населением без соответствующих политических подвижек. После неудачного опыта 1960-х годов (отказ от начатых экономических реформ и разгром «пражской весны» в Чехословакии) никто бы не поверил в серьезность намерений партийных лидеров, а реформаторская риторика воспринималась лишь как попытка органов госбезопасности проверить благонадежность граждан. Только готовность к политическим изменениям могла подтолкнуть экономические реформы и одновременно выбить почву из-под ног подавляющего большинства партийной номенклатуры, которое видело в экономических новациях Горбачева досадное недоразумение.

¹ М. Горбачев как раз понимал это очень хорошо. В одной из наших бесед в ответ на вопрос, почему он и его коллеги не попытались пойти по китайскому пути, экс-президент СССР удивился и ответил: «Всем же были понятны принципиальные различия ситуации в СССР и в КНР».

Таким образом, абсолютно беспочвенны утверждения, что-де сперва надо было провести экономические реформы, а потом уже переходить к реформам политическим, к демократизации, свободе слова, реабилитации политических заключенных. Они неверны с политэкономической точки зрения, не говоря уже о безнравственности подобных предложений по существу¹. Единственное, к чему могут привести призывы обратиться к китайскому опыту, это — усиление авторитаризма, а то и неокоммунистическая «охота на ведьм». Недаром опубликованное 1 июля 1996 года (перед вторым туром президентских выборов) письмо ряда видных экономистов России и США, содержавшее соответствующие предложения, было воспринято многими как заявление в поддержку кандидата от КПРФ.

Роль финансовой стабилизации

Очень часто в адрес российских реформаторов звучит и обвинение в увлечении макроэкономикой (а точнее, вопросами финансовой стабилизации) в ущерб осуществлению институциональных реформ. Говорится об ошибочности политики шоковой терапии, которая якобы привела к обнищанию населения, снижению покупательского спроса, обусловила глубокий спад производства и перекосы в приватизации. Критикуется и система внутреннего долга — пресловутая «пирамида» ГКО. «Наихудшим для российской экономики оказалось стремление правительства

¹ При всей своей моральной ущербности сожаления о том, что политические реформы начались вместе с экономическими (а то и раньше их), весьма популярны среди западных исследователей (особенно левого толка). В этой связи вспоминается дискуссия, в которую автор этих строк вступил с одним видным итальянским экономистом — специалистом по СССР и России. В ответ на традиционные сентенции об ошибочности горбачевского курса на политические реформы я заметил: «Наверное, вы правы. Однако согласитесь, что ошибки такого рода уже были в истории. Ведь и для Италии было бы гораздо лучше, если бы Муссолини не ввязался во Вторую мировую войну, а правил бы, скажем, до середины 1970-х годов. Итальянская экономика устойчиво бы развивалась, не было бы «чехарды» правительств, террора „красных бригад“, коррупции, северного сепаратизма и других острейших проблем послевоенных десятилетий». Мой собеседник был возмущен подобным сравнением, хотя оно совершенно естественно и достаточно очевидно.

к макроэкономической стабилизации»¹ — подобные высказывания весьма типичны.

Голоса разных критиков объединяются в единый мощный хор, хотя речь зачастую идет о диаметрально противоположных вещах. Наиболее сведущие и наименее политически ангажированные экономисты утверждают, что увлечение макроэкономической стабилизацией отодвинуло на задний план институциональные преобразования, которые не присутствовали в концепции реформ, или же побудило провести институциональные реформы также методами шоковой терапии. По мнению других, макроэкономическая стабилизация была ошибочной политикой, поскольку она привела к формированию завышенного курса рубля, что разоряло отечественного товаропроизводителя². Наконец, находятся и авторы, убежденные во вредоносности политики макроэкономической стабилизации (варианты — финансовой стабилизации, шоковой терапии) как таковой. До абсурда эта мысль доведена П. Фишером (не путать со Стэнли Фишером), который полагает, что правительство должно уделять больше внимания созданию благоприятных для инвесторов условий вместо стабилизации валюты. Любопытно, что сторонники последнего подхода часто апеллируют к авторитетам типа Стиглица или Эрроу, которые якобы считают решительную стабилизационную политику делом опасным и разрушительным³.

Итак, здесь смешиваются сразу несколько вопросов: о целесообразности шоковой терапии; о факторах, предопределяющих переход к этой политике; о конкретных механизмах осуществления макроэкономической стабилизации; о соотношении макроэкономической стабилизации и институциональных реформ; наконец, более общий

¹ *Brovkin V. Wishful Thinking about Russia // Transition. 1999. No 6. P. 22.*

² См.: *Brovkin V. Wishful Thinking about Russia. P. 22–23, 26.*

³ В этой связи уместно привести следующую цитату из статьи Дж. Стиглица: «У меня нет особых возражений против шоковой терапии как способа быстрого восстановления нормальных ожиданий, скажем, в рамках антиинфляционной программы. Спор больше велся по поводу попытки использования шокотерапевтического подхода к „установлению“ институтов там, где его лучше было бы называть подходом „блицкрига“» (с. 26).

вопрос о последовательности экономических реформ после падения коммунизма.

Однако, извините за тавтологию, определимся с определениями: если под шоковой терапией подразумевать решительную и быструю макроэкономическую стабилизацию, включая достижение товарного и бюджетного равновесия, остановку инфляции и превращение национальной валюты в желательный для экономических агентов инструмент осуществления сделок, то такая политика была в России реализована лишь отчасти. Главное, чего удалось добиться в результате первых шагов экономических реформ, — преодолеть товарный дефицит и отвести угрозу надвигающегося голода зимой 1991–1992 годов, а также обеспечить внутреннюю конвертируемость рубля. Это довольно много для страны, где на протяжении шестидесяти лет господствовал товарный дефицит, а сделки с иностранной валютой были уголовно наказуемы вплоть до расстрела. Но это слишком мало для того, чтобы называть такую политику гордым и немного шокирующим именем «шоковой терапии». Понадобилось еще четыре (!) года, чтобы рубль обрел хоть какую-то стабильность — в 1996 году. И еще три года на обретение страной хотя бы первичной сбалансированности бюджета — в 1999 году. Итого семь лет на решение первоочередных задач макроэкономической стабилизации. Хороша шоковая терапия!

Правда, под шоковой терапией нередко понимают не столько определенную логику и результативность экономической политики, сколько болезненность последствий ее реализации — скачок цен и безработицы, рост бедности и усиление социального расслоения, а то и снижение рождаемости¹. Эмоциональные авторы склонны все эти социальные проблемы связывать с либерализационными и стабилизационными мероприятиями первых посткоммунистических правительств. Однако на самом деле тяжесть

¹ Доходило до забавных курьезов. Е. Гайдар и его коллеги были обвинены в снижении уровня рождаемости в России через три месяца после их прихода в правительство и через один (!) месяц после начала либерализационных мероприятий. Как видно, критики реформаторов с самого начала верили в то, что те обладают сверхъестественной силой.

стабилизационной адаптации является следствием не стабилизационной политики, а масштабов финансового кризиса, с которым та или иная страна вступала в посткоммунистическую эпоху. Иными словами, шокотерапевтический характер стабилизационного курса предопределяется не столько выбором реформаторов, сколько политикой последних коммунистических правительств. Уровень разбалансированности экономики достигал максимума в СССР и Польше (дефицит бюджета в 1989 году — соответственно 8,6 и 7,4% ВВП) — там и было осуществлено то, что принято сейчас называть шоковой терапией¹. А скажем, в Венгрии или Чехословакии, последние коммунистические правительства которых проводили достаточно взвешенную финансовую политику (дефицит бюджета в 1989 году — соответственно 0,2 и 2,8% ВВП), изменение соответствующих экономических индикаторов со сменой коммунистического режима было гораздо более умеренным, а достижение стабилизации оказывалось делом относительно менее сложным, особенно в социально-политическом аспекте².

Не шоковая терапия, а именно отказ от нее обусловил многие противоречия посткоммунистического развития России, в том числе и институциональные проблемы. Продолжающийся уже десять лет инвестиционный спад и небольшой интерес зарубежного бизнеса к российским

¹ Кстати, польские реформаторы находились в существенно лучшем положении, чем российские. Как известно, от государственного регулирования цен по многим товарным группам отказалось последнее коммунистическое правительство М. Раковского, которое и перевело инфляцию из латентной формы в открытую. Первому посткоммунистическому правительству Т. Мазовецкого — Л. Бальцеровича оставалось завершить либерализацию и осуществить стабилизационные мероприятия. В России же на долю Е. Гайдара выпало решение всего комплекса задач — как либерализационных, так и стабилизационных.

² Подчас создается впечатление, что термин «шоковая терапия» вообще чаще склонны применять к неудавшимся попыткам стабилизации, а не к тому, что изначально подразумевалось под таким понятием. В этом отношении шоковая терапия в России действительно плоха, но плоха своей непоследовательностью и незавершенностью. А вот в адрес Эстонии, Латвии, Литвы, где стабилизационные мероприятия были в социальном отношении никак не легче российских, обвинения в порочности подобного курса практически не звучат. Иногда даже кажется, что и применительно к Польше этот термин используется западными критиками с большой неохотой уж больно плохо польский опыт вписывается в набор стандартных претензий, предъявляемых к политике шоковой терапии.

предприятиям, нестабильность условий для производства, многие пороки приватизации — все это в значительной мере связано с длительной незавершенностью процессов финансовой стабилизации. И отнюдь не денежная стабилизация привела к долларизации накоплений, завышению валютного курса и снижению конкурентоспособности отечественного производства, как утверждают некоторые экономисты¹.

Е. Гайдар показал, что существует достаточно жесткая связь между длительностью периода высокой инфляции и глубиной бюджетного кризиса в стране с переходной экономикой². Такая связь ясна: чем дольше сохраняется высокая инфляция, тем больше привыкают правительство и вся экономика к инфляционному налогу и тем сильнее деградирует налоговая система. Следовательно, именно незавершенность (точнее, нереализованность) шоковой терапии обусловила заметное сокращение доступных бюджету ресурсов, кризис бюджетной сферы и необходимость внутренних заимствований в виде ГКО. Именно бюджетный дефицит предопределил и формирование завышенного валютного курса рубля³. Для решения бюджетных проблем через механизм внутренних заимствований нужна стабильность национальной валюты. Причем чем больше была зависимость бюджета от финансового рынка, тем меньше оставалось у власти поля для маневра в этой сфере.

Подводя итоги сказанному, можно утверждать: незавершенность процессов макроэкономической стабилизации, неспособность реформаторов реализовать на практике мероприятия шоковой терапии привели к резкому обострению

¹ См.: *Brovkin V. Wishful Thinking about Russia*. P. 23. Здесь мы вновь сталкиваемся с избирательной критикой политики стабилизации. С точки зрения роста реального курса национальной валюты ситуация в России мало чем отличалась, скажем, от ситуации в Эстонии, где крона была гораздо жестче привязана к немецкой марке, чем рубль к доллару. Однако критики обрушиваются именно на российскую политику, видя в ней причины институциональных бед. Хотя элементарное сопоставление схожего в этом отношении опыта различных стран требует задуматься, нет ли каких-то иных причин столь различных практических результатов.

² См.: *Гайдар Е. «Детские болезни» постсоциализма (к вопросу о природе бюджетных кризисов этапа финансовой стабилизации)* // Вопросы экономики. 1997. № 4.

³ Мы оставляем в стороне вопрос о том, насколько на самом деле в 1997 году был завышен курс российского рубля, о чем среди экономистов нет единства мнений.

бюджетного кризиса в части как расходов, так и доходов государства, а это, в свою очередь, обусловило тяжелый кризис институтов и кризис власти как таковой.

Иной раз можно слышать обвинения в адрес шоковой терапии в связи с неправильной временной последовательностью проводимых реформ. Мол, надо первоначально осуществить институциональные преобразования, приватизировать собственность, а потом уже проводить либерализацию и стабилизацию¹. Теоретически это, может быть, верно. Однако опыт всех стран, реально двигавшихся по пути рыночного реформирования, не дает практического подтверждения этой концепции. Правда, остаются еще Северная Корея и Куба.

Наконец, в вопросе о применимости шоковой терапии к сфере институциональных реформ нельзя не признать правоту Дж. Стиглица. Институциональное строительство действительно требует значительного времени и не может осуществляться методами «блицкрига». Однако принципиальная справедливость вывода (как и в случае с последовательностью реформ) сама по себе не свидетельствует о практической реализуемости той или иной теоретически обоснованной модели. И прежде всего это относится к вопросам приватизации.

Российский опыт приватизации

Оценка итогов российской приватизации в настоящее время столь же единодушно негативна, сколь единодушно позитивной она была на протяжении первых лет ее осуществления. Ругают, естественно, то, чему более всего поначалу удивлялись и что приветствовали, а именно быстроту и массовость российской приватизации².

¹ В этой логике была написана программа «Пятьсот дней» Г. Явлинского и С. Шаталина. Лидер «Яблока» в дальнейшем неоднократно настаивал на предпочтительности такого порядка осуществления реформ.

² Достаточно полный экономический анализ процессов приватизации присутствует, например, в работах А. Радыгина (*Радыгин А. Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. М.: Республика, 1994*).

Основные упреки состоят в следующем. Во-первых, приватизация проводилась слишком быстрыми темпами, без соответствующей институциональной подготовки и даже без соответствующего законодательства. Во-вторых, приватизация привела к ослаблению государственной власти, к эрозии общественного порядка, к коррупции. В-третьих, в результате приватизации не сформировался реальный собственник, а все (или почти все) приватизированное имущество приобрело «воровской» характер. Подобное развитие приватизационных процессов объясняется порочностью механизма ваучерной приватизации, субъективным желанием ускорить разрыв с коммунизмом, а то и нечистоплотностью реформаторов.

Альтернативные подходы предполагают осуществление приватизационных процессов медленными темпами, по мере создания соответствующих рыночных институтов, с обеспечением более длительного периода государственного контроля за собственностью и ее использованием. Прокламируются также иные механизмы приватизации, например приватизация в пользу «заинтересованных лиц» (stakeholders) или широкое использование аренды с правом выкупа (модели, заявленной было в СССР, но «почему-то» затем «незаслуженно» забытой).

Увы, весь этот комплекс идей — как критических, так и позитивных — родился вне контекста экономико-политических и правовых реалий, в которых была начата приватизация в России. Возьмем хотя бы злосчастные ваучеры. Сейчас уже забыли, что Е. Гайдар, А. Чубайс и их коллеги были противниками бесплатной раздачи собственности посредством приватизационных чеков¹. Изначально они считали необходимым проведение постепенной приватизации

¹ Приведем только одну цитату, принадлежащую Д. Васильеву, стоявшему у истоков ваучерной приватизации и справедливо считающемуся одним из ее идеологов: «В начале пути наши взгляды на приватизацию (Чубайса, мои, большинства наших советников) существенно отличались от идей, заложенных в реализованной ныне на практике модели» (Цит. по: *Радыгин А.* Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. С. 10). Заметим, что все это было сказано, когда ваучерная приватизация еще не завершилась: автора нельзя упрекнуть в отходе от своей точки зрения под воздействием полученного опыта и критики политических противников.

за деньги. Однако реальные условия, сложившиеся к началу 1990-х годов, потребовали существенно иных подходов.

3 июня 1991 года был принят закон РСФСР «О приватизации государственных и муниципальных предприятий», который определял порядок осуществления приватизации в России. В нем предусматривалось использование именных приватизационных счетов. Неэффективность и коррупционная уязвимость такого решения были очевидны и первоначально предполагалось от него отказаться. Однако в процессе сложных переговоров с законодателями удалось в качестве компромисса сохранить приватизационные чеки, но сделать их анонимными. О полном отказе от неденежных механизмов приватизации не могло быть и речи¹.

Вопрос о темпах приватизации встал тогда с особой остротой. Это сейчас можно рассуждать, насколько правильнее было бы сохранять основную массу предприятий в государственной собственности и постепенно, «штучно» осуществлять их продажу. Реальность была такова, что государство не сохранило контроля за «своей» собственностью, которая фактически находилась в руках пользователей. Действительно, после 1988 года в стране набирали силу процессы «спонтанной приватизации»² — эвфемизм, который означал переход государственной собственности в руки тех, в чьем пользовании она находилась. Начало было положено законом СССР «О государственном предприятии» (30 июня 1987 года), согласно которому трудовые коллективы (а по сути — директора) оказывались практически не зависимыми от государства (в частности, увольнение и назначение директора должны были согласовываться с трудовым коллективом). Директора получили права собственников, тогда как ответственность за эффективность их деятельности оставалась на государстве. Принятый вскоре после этого закон о кооперативной деятельности (1988 года) указал и механизм

¹ Подробнее о переходе от приватизационных именных счетов к ваучерам образца 1992 года см.: *Радыгин А.* Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. С. 78–83.

² Этот термин появился позднее. См. подробнее: *Радыгин А.* Реформа собственности в России: на пути из прошлого в будущее. С. 46–53.

«растаскивания» собственности — создание при предприятиях кооперативов, которые брали на себя эффективные виды деятельности предприятия или же использовали в своих интересах разницу между государственными (на предприятии) и рыночными (в кооперативе) ценами. Разница, естественно, уходила в карман директора (фактического хозяина кооператива)¹.

Существенным фактором «спонтанной приватизации» стало и право выкупа арендованных предприятий трудовыми коллективами. Дж. Стиглиц исходя из понятных общетеоретических соображений противопоставляет ускоренной ваучерной приватизации добротный, неспешный механизм перевода предприятий на аренду с правом выкупа. Более того, в качестве примера именно такого добротного горбачевского институционального «инкрементализма» он прямо указывает на «аренду с правом выкупа» — модель, которой, по его мнению, следовало бы придерживаться «так называемым реформаторам» (это выражение Дж. Стиглица)². (В русской версии, опубликованной в «Вопросах экономики», этот пассаж опущен³.) И действительно, нам-то хорошо известно, что одной из причин перехода к быстрой ваучерной приватизации было именно стремительное распространение этой самой «аренды с правом выкупа». Последняя в подавляющем большинстве случаев становилась способом бесплатного получения собственности руководством предприятий, причем нередко имела целью не обеспечение эффективного

¹ Ситуация подчас принимала совершенно курьезные формы. Увлеченное кооперативным строительством и видевшее к нем реализацию ленинских предначертаний (знаменитая статья В. Ленина «О кооперации»), руководство СССР приняло специальное решение, рекомендующее создавать кооперативы при госпредприятиях. Когда же спохватились, то было уже поздно.

² *Stiglitz J. Whither Reform? Ten Years of the Transition.* P. 24.

³ Представленные в редакцию статьи главного экономиста Всемирного банка Дж. Стиглица (1999. № 7) и его помощника Д. Эллемана (1999. № 8) в ряде аспектов повторяли друг друга, в частности по вопросам приватизации. Поэтому редакция была вынуждена прибегнуть к некоторым сокращениям статьи Дж. Стиглица, как более объемной (*прим. ред.*). Данный тезис — один из основных в статье Д. Эллемана (с. 101–102).

функционирования предприятия, а быстрое извлечение из него максимальной прибыли¹.

На самом деле все было иначе, чем это представляется критикам. Ускоренная приватизация в России была не способом быстрого ухода государства из экономики, а, напротив, его попыткой впрыгнуть в последний вагон уходящего поезда под названием «социалистическая общенародная собственность». Прыгать в уходящий поезд вообще не просто, и только в американских боевиках это удастся сделать, не повредив одежды и не набив синяков. Приватизация, пусть и с издержками, способствовала восстановлению хоть какого-то порядка в управлении собственностью.

Если не принимать во внимание изначальное отсутствие реальных механизмов государственного контроля за собственностью, неизбежны противоречия, особенно наглядно проявившиеся в работе Дж. Стиглица. С одной стороны, он утверждает, что контроль за деятельностью директоров на государственных предприятиях мог бы быть альтернативой ускоренной приватизации (с. 15). С другой стороны, тут же выясняется, что государство не способно обеспечить эффективное регулирование деятельности менеджеров, управляющих фондами (с. 16). Заметим, что в первом случае речь идет о сотнях тысячах предприятий в условиях распада государства (начало 1990-х годов), во втором же — о нескольких десятках фондов.

Наконец, нельзя не прокомментировать и главное позитивное предложение Дж. Стиглица — целесообразность

¹ Осенью 1999 года мы неожиданно получили «послание из прошлого», напомнившее о том, что аренда с правом выкупа не является способом приватизации в пользу эффективного собственника. В октябре Арбитражный суд Петербурга принял решение о деприватизации Ломоносовского фарфорового завода. Мы оставляем в стороне политические и юридические аспекты этого решения. Обратим внимание лишь на экономическую сторону дела: переход арендного предприятия в собственность созданного на его базе АОЗТ привел к быстрому ухудшению положения на предприятии, поскольку его хозяева были заинтересованы в концентрации в своих руках прав собственности и быстрой ее перепродаже сторонним инвесторам. А за этим вскоре последовала серия конфликтов, сделавшая невозможным устойчивое функционирование предприятия (см. подробнее: *Панфилова Ю., Семенов А.* Деприватизация свершилась // *Коммерсантъ*. 1999. 13 октября).

проведения приватизации в пользу «заинтересованных лиц», «распространения принципов бизнеса, управляемого владельцем, или семейной фермы на средние и крупные фирмы» (с. 18). Фактически же имеется в виду приватизация в пользу работников предприятия — они «не являются отстраненными пассивными акционерами, которые видят в предприятии только „имущество“ (дающее возможность быстро пожинать плоды)» (с. 18–19). Это рассуждение также вытекает из ограниченного знания опыта российской приватизации и практики функционирования такого рода фирм. Подавляющее большинство российских предприятий было приватизировано в пользу трудовых коллективов, что практически не способствовало превращению последних в эффективных собственников. Более того, приватизация в пользу работников в немалой степени облегчила директорам путь к получению полного контроля над предприятием — сперва фактически (путем угрозы увольнений в случае «неправильного» голосования), а потом и формально (добровольно-принудительное приобретение акций у работников). Мы видим, что предлагаемый механизм приватизации еще более помогает тому процессу «распродажи и разграбления активов, которые ведут к краху предприятия» (с. 17). Словом, практика никак не свидетельствует о том, что приватизация в пользу «заинтересованных лиц» способна привести к лучшим результатам¹.

Источники заблуждений реформаторов

Наконец, еще один «пучок стрел» в адрес российских реформаторов нацелен на выявление источников их заблуждений. Речь идет об ошибках, породивших все пороки российской экономической политики последнего десятилетия. И именно здесь мы сталкиваемся с основными заблуждениями самих критиков, порой переходящими в мифотворчество. В том, как видятся причины ошибок российских

¹ Мы оставляем здесь в стороне вопрос о справедливости такой формы приватизации, означающей преимущественное положение тех, кто стоит «ближе» к лучшим по эффективности активам. Между тем данный аргумент достаточно важен, когда речь идет не о единичной приватизации, но о перераспределении собственности в стране, все население которой было ее лишено.

реформаторов, наиболее ярко отражаются корни многих недоразумений, довольно странных для серьезных экономистов.

Причины столь печальных результатов российской экономической политики принято видеть в теоретических и идеологических предпочтениях тех, кто оказался в начале реформ у «кормила» государственной власти. Можно выделить следующие основные аргументы такого рода.

Прежде всего, увлечение реформаторов теоретическими моделями, почерпнутыми из учебников, причем не тех. Дж. Стиглиц всерьез утверждает, что одна из важнейших причин провала российских реформ обусловлена «неспособностью понять движущие силы реальной рыночной экономики — неспособностью, связанной с несостоятельностью самой неоклассической модели экономики». Иными словами, реформаторы «находились под слишком сильным влиянием чересчур упрощенных моделей рыночной экономики, заимствованных из учебников» (с. 8). То есть следовало бы лучше учиться в университете и выбирать себе лучших учителей.

Другой причиной называется идеологическая предвзятость реформаторов, их желание как можно скорее покончить с ненавистным коммунистическим прошлым, с его формами организации общественной жизни — соответствующими институтами. Это, понятное дело, приводит к быстрому и осознанному разрушению данных институтов при невозможности их немедленной замены другими, подлинно рыночными формами. Тогда как, о чем свидетельствует и китайский опыт, плохие, но действующие институты лучше, чем отсутствие институтов.

Еще один источник бед — неадекватность советов иностранных экспертов (в основном американских, как любят подчеркивать западноевропейские критики), активно работавших с российским правительством в первые посткоммунистические годы. Именно зловредной роли этих советников приписываются такие «пороки» российской модели, как шоковая терапия и избыточное внимание к макроэкономическим проблемам, неадекватные механизмы приватизации, осуществленная после нескольких неудачных попыток в 1995 году жесткая денежная стабилизация. «Никто не

может оспорить того факта, что шоковая терапия была продуктом, привнесенным в Россию западными советниками и их российскими учениками»¹, — этот тезис стал общим местом почти любого солидного советологического трактата или статьи (ниже мы поясним, почему здесь целесообразно применять именно этот термин — «советология»). Разновидностью такого типа аргументов являются обвинения в адрес международных финансовых институтов, которые навязывали России неадекватные реформы и давали ошибочные рекомендации. Прежде всего, речь идет о пресловутом «Вашингтонском консенсусе»².

Наконец, порочность курса последнего десятилетия объясняется тем, что проводимые реформаторами (навязанные Западом, МВФ и пр.) преобразования никак не согласуются с историко-культурными, национальными и тому подобными традициями России — словом, с ее славным историческим прошлым и героическим настоящим. Знание российской и особенно советской истории превращается здесь в ключ к пониманию путей реформирования экономики, а советология оказывается главным хранителем и источником мудрости применительно к посткоммунистической стране. То есть подлинными знатоками России считаются те, кто имеет многолетний опыт исследования советской экономики³, — советологи,

¹ *Brovkin V. Wishful Thinking about Russia.* P. 22.

² См.: *Стиглиц Дж. Многообразные инструменты, шире цели: движение к пост-Вашингтонскому консенсусу // Вопросы экономики. 1998. № 8. С. 4–34; Стиглиц Дж. Куда ведут реформы? (К десятилетию начала переходных процессов).* Известна и другая позиция, трактующая ситуацию иначе: международные финансовые институты не оказали поддержки российским реформаторам *вовремя*, когда у них были политические ресурсы для осуществления глубоких рыночных преобразований (*Sachs J. The Transition at Mid-Decade // American Economic Review Papers and Proceedings. 1996. No 10. P. 128–133; Сакс Дж. Неудача российских реформ // Независимая газета. 1999. 16 сентября; Aslund A. Russia on the Mend // Chase. International Fixed Income Research, Highlights of Current Strategy. 1999. September 7*). Подробное обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

³ Весьма показательна приводимая Дж. Стиглицем ссылка на работу М. Вайцмана (*M. Weitzman*), «который в отличие от наиболее известных западных консультантов хорошо разбирался в экономике советского типа», и именно поэтому «привел прагматический довод...» (с. 19, сноска). С не меньшим основанием можно было цитировать И. Сталина, который также «прекрасно» разбирался в советской экономике.

продемонстрировавшие свою полную неспособность оценить реальные противоречия советской системы и прогнозировать перспективы ее развития в условиях горбачевской перестройки, обиженные за это на российские реформы и в большинстве своем не понимающие и не желающие понимать реальные проблемы и логику посткоммунистической экономики!

«Профессорский» подход и западные советники

Все перечисленные факторы тесно взаимосвязаны — и логически, и методологически. Всем критикуемым позициям присущ весьма своеобразный, можно сказать, «профессорский» подход к пониманию механизмов реализации экономической политики. Выделим основные характерные черты подобного подхода. Первое: экономическая политика является результатом последовательного осуществления некоторого плана, разработанного в тиши кабинетов (лучше — кабинетов больших ученых, еще лучше — академиков и нобелевских лауреатов). Второе: существуют правильные и неправильные экономические теории, и от выбора теории зависит выбор правильной или неправильной экономической политики. Третье: тем самым экономическая теория оказывает непосредственное воздействие на хозяйственную практику. И, наконец, четвертое: экономические советники существуют для того, чтобы давать советы, а дело политиков — эти советы реализовывать.

Увы, этот логичный подбор аргументов страдает полным отсутствием логики. Говоря о невозможности строить экономическую политику на основе одних учебников и теорий, нам тут же предлагают другие учебники и теории. Оказывается, что проблемы и провалы реформ связаны с недооценкой работ Кейнса, Шумпетера и Хайека, а также с тем, что реформаторы не удосужились заглянуть в учебники, уделяющие повышенное внимание институциональным и информационным проблемам в отличие от «чистого» неоклассического подхода (с. 8–9). Разумеется, как это всегда бывает при «теоретической» критике практической политики, разные

авторы с одинаковым энтузиазмом обвиняют практиков в противоположных грехах, хотя и с одинаковыми выводами: например, если Стиглиц упрекает российских реформаторов в недооценке теоретического наследия Хайека, то многие отечественные критики видят корень их заблуждений как раз в увлечении идеями этого экономиста.

Столь же странной видится наивная вера во всемогущество экономических советов и советников. Оставим в стороне вопрос: кто из тех, кого считают на Западе западными советниками, действительно имел какое-то отношение хотя бы к обсуждению экономико-политических решений (в принятии и реализации этих решений они, разумеется, никак не могли участвовать). Ведь немало таких, кто сделал имя, объявив себя «советником» российского правительства или президента. А весь опыт «работы» подобных советников ограничивался разовой встречей с каким-нибудь заместителем министра (которых в России несопоставимо больше, чем, скажем, в Великобритании или в США).

Гораздо важнее, что роль экономических советников никогда не состоит и не может состоять в принятии решений — это дело политиков и администраторов. Советник должен анализировать ситуацию с точки зрения теоретического и исторического (в том числе и собственного) опыта, однако он никогда не принимает и не должен принимать решения. И это справедливо: решения принимает политик или чиновник, который и несет за них ответственность (перед избирателями или начальством).

Но суть проблемы не только в распределении ответственности. Сила и слабость советника — в ограниченности сферы его профессиональных знаний и интеллектуального опыта. Политик же принимает решение исходя из неизмеримо большего набора факторов, среди которых на первом месте находятся отнюдь не соображения теории и истории, а конкретный баланс социальных сил и групп интересов, необходимость решения конкретных (увы, нередко сиюминутных) политических задач. Непонимание некоторыми практикующими экономистами этой особенности доли советника всегда приводило к конфликтам и скандалам, основанным на понятной, но несправедливой обиде: «если

я советник, то почему он (политик) не выполняет мои рекомендации (указания)?»

Рекомендации советников могут положительно восприниматься политиками лишь при двух обстоятельствах. Во-первых, когда советы банальны и очевидны. Скажем, необходимость обеспечения бюджетного равновесия, необходимость либерализации цен, необходимость остановки гиперинфляции. (Конечно, иногда раздаются советы не балансировать бюджет, не останавливать инфляцию и т.п., однако все это уже относится к области околонучной экзотики.) Всякий, кто помнит абсолютную пустоту прилавков осенью 1991 года и реальную угрозу голода в крупных городах, понимает, почему либерализация цен тогда не вызвала особых дискуссий. Во-вторых, когда рекомендации соответствуют складывающемуся балансу политических и экономических сил. «Политика — искусство возможного» — это главное правило поведения политика относится и к его возможности (даже способности) принимать те или иные советы.

Эти обстоятельства и предопределяют близость к властям тех или иных советников в глазах общественного мнения. В конце концов в Москву на протяжении последнего десятилетия прибывало множество «консультантов», предлагавших порой диаметрально противоположные рекомендации по спасению России. (Даже упомянутый выше П. Фишер с его идеей привлечения инвестиций вместо поддержки рубля характеризуется как «независимый экономист, работающий по программе технической помощи России»¹.)

Всякий, кто имел хотя бы какое-то отношение к разработке и практическому осуществлению экономической политики, хорошо знает о причинах такого отношения к советникам. И это верно даже для стабильных демократий, на что обращал внимание и сам Дж. Стиглиц в бытность руководителем группы экономических советников президента США². А в странах, которые только встают на путь

¹ *Transition*. 1999. No 6. P. 34.

² В одном из интервью Дж. Стиглиц заметил, что до последнего времени к экономическим советникам прислушивались лишь отчасти и основной их задачей было помогать детям или внукам президентов решать задачи из школьного курса экономики.

рыночных реформ, где нет устоявшихся институтов рыночной демократии и ведется напряженная борьба вокруг самых общих, фундаментальных вопросов создания новой системы, формирование экономической политики — неизмеримо более сложный процесс. Поэтому только очень благополучный и очень уверенный в своей правоте западный профессор может воспринимать политическую и социальную борьбу вокруг российских (и вообще посткоммунистических) реформ как борьбу метафор и афоризмов, все из которых почерпнуты из книг других, столь же уважаемых профессоров. Сознывая элегантность применяемых метафор типа «знание того, что вы делаете» — «знание того, что вы не знаете, что делаете», «преодоление пропасти одним прыжком» — «строительство моста через пропасть», «капитальный ремонт корабля в сухом доке» — «ремонт корабля в море» и т. д. (с. 27), мы вряд ли можем серьезно анализировать посткоммунистическую экономику, оставаясь в плену их очарования.

То же самое можно сказать и по поводу программ, разрабатываемых совместно с международными финансовыми институтами (особенно с МВФ). От наших западных коллег мы постоянно слышим упреки диаметрально противоположного характера: с одной стороны, согласованные с МВФ проекты не реализуются или реализуются очень плохо, но, с другой стороны, соответствующие рекомендации являются ошибочными.

Данную проблему следует оценивать в разных аспектах — общеэкономическом и технико-экономическом. Что касается общеэкономической точки зрения, необходимо уточнить понимание того, что именуют «Вашингтонским консенсусом». Если его критиковать за перенесение внимания с институциональной стороны дела в пользу финансово-экономической, то это вполне очевидно. Хотя надо учесть, что институциональные преобразования длятся десятилетиями, а сбалансировать рынок и бюджет, укрепить валюту надо здесь и сейчас. Поэтому предложения синхронизировать эти два аспекта реформ теоретически правильны, но практически бессмысленны. Мало кто из реальных политиков (за исключением, пожалуй, диктаторов) может позволить себе проводить

институциональные реформы при наличии финансового кризиса в острой форме. Если же критиковать «Вашингтонский консенсус» за внимание к финансовым вопросам вместо вопросов институциональных, то подобные обвинения не имеют отношения к серьезному экономическому анализу, являя собой обычную риторику популизма.

По поводу более конкретных, технических вопросов, включаемых в соглашения с МВФ или Всемирным банком, можно сказать, что здесь применимы те же аргументы, что и относительно рекомендаций иностранных советников вообще. Однако есть и одно дополнительное обстоятельство, которое редко принимается во внимание. Пресловутые «условия МВФ» в значительной мере формулируются не в Вашингтоне, а в Москве, то есть иницируются российскими политиками. А потом уже выступают как «навязываемые извне».

Схожие аргументы применимы и к вопросу о роли идеологической предвзятости реформаторов. Чтобы идеологическая предвзятость нашла практический выход, необходимо наличие соответствующих социальных сил (групп интересов). Простое решение отдельного политика может быть очень значимо в устойчивых обществах, обладающих большим инерционным потенциалом. Посткоммунистическая же Россия отличается высокой турбулентностью социально-экономических процессов и относительно слабой ролью отдельных личностей и государственных институтов. Да и реальные идеологические приоритеты реформаторов не столь очевидны, как это может показаться на первый взгляд. Разумеется, выбор был сделан в пользу либерализма, но сам этот выбор диктовался в первую очередь объективными тенденциями развития экономических систем в конце XX века. Конкретные же проявления предвзятости политики реформаторов гораздо менее очевидны. Как было показано выше, выбор ваучерного механизма приватизации никак не соответствовал теоретическим представлениям реформаторов, но был предопределен логикой развития. Такая оценка справедлива и для ряда других конкретных мероприятий и решений 1990-х годов.

Теперь о национальных, культурных, исторических и географических особенностях страны. Этот аргумент

поистине универсален, им можно объяснить все, что угодно. Нам приходилось слышать, как необходимость создания Российского банка реконструкции и развития (источник дешевых денег для близких к лоббистам фирм) объясняли обилием часовых поясов, неплатежи и бартер — огромными размерами «государства российского», множественность валютных курсов — особенностями национального характера¹. Список можно продолжать до бесконечности. Но опыт подсказывает, что ссылка на специфику страны появляется тогда, когда в лучшем случае не находится других аргументов для объяснения того или иного явления, а в худшем — когда есть намерение что-то украсть.

Национально-культурные особенности — фактор, не поддающийся количественной верификации. Одинаково убедительный набор исторических аргументов доказывает, что Россия, скажем, самая индивидуалистическая или самая коллективистская страна, что либерализм органически присущ или совершенно чужд ее истории и т. п. Иногда кажется, что фактор «национально-культурно-исторических-etc» особенностей играет в экономико-политических дискуссиях роль *deus ex machina* в греческих трагедиях: он выходит на авансцену тогда, когда не удастся найти других объяснений происходящих событий. Это касается не только России. Как известно, после Второй мировой войны на протяжении примерно полутора десятков лет исследователи скептически воспринимали экономическую политику Японии на том основании, что она не базируется на японских традициях и особенностях национального характера. А позднее с тем же упорством именно этими факторами объясняли происхождение «японского экономического чуда».

Впрочем, существует один важный фактор, действительно связанный с особенностями данной страны и поддающийся количественной оценке, но который часто опускают в экономико-политических сопоставлениях. Речь идет об уровне экономического развития, выражаемом, например, среднедушевым ВВП. Мы уже обращали внимание на этот фактор

¹ См. подробнее: *Сегвари И.* Семь расхожих тезисов о российских реформах: верны ли они? // Вопросы экономики. 1999. № 9. С. 48–50.

применительно к возможности сравнения реформ в России и КНР. Однако значение его гораздо шире. Анализ этого вопроса выходит далеко за рамки настоящей статьи, и поэтому мы лишь отметим: многие национальные особенности, которые кажутся критическими, резко смягчаются (а то и исчезают) при сравнении тех же стран в разные исторические моменты, но при сопоставимом уровне развития.

Возникает и еще один вопрос, на который нашим критикам вряд ли удастся найти адекватный ответ: если проблема в неправильных учебниках, советниках и идеологии, то *почему экономическая политика всех последовательно сменявших друг друга правительств России 1990-х годов в своих базовых элементах была весьма схожа?* Ведь они существенно различались и в политическом, и в интеллектуальном плане, характеризовались совершенно разным пониманием исторического опыта и традиций страны, не говоря уже об идеологических ориентирах. «Монетариста» Гайдара сменил «крепкий хозяйственник» Черномырдин, на которого лоббисты всех мастей и коммунистические политики возлагали огромные надежды. Но он продолжил (хотя и менее последовательно) курс на макроэкономическую стабилизацию¹, а ваучерная приватизация именно при нем получила последовательное практическое воплощение. В том же направлении действовал «молодой реформатор» Кириенко. Надежды левых, казалось бы, реализовались с приходом «тяжеловеса» Примакова, в правительстве которого коммунисты играли не последнюю роль и который имел мощную поддержку левонационалистического большинства Думы. Но и он пошел по пути макроэкономической стабилизации, причем столь жестко, как никто из пресловутых монетаристов не мог себе позволить. Той же дорогой шел Степашин и теперь идет Путин. Западный критик может задаться вопросом: откуда такая маниакальность? Наверное, есть ряд *объективных* факторов, которые заставляли каждого премьера действовать приблизительно в одном направлении, хотя и с вариациями.

¹ Незадолго до своей отставки в феврале 1998 года В. Черномырдин на расширенном заседании правительства даже заговорил о торжестве «нашего правого монетаристского дела».

* * *

Подводя итоги данной части статьи, выделим общее, что характерно для всех рассмотренных здесь критических выпадов и обвинений. Это — крайняя абстрактность подходов, отказ от конкретного анализа событий, подмена его общими рассуждениями, нередкое отождествление экономической теории с экономической политикой. Главной особенностью большинства рассматриваемых исследований является обилие таких рекомендаций, которые ориентируются *на должное, а не на политически возможное*. Причина состоит в поверхностном знании российских реалий, что отражается уже в выборе источников, на которые опираются многие западные исследователи: в них при обилии теоретических и советологических работ практически полностью отсутствуют работы экономистов, принимавших непосредственное участие в проведении российских реформ. Иными словами, многим критикам российских реформ присуще как раз то, в чем они обвиняют реформаторов — игнорирование конкретных проблем экономической политики, отсутствие знания специфики трансформации именно этой страны.

Фактически дискуссия о причинах тягот и неудач рыночных преобразований сводится к альтернативе: либо концепция реформ была ошибочной, либо имело место непоследовательное воплощение хорошей концепции (с. 7). Однако, по нашему мнению, суть проблемы выходит за рамки этой дихотомии. Главная задача исследователя — определить и проанализировать факторы, влияющие как на выработку той или иной концепции реформ, так и на характер ее практической реализации. Необходимо видеть объективные предпосылки *осуществляемого* (а не замышляемого или обсуждаемого) курса.

При такой постановке вопроса критическое отношение к частым ссылкам на исторические или национально-культурные особенности не будет заслонять наличия определенной специфики российских преобразований по сравнению с другими посткоммунистическими странами. Ведь в России реформы на самом деле идут гораздо труднее, им присуще гораздо больше противоречий и конфликтов, чем в большинстве государств Центральной и Восточной Европы. Именно об этом и пойдет речь во второй части статьи.

Часть вторая

ОСОБЕННОСТИ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИИ

«Почему реформаторы так не желали начинать с того места, где они находились?» (с. 28), — задает вопрос Дж. Стиглиц и в общем-то не дает на него ответа. (Точнее, он видит причину в том, что реформаторы *сами не захотели* «начинать с того места, где они находились».) Между тем проблема как раз в противоположном: реформаторы были вынуждены начинать с того места и в таких условиях, в которые они были поставлены конкретными обстоятельствами осени 1991 года, когда было сформировано первое посткоммунистическое правительство России.

Слабое государство и революция

Главная особенность российских посткоммунистических реформ — то, что *системные преобразования осуществляются в условиях слабости государственной власти*. Этот момент, как правило, игнорируется критиками российской политики или же трактуется весьма своеобразно — как результат сознательной деятельности реформаторов: их либеральная и антикоммунистическая устремленность обусловила-де быструю либерализацию и приватизацию, что и стало причиной кризиса государственной власти. Хотя на самом деле все происходило совершенно иначе — и с теоретической, и с исторической, и с практической точек зрения.

«Системные преобразования в условиях слабости государства» — это, по сути, *определение революции*. И если говорить об уникальности современной российской ситуации по сравнению с другими посткоммунистическими странами, именно на этот момент следует обратить особое внимание. Россия является единственной страной (пожалуй, помимо Китая), где коммунистическая система была продуктом собственного развития, а не навязана извне. Соответственно выход из коммунизма здесь предстает задачей особой

сложности, ведет к разрушению национального консенсуса и резкому обострению борьбы различных социальных сил и групп интересов. Если для государств Центральной и Восточной Европы разрыв с коммунистическим прошлым и вступление в Европейское сообщество послужили объединяющей общество целью, то для России ликвидация коммунистической системы и крушение империи являются, напротив, факторами общественной дезинтеграции¹. Революционному типу трансформации присущи определенные закономерности, в том числе и экономические (в смысле как особенностей экономической политики, так и динамики хозяйственных процессов)². Экономическая политика в обществе, раздираемом социальными противоречиями, не может быть устойчивой и последовательной. Прежде всего, это отражается на характере и возможностях государственного воздействия на социально-экономические процессы. Еще раз обратим внимание на то, что революция — это не массовые манифестации, а осуществление системных преобразований в условиях слабого государства. Именно слабость государства является фундаментальным фактором развития современной российской экономики, и ни один исследователь не может позволить себе абстрагироваться от данного обстоятельства.

Слабость государства находит выражение и в постоянных колебаниях экономического курса, и в множественности конкурирующих центров власти, и в отсутствии сложившихся и сколько-нибудь устойчиво функционирующих политических институтов и в отсутствии сколько-нибудь понятных и устоявшихся «правил игры». Слабость государства

¹ Подробнее см.: *May B., Стародубовская И.* Экономические закономерности революционного процесса // Вопросы экономики. 1998. № 4 (см.: стр. 467–494 данной книги). Специфический феномен «революционного экономического кризиса» также анализируется в работах ряда западных исследователей, среди которых надо особо выделить работы М. Макфоула и Дж. Голдстоуна (*McFaul M.* 1789, 1917 Can Guide '90s Soviets // San Jose Mercury News. Sunday morning. 1990. August 19; *McFaul M.* Revolutionary Transformations in Comparative Perspective: Defining a Post-Communist Research Agenda // *Revolutions. Reader.* Stanford: Stanford University Press, 1997; *Goldstone J.* A Revolution and Rebellion in the Early Modern World. Berkley, CA: University of California Press, 1991).

² Подробнее см.: *Brinton C.* The Anatomy of Revolution (Revised and expanded edition). N. Y.: Vintage Books, 1965.

порождает ряд особых проблем функционирования экономики. Этот вопрос заслуживает самостоятельного разговора, выходящего за рамки нашей дискуссии.

Вот лишь некоторые экономические последствия слабости государственной власти, подтверждаемые опытом не только современной России, но и всех великих революций прошлого¹:

— неспособность собирать налоги; результатом этого являются резкое возрастание роли инфляционного налога или (чаще и) резкое обострение бюджетного кризиса, за чем следует масштабное недофинансирование государственных обязательств (подчеркнем, что это характерно практически для всех стран, находящихся в аналогичном положении);

— существенный рост транзакционных издержек, что ведет к снижению конкурентоспособности отечественного производства;

— демонетизация народного хозяйства — снижение отношения количества денег, находящихся в обращении, к ВВП; характерно, что это наблюдалось и в странах, которым удавалось избежать инфляционных процессов, и было обусловлено уходом денег из обращения в сокровища;

— слабость государства накладывает неизбежный отпечаток на характер осуществления приватизации, выдвигая здесь на передний план решение социально-политических (стабилизация власти) и фискальных задач в противовес аргументам экономической эффективности.

Слабое государство особенно уязвимо перед коррупцией и лоббизмом, и это делает невозможным укрепление государства, что называется «в лоб», путем расширения его прямого вмешательства в экономику. Нередко сторонники расширения государственного регулирования экономики в подтверждение своей правоты приводят логическую цепочку такого типа: «российское государство

¹ См., например: *Ashley M. Financial and Commercial Policy under the Cromwellian Protectorate*. L., 1962; *Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990; *May B., Стародубовская И.* Экономические закономерности революционного процесса.

коррупцированное — российское государство слабое — необходимо повысить регулирующую роль государства». Но ведь на практике это означает призыв к расширению функций *коррупцированного* государства, то есть к дальнейшему «расползанию» коррупции. Укреплять государство, конечно, необходимо, но эта задача не должна сводиться к увеличению возможностей чиновника вмешиваться в хозяйственную жизнь и особенно заниматься своим любимым делом — по своему усмотрению (разумеется, только в «государственных» интересах!) распределять редкие ресурсы (неважно, материальные или финансовые).

Все вышеизложенное позволяет понять важнейшую особенность характера осуществления политического процесса (прежде всего выработки и реализации экономической политики) слабой государственной властью. Центральное место здесь занимает не формирование необходимого политического большинства через существующие политические институты (парламент, партии), которые являются слабыми, подчас еще плохо оформленными, неустойчивыми. На передний план выходит непосредственное взаимодействие представителей власти (правительства) с ведущими группами экономических интересов, которые обладают реальными рычагами политического давления, а на ранних стадиях трансформации могут играть роль политических партий¹.

Еще раз подчеркнем: все перечисленные факторы в их совокупности характерны для любой полномасштабной революции. А анализ современной российской трансформации сквозь эту призму позволяет увидеть и объяснить

¹ Подробнее см.: *Май В. Экономика и власть*. М.: Дело Лтд., 1995. С. 45–46 (см.: т. 2 наст. издания). На актуальность существенно иной политэкономической модели, учитывающей фактор доминирования групп интересов над государственными институтами, обращают внимание в своей последней работе А. Шляйфер и Д. Трейсмэн. Они пишут: «В размытой политической обстановке, где реализация экономической политики так же важна и так же сложна, как и принятие соответствующих законов, и где принятие достигается, скорее, путем соглашения мощных политических групп, а не путем голосования, выборы являются по большей части одной из многих арен, на которых конкурируют группы интересов... Реформаторы знали, что достижения в области формирования рынка не будут похоронены, если они также смогут создать сильную политическую коалицию в поддержку свободного рынка» (*Shleifer A., Treisman D. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*. Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2001).

многое в подчас кажущемся странным ходе событий последних десяти-пятнадцати лет.

Но особая сложность российской трансформации связана с переплетением в ее рамках не одного, а трех трансформационных процессов. Один — движение к рыночной экономике, характерное как для всех посткоммунистических стран, так и для Китая. Другой — кризис традиционной индустриальной структуры экономики («экономики угля и стали»), ее реконструкция и формирование структуры, более характерной для постиндустриального общества¹. Третий — революционный экономический кризис, то есть кризис проведения системных преобразований в условиях слабого государства. И в этом состоит еще одна особенность, значительно затрудняющая как ход российских реформ, так и их анализ.

Ныне забытое начало посткоммунистических реформ: якобинство, большевизм и современная Россия

Итак, вернемся к вопросу Дж. Стиглица, с которого мы начали данную часть статьи. Его представления о том, что М. Горбачев начал осуществлять постепенные (incremental) институциональные реформы, которые были затем отброшены радикалами², плохо вписываются в реальное развитие событий того времени.

На самом деле горбачевские реформы как раз и обеспечили катастрофическое разбалансирование экономики, поскольку с самого начала имели откровенно популистский характер. Некоторые связывают подобный популизм с параллельной демократизацией, что ставило политиков

¹ Как кризис традиционного индустриального общества объясняют российскую трансформацию Дж. и М. Россеры (*Rosser J., Rosser M. Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collapse of Soviet-Bloc Socialism // Review of Political Economy. 1997. Vol. 9. No 2*).

² «Реформы эры горбачевской перестройки дают хороший пример постепенных институциональных реформ» (*Stiglitz J. Whither Reform? Ten Years of Transition. P. 24*). Анализ социально-политических причин выхода СССР за рамки «хороших» реформ М. Горбачева посвящена также книга Д. Котца и Ф. Вайра (*Kots D., Weir F. Revolution from Above: The Demise of the Soviet System. L.; N. Y.: Routledge, 1997*).

в большую зависимость от настроений населения. Однако это не совсем так: Горбачев прежде всего попытался добиться экономических сдвигов. Когда же в экономике стали обнаруживаться серьезные сбои, он обратился к политическим реформам, справедливо видя в них способ нейтрализации противников внутри партийной элиты.

Среди конкретных действий руководства СССР второй половины 1980-х годов, вылившихся в кризис экономики и власти, особо выделяются: попытка значительного увеличения объема инвестиций в условиях падения цен на нефть и соответственно сокращения доходов бюджета; антиалкогольная кампания, ставшая дополнительным мощным фактором роста бюджетного дефицита; предоставление самостоятельности руководителям предприятий без адекватного механизма, способного заставить их нести ответственность за эффективность хозяйственной деятельности; запуск механизма спонтанной приватизации (через аренду и кооперативы); неконтролируемое наращивание платежеспособного спроса при сжатии товарного предложения; либерализация банковской деятельности.

Подобное развитие событий характерно для всех крупных революций. Так называемые «правительства умеренных», уверенные в своей высокой популярности и рассчитывающие воспользоваться революционным энтузиазмом для достижения своих целей, в экономической политике склонны прибегать к экзотическим мерам, в результате которых происходит резкое обострение экономического кризиса. А это, в свою очередь, ведет к дальнейшей дестабилизации власти.

Главным результатом экономических реформ времен перестройки стало катастрофическое нарастание экономического кризиса. Его основными проявлениями были:

— товарный дефицит, достигший невиданных размеров и сопоставимый разве что с ситуацией в период «военного коммунизма» или сталинских «экспериментов» 1929–1933 годов;

— начало экономического спада при быстром росте номинальных доходов населения;

- быстрая деградация налоговой базы и приближение бюджетного дефицита к 30% ВВП;
- катастрофическое нарастание внешнего долга;
- распад единого экономического пространства.

К осени 1991 года страна в условиях дефицита продовольствия оказалась на грани голода, грозившего охватить основные индустриальные центры. СССР *de facto* прекратил свое существование уже в августе, что лишило Россию собственной валюты, обустроенных границ, армии, правоохранительной системы. В условиях тяжелейшего товарного дефицита и угрозы голода резко набирали силу сепаратистские тенденции внутри уже самой России, поскольку региональные власти стремились к установлению полного контроля за производством и распределением «своей» продукции безотносительно к потребностям национального рынка или требованиям законодательства¹.

Без осознания всего этого события рубежа 1991–1992 годов выглядят вообще сплошным недоразумением, когда начало посткоммунистических реформ в России объясняется результатом ошибочного выбора, сделанного Б. Ельциным и Е. Гайдаром в пользу «монетаризма» и связанного с ним либерального варианта вхождения в рынок. Однако реальное развитие было совершенно иным. Вряд ли кто-то может заподозрить Б. Ельцина в том, что он является либералом. И вряд ли в конкретных российских традициях либерализм мог бы приобрести сколько-нибудь значительное влияние, если бы не было для того серьезных политических резонансов. Просто в отсутствие реальных административных рычагов единственное, что оставалось российским властям, — пойти по пути последовательной либерализации². Либерализация рубежа 1991–1992 годов позволила избежать голода и холода зимой, не допустить

¹ Подробнее см.: *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус. 1996. С. 132–136.

² Это соответствовало и тому культурному, интеллектуальному ренессансу либерализма, который происходил тогда в мире. Символом времени стала знаменитая книга Ф. Фукуямы «Конец истории» (*Fukuyama F. The End of History and the Last Man.* L.: Penguin Books, 1992).

распада России¹. Однако как только непосредственные опасности такого рода были устранены, а административный ресурс власти минимально восстановлен, подавляющая часть политической элиты отвернулась от экономического либерализма. Хотя периодически вновь возвращалась к нему при обострении кризисных явлений.

Отсюда и радикализм первых посткоммунистических шагов. Но сам по себе радикализм еще не выступает признаком (и порождением) революционного характера трансформации. Как мы уже отмечали, радикализм первого посткоммунистического этапа прямо пропорционален глубине макроэкономических дисбалансов и не обусловлен одной лишь политической нестабильностью. А вот что действительно является прямым порождением революционного кризиса и особенно его радикальной фазы, так это прагматизм и идеологическая раскованность предпринимаемых действий.

Последнее заслуживает специальных комментариев. Тем более что Дж. Стиглиц неоднократно проводит сравнение радикальных реформ в России с деятельностью главных действующих лиц двух великих революций прошлого — якобинцев и большевиков (с. 26–27). И эта параллель, по нашему мнению, действительно имеет под собой серьезные основания, хотя и совершенно отличные от тех, которые выдвигает автор статьи «Куда ведут реформы?»

Совершенно не соответствует реальности представление, согласно которому жесткость и решительность действий радикальных правительств, пришедших к власти во время великих революций прошлого, были связаны с радикализмом их идеологии, со стремлением реализовать свои программные установки, порвать с наследием старого режима в кратчайшие сроки. Если отойти от характерных для обыденного сознания стереотипов и обратиться

¹ Сейчас, по прошествии времени, можно возразить, что эти опасности были сильно преувеличены. Однако тогда эти опасности воспринимались куда как серьезнее, причем не только политиками, но и жителями страны. И с неменьшим основанием можно сказать, что не реализовались подобные опасения именно благодаря своевременно принятым реформаторами мерам.

к научным (а не публицистическим) работам, можно увидеть совершенно иную картину. Радикальные правительства никогда в своей деятельности не ориентировались на свою программу. Это как раз ранние, «умеренные революционные правительства» пытаются осуществлять «научно обоснованные» преобразования, ориентируясь на все самое лучшее, что дает опыт старого режима и революции, стремясь к «инкрементализму, постепенности, адаптивности». Практика свидетельствует, что именно действия, проводимые уже ослабленной властью, приводят к резкому обострению кризиса. Без глубокого кризиса «инкрементализма» радикальные правительства никогда не приходили бы к власти. Получив же власть, радикалы действуют прагматично, хотя и прикрываются различными лозунгами и идеологемами.

Политическая суть деятельности радикальных правительств состоит в защите новой системы отношений от реставрации. И это главное. Экономическая политика и якобинцев, и большевиков была подчинена решению данной задачи, в результате чего они легко пересматривали свои доктринальные установки¹.

Таким образом, если и имеет смысл говорить о «якобинстве» начальной фазы посткоммунистических реформ в России, то совсем не в том смысле, как пишут об этом некоторые авторы. Якобинство состояло не в приверженности определенной идеологии, не в решительном сломе старых

¹ Якобинцы, известные своей политикой «максимума» (контроль за ценами), изначально были принципиальными противниками мер, которые включала подобная политика. Большевики, придя к власти, взяли на вооружение эсеровскую земельную программу, затем отказались от нее. То же было с идеями национализации, к которым возвращались и от которых отказывались в зависимости от ситуации на фронтах. Еще более показательна малоизвестная ситуация с «отменой денег» большевиками: соответствующие решения были приняты тогда, когда колчаковские войска захватили золотой запас страны (*Furet F. The French Revolution 1770–1814. Oxford and Cambridge, Mass.: Blackwell, 1996; Aftalion F. The French Revolution: An Economic Interpretation; Далин С. Инфляция в эпохи социальных революций. М.: Наука, 1983*). Причем большевиков отличала особенно высокая «степень прагматизма». Наученные горьким опытом якобинцев, они успели вовремя «самотермидоризоваться» (выражение Ленина) и пойти на радикальный слом экономической модели, сложившейся на радикальной фазе революции.

институтов, не в завышенных темпах проведения преобразований, а в четком осознании необходимости концентрации всех сил и ресурсов для стабилизации политической ситуации, для сохранения нового режима перед лицом серьезных политических и экономических угроз. Именно понимание этой проблемы первым посткоммунистическим руководством России и сознательное противодействие «угрозе реставрации» доступными средствами (к тому же не допускающими эксцессов революций прошлого) обусловили выживание новой политической системы, хотя подчас и ценой крайней непоследовательности, значительных колебаний экономического курса. Но именно благодаря этой гибкости и одновременно решительности действий иные авторы теперь получили возможность писать о *несбывшихся* политических опасениях реформаторов начала 1990-х годов (с. 7).

Потому-то «горбачевский инкрементализм» (о котором с видимым удовольствием пишет Дж. Стиглиц) и радикализм послегорбачевского этапа только при поверхностном знании фактов выступают антиподами, тогда как на самом деле между ними существует органичная связь. И не только чисто экономическая, когда более высокая степень разбалансированности экономики оборачивается более болезненными мерами по финансовой стабилизации. Видна глубокая историческая связь экспериментов «умеренных революционеров-реформаторов» и последующих правительств революционного периода, связь, вытекающая из опыта революций прошлого и вновь обнаружившая себя в условиях современной России.

Слабость государственной власти в значительной, если не в подавляющей, мере определяет особенности действий правительства практически во всех сферах экономической жизни. Прежде всего, это относится к процессам приватизации.

Приватизация в условиях слабого государства

Одним из ключевых положений концепции Дж. Стиглица и большинства других критиков является трактовка ваучерной приватизации как источника ослабления государства

и многих последующих бед российской экономики и политики. Мы увидели, что к началу приватизации власть уже была радикально ослаблена и практически не имела возможности влиять на важнейшие общественные процессы в стране. Теперь мы намерены показать, каким образом слабость государства влияет на формы и механизмы осуществления приватизации.

В принципе можно выделить три основные задачи, решение которых обычно связывается с приватизацией, — экономическая, фискальная и социально-политическая.

Экономическая задача приватизации нацелена на формирование эффективного собственника. Она провозглашалась еще советским руководством на рубеже 1980–1990-х годов, когда оно даже не решалось говорить о «приватизации» (предпочтение отдавалось термину «разгосударствление»), но находилось под чарующим воздействием успехов политики британских консерваторов во главе с М. Тэтчер. Падающая эффективность производства, вползание страны в экономический кризис требовали новых решений, а логика политической демократизации, переориентации страны на западные ценности естественным образом подводила к признанию частной собственности в качестве предпосылки позитивных экономических сдвигов.

Начавшийся во второй половине 1980-х годов острейший фискальный кризис также стимулировал повышение интереса к приватизации как возможному механизму пополнения бюджета при одновременном сокращении «денежного навеса», «связывании» выплеснувшихся на рынок огромных денежных ресурсов. Правда, на протяжении довольно долгого времени выполнение данной функции практически полностью блокировалось отсутствием в стране достаточных для этого капиталов.

Наконец, при помощи приватизации руководство страны стремилось решить задачи укрепления собственного политического положения, а также формирования коалиции для поддержки того или иного экономического курса. Именно последний фактор стал ключевым в начале 1990-х годов, когда посткоммунистические преобразования вступили

в решающую фазу и конфликт между силами неокommунизма и рыночной демократии обострился до предела, что привело к неконституционным эксцессам (август 1991 года и октябрь 1993 года). Вопросы собственности не могли не выступать здесь мощным аргументом в формировании союзов между политическими силами и влиятельными группами экономических интересов.

Неудивительно, что развитие событий в России соответствовало логике преобразований собственности в ходе великих революций (прежде всего английской революции середины XVII века и французской революции конца XVIII века). Манипуляции с недвижимостью вообще являются важнейшей чертой политики слабой государственной власти. Конечно, в широком историческом контексте операции с собственностью должны способствовать решению всех трех перечисленных выше задач. Однако в краткосрочном периоде эти задачи нередко вступают в непримиримое противоречие. И в такой ситуации, как правило, на передний план выходит социально-политическая функция, затем (по мере стабилизации власти) — фискальная и только потом — экономическая¹.

В этом отношении особенно интересен для нас английский опыт 1650-х годов, где были задействованы различные формы перераспределения собственности.

Во-первых, были проданы королевские земли, причем большая их часть попала в руки членов парламента, генералов революционной армии и финансистов Сити, обеспечивавших парламентариев и генералов денежными ресурсами.

Во-вторых, продавались земли аристократов-роялистов; весьма распространенной формой здесь был выкуп своих земель самими же собственниками (через подставных лиц, а иногда и непосредственно). В социально-экономическом отношении это была очень важная сделка: казна получала дополнительные средства, а собственность освобождалась от старых феодальных ограничений. Английская революция

¹ Подчеркнем, здесь речь идет только о приватизации в условиях слабого государства. Приватизация, проводимая стабильным правительством, имеет другую логику. Скажем, британская приватизация 1980-х годов могла сочетать в себе решение всех трех групп задач.

показала, что изменение формы собственности не должно отождествляться с изменением субъекта собственности. При этом первое в стратегическом отношении является мерой гораздо более важной, чем второе.

Наконец, в-третьих, перераспределение ирландских земель осуществлялось через механизм, аналогичный ваучерному. Не имея денег для уплаты жалования солдатам, правительство выпустило ценные бумаги — свидетельства на право собственности на землю в Ирландии после подавления там восстания. Этими бумагами расплатились с армией: солдаты немедленно продали значительную часть бумаг с большим дисконтом, после чего критики режима на протяжении долгого времени упрекали власти в том, что земли достались не рядовым гражданам, а кучке спекулянтов. Однако ирландское восстание было подавлено и собственность перераспределена.

Нетрудно увидеть, что на протяжении последних пятнадцати лет круг задач российской приватизации постепенно менялся. Суть этих изменений получила отражение в названиях форм приватизации — «директорская», «народная», «денежная».

Уже реформа предприятий 1987–1988 годов означала шаг в направлении приватизации в пользу директоров. Руководство предприятий оказывалось практически свободным от вышестоящих органов хозяйственного управления, а зависимости от собственников не возникало из-за отсутствия последних. Этот шаг горбачевской администрации был одним из ключевых моментов в революционизировании «перестройки» и представлял собой попытку расширения социальной базы реформаторов за счет привлечения на свою сторону директорского корпуса и отчасти трудовых коллективов, которые получили право избрания директоров¹. Как выяснилось позднее, это был шаг к административной и организационной дестабилизации, поскольку в обществе появился влиятельный слой хозяйственных субъектов, не

¹ См.: *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. С. 149–151; *Aslund A.* How Russia Became a Market Economy. Washington, DC: The Brookings Institution, 1995. P. 225–226.

связанных в своих действиях ни административными, ни рыночными ограничителями.

Практически для всех основных нормативных документов, регулирующих процессы приватизации в РФ¹, характерно, по крайней мере, формальное переплетение всех трех задач приватизации. При этом специфика различных документов, принимавшихся на разных этапах экономической реформы, достаточно велика. Так, первые (позднесоветские) документы Российской Федерации по приватизации отличает доминирование политических и фискальных задач². Стремление к укреплению социальной базы российского руководства в противовес союзной власти прослеживается и в заигрывании с фактически приватизирующим предприятия директорским корпусом, и в предоставлении трудовым коллективам разнообразных льгот при формальной приватизации соответствующих предприятий. Предполагалось, что подобные меры будут способствовать укреплению политических позиций российской власти — как непосредственно, так и путем стимулирования перехода предприятий из союзного подчинения в республиканское. Подчеркнем, что все это было сделано еще на умеренном, советском этапе реформ (точнее, революции).

В первых посткоммунистических документах в качестве задач приватизации фигурируют: «содействие общим целям политики экономической стабилизации»; «обеспечение при приватизации резкого повышения экономической

¹ «О собственности в СССР» (закон СССР от 6 марта 1990 года); «О предприятиях в СССР» (закон СССР от 4 июня 1990 года); «О собственности в России» (закон РСФСР от 24 декабря 1990 года); «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» (закон РСФСР от 3 июня 1991 года); Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год (утверждены указом Президента Российской Федерации от 29 декабря 1991 года); Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год (утверждена постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 11 июня 1992 года); Государственная программа приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации (утверждена указом Президента Российской Федерации от 24 декабря 1993 года).

² См., например: законы РСФСР «О собственности в России» (от 24 декабря 1990 года) и «О приватизации государственных и муниципальных предприятий» (от 3 июня 1991 года).

эффективности деятельности предприятий на основе их передачи в руки наиболее эффективных собственников»; «увеличение бюджетных доходов»¹. Отсутствие зафиксированных в документах социально-политических целей приватизации более чем показательны и требует некоторых пояснений. Разумеется, было бы ошибкой считать, что исповедующее экономический либерализм первое правительство независимой России не связывало с приватизацией ожиданий социального характера — напротив, формирование слоя частных собственников было одной из его важнейших программных задач. Однако эта проблема виделась тогда стратегической и не рассматривалась в качестве рычага укрепления политических позиций нового режима. Такое понимание роли приватизации пришло позднее, уже во второй половине 1992 года. Поначалу же правительство было склонно проводить курс, выходящий за рамки тех или иных групп интересов. Напротив, задача быстрой макроэкономической стабилизации и соответственно преодоления фискального кризиса была главной. Поиск неинфляционных источников финансирования государственных расходов с характерным для постсоциализма их высоким уровнем делал исключительно актуальной возможность привлечения в бюджет средств от приватизации.

Однако реальное развитие событий пошло в ином направлении — по причине отсутствия как консенсуса по ключевым социально-политическим вопросам, так и сильной государственной власти. Уже к середине 1992 года в стране сформировалась мощная оппозиция стабилизационному курсу — под требованием у правительства денег «подписались» представители всех отраслей и секторов отечественной экономики, даже тех, чьи интересы в других условиях были противоположными. Под этим напором правительство вынуждено было отступить в макроэкономической области, что обернулось инфляционным взрывом осени 1992 года. Но одновременно оно стало предпринимать шаги по формированию

¹ Основные положения программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации на 1992 год (утверждены 29 декабря 1991 года) // Экономическая политика правительства России. М.: Республика, 1992. С. 28–29.

социально-политической коалиции в свою поддержку. Важнейшим моментом здесь стала приватизация.

Свои социально-политические функции приватизация могла выполнить двояким образом. Во-первых, путем привлечения на сторону реформаторов части директорского корпуса, прежде всего руководителей, которые были способны обеспечить эффективное функционирование своих предприятий в условиях жестких спросовых ограничений, рыночной конкуренции и чья активность страдала из-за отсутствия четких правовых гарантий прав собственности. Во-вторых, путем хотя бы временного привлечения населения к перераспределению, на что и была нацелена модель массовой ваучерной приватизации.

Уже летом 1992 года намечаются существенные сдвиги в подходах к приватизации. Уходит в тень фискальная задача, поскольку стабилизация в России явно откладывалась и инфляция становилась устойчивым феноменом, а тем самым проблема бюджетных доходов на время потеряла свою остроту. Меньше внимания уделяется и проблеме эффективного собственника, так как в условиях длительной высокой инфляции формирование такового было делом практически невозможным. И в результате на передний план выдвигается социально-политическая задача приватизации. Это отчетливо прослеживается в обеих версиях Государственной программы приватизации — от 11 июня 1992 года и особенно от 24 декабря 1993 года¹. Несмотря на обязательное указание в них на важность «формирования широкого слоя частных собственников как экономической основы рыночных отношений»², механизм ваучерной приватизации в краткосрочном плане был нацелен на решение иных задач. Он включал как меры, позволявшие усилить роль директорского корпуса, так и популистские шаги в сторону «народной»

¹ Такое развитие событий не только не является странным, но, напротив, отражает логику развития революции на ее радикальной фазе. Например, якобинцы, оказавшись перед выбором между темпом раздачи земельной собственности и фискальной эффективностью этой процедуры, вынуждены были отдать предпочтение первому.

² Приватизация в России. Сборник нормативных документов и материалов. Часть 1. М.: Юридическая литература, 1993. С. 70.

приватизации, способной вовлекать в процессы передела собственности все население страны. Кроме того, население городов получило в собственность практически бесплатно свои квартиры, а сельские жители — наделы земли.

В результате усилий правительства в 1992–1994 годы социально-политические цели были в основном достигнуты. Директорский корпус уже в 1993 году обнаружил явные признаки раскола на сторонников и противников продолжения рыночных реформ — на тех, кто смог адаптироваться к рыночной конкуренции, и тех, кому нужны были постоянная государственная финансовая «подпитка» и протекционизм во внешнеэкономической сфере. Значительная часть населения, правда, почувствовала себя обманутой, что отразилось на итогах парламентских выборов 1993 и 1995 годов, но ключевые с точки зрения развития реформ президентские выборы 1996 года были сторонниками продолжения рыночных преобразований все-таки выиграны.

Ваучерный механизм не был и не мог быть эффективным, что признавали сами реформаторы. Однако это был тот популизм, который в краткосрочном плане обеспечивал поддержку власти, а в среднесрочном способствовал формированию нового класса собственников, заинтересованных в устойчивости новой российской экономики. Именно это дало возможность сформировать антикоммунистическую и антиинфляционную коалицию, которая обеспечила решение первичных задач макроэкономической и политической стабилизации.

В середине 1990-х годов, по мере укрепления новой власти и обострения бюджетного кризиса, акценты в приватизации были перенесены в фискальную область. Правительству, лишившемуся инфляционного налога, нужны были деньги, и приватизация могла стать важным источником их получения. Такое изменение ситуации дестабилизировало сложившуюся ранее коалицию, ожидавшую от власти продолжения курса на «стратегическое партнерство». Но правительство посчитало себя уже достаточно сильным, чтобы противостоять новым группам интересов, и это стало

фактором обострения политической борьбы на протяжении 1997–1998 годов.

Перечислим основные общие черты, характерные для перераспределения собственности в условиях революции.

Во-первых, финансовый эффект от перераспределения собственности всегда оказывается значительно меньше ожидаемого. Ошибочными обычно бывают и сами оценки, поскольку они основываются на старых нереальных представлениях о стоимости подлежащих перераспределению активов. Реальная же стоимость оказывается гораздо ниже, что связано и с политической неопределенностью, и со значительными объемами перераспределения собственности, и с необходимостью повышения темпов проведения реформ в политических целях.

Во-вторых, немалая часть собственности попадает в руки спекулянтов и используется затем для перепродажи. Это также является следствием политической нестабильности и высокой скорости перераспределительного процесса. Поэтому требуется дополнительный, иногда довольно продолжительный период, в течение которого имущество обретает своего эффективного собственника.

В-третьих, как свидетельствует опыт ряда революций, немалая часть собственности остается в руках старой политической и экономической элиты, которая находит возможность «откупиться» от новой власти. Особенно это характерно для революций, в которых политическая компонента доминирует над социальной.

Однако, какой бы спецификой ни обладали эти процессы, они постепенно приводят к консолидации политической власти, к укреплению новой элиты. И именно эта цель является главной в процессе революционной трансформации собственности.

Говоря конкретно о России, важно заметить, что приватизация даже в экзотических формах (ваучеры, залоговые аукционы и т. п.) была, скорее, фактором укрепления власти, а не ее ослабления. Можно, конечно, утверждать, что власть эта была плоха и неэффективна, но данный вопрос относится уже к сфере чистой политики и связан с предпочтениями

каждого конкретного человека. Рассматривая же российскую приватизацию с политэкономической точки зрения, мы должны трактовать этот процесс как преимущественно социальный, то есть связанный не с реализацией некоей идеальной модели, но как результат реальной политической борьбы различных групп интересов, многие из которых обладали на начальных этапах посткоммунистических реформ большими ресурсами, чем государственная власть.

* * *

В настоящей статье мы рассмотрели аргументы, которые чаще всего можно встретить в статьях западных критиков российских реформ. Сказанное не должно восприниматься как попытка оправдать все, что было сделано, или как уверенность в безошибочности политики последнего десятилетия. Отнюдь нет. Мы лишь хотели показать, что процесс российских преобразований — феномен гораздо более сложный, чем представляется большинству экспертов, наблюдающих его со стороны, издалека.

Сказанное не должно умалять интереса к работам жестких критиков российских реформ, как, впрочем, и к работам авторов, позитивно оценивающих российский опыт¹. Однако надо хорошо себе представлять, что в подавляющем большинстве содержащаяся в них полемика является полемикой западных экономистов друг с другом по поводу *их представлений о том, что происходит в России* и как это соответствует *их* теоретическим моделям.

С завершением последнего десятилетия XX века завершается и посткоммунистическая трансформация. Ее результаты различны, однако трудности, с которыми столкнулись сейчас бывшие социалистические страны, уже типичны для стран с рыночной экономикой, хотя и находящихся на

¹ Среди работ подобного рода в последнее время весьма, впрочем, малочисленных, довольно интересны уже упоминавшаяся книга А. Шлейфера и Д. Трейсмана с характерным названием «Без карты» (Shleifer A., Treisman D. Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia), а также статья А. Ослунда «Россия на ремонте» (Aslund A. Russia on the Mend // Chase. International Fixed Income Research. 1999, September 7).

разных ступенях политического и экономического развития.

Вместе с тем пока еще рано говорить о полном осмыслении проблем посткоммунистической трансформации и построении исчерпывающих теоретических моделей. Ведь переход от командной экономики к рыночной является беспрецедентным в мировой истории: экономисты получили уникальный опыт исследования качественно нового феномена, возникшего буквально на глазах.

Разумеется, за нынешними дискуссиями стоят не только чисто научные интересы. Отчасти они порождены задачами своеобразного интеллектуального реванша: те исследователи (прежде всего советологи), которые «по долгу службы» были должны, но не смогли предсказать крах коммунизма и СССР, на протяжении еще долгого времени будут доказывать, что их теории были верны, а действительность ошибочна. Отчасти в дискуссиях будут отражаться и некоторые политические мотивы, связанные с поиском Россией своего места в современной мировой политике.

Но не об этом речь. То, что действительно важно и интересно, находится в сфере собственно экономического анализа, максимально удаленного от конъюнктуры и политики. Подобный анализ будет непростым для исследователей и, наверное, неприятным для некоторых реформаторов. Однако его будет отличать знание фактов, теоретические конструкции будут строиться на основе тщательного исследования реальных событий, а не на газетных сенсациях¹.

¹ Собственно, такие работы на Западе уже есть, и многие из них появляются на страницах журнала «Вопросы экономики». Упомяну лишь некоторые: *Старк Д.* Рекомбинированная собственность и рождение восточноевропейского капитализма (1996. № 6); *Бруно М.* Глубокие кризисы и реформа (1997. № 2); *Фишер С., Сахан Р., Вег К.* Стабилизация и рост в переходных экономиках: первые уроки (1997. № 5); *Шаванс Б.* Эволюционный путь от социализма (1999. № 6).

РОССИЙСКИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕФОРМЫ: ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

В данной статье будут рассмотрены две большие группы вопросов. В начале мы сосредоточимся на анализе сущности, характера российской трансформации последних десяти-пятнадцати лет, рассмотрим соотношение российских реформ с общемировыми тенденциями, с тенденциями развития советского общества, а также вопросы общего и особенного в этих реформах, этапы развития и результаты прохождения определенных этапов. Вторая часть, вытекающая из первой, посвящена современным проблемам развития российской экономики, ее состоянию, программам, перспективам, приоритетам экономической политики.

1. Российская трансформация в историко-экономическом контексте

Вокруг экономических реформ вообще и российских в особенности идут очень острые дискуссии. Наверное, они

будут идти еще очень долго, одни и те же события будут интерпретироваться и оцениваться с противоположных точек зрения. Одной из широко распространенных тем является специфичность России и экономических реформ в России. Отсюда возникает целый веер вопросов о том, в какой мере вызовы, стоявшие перед Советским Союзом и перед Россией, были исключительны именно для этой страны. Отсюда же следует и набор вопросов (или упреков) к реформаторам: в какой мере следовало учитывать специфику советской или российской действительности, в какой мере трудности осуществления реформ являются результатом недооценки российской специфики или, наоборот, результатом избыточной ее оценки? В какой мере наши реформы являются результатом набора субъективных действий или ошибок — недопонимания, неправильного учета, в какой они объективно обусловлены? Наконец, существенный вопрос, который может быть предметом вечного спора: являются ли российские реформы успешными или, напротив, провальными?

Вообще-то, это бессмысленная дискуссия, поскольку ответ на последний вопрос — об успехе или провале — зависит от той или иной интерпретации критерия успеха или провала. Например, классический вопрос: перестройка завершилась успехом или провалом? Если задачей перестройки было реанимировать коммунизм, то она, конечно, провалилась. А если перестройка должна была обеспечить мирный выход из коммунизма с минимальной кровью и минимальными потерями, то надо признать, что она завершилась совершенно великолепными результатами (достаточно сравнить Россию с Югославией).

Вопрос еще более усложняется, если в анализ внести фактор времени. Интерпретация через два месяца и через два года после события нередко бывает противоположной. В сентябре 1998 года С. Кириенко пытался отделить себя от августовского кризиса, заявляя, что от него уже мало что зависело, поэтому его нельзя обвинять в событиях августа — он пришел слишком поздно. А в конце 1999 — начале 2000 года на фоне поступательного развития российской экономики он уже мог говорить, что эти успехи явились результатом глубоко

продуманных решений его кабинета. Причем надо признать, что обе эти оценки совершенно справедливы.

Первый вопрос, который мы поставили, — о специфичности российской трансформации. Как всегда, есть две позиции: (1) Россия — совершенно уникальная страна, со своей историей и культурой, и реформы здесь можно проводить только с учетом ее специфики; (2) Россия — нормальная экономика, не более отличающаяся от других стран, чем вообще страны отличаются одна от другой. В этом втором случае при сопоставлении стран надо, разумеется, принимать во внимание уровень социально-экономического развития страны, измеряемый показателем среднедушевого ВВП¹. Действительно, одной из ключевых тем дискуссии 1990-х годов был вопрос о том, насколько специфичны российские проблемы, в какой мере они детерминируются историческим опытом и национально-культурными особенностями развития страны и соответственно в какой мере допустимо использование универсальных подходов и опыта других стран для разработки и осуществления программы посткоммунистической трансформации России. Прошедшее десятилетие позволяет сделать некоторые обобщения и выводы по этим вопросам. Это тем более важно, что ответ на них позволяет не только подвести итоги первого посткоммунистического десятилетия, но и сформулировать ряд важных проблем дальнейшего развития страны на путях демократии и рынка.

¹ То есть экономическую политику стран имеет смысл сравнивать не в определенном году, а в десятилетия, когда разные страны находились на сопоставимом уровне ВВП на душу населения — это очень важный интегрированный индикатор, который позволяет сопоставлять страны. Бессмысленно сопоставлять страны с уровнем в 2 тыс. и в 20 тыс. долл. на душу населения — не потому, что это разный доход, а потому, что это структурно разные экономики. Скажем, если ВВП на душу составляет от 1–1,5 тыс. долл. в ценах 1990 года, то это страна с доминированием аграрного населения и сельского хозяйства в ВВП, грамотность меньше 50%, это, скорее всего, монархия или квазимонархический режим; 5 тыс. долл. — это индустриальное общество, большинство городского населения, больше половины ВВП производится в промышленности; 20 тыс. — это страна с признаками постиндустриальной экономики. И только в этом смысле имеет смысл сравнивать страны — нельзя ожидать от аграрной монархии той же политики, того же окна возможностей, которые проводят страны, сталкивающиеся с постиндустриальными вызовами.

В конце 1980-х годов перед Россией (точнее, перед СССР) в полный рост встали четыре масштабных исторических вызова, которым соответствовали четыре различных процесса преобразований. И именно эти процессы в полной мере предопределяли развитие страны на протяжении 1990-х. Эти процессы, не будучи непременно внутренне связаны друг с другом, оказались в России тесно переплетенными и оказывали существенное влияние друг на друга и, главное, на характер экономического и политического развития страны.

Прежде всего, страна столкнулась с вызовами постиндустриальной эпохи. Выход за рамки индустриального общества сопровождается тяжелым структурным и макроэкономическим кризисами, через которые прошли страны Запада в 1970-е годы. СССР в результате благоприятной внешнеэкономической конъюнктуры смог отсрочить начало структурной адаптации, но тем болезненнее она оказалась тогда, когда стала абсолютно неизбежной. Структурный кризис советской хозяйственной системы, который в полной мере проявился в масштабном спаде уже российской экономики, стал проявлением тех же процессов, которые применительно к западным странам 1970-х годов описывались термином «стагфляция»¹.

К началу 1980-х годов в Советском Союзе сложилось достаточно зрелое индустриальное общество, достаточно монополизированное, с доминированием крупных индустриальных форм промышленности в ВВП, с доминированием городского населения, — нормальное индустриальное общество, которое уже к 1960-м годам XX века обнаружило признаки кризиса. 1970-е годы в Европе и США были тяжелыми — это был период спада производства, двузначной инфляции, период адаптации к постиндустриальным вызовам. Тяжелое изменение структуры, закрытие значительной части предприятий тяжелой промышленности, угольный

¹ Характеристика российского кризиса как кризиса индустриального общества содержится в работах некоторых исследователей (см.: *Bauman Z. A Post-Modern Revolution? // From a One-Party State to Democracy. Amsterdam: Rodopi, 1993; Rosser J.B., Rosser M.V. Schumpeterian Evolutionary Dynamics and the Collaps of Soviet-Block Socialism // Review of Political Economy. 1997. Vol. 9. No 2).*

кризис — если посмотреть, что делала М. Тэтчер со структурой британской экономики в 1980-е годы, что приходилось делать США в 1970-е и начале 1980-х, — структурно это весьма напоминает наш современный кризис. Другое дело, что в силу гораздо большей гибкости экономических и политических институтов на Западе это происходило более постепенно и более растянуто во времени — разные отрасли реформировались на разных этапах, экономика реагировала более гибко, политический режим позволял выпускать пар через смены правительств. Процесс занял достаточно длительный период, те же лет пятнадцать, но в более смягченных социальных и экономических условиях.

Советский Союз столкнулся в 1960-е годы с той же проблемой, и реформа 1965 года была в какой-то мере попыткой начать отвечать на те же вызовы. Но жесткость политической структуры, с одной стороны, и изобилие природных ресурсов, с другой, наложившиеся на нефтяной шок, привели к тому, что адаптации не произошло. С проблемами, которые решали западные и часть латиноамериканских стран в 1970-х — начале 1980-х годов, Советский Союз в полной мере столкнулся, когда нефтяные цены упали.

Феномен природных ресурсов — это важный и интересный самостоятельный фактор в адаптивности и эффективности экономики. Опыт послевоенного мира достаточно убедительно свидетельствует, что природные ресурсы являются негативным фактором экономического роста в средне- и долгосрочной перспективе. Совершенно очевидно сравнение Африки и Юго-Восточной Азии — регионов, которые после Второй мировой войны находились в примерно одинаковом экономическом положении. Ожидания об Африке были как о будущем рае, поскольку в ней имеется изобилие нефти, алмазов, других ресурсов; в Юго-Восточной Азии — страны, бедные ресурсами, о которых никто ничего не знал. Результаты развития оказались прямо противоположными. Единственным исключением являются страны Персидского залива и Норвегия. Но здесь две очевидные особенности: страны Залива — это абсолютные монархии, только в некоторых из них присутствуют элементы демократизации,

и там национальные ресурсы — это всегда семейные ресурсы, бюджет и личная казна монарха — это почти одно и то же. Норвегия — тот счастливый случай, когда природные ресурсы были открыты в стране с уровнем ВВП на душу населения, сильно превышающим 20 тыс. долл., в стране с уже устоявшимися демократическими институтами, прозрачной процедурой принятия решений. Но сколько бы примеров ни приводить, факт остается фактом — страны с изобилием природных ресурсов, как правило, оказывались на положении заложников большого числа местных или внешних бандитов и авантюристов. И в Африке, и в Юго-Восточной Азии после Второй мировой войны к власти приходили в основном бандиты — неважно, правого или левого толка. Разница состояла в том, что если африканские бандиты могли позволить себе грабить природные ресурсы, формировать счета в швейцарских банках, то основным способом формирования благосостояния в странах Юго-Восточной Азии было развитие производства.

Советскому Союзу в этом смысле не повезло дважды. Когда основные страны Запада занялись структурной перестройкой, на СССР посыпались очень дешевые нефтяные ресурсы. Я хочу напомнить, что цена барреля нефти (Самотлорского месторождения) в конце 1970-х годов составляла около 80 долл. в нынешних ценах. Естественно, в этих условиях страна могла себе позволить почти любую внешнюю политику, умеренный рост благосостояния (далекий от западного, нодвигающийся по направлению к западным стандартам), что стабилизировало политическую ситуацию, но было чревато неприятными потрясениями, когда этот источник иссяк. В этом смысле неудивительно, что падение цен на нефть совпадает с началом перестройки: в 1984 году падает цена на нефть, в 1985 году советский бюджет впервые за десятилетия сводится с дефицитом, и правительство начинает решать, что делать.

И если посмотреть на структурные реформы, которые во многом стихийно происходят в России с конца 1980-х и на протяжении 1990-х годов, то видно, что это вовсе не спад, точнее, не только спад. Важно другое: в стране происходят серьезные

структурные изменения. Если посмотреть на структуру, на то, что происходит с российской экономикой в 1990-е годы, то можно обнаружить целый ряд секторов, которые бурно росли, несмотря на общий спад. Совершенно естественно, что это телекоммуникации, причем все виды — не только потребление телефонов, но и развитие телефонных сетей, бурный рост автомобилизации, бурный рост электронной промышленности, в том числе производства, не только потребления¹ (после 1998 года более чем на треть ежегодно), — тех секторов, которые характеризуют постиндустриальное общество. По последним опросам, частные расходы на образование в России существенно превышают американские (см. табл. 1).

Из всего этого не следует, что ситуация хороша, что спада не было, — спад, естественно, был и есть, но происходит структурная подстройка. Можно сказать, что она могла быть менее болезненной, но мы начали с того, что система была очень жесткой, она до определенного момента сопротивлялась структурным подстройкам, выталкивались новшества НТП, поскольку советская система в принципе, в силу своих особенностей, не была способна адаптировать новшества — она органически была так построена, так в ней работала система стимулов и санкций. Система подстраивалась под другой набор приоритетов. Сейчас же происходит подбор ценностей, связанный с постиндустриальными выходами.

Вторым процессом является собственно *посткоммунистическая трансформация*. Это был поистине уникальный эксперимент. Никогда в мировой истории (в том числе в экономической истории) не осуществлялся переход от тотально огосударственной экономики к рыночной. Естественно, наиболее сложным процессом здесь являлась трансформация собственности — приватизация в национальных масштабах. Однако этот переход не являлся чем-то

¹ За 1990-е годы электронная промышленность освоила порядка 700 новых изделий, отвечающих мировому уровню, 800 видов товаров народного потребления. Рост производства составил в 1999 году 46%, а в 2000 году — 37,7%. За последние годы значительно возрос экспорт электронной продукции, составив 70–80 млн долл. в год, в основном в страны дальнего зарубежья. (См.: *Смирнов В.* Большие перспективы микротехнологий и схем // Красная звезда. 2001. 17 марта; *Смирнов В.* Российская электроника — богач и бедняк // Российская газета. 2001. 17 апреля.)

Таблица 1

**Некоторые показатели социально-экономического развития,
1990-е годы (показатель 1991 года принят за 100%, если
не указано иное)**

	1992	1998	1999	2000
Образование				
Число вузов	103,3	176,1	180,8	183,5
Численность студентов в вузах	95,5	130,3	147,5	171,7
Выпущено специалистов из вузов	104,4	123	136,3	155,9
Численность профессорско-преподавательского состава	109,1 (1993)	113,6	116,5	
Производство				
Видеокассеты	107,7	1157	944	
Доля производства прогрессивных лакокрасочных материалов	72	82	85	
Доля электро- и кислородно-конвертерной стали в общем объеме выплавки стали (%)	50	72	72	72,6
Доля стали, полученной с машин непрерывного литья (%)	28	52	50	49,7
Производство цветных металлов	99,4	111,4	117	120,6
Транспорт				
Обеспеченность населения собственными легковыми автомобилями (штук на 1000 населения)	107,9	192,1	201,7	
Автомобильных дорог с твердым покрытием (на 1000 кв. км территории)	103,3	111,1	111,3	
Связь				
Число телефонных аппаратов сети общего пользования	101,6	123,8	130,7	135,7
Обеспеченность населения домашними телефонными аппаратами (на 100 семей)	105	137,6	147,6	
Протяженность междугородных телефонных каналов	106,3	252,8	351,1	
Доля протяженности цифровых каналов в общей протяженности междугородных телефонных каналов (%)	1,5	56,9	69,1	
Число зарегистрированных факсов	206,2	1706 (1997)		
Число пейджеров	100	3838	4118	
Сотовых телефонов	100	12695	23600	

Источник: Госкомстат РФ.

специфическим для России: одновременно посткоммунистические преобразования осуществляли еще порядка двадцати пяти государств, причем Россия не была первопроходцем: ряд стран начали этот переход на два-три года раньше, что давало постсоветским республикам определенный, хотя и не очень богатый, опыт.

Третий процесс — макроэкономический кризис, с которым столкнулась Россия и который стал результатом популистской экономической политики (начиная со второй половины 1980-х годов). Это привело к развалу бюджетной и денежной системы, к исключительно высоким темпам инфляции, к падению производства. Впрочем, макроэкономический кризис и пути борьбы с ним были уже хорошо изучены к концу XX столетия. В послевоенный период схожие проблемы приходилось решать многим странам Европы, Азии и Латинской Америки, да и сама Россия имела определенный позитивный опыт преодоления макроэкономического кризиса (в 1922–1923 годах).

Отчасти этот кризис был связан с кризисом индустриального общества. Ведь структурная трансформация экономики частично смягчается через инструменты денежной политики, через инфляционный механизм. Однако если в США это смягчение происходило в условиях максимум 16%-ной инфляции, то в России инфляция достигала трехзначных (а в 1992 году и четырехзначных) значений. Впрочем, пути преодоления этого кризиса также достаточно хорошо известны — ортодоксальный или гетеродоксный, есть обширнейшая литература на эту тему. Как говорил Гайдар в начале 1992 года, при всей политической болезненности того, что предстояло сделать, это была, скорее, «задача для дураков». Чтобы провести макроэкономическую стабилизацию, нужны, прежде всего, политическая воля и харизма (или полицейские дубинки), которыми должно сдерживаться общественное недовольство. Через это прошли практически все постсоциалистические страны, у которых была разболтанная экономика после краха коммунизма — Польша, балтийские страны. (Не прошли, естественно, Венгрия и Чехия, где экономика была сбалансирована.) Стабилизационная

политика в России мало чем отличалась от стандартных латиноамериканских или израильских процедур 1970-х годов.

Четвертой особенностью является то, что экономико-политические, макроэкономические и структурные преобразования в России на рубеже 1980–1990-х годов осуществлялись в условиях полномасштабной социальной революции. Системные преобразования, радикально изменявшие общественное устройство страны, протекали в условиях слабого государства, что и представляет собой сущностную характеристику революции. К началу посткоммунистических преобразований разрушенными оказались практически все институты государственной власти, и их восстановление было, по сути, центральной политической задачей первого посткоммунистического десятилетия. Более того, экономические реформы продвигались только по мере восстановления институтов государственной власти, что приводило к гораздо более медленным темпам преобразований, чем в большинстве других посткоммунистических стран. Революционный тип преобразований был уникален среди стран, осуществлявших посткоммунистический переход, однако он также не был абсолютно нов в европейской истории.

Нашу трансформацию можно сравнивать с великими революциями прошлого, потому что правительства, неспособные собирать налоги, неспособные проводить осмысленную бюджетную политику, существующие в условиях полицентризма власти, когда реально правительств много, начинают вести себя примерно одинаково. Они проводят очень похожую денежную политику. Слабая власть начинает перераспределять собственность, причем одинаковыми методами. Ваучерная приватизация — это как бы изобретение заново. Бедное правительство, которое не имеет денег, не может собрать налоги, выпускает свидетельства под будущую недвижимость, которые начинают играть роль денег. В кромвелевской Англии 1650-х годов, в революционной Франции 1790-х собственность перераспределяли точно так же, через чеки, причем с теми же результатами: чеки немедленно скупались по дешевке группами богатых людей. Речь не об аналогиях: просто в условиях политической нестабиль-

ности реальная цена собственности резко падает. Если вы, приобретая недвижимость, не знаете, сохраните ли вы ее со сменой правительства, естественно, плата за риск высока, и поведение адекватно. Естественно, этого не было в России, когда шел процесс национализации, но это повторилось у нас в 1990-х годах.

Таким образом, развитие России последнего десятилетия было, действительно, весьма специфично. Однако специфика эта предопределялась не столько факторами культурно-исторического характера, сколько фактом одновременного протекания четырех обозначенных выше процессов. Каждый из этих процессов не представлял собой чего-то уникального, неизвестного из опыта других стран или из исторического опыта самой России. Уникальным стало их переплетение в одной стране в одно и то же время, которое и создавало те своеобразные процессы, которые обуславливали специфику российской трансформации и ставили в тупик многих исследователей посткоммунизма.

К концу 1990-х годов обозначилось исчерпание по крайней мере трех из четырех трансформационных процессов.

Прежде всего, *была проведена макроэкономическая стабилизация*. Кризис оказался довольно длительным по продолжительности (около десяти лет), однако не беспрецедентным в экономической истории. Стабилизация была осуществлена при помощи набора стандартных мероприятий (либерализация, бюджетная и денежная стабилизация), и ее успешное завершение сформировало основу для восстановления экономического роста.

Разумеется, решение задач стабилизации не является раз и навсегда данным. Экономическая система не застрахована от ошибок власти, от ее неадекватных и популистских решений. В 1999–2001 годах власть прошла через первое серьезное макроэкономическое испытание — испытание благоприятной ценовой конъюнктурой на товары российского экспорта; когда-нибудь придется пройти через испытание низкими ценами на нефть.

Практически *исчерпаны процессы революционной трансформации*. Налицо восстановление государственной власти,

макроэкономическая стабилизация синхронизирована со стабилизацией политической. Еще анализ предвыборных программ политических партий конца 1999 года показывал, что базовые ориентиры основных политических сил при всем различии между ними сближаются¹. Возникает общая система базовых ценностей, которые не являются уже предметом политической борьбы. В частности, никто не ставит под сомнение частную собственность в качестве основы экономической и политической жизни (хотя оценки итогов приватизации остаются противоречивыми); никто не выступает с требованиями отказа от жесткой денежной и бюджетной политики (еще недавно многие считали вполне допустимым инфляционное финансирование бюджетного дефицита); все (даже левые) поддерживают политику снижения налогового бремени: все согласны с необходимостью перенесения центра тяжести на проведение глубоких институциональных реформ. Конечно, практические рекомендации политических сил существенно различны, но различия эти уже не настолько глубоки, чтобы вести к разрушению политической стабильности. Способность власти обеспечить базовую макроэкономическую стабильность является важнейшей экономико-политической характеристикой преодоления революционного кризиса².

Вывод о завершении революции подтверждается и тем, что практически восстановлена способность правительства принимать решения, за которые оно отвечает. Здесь, в частности, исключительно важна способность принять сбалансированный бюджет. Ведь сила или слабость правительства не измеряется количеством посаженных в тюрьму или расстрелянных;

¹ См.: ИЭПП. Российская экономика в 1999 году: Тенденции и перспективы. М.: ИЭПП, 2000. С. 313–319; *Дмитриев М.* Эволюция экономических программ ведущих политических партий и блоков // Вопросы экономики. 2000. № 1.

² Высокая инфляция является не только экономическим, но и политическим индикатором. Действительно, неспособность государственной власти обеспечить набор мер макроэкономической стабилизации является проявлением ее слабости, зависимости от баланса различных групп интересов, заинтересованных в слабой денежной и бюджетной политике. Именно поэтому макроэкономическая стабилизация возможна лишь при укреплении политических институтов, то есть является одним из важнейших критериев политической стабилизации.

сила правительства определяется тем, способно ли оно давать обещания, которые оно может выполнить, и не принимать заведомо невыполнимых решений. Вся бюджетная и налоговая политика до 1999 года — это политика заведомо нереалистичная, что было понятно всем, но правительство никогда не могло себе позволить принять реалистичный бюджет¹.

Сильное правительство — это не обязательно то, которое, декларируя 35%-ный подоходный налог, способно его собрать; это, наверное, сильное правительство, но сильное правительство — и то, которое способно сказать: «Хорошо, я ввожу несправедливый плоский налог, но я могу его собрать, и прекращаю с лицемерной практикой обещания того, что я никогда не сделаю».

То же самое и с дефолтом. Ведь дефолт — это характерная черта практически всех революций прошлого. При всех его негативных чертах, это одна из первых попыток правительства разобраться со своими в принципе неоплатными долгами, сказать, что оно платит, а что — нет. Возьмите знаменитый декрет о банкротстве «двух третей» французской Директории, когда правительство объявило, что впредь оно обслуживает только треть долга. Естественно, не ту треть, которая была более справедлива, а ту, от которой оно не могло отказаться. То же самое сделал Кромвель, когда окреп, — он отменил все внешние долги, сказал, что они будут заплачены когда-нибудь, но не отказался от долгов банкирам Сити, от которых он зависел. Не надо воспринимать эти слова, как гимн дефолту.

¹ Чтобы проиллюстрировать, что такое сильное и слабое правительство, стоит вспомнить пример Короля из «Маленького принца» А. Сент-Экзюпери. Король там приказывает солнцу вставать — но только в часы рассвета, и садиться — но только в часы заката. И он говорит, что был бы глупым королем, если бы приказывал солнцу вставать чаще или реже. Но надо добавить, что в такой ситуации он был бы и слабым королем. Представьте себе, что тот же король правит в обществе, в котором есть разные силы, от которых он зависит. Например, производители свечей или электрических лампочек настаивают, чтобы солнце заходило в три раза чаще, поскольку это увеличит спрос на средства освещения. Производители оконных стекол настаивают, чтобы солнце вставало в три раза чаще, поскольку это увеличит спрос на стекло, и т. д. Власть зависела бы от этих людей, король бесконечно подписывал бы указы, которые, естественно, не выполнялись бы, и все бы понимали, что они невыполнимы. Это и есть проблема слабого государства, и это проблема нашего правительства на протяжении большей части 1990-х годов: это и есть основная проблема нашей бюджетной и налоговой политики.

2001 год принес новые явления в складывающуюся в современной России модель постреволюционной экономико-политической стабилизации. Если в 2000 году в Государственной думе уже сложилась ситуация фактического доминирования исполнительной власти, которая могла рассчитывать на поддержку пропрезидентской фракции и правых или левых (в зависимости от характера законопроекта), то теперь в нижней палате формируется устойчивое (или автоматическое) проправительственное большинство. Теперь практически любой правительственный законопроект может рассчитывать на поддержку в парламенте, что имеет важное значение для дальнейшего функционирования политического режима. С одной стороны, резко ослабевает роль политического торга вокруг каждого конкретного законопроекта, что обеспечивает устойчивость и последовательность осуществления избранного правительством курса. С другой стороны, формируется стандартная для стабильных демократических обществ система взаимоотношений власти (имеющей большинство в парламенте) и оппозиции (парламентского меньшинства).

Можно говорить и об *исчерпании задач посткоммунистической трансформации*. Этот вывод нередко вызывает особенно острые возражения и поэтому требует пояснений. Три основные характеристики отличают коммунистическую систему: тоталитарный политический режим, абсолютное господство государственной собственности в экономике, а также товарный дефицит в качестве сущностной черты экономической и политической жизни¹. К концу 1990-х годов в России были преодолены все три черты коммунизма. Это не означает, разумеется, что был полностью преодолен кризис, с которым страна вступила в 1990-е годы. Однако тяжелые структурные и макроэкономические

¹ Сущностная связь, неразделимость коммунистической системы и товарного дефицита была показана еще в первые годы практического осуществления коммунистического эксперимента (см.: Бруцкус В.Д. Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе // Экономист. 1922. №1–3; Новожилов В.В. Недостаток товаров // Вестник финансов. 1926. № 2). Любопытно, что это было фактически признано И. Сталиным. В «Экономических основах социализма в СССР» в качестве одного из фундаментальных законов построенного под его руководством общества называется «закон опережающего роста потребностей по сравнению с возможностями их удовлетворения» (Сталин И. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997).

проблемы, которые продолжают стоять перед Россией и которые делают ее очень уязвимой перед угрозой внешних шоков, не являются, строго говоря, наследием коммунистической системы. Все это — результаты развития и кризиса индустриальной системы, и недаром практически все страны, которым приходилось решать задачи выхода из индустриального общества, сталкивались со схожими проблемами и вызовами.

Словом, доминирующей социально-экономической проблемой современной России является кризис индустриальной системы и формирование социально-экономических основ постиндустриального общества. Этот процесс предопределяет существо происходящей ныне трансформации и основные вызовы, с которыми будет сталкиваться страна на протяжении ближайшего десятилетия.

Правда, невозможно четко сформулировать секрет того, как успешно решить задачи догоняющего развития. Вот лишь один пример. Для начала цитата: «Крестьяне так ленивы и медлительны, что они не выращивают зерна больше, чем им требуется для собственного потребления».

Как Вы думаете, о какой стране здесь идет речь? Нет, не о России, как ее принято изображать в заметках иностранных путешественников и некоторых отечественных авторов. Это написано, действительно, путешественником, но итальянским, посетившим Англию в 1497 году. Здесь нечему удивляться. Итальянские государства были тогда одними из самых развитых и динамичных в Европе, а Англия — одной из самых отсталых стран. И соответственно в природной лениности крестьянства как национальной черте английского народа видит автор причины плачевного положения дел.

Однако итальянский автор не ограничивается этим замечанием: «Они предпочитают переводить пашню в пастбище и разводят в большом количестве овец». Будучи наблюдательным человеком, он уточняет проблемы английского крестьянства. Это высказывание заслуживает особого внимания. Путешественник упрекает ленивых крестьян в недостаточном внимании к хлебопашеству — ключевой, как тогда представлялось, отрасли сельскохозяйственного труда (напомним, что этот сектор тогда был абсолютно доминирующим). От лени-де

крестьяне занимаются разведением овец, которые требуют гораздо меньших затрат труда. Весь опыт, накопленный к тому времени, свидетельствовал, что для сокращения разрыва развития Англии в сравнении с развитыми европейскими странами необходимо больше внимания уделять земледелию, выращивать и продавать зерно. Но ленивые крестьяне не хотели этого, что вызывало презрительную усмешку представителей более развитых стран.

Между тем сейчас нам ясно, что именно этот структурный сдвиг, осуществленный в Англии, создал важнейшие предпосылки для будущей промышленной революции и вывел эту страну в лидеры индустриального мира. Хотя для практической реализации новой модели развития потребовалось порядка трех сотен лет.

Подобный пример приведен не для оправдания лениности и не для посрамления высокомерия. В каких-то случаях то, что кажется ленью, может дать выдающиеся результаты, в каких-то — привести к разложению (последнее бывало в истории гораздо чаще). Я лишь хотел подчеркнуть ограниченность возможностей человека делать однозначные выводы стратегического характера, основываясь на собственном опыте и здравом смысле. *Мы не знаем и принципиально не можем знать, какой порок или какая добродетель окажутся источником прорыва в будущем или приведут к гибели. Более того, мы далеко не всегда можем знать, какой кризис послужит во вред, а какой — во благо.* Обо всем этом надо помнить авторам разного рода стратегических программ и долгосрочных планов, разработка которых становится в последнее время (после примерно десятилетнего перерыва) опять очень популярной.

Что мы можем сказать о России? Пока не так уж много. Существует немало разного рода «твердых выводов», какие сектора российской экономики могут обеспечить исторический прорыв. Однако всерьез обсуждать их пока рано. И невозможно. Лишь реальная практика покажет, в каких секторах Россия имеет сравнительные преимущества. Тем более это невозможно в постиндустриальном мире, когда приоритеты меняются исключительно быстро, когда адаптивность

институтов гораздо важнее выделения отдельных отраслевых приоритетов.

2. Современная программа институциональных реформ

Непосредственной причиной разработки стратегической программы развития и реформирования России стало формирование новой администрации во главе с В. Путиным. Однако были и более глубокие причины, которые связаны с реальным (а не только с формальным) завершением первого этапа посткоммунистических реформ и появлением объективных и субъективных обстоятельств, свидетельствующих о начале новой фазы.

Первая программа посткоммунистических преобразований была в общих чертах разработана в 1991–1992 годах и отражала принципиальные намерения правительства Е. Гайдара по реформированию российской экономики. Основными целями этой программы были либерализация экономики (прежде всего, цен и внешнеэкономической деятельности), макроэкономическая стабилизация (бюджетная и денежная) и, наконец, приватизация как важнейшая задача институциональной трансформации при формировании рыночной системы. Реализация этой программы заняла более продолжительный период, нежели изначально предполагалось, но к концу 1990-х годов цели программы были достигнуты. Тем самым были созданы условия для перехода к следующему этапу посткоммунистического развития — этапу структурных и институциональных реформ, обеспечивающих стабильность экономического роста.

При обилии программ экономических реформ существенных было две — программа 1992 года и программа 2000 года. То, что было между ними, — это технические ведомственные документы адаптации первой программы к разным конфигурациям в правительстве, разным конъюнктурным реалиям. Программа 1992 года ориентирована на решение задач макроэкономической стабилизации и приватизации, и к концу 1990-х годов эти задачи были решены — другое дело, что она ориентировала сделать

это за три года, получилось за семь. Забавно то, что наиболее последовательно эти задачи решало правительство, которое формально декларировало их отрицание. Несомненно, что правительство Е. Примакова сыграло решающую роль в завершении практической реализации программы Гайдара. В этом некий исторический парадокс, но это так: задачу преодоления бюджетного кризиса решило правительство Е. Примакова, причем решило невиданными по своей жесткости бюджетными мерами.

К 1999 году программа 1992 года была выполнена — приватизация проведена, денежная стабилизация осуществлена еще раньше, бюджет стабилизирован, цены внешней торговли либерализованы и т. д. — весь стандартный набор мер. И тогда действительно возникла проблема новой программы. Уже в силу стабилизации можно было говорить о длительной программе, гораздо более сложной, чем первая, потому что при всей политической скучности провести стабилизацию, в общем-то, не так трудно. Структурная реформа — это гораздо больший интеллектуальный вызов, чем макроэкономическая стабилизация.

Политическая стабилизация, постепенное преодоление кризиса власти и ее консолидация, сближение позиций элитных групп по фундаментальным вопросам сделали возможным начало дискуссии по долгосрочным проблемам развития страны, что и нашло отражение при разработке Стратегической концепции, получившей также название «программы Грефа». Она должна была задать принципиальные ориентиры социально-экономического развития России, определить базовые механизмы, которые обеспечивали бы рост российской экономики темпом, позволяющим сокращать разрыв с наиболее развитыми странами мира. Иначе говоря, программа должна была ориентировать на обеспечение устойчиво высоких темпов экономического роста в условиях постиндустриальных вызовов.

В ходе экономико-политических дискуссий 1999–2000 годов ясно обозначились три принципиальных подхода к решению названных задач.

Во-первых, характерная для левых сил этатистская модель, в соответствии с которой государство является основным

хозяйственным субъектом, и только оно может взять на себя ответственность за инвестиционный процесс. Здесь предполагается максимальная концентрация финансовых ресурсов в руках государства (прежде всего, ренты и экспортной выручки) и перераспределение их в направлении национальных приоритетов. Не менее важен в этой модели протекционизм как способ защиты отечественного производителя от конкуренции более сильных иностранных фирм.

Во-вторых, рост, основанный на стимулировании предпринимательской деятельности, на активной политике государства по созданию благоприятных условий для инвесторов — как отечественных, так и иностранных. Для этого необходимо формирование адекватной системы институтов, включая соответствующее законодательство и эффективную правоприменительную систему.

В-третьих, подход, предполагающий резкое сокращение бюджетной нагрузки на экономику, приведение ее в соответствие с параметрами, характерными для стран аналогичного уровня экономического развития (снижение бюджетной нагрузки с 35–36 до 20–22% ВВП по «расширенному правительству»).

В рамках работы над новой Стратегической программой обсуждались все возможные варианты концепции, включая этатистский (и даже его мобилизационную разновидность). В этом проявился подход новой администрации, готовой рассматривать любые предложения и не отвергающей их по чисто идеологическим или политическим основаниям. Однако после непродолжительных дискуссий этатистский подход был отвергнут по следующим причинам:

— государство доказало свою неэффективность в принятии инвестиционных решений. Оно может сконцентрировать ресурсы, но с высокой степенью вероятности можно ожидать, что использованы они будут не самым эффективным образом;

— этот подход противоречит федералистским основам построения России, поскольку предполагает решительную концентрацию распоряжения ресурсами в одном центре;

— он плохо совместим с демократией и обеспечением прав собственности;

— и, наконец, он совсем не соответствует требованиям постиндустриальной эпохи, для которой главное — стабильность прав собственности и стимулирование предпринимательской активности.

Основная дискуссия развернулась между сторонниками второго и третьего подходов. И уже сам этот факт стал знаменательным событием в политической и экономической жизни посткоммунистической России. Эти подходы тесно взаимосвязаны и по сути своей являются либеральными. Формирование новой институциональной среды предполагает определенное снижение бюджетной нагрузки на экономику, поскольку при таком условии у экономических агентов остается больше ресурсов для инвестиций. Сокращение же бюджетной нагрузки в качестве стержневой проблемы роста, в свою очередь, предполагает формирование той же институциональной среды, то есть характерной для рыночной демократии (прежде всего, гарантии прав собственности). На протяжении 1990-х годов различие между этими подходами были практически незаметны на политическом уровне, поскольку их представители были объединены в противостоянии этатистской (и популистской) альтернативе. И лишь в 2000 году размежевание в рамках либеральной модели стало для всех очевидным и вышло из области чисто экономической полемики в политическую сферу.

Само по себе начало этой полемики явилось показателем вступления российских экономических реформ в новую фазу. Центр экономико-политической полемики сместился в правую (либеральную) часть спектра, тогда как доктринальные установки левых все более вытеснялись из сферы реальной, практической дискуссии в область умозрительных построений.

«Программа Грефа» в основном была разработана в первой половине 2000 года. Принципиальной особенностью этого документа стала его политическая и идеологическая последовательность — впервые после программы 1992 года. В основе этого документа лежало формирование институциональных условий, стимулирующих предпринимательскую активность как основу для устойчивого экономического роста.

Одобрение базовых подходов Стратегической программы В. Путиным в апреле 2000 года означало принципиальный выбор в пользу предлагаемой данным документом экономико-политической модели. Полный текст программы не получил тогда официального оформления, однако она стала основой для подготовки более технологических документов — программы мер на восемнадцать месяцев, на 2002–2004 годы и проектов разрабатываемых правительством нормативных актов.

Такое развитие событий вполне естественно. Идеологически последовательный документ может дать основание перспективам политики не благодаря своему формальному утверждению, а в зависимости от того, насколько точно он отражает объективные тенденции развития социально-экономических процессов¹. Формальное же утверждение предполагает многочисленные межведомственные согласования, что или существенно затягивает процесс, или привносит в документ непоследовательность. Последнее также неизбежно в условиях реального политического процесса как результата взаимодействия различных групп интересов.

В центре внимания Стратегической программы стоит комплекс институциональных и структурных реформ, включая политические, при поддержании общей макроэкономической стабильности (прежде всего, стабильности бюджетной и денежной политики).

Важнейшими компонентами институциональных реформ, которые должна решить Россия в настоящее время, в соответствии с «программой Грефа» являются следующие.

1. Налоговая реформа и сокращение налогового бремени.
2. Реформирование бюджетной системы. Речь идет не о формальном сокращении бюджетных расходов, а о проведении глубоких структурных реформ бюджетного сектора,

¹ Например, программа 1992 года так и не была официально одобрена. Она подвергалась жесткой критике со стороны большинства политических сил, однако она все-таки была реализована, поскольку отражала реальные потребности российской экономики. Хотя ее реализация заняла гораздо больше времени, чем это изначально предполагалось.

обеспечивающих рост эффективности использования государственных средств.

3. Дерегулирование хозяйственной деятельности или, что то же самое, повышение эффективности государственного регулирования хозяйственной деятельности. Речь идет о снижении барьеров входа на рынок, упрощении систем регистрации, лицензирования и контроля частнопредпринимательской деятельности, упрощении реализации инвестиционных проектов.

4. Обеспечение гарантий частной собственности, включая интеллектуальную. Повышение эффективности использования государственной собственности.

5. Снижение и унификация таможенных тарифов.

6. Развитие финансового рынка и финансовых институтов. Особой проблемой является повышение надежности и эффективности банковской системы.

7. Реформа естественных монополий, предполагающая повышение их инвестиционной привлекательности, разделение монопольного и конкурентного сектора, что предполагает повышение прозрачности их деятельности и максимально возможное стимулирование конкуренции.

8. Реформирование системы социальной поддержки в направлении концентрации ресурсов на помощь малоимущим.

9. Реформирование пенсионной системы в направлении развития накопительных принципов.

Принципиальная особенность Стратегической программы состоит в отсутствии в ней отраслевых приоритетов. И это является важнейшей характеристикой документа, нацеленного на решение задач постиндустриальной эпохи. Фактически здесь признается два обстоятельства. Во-первых, пока не пришло время говорить о сравнительных преимуществах российской экономики в разрезе отраслей — только практическая деятельность покажет, в каких секторах страна может конкурировать на равных с наиболее передовыми производителями мира. Во-вторых, наиболее перспективными и конкурентоспособными могут оказываться не отрасли, а конкретные предприятия. Последнее

вообще является характерным для стран, решающих задачи догоняющего развития.

Наконец, Стратегическая программа предполагает решение ряда принципиальных задач, выходящих за рамки собственно социально-экономической политики. Две из них являются особенно важными: административная реформа и судебная реформа. От реформы этих двух систем зависит достижение практически всех экономических целей, поскольку предпринимательская активность будет скована при сохранении коррупции государственного аппарата и несправедливости судебных решений. Признание этого факта означает также, что в современной российской ситуации проблема исполнения законов выходит на передний план и оказывается даже более важной задачей, чем принятие новых нормативных актов. Исключительно важна также и военная реформа.

3. Европейские экономические институты как ориентиры институциональных реформ на среднесрочную перспективу

Среднесрочная программа социально-экономического развития России до 2010 года создаст благоприятную основу для существенного улучшения отношений нашей страны с Европейским союзом. Уже сами изложенные в Программе меры, по существу своему, представляют заметный шаг в направлении адаптации европейских ценностей и институтов к экономической и социальной политике России. Таким образом, уже сейчас программа имеет значительный внешнеполитический потенциал с точки зрения перспектив развития отношений России с Европейским союзом. Представляется, что эта работа может и должна быть активизирована, ей можно придать более отчетливо выраженное политическое звучание. Тем более что в 2001 году состоялось событие, которое может оказаться ключевым для развития посткоммунистической России. В мае на саммите России — ЕС была высказана

идея о целесообразности формирования единого европейского экономического пространства.

Зона свободной торговли между ЕС и Россией была сформулирована еще в Соглашении о партнерстве и сотрудничестве (СПС), подписанном на Корфу 24 июня 1994 года и вступившем в силу 1 декабря 1997 года. В качестве одной из целей партнерства было провозглашено «создание необходимых условий для учреждения в будущем зоны свободной торговли между Россией и сообществом, охватывающей в основном всю торговлю товарами между ними, а также условий для реализации свободы учреждения компаний, трансграничной торговли услугами и движения капитала». В 1998 году намечалось изучить вопрос о том, насколько позволяют обстоятельства начать переговоры относительно зоны свободной торговли (ЗСТ).

Задача «интеграции России в общеевропейское экономическое и социальное пространство» была сформулирована и в Коллективной стратегии ЕС по отношению к России (3–4 июня 1999 года), в которой говорится о «создании в будущем между ЕС и Россией *зоны свободной торговли*», а затем и *единого экономического пространства* в результате постепенного сближения законодательств и стандартов. В этих предложениях пока еще остается много недооговоренностей и нечеткости¹. Однако при всех неясностях и недоговоренностях, при всех технических и правовых проблемах, с которыми столкнется практическая реализация подобной идеи, заявление о формировании единого экономического пространства трудно переоценить. По сути, речь идет о формировании принципиальных институциональных ориентиров социально-экономической трансформации

¹ Дело в том, что в Европе уже существует Европейское экономическое пространство (European Economic Area — ЕЕА), которое включает в себя страны ЕС, а также Норвегию, Исландию и Лихтенштейн. Последние три страны и Швейцария входят также в Европейскую зону свободной торговли. Участие в ЕЕА предполагает не только формирование «общего рынка», но и существенное продвижение по пути гармонизации законодательства. Фактически участие в ЕЕА означает принятие входящими в него странами законодательства и стандартов ЕС. Вместе с тем участие в ЕЕА не предполагает формирования наднациональных органов (за исключением механизма разбирательства споров).

России, своего рода целевых установок посткоммунистических реформ. Впервые после краха коммунизма российское общество может прийти к осознанию и формулированию долгосрочной траектории своего развития. Если это так, то Россия получит одновременно и достаточно ясный набор критериев, по которым можно будет оценивать принимаемые экономико-политические решения и результаты их реализации.

Строго говоря, именно на адаптацию европейских институтов ориентировала *по существу* своему уже Стратегическая программа до 2010 года. Теперь этот акцент может быть конкретизирован и представлен в явной форме. При описании целевого состояния среднесрочного развития в качестве общих стратегических ориентиров могли бы выступить критерии вступления страны в Европейское сообщество. Критерии вступления в ЕС можно было бы рассматривать как некоторые институциональные рубежи, к которым Россия намерена подойти в ходе своего развития в следующие десять-пятнадцать лет. Эти критерии достаточно проработаны и вполне соответствуют культурному и экономическому развитию современной России. Уровень экономического развития, уровень образования, структура ВВП, социальная структура населения, да и сама существующая политическая система делают выбор в пользу европейских критериев наиболее естественным и целесообразным.

Вывод о целесообразности использования европейских критериев в качестве стратегических ориентиров развития России требует, однако, сделать несколько уточнений.

Во-первых, использование этих параметров в качестве базовых не должно отождествляться с задачей вступления в ЕС. Последнее является вопросом политическим, и в настоящее время российское общество еще слишком расколото, чтобы обсуждать подобную проблему.

Во-вторых, параметры эти на сегодня являются абстрактными и расплывчатыми. Необходима специальная работа по переложению Маастрихтских и Копенгагенских критериев, а также специальных докладов Европейской комиссии (по

оценке уровня готовности отдельных стран) для выработки более конкретных целевых установок для России.

В-третьих, нецелесообразно непосредственное (или даже максимально близкое) приложение всех критериев ЕС к российской практике. По некоторым социально-экономическим решениям (институтам) Россия уже в настоящее время опережает ЕС. Прежде всего, это касается налоговой системы, бюджетной политики (ориентация на бездефицитный бюджет), трудового законодательства. В общем надо признать и то, что аграрная политика современной России (и прежде всего, принципы взаимоотношений между государством и аграрным сектором) является сегодня гораздо более эффективной, нежели в ЕС. Нецелесообразно принятие решений, формально сближающих российские институты с европейскими, однако ослабляющих конкурентные преимущества России.

В-четвертых, это должны быть критерии, разрабатываемые в России и для России. Это ни в коем случае не могут быть параметры, разработанные совместно с ЕС или под контролем европейских структур. Суть данного решения — определение Россией собственных ориентиров, но не оформление стремления вступить в ЕС. В рамках экономической проблематики адаптация европейских критериев должна происходить, прежде всего, в следующих направлениях: (1) существование функционирующей рыночной экономики; (2) способность обеспечивать эффективное функционирование конкурентного механизма и рыночных сил (дерегулирование и создание благоприятных условий для развертывания конкуренции, стабильность законодательства и прозрачность бюджетной политики); (3) проведение структурной реформы, особое внимание в которой должно уделяться защите собственности, эффективности законодательства о банкротстве, эффективности налоговой системы, стабильности банковской системы, устойчивости финансовых рынков; (4) денежная и бюджетная политика, обеспечивающая стабильный экономический рост; (5) создание адекватных европейским стандартам административных и государственных институтов.

Финансовые нормы конкретизируются Маастрихтскими соглашениями. Данные соглашения вводят следующие критерии: (1) стабильность цен (уровень инфляции не может превышать более чем на 1,5% средний уровень инфляции трех государств с наименьшим уровнем инфляции); (2) бюджетный дефицит (национальные дефициты бюджета должны быть ниже 3%); (3) долги (государственный долг не может быть выше 60% ВВП; (4) стабильность валютных курсов (национальная валюта не должна быть девальвирована в течение последних двух лет и должна оставаться в пределах колебаний курсов на уровне 2,5%, предусмотренном Европейской валютной системой); (5) долгосрочные процентные ставки не должны превышать 2 процентных пунктов над средним уровнем этого показателя по трем странам ЕС с наиболее стабильными ценами.

С учетом приведенного перечня проблем особый интерес в настоящее время представляет соблюдение критериев, связанных с созданием рыночной экономики, способностью обеспечить эффективное функционирование конкурентного механизма и рыночных сил, со структурной реформой и с адаптацией стандартов. Административная реформа также представляет интерес в той части, в какой она не касается процедур, непосредственно связанных с вступлением в ЕС. Комплекс же задач, связанных с макроэкономическими проблемами, разумеется, не теряет своей важности, но их острота в последние годы стала значительно меньше. Нетрудно заметить, что по целому ряду этих критериев Россия в настоящее время ориентируется на гораздо более жесткие параметры, чем этого требует членство в ЕС. При благоприятном развитии событий положение России в Европе в стратегической перспективе могло бы быть схоже с нынешним партнерством между ЕС и Норвегией (имеется в виду прецедент, а не конкретные формы).

Естественными этапами на пути движения к европейским институтам является вступление России во Всемирную торговую организацию и в Организацию экономического сотрудничества и развития (формальная заявка на вступление в ОЭСР была подана еще в 1996 году).

4. Экономические вызовы текущей экономической конъюнктуры

События 11 сентября 2001 года и общее снижение мировой экономической конъюнктуры являются двумя основными факторами, которые будут определять развитие российской экономики в наступающем году. При всем драматизме событий их влияние на отечественную экономику не должно интерпретироваться однозначно негативно. Ведь помимо внешних, объективных факторов существует и сознательная реакция, набор возможностей смягчать негативные последствия, а иногда даже обращать их себе на пользу.

Скажем, политическое развитие событий в настоящее время оборачивается на пользу России, поскольку после 11 сентября тенденция ее сближения с Западом получила мощный импульс. А падение цен на нефть, будучи дискомфортным с бюджетной точки зрения, может оказаться важнейшим стимулом активизации структурной перестройки¹. Словом, очень многое зависит от адекватности действий власти, от ее способности принимать эффективные и адекватные складывающимся обстоятельствам решения.

В условиях снижающейся мировой конъюнктуры и связанного с этим падения цен на основные продукты российского экспорта основная проблема для страны состоит в том, чтобы не допустить развития по популистскому варианту. Тем более что обстоятельства как раз провоцируют принятие популистских решений для поддержания экономического роста.

По нашему мнению, в складывающихся обстоятельствах российские власти должны будут осуществить следующие основные действия.

В области *денежной политики* пойти на плавную реальную девальвацию рубля, следуя за той объективной динамикой,

¹ В литературе последнего времени достаточно убедительно показано, что экономическое процветание в современном мире приходит, прежде всего, к странам, бедным природными ресурсами. Не имея дешевых и легко задействуемых ресурсов, эти страны и их правительства (какими бы они ни были) должны уделять повышенное внимание производительности труда, эффективности производства, конкурентоспособности — и тем самым обеспечивать экономический рост на здоровой основе. (См.: *Gaidar E. Аномалии экономического роста*. М.: Евразия, 1996; *Gylfason Th., Zoega G. Natural Resources and Economic Growth: The Role of Investment*. L.: CEPR, 2001.)

которая будет складываться на валютном рынке. Это полезно с разных точек зрения. Во-первых, позволит укрепить на внутреннем рынке положение отечественного товаропроизводителя, чьи позиции за последнее время существенно ослабли в связи с ростом реального курса рубля в 2000–2001 годах. Во-вторых, не допустить чрезмерного снижения валютных резервов. В-третьих, низкий реальный курс может стать дополнительным фактором притока инвестиций в страну (снижение деловой активности в мире является не самым благоприятным для этого фоном, однако с учетом объема вывезенного капитала возможности его репатриации остаются значительными). В-четвертых, такая политика не будет провоцировать спекулятивную игру против рубля.

Напротив, укрепление рубля или поддержание нынешнего его уровня стало бы опасным испытанием для валютных резервов страны, потребовало бы ужесточения таможенного контроля (а возможности власти в этой области являются более чем скромными). Кроме того, эта политика, скорее всего, привела бы к ослаблению доверия к денежным властям со стороны финансового сектора, поскольку состояние валютных резервов в совокупности с ожидаемыми объемами операций по долгу не позволит Центробанку защищать сильный рубль в течение длительного периода. А это сделало бы атаки на рубль практически неизбежными.

В области *бюджетной политики* важно совершить маневр, не допуская отказа от принципа сбалансированности и в то же время более активно задействуя бюджет как фактор поддержания деловой активности. Это возможно только при проведении глубокой реформы бюджетного сектора. Прорыв, достигнутый в предыдущие два года в области доходов бюджета (в налоговой сфере), теперь должен быть дополнен адекватными решениями в сфере бюджетных расходов. Речь идет не о прямолинейном сокращении расходов, а о комплексе организационных, политических и структурных мер, обеспечивающих существенный рост эффективности использования бюджетных средств. Предстоит пересмотреть роль и функции основных получателей бюджетных ресурсов, бюджетные процедуры и др. А на этой основе можно было бы предпринять шаги по использованию бюджетных ресурсов на поддержание экономического роста,

концентрируя их на наиболее эффективных с точки зрения роста направлениях.

Подчеркнем еще раз: мы не выступаем здесь против использования государственного спроса в целях стимулирования деловой активности. Мы лишь утверждаем, что эта политика не может быть эффективной при нынешней структуре бюджетополучателей и нынешних процедурах распределения бюджетных средств. Именно поэтому в нынешних условиях реформа бюджетных расходов становится не только важной задачей правительства, но задачей критически необходимой. И именно эта реформа может стать ключевым звеном в решении задачи структурной трансформации страны, ослабления ее зависимости от конъюнктуры мировых цен на энергоносители.

Проведение этих реформ еще более повышает актуальность тех неэкономических, но тесно связанных с экономической преобразований, о которых уже шла речь выше: судебной, административной и военной реформ. Первая обеспечивает основную институциональную предпосылку развития в стране устойчивой деловой активности, дополняя меры денежной и бюджетной политики по репатриации вывезенного капитала. Вторая и третья являются важнейшими условиями повышения эффективности бюджетных расходов.

Наконец, все эти меры в условиях падения цен на нефть и энергичного политического сближения с Западом позволили бы активизировать переговоры об условиях выплаты советского долга с возможностью списания определенной его части. Этот аспект должен приниматься во внимание и при принятии решений о сотрудничестве с ОПЕК и готовности снижать экспорт нефти. Между этими двумя факторами существует очевидный конфликт.

Российское правительство в общем успешно выдержало испытание высокими ценами на нефть, не допустив принятия хорошо известных по прошлому популистских решений. Однако сейчас предстоит новое испытание — низкими ценами на основные продукты отечественного экспорта. Если мы пройдем его успешно, без существенной экономической и политической дестабилизации, это будет означать, что Россия полностью преодолела кризисы переходной эпохи, что российская элита консолидировалась, и страна способна устойчиво функционировать в постиндустриальном мире.

ПОМОЩЬ ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИМ СТРАНАМ: ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Проблема эффективности помощи более развитых стран странам менее развитым на протяжении вот уже почти полувека привлекает внимание экономистов. Причем после Второй мировой войны мир прошел через несколько этапов (моделей) помощи, различавшихся как по составу стран-получателей, так и по формам такой помощи.

Сразу после войны главной задачей было восстановление экономики западноевропейских стран, разрушенных войной, и осуществлялось оно в форме плана Маршалла. Затем, в ходе деколонизации 1950–1960-х годов, внимание доноров все более переключалось на проблемы уменьшения разрыва между бедными и богатыми странами мира. В 1980-е годы в центре внимания оказались проблемы

Опубликовано в: Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 6 (Июнь). (В соавторстве с К.Э. Яновским.) Авторы выражают признательность С.В. Жаворонкову за помощь при сборе материалов, а также Е.Т. Гайдару, С.Г. Синельникову-Мурылеву, М.Ю. Турунцевой и С.М. Дробышевскому за их замечания и рекомендации.

преодоления макроэкономического и долгового кризиса в ряде стран среднего уровня развития (прежде всего латиноамериканских). Наконец, 1990-е годы стали периодом активной поддержки трансформации социалистических стран Восточной Европы и бывшего СССР. Естественно, подобная последовательность этих этапов связана с началом, но никак не с завершением каждого из них. В этом смысле предоставление помощи различным группам стран переплетается во времени. Кроме того, в некоторых случаях имеет место переплетение типов помощи одной и той же стране. Скажем, в Латинской Америке одновременно должны были решаться проблемы борьбы с макроэкономическим кризисом и с бедностью. Постсоциалистическая трансформация предполагала и решение комплекса задач макроэкономической стабилизации, во многом аналогичных латиноамериканским.

Различной была и оценка результатов предоставляемой помощи. Сложность состоит в неопределенности как критерия эффективности, так и временного интервала, с позиций которого должна даваться оценка. Программа, которая кажется неэффективной через два года после начала реализации, через пять лет может дать блестящие результаты. А вот обратный пример. Стабилизационная политика Аргентины начала 1990-х годов, сперва воспринимавшаяся всеми как весьма удачная, как несомненный успех международных финансовых институтов, обернулась тяжелым экономическим, социальным и политическим кризисом, который породил глубокое разочарование и острую критику в стране и за ее пределами. Россия испытала волнообразную смену отношения к себе со стороны мирового сообщества: восторги, смешанные со скептицизмом, в начале 1990-х, бум на долговом рынке в 1996–1997 годах, тяжелый кризис в конце 1990-х и быстрое восстановление интереса и рейтингов после 2000 года. Соответствующим образом менялись оценки (и самооценки) эффективности осуществлявшихся программ.

Здесь снова необходимо указать, что разграничение этапов предоставления помощи крайне важно с точки

зрения определения критерия эффективности применительно к различным программам. Совершенно по-разному выглядят возможности формирования современных рыночных и демократических институтов применительно к постколониальным и постсоциалистическим странам. Точно так же совершенно несопоставимы проблемы бедности и борьбы с ней в Экваториальной Африке или на пространстве бывшего СССР. Адекватность помощи уровню развития данной страны должна формировать основу политики помощи и задавать критерий оценки ее эффективности.

Еще один аспект проблемы — наличие различных видов (или форм) помощи. Здесь можно выделить: во-первых, финансовую помощь (льготные кредиты, гранты, списание долгов); во-вторых, гуманитарную помощь (прежде всего продовольственную); в-третьих, техническую помощь (рекомендации экспертов по проведению необходимых институциональных и структурных преобразований). Это разделение достаточно условно, так как все три вида помощи на практике нередко переплетаются. Займы международных финансовых организаций могут содержать серьезные компоненты технической помощи. Последняя может предоставляться и в виде грантов на двусторонней основе и т. д.

Предметом нашего анализа является финансовая и техническая помощь постсоциалистическим странам в первое десятилетие после крушения старого режима.

Дискуссии об эффективности помощи и постсоциалистическая трансформация

Полувековой опыт предоставления помощи с поправкой на десятилетний опыт постсоциалистической трансформации позволяет выделить три подхода к оценке ее роли и эффективности: умозрительный (экономико-политический или экономико-философский), практический (на основе конкретных страновых моделей и примеров), а также технический

(анализ конкретных программ помощи самими международными организациями или их аудиторами)¹.

В рамках теоретического анализа проблем помощи существуют два противоположных подхода. Это, с одной стороны, утверждение о необходимости предоставления помощи отсталым странам, а с другой — аргументы о принципиальной неэффективности подобной помощи.

Первая позиция, выдвинутая в 1950-е годы, отражала проблемы стран, освобождавшихся от колониальной зависимости, и опиралась на известную теорию «порочного круга бедности». Ее наиболее видными теоретиками были П. Самуэльсон, Г. Мюрдаль, П. Баран. Самуэльсону принадлежит и классическое определение проблемы: отсталые страны не могут выплыть, поскольку скудость их ВВП не позволяет уделить что-либо накоплению капитала, без которого невозможно повысить уровень жизни².

Многие авторы решение этих задач непосредственно увязывали с формированием системы централизованного планирования и регулирования (хотя вовсе не обязательно во всеобъемлющих масштабах, характерных для социалистических стран)³. Речь шла, прежде всего, о необходимости предоставления крупных финансовых ресурсов для инвестиций с целью обеспечения экономического роста. И естественно, значительная роль в повышении эффективности предоставляемой помощи отводилась наличию у страны ясного государственного плана. «Воздействие иностранной помощи на экономику получающей ее страны можно адекватно определить лишь в контексте ее национального плана развития», — писал

¹ Одними из последних документов такого рода применительно к постсоветской России стали доклад группы оценки Всемирного банка, подготовленный в рамках Country Evaluation Strategy, а также доклад United States General Accounting Office (GAO) — американского аналога Счетной палаты — «International Efforts to Aid Russia's Transition Have Had Mixed Results» (Washington, DC: GAO, 2000). Следует также отметить исследование, проведенное в 2001–2002 годы группой экспертов Всемирного банка, ИЭПП (Москва) и CASE (Польша), по оценке эффективности деятельности Банка в России в первое постсоциалистическое десятилетие.

² См.: *Samuelson P.A. Economics: An Introductory Analysis*. 2nd ed. N.Y.: McGraw-Hill, 1951. P. 49

³ См.: *Myrdal G. An International Economy: Problems and Prospects*. N.Y.: Harper, 1956. P. 201; *Baran P.A. The Political Economy of Growth*. N.Y.: Monthly Review Press, 1957. P. 261.

М. Калецкий, и этот тезис вплоть до 1980-х годов представлялся непререкаемым¹.

Нельзя забывать, что это было время «головокружения от успехов» плана Маршалла, разного рода «экономических чудес» (причем не только в Западной Германии). В такой атмосфере легко распространялись идеи о чудодейственной роли иностранной помощи. Альтернативное объяснение успехов 1950-х годов ролью человеческого капитала и институтов самой Западной Европы зазвучало позднее.

Одним из первых и наиболее последовательных критиков помощи «дешевыми деньгами» был П. Бауэр. Он писал: «Экономические успехи определяются в основном способностью и позицией населения страны, ее социально-политическими институтами. Именно различия в этих факторах в значительной мере объясняют неодинаковый уровень материального благосостояния и темп его роста»². И уж во всяком случае «внешние субсидии нельзя считать обязательными и достаточными для прогресса экономики»³.

Можно указать следующие основные аргументы в пользу предположения о неэффективности помощи в виде различного рода финансовых льгот и привилегий.

Во-первых, она приводит к возникновению «порочного круга дестимулирования» (в противовес «порочному кругу нищеты»). При наличии доступа к субсидиям («дешевым деньгам») правительство страны-получателя не уделяет должного внимания формированию внутренних, долгосрочных факторов роста — соответствующих политических и экономических институтов. С одной стороны, эти факторы оказываются относительно менее важными с точки зрения краткосрочных интересов правительства⁴. С другой — правительство, втяну-

¹ *Kalecki M. Essays on Developing Economies. Hassocks: The Harvester Press, 1976. P. 89.*

² *Bauer P. Dissent on Development. Cambridge, Mass., 1972. P. 11.*

³ *Bauer P. Western Subsidies and Eastern Reform // The Revolution in Development Economics / J.A. Dorn et al. (eds.). Washington, DC, 1998. P. 242.*

⁴ Аналогичная ситуация складывается и в странах с длительным периодом высокой инфляции: правительство привыкает пополнять бюджет за счет инфляционного дохода и перестает уделять должное внимание налоговой системе, которая постепенно деградирует (см.: *Gaidar E. «Детские болезни» постсоциализма (к вопросу о природе бюджетного кризиса этапа финансовой стабилизации) // Вопросы экономики. 1997. № 4).*

тое в процесс «выбивания» международной помощи, подчас просто не успевает заняться долгосрочными проблемами роста. В результате поиск помощи (aid-seeking) превращается в процесс, в чем-то аналогичный поиску ренты (rent-seeking) со схожими негативными долгосрочными эффектами. То есть при увеличении масштабов внешней помощи положение дел в стране может даже ухудшиться.

Во-вторых, «дешевые деньги» порождают сильные искушения, фактически провоцируя коррупцию. Это тем более опасно, что помощь, как правило, предоставляется слабо-развитым странам, для которых характерны слабость демократических институтов, непрозрачность власти для контроля со стороны общества.

В-третьих, приток финансовых ресурсов извне способствует завышению обменного курса национальной валюты и тем самым снижает конкурентоспособность ее экспорта. Этим приток финансовой помощи отличается от притока прямых инвестиций, которые сопровождаются повышением производительности труда, компенсирующим рост обменного курса национальной валюты.

В-четвертых, при предоставлении помощи не уделяется должного внимания тому, насколько страна-получатель, ее институты готовы к ее эффективному использованию. Именно этот аспект подчеркивал У. Эстерли в своей формуле «людям нужен стимул»¹. Неэффективное же использование финансовой помощи (особенно в форме кредитов) приводит к постоянному воспроизводству и усугублению долгового бремени. Возникает ситуация, при которой «внешняя помощь становится необходимой слаборазвитой стране для обслуживания внешней задолженности, порожденной прежними программами помощи»².

В-пятых, при решении вопроса о выделении денег странами-донорами на них в значительной мере оказывают влияние не экономические, а политические факторы (например, стратегическая значимость страны-получателя). Отчасти это

¹ См.: Easterly W. *The Elusive Quest for Growth*. Cambridge, Mass.; L.: MIT Press, 2001. P. 141.

² Bauer P. *Dissent on Development*. P. 127.

оправданно, так как задачи укрепления и развития демократических режимов отнюдь не менее значимы, чем собственно экономический рост. Однако политический аспект может ориентировать на поддержку не демократического, а дружеского для донора авторитарного режима, что уже в гораздо меньшей мере оправдывает помощь с точки зрения долгосрочных перспектив страны-реципиента.

В-шестых, существует самостоятельная проблема логики поведения организаций-доноров, уполномоченных на решение проблем помощи.

Прежде всего, это касается Международного валютного фонда и Всемирного банка. Будучи, помимо всего прочего, мощными бюрократическими структурами, они имеют собственные интересы развития, оценки эффективности своей деятельности, которые далеко не всегда совпадают с реальными интересами как доноров, так и получателей средств. Это также оказывает искажающее влияние на решения о выделении финансовой помощи и на эффективность размещения соответствующих ресурсов¹.

Итак, общий вывод состоит в том, что эффективная помощь возможна только при наличии стимулов у обеих сторон. Иными словами, надлежащие стимулы нужны не только реципиентам, но и донорам.

Эти аргументы в 1990-е годы получили дополнительное подтверждение при анализе опыта предоставления финансовой и технической помощи ряду стран, в том числе постсоциалистическим. Столь различные по своим взглядам экономисты, как Дж. Сакс, Дж. Стиглиц, У. Эстерли и другие выступили с работами, в которых рассматривался опыт помощи отдельным странам и делались весьма неутешительные выводы. Сошлемся, прежде всего, на У. Эстерли, проанализировавшего теорию и практику оказания помощи Всемирным

¹ Именно на данное обстоятельство обращал внимание Е. Гайдар, когда критиковал ведущие западные страны за выдвижение международных финансовых институтов на роль главных ответственных за организацию и координацию помощи постсоциалистическим странам. По мнению Е. Гайдара, масштаб проблем, созданных крахом супердержавы, политических по своей природе, был за пределами компетенции и возможностей МВФ (*Gaidar Ye. The IMF and Russia // American Economic Review. 1997. Vol. 87. No 2. P. 14*).

банком за всю историю его существования. Автор показывает, как на протяжении прошедших десятилетий на передний план в качестве панацеи периодически выдвигались все новые универсальные рецепты преодоления кризиса и обеспечения роста, но каждый из них со временем оказывался несостоятельным. Вывод У. Эстерли близок к взглядам П. Бауэра, а для повышения эффективности помощи он предлагает пересмотреть систему функционирования международных финансовых институтов¹. Необходимость учета политической и институциональной готовности данной страны к восприятию иностранной финансовой помощи была признана и в официальных документах Всемирного банка.

Наконец, все чаще выдвигаются предложения о том, что гораздо эффективнее прямой финансовой помощи развивающимся странам было бы облегчение условий их торговли с экономически развитым миром. На это обращали внимание еще в середине 1960-х годов некоторые авторы; среди них были даже принципиальные сторонники масштабной финансовой помощи третьему миру.

В последнее время эти вопросы получили новое звучание в контексте процессов глобализации и поиска путей улучшения положения в беднейших странах мира. Утверждается, что отказ развитых стран от масштабного субсидирования своего аграрного сектора и большее открытие их рынков для продукции из стран третьего мира могли бы способствовать улучшению положения в этих последних больше, чем предоставление им «дешевых денег». В пользу такого вывода свидетельствует и анализ взаимосвязи внешнеэкономической активности и экономического роста². Наконец, в некоторых исследованиях развития стран Центральной и Восточной Европы доказывается, что успешное осуществление ими постсоциалистических реформ и быстрый выход на траекторию экономического роста требуют раннего допуска на рынок

¹ См.: *Easterly W.* The Elusive Quest for Growth. P. 145. Впрочем, убедительно раскритиковав пять панацей, автор выдвигает новую, шестую, эффективность которой порождает ничуть не меньшие сомнения, чем предыдущих.

² См.: *Sachs J., Warner A.* Economic Reform and the Process of Global Integration // *Brookings Papers on Economic Activity*. 1995. No 1.

ЕС. Скептический подход к роли международной помощи делает особенно актуальным анализ конкретных особенностей той или иной страны, ее способности использовать внешнюю помощь в соответствии с целями, для достижения которых она предоставляется. На эти аспекты помощи обращалось внимание в работах ряда экономистов, в том числе специально посвященных проблемам постсоциалистического развития России. Программы помощи (прежде всего со стороны международных финансовых организаций) критиковались за неадекватность целей и порочность теоретических схем, за игнорирование политической и институциональной неготовности России эффективно распорядиться предоставляемыми средствами, за излишнюю амбициозность и переоценку возможностей влияния программ помощи. Выдвигался тезис о том, что эффективность помощи России была резко снижена тем, что доноры не смогли сконцентрировать ее на самом начальном этапе реформ. Обращалось внимание на неэффективность помощи, приходящей несвоевременно, — не только слишком поздно, но и слишком рано.

Особый вклад в изучение проблемы принадлежит С. Кнэку. Он показал, что иностранная финансовая помощь может способствовать развитию демократических институтов при использовании таких рычагов, как условия ее предоставления, прямое содействие институтам свободной прессы, свободных выборов и т. п., содействие повышению образовательного уровня¹. Также может существенно повлиять на ситуацию эффект повышения среднечеловеческого ВВП, который положительно коррелирует с развитием и устойчивостью демократических институтов. Однако в связи с этими выводами стоит отметить, что в силу своей специализации и кадрового потенциала международные финансовые организации могут более или менее эффективно использовать только первый рычаг — формулировку условий. И даже их способность обеспечивать рост ВВП в расчете на душу населения далеко не очевидна.

¹ См.: Knack S. Does Foreign Aid Promote Democracy? IRIS. Working Paper No 238. 2000. September.

В то же время проекты содействия демократическим институтам и свободной прессе, осуществлявшиеся частным «третьим сектором», прежде всего американским, подтвердили свою эффективность во многих странах, не исключая и Россию. Ничтожность объемов большинства таких проектов в России не могли качественно изменить ситуацию в целом, но без них даже нынешний скромный уровень развития независимых правозащитных организаций был бы недостижим.

Достаточно простые рассуждения относительно логики проведения постсоциалистических реформ приводят к выводу о целесообразности сконцентрировать помощь на их начальном этапе.

С одной стороны, не вызывает сомнения, что на разных этапах осуществления реформ готовность к их проведению весьма различна. Иными словами, надо принимать во внимание наличие «окон возможностей». На начальном этапе реформ и особенно тогда, когда у власти находится правительство реформаторов (первое постсоциалистическое правительство), возможности прорыва в ходе реформ, в преодолении тяжелого кризиса вполне реальны. К тому же восприимчивость к техпомощи, наличие соответствующих институтов являются не только предпосылкой, но и результатом проведения реформ. Скажем, либерализация и макроэкономическая стабилизация, более эффективные при наличии институтов рыночной экономики (прежде всего частной собственности), сами создают важные предпосылки для развития этих институтов. И напротив, продуманная приватизация способна создать условия для более устойчивых результатов в области макроэкономической стабилизации.

С другой стороны, для начального этапа реформ, в момент либерализации цен и открытия рынков, характерен низкий обменный курс национальной валюты. Тем самым ценность средств, предоставляемых в свободно конвертируемой валюте, для реформаторского правительства весьма высока, и даже небольшая по объему помощь может дать весомый социальный и политический результат. Ситуация эта не может сохраняться долго, вскоре обменный курс начинает укрепляться, что существенно повышает цену

осуществления реформ. Скажем, если в первые месяцы реформ в России 10–15 долл. были вполне приличной заработной платой, то за два года уровень «приличной зарплаты» вырос примерно в десять раз (понятие «приличная» менее строго, чем среднестатистическая, зато и много точнее). Причем значительная часть скачка пришлась на первые полгода со дня отпуска цен. Соответственно происходило быстрое падение значимости иностранной помощи.

Эти рассуждения, по нашему мнению, вполне согласуются с тезисом М. Дабровского о слишком ранней помощи применительно к России 1993–1994 годов. Он обращает внимание на необходимость формирования консенсуса относительно принципов осуществляемых реформ как предпосылки эффективности предоставляемой помощи¹. Понятия «слишком рано» и «слишком поздно» нельзя считать абсолютно противоположными в реальной экономико-политической жизни. Формирование консенсуса не может рассматриваться как экзогенный фактор реформ, приходящий откуда-то извне. Готовность к глубоким реформам сама зависит от множества конкретных черт жизни данной страны в данный отрезок времени. Готовность российского общества воспринять последовательные, глубокие реформы в начале 1992 года была выше, чем в 1993–1994 годы, что следовало учитывать при принятии донорами решений о финансовой помощи.

Международная помощь и «окно возможностей» реформаторов

Проблема «окна возможностей» остается не очень хорошо изученной в современной литературе, посвященной постсоциалистической трансформации. Существует лишь общая полемика между реформаторами и их критиками относительно значимости этого феномена и целесообразности его учета при осуществлении экономической политики. Реформаторы-практики, как правило, рассматривают «окно

¹ См.: *Dabrowski M.* Western Aid Conditionality and the Post-Communist Transition. Warsaw, 1995. P. 17.

возможностей» в качестве значимого экзогенного фактора и считают необходимой концентрацию максимума усилий для проведения максимального набора преобразований, когда для этого возникают политические возможности¹. Возражения против подобного тезиса (в основном идущие от реформаторов-теоретиков) сводятся к тому, что такая политика оказывается непоследовательной, не всегда опирается на политическую волю избирателей и даже подрывает политическую базу реформ из-за неготовности большинства населения принимать реформаторский пакет целиком. Соответственно критикуется и предоставление иностранной помощи в логике «окна возможностей», вместо чего предлагается дожидаться формирования твердой прореформенной коалиции и только тогда начинать сотрудничать с правительством данной страны.

В принципе помощь действительно оказывается эффективнее всего там, где благодаря своевременному и последовательному проведению реформ могут легко обойтись и без нее. Наличие твердого реформаторского большинства облегчает процедуру согласования и предоставления помощи, а главное, уменьшает число обвинений в неэффективности помощи. Это видно даже при беглом сравнительном анализе двух групп постсоциалистических стран: Словении, Польши, Венгрии, Чехии, Эстонии, с одной стороны, и Украины, Казахстана, Молдавии, Румынии — с другой. Это же можно проследить при анализе эффективности реформаторских усилий на субнациональном уровне. Как свидетельствуют примеры реализации проектов Всемирного банка в отдельных регионах России, наилучшие результаты достигались там, где налицо было стремление местных властей осуществить соответствующие реформы (в области ЖКХ, развития городского транспорта, финансового оздоровления и т. п.). Модель, которая будет рассмотрена ниже, дает определенное подтверждение этому тезису.

¹ Об «окнах возможностей» в российских реформах см.: *Жаворонков С.В., Яновский К.Э.* Политическая экономия реформы: механизм принятия решений на этапах революции и стабилизации // Эффективность осуществления государственного управления в России. М.: Институт права и публичной политики, 2002. С. 124–136.

На национальном уровне готовность принятия реформ может быть измерена результатами выборов и проявляется в наличии или отсутствии реформаторского большинства в законодательном органе, а также в наличии или отсутствии последовательно реформаторской исполнительной власти (администрации). Последнее также предполагает спрос избирателя на институты, эффективно поддерживающие экономический рост. Этот спрос можно оценить по электоральной поддержке партий, готовых взять на себя ответственность за осуществление глубоких экономических реформ.

Однако при всей важности внутренних предпосылок для осуществления необходимых реформ не следует сбрасывать со счетов и принципиальную возможность внешнего позитивного влияния на логику и последовательность реформ. Иностранная помощь может оказаться очень важной как для удержания ситуации под контролем реформаторов, так и для ограничения экспериментаторства победивших антиреформаторов, нуждающихся в иностранной помощи (примеры этого — администрации президентов И. Илиеску в Румынии, П. Лучинского в Молдавии, а также, отчасти, социалистического правительства в Болгарии).

В некоторых случаях финансовая помощь, предоставляемая для осуществления реформ в отдельных, значимых секторах экономики, может оказать существенное влияние на общую (в том числе и социальную) стабилизацию в стране. Примером может служить реформирование угольной отрасли в России, Румынии, Польше, поддерживавшееся займами Всемирного банка. Если эта помощь совпадает по времени с открытым «окном возможностей», она снижает вероятность «закрытия окна» или по крайней мере существенно ослабляет движение маятника в противоположную сторону.

Таким образом, международную помощь нельзя рассматривать как исключительно экзогенный фактор экономических и политических реформ. Разумеется, эта помощь наиболее эффективна при наличии ясно выраженного спроса на реформы со стороны народа и правительства данной страны, но политически она может оказаться и наименее значимой (реформы осуществились бы и без нее, хотя и с большими

издержками). Напротив, при неустойчивом политическом равновесии международная помощь может стать фактором, важным для удержания ситуации под контролем и для продолжения реформ, пусть даже и непоследовательных. В этом случае оценка значимости (эффективности) предоставленной помощи гораздо менее очевидна для самих доноров и нередко подвергается острой критике. Однако именно эта поддержка неустойчивых реформаторских действий может способствовать в перспективе улучшению и стабилизации ситуации.

Интересно посмотреть, как соотносилось «окно возможностей» реформаторской политики в постсоциалистической России с предоставлением ей международной помощи. Складывавшуюся ситуацию можно наглядно проиллюстрировать (см. рис. 1).



Рис. 1. Рассогласование политических условий и процедур распределения помощи и кредитов

Здесь выделены точки, применительно к которым можно оценить уровень поддержки реформаторов внутри страны (в процентах электоральной поддержки или рейтинга при проведении опросов). Опорными являются: 1991 год — голосование за Б. Ельцина; 1993 год — апрельский референдум, на котором большинство высказалось в поддержку

реформаторской экономической политики; 1994 год — выборы в Думу в декабре 1993 года (сумма голосов, отданных за списки демократических партий — ВР, РДДР, «Яблока»); 1995 год — выборы в Думу (сумма голосов, отданных за списки ДВР, «Вперед, Россия!» и ряда мелких реформаторских групп); 1996 год — выборы президента (праволиберальные блоки плюс условные 10% НДР); 1997 год — рейтинг Б. Немцова до последнего квартала (около 18%); 1999 год — сумма голосов, отданных на выборах СПС и «Яблоку».

Нетрудно заметить, что колебания в степени поддержки реформ не оказывали влияния на решения по предоставлению помощи России со стороны международных финансовых организаций¹. Во время первого «окна возможностей» (1992 год) и даже во время второго (сентябрь-декабрь 1993 года) помощь либо еще не подоспела, либо была минимальной (если не считать неоднозначного, а по мнению А. Аслунда, негативного влияния гуманитарной помощи). Исключением является так называемое испуганное финансирование весны 1996 года, когда возникли серьезные опасения прихода коммунистов к руководству страной в результате президентских выборов. Более того, пики иностранной помощи приходились как раз на провалы общественной поддержки реформ.

Теперь мы переходим к статистической проверке вывода о целесообразности концентрации помощи на начальном этапе постсоциалистических реформ.

Модель оценки эффективности программ помощи странам с переходной экономикой

Предположим, что реальным «окном возможностей» является реформаторское правительство, опирающееся в проведении реформ на твердое большинство в парламенте. Предлагаемая модель разработана для оценки зависимости динамики ВВП от таких факторов, как наличие

¹ См.: Foreign Assistance. International Efforts to Aid Russia's Transition Have Had Mixed Results. Report of General Accounting Office. USA, 2000. November.

реформаторского правительства и реформаторского большинства в парламенте, помощь международных организаций. Иными словами, мы анализируем соотношение роли МФО, с одной стороны, и собственно реформаторских программ — с другой, с точки зрения их влияния на различия в темпах роста ВВП на протяжении первого постсоциалистического десятилетия в странах с демократическими режимами. Для проверки значимости фактора времени во внимание принимается помощь, оказанная в первый и второй годы реформ, а также концентрация ресурсов помощи в остальные годы.

Проверяемая гипотеза состоит в том, что готовность страны (и ее властей) обойтись без иностранной помощи примерно равнозначна готовности принять и использовать эту помощь с наибольшей эффективностью. Готовность принять иностранную помощь оценивается по выявленному спросу населения на реформы, включая «готовность одобрить радикальные экономические средства»¹.

Значимость политических и связанных с ними институциональных факторов иллюстрируется с помощью модифицированной модели Р. Солоу². Предположим, что норма сбережений в модели Солоу не является экзогенно заданной и не определяет равновесия с набором других экзогенных переменных (темпами прироста населения, нормой амортизации капитала и долей инвестиций в технический прогресс). Гипотеза о зависимости нормы сбережений от оценок потенциальными инвесторами политических и правовых рисков представляется реалистичной.

Среди политических рисков нельзя обойти вниманием возможность победы на выборах сил, ориентированных в лучшем случае на расширение перераспределительных программ и усиление государственного регулирования, а в худшем — на демонтаж институтов правового государства и рыночной экономики как таковой. Следовательно,

¹ Бальцерович Л. Социализм. Капитализм. Трансформация. Очерки на рубеже эпох. М.: Наука, Изд-во УРАО, 1999. С. 167–168.

² См.: Solow R.M. A Contribution to the Theory of Economic Growth // Quarterly Journal of Economics. 1956. Vol. 70. No 1. P. 65–94.

при наличии формализованной классификации политических сил по уровню создаваемого риска (отсутствие значимых рисков, наличие рисков перераспределительных программ и избыточного регулирования, риск введения дискреционного регулирования как основного способа управления) можно использовать электоральную статистику как индикатор рисков.

Значение этих рисков можно соотнести с такими характеристиками программ помощи и самих стран — получателей помощи, как опыт работы с международными финансовыми организациями до начала реформ, размеры помощи, нормированные по численности населения и т. п.

Для верификации этой простейшей модели используем следующий набор наблюдаемых показателей (см. табл. 1).

Таблица 1

Переменные, используемые в модели

№	Обозначение переменной	Описание переменной
<i>Объясняемые переменные</i>		
1.	GDPcoeff00	ВВП 2000 года по отношению к ВВП 1989 года
<i>Исходные объясняющие (независимые) переменные</i>		
1.	RIGHTGOV	Последовательно реформаторское правительство первые два года реформ
2.	RIGHTPARL	Последовательно реформаторское большинство в парламенте первые два года реформ
3.	IMFCONC	Отношение наибольшего из валовых ассигнований МВФ за весь период к сумме всех валовых ассигнаций
4.	IMF1	Чистые ассигнования МВФ за первый год после начала реформ
5.	IMF2	Чистые ассигнования МВФ за второй год после начала реформ
6.	IMFR	Сумма чистых ассигнаций МВФ за все остальные годы
7.	WB1	Чистые ассигнования Всемирного банка (ВБ) за первый год после начала реформ
8.	WB2	Чистые ассигнования ВБ за второй год после начала реформ
9.	WBR	Чистые ассигнования ВБ за все остальные годы
10.	TACIS2*	Чистые ассигнования программ TACIS Европейского союза за второй год после начала реформ

Окончание таблицы 1

№	Обозначение переменной	Описание переменной
11.	TACISR	Сумма чистых ассигнований программ TACIS Европейского союза за все остальные годы
12.	GovBa10	Баланс бюджета центрального правительства (Central Government Balance) в год начала реформ
13.	GovBa11	Central Government Balance в первый год после года начала реформ
14.	ACTPROGR	Наличие обязательств по программам МФО в годы после начала реформ
<i>Главные компоненты</i>		
1.	4-я главная компонента**	В компоненту с наиболее существенными весами вошли политические факторы. Кроме них заметно отличаются от нуля веса баланса консолидированного бюджета, распределенные займы МФО (во второй год после начала реформ), а также концентрация займов МВФ

* Показатели, которые естественным образом обозначались бы как TACIS1 и WBCONC и оказались незначимыми и не использовались в модели; отсутствие полного набора данных по всем странам о годовом распределении не позволило использовать данные по программам USAID.

** Отсутствие других главных компонентов, оказавшихся существенно менее значимыми, статистически связано с выбором объясняемой переменной и, вероятно, с неполнотой набора исходных переменных.

В качестве объясняемой переменной выбран индекс ВВП 2000 года по отношению к ВВП 1989 года. Он колеблется от 1,42 у Польши до 0,33 у Молдавии.

В качестве независимых переменных на первом этапе анализа используются:

1) чистые распределенные средства МВФ, ВБ и ЕС (по программам TACIS) в первый год после начала постсоциалистических преобразований (для стран бывшего СССР и СФРЮ — 1992 год, для остальных стран, включенных в модель, — 1990 год). Программы USAID не включены в расчеты из-за отсутствия данных по распределению средств в каждой стране в каждый год;

2) то же во второй год после начала реформ;

3) сумма тех же средств за все оставшиеся годы, по 2000 год включительно;

4) концентрация кредитов (имела смысл только по кредитам МВФ из-за особенностей программ ВБ, практически

исключающих возможность выделения всей суммы сразу) — отношение наибольшего из валовых ассигнований за весь период к сумме всех валовых ассигнований;

5) дефицит центрального правительства в год начала постсоциалистических реформ;

6) то же в следующем году.

Логические переменные — наличие последовательно реформистского¹ правительства в первые два года реформ и наличие реформистского парламента в этот же период — принимают значения «+1» при наличии такого правительства (большинства последовательных реформаторов в высшем законодательном органе страны); «-1» — в очевидно обратном случае; «0» — в случае неочевидном либо смешанном (например, когда часть рассматриваемого периода функционировала последовательно реформаторская исполнительная власть, часть — иная власть).

Поскольку ряд стран (Румыния, Венгрия, республики бывшей СФРЮ) уже получали займы МФО, введены две логические переменные — наличие программ МФО в прошлом и наличие обязательств по таким программам на момент начала реформ (Румыния не имела обязательств перед МФО на 1989 год). В модель не включены Монголия и Белоруссия. В первом случае не удалось собрать полный набор сопоставимых данных. Исключение из анализа Белоруссии связано с двумя обстоятельствами: во-первых, данные ее официальной экономической статистики представляются значительно искаженными; во-вторых, проводимые здесь выборы с очень большой натяжкой можно считать свободными, а без этого невозможно выявлять реальный спрос населения на экономические и правовые реформы. Таким образом, мы имеем 17 наблюдений.

Используемые параметры заведомо коррелируют друг с другом. Чтобы обойти проблему мультиколлинеарности,

¹ Формальное определение последовательно реформистского (праволиберального) правительства или партии и методика формальной «сортировки» политических сил приведены в работе: *Мау В., Яновский К., Жаворонков С., Черный Д.* Результаты выборов как показатель спроса на институты на примере голосований в течение первого послереволюционного десятилетия в странах с переходной экономикой и молодой демократией. М.: ИЭПП, 2001.

использована программа факторного анализа (пакет SPSS). Регрессионная зависимость строится от полученных главных компонент.

Результаты построения модели не подтверждают гипотезу о наличии значимой связи между объясняемой и независимыми переменными (Significance: $0,056 > 0,05$). При этом Adjusted R-square было на уровне 0,166.

Надежные и значимые результаты получены в модели от четвертой главной компоненты. В нее с наиболее существенными весами вошли политические факторы. Кроме них заметно отличаются от нуля веса баланса консолидированного бюджета, распределенные займы МФО (во второй год после начала постсоциалистических реформ), а также концентрация займов МВФ. Следует подчеркнуть, что значимость суммы займов, распределенных после второго года реформ, крайне низка, значимость — не выше, чем сумма первого, и много меньше, чем второго года.

Таким образом, решающую роль играют факторы политической готовности страны-реципиента к эффективному использованию помощи; определенную роль играет также и концентрация усилий доноров. Последний фактор может оказываться значимым, в частности, благодаря тому, что концентрация поддержки реформаторского правительства повышает его шансы на победу на выборах и пролонгацию политической поддержки реформ. Полученная регрессионная зависимость имеет вид:

$$\text{GDPcoeff} = 0,81 + 0,15 \times \text{Factor4}, R^2 = 0,291.$$

Разумеется, этот результат — не более чем иллюстрация, а не обоснование высказанных выше предположений, основанных скорее на здравом смысле. Слишком мало число наблюдений при достаточно большом количестве переменных. Однако приведенные ниже результаты подтверждают корректность использования такой иллюстрации.

Парные регрессии, давшие статистически значимые результаты, подтверждают выводы о наибольшей значимости политических факторов (второе и третье соотношение),

Таблица 2

Парные регрессии

№	Объясняемые переменные	Независимые переменные	R ² (скорректированный)	t-статистика
1.	GDPcoeff00	$0,703 \times \text{IMFCONC}$	0,253	2,53
2.	GDPcoeff00	$0,033 \times \text{RIGHTPARL}$	0,598	4,38
3.	GDPcoeff00	$0,227 \times \text{RIGHTGOV}$	0,318	2,91
4.	GDPcoeff00	$0,017 \times \text{GGovBa11}$	0,346	2,71

значимости концентрации финансирования МВФ, а также сбалансированности бюджета уже на старте реформ.

* * *

Проведенное исследование позволяет сделать лишь общие выводы о роли финансовой помощи. Наш анализ имеет преимущественно статистический характер, тогда как для оценки конкретных решений относительно предоставления или не предоставления помощи необходим учет самых разнообразных обстоятельств места и времени. Из всего вышесказанного, например, вряд ли можно сделать однозначный вывод о справедливости упреков Дж. Сакса («МВФ дает России слишком мало и слишком поздно»), однако некоторый дополнительный аргумент в пользу данного тезиса мы все-таки получаем.

Подтверждена ключевая роль внутренних (внутриполитических) факторов осуществления реформ в переходных странах: наличие спроса на реформы со стороны населения, становление политически устойчивых реформистских правительств, формирование достаточно широкого консенсуса относительно перехода к рыночной экономике. Применительно к большинству стран Центральной и Восточной Европы вопрос о внешних стимулах не был столь важным, поскольку эти страны стремились как можно скорее прийти в Европу. Для них серьезную

роль играли не только финансовая помощь, но и открытие рынков.

Сложнее ситуация в России и в некоторых других странах СНГ. Приверженность рыночной демократии здесь не была очевидна, колебания серьезно влияли на эффективность реформ и использования международной помощи. Вероятно, помощь международных финансовых организаций предотвратила политические кризисы и экономические срывы, гораздо более глубокие и тяжелые, чем те, с которыми столкнулась Россия за последние десять лет. Сказанное относится и к 1996 году, когда проходили критические с точки зрения реформ президентские выборы. Однако вписаться в «окно возможностей» ни реформаторам, ни поддерживавшим их руководителям МФО не удалось, а сами их представления о необходимых и достаточных чертах такого «окна» оказались, по всей видимости, неточными.

Еще один вывод следует из признания факта доминирующей роли «спроса на реформы» по отношению к иностранной помощи. Помощь в строительстве новых институтов — как политических, так и экономических — является приоритетным направлением предоставления помощи. В условиях глубоких структурных реформ строительство институтов важнее, чем собственно производственные инвестиции, поскольку именно отсутствие необходимой институциональной среды становится главным препятствием на пути притока инвестиций. А принудительное (государственное) инвестирование оказывается крайне неэффективным из-за отсутствия необходимой инфраструктуры (прежде всего политических и правоохранительных институтов).

Разумеется, институты не возникают мгновенно, и на разных этапах реформ на передний план государственной политики выдвигается формирование разных институтов. Скажем, на первых этапах постсоциалистических реформ ключевую роль играло формирование институтов, обеспечивающих макроэкономическую стабильность, а применительно к России — еще и гарантирующих от коммунистического реванша. Именно поэтому основное внимание тогда было уделено созданию современной конституции,

бюджетного и банковского законодательства, а также приватизации. И только после этого можно было вести речь о развитии финансовых рынков, реформе трудового и социального законодательства, разного рода налоговых и социальных новациях.

Роль институционального строительства не только не ослабевает, но еще более возрастает по мере развития постсоциалистических реформ. Осуществляемые мероприятия оказываются уже не столь эффективными, как либерализация цен, стабилизация или приватизация, однако их воздействие на дальнейшее развитие страны ничуть не менее значимо.

Спрос на реформы не только является абсолютной доминантой по отношению к помощи. Результаты проведенного выше исследования можно интерпретировать и таким образом, что наличие реального спроса на реформы существенно повышает эффективность самой предоставляемой помощи, тогда как обратное влияние возможно лишь в ограниченной мере и в отдельные моменты реформ. Тем самым при решении вопроса о выделении помощи и ее приоритетах целесообразно ориентироваться на пожелания принимающей стороны и ее намерения по достижению тех или иных целей. В случае совпадения приоритетов и намерений с пониманием этих вопросов донором последний может принять решение о финансировании данного проекта. Навязывание же той или иной модели поведения (политики) практически всегда оказывается неэффективным.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абалкин Л.И. 23, 26, 238–240, 251–252, 426, 432, 435, 452, 720

Авен П.О. 722

Автономов В.С. 500, 502

Аганбегян А.Г. 23, 429, 435

Александр II 14

Александр III 14

Александров И.Г. 123, 203

Альенде С. 654

Альский Р. 136

Альтер Л. 215

Андропов Ю.Н. 341

Анчишкин А.И. 23

Анчишкин И.А. 228

Архангельский С. 484

Аслунд А. 809

Афонцев С.А. 502

Бабеф Г. 37–38, 45

Базаров В.А. 47–48, 56, 62–63, 88, 114, 116, 122–124, 126–127, 144, 163, 167, 177, 186–193, 197–198, 200–202, 206, 208–209, 247, 362–363, 416, 419, 438, 482

Бакулин И. 208

Бальцерович Л. 727, 810

Баран П. 798

Бастиа Ф. 499

Бауэр П. 799, 800, 802

Бачурин А.В. 244–245

Бебель А. 45
Белоусов Р.А. 251
Берк Э. 545
Бирбраер М. 126, 128–129, 204
Бирман А.М. 20, 246
Бисмарк О. фон 469
Богданов А.А. 96–97, 410
Боголепов М.И. 403
Богомолов О.Т. 720
Бор М. З. 228
Борилин Б. 214
Брагинский Б.И. 228, 332
Бреев М.В. 228
Бринтон К. 487, 534
Бруно М. 764
Бруцкус Б.Д. 198, 246–247, 362, 438, 778
Бунич П.Г. 239, 248–249, 292, 435
Бурбулис Г.Э. 27
Бухарин Н.И. 56, 58, 99, 113, 198, 417, 721

Вайзберг Р.Е. 201, 208
Вайр Ф. 749
Вайцман М. 736
Ванштейн Альб. Л. 62, 126–128, 130, 156, 204, 205
Васильев Д. 730
Вег К. 764
Вите С.Ю. 15
Власов Н. 215
Вознесенский Н.А. 216–217
Вольский А.И. 720

Гайдар Е.Т. 8, 10, 26–27, 34, 249, 430, 442, 446, 475, 510, 518, 527–529, 564–565, 569, 638–639, 647–648, 661, 671, 674, 676, 695, 726–728, 730, 743, 751, 757, 773, 781–782, 792, 795, 799, 801

Гальперин Ц. 209
Гамбарян М.А. 611
Гастев А.К. 52, 414

- Гед Ж. 45–46
Гинзбург А.М. 56, 63, 114, 117, 1 26, 177–178, 181–182, 198, 200
Гладков И. 219
Голдстоун Дж. 496, 536, 746
Гор А. 565
Горбачев М.С. 22, 255, 260, 298, 425, 427, 429, 431–433, 436, 440, 442, 446, 448–449, 457, 462, 468, 540, 556, 640, 642, 662, 721, 722–723, 749–750
Городецкий Е.С. 240
Горький А.М. 186
Гостев Б.И. 323
Григорьев 119, 145–146
Громан В.Г. 85, 88, 126, 143–144, 154, 198, 202, 405, 417
Гузньева А.Г. 234
Гукасов П.О. 395
Гусев С.И. 195–196, 414
- Дабровский М. 805
Далин С.А. 479, 480, 545, 753
Дана Дж. 539
Данилов В.П. 59
Дантон Ж.Ж. 108
Дарбин Дж. 621
Дезен А. 63, 147
Дементьев Г. 207–208
Державин М.М. 345
Дзержинский Ф.Э. 58, 417–418
Диксит А. 598
Дмитренко П.В. 59
Дмитриев В. 366
Дмитриев М. 776
Дорнбуш Р. 607
Дробышевский С.М. 795
Дроздов В.В. 34
Дубин С. 768
Дубинин С. 708
Дунаев Э.Л. 252
Дэн Сяопин 720, 722

Ельцин Б.Н. 27, 440, 468, 528, 545, 573–574, 580, 615, 620–621, 627, 630, 632, 648–649, 665, 677, 682–683, 704, 710, 717, 751, 808

Еремин А.М. 244

Жаворонков С.В. 795, 806, 813

Жириновский В.В. 634

Задорнов М. 708

Замятин Е.И. 52

Заславская Т.И. 429

Зеленовский А. 219

Зюганов Г. 634

Иванченко В.М. 254

Илиеска И. 807

Илларионов А. 696, 722

Интриллигейтор М. 719–720

Кабаидзе В.П. 320

Кактынь А.М. 56, 142–143, 177–179, 183, 197–198, 362, 414–417

Калецкий М. 799

Каменев А.Л. 136

Карагедов Р.Г. 241

Кафенгауз Л.Б. 88

Кашин В.Н. 231, 234

Кебич В. 575

Кейнс Дж. М. 737

Керенский А.Ф. 87, 101

Кириенко С. 697–698, 705, 708, 710, 743, 766

Кириченко Н. 646

Кисилев В. 330

Кисилев С.М. 154–155, 158

Клямкин И. 673, 675

Кнэку С. 803

Ковалевский Н.А. 162, 200, 203

Коваль Н.С. 228, 332

Козлов Г.А. 224, 233

- Коковцов В.Н. 15
Кондратьев Н.Д. 88, 122, 126–129, 131–132, 155–156, 198, 200, 204, 362, 365, 418
Конник И.И. 238
Корнаи Я. 34, 248
Косыгин А.Н. 20
Косяченко Г. 219
Котов В.Ф. 243, 245
Котц Д. 749
Кошкин В.И. 249
Коэн С. 99
Красин Л.Б. 417
Кржижановский Г.М. 68–77, 79, 136, 141, 183, 199, 297
Крицман Л.Н. 51, 53, 88, 117, 172, 175–176, 195–196, 248, 362, 413–414, 416
Кромвель О. 9, 777
Кронрод Я. А. 234,
Круммин Г. 152
Кубашин М. 365
Кугельман Л. 234
Кузьминов И.И. 228, 231–233, 235
Куйбышев В.В. 68, 72–76, 78–79
Курский А.Д. 216, 228
Кутлер Н.Н. 88
- Ларин М. 362
Ларин Ю. А. 59, 107, 170, 195, 362
Лафарг П. 45–46
Лебедь А. 634
Левин В. 238
Лельчук В.С. 59
Ленин В.И. 46, 50, 58, 64, 68, 92, 99, 102, 106, 108, 112–113, 137, 166–168, 172, 180, 184, 186, 203, 211, 229, 303, 327, 383–384, 396, 408, 417, 431, 482, 732
Либерман Е.Г. 20
Лившиц А. 663
Лозовский С.А. 88
Локшин Э. 221–222, 227–228
Ломов Г.И. 200

Лопаткин В.Г. 233

Лучинский П. 807

Львов Д. 720

Мазовецкий Т. 727

Макаров В. 720

Макаров Н.П. 126, 128–130, 198, 204–205

Макфоул М. 746

Малле С. 529

Малов А. 646

Маркс К. 41–45, 52, 67–68, 79, 166, 211, 226, 234, 238, 290
326–327, 332, 357

Мартов Л. 108–109, 111

Мартынов В.А. 500, 502

Маршалл А. 795, 799

Маслов П.П. 88

Мау В.А. 34, 247, 325, 431, 496, 504–505, 613, 652, 715,
746–748, 813

Медведев Вад. А. 239–240, 250, 432

Межлаука В.И. 209

Мергелов Г.С. 241

Мигранян А. 673, 675

Мигулин П.П. 396–397

Мизес Л. 247, 438

Милютин В. 171, 181

Мирский Б. 107

Михайловский Н.Н. 47

Моисеенко Н.А. 243–244

Мюрдаль Г. 798

Найшуль В. 674

Наполеон Бонапарт 561

Немцов Б.Е. 704, 707

Немчинов В.С. 20, 144

Николай II 14

Новожилов В.В. 20, 158, 160, 162, 660, 778

Нордхауз У. 612

Норт Д. 542

Ноув А. 638

Огановский Н. 63
Осадчая И.М. 500, 502
Осадчий П.С. 139–140, 200, 421
Ослунд А. 763
Островитянов К.В. 216–218

Павлов В. 452, 461–462, 464
Пальчинский П.И. 88
Панфилова Ю. 733
Паппе Я.Ш. 505, 516
Пашков А.И. 228, 231, 233–234
Петелин А. 589
Петр I 14
Петраков Н.Я. 23, 251–252, 435, 437
Пешехонов В.А. 228–230
Пиночет А. 677
Поликарпов А. 244
Попов М.В. 243–244
Попов П.И. 203
Преображенский Е.А. 58–59, 362
Примаков Е.М. 30, 711, 720, 743, 782
Прокопович С.Н. 87
Прокофьев Ю. 674–675
Пугачев В. 589
Путин В.В. 9, 545, 743, 781, 7 85

Радаев В.В. 241, 277
Радыгин А. 729–731
Ракитский Б.В. 240, 247, 435–436
Рафалович А.Л. 198, 362
Репше Я.Х. 162–163
Робеспьер М. 108
Родзянко М.В. 82
Россер Дж. 749
Россер М. 749
Роуз Р. 718–719
Румянцев А.М. 432, 439,
Рыжков Н.И. 26, 428, 452, 454–455 , 457, 459, 642, 662,
721–722

Рыков А.И. 113, 417–418

Рябушинский П.П. 395

Рязанов Д.Б. 88

Саввин Н.Н. 90,

Савчук П.О. 231

Саков М. 224

Сакс Дж. 736, 801, 815

Самуэльсон П. 798

Сарабьянов В.Н. 56, 177, 184, 198

Сахаи Р. 764

Святицкий Н.В. 171

Сегвари И. 742

Семенов А. 733

Семенов Ю. 454

Сен–Симон А. 40

Сигов И. 94–95, 410

Синельников С.Г. 491, 587, 652, 795

Ситарян С.А. 452

Скворцов–Степанов И.И. 186, 412

Скобелев М.И. 87, 407

Слопин Д. 722

Слуцкий Е. 366

Смилга И.Т. 154–155

Смирнов В. 771

Соболь В.А. 236

Сокольников Г.Я. 56, 135–136, 157–158, 164, 198, 420, 422

Солоу Р. 810

Сорокин Г.М. 219, 222, 228, 231

Сталин И.В. 109, 220, 226, 248, 561, 778

Старк Д. 764

Стародубовский В.Г. 241

Стародубовская И.В. 34, 277, 289, 325, 467, 496, 681,
746–747

Степанов И. 112, 247, 382, 438

Степашин С.В. 743

Стецкий А. 208

Стиглиц Дж. 598, 718, 725, 729, 732–733, 735, 738–739,
745, 749, 752, 754, 801

- Столыпин П.А. 15
Струве П.Б. 88
Струмилин С.Г. 61, 63, 79, 125, 127, 143–145, 154–155, 181, 184, 198–199, 201, 206, 228, 363
Ступин В. 613
Субоцкий Ю.В. 241
Сэй Ж-Б. 499
- Таль Б. 212
Тейлор Ф. У. 52
Токвиль А. 469, 497
Трейсман Д. 507, 748, 763
Третьяков С.Н. 395, 407
Трофимов Г.Ю. 587, 652
Троцкий Л.Д. 109, 172–173, 195–196, 414
Тулепов М. 68
Турунцева М.Ю. 795
Тэтчер М. 755, 769
Тюрина Е. 143
- Уотсон Дж. 621
Устрялов Н. 107–108
- Фалькнер С.А. 545, 764
Федоренко Н.П. 241, 252
Федоров Б. 646
Фельдман Г.А. 203–204
Фишер П. 621, 739, 725
Фишер С. 764
Форд Г. 52, 393
Фукуяма Ф. 538, 751
Фурье Ш. 40–41, 327
Фухимори А. 678
Фюре Ф. 471
- Хайек Ф. 246, 393, 737–738
Хаксли О. 52
Хантингтон С. 531, 667
Хрущев Н. 446, 448

Цаголов Н.А. 225–226

Ципко А.С. 471

Цыперович Г.В. 88

Чаянов А. 365

Черковец В.Н. 231, 235, 239–240, 253

Черненко К. 447

Черниченко Ю. 330

Черномырдин В.С. 537, 564, 569, 574, 580–581, 585, 591, 602, 606, 648, 701, 703–705, 709, 743

Черный Д. 813

Черняк В. 299

Чистякова Л. 238

Чубайс А.Б. 573, 701, 707, 730

Чубутский П. 198

Шаванс Б. 764

Шанин Л. 127, 157, 206

Шапошников Н. 140, 362, 421

Шаталин С.С. 26, 252, 437, 729

Шаталов С.Д. 23

Шехет Н. 285

Ширвиндт А.А. 345

Ширинский И.Д. 217, 233

Шляйфер А. 507, 748, 763

Шмелев Н. 451–452

Шохин А.Н. 27

Шумпетер Й. 737

Щербаков В. 452

Эллерман Д. 732

Энгельс Ф. 41–45, 68, 166, 211, 234, 290, 326–327, 332

Эрроу К. Дж. 725

Эстерли У. 800–802

Юнь О.М. 248

Юровский Л.Н. 156, 198, 352, 363

Явлинский Г.А. 26, 443, 465, 634, 646, 729
Яковлев А.Н. 325
Яновский К. 795, 806, 810, 813
Ясин Е.Г. 23, 34, 573
Ясный Н.М. 84, 405

Aftalion F. 478, 481, 483, 485, 506, 545, 747, 753
Alesina A. 611, 639, 653, 673
Arendt H. 487
Ashley M. 506, 489, 747
Aslund A. 501, 527, 736, 757, 763
Astalion F. 506
Atkinson A. 670

Baran P.A. 798
Bauer P. 799–800
Bauman Z. 768
Bialer S. 491
Blanschard O. 598
Boettke P.J. 426
Bottigheimer K. 484
Brinton C. 487, 534, 746
Brovkin V. 718, 725, 728, 736
Brunetta R. 669
Burdekin B.C.K. 508, 679
Burkett P. 508, 679

Clague L. 502
Cobban A. 487
Colton T. 491
Crouzet F. 499
Cukierman A. 651

Dabrowski M. 805
Dell Aringa C. 669
Dixit A. 598
Dornbusch R. 509, 592, 639, 681
Drezen A. 508
Dunn J. 539

Edwards S. 509, 592, 639, 681

Fisher S. 501, 598

Fuhrer J. 598

Furet F. 471, 753

Fukuyama F. 538, 751

Furet F. 471, 753

Gardiner K. 670

Godstone J. 470, 487

Goldman M.I. 426

Granville B. 589

Gylfason Th. 792

Haggard S. 611

Huntington S. 475, 501, 531, 6 77

Harris S. 479

Henderson W. 489

Hirschman A. 469, 497

Kalecki M. 799

Kaufman R.R. 611, 658

Kirsow 613

Knack S. 803

Kots D. 749

Lipset S.M. 531

Maddison A. 667

McFaul M. 746

Meltzev A.A. 651

Micklewright J. 670

Moore J. 598

Morita T. 718

Myrdal G. 798

Nelson J.M. 502

Nordhaus W. 651

Nove A. 426

Persson T. 639, 651

Rose R. 718–719

Rosser J.B. 768, 749

Rosser M.V. 768, 749

Roubini N. 611, 639

Sachs J. 669, 736

Sahay R. 501

Shleifer A. 507, 748, 763

Solow R.M. 810

Stalling S.B. 658

Stiglitz J. 598, 718, 732

Tabellini G. 639, 651

Taylor J. 598

Thane G. 491

Thirsk J. 484, 487

Treisman D. 507, 630, 748, 763

Vanhanen T. 531

Vegh C.A. 501

Walker L. 502

Warner A. 802

Weir F. 749

Weitzman M. 736

Williamson J. 640

Zoega G. 792

Volume 5
ECONOMIC HISTORY
AND ECONOMIC POLICY

Book 1

CONTENTS

Preface	8
----------------------	---

Part I. Soviet economy: making and development	11
---	----

Economy. A historical study	13
The contradictions of socialist doctrine (a historical study)	35
Marx's doctrine of orderliness and the questions of the continuity of planning in the works of G.M. Krzyzanovsky and V.V. Kuybishev	67
Halfway to «war communism»	80
Nep in the context of Russian revolution	98
Nep and planning	116
First volleys on the front of planning: Gosplan and Narkomfin in 1922-1925	133
At the rise of commodity deficit	149
Bureaucratism and planned economy: the studies of the first post-revolutionary decade	165
V.A. Bazarov	186
The concepts of national economy planning	194
The questions of orderliness of socialist economy in economic literature (1936-1954)	211

The treatment of the contents of the law of planned development in the Soviet economic literature (1950s – early 1960s)	225
The questions of improvement of economic mechanism	237
New methods of economic management and perfection of planning	254
The mechanism of planned economy: the tendencies of development and perfection	266
Expropriation and economic mechanism	277
The fetishism of planning: political and economic assessment is required.....	289
The realization of socialist property in the new type of economical centralism	300
The mechanism of slowdown in political economy of socialism.....	325
The economy of stagnation: the way to nowhere	340
The history of the Soviet economics: summing up	346
Part II. Economic problems of revolutions	369
Perestroika as a revolution: the experience of the past and the attempt of the forecast.....	371
Revolution and economic policy.....	389
Perestroika: theoretical and political problems of economic reforms	425
Economic regularities of revolutionary process.....	467
Economy and revolution: the lessons of history.....	495
Post-communist Russia: the particularity of revolutionary reforms	500
Modern Russian transformation through the prism of economic history of revolutions.....	533
Part III. Post-communist transformation	553
Modern political situation and the perspectives of the reforms in Russia	555
On the eve: political and economic situation in Russia the day before parliamentary elections	576
The alternatives of economic policy and the problems of inflation.....	587
Economy and the elections: the experience of quantitative analysis.....	611

Five years of post-communist development of Russia: the logic of economic and political transformations	637
Russian reforms through the prism of the experience of Latin America	666
Political nature and the lessons of financial crisis	693
Russian economic reforms in the eyes of Western critics.....	717
Russian economic reforms: historical and economic context and modern challenges.....	765
The aid to post-socialist countries: the factors of efficiency	795
Name Index	818
Summary	834

SUMMARY

In the first book of Volume 5 are represented the papers on various aspects of economic history and economic policy that became the result of 30 years of researches carried out by the author in the Institute of Economy of the academy of Sciences of the USSR, in the Institute of Economic policy, in the Work Centre of economic Reforms at the Government of Russia and in the Academy of National Economy. The papers are classified by topical sections: the history of Soviet economy, its making, the attempts of reforms and crises; the theory of revolutionary transformation; the analysis of particular aspects of Russia's social and economic development in terms of drastic post-communist transformation.

Научное издание

Мау Владимир Александрович

СОЧИНЕНИЯ

Том 5

**Экономическая история
и экономическая политика
Статьи**

Книга 1

Выпускающий редактор *Е.В. Попова*

Редактор-корректор *О.В. Герасенкова*

Художник *В.П. Кориунов*

Компьютерная верстка *И.А. Колли*

Подписано в печать 12.03.2013. Формат 60×90¹/₁₆

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 52,5

Тираж 2000 (1-й завод – 1000) экз. Изд № 673. Заказ №

Издательский дом «Дело» РАНХиГС

119571, Москва, пр-т Вернадского, 82-84

Коммерческий отдел – тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02

com@anx.ru

www.domdelo.org

ISBN: 978-5-7749-0819-6



9 785774 908196

